# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ

# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ

ЛАСЛО ДЭЖЕ

# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ



AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ВЕНГРИИ БУДАПЕШТ

РЕЦЕНЗЕНТЫ

ИШТВАН КНИЕЖА
ЭМИЛЬ БАЛЕЦКИЙ



ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ИВАНА АРТЕМОВИЧА ПАНЬКЕВИЧА

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из задач венгерской славистики является собирание, лингвистическая обработка и публикация славянских языковых памятников. В нашей стране наряду со словацкими, сербохорватскими и словенскими памятниками находятся и украинские, главным образом, бумаги урбариальной реформы, но встречаются также грамоты, записи на церковных книгах и др. Грамоты, урбары, переписи Государственного Архива, содержащие очень много украинских фамилий, дают ценный материал не только для исследований по истории, но и для исторической диалектологии Закарпатья. В ходе собирания и обработки бумаг урбариальной реформы XVIII в. нам казалось необходимым привлечь и более старые памятники для того, чтобы установить развитие языка. Так, мы рассмотрели ценнейшие памятники закарпатской украинской литературы: марамарошские Няговские Поучения XVI в., полемические сочинения Михаила Андреллы (Оросвиговского) и группу неоригинальных марамарошских памятников XVII в. В книге рассматривается формирование закарпатских говоров и грамматика Няговской Постиллы XVI в. В серии статей изучается грамматика памятников XVII—XVIII вв. Публикуются словарь Няговской Постиллы, словарь деловой письменности Закарпатья и статьи о лексике памятников XVI—XVIII вв. (см. I. 1 и Библиографию). Рассматриваемые памятники возникли в восточной части Закарпатья, и в них отражаются восточные закарпатские говоры, хотя в некоторых памятниках можно обнаружить более или менее значительное влияние западных закарпатских говоров. Итак, наши работы составляют определенное единство благодаря территориальной общности места возникновения этих памятников. В них мы хотим осветить историческое развитие закарпатских говоров и закарпатского литературного языка.

С чувством глубокой благодарности должен я отметить помощь, которую оказал мне покойный И. А. Панькевич своими ценными указаниями, замечаниями о некоторых главах книги и выступлением на защите моей диссертации. Я выражаю благодарность моим оппонентам Ласло Хадровичу, Дюле Дечи, а за чтение рукописи—покойному Иштвану Книеже и Эмилю Балецкому, обратившему мое внимание на урбариальные записи, которые были исходным пунктом моих исследований. Э. Балецкий оказал мне значительную помощь, особенно своими информациями о современном состоянии говоров. За советы по вопросам венгерского и румынского языков и венгерской истории я благодарю Гезу Барци, Лайоша Тамаша, Йожефа Перени и Иштвана Шинковича.

# I. ОБ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ

## 1. КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ

Уже Иосиф Добровский, отец славистики, обратил внимание на украинские говоры Закарпатья. Как и во многих отраслях славистики, так и в области изучения закарпатских говоров на основании его деятельности вырисовываются те задачи, решение которых являлось и является целью последующих поколений украинистов. Добровский интересовался языком закарпатских украинцев, изучал печатные тексты, указал на необходимость собирания и исследования старых памятников Закарпатья. (Новейшей работой по этому вопросу является: А. М. Рот „Иосиф Добровский о языке закарпатских украинцев" НЗ УДУ IX 245—260.)

Под влиянием деятельности Добровского возникла первая значительная работа по закарпатской украинской филологии Михаила Лучкая „Grammatica slavo-ruthena seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpathicis parvo-russicae, ceu dialecti vigentio linguae." Budae, 1830, которая рассматривает, кроме форм церковнославянского языка, и параллельные явления закарпатских говоров, а, кроме того, дает и диалектные тексты. Сочинение Михаила Лучкая представляет собой значительную ценность с точки зрения истории украинского языкознания, служит важным источником для установления состояния языка первой половины XIX в. Грамматика Лучкая с полным правом заслужила высокую оценку и то внимание, которое было ей оказано закарпатскими и другими славистами.

Во второй половине XIX века исследователи уже заметили, что данные закарпатских говоров очень важны с точки зрения изучения восточнославянских языков. В это время вышел первый общий обзор закарпатских говоров из-под пера неутомимого исследователя украинских диалектов, Ивана Верхратского, прошедшего всю закарпатскую языковую область. Результаты его наблюдений содержат „Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів" I., II. (сокращ. Вх. I, II), без которых мы не можем обойтись даже сегодня. Работа прекрасного знатока фонетики славянских языков Олафа Броха „Угрорусское наречие села Убли" отличается тонким и точным анализом звуковых явлений. Его наблюдения во многих отношениях являются характерными и для остальной части закарпатской языковой области. Важными являются также его работы по украинско-словацкой языковой границе (Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn., Weitere Studien von der

* Библиографические данные работ по исторической диалектологии закарпатских говоров см. в краткой библиографии или в списке сокращений, помещенных в конце книги. Библиографические данные редко упоминаемых работ приводятся при первой ссылке.

slovak.-klr. Sprachgrenze). Кроме них до войны были опубликованы и иные важные работы разных авторов (Д. Огоновского, В. Гнатюка, А. Бонкало и др., словарь Л. Чопея), но мы не можем ставить себе задачей даже их беглое рассмотрение, так как мы ограничимся только теми важнейшими работами, которые трактуют об истории закарпатских говоров или содержат материалы языковых памятников.

Краткие памятники публикуются А. Кралицким уже в конце 60-х и в начале 70-х годов в газете „Свет". Тут вышли впервые грамоты Имстичевского и Заречского монастырей. Работа Э. Сабова „Христоматия церковнославянских и угрорусских литературных памятников с прибавлением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях" содержит ряд памятников. Автор Христоматии определяет основные периоды развития закарпатской литературы, а, кроме того, приводит и замечания о литературном языке закарпатских украинцев.

Изучение истории Закарпатья стояло в центре исследований А. Петрова. В ходе работы в данной области он нашел целый ряд бóльших и меньших памятников, в том числе и весьма ценных. Уже в четвертом томе „Материалов для истории Угорской (позже Подкарпатской) Руси" (так называется серия его работ по истории Закарпатья) он публикует языковые памятники, из которых самыми важными являются „Гукливская летопись" и „Заговоры и заклинания XVIII в." Пятый том Материалов посвящается публикации и историческому разбору „Печатного Урбара" (сокращ. ПУ). Автор здесь указывает даже на некоторые фонетические и морфологические особенности Урбара и дает словарик к тексту. В том же томе опубликованы урбариальные записки крестьян о неимении жалоб на своих помещиков и несколько урбариальных записей. Шестой том не содержит языковых памятников, но зато можно найти в нем ценный материал по истории заселения Закарпатья. Большой заслугой А. Петрова можно считать издание „Няговских Поучений на евангелие по списку 1758 года" в VII-м томе Материалов. Его издание отлично; его можно хорошо использовать для лингвистических исследований, что в свое время заметил и В. Ягич (Archiv für slavische Philologie 36 : 496—504). В том же томе напечатаны выдержки из сочинений Михаила Андреллы. Сохранившиеся труды страстного закарпатского полемиста были выпущены в свет только в 1932 г. в посмертном IX-м томе Материалов. А. Петров историческим анализом Няговских Поучений занимается в восьмом томе, который содержит также филологические комментарии, имеющие важное значение для изучения закарпатского варианта украинского литературного языка.

В области публикации закарпатских языковых памятников выдающиеся заслуги имеет Иван Франко, который был не только замечательным писателем, но и отличным филологом. В томах „Памяток русько-країнської літератури" находятся отрывки из закарпатских памятников, из которых самыми важными являются выдержки из Сборника Стефана Теслевцового. Другая работа И. Франко „Карпаторуске письменство" занимает тоже важное место в закарпатской украинской филологии.

В упомянутых изданиях и разных статьях до первой мировой войны было издано частично или полностью немало памятников. Гиядор Стрипский (под псевдонимом Біленький) в своей работе „Старша руська письменность на Угорщинѣ" перечисляет памятники, опубликованные до 1907 г., и дает некоторые отрывки из текстов. Автор с законной гордостью указывает на то, что закарпатская литература обладает большим количеством памятников, несмотря на опустошительные войны и нашествия татар. Сам Г. Стрипский был тоже усердным собирателем закарпатских памятников, часть которых он и опубликовал (напр., „Sztojka püspök újonnan felfedezett antimensionja és az irholci monostor", „Угроруські літописні записки").

Венгерская Советская Республика коренным образом изменила национальную политику Венгрии. Вместо угнетения национальностей со стороны венгерских господствующих классов было провозглашено равноправие всех национальностей. Венгерская Советская Республика просуществовала лишь несколько месяцев, но даже за такое короткое время были выпущены две работы, содержащие закарпатские языковые памятники: А. Бонкало „Виїмки из угорсько-русського письменства XVII—XVIII вв." и „Помощник у домувствѣ и между людми зложен Николаем Феодорович р. 1791 у Михаловцох", изданный Г. Стрипским как первый том серии „Памятки руссько-країнської мови і літератури" (заглавие явно указывает на влияние работы И. Франко), но даже первый том не был полностью напечатан из-за подавления Венгерской Советской Республики.

Между двумя мировыми войнами Закарпатье принадлежало к Чехословацкой Республике. За это время изучение закарпатских говоров и их истории было более интенсивным, чем в старой Венгрии. Появлялись бóльшие и меньшие статьи, содержащие памятники закарпатских диалектов или посвященные некоторым вопросам истории языка, особенно в журналах „Науковий збірник товариства Просвіта" и „Підкарпатська Русь".

В 1938 г. вышла книга И. Панькевича „Говори Підкарпатської Руси і сумежних областей" ч. I. (фонетика, морфология), которая является результатом двадцатилетнего труда. К сожалению, дальнейшие части не появились. Книга И. Панькевича опирается на огромный языковый материал, собранный автором, который, кроме того, имел в виду и результаты более ранних исследований. И. Панькевич на основании анализа фонетических и морфологических явлений определяет особенности закарпатских лемковского, бойковского и гуцульского диалектов и их подговоров, устанавливает их границы, сопоставляет закарпатские говоры с северокарпатскими и остальными украинскими говорами. Этот труд до сих пор является самым лучшим и полным описанием закарпатских говоров. И. Панькевич нередко учитывает и данные памятников, приводит ряд замечаний об истории языка (напр., относительно образования окончания *-і* им.-вин. падежа мн. числа прилагательных) и занимается и историей заселения Закарпатья.

Классификация закарпатских говоров И. Панькевича во многом отличается от той, которая дается в статье Г. Геровского „Jazyk Podkarpatské Rusi." Československa Vlastivěda. III 460—516 (напр., оценка верховинских говоров). Автор рассматривает и развитие литературного

языка Закарпатья, имея в виду фонетические, морфологические, синтаксические и даже лексические особенности памятников языка. И другие работы Г. Геровского содержат немало ценных данных и наблюдений.

Развитию литературного языка на Закарпатье посвятил Ф. Тихий свою работу „Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi". Эта работа также является полезным вкладом в изучение закарпатского варианта украинского литературного языка. Однако краткие характеристики или беглые разборы памятников, содержащиеся в этой работе, не достаточны для того, чтобы на их основе можно было бы создать основательный очерк истории закарпатского варианта литературного языка XVI—XVIII вв.

В 20-х и 30-х годах был опубликован целый ряд памятников. А. Петров издал сочинения Михаила Андреллы (Оросвиговского), которые вышли только посмертно под редакцией Ю. А. Яворского „Духовно-полемические сочинения иерея Оросвиговского Андреллы против католичества и унии. Тексты." А. Петров опубликовал и грамоту 1404 года „Древнейшая церковнославянская грамота 1404 г." и протоколы канонических визитаций „Канонические визитации 1750—65 гг.", языковый анализ которых дается в статье И. Панькевича „Инвентарѣ (протоколы) канонических визитаций вороновского округа 1750-их роков под оглядом языковым". В рассматриваемый период много закарпатских памятников было описано и частично издано Ю. А. Яворским. В его работе „Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковноучительной обработке конца XVII-го века" даются многочисленные выдержки из Углянского Ключа, а его книга „Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков" содержит основательное описание открытых в то время памятников, а в его другой книге „Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси" выходят религиозные и светские песни старых рукописных песенников.

Наряду с памятниками литературного характера важнейшими источниками исторической диалектологии закарпатских говоров являются грамоты и записи в церковных книгах. Грамот дошло до нас сравнительно мало, но мы располагаем значительным количеством записей в церковных книгах со всей территории Закарпатья. Ю. А. Яворский издал свое собрание в книге „Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI—XIX веков", которая содержит и записи, собранные А. Петровым. Записи в церковных книгах, надписи на церковной утвари опубликованы в статье Все. Сахаева „Новый карпаторусский эпиграфический материал".

И. Панькевич изучал не только современное состояние, но и историю закарпатских говоров, он собирал и памятники. Собранные им записи вышли в серии работ „Покрайнї записи на підкарпатських церковних книгах", I и II части были напечатаны еще до второй мировой войны, III часть была готова в 1939 г., но вышла лишь после войны. И. Панькевич не только сообщает тексты, но и разбирает их язык. Кроме того, И. Панькевич описал или опубликовал с лингвистическим анализом отдельные памятники „Тишôвська Александрія из початку XVIII в.", „Пѣстряловський рукопис Александріѣ из року 1774", „Підкарпатсько-руська записка студентських вѣрш 1751 р." А в статье „Найдавнѣйша грамота подкарпато-руська" он анализирует грамоту 1404 г. В анализе памятников И. Панькевич сравнивает особенности памятников с данными современных говоров, стараясь определить их диалектную основу и нарисовать исторические изменения. Такие работы И. Панькевича служат строительным материалом для создания истории закарпатских говоров. Его статья „Нові історичні дані до висвітлення деяких українських діалектичних явищ в був. жупі Угоча" рассматривает влияние переселения с запада на восток Закарпатья на формирование языка угочанских украинцев, а в статье „Говір сіл ріки Рускої" он освещает прошлое, архаический характер русчанских говоров.

Из этого периода надо отметить еще статью Г. Геровского „О языке грамоты 1404 г.", посвященную подробному разбору самого древнего документа деловой письменности Закарпатья. В одной из глав своей статьи „Die ungarländischen Ruthenen" А. Бонкало исследует венгерские заимствования закарпатских украинских говоров. Материал современных говоров он дополняет и иллюстрирует обильными данными памятников и иных источников.

Одновременно с оккупацией Чехословакии немецкими фашистскими войсками венгерская хортистская армия захватила Закарпатье. Во время венгерской оккупации в журналах в „Зоря" и „Литературна Недѣля" печатались краткие лингвистические статьи, среди них есть и такая, которая сообщает о неизвестном памятнике: „Сборник попа Игнатия" Г. Стрипского.

Освободив народы Восточной и Средней Европы из-под фашистского ига, советские войска принесли свободу и много страдавшему народу Закарпатья. С освобождением Западной и Закарпатской Украины осуществилась давняя мечта украинского народа, все украинцы объединились в одно государство — в Украинскую Советскую Социалистическую Республику. В Ужгороде был основан университет, который стал центром научной работы. На основании современных методов готовится атлас закарпатских говоров, который будет надежной основой для исследований по исторической диалектологии. До сих пор вышли части I, II: Й. О. Дзендзелівський „Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. (Лексика)" ч. I., II. Много статей монографического характера было напечатано о современном состоянии закарпатских говоров, они оказывают значительную помощь и историкам языка. Особенно важно, что изучаются и синтаксис, и словарный состав говоров, так как они до последнего времени оставались почти неисследованными.

Среди работ по истории украинского языка отметим историческую грамматику С. П. Бевзенко „Історічна морфологія української мови", в которой автор для иллюстрации отдельных явлений часто использует данные закарпатских говоров. И. Г. Чередниченко рассматривает синтаксические вопросы современных закарпатских говоров в статье „Синтаксичні явища закарпатських українських говорів", сопоставляя их с данными памятников. Древнейший закарпатский памятник подвер-

гается подробному анализу в статье Н. С. Антошина „Закарпатская грамота 1404 г.“ С. П. Бевзенко дает обстоятельный разбор отрывков из Углянского Ключа в статье „Із спостережень над мовою пам'яток розповідних жанрів, писанних на Закарпатті (Повісті з „Римських діянь“ в закарпатській обробці XVII ст.)“ Стиль произведений М. Андреллы (Оросвиговского) рассматривает Г. М. Удовиченко „Про стиль полемічних творів Михайла Андрелли.“ Книга протоколов мукачевского епископа И. Брадача многосторонно изучена в статье У. Я. Едлинской „«Протокольна книга мукачівського єпископа» — памятка української літературної мови на Закарпатті в другій половині XVIII ст.“ Кроме того, в ряде работ по диалектологии данные памятников использованы для объяснения развития языка, для освещения отдельных явлений; из числа таких статей отметим, например, статью И. А. Дзендзелевского „Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області.“ Ценный материал для исторической диалектологии опубликовал Н. Н. Лелекач: „Пам'ятки українського письменства XVII поч. XVIII ст., писані на Закарпатті (Публикація)“.

В 1939 году была написана, но только в 1947 году вышла, книга И. Панькевича „Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 манастирських грамот“, в которой, как и в предшествующих работах, опубликованные памятники подвергаются лингвистическому анализу, причем особое внимание уделяется диалектным особенностям. Замечания И. Панькевича в упомянутой и других послевоенных работах характеризуются не только основательным знанием истории закарпатских говоров, но из них видно, что за ними стоят определенные систематические взгляды автора на историческое развитие диалектов Закарпатья. Насколько мне известно, осталась неопубликованной четвертая часть записей в церковных книгах, содержащая записи из Восточной Словакии и из книг Мариаповчанского монастыря и некоторые записи из будапештских библиотек, имеющиеся в моем собрании. Вместе с третьей частью записей была опубликована „Збірка закарпатсько-українських народних приповідок Івана Югасевича з р. 1809“. Кроме того, был напечатан ряд статей с лингвистическим анализом опубликованных памятников:„ Пісня про Штефана воєводу як пам'ятка лемківського шариського говору“, „Дві лемківські грамоти з початку XVI століття“ и „Семигородське парамійне читання про пімсту Ярослава на Св'ятополкові за убиття Бориса і Гліба“.

Кроме издания и изучения отдельных памятников, И. Панькевич приступил к систематической обработке исторической диалектологии закарпатских говоров. Из исследований в этом направлении была опубликована работа об образовании лемковских говоров „До питання генези українських лемківських говорів“, в которой освещается образование и формирование важнейших особенностей лемковского диалекта. Возможность украинских и болгарских языковых связей в Трансильвании рассмотрена в статье „Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді“, где вслед за обзором литературы вопроса И. Панькевич устанавливает факторы, указывающие на взаимное влияние украинских и болгарских говоров, на основе анализа топонимики Трансильвании, особенностей языка семиградских болгарских грамот и других лингвистических данных. В статье, написанной в честь IV международного съезда славистов „Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII—XVIII вв.“ он коротко характеризует языковые особенности украинского литературного языка в Закарпатье на основании целого ряда памятников, в том числе и неизданных. Книга И. Панькевича „Нарис історії українських закарпатських говорів ч. І. Фонетика“ систематически рассматривает развитие фонетики Закарпатских говоров. В ней подвергнуты подробному анализу фонетические явления, наблюдаемые в говорах и в памятниках. Книга была задумана как первый том капитального труда по истории закарпатских говоров. К сожалению, он остался незаконченным.

Труды И. Панькевича в значительной мере способствовали тому, что изучение закарпатских говоров достигло тех результатов и того уровня, которыми оно характеризуется теперь. Его работы в области диалектологии важны не только для украинистики, но и для славистики в целом. Пионерская деятельность И. Панькевича в области исторической диалектологии имеет большое значение и с точки зрения методологии исторической диалектологии. Научная деятельность И. Панькевича охарактеризована Й. Курцем „Život a dílo Ivana Paňkeviče“ (Československá Rusistika, 1958, 38—44) и в некрологе И. Т. Матвияса (Мовознавство XV, 125—126).

К числу задач венгерской украинистики относятся демографическое изучение украинского населения Венгрии, собирание диалектного материала и его обработка, собирание, регистрация и исследование памятников языка. Э. Балецкий написал монографию о говоре села Комлошка, в которой учел историю села и развитие языковых особенностей. До сих пор были опубликованы лишь отдельные части: „О языковой принадлежности и заселении села Комлошка в Венгрии“ и „Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии“, в которых Э. Балецкий уделяет внимание и историческому развитию отдельных явлений. Э. Балецкий опубликовал памятники с подробным анализом языка „Памятник украинского делового языка XVII века“, „Эгерский рукописный ирмомогий“, и вместе с Й. Перени „Украинская грамота Софии Батори 1674 г.“

Автор настоящей работы собирал памятники украинского языка, находящиеся в Венгрии: записи в церковных книгах, урбариальные записи и другие памятники. До сих пор из круга памятников урбариальной реформы XVIII в. опубликован фонетический и морфологический анализ мараморошских и угочанских урбариальных записей и первая часть обобщающей статьи: „О языке урбариальных записей 1771—1774 гг“. В нашей кандидатской диссертации „Очерки по истории южномараморошского говора XVI—XVIII вв.“ вслед за кратким обзором истории заселения рассмотрены фонетические, морфологические, синтаксические явления (словосочетания, простое предложение) Няговских Поучений XVI в. (с привлечением данных Углянского Ключа XVII в.), мараморошских, угочанских записей XVIII в. и других памятников. Расширяя круг наших исследований мы исследовали язык Михаила Андреллы (Оросвиговского),

мараморошских памятников XVII в. и урбариальных записей бывшего комитата Берег.

В настоящей работе рассматривается формирование закарпатских говоров и грамматика Няговской Постиллы. Языку закарпатского писателя М. Андреллы XVII в. посвящена статья „О языке Михаила Андреллы" (Oroszvégesi Mihály műveinek nyelvéről), а языку Углянского Ключа, Углянского Учительного Евангелия и Сокирницкого Сборника XVII в.— „Закарпатская народная литература" (A kárpátaljai „népi irodalom"). Полный словарь Няговской Постиллы, часть лексики „Обороны" М. Андреллы и Углянского Ключа сообщается в публикации „Материалы к словарю закарпатской литературы XVI—XVII вв." Статистическим разбором Няговских Поучений занимается статья „Статистический анализ лексики и грамматики" (A szókincs és nyelvtan statisztikai vizsgálata). Анализу тематических групп и гнезд слов лексики XVI—XVII вв. посвящена статья „О лексике закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв." Статистический анализ лексики двух памятников XVII в. и тематическая классификация лексики закарпатской деловой письменности содержатся в работе „Семантика и некоторые вопросы лексикологии" (A szemantika és a lexikológia néhány kérdése). Венгерские элементы закарпатских памятников рассмотрены в статье „К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв.".

## 2. О СОВРЕМЕННЫХ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРАХ

Прежде чем приступить к анализу истории заселения Закарпатья и языковых особенностей памятников, надо остановиться на закарпатской языковой области, особенно на ее восточной и средней частях, где возникли рассматриваемые памятники.

Первая обзорная работа по закарпатским говорам написана И. Верхратским „Западоби для пізнаня угорсько-руських говорів" I., II, в которой мы находим ценную, многостороннюю характеристику закарпатских говоров. В своем капитальном труде „Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей" I. Панькевич дает подробный анализ фонетических и морфологических особенностей и классификацию закарпатских говоров на основе материала, собранного автором в течение 20-х и 30-х годов. Классификация Г. Геровского в работе „Jazyk Podkarpatské Rusi" в определенном отношении отличается от того, что дано И. Панькевичем. После второй мировой войны в Советском Союзе был опубликован целый ряд исследований. Они в значительной степени расширили, уточнили наши знания о закарпатских говорах, и многие из них были направлены на такие мало обработанные области, как синтаксис, словообразование, лексика. В их числе имеется обобщающий труд И. А. Дзендзелевского „Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. (Лексика)" ч. I., II. В статьях С. П. Бевзенко, посвященных анализу разных областей языка украинских говоров, освещается связь закарпатских и иных украинских говоров и других славян-



ских языков, в частности, в его работах о синтаксисе (НЗ УДУ XIV 205—220), лексике (НЗ УДУ XXVI 164—188) и словообразовании глаголов и местоимений (НЗ УДУ XXXV 3—20, ДП УДУ I: 62—64).

Говорам разных частей Закарпатья посвящается ряд работ (кандидатские диссертации, статьи), в которых говоры рассмотрены с разных сторон. П. П. Чучка исследует язык сел около Ужгорода в своей диссертации и в ряде статей (НЗ УДУ XIV 141—160, XXXV 30—41, XXVI 55—76, 189—191, ДП УДУ 1:86—89, 3:59—62). В И. Добош занимается говором долины речки Турьи в своей диссертации и в статьях (НЗ УДУ XXVI 93—144, ДП УДУ 1:96—98, 3:42—44). И. Д. Пагиря анализирует язык сел на северо-запад от Мукачева (НЗ УДУ XXVI 77—92, 192—194, ДП УДУ 1:99—101, 3:53—55). В.В. Немчук рассматривает говор верхнего течения реки Боржавы (НЗ УДУ XIV 169—192, XXVI 195—199, XXXV 42—55, ДП УДУ 1:90—92, 3:56—58), В. И. Орос — язык сел Хустского района (НЗ УДУ XXVII 135—154, ДП УДУ 3:49—52), а П. М. Лизанец — говор Затисья Виноградовского района в своей диссертации и в ряде статей (НЗ УДУ XXVI 115—134, 200—202, XXXV 82—91, ДП УДУ 1:93—95, 3:45—48, 63—66). Диссертация и статьи К. И. Галаса посвящены топонимике Закарпатья (НЗ УДУ XXVI 37—54, 203—206, XXXV 56—81, ДП УДУ 1:81—83, 3:26—29).

В нашей работе мы пользуемся классификацией И. Панькевича, однако считаем нужным отметить следующее: у И. Панькевича в группу карпатских говоров входят три диалекта: лемковский, бойковский и гуцульский, которые делятся на северные и закарпатские части. Ф. Т. Жилко не причисляет гуцульский диалект к карпатским, а выделяет в группу гуцульско-покутскую (Ф. Т. Жилко, Говори української мови. Київ, 1958). На наш взгляд в старой группе закарпатских говоров, которая была довольно слабо связана, гуцульский диалект стоял особняком, он примыкал к данной группе скорее только по территории. Поэтому гуцульский говор может быть исключен из числа карпатских. Что касается группы карпатских говоров, в упомянутой работе Ф. Т. Жилко можно найти определенное изменение в их классификации, автор делит их на три части: бойковские, закарпатские (среднекарпатские) и лемковские говоры (имеются в виду южные лемковские говоры, потому что большинство северных лемков переселились из Польши в Советский Союз). Ф. Т. Жилко не связывает бойковские и закарпатские (среднезакарпатские говоры) в один общий диалект, как это делал И. Панькевич. Между двумя говорами есть существенные отличия, так что их разделение возможно. Мы будем их рассматривать как отдельные говоры. При классификации закарпатских подговоров мы исходим из работы И. Панькевича. Наш обзор составлен на основании его работы. Так как среднезакарпатские говоры были под влиянием соседних лемковских и гуцульских говоров, о последних тоже надо сказать несколько слов.

Гуцульские говоры в Закарпатье характеризуются следующими особенностями: древнерусское *ы* и *і* слились в один звук *y*$^{e}$: *sy*$^{e}$*n*, *roby*$^{e}$*ty*$^{e}$; *o*, *e* > *i* в новозакрытом слоге: *k'în'*, *n'îs* (инф. *nesty*$^{e}$); *'a* > *ê*: *žêl'*, *robi̯ê* (< *robi̯at*); наблюдается только *o*, *e* (т. е. без вариантов *ô*, *ê*), *š*, *ž*, *č* сохраняют свою мягкость: *choč'u*, *š'êpka*, *ž'êba*; *d* + *i̯* > *ž*: *sy*$^{e}$*žu*; старые окон-

чания основы на *-o* исчезли в дат., твор., мест. падежах множественного числа; строго соблюдается различение твердого и мягкого вариантов склонения существительных, личного местоимения 3-го лица и притяжательных местоимений; 1-е лицо множественного числа настоящего времени глаголов оканчивается на *-mo: budemo*; в 3-м лице множественного числа настоящего времени у глаголов на *-y-* отпадает *-t* в исходе слова: *robi̯ê*.

К гуцульскому говору относятся 10 сел в юго-восточной части Марамороша. Но влияние гуцульских говоров чувствуется в селах вплоть до Тересвы, которые образуют переходный говор между гуцульским и среднезакарпатским на основе последнего. Мы не входим в подробности сложной языковой картины этой языковой области. Долина реки Русковы, окрестность Сигота и говор села Вышняя Руна имеют свои особенности, но в каждом из этих говоров находим *u* из *o* в новозакрытом слоге, и сохранение *a: čas, žal'*.

Хотя мы и не даем подробную характеристику переходных говоров, надо отметить их некоторые особенности, важные с точки зрения истории языка. В говоре долины реки Русковы наблюдаются, с одной стороны, такие особенности, которые свойственны гуцульским говорам у истоков Тисы: *ye, 'a > e* в словах на *-n'ê* (< *ньje*): *nasîn'ê* и в числительных: *pi̯êt'*; *s', z', c'* стали твердыми: *kruz, ses, kosec*; в 1-м лице единственного числа настоящего времени глаголов с *-y-* нет эпентезы *-l-*: *robi̯u*; *š', ž', č'* сохраняют свою мягкость: *ž'aba, noš'a, choč'u*; местоимения *onъ, našь, vašь* сохранили свои старые окончания: *i̯eho, našeho*; в склонениях бывших основ на *-o, -a* наблюдается различие между твердым и мягким вариантами, хотя не полностью. На наш взгляд последние три особенности — мягкость *š', ž', č'*, различение твердого и мягкого варианта склонений — представляют собою сохранение старых восточно-закарпатских черт, может быть, не без поддержки гуцульских говоров. В говоре реки Русковы наблюдаются особенности, характерные для гуцульских говоров долины Черемоша: за губными *o > y*: *vyn, vyz*; в 3-м лице единственного числа настоящего времени глаголов на *-e-* на исходе слова сохраняется *-t*: *dui̯et*, что, по нашему мнению, тоже надо считать восточно-закарпатской чертой, сохранившейся при поддержке гуцульского говора. К особенностям говора долины реки Русковы относятся еще *i* после *č*: *čitaty, spivai̯uči*; в родительном падеже единственного числа женского рода прилагательных, местоимений *i* отпало: *dobroi̯, sei̯*. Языковые черты сел окрестности Сигота совпадают с особенностями южномараморошского говора, влияние гуцульских говоров наблюдается лишь в следующем: *y* вместо *ы*; окончание 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов *-mo: chodymo*; употребление префикса *vi-* (< *вы-*): *vipysaty, vidaty*; кроме того, различаются формы мягкого и твердого вариантов склонения.

Говор села Вышняя Руна характеризуется тем, что вместо *y* имеется *ы*, видимо, под влиянием румынского языка.

От Тересвы до Ужа расположены среднезакарпатские говоры, от Ужа следуют переходные говоры, а за ними лемковский диалект до западной границы украинской языковой области. В обоих говорах различаются *ы* и *y*, хотя не всюду. Гуцульский и среднезакарпатский говоры имеют



общие черты: в конце слога *ł > u̯ : vou̯k, chodyu̯*; *ě > i : vîter*; на месте звукосочетаний *tršt, tlšt* находим: *tyrt, tlыt (tlyt)*: *kyrve, i̯ablyko*; окончание *-ou̯* творительного падежа единственного числа женского рода имен: *knyhou̯, dobrou̯, tobou̯*; употребление сложного прошедшего времени: *chodyvi̯em*; а будущее время образуется при помощи вспомогательного глагола: *bыty* + инфинитив глагола и др.

И. Панькевич разделяет территорию от Тересвы до Лаборца на три области. Первая расположена от Тересвы до Латорицы и делится на три говора: южномараморошский, бережско-угочанский и верховинский. Все они соединяются следующими особенностями: *k, h, ch* + *ы*: *rukы, rohы, chыža*; *šy, žy* сохраняются внутри слова; в бывших склонениях с основами на *-o, -a* наблюдаются остатки различия окончаний твердых и мягких основ существительных и сохранение первоначальных окончаний с *-e-* местоимения *ona (nêu̯)*. В этой области, как и в переходных и гуцульских говорах, имеется *ž* (< *d* + *i̯*): *saža, syžu*.

Южномараморошский говор занимает территорию между Тересвой и Рекой и характеризуется следующими особенностями: в новозакрытом слоге *o > u, e > 'u: vûl, n'ûs*; *č* твердое: *čas* до границы Марамороша; интервокальное *i̯* сохраняется в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа настоящего времени глаголов: *mai̯u, mai̯ut*; а в 3-м лице ед. и множественного чисел *-t* на исходе слова является твердым: *deržyt, deržat*; преобладает *ščo* (< *čьto*); степени сравнения образуются частицей *mai̯* под влиянием румынского: *mai̯ dobrыi̯* и др.

Угочанско-бережский говор от Боржавы до Латорицы обладает следующими чертами: на месте *o, e* в новозакрытом слоге *ü*: *vüz, n'üs*; *č'* остается мягким: *č'as*; в дат., местн. падежах единственного числа женского рода на исходе слова *i̯ > u̯ : dau̯ i̯üu̯ pyty, na n'üu̯*; в 3-м лице единственного и множественного чисел настоящего времени глаголов сохраняется мягкость *-t'*: *chodyt', lovl'at'*, что наблюдается до Лаборца; в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа интервокальное *i̯ > u̯, v*: *mau̯u, mau̯ut'*, что распространено тоже до Лаборца; наблюдается *što* (< *čьto*).

В верховинском говоре, в который входят мараморошская и бережская части Верховины до Ждениева, наблюдаются следующие особенности: в новозакрытом слоге *o, e > i*: *vîz, mîd* (данная черта имеется и дальше на запад в бывшем комитате Унг, но в восточной части мараморошской Верховины (Межгорье, Нижний Синевир, Колочава) *o, e > ü*); *d* + *i̯ > dž*: *chodžu*; вопросительные местоимения имеют формы: *chto* (< *kъto*), *ščo* (< *čьto*), но в Марамороше кроме этого и *tko, što*; интервокальное *i̯* сохраняется в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа настоящего времени глаголов: *mai̯u, mai̯ut*; на исходе формы 3-го лица единственного и множественного чисел настоящего времени глаголов *-t* отвердело: *chodyt, chodat*; *č* твердое: *čas* и др.

Бережско-ужанская область объединяется лишь одной чертой: *ky, hy, chy* вместо *kы, hы, chы*, наблюдаемой на восток от Латорицы и на западе. Определенные особенности являются общими для всей территории от Латорицы до Попрада: *š, ž* более заднего образования, *y* в сочетании с предшествующим *š, ž* переходит в *ы*: *šыlo, žыto*; *d* + *i̯ > dž*: *chodžu*;

распространение форм двойственного числа в творительном падеже множественного числа: *-ота, -ыта*: *panoma, našыта* (последняя черта наблюдается уже на запад от Боржавы, а на Верховине от Скотарского).

В южной части этой области в новозакрытом слоге *о > и*, *е > 'и*. Данную территорию можно разделить на три части: 1) ужгородско-середнянская: вместо *ы* наблюдается *ы̊*: *mы̊lo, rы̊ba, panы̊*; 2) южно-ужгородская (Горяне, Дравцы, Бараницы, Корытняны, Долгое, Лазы, Стрипа, Цыгановцы), где *ы* исчезло во всех положениях, а в Доманинцах, Оноковцах, Невицком и Камянице лишь в определенных позициях заменено *ы* через *у*; 3) бассейн реки Ужа, который характеризуется окончанием *-oi̯* (< *oi̯e*) в им.-вин. падеже единственного числа среднего рода прилагательных: *dobroi̯*, что известно до реки Цироки; местоимения имеют форму *chto, što* за исключением долины реки Турьи; звукосочетания *ki, hi, chi*: *ruki, rohi, chiža* наблюдаются вплоть до Щербовца.

Верховинская полоса отличается вариантом *î* (< *о, е*): *pîp, tîtka*, твердым *-t* на исходе форм 3-го лица единственного числа и множественного числа настоящего времени глаголов: *chodyt*.

Села от Подгородья до речки Ублянки, в долине реки Ужа имеют на месте ударного *и* звук более нижнего подъема *ů* перед твердыми согласными: *kůrka*, но данная особенность присуща и селам на восток от Середнего.

Говоры между Ужем и Лаборцем являются переходными между среднезакарпатским и лемковским, а в долинах — между восточнословацким говорами. Данная область характеризуется такими особенностями: в возвратном местоимении *s* теряет свою мягкость: *sa*, как и в восточнословацком; вопросительное местоимение *chto* распространено до Попрада; *i* на месте древнерусского *i*, хотя не во всех положениях; на Верховине *kы, hы, chы* до Попрада. Специальные особенности данной территории: переход мягкого *č'* в *š'*: *š'ort* (< *č'ort*); а перед *k* стоит *č'* вместо *š'*: *č'koda* (< *škoda*).

Села между Ужгородом и Собранцами: Петровцы, Корумля, Гусак, Колибабовцы, Порубка, Прикопа, Конюш образуют переходный говор к восточному словацкому диалекту.

Говор села Валашковец стоит между говорами сел около Собранец и говорами между Ужем и Цирокой.

Язык сел между Цирокой и Лаборцем имеет переходный характер: определенные черты связывают его с лемковскими говорами: в новозакрытом слоге *о, е > i*, окончание *-е* им.-вин. падежа ед. числа сред. рода прилагательных: *dobre*; им.-вин. падеж множественного числа прилагательных оканчивается на *-ы*: *dobrы*; основа наст. времени в 1-м лице ед. числа и 3-м лице мн. числа глаголов с суффиксом инфинитива *-ovati*: *-ii̯u, -ii̯ut*: *kupii̯u, kupii̯ut*. Из особенностей соседней восточной области наблюдаются: *č'* (< *š'*); на исходе слова 3-го лица настоящего времени *-t'* сохраняет свою мягкость; интервокальное *u̯* в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа настоящего времени.

На запад от Лаборца начинаются лемковские говоры. Их подробная характеристика не является нашей задачей. Кроме вышеперечисленных отметим еще следующие особенности: неподвижное ударение на предпоследнем слоге: *výno, molóko* (что наблюдается и на восток от Лаборца); твердое *ł*, которое иногда внутри слова перед твердыми гласными переходит в *u̯*; на исходе слова 3-го лица обоих чисел наст. времени *-t* твердое; *ł* на исходе слова в форме прошедшего времени: *chodył (chodił)*; окончание род. падежа ед. числа женского рода прилагательных *-oi̯*: *dobroi̯*; а им.-вин. падежа мн. числа прилагательных *-ы*: *dobrы*; *с* в суффиксах *-ес, -уса* является твердым: *kupec, pyu̯nyca*; на месте звукосочетания *trъt, trьt, tlъt* стоит *tыrt, tыlt*: *dыrvo, chыrbet, sыlza*.

Краткая характеристика среднезакарпатских говоров охватила далеко не все особенности. Поскольку при разборе памятников встречаются такие явления, о которых выше не говорилось, то их распространение освещается особо.

## 3. ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ

Для правильного понимания языковых явлений анализируемых памятников кроме знакомства с современными говорами необходимо найти точки опоры, на основании которых можно определить место памятников в истории закарпатских говоров и закарпатского варианта украинского литературного языка. Исследование исторического развития языка невозможно без изучения истории народа, говорящего на нем, что особенно важно для исторической диалектологии.

В наших нижеследующих замечаниях мы излагаем только некоторые материалы по истории мараморошских, бережско-угочанских и бережско-ужанских говоров, которые отражаются в памятниках. В памятниках можно найти или предположить и некоторые особенности говоров, переходных между среднезакарпатскими и лемковскими. Мы старались определить основные факты истории заселения и этой территории, хотя исторические и, особенно, языковые источники были более ограниченные. (Кроме того, нам было известно, что И. Панькевич пишет работу об истории лемковских говоров.)

История заселения Закарпатья с точки зрения марксизма-ленинизма, на уровне современной науки еще не разработана, что затрудняло нашу работу. При изучении истории Закарпатья надо иметь в виду историю Венгрии и историю украинского народа. Работами, которые рассматривают историю Венгрии и историю Украины с точки зрения марксизма-ленинизма мы уже располагаем; они оказывают значительную помощь исследователям истории Закарпатья (Magyarország története. I/1. Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában. (A honfoglalástól 1526-ig), I/2. Magyarország története a késői feudalizmus korszakaiban; Історія Української РСР. т. I. Київ, 1953).

В центре работ, написанных раньше об истории Закарпатья, не считая маленьких популярных брошюр (как напр., И. Кондратович, Історія Подкарпатськоѣ Руси для народа. Ужгород, 1925) стояла история церкви. Так, работа А. Годинки (A munkácsi görögszertartású püspökség története) является историей церкви, хотя автор занимается и иными вопросами, в том числе и вопросами истории заселения. Так же в серии статей „Додатки до исторіѣ Русинôв и руских церквей в був. жупѣ Земплинской“,

„Додатки к истории Русинôв и руских церквей в Ужанскôй жупѣ“, „Додатки до исторѣ Русинôв и руских церквей в жупѣ Угоча“, „Додатки к истории Русинôв и руских церквей в Мараморошѣ“ В. Гаджега рассматривает историю церкви, хотя здесь также большое внимание уделено и истории заселения. Только в работе советского историка И. Г. Коломийца „История закарпатских украинцев“ стоит в центре внимания судьба народа, творца истории. Кроме того имеется ряд работ советских авторов, посвященных отдельным вопросам истории Закарпатья.

Мы использовали и данные работ по истории заселения разных частей Закарпатья. Большинство их не исследует историю с точки зрения марксизма, в них часто можно обнаружить националистические и иные буржуазные взгляды, поэтому их выводы надо принимать с должной осторожностью.

Одной из целей наших замечаний является разъяснение некоторых основных вопросов истории заселения Закарпатья, без раскрытия которых анализ лингвистических (диалектных) явлений висел бы в воздухе, так как отсутствовал бы даже самый необходимый фон истории. Из круга таких проблем мы хотим коснуться истории заселения, возможных направлений внутреннего переселения, изменения границ украинской языковой области, развития числа населения Закарпатья. Затем, опираясь на данные истории, мы намерены рассмотреть развитие и распространение определенных языковых явлений.

Об истории заселения отдельных частей Закарпатья можно найти ценные данные в ряде работ. Так, мы располагаем работой В. Белаи по истории быв. комитата Мараморош (Bélay Vilmos, Máramaros megye társadalma és nemzetiségei a megye betelepülésétől a XVIII sz. elejéig) и трудом И. Сабо по истории бывш. комитата Угоча (Szabó István, Ugocsa megye), в которых истории заселения уделено большое место. К сожалению, по остальным бывш. комитатам нет подобных монографий, однако, работы Д. Чанки и Э. Перфецкого содержат данные об истории заселения всего Закарпатья в XIII—XV вв. (Csánki Dezső, Magyarország történeti földrajza a Hunyadiak korában, E. Perfeckij, Socialnĕhospodářske poměry Podkarpatské Rusi v století XIII—XV.). Брошюра А. Годинки тоже рассматривает историю заселения Закарпатья (Hodinka Antal, A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk). Монография Т. Легоцкого о комитате Берег (Lehoczky Tivadar, Bereg vármegye monográfiája) не посвящена истории заселения, но в отдельных главах 1-го тома, а особенно в 3-м томе, в котором сообщаются данные об истории отдельных сел, содержится много ценных данных об истории заселения комитата. Относительно населения в XVII—XVIII вв. бывшего комитата Унг можно найти немало ценных данных в книге А. Годинки по истории Ужгорода, Ужгородской крепости и ее владений (Adalékok az ungvári vár és tartománya és Ungvár történetéhez) и в статьях Ф. Габриеля (František Gabriel, Poddanské poměry na užhorodském panství na koncí XVII. století; Pohyb obyvatelstva v bývalé užské župě v první polovicí 18. století). Кроме этих работ мы приняли во внимание и данные иных авторов. Для установления отношений заселения XVI—XVIII вв. были использованы, главным образом, дикальные переписи (dica) и урбары, а перечисленными работами мы пользовались лишь для дополнения данных переписей и урбаров.



Памятники, проанализированные нами, возникли в период от второй половины XVI до конца XVIII в., поэтому в центре нашего исследования стоит формирование отношений населения и развитие языковой системы того периода, но мы не можем оставить без внимания и предшествующий период от XIV до середины XVI в.

### ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (ОТ XIV ДО СЕРЕДИНЫ XVI В.)

*Очерк истории заселения*

Первый период, рассматриваемый нами, является эпохой расцветающего феодализма в истории Венгрии до распада суверенного венгерского государства после битвы под Мохачем, которому предшествовало крупное восстание крестьян под предводительством Д. Дожи. В истории Украины данный период феодализма характеризуется захватом украинских земель польскими и литовскими феодалами и борьбой народных масс против социального и национального гнета.*

В рассматриваемый период народный язык проявляется лишь в грамоте 1404 г. При скудости памятников на украинском языке большое значение приобретают украинские личные имена и топонимические названия в латинских грамотах XIII—XV вв.

В XIII—XIV вв. на территории Закарпатья возникли крупные латифундии, как доминия семьи Хомоннаи (Homonnai) в комитатах Земплин и Унг, Мукачевская доминия в комитате Берег, которая была в руках разных владельцев. Большую территорию занимала Чинадиевская (Szentmiklósi) доминия, кроме того, семьи Долгаи, Липчеи, Драгфи имели также крупные имения. К латифундиям новых землевладельцев принадлежали большие земельные пространства, которые, особенно в горных районах, были заселены редко. Землевладельцы нуждались в рабочих руках, которые обрабатывали бы землю и сделали бы их богатыми. В то же время украинские земли на север от Карпат были захвачены польскими и литовскими панами. Буковина входила в состав Молдавского княжества, которое зависело вначале от Венгрии, потом от Польши, а затем от Турции. Эксплуатация украинского крестьянства всюду усиливалась, но самой жестокой была она в Галиции, где украинские крепостные работали в имениях польских панов (ср. Історія УРСР 124). В XIV—XV вв. там надо было больше всего работать на барщине. Свободное переселение крестьян в Галиции встречало серьезные препятствия (Історія УРСР 120). Для того, чтобы хоть временно освободиться от тяжелого бремени, крестьяне переходили на южную сторону Карпат, где им обещали на время свободу от налогов и повинностей. Но их доля и здесь не стала лучшей. Они часто переходили из одного имения в другое, чтобы хоть на время получить облегчение от феодальных повинностей, что было одной из форм защиты крестьян от феодального гнета так же, как и переселение с северной стороны Карпат на южную. Переход с той стороны Карпат

* Мы не рассматриваем предыдущий период, о нем см.: И. Г. Коломиец, Очерки по истории Закарпатья; М. М. Лелекач, Про принадлежність Закарпаття до Київської Руси в X—XI ст. ст.

был постоянным процессом, что не обозначало, что он происходил всегда одинаково интенсивно.

При составлении карты заселения Закарпатья XIV—XV вв. мы опирались на данные труда В. Белаи о комитате Мараморош, монографии И. Сабо о комитате Угоча и работы Ф. Макшаи о комитате Сатмар (Maksai Ferenc, A középkori Szatmár megye). Хуже обстоит дело с исследованиями по заселению комитатов Берег, Унг и Земплин. Об этих комитатах содержит немало данных I-й том труда Д. Чанки, однако, относительно этих комитатов данные Д. Чанки мало удовлетворительны, поэтому надо было их дополнить данными Э. Перфецкого, которые, в свою очередь, также нельзя считать полными. Данные о комитате Берег восполняет монография Т. Легоцкого и работа Д. Дьорфи, а данные о южной части комитата Унг были сличены со сборником о комитате Унг (Ungvár és Ungvár-megye. часть IV. Községi adattár).

На карте и в очерке заселения XIV—XV вв. мы имеем в виду первое появление села в грамотах и переписях в комитатах Земплин, Унг, а часто и Берег; следовательно возможно, что села, которые встречаются в начале века, существовали уже раньше. Мы пользуемся венгерскими названиями XVI—XVIII вв. в современной единой орфографии, которая мало отличается от старой, но обеспечивает единое написание. Мы не пользуемся названиями начала XX в., которые возникли в результате насильственной мадьяризации, ибо они приводят к двойственности названий и затрудняют понимание. Так как у нас нет современного русского списка сел от Мармороша до Земплина, мы могли пользоваться только теми современными русскими названиями, которые были нам известны, а остальные мы взяли из списка VI-го тома „Материалов" А. Петрова. Названия словацких и румынских сел сохраняются, если нам неизвестны их русские формы. Венгерские сложные названия местностей по правилам XVI—XVIII вв. пишутся раздельно. Кроме того, если первым членом названия являются слова *Kis, Nagy, Alsó, Felső, Középső, Új, Ó, Magyar, Német, Orosz, Oláh* и др., а также соответствующие члены русских названий, они не имеются в виду при алфавитных списках, как это бывает в архивных материалах и в иных источниках. При ссылке на напечатанные источники, расположенные по алфавитному порядку, не дается число страницы, так что сокращения Белаи, Сабо, Макшаи без числа страницы указывают на соответствующее место документации.

На карте отмечены лишь те опустевшие села, место которых можно точно установить. Если дается лишь одно из ближайших сел без более точного определения или же в переписях, урбарах только перечисляются села, то их нельзя нанести на карту.

Очерк заселения XIII—XVIII в. охватывает лишь область от реки Русковы до Лаборца, т. е. комитаты Мараморош, Берег, Угоча, Унг, часть Земплина и украинские поселения комитата Сатмар XIV—XV вв. Украинские села в разных краях Венгрии, в том числе и Трансильвании, нами не рассмотрены.

Наши наблюдения не ограничены лишь той областью Закарпатья, которая заселена сегодня украинцами, как видно у некоторых исследователей, потому что граница разных народностей изменялась, ее часто



трудно было установить, были и острова с другими народностями. Для того, чтобы установить движение населения, разных народностей, надо было исследовать всю территорию закарпатских комитатов.

В очерках заселения Закарпатья мы устанавливаем состояние конца каждого века с XIII в. по XV в., а с 1550 г. по пятидесятилетним периодам. В нижеследующем перечне сел фигурируют все поселения, которые сохранились до наших дней, а также преобладающее большинство опустевших деревень. Однако среди исчезнувших сел есть и такие, место которых нельзя установить; они помещены лишь в списке в конце нашей работы.

В конце XIII в. мы находим следующие места заселения в Закарпатье (села перечислены по комитатам с востока на запад).*

В комитате Мараморош все поселения: *Сигот* (Sziget), *Кымпулунга-Тиса* (Hosszúmező), *Бедевля* (Bedőháza), *Тячев* (Técső), *Вышково* (Visk), *Хуст* (Huszt) лежат в южной части комитата в долине реки Тисы.

В комитате Угоча населена долина реки Тисы, на север от нее: *Рокосово* (Rakasz), *Королево* (Királyháza), *Гудя* (Gödényháza), *Сасово* (Szászfalu), *Гетеня* (Hetény), *Деренковец* (Szirma), *Тростник* (Sásvár), вблизи которого была *Банна* (Banna), *Чатохаза* (Csatóháza), которая была лишь усадьбой в начале XX в., *Бикиня* (Bőkény), *Виноградово* (Nagy Szöllős), около которого были *Дароц* (Daróc) и *Халасфёлд* (Halászföld), *Нир* (Nyír), которое было пусто уже в 1300 г., и *Угоча* (Ugocsa), откуда берет свое наименование комитат; *Подвиноградов* (Szöllősvégardó), *Олешник* (Egres), *Карачины* (Karácsfalva), *Тисакерестур* (Tiszakeresztúr), *Вербовец* (Verbőc), при котором было село *Лап* (Láp); *Черный Поток* (Fekete Patak). Село *Велятин* (Veléte) относилось к Мараморошу и его скорее можно причислить к мараморошским поселениям долины Тисы. На юге находим следующие: *Бабешть* (Bábony), *Турулунг* (Tur Terebes), *Холмовец* (Halmi), *Кекенюш* (Kökényesd), *Братово* (Batár), *Затисовка* (Csoma), может быть, *Чернотисов* (Feketeardó).

На сатмарской равнине находим немало сел. В числе их было: *Ороси* (Oroszi, т. е. 'Русское'), население которого наверно составляли восточные славяне уже в 1181 г., но они позже омадьяризировались.

В югозападной равнинной части комитата Берег можно видеть ряд сел в XIII в.: *Береги* (Nagy Bereg), *Добросельe* (Bene), *Мужиево* (Muzsaly), *Вари* (Vári), *Берегово* (Beregszász), недалеко от него лежало опустевшее село *Уркуртелек* (Urkurtelek), *Бодолов* (Badaló), *Шурань* (Surány), *Марок* (Márok) и между двумя последними было *Пазнанфьолде* (Páznánfölde), *Герженьо* (Gerzsenyo) (в нач. XX в. усадьба между селами Чомонин и Свобода), *Рафайлово* (Rafajna), *Запсонь* (Zápszony), *Великая Добронь* (Nagy Dobrony), *Малая Добронь* (Kis Dobrony), *Свобода* (Szernye), *Узловое* (Bátyu), *Бовтрадь* (Bótrágy), *Шом* (Som), *Барабаш* (Barabás), *Гетеня* (Hete), *Лоня* (Lónya), *Матюш* (Mátyus), *Вид* (Vid). *Мукачево* является одним из древних поселений Закарпатья. На север от Мукачева засвидетельствовано значительно меньше сел. Район гор Гат еще не заселен. На западе

* При перечне сел дается русское название села, за ним в скобках венгерское, засвидетельствованное в источниках. Где русского названия нет, в транскрипции дается современное румынское, словацкое или венгерское название, а при опустевших селах дается старое венгерское название.

край Бобовища и Вызницы тоже безлюдный. Только в западной части комитата встречаются опистевшее село *Брод* (Bród) и *Зняцево* (Ignéc).

В грамотах, однако, в бассейне Латорицы и ее притоков уже отмечаются следующие села на север от Мукачева: *Чинадиево* (Szentmiklós), *Свалява* (Szolyva), *Нижние Ворота* (Alsó Verecke). По Латорице проходила военная дорога к Веречанскому перевалу, так что уже очень рано возникло несколько поселений, но интенсивное заселение этого края происходит лишь спустя несколько веков.

Центр ужанского комитата *Ужгород* (Ungvár) является древним закарпатским поселением. В области на юг и на запад от него был целый ряд сел уже в XIII в.: *Минай* (Minaj), *Холмок* (Homok), *Ратовцы* (Rát), *Руска* (Ruszka), *Мочар* (Mocsár), *Вельке Капушаны* (Nagy Kapos), *Чепел* (Csepely), *Крисов* (Kérész, часть с. Крижаны), *Беша* (Bés) на юг от Уга, а на север от него: *Цибава* (Tiba), *Енковцы* (Jenke), *Бежовцы* (Bező), *Стретава* (Szeretva), *Палин* (Pályin), *Ребрин* (Rebrin), *Вельке Залужице* (Nagy Zalacska), *Винне* (Vinna), *Трнава* (Tarna), *Есенов* (Jeszenő). В восточной и северной гористых частях комитата мы располагаем данными лишь о двух поселениях: *Мокрое* (Mokra) в бассейне Турьи и *Мирча* (Mircse) на Уже.

С западной частью Ужанского комитата была тесно связана земплинская долина южного течения Лаборца, где тоже было несколько деревень в XIII в.: *Оборин* (Abara), *Драгнёв* (Deregnyő), *Нацина Вес* (Natafalva), *Чемерне* (Csemernye), *Лесна* (Leszna), *Старе* (Sztára), *Стражске* (Őrmező). На верхнем течении Лаборца в области от Лаборца до комитата Унг можно найти только *Гуменне* (Homonna) — ядро позднейшей доминии —и села *Валашковцы* (Valaskóc) и *Вышня Радвань* (Radvány) по данным Перфецкого.

В XIII в. в Марамороше села возникли лишь в долине Тисы, в комитатах Угоча, Сатмар, Берег и Унг они расположены на равнине, но упомянуты села и в горных районах комитатов Берег: *Чинадиево*, *Свалява*, *Нижние Ворота;* Унг: *Мокрое* на Турье и *Мирча* на Уже, в Земплине в области Лаборца и Цироки: *Гуменне*, *Вышня Радвань*, *Валашковцы*.

К концу XIV в. число сел Закарпатья сильно возросло.

В Марамороше район левых притоков Тисы заселен почти полностью. На реке Вышаве (Visó) и ее притоках уже можно найти все те села, которые существуют там сегодня: *Петрова* (Petrova), *Леордина* (Leordina), *Рускова* (Ruszkova) *Русская Поляна* (Ruszkova Polyana), *Нижнее Вышево* (Alsó Visó), *Вышнее Вышево* (Felső Visó), *Малый Бычков* (Kis Bocskó), *Мойсей* (Mojszén), *Борша* (Borsa).

В районе реки Изы наблюдается та же картина. Там мы находим следующие села: *Вад* (Farkasrév), *Валя-Поркулуй* (Disznópataka), *Oнчешть* (Váncsfalva), *Нанешть* (Nánfalva), *Барсана* (Barcánfalva), *Валени* (Mikolapatak), *Страмтура* (Szurdok), *Розавля* (Rozávlya), *Шиеу* (Sajó), *Ботиза* (Batiza), *Еуд* (Jód), *Коньха* (Konyha), *Драгомирешть* (Dragomérfalva), *Салиштя-де-Сус* (Felső Szelistye), а на реке Рона засвидетельствованы: *Рона-де-Жос* (Alsó Róna), *Вышняя Руна* (Felső Róna). В лбоасти рек Марам орош и Касо находим села: *Барбешть* (Bárdfalva), *Ферешть* (Fejérfalva), *Калинешть* (Kalinfalva), *Коморзанфалва* (Komorzánfalva), *Балотафалва* (Balotafalva), *Винцфалва* (Vincfalva), *Будешть* (Budfalva), *Джюлешть* (Gyulafalva), *Ниреш* (Nyíres), *Дорослофалва* (Doroszlófalva), *Окна-Шугатаг* (Sugatag), *Слатина* (Szlatina), *Гарничешть* (Hernécs), *Десешть* (Desze), *Крачешть* (Krácsfalva), *Копачфалва* (Kopácsfalva), *Годпатак* (Hódpatak). На левом берегу Тисы и на её левых притоках встречаются уже в грамотах: *Крачуново* (Karácsonyfalva), *Миково* (Veresmart), *Сарвасово* (Szarvaszó), *Сапынца* (Szaplonca), *Ремета* (Remete).



На правом берегу и на правых притоках Тисы находим немало сел, но верхнее течение Тисы и ее притоков заселится лишь намного позже. К концу XIV в. на левом берегу появляются следующие села: *Великий Бычков* (Bocskó, Nagy Bocskó), *Белая Церковь* (Fejéregyház), *Солотвина* (Szlatina), *Нижняя Апша* (Alsó Apsa), *Среднее Водяное* (Középső Apsa), *Верхнее Водяное* (Felső Apsa), *Грушево* (Körtvélyes), *Тересва* (Taracköz), *Кривое* (Kirva), *Беловарцы* (Bélavár), *Добрянское* (Nyágova), *Терново* (Kökényes), *Ольховцы* (Irholc), *Нересница* (Alsó Nereznice), *Ганичи* (Gányafalva), *Русское Поле* (Úrmező), *Вонегово* (Vajnág), *Теребля* (Talaborfalu), *Угля* (Uglya), *Дулово* (Dulfalu), *Колодное* (Darva), *Кричево* (Kricsfalva), *Чумалево* (Csománfalva), *Драгово* (Kövesliget), *Буштино* (Bustyaháza), *Стебловка* (Száldobos), *Сокирница* (Szeklence), *Крайниково* (Mihályfalva), *Новобарово* (Újbárd), *Золотарево* (Ötvösfalva), *Бороняве* (Baranya), *Нанково* (Husztköz), *Копашнево* (Gernyés), *Иза* (Iza), *Липча* (Lipcse), *Горинчево* (Herincse), *Березово* (Berezna). В мараморошской долине Боржавы уже засвидетельствованы: *Приборжавское* (Zadnya), *Долгое* (Dolha), *Кушница* (Kusnica), *Керецки* (Kerecke).

В XIV в. образование сел угочанской равнины уже значительно развернулось, и полоса поселений продвинулась вверх до горных краев в северной и восточной частях комитата. На юг от Тисы встречаются следующие села: *Кривая* (Kirva), *Веряца* (Verécе), *Теково* (Tekeháza), *Черна* (Csarnatő), опустевшее село *Сепхедь* (Széphegy), которое лежало около Валя Сяка (Szárazpatak) более позднего образования, *Комлош* (Komlós), *Батарч* (Batarcs), *Тамашени* (Tamásváralja), *Турц* (Turc), *Герца-Маре* (Nagy Gérce), *Герца-Мика* (Kis Gérce), *Юлевцы* (Gyula), *Чепа* (Csepe), *Девичье* (Forgolány), *Дьяково* (Nevetlenfalva), *Клиновое* (Akli), *Даболц* (Dabolc), между селами Холмовец (Halmi) и Турулунг (Tur Terebes) лежало село *Пашт* (Pást), *Чедрик* (Csedreg), *Фертешалмаш* (Fertősalmás), *Федерово* (Tivadar), *Андрашфалва* (Andrásfalva) (в начале XX в. усадьба около села Федерово), *Петрово* (Péterfalva), *Фаркашфалва* (Farkasfalva); на север от Тисы находим: *Раковец* (Rákoc), *Нижний Шард* (Alsó Sárad), *Боржавское* (Nagy Csongova), *Комяты* (Komját), *Шаланки* (Salánk), *Матёвцы* (Mátyfalva), *Фанчиково* (Fancsika), между последними двумя селами было *Керьо* (Kéró), *Доб* (Dob) (в начале XX в. усадьба около села Фанчиково), *Эсьодфалва* (Őszödfalva) (около Тростника), *Вуйгель* (Tisza Újhely), *Вилок* (Tisza Újlak). (Мы не перечислили села, сущесвование которых сомнительно.)

В северовосточной части комитата Сатмар на краю гор Аваш было несколько сел, в которых было украинское или украинское и румынское население, по крайней мере, до начала XVI в.: *Камарзана* (Komorzán), *Тыршолц* (Tarsolc), *Лекинца* (Lekence), *Калинешть* (Kalinháza), около таких сел, в которых по мнению Ф. Макшаи жили румыны: *Биксад* (Bik-

száď), *Бойнешть* (Bujánháza) *Тур* (Turvékonya), *Негрешть* (Felsőfalu), *Вама* (Vámfalu), *Фекетепатак* (Feketepatak). Поселения в юговосточной и южной частях комитата Сатмар не перечисляем, только отметим, что в селе *Рус* (Oroszfalu), судя по названию, жили украинцы, по крайней мере, вначале.

В XIV в. в комитате Берег сеть поселений стала более густой, и линия населенных пунктов постепенно двигалась на север и на восток. На юг от Латорицы в югозападной части комитата находились следующие села, с востока на запад: *Новоселица* (Bereg Újfalu), *Квасово* (Kovászó), *Оросиево* (Sáros Oroszi, м. б. XIII в.), *Лесковое* (Fornos), *Павшин* (Pósaháza), *Коропец* (Kerepec) (в нач. XX в. усадьба на юг от Мукачева), *Дрисина* (Dercen), *Гать* (Gát), *Чеповка* ((Beregszász) Végardó), *Змиевка* (Kígyós), опустевшее *Малое Мужиево* (Kis Muzsaly), *Бакта* (Bakta) (в начале XX в. усадьба около Мужиева), *Боржава* (Borsova), *Геча* (Gecse) (м. б. XIII в.), *Грабаров* (Halábor), *Мочола* (Macsola), *Чома* (Csoma), *Лужанка* (Asztély), *Буча* (Bucsu), между селами Буча и Чома лежало исчезнувшее село *Чомбортелек* (Csombortelek), *Папи* (Papi), *Тарпа* (Tarpa), по мнению Т. Легоцкого между селами Марок и Тарпа были исчезнувшие села *Гедь* (Hegy) и *Гелмец* (Helmec); с юга на север: *Тивадарфалва* (Tivadarfalva), *Гулач* (Gulács), *Яно* (Jánd), *Вашарош Намень* (Vásáros) Namény), *Угорня* (Ugornya), *Феерче* (Fejércse), *Такош* (Tákos), *Чарода* (Csaroda), *Дравцы* (Daróc), *Шид* (Sid) (в начале XX в. усадьба около села Дравцы); опустевшее село *Кирва* (Kirva), *Дедово* (Déda), *Гомок* (Homok), *Вел. Бегань* (Nagy Bégány), *Мал. Бегань* (Kis Bégány), *Ивановка* (Jánosi), *Балажер* (Balazsér), *Геленеш* (Gelényes), *Вамош Атя* (Vámos) Atya), *Салка* (Szalka), *Адонь* (Adony), *Керечень* (Kerecseny), опустевший *Эстерьен* (Eszterjén), *Гетин* (Hetény), *Гаранглаб* (Harangláb), *Чонкапапи* (Csonkapapi), *Косино* (Kászony), *Малое Гутово* (Kis Gút), *Баркасово* (Barkaszó).

В западной части комитата на север от Латорицы отмечается ряд новых поселений, с запада на восток: *Бенедиковцы* (Benedike), *Кайданово* (Kajdanó), *Ракошино* (Rákos), *Русское* (Ruszkóc), *Старое Давыдково* (Ó Dávidháza), *Ивановцы* (Iványi) *Жуково* (Zsukó). На север от Мукачева появляется лишь *Подгоряны* (Podhering) на Латорице, в районе на северовосток от Мукачева не засвидетельствовано ни одно новое село. Неизвестно, где лежало *Виде* (Vide), которое упоминается вместе с Чинадиевом (Szentmiklós). На юговосток от центра комитата, однако, находим целую сеть деревень: *Коропец* (Oláh Kerepec), *Делок* (Papfalva), *Станово* (Sztánfalva), *Гандеровица* (Klastromfalva), *Ромочевица* (Romocsaháza), *Доробратово* (Drágabártfalva), *Макарьево* (Makarja), *Горбок* (Sarkad), *Ремети* (Remete), опустевшее село *Санислофалва* (Szaniszlófalva), *Брод* (Bród), *Иршава* (Ilosva), *Имстичово* (Misztice), опустевшие *Флорианфалва* (Floriánfalva), *Максимфалва* (Makszimfalva), которые, по более поздним данным, лежали между селами Белки и Хмельник.

Переходя в комитат Унг, в юговосточном углу комитата находим лишь *Середнее* (Szerednye), *Лазы* (Láz), *Долгое Поле* (Hosszúmező). Большинство сел, расположенных на юг и югозапад от Ужгорода, засвидетельствовано уже в XIV в.: *Горяны* (Gerény), *Дравцы* (Daróc), *Корытняны* (Kereknye), *Часловцы* (Császlóc), *Великие Геевцы* (Nagy Gejőc),



*Малые Геевцы* (Kis Gejőc), *Сторожница* (Őr), *Пинковцы* (Pinkóc), *Терновцы* (Tarnóc), *Концево* (Koncháza), *Шишловцы* (Sislóc), *Батва* (Bátfa), *Павлово* (Palló), *Матьовце* (Matyóc), *Вешковце* (Veskóc), опустевшее село *Xараст* (Haraszt) (между селами Вельке Капушаны и Чепель); *Радич* (Radics), опустевшая *Харавиша* (Haravisa), *Дуран* (Durán), *Будагаза* (Budaháza), *Великая Паладь* (Palágy), *Келечень* (Kelecsény), *Вельке Слеменце* (Nagy Szelemenc), *Струмковка* (Szürte), *Чоп* (Csap), *Саламунова* (Salamon), и в югозападном краю комитата: *Нярад* (Nyárad), *Чичер* (Csicser), опустевшие села *Лукагаза* (Lukaháza), *Арад* (Arad), которые лежали около села Ижковце; *Вояны* (Vaján), *Мокча* (часть с. *Крижаны*) (Mokcsa-Kérész, Kérész XIII в., Mokcsa XIV в.,) *Павловце* (Pálóc). На территории, лежащей на север от Ужа, возникло сравнительно мало новых сел, с юга на север: *Стретавка* (Kis Szeretva), *Сенне* (Szenna), *Святуш* (Szentes), *Карчава* (Karcsava), *Коромля* (Koromlya), *Гажин* (Ó Gézsény, Új Gézsény, позже: Nagy Gézsény, Kis Gézsény), *Лучки* (Lucska), по мнению Чанки, около Збудзы (Izbugya) расположены к тому времени опустевшие деревни: *Алшо Герече* (Alsó Gerecse), *Фелшо Герече* (Felső Gerecse). Если идти на север по Ужу, то только около Ужгорода находим несколько новых сел: *Доманинцы* (Alsó Domonya), *Оноковцы* (Felső Domonya), *Невицкое* (Nevicke).

В XIV в. в комитате Земплин на нижнем течении Лаборца в районе, соседствующем с комитатом Унг появляются: *Слепковце* (Szelepke), *Ластомир* (Lasztomer), *Михаловце* (Nagy Mihály), *Тополяны* (Topolyán), *Петровцы* (Petróc), *Збудза* (Alsó Izbugya, Felső Izbugya), хотя оно могло существовать уже в XIII в., *Воля* (Laborc Volya), с последним граничило опустевшее *Микете* (Mikete), около Гуменного засвидетельствованы *Бреков* (Barkó), *Лацковце* (Lácfalva), а на севере комитата *Чабаловцы* (Csabalóc), *Чертежное* (Csertész), *Полата* (Palota), в районе, прилегающем к комитату Унг, *Ладомирово* (Ladomér).

Для XIV в. характерно интенсивное заселение равнин от Сатмара до Земплина. В Марамороше в районе левых притоков Тисы уже находим почти все села, которые существуют там сегодня; на правом берегу заселены более плодородные долины нижнего течения притоков Тисы. На краях невысоких горных массивов, которые остались почти нетронутыми в XIII в., возникли села в комитатах Сатмар, Угоча, Берег, Унг, но на север от линии Мукачево—Ужгород в бассейнах Латорицы, Ужа и их притоков не отмечено новых поселений, за исключением, некоторых сел около Мукачева и Ужгорода.

В XV в. в Марамороше появляется намного меньше новых сел, чем в XIV в. Значительная часть их только дополняет сеть сел уже заселенных районов. В верховьях Тисы: *Рахов* (Bocskó Rahó), *Луг* (Lonka), *Каболапатака* (Kabolapataka), на левых притоках Тисы, на Изе: *Слатиора* (Sóspatak), *Пениле-Глодулуй* (Sajópolyána), *Сачел* (Szacsal), на реке Вышаве: *Среднее Вышево* (Középső Visó), на реке Касо: *Корнешть* (Somos), *Сырби* (Szerfalva). В области правых притоков около Хуста находим: *Александровка* (Sándorfalva), *Данилово* (Sófalva), *Селище* (Szelistye), *Кошелево* (Keselyűmező), в долине Боржавы: *Бронька* (Bronyka), *Лисичево* (Ravaszmező). В заселении комитата дальнейший сдвиг на север обозначают села на верхнем течении Теребли: *Колочава* (Kalocsa), на Реке: *Межгорье* (Ökörme-

ző), *Соймы* (Vízköz), а на Репинке—*Рипинное* (Ripina) и *Келечин* (Kelecsény), которые являются первыми базами для заселения Верховины.

В комитате Угоча равнина была заселена в прежние столетия, на предгорье тоже возник ряд сел. В следующих веках наблюдается скорее только дополнение уже существующей сети населенных пунктов. Так, в XV в. в районе гор Аваш появляются *Тарна-Маре* (Nagy Tarna), *Валя Сяка* (Szárazpatak), на север от Тисы в долине Боржавы: *Гребля* (Felső Karaszló), *Заречье* (Alsó Karaszló), *Завадка* (Kis Csongova), *Широкое* (Felső Sárad), В. Копаня (Veresmart). В северовосточной части Сатмара, занятой румынами, возникло несколько новых поселений: *Треп* (Terep), *Сатул-Ноу* (сегодня *Сатул-Ноу-де-Жос* и *Сатул-Ноу-де-Сус*) (Újfalu), *Ракша* (Rákos), население последнего в начале XVI в. состояло из украинцев.

В комитате Берег заселение югозападной равнины было, в основном, закончено в прежние века. В XV в. картина поселений этого края дополняется лишь несколькими новыми селами. В южной части комитата: *Четово* (Csetfalva), *Киш Боршова* (Kis Borsova), опустевшее *Бенце* (Bence), *Гергеи* (Gergelyi); около села Дравцы (Daróc) было и *Мал. Дравцы* (Kis Daróc), которое позже исчезло; *Баг* (Bag) (в начале XX в. усадьба около Вамош Атя (Vámos Atya)), опустевшие *Мика* (Mika), *Бетлен* (Betlen); село *Сигет* (Sziget) лежало между селами Лоня (Lónya) и Яворово (Eszeny) комитата Сабольч, а *Ревбах* (Révbach) около села Адонь. На югозапад от Мукачева появляются *Великое Гутово* (Nagy Gút), *Жнятино* (Izsnyéte), *Чомонин* (Csomonya), *Страбичево* (Sztrabicsó), *Великие Лучки* (Nagy Lucska). На север от Латорицы на той территории, которая называется позже краем Бобовище, появляются *Бобовище* (Bubuliska), на запад от него: *Чоповцы* (Csapócka), *Балажвагаша* (Balázsvágása) (в начале XX в. усадьба), опустевшее село *Быстра* (Bisztra), *Новое село* (Kis Újfalu), *Кальник* (Kálnik), *Копиновцы* (Nagy Mogyorós), на юг: *Лохово* (Nagy Lohó) (данные о селе *Леневцы* (Kis Lohó) только с XVI в.); *Лавки* (Lauka), *Клячаново* (Klacsanó). В Вызницком крае уже находим село *Нижняя Вызница* (Alsó Viznice), а около Мукачева *Росвигово* (Oroszvég). В северном бассейне Латорицы тоже начинается формирование сети населенных пунктов: *Подмонастырь* (Klastromalja), *Кольчино* (Kölcsén), *Быстрица* (Repede), *Сусково* (Szuszkó), *Стройно* (Sztrojna), *Дусино* (Duszina), *Нелепино* (Nelipina), *Голубиное* (Holubina), *Павлово* (Paulova), а кроме того появилось несколько верховинских сел: *Подполозье* (Putpalóc), *Верхние Ворота* (Felső Verecke), *Лазорев Поток* (Lázárpatak), *Воловец* (Volóc). Мы не знаем ничего определенного о селе *Дедек* (Dedek), которое встречается вместе с селами Нелепино, Подполозье (ср. Csánki 414), и о селе *Кеть* (Kéty), которое упоминается вместе с селом Подполозье. Особенно сильно изменился вид района, лежащего на юговосток от Мукачева, где появилось немало новых сел, особенно на запад от гор Гат: *Бородовка* (Bárdháza), *Пистрялово* (Pisztraháza), *Залужь* (Kis Almás), *Яблоново* (Nagy Almás), в том же краю лежало исчезнувшее село *Романпатака* (Románpataka), *Лалово* (Nagy Lányfalva), *Негрово* (Mászárfalva), *Завидово* (Závidfalva), *Арданово* (Árdánháza), *Дунковица* (Nyíresfalva), и на юге: *Хмельник* (Komlós), *Камянское* (Kövesd), *Сельцо* (Kisfalud), *Медяница* (Medence), *Лоза* (Polyanka), *Дубровка* (Dubróka), *Белки* (Bilke), (м. б. XIV в.), около последнего лежало *Суньогмезе* (Szunyogmező), *Луково* (Lukova), *Рев* (Rév), которое было около *Иршавы* и *Ильницы* (Ilonca), но на восток от гор Гат тоже существовали уже села: *Загатье* (Hátmeg), *Колодное* (Tőkés), *Крайняя Мартинка* (Krajna Martinka), *Бабичи* (Bábafalva). В районе гор Гат было и село *Эрдэд* (Erdőd), место которого нельзя точно определить.

В комитате Унг сильно заселилась его юговосточная холмистая горная часть от Середнего до Ужгорода и до Ужа, которая принадлежала Середнянской и Ужгородской доминиям: *Ирлява* (Orlova), *Завода* (Zavoda), *Дубровка* (Dubroka), *Андрашёвцы* (Andrasóc), *Волоковое* (Valkaja), *Деньковцы* (Dengláz), *Комаровцы* (Orosz Komoróc), *Холмец* (Putka Helmec, Korlát Helmec), *Баранинцы* (Baranya), *Розовка* (Ketergény), *Лемковцы* (Lehóc, у Чанки: Lengyelfalva), *Чертеж* (Csertész), *Гайдош* (Gajdos), *Худлево* (Horlyó), *Нижняя Солотвина* (Nagy Szlatina), *Радванка* (Radvánc), *Стрипа* (Sztrippa), *Ярок* (Árok), *Ореховица* (Rahonca) и опустевшее село *Вагаш* (Vágás). На равнине на югозапад от Ужгорода появился ряд новых сел среди старых, с юга на север: *Птрукса* (Ptruchsa), *Малые Ратовцы* (Kis Rát), *Галоч* (Nagy, Kis Gálocs), *Киш Капош* (Kis Kapos), *Ижковце* (Iske), опустевшая *Градища* (Hradiscsa) между селами Беша и Оборин; *Войковце* (Vajkóc), опустевшая *Барта* (Barta), которая упоминается с селами Батва, Матьовце и Руссковцы; *Деревцы* (Botfalva) *Штрашкгаза* (Straskháza) (в начале XX в. усадьба: *Трашкпуста* (Traskpuszta)), опустевший *Киш Тарноц* (Kis Tarnóc), *Боздош* (Bozos), *Сторожница* (Darma), *Лекаровце* (Lakárd), *Баяны* (Bajánháza), около которого было село *Меркоц* (Merkóc), *Высока* (Viszoka), *Тягиня* (Tegenye), *Модьорош* (Mogyorós). На север от Ужа до Вихорлата в западной части комитата возникло больше всего новых местностей, и установилась современная сеть населенных пунктов. Мы находим следующие села с юга на север: *Загор* (Zahár), *Чабрад* (Csábrád), *Ташуля* (Tasolya), *Нижне Немецке* (Alsó Németi), *Вышне Немецке* (Felső Németi, кроме того существовало и Középső Németi), *Сейков* (Székó), *Кресты* (Kereszt), *Поростово* (Porosztó), *Блатна Полянка* (Sáros Polyánka), *Блатне Ременты* (Alsó Remete), *Инячовце* (Solymos), *Ястрабье* (Jesztreb), *Чечехов* (Csecsehóc, в XV в.: Szocsogó), *Врбовец* (Verbóc), *Страняны* (Sztranyán), *Блатне Ревиштя* (Sáros Reviscse), *Вышне Ревиштя* (Felső Reviscse), *Бунковце* (Bunkóc), *Остров* (Osztró), *Собранцы* (Szobránc), *Кайдано* (Kajdano), которое лежало около Собранцев; *Бахушо* (Bahusó), лежавшее около Цибавы; опустевшее село *Остро* (Osztró), *Орехова* (Orehova), *Комаровце* (Szobránc Komoróc), *Порубка* (Ördög Poruba), *Прикопа* (Prikopa), *Конюш* (Konyus), *Ганковце* (Hunkóc), *Башковце* (Baskóc), *Глиник* (Hlinik), *Руссковцы* (Ruszkóc), *Нижня Рыбница* (Alsó Ribnice), *Гайдош* (Gajdos), *Убреж* (Ubrezs), *Фекешгаза* (Fekésháza), *Завадка* (Zavadka), *Гнойне* (Hanajna), *Мале Залужице* (Kis Zalacska), *Орлёц* (Orlyóc) (в начале XX в. усадьба на югозапад от села Михаловце); опустевшие села *Гилоц* или *Геролц* (Hilóc, Herolc), *Чернице* (Csernice), которое было между селами Есенёц, Винне, Трнава; *Киш Тарна* (т. е. Малая Трнава, Kis Tarna), *Шимонюлеше* (Simonüllése), которые были около села Трнава; *Блата* (Blata) была около сел Винне, Калужа; *Варконд* (Várkond), *Калужа* (Kaluzsa), *Клокочев* (Klokocsó), *Кусин* (Kuszin), *Ёвса* (Jósza), *Немецка Поруба* (Német Poruba), *Папорц* (Páporc) (в начале XX в. усадьба около села Немецка Поруба); *Реметске Гамры* (Felső Remete),

*Вышня Рыбница* (Felső Ribnice), *Гливище* (Hliviscse), *Подгород* (Váralja). На северовосток от Ужгорода появляется несколько новых сел в долине Ужа: *Камяница* (Ó Kemence), *Заречево* (Zaricsó), *Дубринич* (Dubrinics), *Малый Березный* (Kis Berezna), *Великый Березный* (Nagy Berezna), а на Турье *Турьи Реметы* (Turja Remete), но этот край остался малозаселенным. Может быть, под названием *Перечке* (Perechke) надо понимать *Перечин* (Perecsen). В труде Чанки встречаются села, о которых автор может сказать мало определенного: напр., село *Чиклин* (Csiklin) могло лежать около Михаловцев, также *Гусин* (Huszin), а *Чисер* (Csiszér), может быть, уже в Земплине, они принадлежали к имениям семьи Палоци, село *Сероница* (Szeronica) относилось к Есенёцкой доминии, село *Оздо* (Ozdo) встречается вместе с селом Збудза, а *Инай* (Inaj) упоминается между селами *Кетергень* и *Добронь* (Ketergény, Dobrony), село *Юдло* (Judló) встречается вместе с селами Чоп и Струмковка;село *Келеменоц* (Kelemenóc) упоминается между селами Глиник, Рыбница; а место села *Шикат* (Sikat) нельзя определить; неизвестно, где лежала крепость *Буколц* (Bukolc) и др. Кроме того, появляются и новые названия, за которыми скрываются уже раньше основанные села (они приведены в списке сел).

В Земплине по нижнему течению Лаборца встречаются новые поселения, и так образуется современная сеть деревень, с юга на север: *Мале Рашковце* (Kis Ráska), *Вельке Рашковце* (Nagy Ráska), *Шамудовце* (Sámogy), *Красновце* (Krasznóc), *Мочараны* (Mocsár), *Станков* (Sztankóc); опустевший *Геншелец* (Henselőc), *Кривоштяны* (Krivostyán), *Кудловце* (Kudlóc), на юг от Гуменного: *Гажина* (Hazsina), *Хлмец* (Helmecke), *Ореска* (Oreszka), *Порубка* (Porubka); в долине реки Цирока: *Каменица* (Nagy Kemence), *Камёнка* (Kis Kemence), *Модра* (Modra), *Длге над Цирохоу* (Ciroka Hosszúmező), *Бела над Цирохоу* (Ciroka Bela), *Снина* (Szinna), северная граница населенных пунктов была у Снины. На востоке находим лишь *Быстрое* (Orosz Bisztra) в районе реки Убли. На север от Гуменного в долине Лаборца и его притоков наблюдается ряд новых сел: *Удавске* (Udva), *Папин* (Papina), *Нижняя Яблонка* (Alsó Jablonka) (на реке Удва), *Любиша* (Lyubise), *Вышний Владич* (Felső Ladiskóc), *Избудя Хоссумезе* ((Izbugya) Hosszúmező), *Храбовец* ((Izbugya) Hrabóc), *Брестов* (Izbugya) Breszt6), *Збудский Рокитов* ((Izbugya) Rokitó), (Словенске) *Криве*((Tót) Kriva), *Збудское Збойное*((Izbugya) Zbojna), *Збудска Бела* ((Izbugya) Bela), *Волица* (Volyica), *Нижне Чабины* (Alsó Csebinye), *Вышне Чабины* (Felső Csebinye), так что заселение этой территории значительно развивалось, особенно, благодаря новым селам Збудской доминии.

В XV в. уже полностью были заселены равнины Закарпатских комитатов. В невысоких горных районах села появляются не только на краю, но и в внутренних частях более годных для заселения. Кроме того, возникает ряд сел по верхнему течению закарпатских рек и на Верховине.

*

Анализ отношений населения XIV—XV вв. должен охватить еще другие существенные вопросы.

Одним из таких вопросов, который нуждается в разъяснении, является распределение все возрастающего закарпатского населения по народностям, а другим то, каков был состав украинского населения с точки зрения истории заселения, откуда пришли переселенцы, какие внутренние движения населения наблюдались на заселенной территории.



Определить границы разных народностей очень трудно, так как из XIV—XV вв. у нас нет переписей с указанием на язык населения; до нас дошло лишь очень мало крестьянских имен. Все же на основе топонимических названий, редко записанных личных имен и заметок, которые иногда встречаются в грамотах, переписях, можно сделать определенные выводы. Мы не могли ставить себе целью удовлетворительное решение этого вопроса, так как мы не рассмотрели все грамоты, не располагаем всеми топонимическими названиями того времени, при наличии которых можно было бы более или менее точно установить границы украинской языковой области и ее изменения, так что ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Анализируя заселение Марамороша, В. Белаи рассматривает и соотношения разных народностей. Имея в виду данные В. Белаи, кажется вероятным, что в городах долины Тисы: Хуст, Вышково, Тячев, Кымпулунга-Тиса и Сигот жили венгры и саксонцы, но последние постепенно мадьяризировались (Bélay 28). Кроме городов венгры жили еще в селах долины Тисы. Удельный вес венгров постепенно уменьшался, но в конце XV в. смешанное население имели села Иза, Стебловка, Буштино (Bélay 36). По мнению Белаи, венгры и украинцы жили вместе в селах Крайниково, Сокирница, Нанково, Данилово (Bélay 37); Русское Поле было, вероятно, венгерским, хотя было собственностью не только семьи Погань, но и румынских дворян (Bélay 39). В селах Бедевля, Тересва в конце XV в., нач. XVI в. тоже еще жили венгры (Bélay 40), но уже вперемежку с украинцами. В остальных селах на север от Тисы украинское население было исключительным, кое-где могли жить и отдельные венгерские семьи.

Граница украинской и румынской народностей будет рассмотрена ниже.

В комитате Берег венгры постепенно двигались на север и к концу XIV в. достигли приблизительно той линии, где граница двух народностей проходила в конце XVIII в. В то же время украинская народность уже заняла примерно ту территорию, на которой мы находим ее в XVIII в. Долина Боржавы и горный район Гат были, в основном, в руках румынских дворян, а с другой стороны относились к Крайне (т. е. к району Мукачевской доминии). Население этих сел в конце XV в. было, вероятно, украинским. В XIV—XV вв. кроме румынских помещиков могли быть там и румынские крестьяне, которые потом слились с украинским населением. Румынские помещичьи семьи были связаны узами родства, семьи Билкеи (Bilkei), Долгаи (Dolhai), Ракоци (Rákóczi), Липчеи (Lipcsei), Илошваи (Ilosvai), Горзо (Gorzó), Комлоши (Komlósi) имели крупные имения в западной части Мараморoша, в юговосточной части комитата Берег и в северной Угоче. К имению семьи Билкеи принадлежали в Береге Белки, Луково, Имстичево, Дубровка, Суньогмезе, а к семьи Илошваи — Максимфалва, Сельцо, Ильница, Иршава, Рев, Лоза; к имению семьи Комлоши: Горбок, Дунковица, Богеровица, Камянское, Медяница. (Конечно, соотношение имений временами изменялось.) К Крайне с центром Станово относились следующие села: Коропец, Калод-

ное, Загатье, Доробратово, Медяница, Арданово, Завидово, Лалово. Население этих сел к началу XVI в. было, вероятно, украинским. Горбок, который лежал ближе всех к венгерской языковой области, назывался и „русским селом“ (Oroszfalu). Разумеется, мы должны предполагать, что венгры жили среди основателей таких сел, украинское диалектное название которых является заимствованием из венгерского, напр., *Кивяжд* (Kövesd), *Комлош* (Komlós). Село Реметы, в котором стоял монастырь ордена Святого Павла, было венгерским (по украински *Реметы)*. Макарьево было собственностью румынских дворян, в 1393 г. Гергель, сын румынского воеводы Дёрдя и его родственник Байк были введены во владение селом. В венгерском названии села Негрово (Mászárfalva) есть славянский корень, а в украинском — румынский, со славянским суффиксом, что свидетельствует об украинско-румынском (валашском) населении. (Названия *валах, валашский* обозначают не принадлежность румынской народности, а определенный тип крепостных с особыми правами и обязанностями.) Мы не знаем ничего определенного о народности сел Бородовка, Пистрялово в XIV—XV вв. Так же обстоит дело с селом Ромочевица. Подмонастырь,Папфалва были имениями церкви или церковных лиц. Варадский каноник Карас переселил оттуда украинских крестьян в Заречье в Угочу (Leh. III. 362). В селе Залужь в 1393 г. жили валахи-украинцы (ср. . . . *item iobagionibus, olachis scilicet rutenis, ad dictam villam Almas spectantibus* (Sztáray I. 522)). Жителями сел Новоселица, Лесковое, Дрысина, Новое Село были венгры, но в этих селах могли жить и украинцы. Нельзя определить, какая народность жила в селах на запад от Мукачева в XIV—XV вв. Судя по названиям, в Павшине (Pósaháza) жили венгры, а в селах Страбичево и Лучки — украинцы. В селах на юг от Латорицы, имеющих лишь венгерское или мадьяризированное славянское название, к началу XVI в. жили венгры. Мы не знаем, какой народности принадлежали жители сел на север от Латорицы: Клячаново, Кайданово, Ракошино, Зняцево, Ивановцы, Старое Давыдково и остальных сел края Бобовище, так как прямых данных о народности этих сел у нас нет. По всей вероятности, в подавляющем большинстве население было украинским. Очевидно, что украинцы жили в Русском и Бобовище. Старое Давыдково основано кенезом, Лавки имеют украинское название, оба они были собственностью монастыря на Чернечьей Горе, и, вероятно, в них жили украинцы, но село Ракошино имеет украинское название, восходящее к венгерскому (Rákos), так что основателями села были венгры.

По карте книги Сабо (Szabó 99) в Угоче в XIV—XV вв. украинскими селами были: Раковец, Нижний Шард, Верхний Шард, Гребля, Боржавское, Завадка, Заречье, опустевший Дубоц (Dubóc), часть села Комят (Orosz Komját), Миково (хотя в XVI в. есть: Magyar Veresmart). В горном районе Аваш украинскими селами были: Кривый, Черна, Бочков, Тарна-Маре, в пограничной полосе румынской и украинской областей лежали Комлош, Валя-Сяка, Сепгедь (Szabó 121), на юг от той линии тоже жили украинцы, так в селе Турц в 1478 г. упоминается: *Koztha Ruthenus* (Szabó 112). В XIV—XV вв. в северовосточном углу Сатмара, который граничит с Угочей и Марамарошем, было несколько сел, населенных полностью или



частично украинцами: Камарзана, Таршолц, Лекница, Калинешть, Ракша (ср. Maksai). В остальных „валашских“ селах, которые были расположены в юговосточной части комитата, жили, главным образом, румыны, хотя можно встретить украинские имена, топонимические названия (см. ниже) и украинское село Рус (Oroszfalu) (см. ниже). В северозападной части комитата украинцы жили в селах (Орос) Пали (Pályi), Руска(телек) (Ruszka). Остальная часть Угочи и Сатмара была населена венграми и румынами.

Мы не располагаем достоверными данными о границе украинской и венгерской языковых областей в комитате Унг. Вероятно, что в продолжении бережской украинской языковой области, в селах юговосточного Унга, которые принадлежали Середнянской доминии, жили украинцы, по крайней мере, было украинское большинство: Бачава, Ирлява, Завада, Дубровка, Андреевка (Андрашёвцы), Середнее, потому что названия этих сел являются славянскими или образованы с славянским суффиксом (Андрашёвцы). К ним примыкает еще село Комаровцы. Большинство сел на юг и юговосток от Ужгорода по украинско-венгерской языковой границе конца XVIII в. принадлежало Ужгородской доминии. Так, в XVII в. в хозяйственный район Тотшаг (т. е. Словацкий район) входили Горянское ишпанство (т. е. округ ишпана 'управляющего'): Горяны, Дравцы, Корытняны, Лазы, Долгое Поле, Радванка, и Ореховицское ишпанство около Ужгорода: Немецкое, Камяница, Невицкое, Ореховица, Ярок, Доманинцы, Оноковцы, Нижняя Солотвина и Стрипа (ср. Hodinka rutének 6, Урбар 1631 г. (U et C 105—1)) (перечислены только те села, которые уже существовали в XV в.). У нас нет данных о народностях сел т. н. Тотшага в XIV—XV вв. Очевидно, что название было обусловлено тем, что в нем жили словаки (по-венг. *tót)*. В XVII в. *tót*, имеет уже значение 'словак', а не 'славянин вообще', как в древневенгерском. Это, однако, не значит, что там не могли жить и украинцы, и венгры с теми же правами, которые имели словаки.

Надо иметь в виду и чужие острова в языковых областях, которые просуществовали более или менее продолжительное время. Такими были Гайдош на северовосток от Середнего, с венгерским названием, а в XVIII в. венгерской языковой области принадлежали села Руска, Комаровцы, которые были основаны славянами, и могли сохранить свой славянский характер в XIV—XV вв.

В XIV в. на территории, где сегодня живут словаки и украинцы, и в Словацком районе было т. н. валашское население. Так, в 1337 г. в село Коромля были поселены „валахи“. „Валашские крепостные“ засвидетельствованы в 1365, 1378 гг. в Коромле, в 1348 г. Есенёце, в 1409 г. в селах Ганковце, Чертеж и т. д. (ср. Farkasf. 66), село Реметские Гамры называются около 1520 г.: Oláh Remete. Хотя наши данные едва ли являются исчерпывающими, все же есть основание предположить, что „валашское“ население здесь не образовало такую компактную область, как в Марамороше, Угоче и в восточной части Берега. Под „валашским“ населением и здесь надо понимать румын и украинцев. Так, например, в грамоте 1414 г. мы читаем о том, что „валашские“ крепостные дочерей Яноша Другета, жители села Убля, „*Paulus videlicet Desko et Cosmas filii Ihnath*“ совместно с подгородскими крепостными Яноша Надьмихаи

„*Neg et Ivan filiis Sandrini*“ напали на имение в селе Конюш (Sztáray II. 142). Имя *Игнат (Ihnat* с *h*) указывает на украинское происхождение „валашского“ крестьянина. В Коромле, о „валахах“ которого не раз говорится, в 1437 г. есть украинский священник, и значительную часть крестьянских имен тоже надо считать украинскими, напр.: *Lucas filius Welyczko, Cosmas similiter Velyczko, Stephanus Polyak* и др. (Sztáray II. 342). Фамилия *Поляк* указывает на то, что в этом районе были переселенцы из Галиции. Об украинском крепостном, т. е. не о „валахе“, читаем в грамоте 1337 г.: *Ozyph* в селе Винне (Sztáray I. 132). Уже в 1254 и 1266 гг. засвидетельствованы украинские могилы, притом в 1266 г. приводится и древнерусское название: sepulcrum ruthenorum, quod vulgo dicitur *mogula* (Sztáray I. 11). В XV в. встречаются фамилии: *Orosz, Ruszin* 1499: *Stephanus Oroz*, Tarna (Sztáray II. 444), 1449: *Philippi Rwsyn*, Krivostyán (Sztáray II. 445), которые свидетельствуют об украинцах (особенно последняя).

Рассматривая украинское население, мы проследили и распространение „валахов“, среди которых были румыны. Д. Крынжала в своей книге о румынском влиянии в Карпатах (D. Crînjală, Rumunské vlivy v Karpatech se vláštním zřetelem k moravskému Valašsku, Praha, 1938) наибольшее количество румынских топонимических названий находит в Мармароше, меньше в Береге и мало в Унге (ук. соч. 434), что подтверждается и нашими данными.

С точки зрения развития языка существенно установить, из каких слоев складывалось украинское (древнерусское) население Закарпатья с точки зрения истории заселения. В период с начала XIV в. до середины XVI в. мы считаем необходимым различать следующие слои: древний слой закарпатского населения, которое уже жило там в конце XIII в. В XIV—XV вв., однако, происходит активный процесс заселения, о котором говорилось выше. Мы видели, почему и как шло заселение, но важно еще выяснить и то, откуда вербовалось население новых закарпатских сел. Имеются все основания высказать предположение, что украинские крестьяне Галиции, которые наиболее страдали от гнета и эксплуатации, переходили, прежде всего, на южную сторону Карпат. Удобнее всего было переселиться на юг крепостным, которые жили в краях, близких к Карпатам, но перейти Карпаты было нелегко. Легче всего это было на западе, благодаря чему Шарыш и западная часть Земплина были заселены раньше, чем восточная часть Земплина или ужанская, бережская, мараморошская верховины. Возможность для перехода представляли Ужоцкий и, главным образом, Веречанский перевалы. Веречанский перевал был военной дорогой, но мог быть и воротами для переселенцев. Но ужанская, бережская и, связанная с последней, мараморошская верховины были заселены лишь позже (в XVII в.), причины чего надо было бы рассмотреть особо. Едва ли благоприятствовало переселению то обстоятельство, что через верeчанский перевал в XIV—XV вв. часто ходили войска. К тому же горы были более высокими, и, если с польской стороны хотели препятствовать переселению, то контролем перевалов могли достичь лучших результатов, чем на западе, где горы были невысокими, и поэтому для перехода было много возможностей. Но кроме этих обстоятельств, надо было бы иметь в виду и феодальные



отношения, условия заселения и другие факторы, чтобы объяснить данное явление. Переселение, однако, происходило и здесь в XIV—XVI вв., а с середины XVI в. оно было интенсивным. В мараморошских Карпатах, которые являются самой высокой частью Северовосточных Карпат, нет перевала. Но в юговосточном углу Мармороша вдоль рек Вышавы, Борши и Золотой Быстрицы вела хорошая дорога в Буковину и Молдавию. Той дорогой приходили в Марморош и тянулись оттуда дальше на запад в Берег, Угоча, Сатмар „валахи“, о которых особенно много сведений имеется в Мармороше. Там вождями „валахов“ были прежде всего румыны, которые принадлежали к правящим кругам комитата в конце XIII в. и начале XIV в. „Валахи“ заселяли территорию, которая имела редкое население до тех пор, и в то же время они несли и пограничную службу. Руководителем валахов был „воевода“, а во главе нескольких сел стояли кенези. Воеводы происходили из самых богатых семей и почти все были в родственных отношениях, хотя теоретически выборы были свободными (ср. Bélay 18). Венгерский король поручил воеводе Драгушу основать воеводство в Молдавии. С ним в Молдавию пришло немало мараморошских „валахов“, но это не значит, что они и составляли население Молдавии; здесь уже жило украинское и румынское население, над которым они установили свою власть. Во время королевства Лайоша [Людовика] первого мараморошский воевода Богдан перешел со своими людьми в Молдавию без разрешения короля, чтобы отнять власть у Саса. Первый раз это ему не удалось, но около 1359 г. он занял и защитил свой престол от „валахов“, служащих Венгрии. В войнах против Богдана отличилось много кенезов, которые стали дворянами и вместе с тем помещиками тех сел, во главе которых они стояли. Балк, сын Саса, свергнутого с престола, был назначен мараморошским воеводой, а сыновья Саса (Szászfi) стали ишпанами (главами комитата) не только в Мармароше, но и в Сатмаре, и Угоче. Так как одно и то же лицо было и воеводою, и ишпаном, обе власти были соединены в его руках, и учреждение воеводства в Мармороше прекратилось (ср. Bélay 21). Сыновьям Саса король даровал крупные имения в комитатах Сатмар и Средний Солнок. Заселение восточной части комитатов Угоча и Сатмар осуществилось ими. Вождями „валахов“, пришедших с востока, были румыны, но часть населения, вероятно, уже в конце XIII в., в начале XIV в. составляли украинцы. На север от Тисы и в долине Русковы „валашское“ крестьянство было украинским, что доказывают первоначальные славянские названия сел, имеющихся там уже в XIV—XV вв.: Долгое, Заднее, Кушница, Березово, Горинчево, Боронява, Крайниково, Кричево, Кривый, Нягово (с славянским суффиксом), Терново, Грушево, Рускова, Поляна Рускова, Петрова. В этой части Мармороша, однако, значительную роль играли румынские кенезы, дворяне, которые в некоторых селах составляли значительную часть населения, но потом слились с украинским населением. Часть села Колочавы, основанном в XV в., имеет название Негровец, образованное от румынского корня. (Сейчас фамилия *Негра* распространена и среди украинцев (Чучка антр.).)

На территории, населенной сегодня румынами, в XIV в. находим такое топонимическое название, которое по происхождению является восточно-

славянским (данные взяты из документации книги В. Белаи (Bélay), Гарничешть (Hernécs) 1360: *Hwrniachfalwa*, 1389: *Hernech*, 1472: *Hernyczafalva*. В 1576 г. о селах Гарничешть, Иллешфалва, Окна-Шугатаг отмечено, что они украинские (Bélay 154). Несмотря на это, Белаи считает их румынскими, на наш взгляд, однако, можно предположить, что тогда в этом краю еще жили украинцы. Хотя от славянского корня образованы названия: Калинешть (Kalinfalva) и Балотафалва (Balotafalva), но оба слова употреблялись в качестве личных имен и румынами (любезное сообщение Л. Тамаша). Славянскими или типично восточнославянскими топонимическими названиями в валашских селах на север от Тисы (по данным В. Белаи) были: Долгое (Dolha) 1383: *Dabouch* (гора), 1411: *Daboch* (слав. dubovec), *Kuzypathaka* (укр. *kuzji*), *Valasonka* (укр. *volos'onka*), также около сел Долгое, Заднее, Сухая, Бронька, Керецки, Кушница: 1463: *Bwkowecz (Bwkwnocz)* (слав. *bukovec*), *Dubocz (Dabucz)* (гора) (слав. *dubovec*), *Javornyk* (слав. *javornik*), *Kwzypathaka*, *Ryczka* (укр. *rička*), *Walazoyonka;* Терново (Kökényes) 1411: *Hlwbuka* (река) (укр. *hlubôka*), *Kyscrazna* (слав. *krasna*). Славянские и восточнославянские топонимические названия встречаются и около села Розавля (Rozávlya) 1411: *Opolonka* (гора) (укр. *opolonka*), *Prysluphege* (укр. *prislup*), *Craznahawasa*, *Papagyahawasa* (слав. *popad'a*) ; около села Еуд (Jód): 1435: *Hwdynhawasa* (слав. *chudin*) ; около Коньхи (Konyha) 1373: *Wegsaghavasa alio nomine Nedele* (слав. *neděla*, хотя может быть и румынское название, ср. *nede'e* (H. Tiktin, Rumänisch-deutsches Wörterbuch. Bukarest, II. 1906, 1046)), 1471: *terra Danowa* (со славянским суффиксом), *terra Prislop*, и, может быть, около Борши (Borsa) 1450: *Stolhavasa* (из слав. *stolъ* или *stьlbъ*). В селе Леордина *поп Давид* называется священником украинцев 1479: *David presb. ruthenorum* (Bélay).

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что среди „валахов“, пришедших из Буковины и Молдавии, были украинцы не только на север от Тисы и в долине реки Русковы, где они составляли большинство, но и около сел Петрова, Леордина, в районе реки Изы около сел Розавля, Еуд, Коньха, Драгомирешть. В селах Гарничешть, Иллешфалва, Окна-Шугатаг тоже были украинцы. Кроме того, украинцы могли быть и в других селах.

В 1378 г. сыновьям воеводы Саса была подарена нялабошская доминия (Nyalábos) (Szabó 117), и район гор Аваша был занят „валахами“. Как мы видели выше, при определении границы украинской языковой области, в начале XVI в. украинцы жили в северных селах района гор Аваш (Кривый, Черна, Бочков, Тарна-Маре), а также в селах дальше на юг.

В комитате Сатмар уже в XII в. было древнерусское село *Ороси*, которое потом омадьяризировалось. В XIV в. „валахи“ Драгфи (Drágfi) занимают восточную и юговосточную части Сатмара (Maksai 87—88). Среди „валахов“ были и украинцы. В начале XVI в. население сел, соседних с Мараморошем и Угочей, было частично (Калинешть, Таршолц, Ракша) или полностью украинским (Лекинца, Камарзана). Остальные села Ф. Макшаи считает румынскими, но и в них можно предположить украинское население, о чем свидетельствуют имена, топонимические названия, которые встречаются в районе Аваша и в южной, юговосточной частях



комитата Сатмар, 1478: *Hrihor*, Bábafalva (Maksai), 1512: *Herbenyák*, Apa (Maksai); 1493: *Howyrla* (описка вместо: *Howryla*), Bártfalva (Maksai). Около города Бая-Маре (Nagybánya) в конце XIV в. было основано село Рус (Oroszfalva), которое перешло позже в руки Драгфи. Его жители приходили, вероятно, с „валашской“ волной второй половины XIV в. Тоже самое можно сказать о жителях села Балкан (Hirip), венгерское название которого хорошо объясняется из украинского (ср. Kniezsa Ecs. láp. 37). Оно впервые засвидетельствовано в 1370 г., как имение семьи Мориц, потом перешло в руки Драгфи и омадьяризировалось. Среди сел эрдэдской (erdődi) доминии Драгфи название Балотафалва происходит от славянского имени (Maksai 112), но его носителем мог быть и румын. В начале XVI в. Балотафалва — румынское село. Название села Беринца (Berence), Липовени (Lippó) указывают на славянских основателей, но позже в них в большинстве жили румыны (Maksai 116, 168). Об украинских жителях рассмотренных сел можно полным правом предположить, что они пришли в Сатмар в XIV—XV вв. с востока. Неясно, однако, откуда пришли в Сатмар те украинцы, которые жили в северозападной части комитата в селах (Орос)пали (с 1294 г.), на реке Красна и Руска (с 1357 г.) на территории яношиевского имения, от которых происходят такие топонимические названия, как 1454: *Rwzkalapossa* около села Парасня (название села славянского происхождения), 1415: *Dalha*, 1496: *Dolhapathaka* около села Панёла, 1425: *Welcherethe (Wewche)* ( < *vouče*) около Нябрада (соседнего с последним). Их можно считать не только „валахами“, но и переселенцами из комитатов Унг и Берег. Часто нельзя решить, какой народности принадлежало славянское население того или иного сатмарского села. Так, личные имена Тот (Tót) и названия сел, образованные с первым членом Тот (Tót), не обязательно указывают на словаков, так как в древневенгерском языке слово *tót* обозначало 'славянин'. Однако в XIV—XV вв. венг. *tót*, вероятно, обозначает уже 'словак' (любезное сообщение Л. Киша), а название *orosz* служило для обозначения древнерусских, а потом украинцев, или же людей, которые пришли из украинской языковой области. В комитате Сатмар в XV в. часто встречается имя *Орос* (Orosz), напр., 1493: *Oroz*, Batizháza (Maksai), 1466: *Oroz* 2, Szamosszeg (Maksai).

В бережской Крайне, в имениях дворянских семей румынского происхождения (Bilkei, Ilosvai, Komlósi, Rákóczi, Dolhai, Lipcsei) в юговосточной части комитата „валахи“ были в большинстве украинцами (подробнее см. выше). Население украинских сел Угочи на север от Тисы происходило из юговосточной части Берега и из Западного Мармороша.

У нас нет точных данных о населении Чинадиевской доминии в XIII—XV вв. Чинадиевская доминия, которой принадлежала и Свалява, была дана комесу Михаю в 1270 г. королем Ласло [Ладиславом], а в 1411 г. была дарована Петеру Перени, но его предки владели ей уже с 1389 г. В 1456 г. Чинадиевской доминии принадлежали Свалява, Кольчино, Подгоряны, Дусино, Межгорье, Ворота. Доминия граничила с имениями семей Горзо, Билкеи, Илошваи. Из XV в. у нас нет данных о том, достигла ли „валашская“ волна XIV в. Чинадиевскую доминию. Но в 1456 и 1469 гг. Янош Перени носил титул чинадиевского воеводы (Leh.

III. 714). Титул воеводы Я. Перени имел в качестве владельца Чинадиевской доминии и командующего „валашским" военным округом. Кроме того, диалектное название села *Ряпедь* (сегодня Быстрица) происходит из румынского слова (Rum. vlivy 436). Приведенные обстоятельства указывают на то, что в XIV—XV вв. и в Чинадиевской доминии жило „валашское" население, которое состояло, главным образом, из украинцев.

Западномараморошское, югозападнобережское и угочанское „валашское" население, однако, вероятно, уже в XIII—XV вв., а, главным образом, с XVI в. постоянно пополнялось северными переселенцами. Неизвестно, дошли ли северные волны до „валашских" сел Сатмара, но, как мы видели выше, возможно, что северные переселенцы составляли население некоторых северозападных сатмарских сел. По данным истории нельзя точно определить, как далеко на восток дошли украинцы из Галиции в Марамороше.

„Валахи" появляются и в комитате Унг (как мы видели выше), но население западного Берега и комитата Унг состояло, главным образом, из галицких пришельцев, если не считать древнего населения. История заселения северной части комитата Земплин свидетельствует о том, что вначале была заселена долина Лаборца (имеется в виду рассмотренная нами территория). Оно и понятно, потому что там проходила важная дорога в Галицию, и на запад от Лаборца, в Шарыше легче было перейти Карпаты, чем в восточном Земплине, где высокие горы затрудняли переход, так что последняя территория была заселена лишь значительно позднее, в XVI—XVII вв. Восточная часть Земплина была доступна с двух сторон: из долины Лаборца и из бассейна Ужа. Этими направлениями заселения и объясняется образование переходного говора между лемковским и среднезакарпатским говорами.

Следующий слой населения, который надо отметить, составляют те украинцы (или древнерусские), которые приходили не из соседних северокарпатских земель, а из более отдаленных краев. Таким принадлежали военнопленные, приведенные после походов, например, о пленных мараморошского румынского дворянина Балка упоминает Гаджега (Гаджега Дод. Мар. 53—54). С древнерусскими (украинскими) боярами приходили и их приверженцы. Так, король Бела IV подарил крепость Фюзер (Füzér) черниговскому князю Ростиславу, и недалеко от крепости в селах Лесна и Чемерня упоминаются украинские могилы в 1254 г. (ср. Hodinka rutének 14). Жители этой территории могли прийти со своим князем. А большинство крестьян пришло на Закарпатье, спасаясь от гнета помещиков. В переписях встречаются также фамилии, свидетельствующие о том, что их носители пришли с севера.

О числе населения Закарпатья в XIII—XV вв. нет данных по каждому комитату. Кроме того, неизвестны условия переписи, что было бы очень важно с точки зрения украинского населения, потому что украинцы не платили десятины до середины XVI в. Все же мы приведем данные переписей 1427 г. и конца XV в. по книге Чанки. Данные первой переписи сохранились лишь в двух комитатах, а данные другой во всех комитатах за исключением Спиша и Земплина. В Шарыше по переписи 1427 г. было 6618 крепостных дворов, но данная цифра сомнительна (ср. Csánki 278), в



конце XV в.: 2000 домов [házhely] (Csánki 278); в комитате Унг в 1427 г.: 2605 крепостных дворов, в конце XV в.: 1500 домов (Csánki 387), в комитате Берег в конце XV в.: 2600 домов (Csánki 409), в Угоче в конце XV в.: 1300 домов (Csánki 429), в Марамороше в конце XV в.: 1700 домов (Csánki 443). Бросается в глаза разница между данными переписей 1427 г. и конца XV в., но до тех пор, пока мы не видим ясно обстоятельства двух переписей (особенно первой), нельзя делать выводы. Если разница между данными двух переписей свидетельствует о значительном сокращении населения, например, в результате эпидемии, о чем нет никаких доказательств, и тем объясняется отсутствие новых сел, тогда новые переселенцы пополняли население старых сел. Во всяком случае новые переселенцы попадали в уже имеющиеся села и ассимилировались населению, так что в языковом отношении возник определенный разрыв между закарпатскими и остальными говорами, что и было причиной более архаического характера говоров Закарпатья.

*Фонетические явления*

Рассмотрев историю заселения XIII—XV вв., приблизительную границу украинской языковой области, направления переселения, мы проанализируем некоторые особенности закарпатских украинских говоров XIII—XV вв.

Отсутствие украинских источников очень затрудняет исследование языковых черт. Только грамоту 1404 г. можно считать памятником, возникшим на территории Закарпатья. Так, из-за отсутствия памятников на украинском языке, пришлось исследовать средневековые латинские грамоты, которые относятся к области, заселенной украинцами. Топонимические и антропонимические данные марамороших, угочанских и сатмарских грамот собраны в книгах В. Белаи, И. Сабо и Ф. Макшаи, немало данных содержит и книга Т. Легоцкого из бережских грамот, но не всегда в достоверных (иногда модернизированных) написаниях. Из грамот бывших комитатов Унг и Земплин изданы отдельно грамоты архива семьи Стараи (сокращ.: Sztáray). Кроме того, мы рассмотрели топонимию и антропонимию по регистрам собраний грамот времени Арпадовичей и дома Анжу (Árpádkori új okmánytár. Вр. I—XIII. (сокращ.: Árpádk.), Anjoukori okmánytár. Вр. I—VII. (сокращ.: Anjouk.)) и королевства Сигизмунда (Zsigmondkori oklevéltár. Вр. I, II. 1, II. 2.) (сокращ.: Zsigmondk.), венгерских хроник и иных источников (Scriptores rerum Hungaricorum. Вр. I, II) (сокращ.: Scriptores) и по материалам, связанным с путешествием монаха Юлиана (Bendefi László, Fr. Julianus utazásának kéziratos kútfői. Вр. 1937). Мы использовали также топонимию 1-го тома работы Д. Чанки и труда Тивадара Ортваи (Ortvay Tivadar, Magyarország vízrajza a XIII. sz. végéig) (сокращ. Ortvay).

Для установления состояния языка XIII—XV вв. можно иметь в виду и современную топонимию, а также венгерские заимствования украинских памятников XVI—XVIII вв. К сожалению, значительная часть памятников еще не издана, что затрудняет исследование истории закарпатских говоров. Топонимия Закарпатья описана К. И. Галасом, но

из его диссертации появились лишь отдельные статьи (НЗ УДУ XXV 37—54, 203—206, XXXV 56—81, ДП УДУ 1 : 81 83, 3 : 26—29).

Значительная часть наших данных взята из венгерских грамот, написанных по-латыни. При их оценке надо быть очень осторожным. Грамоты были написаны венграми, которые не обязательно знали украинскую речь или, может быть, кроме украинского знали и словацкий язык. При владении украинским языком, надо принимать во внимание и влияние тех говоров, по которым они научились украинскому языку. Кроме того, ни в одном случае нельзя забыть о том, что и писари грамот, и все официальные лица знали венгерский язык.

Рассматривая фонетические данные, надо иметь в виду развитие венгерского языка. Мы отметим только такие черты, которые особенно важны при изучении данных украинского языка.

В XIII—XIV вв. в венгерском языке действовала тенденция к более открытому произношению гласных, напр., *u* > *o*, *o* > *å*, *i* > *ë*, что привело к определенному колебанию в правописании этих звуков венгерского языка, продолжавшемуся до XV в. Это не означало, что данные, написанные венгерской орфографией того времени, ненадежны. При написании венгерских или близких к ним украинских слов надо считаться с традиционным обозначением звуков, а в украинских словах возможно, что, напр., буквой *u* передали не звук *u*, а только закрытое *ô*, но последнее обстоятельство, хотя в меньшей мере, имеет место всегда, когда надо передать звук, который не имеет специального обозначения. При рассмотрении украинских слов, близких по звучанию к венгерским, надо быть осторожным. Может быть, что слово, которое мы считаем украинским, на самом деле является славянским заимствованием в венгерском (напр., др. венг. *holm*, *potok*) и имеет формы, соответствующие состоянию венгерского языка. В таких случаях написание может быть традиционным, как выше отмечено, и для того, чтобы установить, имеем ли мы дело с украинским словом, надо сравнить наше слово с формами соответствующего венгерского слова. К этому еще надо добавить, что венгерское правописание не могло передать даже все венгерские звуки, напр., *ü* долгое время не имело особого знака, и поэтому естественно, что оно не могло отражать полностью звуковую систему украинского языка. Так, в венгерском языке XIII—XV вв. не было дифтонгов *uo*, *ie* и др., и даже тогда, когда образовались новые венгерские дифтонги, они обычно не были обозначены, так что не удивительно, если украинские дифтонги обычно не обозначаются.

Несмотря на все недостатки венгерского правописания и различие двух фонетических систем, многие звуки обоих языков были близки, и они в письме передавались сравнительно хорошо. Анализ венгерских имен в русских летописях показывает, как был передан ряд венгерских гласных буквами, обозначающими соответствующие древнерусские гласные, притом данные интересны и для определения звучания древнерусских гласных. Древневенгерское *o* передается кириллической буквой *о*, 1202 г.: *Корочюна* (Ипат. сп. 481), 1208: *Лотохаротъ* (Ипат. сп. 485), 1097: *Коломанъ* (Ипат. сп. 177) и др., а появление звука *a*, возникшего в результате более открытого произношения, тоже отмечается 1219: *Каломанъ* (Ипат. сп. 490), значит, два звука соответствовали друг другу довольно точно, и



изменение произношения венгерского звука нашло отражение; др. венг. *e* передано др. русск. *е*, 1208: *Марцелъ* (Ипат. сп. 485), 1210: *Лелесъ* (Hodinka 326), др. венг. закрытое и вероятно долгое *e* передается буквой *ѣ*, 1229, 1231, 1240: *Бѣла* (Ипат. сп. 507, 510, 523), может идти речь и о близости венгерского имени к древнерусским словам от корня *бѣл*, но это тоже указывает на близость звучания; венгерское слово *herceg* (варианты: *hercek*, *hercig*), заимствованное из средне-верхненемецкого *hêrcog*, в древнерусских летописях имеет форму *герцикъ*, 1254: *сестру герцикову* (Ипат. сп. 545), и *гѣрцикъ*, 1235: *на гѣрцика, гѣрцикови* (Ипат. сп. 517). В современном венгерском языке только второе *e* является закрытым, но вполне возможно, что в древневенгерском на месте первого *e* кроме открытого существовал и закрытый вариант, который отражался в написании через *ѣ*. Венгерское *i* обозначается лишь буквой *и*, 1217, 1219: *Филя* (Ипат. сп. 492, 493) и др. (Fila), 1208: *Тибрець* (Ипат. сп. 485) (Tiburc, Tiborc). Значит, древнерусское *ě* не имело характер гласного *i*, а его произношение было близко к древневенгерскому закрытому *e*. На месте древневенгерского *u* стоит *у*, 1202: *Корочюна* (Ипат. сп. 481), 1097: *Купань* (Ипат. сп. 178).

Древневенгерские хроники и грамоты тоже показывают довольно точное отражение древнерусских имен и топонимов, 1249: *Galich* (Árpádk. VII. 289), в хронике Анонима: *Kyeu* (Scriptores I. 429), 1271: *Mitizlaum* (Árpádk. III. 225), *Susudal* (Scriptores I. $42_{20}$), *Deneper* (Scriptores I. $42_{10}$).

*ě*

На месте древнерусского *ě* находим букву *e* в следующих примерах XIII в.: 1213: *Sedun* (Reg. Var. № 22(264) стр. 163), *Sědun* был жителем села Бан в северовосточной Трансильвании, а в том же селе жили украинцы; 1254: *Lezna scilicet et Chemerna* (Árpádk. VII. 361), 1266: *terrarum suarum Lezna et Mikuta vocatorum* (Sztáray I. 10). В грамоте 1254 г. говорится о том, что в том имении были „украинские могилы“ *(ad sepulturam Ruthenorum)*, может быть, что в упомянутых могилах были похоронены не украинцы, но, наверно, там жили украинцы, и поэтому были так названы могилы, тем более, что их название записано в украинской форме 1266: *sepulcrum ruthenorum, quod vulgo dicitur mogula*, значит, народ называл их могилой по-украински, и кто мог его называть так, если не сами украинцы. В той же грамоте отмечается, что в том имении жили *Mikuta*, *Noualyad*. Первое имя точно соответствует украинскому имени: *Микыта*, которое засвидетельствовано в украинских грамотах и в закарпатских памятниках (об этом см. ниже сочетание *кы*). Поэтому вероятнее будет предположить, что мы имеем дело с древнерусской, а не словацкой формой данного слова. В XIV в. находится там уже село: 1332—1337: *Lezna*, *Lizna* (Csánki 355), и формы с *e* и *i* встречаются рядом, но перепись, сделанная для папы итальянцами, вообще не достоверна, хотя в этом случае она могла отражать как раз реальное произношение. Сегодня село не является украинским. Венгерское название села *Leszna*, которое встречается позже в грамотах и переписях, может отражать и древнерусское, и словацкое произношение. В XIV в. около села Збудзы (Izbugya) была гора 1337: *Dobgyl* (Sztáray I. 133), в названии которого мы находим *i* на

месте *ě (Dubděl)*, при том *ď* мягкое; хотя в том же комитате встречается такое же название имения 1342: *Doboudel, Dobdel* (Anjouk. IV. 243, 244) (может быть, оба примера обозначают одно и то же место), где на месте *ě* стоит *e*, но последняя форма может быть и словацкой. В другом конце языковой области около Коньхи (Konyha) одна из гор имеет название: 1373: *Wegsaghauasa alio nomine Nedele* (Bélay). Коньха расположена в румынской языковой области, и хотя данное название встречается с иными славянскими названиями, не исключено, что мы имеем дело со славянским заимствованием в румынском, так как в румынском имеется слово *nede'e* (Tiktin ук. соч. II. 1046), которое объясняется из славянского *neděla*. Предположение словацкой формы *neděla* нельзя исключить, но оно мало вероятно с точки зрения истории заселения. В двух грамотах на месте *ě* мы видим *e* в следующем имени 1358: *per Peskonem, Peskonis* (Anjouk. VII. 230), *per Peskonem, Peskoni* (Anjouk. VII. 531), *Pesko* (т. е. *Pěško)* был офицером в комитате Берег и, вероятно, был украинцем, ведь в это время и жупан того же комитата, Морочук был украинцем.

В конце XIV в. и в XV в. мы обычно находим букву *i* на месте *ě*. И. Панькевич название села Белки (укр. Білки, венг. Bilke) объясняет от корня *bělъ* (Пань. Нарис 49), венгерская форма встречается уже в 1383 г.: *Elias filius Nicolai de Bilke* (Пань. Нарис 49); 1398: *Lyzka* (Csánki 337) в Земплине. При определении границы села Великих Капушан (Nagy Kapos), которое граничило с селом Руска (Ruszka), встречается название речки 1400: *Lyzkopathaka, Lezkopathaka* (Zsigmondk. II/1. 84), где на месте *ě* стоит кроме *i* еще и *e* (если *e* происходит не от писца, знающего словацкий язык). В XV в. господствует написание *i* на месте *ě*, 1415: *Lyzkomezew, Lyzkothawa, Lizkotho*, Panyola (Maksai), в украинском селе комитата Сатмар; в Земплине 1430: *Lyzkoch* (Csánki 355); в Марамороше 1463: *Ryczka*, Dolha (Bélay); в Земплине 1483: *Lyzkaolazy* (Csánki 337).

### ъ, ь

В данных грамот второй половины XIII в. редуцированные звуки уже исчезли, но редуцированные можно наблюдать еще в Варадинском Регестре (Regestrum Varadiense) первой четверти XIII в. Варадинский Регестр содержит записи об испытаниях огнем. Он дошел до нас в издании XVI в. (RITVS EXPLORANDAE VERITATIS, QVO HUNGARICA NATIO IN DIRIMENDIS CONTROUERSIIS ANTE ANNOS TRECENTOS & QUADRAGINTA VSA EST, & EIUS TESTIMONIA PLURIMA, IN SACRARIO SŨMI TẼPLI VARADIEN. REPERTA. COLOSUARIJ, 1550). По сравнению с изданиями XVI в. издание Варадинского Регестра хорошее. Издатель хотел передать оригинал точно. При древнерусских именах не надо считаться с тем, что издатель употреблял более новые формы вместо старых, но возможно, что такие буквы, которые очень похожи (напр., *c, e; a, u)* он прочитал неправильно, так как имена были ему незнакомы. (Данные приведены из издания: Regestrum Varadiense examinum ferri candentis ordine chronologico digestum . . . curis et laboribus Joannis Karácsonyi et Samuelis Borovszky editum. Budapest, 1903., но все данные сверены с изданием 1550 г.)

В записи 1213 г. (№ 74(300) стр. 180) читаем, что подданные крепости



Красна *(Carasna)*, живущие в селе Бан *(Ban)* (по имени: *Damang, Duh, Nusata* и другие), пошли к сотнику Тумпе *(Tumpa)* и заявили, что некие люди, видимо, их односельчане — такие же крепостные, как и они, и не свободные люди *(Iecur, filium Redea, Sol et Boutun, filios Sacicu, Syteci filium Babuci, dicentes quod concives essent eorum)*. Последние, однако, сказали, что они свободные люди древнерусского происхождения *(Illi autem dixerunt esse liberos et genere Ruthenos)*, и они призвали на суд Федора, по происхождению древнерусса *(nomina Chedur, genere Ruthenum ioubaginem Barnabę)*, который свидетельствовал о том, что вышеупомянутые люди его родственники и свободные люди. Федор держал в руках горячее железо и тем доказал суду, что он говорит правду.

Имена упомянутых выше людей действительно могут объясняться не из венгерского, а из древнерусского языка, хотя при их объяснении мы наталкиваемся на значительные трудности.

Имя *Jecur* можно читать как *Jeγъr, Jeγor*, где *k* передает *γ* из *g*, что возможно, но не обычно, и предполагается, что на месте совр. укр. *o* в имени *Егор*, имелось *ъ*. Этимология имени *Єгор* неясна, и сохранение *o* может быть объяснено влиянием русского языка в этом имени, мало распространенном в украинской языковой области. Другое чтение предполагает неправильное чтение оригинала издателем: *Jecuv* вместо *Jecur;* и так получаем имя *Jêkuv* (сов. укр. *Яків)*.

В другом имени *Redea*, сочетание букв *ea* явно свидетельствует об описке, и вероятно вместо *e* надо читать *c*: *Redca*, то есть *Redka* из более раннего *(Rьdъka)* (ср. FEW II. 504).

Имя *Sol* можно читать *Sol, Šol, Čol*, только первое чтение *Sol* (из *Solь*) можно принять (ср. совр. диал. *Солия, Сол'ак, Сол'аник* (Чучка антр.)), а соответствующее венгерское *Só* тоже употребляется как имя, 1240: *hec sunt nomina aratorum Petur Sov* (OklSz).

Имя *Boutun* предлагает чтение *Boutun* (<**bъltunъ)*, но *u̯* на месте *l* тогда еще не могло быть. Буква *u* на месте *l*, однако, объясняется произношением венгерского писаря, который на месте звукосочетания *ol* произносил *ó*, которое на письме обычно передается сочетанием *ou*.

Имя *Sacicu* можно читать по-разному. Вероятно, первое *c* передает *č*, а второе *k*, но *s* в начале слова может обозначать *š, č, s, ž: Sačikъ*, соответствует сов. диал. *Сак* (<Исакъ) (ср. Сачко) (Чучка антр.), но можно предположить неправильное чтение на месте второй буквы. Возможно *u* на месте *a: Sučьkъ* (>*Sučok)*, но вернее надо читать: *Žučьkъ* (>*Žučok)*. Такое название вполне возможно у человека (венг. *Bogár* всегда было фамилией (ср. OklSz)).

В имени *Syteci* первую букву можно читать по разному: *s, š, ž, č*. Может быть правильным чтением *Čьtecь* (у Срезневского засвидетельствовано *чьтьць, чтець* 'церковная должность'), чтецами могли быть и простые люди. Из других чтений даже более вероятно еще *Žitecь* (ср. укр. *житець* 'житель' (Гр. I. 485)).

Имя *Babuci* читается *Babičь*, ибо при написании *i* под влиянием предшествующего *b* писарь писал *u*, которое служило для передачи древнерусского и украинского *ы*.

Чтение имени *Chedur* не вызывает сомнения. Оно происходит из *Fedorъ;* ср. укр. диал. *Хведір* (ср. Пань. Нарис 34).

Возникает вопрос, не были ли украинцами остальные жители села Бан, которые были уже крепостными крепости Красна. Такая возможность не исключена. Имя *Duh* может передать *Duch; Nusata* неправильно переписано издателем, должно быть: *Nosata* или *Nosatu* 'носатый'; *Damang* можно читать: *Damanj* (ср. Kniezsa helyesírás 34), т. е. *Demjan* в латинизированной форме (ср. совр. диал. *Доманич* (Чучка антр.)).

В том же селе Бан *(Ban)* жил некий *Golsa*, который в 1213 г. обвинял своего односельчанина: *Sedun* в том, что последний поджег его дом, но *Sedun* был оправдан, так как выдержал испытание горячим железом (№ 22 (261) стр. 163). Имя *Sedun* читается: *Sĕdun* 'седой человек' (в словаре Даля встречается слово *Сѣдунъ. сев.* 'трава белоус, сивец, усникъ, мычка', *юж.* Nardus stricta (IV. 378)), в Закарпатье была фамилия *Sidun: Fr. Szidün* (U et C 53—22) (ср. совр. диал. *Сідун* (Чучка антр.)).

Имя *Golsa* засвидетельствовано в другой статье 1215 г., где мы находим его в форме: *Golosa* (ук. соч. № 59 (155) стр. 175), и узнаем, что он был помощником судьи (pristaldus, poroszló) в селе Бан. Последняя форма является правильной (ср. совр. диал. *Голос* (Чучка антр.)); *Golosa* род.-вин. п. от существительного *Golos*, а если *a* в конце слова неправильно прочитано вместо *u*, то имеем дело с именительным падежом с сохранением редуцировленного ъ.

В 1220 г. говорится о слугах королевской крепости: *Kraznet, Coetan, Visatam*, живущих в селе Дравцах *(Drancy*, правильное чтение: *Drauci)* комитата Угоча. Они, вместе с людьми другого угочанского села Тростник *(Sasuar): Zoboslou, Vtesam, Bagdanum, Chequeleu, Polouc* (в издании неправильно: Polonk) причинили вред в одном имении (№ 243 (124) стр. 244). Из жителей села Дравцы *Kraznet* носит славянское имя: *Krasnec* (< *Krasьnьcь)* и мог быть древнерусом или словаком. Первое предположение более вероятно в комитате Угоча. Хотя ни в словацком, ни в украинском, ни в русском языках такое слово не засвидетельствовано, но такое имя могло быть. Название села *Drauci* славянское (< **dravьcь)* (EtSz. I. 1280). Села с таким названием были в разных частях Венгрии (EtSz. I. 1278—1279). Слово *drauci* обозначало королевских служилых людей, но чем они занимались, неизвестно. Венгерское название данного села со второй половины XIII. в. было: *Droch, Darouch, Daróc*. Но украинское название сохраняет древнюю, выше приведенную форму: *Drayc'i*. Это объясняется тем, что в самом селе или в недалеких селах жили украинцы, сохраняющие старое название уже от первой половины XIII в. Это обстоятельство тоже подтверждает древнерусский характер имени *Kraznet* и других. Другое имя *Visatam* (с латинским окончанием вин. п.-а) читается: *Vьšata*. Такое имя встречается в русских летописях, среди носителей данного имени был и галицкий воевода (Ипат. сп. 529), а это свидетельствует о том, что данное имя было известно и на юге Руси. Из имен жителей села Тростник *Vtesa* могло быть славянским, древнерусским: *Uteča* (ср. Даль IV 519: *утеча* отглагольное существительное, Срезневский IV. 1309: *утеча* 'изъятие, исключение', в словаре Желеховского *утеча* 'Flucht', 'Entkommen' (Е. Желеховский, Малорусько—Німецкий словар. Львів, II, 1886, 1020)).

Имея в виду те примеры, чтение которых можно считать приемлемым: *Redka* (< *Rьdьka), Sol* (< *Solь), Boutun=Boltun* (< *Bъltunъ), Sacicu* = *Žučьkъ* или *Sačikъ, Syteci* = *Čьtecь* или *Žitecь* (< *Čьtьcь, Žitьcь), Babuci* = *Babičь, Chedur* (<*Chedorъ)*, и, может быть, еще *Duh* = *Duch* (<*Duchъ), Golosa* = *Golosa* или *Golosъ, Krasnec* (< *Krasьnьcъ), Nusata* = *Nosata* или *Nosatъ* можно установить следующее о судьбе редуцированных: редуцированное ь выпало внутри слов *Redka, Krasnec*, в конце слов *Sol, Krasnec*, но оно сохранилось внутри слова *Žučьkъ* и, может быть, *Čьtecь* и в конце слов *Čьtecь* или *Žitecь, Babičь;* ь перешло в *e* в словах: *Redka, Čьtecь* или *Žitecь, Krasnec*, хотя в предпоследнем еще сохраняется ь в конце слова, а в чтении *Čьtecь* и внутри слова. Сильное ь приобрело характер *e* еще до падения ь, но его звучание надо уточнить, так как венгерское *e* передает и открытое и закрытое *e*. В словах *Žucьkъ, Žitecь* или *Čьtecь, Babičь i* передает ь, которое еще не приблизилось к *e* в произношении. Вернее будет предположить, что *e* (< *ь)* по произношению было тоже закрытым.

Редуцированное ъ в конце слова исчезло: *Boltun, Chedur, Sedun* и, может быть, *Duch*, но сохраняется в конце слова: *Žučьkъ* или *Sačikъ* и, может быть, еще *Nosatъ, Golosъ*. В сильном положении ъ переходит в *o: Boltun*.

В результате выпадения редуцированных гласный *o* оказался в закрытом слоге: *Sol, Chedur*. Такое *o* передается буквами *u, o*, которые обозначают долгое закрытое *o* или дифтонг *uo* (об этом см. ниже в главе *o, e)*.

Предположение о том, что в конце слова мы имеем дело со вторичными венгерскими редуцированными, которые могли стоять и в конце невенгерских слов (ср. Bárczi 19), кажется маловероятным. В Варадинском Регестре в конце многосложных слов редуцированные встречаются лишь как редкие исключения (Bárczi 23), так что редуцированные в такой позиции уже не были свойственны живому языку, а по традиции они не могли сохраняться в чужих именах.

Наши данные с *e* (< *ь), o* (< *ъ)* принадлежат к самым старым, так как *o, e* на месте ъ, ь наблюдаются впервые во вкладной Варлаама Хутынского конца XII в. или самого начала XIII в. и в грамотах XIII в. (ср. Черных 108—109).

На основании наших данных нельзя сделать вывод о том, где началось или было более интенсивным выпадение редуцированных. Нельзя сказать, что редуцированные вначале исчезли в конце слова и только потом внутри слова или наоборот. На наш взгляд падение редуцированных в разных словах происходило по-разному, при том могли быть и диалектные различия.

### *o, e*

В славянском *o* совпали индоевропейские краткие *o, a*, поэтому понятно, что восточнославянскому *o* в греческих источниках соответствует *a*. Это открытое *o* обнаружило тенденцию к более закрытому произношению, так что в закарпатских говорах перед выпавшими ъ, ь мы находим *u*. Данный процесс следует рассмотреть более обстоятельно. Но прежде чем приступить к анализу данных, надо отметить, что в славянских заимствованиях венгерского языка могло быть такое развитие: славянское *o* > древневенгерское *u* > современное венгерское *o*, на что И. Книежа не раз указывал (см. Egy új magyar történeti nyelvtan felé. Nyelvtudományi Közlemények LX. 484).

Вначале приведем данные. В Варадинском Регестре находим имена 1213: *Chedur*, *Sol* (Reg. Var. № 74 (300) стр. 180). В уже упомянутой грамоте 1266 г. находим фамилию *Mylgozt* (Sztáray I. 10), где *o* сохраняется. Дворянин Милгость был сыном Наты *(Nata)* и был владельцем части имения *Лесна* и *Микыта*, где были „украинские могилы". Род Наты имел имения в районе нижнего течения Лаборца, где жили в то время и украинцы. Конечно, нельзя исключить, что мы имеем дело со словацкой формой, как это считает Ян Станислав (Stanislav I. 500), хотя в словацком языке *g* уже звучало тогда как *h*. Но в том же году в комитате Угоча встречается *u* на месте *o*: 1266: *Kuzlemocsar*, Gödény (Szabó, Пань. Нарис 34). В 1284 г. встречается имя солдата крепости Унг, владельца в селе Цибава *(Tiba)*: *Valentino filio Myluzth* (Sztáray I. 30), в имени *Myluzth* на месте *o* выступает *u*. Данная форма не может быть венгерской, потому что в венгерском заимствовании *u* ни разу не засвидетельствовано (Kniezsa I/1. 324). Может быть, украинское название засвидетельствовано в грамоте 1336 г.: *Kemonahurka* (ошибочно вместо *Kamenahurka)* (Sztáray I. 109) около села Трнава (Tarna), в соседнем селе в следующем году упоминаются крестьяне с украинскими именами 1337: *Chernuch*, *Ozyph* (Sztáray I. 132), а в селе Трнава в 1449 г. был крестьянин по имени *Oroz* (Sztáray II. 444). Поэтому данное название может быть украинским, хотя его можно объяснить и из словацкого, так как в данном слове имело место удлинение под новым акутовым ударением, которое может отражаться в написании с *u* (любезное сообщение И. Книежи), но *u* на месте *o* встречается лишь в памятниках XV в. (Stanislav I. 431).

В комитате Спиш около села Лехница *(Lechnitz)* находим 1344: *Jawurhegye*, *Jawurheg* (Anjouk. IV. 473) и в Шарыше 1347: *Jawurhege* (Anjouk. V. 56), которые свидетельствуют об украинском произношении, так как в грамотах формы того же слова в других местах пишутся через *o*. В Спише встречается название 1346: *Wlchyna* (Anjouk. IV. 584), которое читается: *ulčina*. Данная форма возникла под влиянием венгерского произношения из *(u̯)ulšina* (в венгерском языке изменение *š* > *č* засвидетельствовано; ср. Bárczi 103).

В грамоте 1264 г. встречается имя: *Fudur*, Bród (Leh. II. 813), данное имя носил Федор сын Льва, который получил Брод от княгини Анны (ср. там же), поэтому второе *u* могло бы происходить из *o*, но в древневенгерских грамотах часто встречается имя *Fodor* в том же виде: *Fudur* (OklSz).

По всей Венгрии были в средних веках отдельные древнерусские (украинские) села. Так, в двух грамотах 1288 г. находим ссылки на село: Oroszi *(Vruzy)*, которое граничило с имением: *Szwrchwk*. Один из владельцев упомянутого имения был: *Vinabur* (Árpádk. IV. 328), *Vynabur* (Árpádk. IX. 487), который мог быть восточным славянином. В этом случае *u* свидетельствует об изменении звука *o*. Грамоты были составлены Дёрским капитулом (győri káptalan), поэтому данное село *Ороси*, вероятно, было за Дунаем, и может быть тождественным с селом *Оросвар* (Oroszvár, Oroszfalu) в комитате Мошон (Csánki III. 675).

В XV в. на месте *o* наблюдается *u*, 1411: *Kuzypathaka*, 1463: *Kwzypathaka*, Dolha (Bélay), 1411: *Prysluphege*, Rozavlya (Bélay), 1411: *Leurgyna*,



1473: *Lywrdyna*, Leordina (Bélay). И. Панькевич приводит еще данные названия села *Кушниць*і (Kusnica): 1451: *Kusnicza* (Пань. Нарис 50).

До XVI в. нам не удалось найти данных о вариантах закрытого *e* в закарпатских документах. Надо, однако, отметить формы названия *Киев*, встречающиеся в венгерских хрониках. В хронике Анонима начала XIII в. часто встречается название Киева: *Kyeu* (Scriptores I. $42_{9,10}$, $43_{3,4,27,29,36,40}$, $46_8$, $47_9$; *Kyeuyensinum* (Scriptores I. $47_{10}$), *Hyeu* (Scriptores I. $42_{15}$), но *e* всегда сохраняется. В хронике Шимона Кезаи (Simonis de Keza) 80-х годов XIII в. то же название пишется так: *Kyo* (Scriptores I. $165_2$), оно встречается в той же форме и в Венской иллюстрированной хронике середины XIV в.: *Kyo* (Scriptores I. $286_{10}$), и в её списке XV в.: *Kio* (Scriptores II. $61_{34}$), а в хронике Генриха Мюгелн (Heinrich von Mügeln) об истории венгров XIV в. наблюдается в форме: *Cheo*ⁿ (Scriptores II. $127_{14}$), вероятно, правильнее: *Cheo*ᵘ. Генрих Мюгелн жил одно время в Венгрии и знал хроники того времени. Форма *Kyo (Kio, Cheo)* свидетельствует о том, что из *e* после выпадения ъ развилось *ō* или уже дифтонг *uo* в 80-х годах XIII в.: *Ki̯ōu* или *Ki̯uōu̯*. В таких написаниях не следует видеть влияние польской формы *Kijôw* (тогда еще *Kijow)*. В польском языке переход *e* > *o* засвидетельствован уже в XII в. и начался еще раньше (ср. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk, Gramatyka historiczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 77), так что польская форма *Kijôw* могла существовать уже в начале XIII в. Венгерские авторы хроник XIII в. употребляли название крупного древнерусского города в том виде, в котором они его слыхали от своих русских соседей, прежде всего от галичан. Нет основания предположить, что в XIII в., когда русские земли были еще независимыми, венгры употребляли бы вначале древнерусское название и потом стали бы пользоваться польским названием.

Прежде чем приступить к оценке приведенных примеров, надо коснуться еще взглядов на развитие *o*, *e* в новозакрытом слоге. Нам кажется, что в украинском языкознании общепринято, что *o*, *e* в новозакрытом слоге развились путем дифтонга. И. Панькевич в своей истории закарпатских говоров считает, что в закарпатских говорах не было дифтонгов, и разные варианты *o*, *e* в новых закрытых слогах были принесены с той стороны Карпат (Пань. Нарис 94—95). Он отрицает наличие дифтонгов потому, что нет доказательств в пользу того, что в закарпатских говорах когда-нибудь были дифтонги. Хотя из области северных украинских говоров, где сегодня еще сохраняются дифтонги, в памятниках тоже нет дифтонгов. И. Панькевич такой довод не считает убедительным, ибо в таком случае в архаических закарпатских говорах или же в текстах, написанных латиницей, свободной от традиционных форм написания, должны были бы быть дифтонги. Как уже сказано, в древне- и средневенгерских текстах (до XVI в.) отсутствие дифтонгов может быть объяснено тем, что венгерские дифтонги были иного характера, а в XVI—XVIII вв. даже венгерские дифтонги обозначались лишь редко. Кроме того, если в текстах, написанных обоими шрифтами, на месте этимологического *o*, *e* встречаются и *u*, и *o*, *e*, возможно, что был обозначен, только один из компонентов дифтонга. И. Панькевич еще не мог знать примеров с дифтонгом, найденных автором в документах XVII в. — нач. XVIII в.,

происходящих из разных концов Закарпатья (примеры смотри ниже в языковых явлениях XVI—XVIII вв.).

Возвращаясь к анализу данных XIII—XV вв., надо отметить, что *о* и *и* не обязательно следует читать как *о* и *и*. В приведенных примерах господствует *и*, хотя в более ранний период наблюдается и *о* одновременно с *и*. По всей вероятности, из *о* развилось *ō*, во второй половине XIII в., вернее, уже дифтонг *ио*, вызывавший у писца впечатление *и*. Предположение о том, что буква *и* обозначала дифтонг, подтверждается тем, что в венгерском языке во второй половине XIII века уже было долгое *ó*, которое обозначалось чаще всего сочетанием букв *ow* (Kniezsa helyesírás 56), и долгое украинское *ō* можно было бы обозначать при помощи *ow*, но это не встречается. Путь развития мог быть следующим: *о* + согл. + ъ > *ọ̄* + согл. + ъ > *ọ̄* + согл. или *uọ*, *uọ* + согл. (закрытое произношение обозначаем через *ọ ọ* в зависимости от его закрытости). Можно предположить, что параллельно с изчезновением ъ звук *о* стал более долгим и закрытым, разумеется, точный ход развития нельзя реконструировать. Данное *Mylgozt*, если писец не слыхал форму с *о*, указывает на то, что вначале элемент *о* был значительным в возникшем звуке, что надо считать вероятным. Позже в процессе развития дифтонга элемент *и* стал все более значительным, и дифтонг *ио* или *uọ* на письме передавался буквой *и*.

Кроме вышеприведенных примеров надо отметить и случаи, когда в венгерских топонимических данных и заимствованиях на месте венгерского *о, е* наблюдаются в украинском варианты *о, е;* вместе с тем мы можем немного осветить и вопрос, до каких пор были продуктивными изменения *о* > *ио*, *е* > *'ио*. Название села Черnotисов (Fekete Ardó), которое первый раз упоминается в 1319 г., в древневенгерском имело форму: *Ordow*, *Ardow* (Szabó 336). В украинских говорах окрестных сел оно называется: *Ardúu̯*, *Ardúu̯* (любезное сообщение Ф. Аги). Такое название происходит из др. вен. *Ardow*. Село *Ремета* (Remete) в бывшем комитате Берег, которое засвидетельствовано с 1329 г. (Csánki), в украинских говорах имеет название: *Remeta*, *Remüt* (Петров Мат. VI. 208), а мараморошское село Ремета (Remete) называется: *Remeta*, *Remut* (Петров Мат. VI. 208), оно в первый раз упоминается только в 1465 г., но монастырь, от которого получило название, уже существовал в 1363 г. Значит, по свидетельству топонимики, в XIV в. приблизительно до середины века изменение *о* > *ио*, *е* > *'ио* было продуктивным.

В названии села Стебловка (Száldobos), которое появляется в 80-х годах XIV в., 1389: *Zaldobos* (Bélay), в украинских говорах нет перехода *о* в *и: Saldoboš* (Петров Мат. VI. 209), так же нет в названии села Гайдош (венг. Gajdos), основанного в XV в., в говорах: *Gajdoš* (Петров Мат. VI. 196) и села Горонда (Петров Мат. VI. 197, венг. Gorond), которое было основано в первой половине XVI в. Сохраняется *е* в названии: Remeta, Remet (Петров Мат. VI. 208) села Турьи Ремети (Turja Remete) в бывшем комитате Унг, которое первый раз упоминается в 1451 г. Последнее село, наверно, было известно украинцам в XV в., потому что в XV в. окрестные села были украинскими (Мокрая, Заречево, Дубринич), и украинская форма названия может происходить из XV века. Село получило свое название от венгерского монастыря. На основании таких данных нам



кажется, что в конце XIV в. и в XV в. изменение *о* > *ио*, *е* > *'ио* перестало быть продуктивным. Правда, можно было бы себе представить в большинстве последних примеров образование новых форм, соответствующих венгерскому произношению, которые вступили на место более старых форм: *Remeta*, *Remut*, *Saldobuš*, *Gajduš*.

Кроме того, надо иметь в виду, что в венгерских заимствованиях закарпатских украинских говоров наблюдаются варианты *о, е* в новозакрытом слоге на месте венг. *о: хосен*, род. п.: *хусна (хӳсна); хутар (хӳтар)*, и в словах с венг. *ó* (др. венг. *ou̯*) на исходе слова: *бирув (бирӱв)*, род. п. *бирова*, с венг. *е: бетюгъ*, род. п. *бетегу*, *фѣль* род. п. *фелю* (ср. Дэже Заимств. 80—81, 83—84, 87).

В таких случаях *и ('и)*, стоящее на месте *о, е*, нуждается в объяснении. В таких словах за *о* или *е* не следовал ъ или ь, после выпадения которого *о* или *е* стал бы долгим, что вызвало бы их дальнейшее развитие. В таких случаях венгерские звуки были только заменены вариантами *о, е*, которые развивались дальше по общему правилу с дифтонгами украинских слов. Но почему не сохранились *о* и *е* в этих словах, которые принадлежат к древнейшему слою венгерских заимствований, и едва ли были заимствованы позже XIV в. (ср. Дэже Заимств. 92—93), или к топонимическим названиям XIV в.? В Няговских Поучениях XVI в. уже есть ряд венгерских заимствований, в которых в закрытом слоге наблюдается *о, е*, напр.: *бѣзоншаг, ковдош, керешкедовати* (ср. Дэже Заимств. 76, 93). Они встречаются и в других памятниках, так что взяты из живого языка. Они были заимствованы в XVI в., но, может быть, еще раньше в XV в. Кроме того, как мы видели, *о, е* сохраняются в топонимических названиях XV в. и более поздних.

Венгерские *о, е*, вероятно, не могли быть заменены украинскими *о, е* потому, что в закрытом слоге не могли стоять такие украинские *о, е*, которые были бы пригодны для субституции венгерских звуков. Венгерские *о, е*, приблизительно соответствовали украинским *о, е* в открытом слоге. Они были звуками среднего ряда, полного образования. В украинском языке в закрытом слоге могли стоять звуки, которые развились из ъ, ь, они передавались в кириллице буквами *о, е*, если не ъ, ь. Первоначально звуки ъ, ь были краткими *ŭ*, *ĭ* и стали звуками полного образования *о, е*, если они были в сильной позиции, т. е. под ударением, или если за ними следовали ъ или ь, которые потом выпали. Данный процесс начался в XII веке, достоверные примеры наблюдаются с конца XII в. и в XIII в. (ср. Черных 108 и с нашими данными главы ъ, ь). Как мы видели выше, в слабой позиции частично еще сохранились ъ, ь в первой четверти XIII в., но они исчезли уже во второй половине XIII в. Звук, развивавшийся из ъ, в XIV в. был обозначен буквой *о*, напр., 1336, 1337: *Dolha* (Sztáray I. 111, 113), но в XIII в. наряду с данными с буквой *о* есть и обозначение через *и* в Угоче 1272: *Stulba*, Királyháza (Szabó). Этот новообразованный звук, однако, в XIII в. и до середины XIV в. не совпадал со звуком *о*, имеющимся в открытом слоге: может быть, был более закрытым, о чем свидетельствует написание с *и*. Кроме того, звук, развивавшийся из ъ, вероятно, не был еще звуком полного образования. Даже краткое венгерское *о* было более близким к *ō* или *uọ*, которое развилось из *о*, чем к новому

звуку из ъ, и было заменено первым. То же самое можно сказать и об е (< ь), которое было закрытым, как мы видели выше, и оно не могло заменить ни венгерское открытое *е*, ни долгое закрытое *é*, которые были заменены звуками *ē̬*, *ẹ̄*.

О характере дифтонга, стоящего на месте закрытого *о*, тоже можно судить на основе топонимических названий. Название села Подгоряны (укр. диал. Пудгоряны) имеет форму в 1389: *Pothoren* (Csánki 419), *о* сохраняется и позже, принятое венгерское название было: *Podhering*. Село Подгоряны впервые засвидетельствовано в 1389 г., как село, которое отдано новому помещику (Leh. III. 654), следовательно оно возникло примерно в середине века. Село Подполозье обычно называется в венгерских документах: *Putpaloc*. Село появляется в венгерских документах с 1430 г. На основе таких данных можно сделать вывод о том, что в XIV в. или в его середине элемент *о* дифтонга *uo* был еще довольно сильным, так что венгры, которые упростили необычный дифтонг, сохранили *о*. В XV в. элемент *u* стал настолько сильным, что он сохранился в венгерском произношении.

У нас нет данных о закарпатском варианте нового закрытого *е* в памятниках XIII—XV вв. Примеры приводятся лишь в следующей части, но здесь считаем уместным заняться развитием закрытого *е*. Его развитие было сходным с *о*, но разным в зависимости от того, следовал ли в следующем слоге ъ или ь. Перед ь развитие произошло примерно так: *е* + согл. + ь > *ē̬* + согл. + ь > *ẹ̄* + согл. или *iẹ* + согл. Звук, возникший таким образом, совпал со звуком, развившимся из *ě*. В XIII в. данный звук засвидетельствован лишь буквой *е* (1213: *Sedun*, 1266: *Lezna)*. В XIV в. обозначается и буквой *е*, и буквой *i*. Косвенным доказательством того, что ѣ не был еще монофтонгом *i*, и даже не вызывал впечатления *i*, служат венгерские имена древнерусских летописей, в которых венг. *i* никогда не передается буквой ѣ, но для обозначения венгерского закрытого *е* употребляется ѣ: *Бѣла* (Béla), *гѣрцик (hërcik)*. Значит тогда гласный *ě* был долгим закрытым *ẹ̄* или дифтонгом *iẹ* с сильным элементом *е*. Такой звук в венгерской графике передавался буквой *е*, которая служила в XIII—XIV вв. для обозначения долгого закрытого *е*. Этим объясняются примеры с *е* и в XIV в.

Гласные, стоящие перед слогом с ъ, развивались иным путем, приблизительно так: *е* + согл. + ъ > *ē̬* + согл. + ъ > *ē̬* + согл. Можно предположить, что удлинение и лабиализация развивались под влиянием исчезающего ъ параллельно с его исчезновением. Лабиализованный гласный *е*, даже вначале, не обязательно приобретал облик обычного *ö*, был звуком более задним и менее лабиализованным, чем *ö*, кроме того он, вероятно, был звуком более высокого подъема, чем *ö*. Такой звук приближался к *о*, но с ним не смог совпасть, так как он стоял после мягкого согласного и его образование происходило более вперед. Но позже из него тоже развился дифтонг *'uo*, в котором преобладание получил элемент *u*. В вышеприведенном примере названия Киева в 80-х годах XIII в. на месте *е* стояла буква *о*: *Kyo* (Scriptores I. $165_2$). Это свидетельствует о том, что тогда из *е* развился звук близкий к *о*, Звук *ö* существовал в то время в венгерском языке, но буква *о*, хотя и редко служит для обозначения *ö*, обычно передавала звук *о* (ср. Kniezsa helyesírás 91,52).



Нельзя совсем точно реконструировать лабиализацию и удлинение звука, развившегося из *е*. Во всяком случае нельзя забыть о том, что развитие *е* перед ъ, и *е* перед ь не было одинаковым. Перед ь из *е* развилось более закрытое и более переднее *ẹ̄*, которое совпало с *ě*, а из *е* перед ъ менее закрытый и более задний: *ē̬*, следовательно и дифтонги, возникшие из этих долгих гласных, были разными. Если вначале эти два звука были бы одинаковыми, то лабиаловеляризация перед ъ охватила бы и *ē* или *ie* из *ě* перед ъ, например в слове *chlěbъ*, но это не случилось. Итак, когда дифтонгизация произошла, *ē* перед ъ был звуком более заднего ряда, чем *е* перед ь, сомнительно лишь то, насколько близко было оно к *о*. Возможно, что лабиализация произошла лишь после дифтонгизации и дифтонг *iẹ* лабиализовался в дифтонг *üö*, который отодвинулся назад до *'uo*. Но в этом случае надо было бы предположить, что в связи с выпадением ъ не выступала лабиализация.

В связи с этим вопросом надо коснуться и мягкости предыдущих согласных. В древнерусском перед *е*, предшествующим слогу с ь, согласные были полумягкими, но с удлинением и дифтонгизацией *е* предыдущий согласный стал таким же мягким, как и перед *ě*. Также перед *е*, которое стояло перед слогом с ъ и стало долгим, согласный стал мягким, то есть таким, какими были первоначально мягкие согласные, и его мягкость сохранялась и позже. Такое смягчение создает условие для лабиализации. Если лабиализация началась лишь после дифтонгизации, то лабиализация такого *ie* была параллельной с лабиализацией *е* в открытом слоге после первоначально мягких согласных. Возможно, однако, что параллельно с выпадением ъ выступала и палатализация, так что лабиализация закрытого *е* перед ъ началось раньше, чем лабиализация открытого *е* после исконно мягких. К сожалению, в этом отношении у нас данных мало, но вышеприведенная форма: *Kyo* свидетельствует о лабиализации в XIII в., причем у нас нет данных о лабиализации открытого *е* в *о* до XIV в., хотя последнее обстоятельство еще не является доказательством.

На основании вышесказанного можно установить в рассмотренный переходный период такие звуки *е*, *о*: *ọ̄ (uọ)*, *о*, *ǫ* (< ъ), *'ẹ̄ ('iẹ)* и *ē̬ ('uo)* или *'ẹ̄ ('iẹ → 'üö → 'uo)*, *е*, *ę* (< ь), где *ǫ* и *ę* обозначает *о*-, *е*- образные звуки, развившиеся из ъ, ь. Потом в середине XIV века *о* и *ǫ*, *е* и *ę* совпали в один звук: *о*, *е*. Но этим еще не исчерпана история звуков *о*, *е*.

В закарпатских говорах перед слогом с твердым согласным гласный *е*, стоящий за исконно-мягкими согласными *ž*, *š*, *č*, *šč*, *j̬*, перешел в *о*. Насчет хронологии этого явления есть у нас несколько данных. В южной части комитата Берег название одной речки встречается в грамотах с *е*, 1282: *Chernauoda* (Zichy okm. I. 50), а в грамоте 1270 г. (по списку XV в.) находим трижды в форме: *Chornawoda* (Árpádk. VIII. 260, 261), но она протекала на такой территории, где жили венгры, в языке которых согласно с вокальной гармонией *е* было заменено звуком заднего ряда, такие формы с *-о-* и, главным образом, с *-а-* обычны, так, напр., речка и село того же названия называется 1342: *Charnauoda*, *Chornouada* (Zichy okm. II. 36), 1347: *Charnauada* (Zichy okm. II. 278).

В имени крестьянина из села Винна 1337: *Chernuch* (Sztáray I. 132) еще сохраняется *е*, но *о* наблюдается уже раньше 1327: *possessionem Cruchow*

(Anjouk. II. 341) и 1390: *Crucho* (Csánki 354) в Земплине в названии села Кручов (Orosz Krucsó, Петров Мат. VI. 202) и 1352: *Sasow* (Csánki 309) в названии Шашова, которое в XVIII в. было украинским селом (ср. Петров Мат. VI карта); название села Имстичово (Misztice) записано 1351: *Mistichow* (Doc. valach. 121), в данной форме отражается украинское название: *(I)mstičou̯o*, из *-ou̯o* вследствие стяжения в венгерском получилось *ó: Miszticsó*, но *ó* потом было заменено в силу вокальной гармонии гласными *ő, e: Miszticső*, *Miszticse*, они являются позже постоянными формами 1364: *Mistiche*, 1383: *Myztichew* (Doc. valach. 176, 308), только *cs* было заменено согласным *c;* 1379: *Lusuk silva*, Tivadar (Szabó), если не описка, указывает на закрытое *o*, ср. 1512: *Lwssok*, Tivadar (Szabó). В XV в. мы находим *o* в примерах из комитатов Сатмар и Марамарош 1429: *Chorthyan*, Vitka (Maksai), 1456: *Krychowa*, Kricsfalva (Bélay), 1466: *Chorthyan*, Szamosszeg (Maksai), в последнем селе были два крестьянина по имени *Oroz*. Это указывает на то, что мы имеем дело с украинской формой.

Оценивая данные, надо отметить, что в XIV в. буква *e* не обязательно обозначала звук *e*, она могла обозначать и слабо лабиализованное *e̥*, но сильно лабиализованного *ö* не было, так как для обозначения *ö* в деловой письменности не служила буква *e* (Kniezsa helyesírás 52). Буква *o* в примерах: *Cruchow*, *Crucho* и др. уже обозначает *o* или звук близкий к *o*, так как *o* лишь изредка может обозначать *ö*. Может быть, что звук переданный буквой *o*, не был еще вполне оформившимся *o*, только близким к нему. В данных XV в. *o* передает *o*. Мы думаем, что *e* стало постепенно звуком все более заднего ряда с более сильной лабиализацией, пока оно не перешло в *o*. На основе данных нельзя утверждать, что этот переходный звук перешел стадию сильно лабиализованного *ö* и позже потерял сильную лабиализацию. Лабиализация и веляризация *e*, вероятно, началась везде не в одно и то же время или не проходила одинаково интенсивно, на что указывают и наши примеры. В слове *Kručovo* под влиянием *v* и *o* данный процесс начался раньше или проходил более интенсивно, чем в слове *Černьch*, где в этом направлении действовало лишь слабее лабиализованное *n* перед *ы*. Правда, как указано выше, буквы *e* и *o* могут обозначать звуки более близкие друг к другу: слабо лабиализованное *e̥* и еще не вполне оформившееся *o*. Позже путем аналогии *o* появилось и там, где фонетически не было обусловлено: *для насѣня жониного* НП 70а.

Существует связь между изменением *e* > *o* и выше рассмотренным процессом *e* + согл. + *ъ* > *'uo*. Общность обоих процессов состоит в лабиализации и тенденции к более заднему произношению. В этом отношении оба процесса являются результатом той же тенденции. Изменение *e* > *o* объясняется влиянием лабиального и велярного характера следующего согласного или посредством согласного и гласного. Ясно, что о том же идет речь и перед *ъ* (< *ŭ*), только к этой тенденции еще прибавляется удлинение и тенденция к более закрытому произношению. Предположение такой зависимости этих двух процессов вполне подтверждается нашими данными. Конечно, надо иметь в виду, что наши данные, как правило, начинаются только с середины XIII в. Хронологию рассмотренных процессов можно установить следующим образом: изменение *o* > *ō̥* *(uo)* уже действовало в XIII в. и было продуктивным, вероятно,



еще в первой половине XIV в. приблизительно параллельно с этим происходило изменение *e* > *ē̥* *('uo)* и *e* > *ē̥* *(ie)*. Эти процессы могли начаться и раньше, но форма *Куей* из начала XIII в. указывает на то, что тогда *ē* из *e* еще не дошло до звука *o*. Лабиализация и тенденция к более заднему произношению под влиянием выпадающего *ъ* следующего слога могла действовать раньше или более интенсивно, чем перед слогами с остальными гласными заднего ряда, так что переход *e* в открытом слоге мог начаться позже или проходить менее интенсивно, но мог начаться еще в XIII в., потому что в XIV веке уже есть пример с *o*. Притом он происходил не совсем одновременно во всех позициях; перед слогами, содержащими более сильный лабиальный элемент, данный процесс был более интенсивным.

Выводы, сделанные на основе наших данных, в основном сходны с положениями, принятыми до сих пор исследователями. (В последнее время они были изложены в рецензии М. А. Наконечного на новую историческую грамматику украинского языка: За високий науковий рівень вузівського курсу історічної граматики. „Українська мова в школі." 1959 № 5, 85—86). Мы допускаем, однако, возможность того, что лабиализация и веляризация действовали приблизительно одновременно, и из *e* в открытом слоге не образовалось ясное *ö*, а из *e* в закрытом слоге дифтонг (*ie* > *üö*), а образовавшиеся звуки были менее лабиализованными и место их образования было отодвинуто назад. Такие звуки не были устойчивыми и перешли в *o*, *'uo*.

До сих пор были проанализированы тенденции, которые начались еще в древнерусский период в области гласных *o*, *e*, теперь надо рассмотреть явления, которые дают о себе знать только в украинском языке.

В закарпатских говорах в определенных позициях наблюдается более закрытое произношение *o*, *e*. Данное явление было детально исследовано О. Брохом, а позже И. Панькевич определил и его территориальное распространение. Более закрытые варианты *o* и *e* обозначены И. Панькевичем буквами *ô*, *ê*. Советские закарпатские лингвисты подробно занимались этим явлением в своих монографиях о говорах разных районов Закарпатья, так что теперь значительно яснее стоят перед нами условия и формы действия рассматриваемой тенденции. Мы сопоставили описание данного явления в работах по фонетике разных говоров Закарпатья у следующих авторов: П. П. Чучка, Система голосних у говірці села Баранинці Ужгородського району. НЗ УДУ XIV. 141—160 (сокращ. Чучка); І. Д. Пагіря, Система голосних у говірках північно-західної Мукачівщини НЗ УДУ XXVI 77—92 (сокращ. Пагіря); В. І. Добош, Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини Тур'ї. там же 93—114 (сокращ. Добош); П. М. Лизанець, Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затисся Виноградівського району. там же 115–134 (сокращ. Лизанець Сист.). Конечно, нельзя ждать, чтобы материал был представлен у всех авторов по одной и той же схеме, но можно хорошо сравнить данные, и у разных авторов получается сходная картина.

Звук, возникший в результате менее закрытого произношения *o*, обозначается знаком *ô*, а более закрытый вариант знаками *w* или *ω*, последний очень близок к *u* и может с ним совпасть. Звук *o* выступает и в ударной и безударной позициях, а *ω* только в безударной. Закрытость *o* опре-

деляется согласным, следующим за ним, или гласным следующего слога и позицией с точки зрения ударения. Ударяемое *о*, если за ним следует *и̯* (Пагіря, Чучка, Лизанець Сист.), *и* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка, Добош), *i* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка, Добош), *j* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка), мягкий согласный (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка), произносится как *ô*. Подобное явление наблюдается перед *ω* (Пагіря) и *ô* (Чучка, Лизанець Сист.). В безударной позиции *о* может становиться звуком более закрытого произношения: *w(ω)*, если за ним стоит *и* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка, Добош), *i* (Пагіря, Лизанець Сист., Добош, Чучка, хотя по последнему автору не последовательно). По наблюдению П. П. Чучки, *w* выступает и перед мягкими согласными, но не последовательно. И. Д. Пагиря и П. М. Лизанец нашли данный звук и в начале слова, хотя не всегда, а у И. Д. Пагири он засвидетельствован и перед *ω*. Если за безударным *о* стоит *и̯* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка), *ô* (Пагіря, Лизанець Сист., Чучка), *о* будет менее закрытым *ô*. На основании данных можно установить, что тенденция к более закрытому произношению выступает и в ударяемой, и безударной позициях, но сильнее действует в безударном положении: так, напр., перед *и*, *i* в безударной позиции выступает *w*, а в безударной лишь *ô*. Кроме того, более закрытый звук способствует более закрытому произношению предыдущего гласного; напр., в безударной позиции перед *и*, *i* наблюдается *w*, а перед *ô* лишь *ô*. Гласный звук *е* тоже может быть более закрытого произношения, и в ударяемой позиции перед слогом с *i* и мягким согласным он может достичь позиции *у* (у всех авторов), а в безударной позиции перед такими же звуками он может суживаться до *i* (Пагіря, Добош, Лизанець Сист.; Чучка отмечает перед мягкими согласными). В безударной позиции *е* переходит в *у* и перед гласным *у* [Пагіря, Добош, у последнего имеются и примеры в ударной позиции (стр. 108)]. П. М. Лизанец отмечает более закрытое произношение *е* только в безударном положении, но не только перед *у*, но и перед *еи* (ук. соч. стр. 124), И. Д. Пагиря (ук. соч. 90) и П. П. Чучка (ук. соч. 157) наблюдали более закрытое произношение *е*, которое обозначается знаками *ê (ə)* в безударной позиции и перед твердыми согласными, стоящими перед *и*, *е*, *а*. Значит, *е* может суживаться до *у* и *i* в зависимости от ударения перед *i*, *и*, мягкими согласными. В безударной позиции перед *у* и *еи* тоже выступает более умеренное суживание, и, видимо, в безударной позиции суживание может иметь место перед любым звуком в определенных положениях; И. Д. Пагиря отметил лишь перед ударным слогом, а в заударной позиции он не нашел (ук. соч. 90), в работе П. П. Чучки приведены такие же примеры (ук. соч. 157). Это указывает на то, что в безударной позиции есть определенная тенденция к распространению сужения независимо от звукового окружения.

Тенденция к сужению имеет сходный характер и в северокарпатских бойковских говорах (Пань. Укр. гов. 383, 384).

В XIV—XV вв. встречается лишь мало примеров более закрытого произношения *о*, 1360: *Hwrniachfalwa*, Hernécs (Bélay) *(hôrn'аč)*, 1372: *Lusuk silva*, Tivadar (Szabó) (в 1512 в форме: *Lwssok* (Szabó); 1411: *Hlwbuka*, Kökényes (Bélay), и только 1 раз находим закрытое *е*, 1473: *Lywrdyna*, Leordina (Bélay), правда, в предпоследних двух примерах мы можем иметь дело и с опиской под влиянием следующего *и*. Имеется много при-



меров XVIв. Мы можем отмечать звуки, возникшие в результате сужения *о*, *е*, только тогда, когда они передаются буквами *о*, *i*, что является лишь одним из способов их обозначения, притом не обязательно преобладающим.

Рассматриваемое явление часто называется вокальной гармонией. Вокальная гармония имела место в румынском языке. И. Панькевич и объясняет данное явление влиянием румынской колонизации (Пань. Нарис 46). На наш взгляд, в основном, не надо искать влияния других языков.

По нашему мнению, суть объяснения рассматриваемого явления заключается в следующем: как мы видели, вначале восточнославянское *о* было более открытого произношения (близкое к *а*), а потом постепенно становилось более закрытым, и в украинском языке из *о* мог развиться дифтонг с элементом *и* перед выпадающими *ъ* и *ь*. Подобным образом и *е* проявило тенденцию к закрытости перед выпадающими *ъ* и *ь*. Вероятно, тенденцией к сужению характеризовались не только гласные *о*, *е*, стоящие перед *ъ*, *ь*; только там она выступала наиболее интенсивно под влиянием выпадающих звуков *ъ*, *ь*. Подобное влияние выпадающих редуцированных наблюдалось и при лабиализации. Удлинение *о*, *е* перед *ъ*, *ь* тоже могло способствовать сужению (в ряде языков долгие гласные более закрытые). Перед выпадающими редуцированными гласные *о*, *е* подвергались более интенсивно такому сужению, к какому имелась тенденция и в других позициях. Тенденция к сужению действовала дальше у сохранившихся *о*, *е*, и они стали более закрытыми. (Может быть, с этим надо связать и усиление бывших редуцированных *ъ*, *ь* (из *й*, *ĭ* в *о*, *е*).) Тогда уже влияние соседних более закрытых гласных, *и̯* и мягких согласных привело к образованию тех закрытых вариантов *о*, *е*, которые засвидетельствованы в наших текстах. Сужение долгих *о*, *е* привело к дифтонгам, но в дифтонгах тенденция к сужению действовала дальше, и господствующими элементами стали *и* и *i*, которые стали закрытыми, так что у И. Панькевича *и* (из *ио*), *i* (< *ie*) описываются как закрытые *и̂*, *î*, а элементы *и* в дифтонге *ио*, *i* в *ie* едва ли были закрытым в начальный период, так как дифтонг образовался из *о*, *е*. Этот процесс был параллельным с рассматриваемым сужением сохранившихся *о*, *е* и *о* (< *ъ*), *е* (< *ь*) (об этом см. еще у языковых явлений XVI—XVIII вв.). Таким образом в сужении *о*, *е* проявляется дальнейшее действие той тенденции, которая действовала уже в древнерусском языке, и которая была одной из важнейших тенденций, формировавших гласные *о*, *е*. Дальнейшее действие тенденции к сужению гласных *о*, *е* характерно для южных украинских говоров.

В юговосточных говорах наблюдается умеренное у-кание, т. е. безударное *о* перед *и*, и иногда *i*, приближается к *и* (ср. Жилко 160). Кроме того, встречается более открытое произношение *у* и тенденция к сужению *е*, о которых не отмечено, выступают ли они только в безударном положении, или их появление зависит от соседних гласных (Жилко 160). „Звук *о* в части югозападных говоров во всех безударных позициях переходит в *и* или более или менее приближается к произношению *и*" (так называемое сильное у-канье) (Жилко 93). В югозападных говорах „безударное *е* звучит невыразительно, приближаясь к *у*; в зависимости от предшествующих или следующих за ним согласных (палатальных) гласный *е* может перейти в *i* в части говоров" (Жилко 91).

Разумеется, мы не можем ставить себе целью разъяснить многообразное развитие *о, е,* которое реализуется в разных говорах по-разному, только отметим, что явление умеренного у-канья в основном сходно с поведением *о* в закарпатских говорах. В Закарпатье, однако, *о* суживается и в ударном слоге. При сильном у-канье тенденция к закрытости сильна, она не зависит от соседних звуков и выступает лишь в безударном положении. Гласный *е* тоже проявляет тенденцию к сужению в югозападных говорах зависимо от ударения, и, поскольку об этом можем судить, соседние палатальные звуки делают *е* более закрытым (в поднестровских говорах сужение *е* в *і* вызывается влиянием мягких согласных) (ср. Жилко 109—110).

Данные сужения *о, е* в закарпатских говорах существенно отличаются от данных упомянутых украинских говоров тем, что данная тенденция в Закарпатье распространяется и на ударные позиции, что можно объяснить следующим обстоятельством: И. Панькевич ссылается на Н. Дурново, как будто принимая его мнение, что в Закарпатье динамическое ударение слабее, и отмечает, что, по мнению иных авторов, безударные слоги не отличаются сильно от ударных; Н. Дурново это явление объясняет сохранением более старого характера ударения или влиянием словацкого языка (Пань. Укр. гов. 327). На наш взгляд, объяснение надо искать в первом.

Динамическое ударение в архаических закарпатских говорах не стало настолько сильным, как в иных говорах, может быть, оно распространялось и немного позже и не препятствовало распространению вокальной гармонии в ударном слоге. В других, некарпатских говорах установление сильного динамического ударения ограничило действие данной тенденции на безударные позиции, так как ударная позиция способствует более открытому произношению. (Так, например, в Закарпатье в ударных слогах наблюдается более широкое произношение *и, і* (ср. Пань. Укр. гов. 327)). Вследствие этого тенденция *о, е* к более закрытому произношению в Закарпатье охватила все позиции, правда, в неодинаковой мере. В безударной позиции действует сильнее, а в ударной слабее. В то же время более четкое призношение безударных слогов не способствует сильному у-канью, независимому от соседних звуков, хотя определенная тенденция в этом направлении наблюдается.

*і*

В закарпатских украинских говорах древнерусское *і* развилось в звук более заднего ряда и низкого подъема: *у*. В XVI—XVIII вв. в памятниках, написанных латиницей, он передается чаще буквой *i*, реже буквой *e*. Обозначение *e*, указывающее на более заднее и низкое произношение, появляется уже в XIV в. рядом с *i* в таких случаях, когда в венгерском языке не произносили *e*. В начале XIV в. у королевы Марии служил придворный, о котором отмечается, что он был украинцем *(rutenus)*. Его имя встречается в таких формах: 1312: *Theza, Thysa* (Anjouk. I. 281), 1322: *Tyssa* (Anjouk. II. 21), 1324: *Tyse* (Anjouk. II. 120, в латинском дательном падеже). Это имя надо читать как *Tesa, Tisa*. А. Годинка и другие историки считают его предком известной аристократической семьи Тиса (Tisza) (Hodinka 22), но был ли он предком семьи Тиса, трудно сказать. Личное имя *Тиса* встречается уже в XIII в., а в XIV в. засвидетельствовано название *Тиса* как второе имя 1327: *Paulus de Tiza iudex nobilis* (Anjouk. II. 327) в комитате Чонград, лежащем на реке Тисе. Вышеупомянутый украинский придворный мог получить свое имя от реки Тисы, потому что он мог иметь там имение, или от дерева *тис* (венг. *tisza*). Во всяком случае в его имени был звук, который он произносил средним между *i* и *e*. Такая особенность может объясниться лишь более низким и задним произношением древнерусского *і*, то есть, украинским *у*. Слова *Tisza* и *tisza* в венгерском языке произносились со звуком *i* и писались буквами *i*, *y* (ср. Scriptores I. 547—548, Árpádk. XIII. 696). В грамотах *i* обозначалось лишь буквами *i* или *y* и не *e* (Kniezsa helyesírás 39). Произношение *у* на месте древнерусского *і* подтверждается и позднейшими данными. В комитате Берег название села Крива (венг. Kirva) встречается в такой форме: 1341: *Creua* (Csánki), хотя 1428: *Kyrwa* (Csánki) (венгерская форма). В вышеупомянутой немецкой хронике Генриха Мюгелна середины XIV в., основанной на венгерских хрониках, название Киева пишется: *Cheon*, где на месте древнерусского *і* тоже стоит *e*, так же 1387: *Ruseen* (Csánki) в названии шарышского села Русин, так как сочетание букв *ee* обозначало закрытое *e* в венгерском правописании; в названии мараморошского села Кричова (Kricsfalva), 1398: *Kerchwa* (Bélay) с венгерской метатезой, но 1456: *Krychowa*. В 1400 г. при определении границы села Великих Капушан (Kapus), которое граничило с селом Русска, встречается топонимическое название: *Kernych* (Zsigmondk. II/1. 84), в котором *e* передает *у*, также в Сатмаре 1425: *Kernyche*, Nábrád (Maksai). В южном румынском Марамороше в названии села Калинешть (Kalinfalva) выступает *e*, 1456: *Kalenfalva*, хотя 1405: *Kalynfalva* (Bélay).

*ы*

Гласный *ы* сохраняется до сих пор в закарпатских говорах, за исключением отдельных говоров в бывшем комитате Унг, в которых он заменен частично или полностью другим гласным. В комитате Сатмар около села Панёла (Panyola) встречается название речки 1264: *Korniche*, Panyola (Maksai), где *o* передает лабиализованное *ы*: *Кыrnica*, вероятно, ту же речку обозначает в 1425 г.: *Kernyche*, Nábrád (Maksai), но *e* передает уже *у*, которое развилось из *ы* после *k*. В грамоте 1266 г. упоминаются украинские могилы: *sepulcrum ruthenorum, quod vulgo dicitur mogula* (Sztáray I. 10) около села Лесны в Земплине, там же говорится о земле: *Mikuta* (Sztáray I. 10). В селе Винна комитата Унг упоминается крестьянин 1337: *Chernuch* (Sztáray I. 132), который был украинцем (Černych), как и его односельчанин 1337: *Ozyph* (там же). В словах *Chernuch, Mikuta, mogula* буква *u* обозначает лабиализованное *ы*. В названии шарышского села Кобылница *ы* тоже передается через *u* 1372: *Kwbulniche* (Csánki 351) (неточная запись), 1410: *Kobulnicha* (Zsigmondk. II/2. 364). Обозначение *ы* буквой *i* тоже засвидетельствовано 1220: Visatam (Vyšata) (Reg. Var. Nr. 243(124) стр. 244).

Преобладающее обозначение *ы* через *o, u* свидетельствует о том, что первоначальная лабиальность *ы* сохраняется. (О сочетании *kы, hы, chы* см. ниже в согласных.)

Согласные

В системе древнерусских согласных с точки зрения мягкости/твердости были исконно-мягкие согласные *j, ž, š, č, šč, c*, согласные, которые могли быть полумягкими перед гласными переднего ряда или твердыми, лабиовелярными перед гласными заднего ряда, и согласные, которые были только твердыми: *g, k, ch*. В поздний древнерусский период в говорах, которые образовали позже украинскую языковую область, полному смягчению подверглись те согласные, за которыми выпало *ь*; *е* в закрытом слоге перед *ъ, ь* перешло в дифтонги *'ie* или *'uo*, а *ě* в *'ie* (последние могли быть мягкими и раньше). О возможных оттенках полумягкости нельзя сказать ничего определенного, так же обстоит дело с оттенками лабиовелярности; можно только предположить, что перед *u, o* лабиальный характер был более сильным. Выпадение *ъ* вызвало усиленную лабиовелярность, также как и выпадение *ь* привело к полной мягкости. Наши данные указывают на то, что перед выпадающим *ъ* изменение *е* > *о* могло происходить раньше, чем в остальных случаях, хотя данных у нас мало. Возможно, что доказательством сильной лабиовелярности, возникшей вследствие отпадения *ъ*, является и тот факт, что в украинском в конце слова перед *ъ l* перешло в *u̯*, то есть: *lᵘ* + *ъ* > *u̯*. (Другой случай перехода *l* > *u̯* наблюдается тогда, когда *l* в сочетании *tъlt* переходит в *u̯*, где *lᵘ* стояло после *ъ*, перешедшего в *о*.)

В результате потери лабиовелярности происходит переход закрытого *е* в *'uo* и открытого *е, е* (< *ь*) в *о*.

Полумягкие в украинском языке отвердели, при этом древнерусское *i* развилось в *y* более заднего ряда и низкого подъема. Процессы отвердения полумягких и потери лабиовелярности имеют определенное соотношение: полумягкие отвердели, но они не стали одновременно лабиовелярными, по всей вероятности, потому, что лабиовелярные твердые к тому времени уже потеряли свой лабиовелярный характер, и образовался новый тип твердых согласных из бывших полумягких и лабиовелярных. Перед новыми твердыми из полумягких *е* не перешло в *о*.

Кроме отвердения полумягких происходил и процесс отвердения исконно мягких *š, ž* во многих украинских говорах, в том числе и в среднезакарпатских. При определении времени этого процесса надо иметь в виду, что шипящие сохранили свою мягкость, когда у существительных типа *крадѣжь* НП 36а, *платѣжь* НП 32а закрытое *е* перешло в *ie*, а также во время делабиовеляризации согласных, которая привела к переходу *е* в *о*. Шипящие стали твердыми лишь тогда, когда изменение *е* > *о* не могло происходить, когда образовался новый тип твердых согласных. Об этом свидетельствуют те формы вышеупомянутых существительных, в которых *е* стоит в открытом слоге перед твердым *ž, š*: *вытъ платежу* НП 77а. Возможную хронологию перечисленных процессов можно установить, имея в виду данные процесса *е* > *'uo*, *е* > *о* и *i* > *y*, рассмотренных при гласных: делабиовеляризация началась в XIII в., когда уже на месте *е* в новозакрытом слоге находим *о*, в остальных позициях *о* засвидетельствовано в первой половине XIV в., тогда же наблюдается и написание *е* на месте др. русск. *i*, свидетельствующее о более низком и заднем



произношении данного звука. Согласные *ž, š* могли отвердеть после того, как изменение *е* > *ie* потеряло свою продуктивность, т. е. не раньше середины XIV в., кроме того, имея в виду, что и переход *е* в *о*, т. е. делабиовеляризация была непродуктивной, когда *ž, š* отвердели, отвердение *ž, š* надо считать процессом XV в. или втор. пол. XIV в. Отвердение полумягких имело место уже с пер. пол. XIV в. В мараморошских говорах отвердел и согласный *č*. Его отвердение тоже не произошло раньше, чем указано выше, а, может быть, даже позже. Дальнейшее отвердение *ž, š*, о котором свидетельствует написание *ы* вместо *и* за *ж, ш*: *жы, шы*, относится к следующему периоду и охватывает лишь частично и не все рассмотренные говоры. Только твердые согласные в определенных закарпатских говорах могли частично потерять свою твердость, и вместо сочетания *кы, hы, chы* находим *ky, hy, chy* (см. ниже).

Восточнославянское *g* в закарпатских говорах развилось в *h*. Для освещения данного процесса приводятся следующие данные. В Варадинском Регестре встречается имя 1215: *Golosa* (Reg. Var. Nr. 59 (155) стр. 175) (Golosa или Golosъ), или неправильно: *Golsa* (Reg. Var. Nr. 22 (264) стр. 163). В XIII в. среди титулов венгерских королей обычно отмечается и то, что они являются королями Галиции. В таких случаях название Галиции пишется через *G*, 1254: *Bela Dei gracia Gallicie . . . Rex* (Árpádk. VII. 361), также пишется название Галиции и в хрониках. В названии города Галича тоже наблюдается буква *G*, 1240: *Galich* (Árpádk. VII. 283). В грамоте 1229 г., однако, читаем: *Colomanus Dei gracia Halicie Rex* (Árpádk. VI. 477), т. е. на месте традиционного, обычного *G* выступает *H*. При топонимических данных Венгрии XIII в. надо иметь в виду, что в западном Закарпатье они могут быть и словацкими. В примерах XIII в. находим еще *g* в имени 1266: *Mylgozt* (Sztáray I. 10), которое могло быть и словацким (см. выше у гласного *о*), но сохранение *g* указывает скорее на украинский язык, в той же грамоте 1266: *mogula (sepulcrum ruthenorum, quod vulgo dicitur* ∼) (Sztáray I. 11), наверно, украинская форма с сохранением лабиального произношения *ы*, характерным для украинских данных. В южной части комитата Берег встречается название речки в грамоте 1270 г. (по списку XV в.): *ad vnum riuulum Hillinnua vocatum* (Árpádk. VIII. 261) (Hlinna). За Дунаем около села Ороси (Oroszi) встречается 1288: *prata de Ugh* (Árpádk. IV. 328) с сохранением *g*. В XIV в. *g* еще наблюдается: 1337: *Igrischtya* (campus) (Sztáray I. 126) *(Igrišča)* около села Ревиштя (Reviscse), но *h* господствует в Земплине, 1336: *Kemonahurka* (правильно: *Kamena hurka)* около села Трнава (Tarna), 1336, 1337: *Dolha* (название горы) (Sztáray I. 111, 131), 1393: *Wazzyl dictus Horbach*, Zavada (Zsigmondk. I. 310), в Сатмаре: 1370: *Hyrip, Hirip, Hirip* (Maksai) (Hrip), в комитате Берег 1389: *Villa Pothren* (правильнее: 1454: *Pothoren)* (Csánki), 1393: *Husslyahauasa* (Sztáray I. 523), в Марамороше, 1366: *Hwrniachfalwa*, Hernécs (Bélay). В XV в. в Марамороше, 1403: *Herincse* (Bélay), 1411: *Hlwbuka* (речка), Kökényes (Bélay), 1450: *Luh*, Lonka (Bélay), 1489: *Ihnath*, Bocskó (Bélay), в Сатмаре: 1415: *Dolha* (aqua) Maksai), 1478: *Hrihor*, Balotafalva (Maksai), 1493: *Howyrla* (вместо: *Hawryla)*, Bártfalva (Maksai), 1496: *Dolhapataka*, Panyola (Maksai), в комитате Берег названия села Голубиного 1430: *Holobinna* (Csánki), 1444: *Cholwbynna* (Csánki 416),

во втором случае пишется сочетание букв *Ch*, в комитате Унг на границе сел Руска (Ruszka) и (Вельке) Капушаны (Kapos) 1400: *Hlynyk* (Zsigmondk. II/1. 85), 1437: *Hryz*, Remete (Sztáray II. 338), 1437: *Vasol filius Ihnad*, Remete (Sztáray II. 338).

Наши данные показывают, что на месте восточнославянского *g* могла стоять буква *g* в XIII в. и в первой половине XIV в., но уже с XIII в. выступает буква *h*, которая потом становится господствующим способом обозначения; *ch* встречается лишь один раз в XV в. Восточнославянское *g* перешло в *h* через $\gamma$, при том переход осуществлялся постепенно. В венгерском правописании не было особого знака для обозначения $\gamma$ даже тогда, когда оно было в венгерском (до начала XIII в.), а редкие примеры $\gamma$ писались буквами *h*, *ch* (Bárczi 82). В XIII в. буквы *g* и *h*, вероятно, передают звуки $g\gamma$, $\gamma^g$, $\gamma$, а с XIV в. $\gamma$ уступает место $h\gamma$, *h*. Нельзя определить, когда установилось окончательно произношение *h*, может быть, написание с *ch* в XV в. еще свидетельствует о $\gamma$ точнее $\gamma^h$ или $h\gamma$. Об отсутствии *g* в иных украинских говорах верные данные имеются лишь со второй половины XIV в. (ср. В. В. Иванов, Краткий очерк исторической фонетики русского языка. М. 1955, 59), но А. И. Соболевский предполагает, что кое-где еще осталось *g* в XIV—XV вв., но имелось скорее $g\gamma$, $\gamma$, $\gamma^h$ (ср. Лекции по истории русского языка. М. 1903).

В Няговских Поучениях XVI в. и в позднейших памятниках находим такие венгерские заимствования, в которых наблюдается звук *g*, напр., *gazda* (ср. Дэже Заимств. 91—92). Такие данные свидетельствуют о том, что к этому времени изменение *g* > *h* уже потеряло свою продуктивность, и возникает потребность уточнения времени данного процесса. Для этого надо обратиться к топонимическим данным.

Украинское диалектное название угочанского села Боржавское (Csongava) образовалось от венгерского корня *Csengő*~*Csenge* (1260: *Chenge*) со славянским суффиксом: *Чингава* (Петров Мат. VI. 213, Szabó 415). Село было основано между 1330—1350 гг., первый раз упоминается в 1351 г., и хотя, судя по славянскому суффиксу, который имеется во всех вариантах названия, украинцы жили в нем с самого начала (ср. Szabó 415), все же в названии села сохраняется *g*. Марамарошское село Добрянское раньше *Няговo* (1415: *Negova*, 1434: *Nagiva*, 1474: *Nagowa*) было основано в конце XIV в. Его название образовано от румынского имени *N'ag*, и в украинском сохраняется *g*: *Няг'ово* (Петров Мат. VI. 205). Марамарошское село Ганичи (Gányafalva) возникло во второй половине XIV в. 1402: *Ganyafalva*, 1418: *Ganya* (Bélay 141), в его украинском названии тоже сохраняется *g*: *Г'аничи* (Петров Мат. VI. 196). Сохранение *g* наблюдается и в позднейших топонимических названиях: напр., укр. *Goronda* (венг. Gorond), укр. диал. *Fogaraš* (венг. Fogaras) в комитате Берег. Рассмотренные данные указывают на то, что приблизительно с середины XIV в. изменение *g* > *h* не было продуктивным. К этому времени из восточнославянского *g* развилось вероятно $\gamma^h$, $h\gamma$ или *h*, а согласный *g* венгерских и румынских слов не мог перейти в *h* и сохранился.

До появления звука *h* перешли в украинские говоры те венгерские заимствования, в которых на месте венгерского *h* выступает украинское *ch*. В венгерских словах *határ*, *haszon* в древневенгерском было *ch*, которое,



однако, в XIV в. было лишь редким (ср. Bárczi 85). Украинская форма этих слов: *chutar*, *chosen*, род. *chusna* с *u* из *o*, свидетельствует о раннем их заимствовании (XIII в. — первая половина XIV), что подтверждается и наличием украинского *ch*, которое соответствует др. венг. *ch* или *h* (ср. Дэже Заимств. 91—92).

В Земплине около села Лесна в грамоте 1266 г. встречается название украинских могил: *sepulcrum ruthenorum, quod vulgo dicitur mogula* (Sztáray I. 10) (= *mogыla*), там же находим и название земли: *Mikuta* (= *Mikыta*). Имя *Микыта* засвидетельствовано в украинских грамотах: *Микитино* гр. 1349 г. и в Закарпатье 1646: *сн҃ъ микитин, грига микитин* Требушани-Білий потік (П III), 1762: *микита* Требушани-Білий потік (П III). В западном Сатмаре около села Панёла (Panyola) встречаем название речки: 1264: *Korniche*, Panyola (Maksai). В приведенных примерах *u*, *o* указывают на *ы*. В XIV—XV вв. на территории югозападного Земплина, Унга и западного Сатмара уже наблюдается *y*, которое развилось из *ы* и обозначается буквой *e*, 1357: *Mykete* (Csánki 357), данное село граничило с селом Воля (Laborc Volya) и могло быть тождественным с землей *Микыта* в гр. 1266 г. В комитате Унг упоминается 1400: *Kernych (stagnum paludosum et herbosum)* (Zsigmondk. II/1. 84) около села (Вельке) Капушаны (Kapos), которое граничило с селом Руска (Ruszka). В Сатмаре находим название речки 1425: *Kernyche*, Nábrád (Maksai), которая могла быть тождественной с речкой, упомянутой в 1264 г. около Панёлы (Panyola, Maksai).

Как отмечено выше, в закарпатских говорах в сочетании *tъlt* и в конце слова *l* перешло в *u̯*. В топонимическом названии *Dolha* встречается *l* в разных краях 1336: *Dolha* (Sztáray I. 111), 1454: *Dolha* (Sztáray II. 527), 1415: *Dolha*, Panyola (Maksai), 1409: *Dolha*, 1463: *Naghdolha*, Dolha (Bélay). Только в одном примере находим и букву *w*, 1425: *Welcherethe* (вариант *Wewche-*), Nábrád (Maksai), где венгерский писарь писал *e* вместо *o* стараясь приспособить слово *Vou̯če* к вокальной гармонии. Все же на основании наших данных можем сказать кое-что о времени изменения, если имеем в виду историю венгерского языка и орфографии. В результате перехода *l* > *u̯* после *o* получилось бы *ou̯*. Такому сочетанию гласных был близок венгерский дифтонг *ou̯*. Венгерское *ó* и диалектное *ou̯* заменяется украинским *ou̯* (ср. Дэже Заимств. 79—80). Если в украинском *u̯* (< *l*) существовал бы тогда, когда в венгерском был дифтонг *uo*, то в венгерском из *ou̯* развилось бы *ó*: *Dóha*, но такой формы нет. Значит изменение *l* > *u̯* произошло после исчезновения венгерского дифтонга *ou̯*. Упрощение венгерского дифтонга *ou̯* в основном уже закончилось во второй половине XIV в. (Bárczi 97). Форма 1336: *Dolha* (Sztáray I. 111) отражает еще живое произношение. Сомнительно, чтобы пример 1409, 1415 гг. свидетельствовал о живом произношении, так как в 1425 г. уже находим отражение *u̯* (< *l*): *Wewche*, Nábrád (Maksai), а пример 1454 г. свидетельствует о венгерском произношении, которое установилось до перехода *l* > *u̯*. Марамарошское село Долгое (укр. Довге) по-венгерски называется *Dolha*.

Из словосочетания типа *tlъt* развилось *tlyt* в названии села 1460: *Jablincza* (Bélay 157), которое было около Лисичева.

Согласному *f* в закарпатских памятниках соответствует *f* в имени *Feduor* > *Fedur*. В языке украинцев северо-восточной Трансильвании, однако, наблюдается *ch* на месте *f* в XIII в., 1213: *Chedur* (Reg. Var. Nr 74 (300) стр. 180).

*Образование говоров*

Исследуя заселение комитатов с украинским населением, мы видели, что полоса селений постепенно расширяется и занимает равнины, холмистые края и низкие горы, но высокогорье не заселяется. Рассмотрев соотношение разных народностей, мы начертили приблизительные границы украинской языковой области. Собрав такие основные данные, необходимые для исследования языковых и дальнейших исторических явлений, мы старались определить из каких слоев состояло украинское население Закарпатья с точки зрения заселения в XIV—XV вв., откуда приходили переселенцы в Закарпатье. Мы установили, что украинское население Закарпатья состояло из трех главных слоев: 1) древнего населения; 2) переселенцев с той стороны Карпат, которые могли приходить из Буковины, Молдавии или из разных частей Галиции через перевалы Карпат (от Шарыша до Мармороша); 3) отдельных групп, которые могли приходить из более далеких краев Украины. Взаимоотношение этих слоев могло быть разнообразно. Пропорция „валахов“, пришедших с востока, и северных переселенцев была разной в различных частях Марамороша, на востоке, в середине или н азападе комитата, и другой в комитатах Берег и Унг.

При разборе языковых данных мы старались привести материалы для некоторых основных фонетических тенденций закарпатских украинских говоров. Большинство исследованных явлений наблюдалось по всей тогдашней языковой области, и они сегодня относятся к существенным особенностям среднезакарпатских говоров, как: *ě* > *i*, в новозакрытом слоге *o* > *u* (за исключением тех говоров, в которых на место *u* вступило позже *ü*, *i*), за исконно мягкими *e* > *o* перед твердыми согласными, тенденция к сужению гласных *o*, *e*; *g* > *h*, *l* > *u̯* в конце слога. Из-за скудости данных нельзя было установить при отдельных процессах, были ли диалектные различия при их распространении.

Перечисленные явления не дали возможности определить диалектное членение закарпатской языковой области в XIII—XV вв. Но на основании данных заселения, некоторых лингвистических данных XIII—XV вв. и черт позднейших памятников, а также современных говоров ниже мы попытаемся сделать несколько замечаний по этому вопросу.

Хотя закарпатское население вербовалось из разных краев, все же его большинство составляли те, которые происходили из прилегающих к Закарпатью или близких областей. Исторические факты говорят о том, что Галиция была одним из главных источников заселения Закарпатья из-за близости и чрезмерно большой эксплуатации населения. Другой областью, с которой Венгрия и особенно восточное Закарпатье имели постоянные связи, главным образом в XIV в., и откуда наблюдается большое движение народа, была Молдавия, которой принадлежала и



Буковина. В очерке истории заселения мы стремились раскрыть движение румынско-украинского, так называемого „валашского“ населения. Древний слой населения тоже приходил с этих двух областей, но принес с собой восточнославянский язык в менее развитой стадии.

Заселение происходило постепенно, но не равномерно. Наши данные могут только показать, когда и где появились новые села, но сколько было в них жителей, и сколько человек переселилось в уже имеющиеся села в XIII—XV вв., мы не можем знать. Рассматривая время появления сел, которые были наверно или вероятно украинскими, в комитате Унг в XIV—XV вв., мы нашли, что их преобладающее большинство появляется в начале (в первой трети) XV в., но были села уже в XIV в., а во второй и третьей третях XV в. тоже основываются новые села. При этом надо иметь в виду, что села, которые появились в начале столетия, могли быть и раньше, так как мы часто могли пользоваться только данными Д. Чанки. В комитате Берег появление новых сел более равномерно: в середине XIV в. 7, в третьей трети 10, в первой трети XV в. 9, но во второй трети находим уже 18 новых сел. И при этом надо иметь в виду, что села могли возникать раньше, хотя работа Т. Легоцкого более надежный источник, чем труд Д. Чанки. По данным В. Белаи преобладающее большинство мараморошских сел возникло в середине и во второй половине XIV в., но и в начале XV в. основывается ряд сел, а во второй трети XV в. находим очень мало новых сел. Из этого можно сделать вывод, что большинство новых сел возникло от середины XIV в. до середины XV в. Бросается в глаза, насколько мало сел основано в последней трети XV в., но это значит не то, что переселение прекратилось, а скорее только то, что оно было менее интенсивным и было направлено в уже существующие села.

Как мы увидим, волна переселения снова поднимается с середины XVI в. В XIV—XV вв. раньше всех закончилось заселение Марамороша. Параллельно с ним идет заселение комитата Берег, правда, тут много сел появляется в середине XV в., хотя часть их была основана, вероятно, раньше. Как мы видели при анализе заселения, направление заселения шло с юга на север, но такие южные места, которые были мало пригодными для поселения, заселяются лишь позже.

Говоры на той стороне Карпат не имели вплотную общую границу и тесный непосредственный контакт с южными, закарпатскими. Между ними лежали малозаселенные верховины. Как мы видели, массовое переселение не имело места от середины XV в. до середины XVI в. Если отсутствие новых сел обозначало лишь то, что население старых сел поредело, и новые переселенцы пополняли его, то новые поселенцы ассимилировались к старому населению. Таким ходом заселения объясняется то обстоятельство, что закарпатские говоры от Марамороша до Унга стали архаическими.

Хотя мы не могли регистрировать возможное развитие *u* (< *o*) > *ü*, так как в венгерском правописании не было особой буквы для обозначения звука *ü*, но, имея в виду данные XVI—XVII вв., нам не кажется вероятным, что *ü* (< *o*) могло распространиться в Закарпатье уже в XIII—XV вв. Кроме того, в XVII в. гласный *ü* или вариант *ü* передавался на письме и буквой *ö*, но в XIII—XV вв. такого примера нет, хотя венгерское право-

писание располагало специальным способом обозначения *ö (ew)*. Могло быть, однако, несколько таких фонетических особенностей, наличие или отсутствие которых внесло определенное диалектное членение. Такими могли быть: сохранение *ы* за *k, h, ch* или переход его в *y*; сохранение *dž* (< *d* + *i̯*) или упрощение его в *ž*; в 3-м лице обоих чисел настоящего времени глагола *-t́* на исходе слова сохраняет ли свою мягкость или отвердело: *t (čytai̯et́* или *čytai̯et)*.

В Няговских Поучениях второй половины XVI в. *dž* упростилось в *ž*, в 3-м лице обоих чисел наст. времени *-t* является твердым, но в сочетании с *k, h, ch* сохраняется *ы*. Такие особенности, которые и сегодня характерны для южномарамурошского говора, могли существовать и до середины XVI в. Сегодня граница между *kы, hы, chы* ~ *ky, hy, chy* проходит приблизительно по Латорице, так же обстоит дело и с областями распространения *ž* ~ *dž* (< *d* + *i̯*). А граница *-t* ~ *-t́* совпадает примерно с границей бывшего комитата Марамарош. Данные XIII в. из области нижнего течения реки Лаборец и из западного Сатмара свидетельствуют о сохранении *ы* после *k, g (γ)*, на основании чего можно предположить наличие *ы* по всей территории Закарпатья, а *ky, hy, chy* надо считать более новым явлением в говорах от Латорицы до Земплина. Данные XIV—XV вв. уже указывают на появление сочетании звуков *ky, hy, chy* на упомянутой территории.

По такому распределению диалектных черт в XIV—XV вв. (до середины XVI в.) можно сделать вывод о двух диалектных областях на запад и на восток от Латорицы. На восточной территории в восточном Береге, в Угоче, Сатмаре, Марамороше преобладающее большинство составляло „валашское" население, переселившееся с востока. Поэтому старая восточно-закарпатская диалектная область, которая в свою очередь не была совсем однородной, генетически была связана с говорами Буковины и Молдавии, старая же западная область — с говорами Галиции. Как отмечено выше, связь закарпатских говоров с говорами по ту сторону Карпат ослабела, и говоры обеих территорий развивались своим путем, в разных исторических условиях.

Уже И. Панькевич указал на связь закарпатского говора долины реки Рускова с говорами на той стороне Карпат в статье „Говір сіл ріки Рускої був. Мармороша в Румунії" (сокращ. Пань. Руск.) и отметил между прочими и выше определенные восточнозакарпатские особенности. На основании наших источников трудно установить характерные особенности украинских говоров XIV—XV вв. и составить себе картину их системы. Анализ молдавских (буковинских) грамот показывает наличие *ž* (< *d* + *i̯*) (ср. Ярошенко 283), *ž, š, č* были вероятно твердыми (ср. Ярошенко 284), в грамотах уже совпали *ы* и *u*, так что могло быть лишь сочетание *ky, hy, chy* (ср. Ярошенко 276). В молдавских грамотах в 3-м лице обоих чисел настоящего времени на исходе слова встречается и *-t́*, и *-t*, причем Ярошенко формы с *-t* считает живыми (Ярошенко 305), что не обязательно верно, потому что обе формы могли быть живыми, только форма с *-t́* вытеснялась. Вероятно, в XIII—XV вв. в восточных закарпатских говорах первоначально господствовала форма с *-t́*, но позже в Марамороше *-t́* отвердело.



И. Панькевич рассмотрел особенности тех памятников, которые связаны с позднейшими лемковскими и бойковскими говорами, и сравнил их с данными современных говоров в работе „Дві лемківські грамоти з початку XVI століття" (сокращ. Пань. лемк.). Используя и его данные, можно установить следующее: из особенностей говоров на запад от Латорицы, как указано выше, в XIV—XV вв. возникло *ky,hy,chy*. Древними особенностями являются *dž* (< *d* + *i̯*), а также *-t́* в конце слова в 3-м лице наст. времени глаголов. Сохранение *dž* (< *d* + *i̯*) и сегодня характерно для бойковских говоров (ср. Пань. Укр. гов. 385), и в памятниках XIV—XV вв. тоже наблюдается (ср. Пань. лемк. 25). В 3-м лице наст. времени глаголов в конце слова *-t* отвердело в бойковских говорах (ср. Пань. Укр. гов. 387), но *-t́* еще наблюдается в грамотах, которые отражают особенности языка той области, в которой образовались бойковские и соседние с ними поднестровские говоры (Пань. лемк. 26), в XVI в. в бойковских грамотах уже наблюдается твердое *-t* (ср. Пань. лемк. 27).

Развитие двух диалектных областей, отношение закарпатских и северокарпатских говоров будет рассмотрено на основе очерка заселения XVI—XVIII в.

## ВТОРОЙ ПЕРИОД (ОТ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА — ДО КОНЦА XVIII В.)

### *Очерк истории заселения*

Второй период, в течение которого возникли рассматриваемые памятники, охватывает два с половиной столетия. В истории Венгрии он представляет собой эпоху позднего феодализма, первая часть которой характеризуется тем, что значительная часть страны была под турецким игом, из-за чего производительные силы находились в состоянии упадка. Народу надо было бороться не только с турецкими захватчиками, но и наемниками Габсбургов. После изгнания турок и поражения в освободительной войне против гнета Габсбургов начинается зарождение капитализма в рамках колониальной системы. В истории украинского народа для рассматриваемого периода характерно усиление феодального и национального гнета, которое приводит к крестьянским и казацким восстаниям и освободительной войне 1648-1654 гг., которая завершается воссоединением Украины с Россией. Воссоединение, однако, не обозначало освобождения всех украинских земель. Значительная часть Украины принадлежала и дальше Польше. Феодальная эксплуатация продолжает усиливаться, и зарождаются капиталистические отношения.

Крестьянство Закарпатья тоже принимало участие в восстании крестьян под предводительством Д. Дожи. Его подавление было ужасным прелюдом той катастрофы, которая постигла Венгрию в этом столетии. После фатального поражения под Мохачем самостоятельное единое венгерское государство прекратило свое существование. Большая часть страны попала под турецкое иго. Турки ежегодно выгоняли из страны тысячи и тысячи рабов. В Северной Венгрии и в Закарпатье, которые не были заняты турками, наемные войска австрийского императора грабили и мучили народ. Семиградье зависело от воли султана. Население Закарпатья,

украинцы и венгры, вместе с населением Венгрии не раз поднимались на справедливую борьбу против венского двора, который налагал все более и более высокие налоги, и выступали против своих помещиков, требующих все новых и новых видов оброка и больше барщины. В данный период борьба против внешних врагов переплетается с борьбой с внутренними эксплуататорами в войнах за свободу, в частности, в восстании под предводительством Ф. Ракоци. Эти войны, однако, не увенчались успехом. Венский двор взял верх над народом при помощи внутренних изменников-феодалов. В XVIII в. и в Венгрии формируются капиталистические отношения, в связи с чем эксплуатация крестьян принимает более новые и интенсивные формы. Урбариальная реформа Марии Терезии служила интересам венского двора и отнюдь не облегчила тяжелого положения крестьянства.

В данный период в Закарпатье украинская литература и литературный язык характеризуются сочинениями, написанными на народном языке или на литературном языке того времени с более или менее сильным влиянием народного языка, и неоригинальными произведениями, более или менее переработанными, переписанными в духе народного языка.

Вслед за такими общими замечаниями рассмотрим очерк истории заселения Закарпатья и некоторые вопросы формирования закарпатских говоров в XVI—XVIII вв.

Картина заселения Марамороша мало изменилась в первой половине XVI века. На юге села долины речки Мараморош пополнились новым селом *Хотени* (Hotinfalva). На правых притоках Тисы возникли *Калины* (Kalinfalva), *Дубовое* (Dombó) на реке Тересва, опустевший *Моноштор* (Monostor) и *Вучковое* (Vucskómező) на Реке.

В комитате Угоча не находим новых сел.

Для установления новых населенных пунктов комитата Берег мы пользовались дикальными переписями из 1548, 1549, 1550 гг., но в то же время мы рассмотрели и некоторые более старые переписи для того, чтобы получить более точную и достоверную картину об отношениях заселения комитата.

В юго-западной части комитата не появляется новое село, ибо этот край был заселен еще в прежние столетия. На юговосток от Мукачева находим село *Горонда* (Gorond). В самой западной части комитата возникло *Черленево* (Cserlenó). В долине Вызницы находим позже опустевшую *Среднюю Вызницу* (Középső Viznice) и *Верхнюю Вызницу* (Felső Viznice) и на запад от них *Косино* (Kockaszállás), *Цимбрилово* (Cimbrilovo).

На юг от Латорицы недалеко от Мукачева уже есть *Коноплнвцы* (Kendereske), а на восток от него *Дубровица* (Dubrovica). На запад от гор Гат можно найти село *Зубовка* (Fogaras), *Новоселица* (Kis Lucska), а между Зубовкой и Бородовкой (Bárdháza) упоминается исчезнувшее село *Таркач* (Tarkacs), опустевшее село *Кут* (Kut) было около села Бабичи, а *Задон* (Zádon) между селами Луково и Камянское. Т. Легоцки отмечает села *Диенештелек* (Dienestelek) около Белок. В северном водосборном бассейне Латорицы около Дусина уже существует *Быстрый* (Nagy Bisztra), а между селами Дусино и Стройно упоминается опустевшее село *Кирайсаллаша* (Király-szállása). В дике 1549 г. под селом *Мартинка* (Martinca, Martinthya) следует, наверно, понимать село Малая Мартинка (Kis Martinka), которое встречается на той территории. Засвидетельствована уже *Поляна* (Polena). Новым поселением на Верховине является *Ждениево* (Zsdenyova).



Мы установили отношения заселения первой половины XVI в. комитата Унг по дикальной переписи 1552 г., имея в виду и данные статьи Фр. Габриэля, но последняя не охватывает весь комитат.

В югозападной части комитата образовалось село *Мале Слеменце* (Kis Szelemenc). На север от Уга в самой западной части комитата уже можно найти село *Крашок* (Kraska).

В юговосточном углу комитата возник ряд новых сел: *Чабановка* (Bacsava), *Лнниы* (Iglinc), *Кобыляри* (Köblér), *Антоновка* (Antalóc), *Верхняя Солотвина* (Kis Szlatina). На северозападе недалеко от Ужгорода уже появляются *Петровцы* (Petróc), *Гусак* (Huszak), *Колибабовцы* (Kolibabóc), *Войнатина* (Vajnatina), *Бенятино* (Benetine). Большинство новых сел наблюдается на север от Ужгорода на Уже и его притоках: *Ворочево* (Vorocsó), *Перечин* (Perecsen) (уже наверное существовало), в районе речки Турья: *Симерь* (Ó Szemere), *Симерки* (Új Szemere), *Раково* (Rakó), *Пасека* (Paszika), *Порошково* (Poroskó), *Турья Быстрая* (Turja) Bisztra), *Турья Поляна* ((Turja) Polyana), *(Великая) Турица* (Nagy Turica), *(Малая) Турица* (Kis Turica), на речке Люта *Черноголова* (Csornoholova) и дальше на север: *(Нижняя) Пастель* (Alsó Pasztély) и *(Вышняя) Пастель* (Felső Pasztély) (сегодня села носят иные названия, см. статью Pasztély „Списка сел и городов"), *Кострина* (Kosztrina), *Ставное* (Sztavna), *Волосянка* (Voloszánka).

По свидетельству дикальной переписи 1549 г. в Северном Земплине особенно на реке Лаборец процесс заселения был живым в первой половине XVI в.

От Гуменного в северном направлении находим следующие новые деревни: *Кохановце* (Kohanóc), *Воля Поляна* (Volya Polyana), *Нижний Владич* (Alsó Ladiskóc), *Ганковце* (Hankóc), *Кошковце* (Koskóc), *Яблонь* (Tót Jablonya), *Нижняя Радвань* (Alsó Horbok), *Вышний Горбок* (Felső Horbók), *Красный Брод* (Kraszni Brod), *Межилаборцы* (Mező Laborc), *Боров* (Boro), *Габура* (Habura), на восток от Лаборца: *Няго* (Nyágo), *Стриховце* (Orosz Sztrihóc), *Вилаги* (Világ), на реке Удва: *Вышний Грушев* (Hrusóc или Körtevélyes), *Адидовце* (Agyidóc), трудно определить точное место села *Папфалва* (Papfalva), которое упоминается между селами Удавске и Любиша (Udva, Lyubise); *Зубне* (Zubna), *Вышняя Яблонка* (Felső Jablonka), село *Середне* (Szerednye) встречается в дике между селами Нижняя Яблонка (Alsó Jablonka) и Пчолиное (Pcsolina). На юг от нижнего течения Цироки возникает новое село и в уже заселенном районе: *Птичье* (Petiscse). В районе верхнего течения Цироки находим села *Стащин* (Sztakcsin), *Старина* (Sztarina), *Великая Поляна* ((Nagy) Polyana), *Пихне* (Pichnye), *Пчолиное* (Pcsolina), *Гостовица* (Hosztovica). В районе притоков Ужа с юга на север встречаем села *Иноцы* (Inóc), *Русский Грабовец* (Orosz Hrabóc) и *Убля* (Ublya) (по урбару Ужгородской доминии 1549 г.) (Gabriel Vývoj 146), *Кленова* (Klenova), *Колоница* (Kolonica-Klanica). Неясно, какое село скрывается под названием *Ставна* (Ztavna = Sztavna),

потому что оно может обозначать ужанское верховинское село Ставное (Sztávna).

В первой половине XVI в., с точки зрения истории заселения, самым важным моментом является заселение горных районов и верховинских водосборных бассейнов рек Тиса, Латорица, Уж, Лаборец от Марамороша до Земплина. Но оно не было везде одинаково интенсивным, самым значительным было в Земплине на реке Лаборец и его притоках.

Во второй половине XVI в. в Марамороше продолжается тот процесс, который был установлен в предшествующие пятьдесят лет. На притоках Тисы линия сел дальше продвигается на север: *Водица* (Új Apsa), *Нересница* (Felső Nereznice) на реке Тересве, *Липецкая Поляна* (Lipcse-Polyana) на реке Липче, ряд сел появляется в верховинском водосборном бассейне Реки: *Тюшка* (Tyuska), *Рекита* (Rekita), *Речка* (Ricska), *Изки* (Iszka), *Верхний Студеный* (Hidegpatak), *Ляховец* (Lyakovec), *Голятино* (Ó Holyatin), *Новоселица* (Új Holyatin), на реке Теребле: *Синевир* (Szinevér), а село *Бориспоряна* (Borisz Polyána), лежавшее в неопределенном месте, может быть тождествено с селом Майдан. На малозаселенных верховьях Тисы на восток и северовосток от Великого Бичкова (Nagy Bocskó) возникли села *Кобылецкая Поляна* (Kabola Polyana), *Деловое* (Tribusa), *Ясиня* (Kőrösmező). В густозаселенном районе реки Изы засвидетельствовано лишь одно новое село *Иллешфалва* (Illyésfalva), которое упоминается только в одной грамоте с селами Окно Шугатаг (Sugatag), Гарничешть (Hernécs).

В комитате Угоча находим только три новых села: *Бочков* (Bocskó) в восточной части комитата и села *Подгорное* (Ölyvös), *Оник* (Ilonokújfalu) в горном районе на север от Тисы.

В отличие от комитата Угоча карта бережского комитата свидетельствует о больших изменениях по данным дикальной переписи 1600 г. и книги Т. Легоцкого. Целые ряды сел возникли в еще мало или не полностью заселенных краях.

На север от Латорицы в гористом и холмистом районе находим следующие села (с запада на восток) около Бобовища: *Пацканево* (Patkanyóc), *Микуловцы* (Kis Mogyorós), *Счастливое* (Szerencsfalva), *Шкуратовцы* (Skuratóc), *Медведевцы* (Medvegyóc), *Кучава* ((Orosz) Kucsova), исчезнувшее село *Малое Бобовище* (Kis Bubuliska), *Балашовцы* (Balázsfalva); в долине реки Вызницы: *Ильковцы* (Ilkóc), *Грибовцы* (Hribóc), *Воротница* (Vorotnica), *Тростяница* (Trosztyanica), *Поздняковцы* (Puznyákfalva), *Крытое* (Fedelesfalva), *Грабово* (Szidorfalva), *Герцовцы* (Hercfalva), *Клёчки* (Klocskófalva), *Белебово* (Belebele), *Геёвица* (Gévénfalva), *Жборовцы* (Runófalva), *Облаз* (Oblaz), *Глинянец* (Iglinc), *Чабин* (Csabina), исчезнувшее село *Балмушфалва* (Balmusfalva), *Обава* (Dunkófalva), *Нижняя Грабовница* (Alsó Hrabonica).

Можно найти немало новых деревень на Латорице и ее притоках, на север от Мукачева около села Сентмиклош (Szentmiklós) было село, которое называлось *Чинадиево* (Csinagyijevo). Потом два села слились, и новое село сегодня носит название Чинадиево (по венгерски называлось: Szentmiklós). В районе Свалявы встречаются села *Пасека* (Paszika), *Ёбовица* (Jobovica) и *Сойвауйфалу* (Szolyvaújfalu, то есть: Свалява, Новое



село) (U et C 53—45), *Великая Тибава* (Nagy Tibava), *Плавье* (Plavia), *Росоши* (Roszos) и дальше на север: *Солочин* (Szolocsina), *Мельничный* (Kis Melnicsna), *Плоское* (Ploszkó), *Плоскопатак* (Ploszkópatak), *Быстрый* (Kis Bisztra), *Оленово* (Olenyova), *Родниковка* (Izvor). На Верховине уже имеются *Буковец* (Bukóc), *Верхняя Грабовница* (Felső Hrabonica), *Нижняя Грабовница* (Alsó Hrabonica), *Перекрестный* (Perekreszna), *Латорка* (Laturka), *Вербяж* (Verbiás), *Береговец* (Beregóc), *Лазы* (Timsor), *Яблоново* (Almamező), *Гукливый* (Hukliva), *Свалявка* (Szvalyavka) и село, носящее название *Ростока* (Rosztoka), вероятно, Нижняя Ростока (Nagy Rosztoka), так как Верхняя Ростока (Kis Rosztoka) находится подальше, а Новая Ростока (Új Rosztoka) не могла быть самым старым селом, имеющим название Ростока. Однако Верховина была довольно редко заселена по сравнению с современным состоянием.

На юг от Латорицы в районе, который назывался Крайной, возникли новые села: *Брестов* (Nagy Bresztó), *Куштановица* (Kustánfalva).

В краях Бобовища и Вызницы были такие села, которые потом исчезли. Часть их отмечена Т. Легоцким, при таких дается определение места Т. Легоцкого, а у остальных отмечаются села, между которыми оно стоит в переписи, урбаре, что часто дает данные для определения места села. *Кёрёшфалва* (Kőrösfalva) лежало между селами Микуловцы, Медведевцы, Пацканево и Счастливое. Между Киш Бубулишкой и Микуловцами стоят в перечне села *Сколинкофалва* (Skoljnkofalva = Szkolinkófalva) и *Матфалва* (Mátfalva), последнее может быть тождествено с селом Матяшфалва (Mátyásfalva), которое по труду Т. Легоцкого находилось между селами Лохово и Бобовище. Село *Вулшинка* (Vulsinka) было между селами Копиновцы и Бобовище. Село *Киш Ивани* (Kis Iványi, то есть: Малые Ивановцы) было между селами *Кайданово* и *Бобовище*. Село *Кознё* (Koznyo), которое было оставлено (desolata) уже тогда, названо между селами Гайдош (в комитате Унг) и Балашовцы (Balasóc). Село *Чунчфалва* (Czyuncjfalva) было между селами Ивановцы и Ракошино. Села *Хазугфалва* и *Зарича* (Zaricsa, у Легоцкого: Zariscsa(?)) были между селами Средняя Вызница и Облаз (Obláz), село *Сватенецфалва* между селами Чабин и Дубино; село *Дубоц* (Dubóc) между селами Чабин и Вышняя Вызница. Село *Садава* (Szadava) по Т. Легоцкому лежало около Облаза. Около Мукачева были *Мункачуйфалу* (Munkácsújfalu, то есть: Мукачево, Новое село) и *Уйварош* (Újváros) последний может быть отождествлен с Росвиговом (Oroszvég).

По дикальной переписи 1599 г. нельзя определить точное место следующих населенных пунктов: *Пернецфалва* (Pernecfalva, у Т. Легоцкого: Pernészfalva) около села Копиновцы; *Куструбафалва* (Kuztrubafalva, у Т. Легоцкого: Kuztrubácsfalva) около села Лохово; *Солонович* (Szolonovics, у Легоцкого: Szoloncsukfalva) в долине реки Вызница; *Феерагоштонфалва* по Т. Легоцкому около Бобовища; может быть, там же были и села *Феерфалва*, которое было в перечне переписи между селами Физерфалва (на Верховине) и Феерагоштонфалва; *Миклошфалва* (Miklósfalva), которое лежало между селами Феерагоштонфалва и Грабово; *Серменфалва* (Szeremenfalva), которое было между селом Грабово и исчезнувшим селом Хиузфалва (по работе Т. Легоцкого оно находилось

около села Счастливое). *Ляховецфалва* (Lyahoveczfalva) перечисляется между двумя исчезнувшими селами Хиузфалва и Ульковец (по книге Т. Легоцкого оно было около Плоского), а в перечне следующим селом было Ракошино, около которого стояло село *Ракошуйфалу* (Rákosújfalu = Ракошино, Новое село) по иной записи (U et C 53—45). В урбаре Мукачевской доминии 1570 г. между селами Нижняя Грабовница и Луково упоминается *Прузня* (Pruznya).

Из числа исчезнувших сел надо отметить еще *Кузьо* (Kuzyo), которое было между селами Ёбовица и Мельничный; и *Сопутникфалва* (Szoputnikfalva) между селами Быстрый (Kis Bisztra), Корнапатак и Оленево. На Верховине было село *Физерфалва* (Fizérfalva)).

На восток от гор Гат были села *Покутье* (Kutkafalva), опустелое село *Делеганфалва* (Delegánfalva), *Ивашковица* (Ivaskófalva), *Климовица* (Kelemenfalva), *Дюрозица* (Papgyörgyfalva), *Черный Поток* (Feketepatak), *Дешковица* (Deskófalva), около Белок — *Осой* (Szajkófalva), *Ростока* (Bereg Rosztoka); а на запад от гор Гат исчезнувшее село *Кишланьфалва* (Kis Lányfalva, то есть: Малое Лалово), село *Новоселица* (Kis Lucska) уже наверно существовало; опустевшие села *Мочарка* (Mocsárka), *Кашафалва* (Kasafalva) и исчезнувшее село *Палфалва* (Pálfalva). На Крайне в дикальной переписи 1600 г. отмечается ряд сел, которых сегодня уже нет. Вероятно, большинство сел состояло лишь из нескольких домов, или там жил только кенез (шолтыс), так что они легко стали на время безлюдными или навсегда опустели, но может быть, некоторые слились с другими селами. Такими являются села *Киш Шаркад* (Kis Sarkad, то есть: Малый Горбок) около села Горбок; *Петерфалва* (Péterfalva) между селами Медяница и Дюровица; *Чертесфалва* (Csertészfalva) около села Черный Поток; *Изгогафалва*, которое по Т. Легоцкому слилось с селом Смологовица, отмечено между селами Черный поток и Ивашковцы, там же *Троянфалва* (Trojánfalva), *Ванькофалва* (Vanykófalva) (последнее было около Бабич по Т. Легоцкому); *Гергельфалва* (Gergelyfalva) между селами Ивашковцы и Загатье; *Узкофалва* (Uzkofalva) между селами Лалово и Новоселица. Село *Узник* (Uznik) упоминается между селами Плавье и Брестов; *Кочова* (Koczjoua) и *Киш Дубровица* (Kis Dubrovica, то есть: Малая Дубровица) между селами Дубровица и Юркофалва; *Юркофалва* (Jurkófalva) между селами Киш Дубровица и Буковинка. В неопределенном месте были *Плешофалва* (Plesofalva) и *Бузница* (Buznica), которые отмечаются между селами Береговец и Росош; *Купинфалва* (Kupinfalva) и *Сурдекфалва* (Szurdekfalva), которые засвидетельствованы в таблице Мукачевской доминии (Tabella infraspecificatus Possesiones sub citata serie annorum (1530—1576) ad Castrum Munkacs pertinuisse edocens ex Conscriptionibus Portarum I: Comitatus Bereghiensis elaborata (U et C 53—45)).

Отношения заселения комитата Унг мы установили по дикальным переписям 1599 г. и 1588 г. и по списку статьи Фр. Габриэля, который был составлен по урбару Ужгородской доминии 1582 г. и дает некоторые дополнения. В это время новые села возникли лишь в северном водосборном бассейне Ужа за исключением двух сел, лежащих на юговосток от Ужгорода: *Цыгановцы* (Ciganyóc) и *Доброшина* (Dobrosina), последнее отмечено между селами Солотвина (Szlatina) и Бараницы (Baranya). На речке Турье имеется *Салявка* (Szalyavka), на речке Люта село *Люта* (Lyuta), около Чорноголовы было опустевшее село *Бачава* (Bacsova) и *Смерекова* (Szmrekova), *Буковцева* (Bukóc). Есть несколько сел с названием Пастель (Pasztély): *Костова* (Kosztova), *Ростоцкая* (Rosztoka), *Надь* (Nagy, то есть: Великая), *Данило* (Danilo) и *Манайло* (Manajló) *Пастель* (Pasztély); последние три названия сегодня неизвестны, но наверно те же села имели разные названия (об этом см.: Список сел и городов) и *Пастельки* (Pasztélka или Kis Pasztély). Дальше на север мы находим села *Завосина* (Zavoszina), *Соль* (Sómező), *Княгинин* (Knyahinya), *Домашин* (Domasina), *Киш Кострина* (Kis Kosztrina, то есть: Малое Кострино), *Стужица* ((Ó)-Sztuzsica), *Загорб* (Zahorb), *Верховина Быстра* (Bisztra Verchovina), *Ужок* (Uzsok), *Суха* (Szucha), *Тихий* (Tiha), в дикальной переписи 1588 г. между селами Соль и Ростоцкая Пастель упоминается село *Чернила* (Chiernilla), которое может быть отождествлено с опустевшим селом Чорный Поток (Csornij Potok). Между селами Смерекова и Домашин было село *Ковачо* (Kovacso) (в 1635 г. было село Ковачо Пастель (Kovacso Pasztély)).

Картина заселения комитата Земплин в конце XVI в. была установлена по дикальным переписям 1599 г. и 1598 г., но мы имели в виду и другие переписи. В районе притоков Ужа, который был мало заселен, появляется уже ряд сел (с юга на север): *Грабова Ростока* (Hrabova Rosztoka), *Шмиговец* (Smugóc), *Дубрава* (Dubrava), *Михайлов* (Mihalóc), *Волова* ((Orosz) Volova), *Стрексвцы* (Szterkóc), *Кальна* (Kalna), *Ростока* (Rosztoka), *Кривое* (Kriva), *Улич* (Ulics), *Збой* (Zboj), *Новоседлица* (Novoszelica), *Колбасово* (Kolbaszó), *Тополя* (Topolya), *Прислоп* (Priszlop); на верхнем течении Цироки: *Русское* (Ruszka), *Смолник* (Szmolnica или Szmolnik), *Острожница* (Osztrozsnica), *Звала* (Zvella), *Паригузовцы* (Parihuzóc), *Нехвалова Полянка* (Nechval Polyanka). В северной части комитата до Лаборца можно найти новые села *Валентовцы* (Valentóc), *Вирава* (Virava), *Ольшинково* (Olsinka), *Видрань* (Vidrány), *Каленов* (Kaleno) и за Лаборцем *Рокитовцы* (Rokitóc).

Вторая половина XVI в. характеризуется тем, что начинается интенсивное заселение территории на север от линии Мукачево—Ужгород, которая была до тех пор мало населенной. На бережской Верховине данный процесс продвигался медленнее, чем в области, лежащей на юг от нее. Полное заселение бережской Верховины происходит лишь в следующем столетии. Картина заселения комитата Земплин уже очень мало изменяется, а в комитате Унг волна заселения ослабевает.

В первой половине XVII в. Мараморош пополняется новыми селами на верхнем течении правых притоков Тисы: *Тересовка* (Tereselpataka), *Широкий Луг* (Széles Lonka), *Мокрое* (Mokra), *Лопухов* (Brusztura), на Верховине: *Буковец* (Bukovec), *Подобовец* (Podovec), *Ростока* (Rosztoka), опустевшая *Вышняя Быстра* (Felső Bisztra), *Торунь* (Toronya), *Прислоп* (Priszlop) и опустевшее село *Обляска* (Oblyászka).

В комитате Угоча появляется лишь несколько новых сел: *Хижи* (Kis Tarna), *Новоселица* (Sósújfalu) в горах Аваш, и *Малая Копаня* (Kis Kupány) на юге гористой местности, лежащей на север от Тисы. Этим и закончилось заселение комитата Угоча.

В первой и второй половинах XVII в. состояние заселения комитата

Берег можно лучше всего рассмотреть по данным третьего тома работы Т. Легоцкого, сравнивая их с иными источниками. В работе Т. Легоцкого обработан материал урбара Мукачевской доминии 1649 г., содержащего большую часть бережских сел. Кроме того, Т. Легоцкий использовал и иные источники. Относительно новых сел, однако, более важны урбары Чинадиевской доминии, на территории которой возникло большинство новых сел. Они служат для дополнения и контроля данных Т. Легоцкого. Разумеется, мы не имеем в виду те села, которые по нашим источникам возникли до XVII в., хотя Т. Легоцкий считал их основанными в XVII в.

В первой половине XVII в. в наиболее редко заселенной части комитата, на Верховине возник целый ряд новых сел, но в районах Бобовища и Вызницы и на Крайне тоже появляются села на местах, пригодных для поселения. В районе Бобовища можно найти: *Череёвцы* (Cserejóc), *Кулинкоц* (Kulinkóc, в начале XX в. хутор между селами Ивановцы и Лавки по труду Т. Легоцкого), а в районе Вызницы — *Дубино* (Dubina). Из числа исчезнувших сел *Кобылка* (Kobulka) была на реке Вызнице, а *Корколь* (Korkoly) около Тростяницы. На севере Крайны находим села *Кобалёвица* (Gálfalva), *Зуппетник* (Zuppetnik), которое лежало между селами Мал. Дубровица и Дубровица, но позже исчезло; *Лецовица* (Lécfalva), *Цалановица* (Colánfalva), *Плоскановица* (Ploszkánfalva), *Брестовик* (Kis Breszto), *Ольховица* (Egreske), *Буковинка* (Bukovinka), *Смологовица* (Kis Ábránka), *Локоть* (Nagy Ábránka), около Свалявы: исчезнувшая *Александровица* (Olekszandrovica), *Черник* (Csernik), *Поток Брустов* (Brusztópatak), *Малая Тибава* (Kis Tibava), *Сасовка* (Szaszóka), в долине реки Пиня (Pinye): *Дицковица* (Diskovica и под названием Új Bisztra), *Уклин* (Uklina); на реке Латорице: *Ганьковица* (Hankovica). На Верховине можно уже найти следующие села (с запада на восток): *Верхняя Ростока* (Kis Rosztoka), *Кичерный* (Kicsorna), *Пашковец* (Paskóc), *Щербовец* (Serbóc), *Збын* (Zbun), *Романовец* (Romanóc), опустевшее *Разделье* (Rozgyila), *Яловое* (Jalova), *Кушница* (Kis Ábránka), *Абранка* (Nagy Ábránka), *Задельский* (Zagyilszka), *Тишов* (Tisova), *Борсучина* (Borszucsina), *Мишкаровица* (Miskarovica), опустевшее село *Каритовица* (Karitovica), которое лежало около последнего, *Котельница* (Kotilnica), *Медвежий* (Medvezsa), *Новая Ростока* (Új Rosztoka), *Баблюк* (Bablyuk), *Петрусовица* (Petruszovica), *Глухановица* (Hlubokapatak), *Завадка* (Zavadka), *Пересирово* (Pereszirova), *Драгушовец* (Drahusóc), *Канора* (Kanóra), опустевшее село *Илимова* (Ilimova), *Таламаш* (Talamás), *Веретечово* (Veretecső), *Скотарское* (Szkotárszka). К ним следует еще добавить исчезнувшие села: *Коблика* (Koblika), которая, по мнению Т. Легоцкого, лежала около Вышних Ворот; *Кондратокфалва* (Kondratokfalva), упоминаемая между селами Медвежий и Нижние Ворота (U et C 53—47). По данным Т. Легоцкого в долине реки Вызницы было село *Слопофалва* (Szlopófalva), которое граничило с селом Турьи Реметы; *Столецфалва* (Sztolecfalva) на восток от Бобовища, а на горе Гусля — *Колтунок* (Koltunok).

Данные о комитате Унг содержат дикальные переписи 1602 г. и 1631 г.

В районе речки Турица можно найти села *Ликицары* (Likicár или Rekice) и *Ольшанка* (Vulsinka). Из Пастелей в 1602 г. засвидетельствованы села с такими названиями: *Ковач* (Kovács), *Костова* (Kosztova),



*Бегендят* (Begenyát) и *Тосте* (Toszte) *Пастель* (Pasztély), а в 1635 г.: *Костева* (Kosztyova), *Ростока* (Rosztoka), *Манайло* (Manajló) и *Ковач* (Kovács) *Пастель* (Pasztély) (см. Список сел и городов, Pasztély). Дальше на север появляются села *Стричава* (Sztricsava), *Ростока* (Rosztoka), вероятно, *Алшо Ростока* (Alsó Rosztoka, то есть: Нижняя Ростока), *Вышка* (Viska), *Новая Стужица* (Új Sztuzsica), *Лубня* (Lubnya), *Луг* (Luh), *Гусный* (Huszna) и *Свеча* (Szvecha), которое отмечается между селами Тихий и Ставное.

В первой половине XVII в. карту заселения комитата Земплин можно определить по дикальным переписям 1635 г. и 1648 г. На левом берегу Лаборца преобладающее большинство сегодня существующих сел возникло еще в XVI в., но в XVII в., особенно в первой половине века, засвидетельствовано еще несколько новых сел, на реке Лаборце: *Дедачов* (Dedasóc), *Машковцы* (Maskóc) и на севере при границе: *Осадне (Телеповце)* (Telepóc), на восток от Цироки: *Стащин Ростока* (Rosztoka Sztakcsin), *Русский Поток* (Oroszpatak) и *Рунина* (Runyina).

К концу XVII в. в Марамороше установилась приблизительно та сеть населенных пунктов, которая имеется и сегодня. Большинство новых сел засвидетельствовано уже с 80-х годов. В районе речки Иза появляется село *Глод* (Glód), но может быть, что село Ильешполяна (Illyéspolyana), о котором есть данные из первой половины века, тождественно с селом Глод. В верховьях Тисы новыми селами являются *Росошка* (Roszucska), *Косовская Поляна* (Kaszó Polyana), *Белый Поток* (Fehérpatak), *Рахово* (Akna Rahó) и *Квасы* (Borkút). В западной части комитата на реке Боржаве появляется несколько новых сел: около Долгого *Свиника* (Szvinika), которого сегодня уже нет, около Кушницы *Сухая* (Szuhapatak), и *Березники* (Bereznik). Кроме того, находим *Нижний Быстрый* (Alsó Bisztra) на Реке, *Пилипец* (Filipec), *Лозянское* (Cserjés) на северовосток от Межгорья, *Синевирская Поляна* (Szinevér Polyana) и исчезнувшее село *Паркелечен* (Parkelecsen), точное место которого нельзя установить.

В комитате Берег по данным Т. Легоцкого в это время появляются села *Кузьмино* (Kuzmina) в самой западной части комитата, *Шелестово* (Seleszto) на реке Вызнице, а на Крайне *Сундаковица* (Szundákfalva) и опустевшая *Киш Илошва* (Kis Ilosva, то есть: Малая Иршава).

Сведения о положении комитата Унг мы можем извлечь главным образом, из дикальной переписи 1696 г. В ней можно найти лишь несколько новых сел: *Новоселица* (Új Kemence), на запад от Дубринича, *Липовец* (Lipóc) в районе Турьи и *Мочар* (Mocsár) около села Великое Березное.

По той же дикальной переписи 1696 г. можно было установить и состояние заселения комитата Земплин, но в нем не нашлось ни одного нового села, основанного во второй половине столетия. Только вместо сел, называемых раньше Збойна (Збойне) и Рокито (Zbojna, Rokitó) в переписи упоминаются *Гомонна Збойна* (Homonna Zbojna) и *Избудя Збойна* (Izbugya Zbojna), *Гомонна Рокито* (Homonna Rokitó) и *Избудя Рокито* (Izbugya Rokitó), сегодня: Гуменское Збойне, Збудское Збойне, Гуменский Рокитов, Збудский Рокитов. В XV в. наши данные говорят лишь о селах: Збойна, Рокито (Zbojna, Rokitó), но так как они принадлежали имению семьи Избудяи, Д. Чанки отождествляет их с селами Збудское

Збойне и Збудский Рокитов. В XVI в. были тоже только села Збойна и Рокито, но часть обоих принадлежала семье Гомоннаи. Вышеназванные соседние села в переписи 1696 г. (Homonna, Izbugya Zbojna; Homonna, Izbugya Rokitó) возникли путем разделения старых сел, или же села семьи Гомоннаи более нового основания. На карте села семьи Гомоннаи мы отнесли к селам XVII в., так как они засвидетельствованы лишь в XVII в.

Для установления сел, основанных в XVIII в., мы пользовались, главным образом, Лексиконом населенных пунктов 1773 г. (Lexicon locorum Regni Hungariae populosorum anno 1773 officiose confectum) (сокращ. Lexicon).

К числу ранее незасвидетельствованных сел относятся *Акна Солотвина* (Akna Szlatina), *Округлая* (Kerekhegy) в Мармароше; *Богаревица* (Falucska), *Подгород* (Váralja), *Ключарки* (Klucsarka), *Паланки* (Várpalanka), *Новое Давидково* (Új Dávidháza), *Беласовица* (Bilaszovica) в комитате Берег; *Гута* (Hutta), *Горня* (Hornya) в комитате Унг; *Брезовец* (Berezovec), *Дара* (Dara) и *Яловая* (Jalova) в Земплине.

*

Очерк заселения Закарпатья в XVI—XVIII вв. в большой мере может способствовать пониманию языковых явлений, однако один учет новых населенных пунктов еще не служит довольно надежной основой для рассматривания явлений языка, надо его дополнить данными о численности населения. В XVI—XVIII вв. это очень важно и потому, что в Закарпатье образование новой сети населенных пунктов, в основном, было завершено к середине XVII в., и сдвиги, происходящие в населении, можно измерить на численности населения. Для исторической диалектологии важно: каков состав населения уже имеющихся сел, напр., пополнялось ли значительно первоначальное население новыми пришельцами или было ли дополнено сократившееся население, и откуда приходили пришельцы.

Число населения лучше всего можно установить по переписям, составленным в одно и то же время по тем же указаниям. Игнац Ачади рассматривал число крепостного населения Венгрии в ряде работ. Сравнивая его данные с другими источниками, мы получили приблизительно верную, хотя и неточную картину о развитии крепостного населения Закарпатья от середины XVI в. до конца XVIII в., даже XIX века. Мы выбрали из переписей лишь те, указания которых известны, охватывают всех крепостных и кажутся более или менее полными. Несмотря на это, надо считаться с их неточностью. К выводам И. Ачади о числе всего населения (в переписях имеются в виду лишь главы семьи), как и ко всем подобным реконструкциям, надо относиться с осторожностью. Кроме того, данные И. Ачади мы всегда сравниваем с новейшими результатами историко-статистических исследований по тому же времени, так как методы последних значительно усовершенствовались со времени И. Ачади.

И. Адачи в своей работе о числе крепостного населения после битвы под Мохачем (A magyar jobbágynépesség száma a mohácsi vész után) рассматривает перепись 1553 г. В ней учтены и те дворы (телеки, т. е. наделы), с которых не платили налог, что очень важно для нас, так как в то время



украинское население еще не платило налога. Ниже мы приводим данные комитатов, населенных украинцами (ср. Acsádi ук. соч. 12—21).

| Название комитата | Число дворов | Староста (биро) | Новый дом | Сгорелый дом | Безземельный (желер) | Бедный | Слуга | Освобожденный |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Спиш ....... | 1 026 ½ | 74 ½ | 36 | 37 | 631 | 20 | — | — |
| Шарыш ..... | 1 039 ½ | 180 ½ | 110 | 20 | 1 419 ½ | 139 | 48 | 3 |
| Земплин .... | 2 191 ½ | 361 | 166 | 110 | 1 486 | 324 | 61 | 26 украинских телеков |
| Унг ......... | 627 | 93 | 23 | 3 | 803 | 83 | 41 | — |
| Угоча ....... | 596 | 2 | 77 | 13 | 80 | 517 | — | 14 |
| Марамарош . | 941 ½ | 56 ½ | 105 | 6 | 31 | 177 | 31 | — |
| Берег ...... | 1 176 ½ | 127 | 330 | 33 | 47 | 97 | 47 | 697 |

И. Ачади за каждым крепостным телеком (наделом) считает два с половиной домашних хозяйств (семей), что является приблизительно правильным. Иштван Бакач, рассматривая количество крепостного населения комитата Ваш, находит, что за одним двором считали в 1540 г. одну, в 1549 г. две, 1570—1576 гг. три, а в 1588 г. четыре семьи (Bakács István, Vasmegye XVI. századbeli jobbágynépessége kiszámításának kérdéséhez. Történeti Statisztikai Közlemények 1957. 2—4, стр. 15). И действительно, И. Ачади в указанной работе, контролируя данные о комитате Земплин по переписям для сбора десятины (tizedlajstrom), установил, что в 50-х годах XVI в. на одном телеке (уделе) в северной части комитата сидели две с половиной семьи (Acsády ук. соч. 35).

И. Ачади, исходя из числа крепостных телеков, исчисляет число крепостного населения Венгрии следующим образом: в рассматриваемых 30-и комитатах было 66 000 телеков, на них 155 000 крепостных семей. К числу их он еще прибавил 32 000 семей, которые не жили на телеках; итак, общее количество семей составляет 187 000. Предполагая, что одна семья состояла из пяти членов, все крепостное население Венгрии составляло 935 000. Итак, на один телек, платящий налог, приходится 20 человек.

Но, если мы хотим знать хотя бы приблизительное число населения Закарпатских комитатов, то надо исходить из конкретных данных отдельных комитатов. Кроме дворов, платящих налоги, и категории: староста, новый дом, сгоревший дом, обозначали телеки (с 2,5 семьями). Между категориями безземельных (желеров) и бедняков (szegény), как видно из таблицы, в области категоризации, оценки наблюдаются определенные колебания: в одних комитатах число безземельных, а в других число бедняков преобладает, что, вероятно, является результатом неопределенной категоризации. Последние категории надо считать семьями по методу И. Ачади, хотя сюда могли быть зачислены и целые дворы. Число освобожденных значительно только в комитате Берег. Эту категорию И. Адачи, и мы также, считает телеками но в комитате Берег в скобках дается число населения, которое было исчислено так, что единица категории освобожденных была рассмотрена как семья, ибо, если за этой категорией

скрывались новые переселенцы-украинцы, то их значительная часть имела еще целый телек (как видно по урбарам). Количество членов семьи, вероятно, было 6, а не 5, как позже и сам И. Ачади устанавливает, исправляя свои прежние взгляды. То же самое предлагает и Зольтан Давид в своей статье о числе домов и населения в венгерских источниках XVI—XVIII вв. (Dávid Zoltán, A házak száma és a népesség száma a XVI—XVIII. századi forrásokban. Történeti Statisztikai Közlemények. 1958. 3—4 стр. 93). В результате указанных подсчетов получаем следующие результаты:

| Название комитата | Категории 1—4 и 8 | | Категории 5—7 семьи | Все семьи | Все население |
|---|---|---|---|---|---|
| | порты | семьи | | | |
| Спиш | 1 174 | 2 935 | 651 | 3 586 | 22 016 |
| Шарыш | 1 704 | 4 262,5 | 1 606,5 | 5 869 | 35 214 |
| Земплин | 2 854,5 | 7 136,25 | 1 871 | 9 007,25 | 54 043 |
| Унг | 746 | 1 865 | 927 | 2 792 | 16 752 |
| Угоча | 702 | 1 755 | 610 | 2 365 | 14 190 |
| Мараморош | 1 109 | 2 772,5 | 239 | 2 011,5 | 12 069 |
| Берег | 2 363,5 | 5 908,75 | 191 | 6 099,75 | 36 598 |
| | (1 666,5) | (4 166,25) | (888) | (5 054,25) | (30 325) |

Разумеется, наши подсчеты из-за вышеизложенных причин следует принимать также с должной осторожностью. Меньшая часть украинского населения была причислена к категории новых домов, большая часть к категориям безземельных или бедняков, а в комитате Берег и к категории освобожденных, кроме того, значительная часть украинцев, живших в гористых местностях, могла избежать переписи. (В Земплине отмечено 26 украинских телеков, но ясно, что в комитате было намного больше их, и приведенная цифра отражает только колебание в отношении категоризации украинского населения, что вполне понятно.) Как выше отмечено, если украинцы, сидящие на телеках, попали в те категории, за единицы которых считалась семья, то оно не приводит к значительным изменениям в наших подсчетах, так как большая часть новых переселенцев имела целый телек, как мы видели в урбарах Мукачевской и Чинадиевской доминий.

То, что наши рассчеты, несмотря на их неточность, недалеки от истины, покажут данные переписи 1598 г., которая является достоверной и включает в себя и украинцев, которые тогда уже были обязаны платить налог.

Развитие числа крепостного населения Венгрии И. Ачади прослеживает в XVI в. в своих статьях о внесении налогов крепостными (Jobbágyadózás 1577—97-ben, A magyar adózás 1598—1604-ben). Разумеется, число телеков, с которых платили налог, было различно. После походов, эпидемий многие крепостные телеки стали безлюдными и неспособными для платежа налогов, к чему надо добавить еще и недостатки переписей. Так, например, в 1576 г. находим следующие числа телеков в переписи: комитаты Шарыш 1 222 1/2, Берег 1 083, Земплин 2 579 1/2, Унг 648 3/4, Угоча 396 (в 1577 г. видим сходное положение) (Acsády job. adó. 22), а в 1582 г.: Земплин 2 347 1/2, Берег 952 1/2, Унг 669 1/2, Угоча 264.



Надо более подробно рассмотреть перепись 1598 г., которая считается достоверной. Основой переписи был дом крепостного. Переписи подвергался каждый дом, в котором жил крепостной крестьянин, безземельный крестьянин (zsellér), крестьянин, имевший пустой телек (praedialista), освобожденный крестьянин, румын или украинец. Не подвергались переписи старосты, корчмы, совсем бедные и нищие (Acsády Közg. 8.). Число домов, с которых платили налог, было следующее в разных комитатах (Acsády m. adó. стр. 42, Dávid Zoltán, A házak száma és a népesség XVI—XVIII. századi forrásainkban. Történeti Statisztikai Közlemények, 1958. 3—4. стр. 90).

| | |
|---|---|
| Спиш | 4 000 |
| Шарыш | 8 085 |
| Земплин | 10 293 |
| Унг | 4 527 |
| Берег | 4 429* |
| Угоча | 2 232* |

В комитате Мараморош не было переписи.

* У З. Давида находим общие данные комитатов Берег и Угоча 6 711 (ук. соч. 90), вместо 6 661 (4 429 + 2 232).

Число домов нельзя отождествлять с числом семей. Многие молодые женатые крестьяне жили вместе с родителями, были безземельные крестьяне (zsellér), которые жили в чужом доме, и иные семьи, которые не были учтены в числе домов. Поэтому к числу домов как И. Ачади (Acsády Közg. 10), так и З. Давид (ук. соч. 89) прибавляют 20%, чтобы получить число семей. Разумеется, такое число лишь условно. Если число, полученное таким образом, помножим на 6, то получим число населения (Давид ук. соч. 98). В этом числе по З. Давиду имеется и дворянство, а по мнению Ачади, это только число крепостных. Мы думаем, что, с одной стороны, число дворянства было невелико в рассмотренных комитатах по сравнению с средним количеством во всей Венгрии, а, с другой стороны, значительная часть новых переселенцев-украинцев не была подвергнута переписи (они были в трудно доступных местах, считались еще совсем бедными). Поэтому даже число, помноженное на 20% процентов, показывает лишь крепостное население. Приведенная ниже таблица содержит помноженное число домов по работе З. Давида (ук. соч. стр. 90), за исключением комитатов Берег и Угоча, где даются результаты нашего подсчета.

| Название комитата | Число семей | Число населения |
|---|---|---|
| Спиш | 4 800 | 28 800 |
| Шарыш | 9 702 | 58 212 |
| Земплин | 12 353 | 74 118 |
| Унг | 5 432 | 32 592 |
| Берег | 5 315* | 31 890* |
| Угоча | 2 678* | 16 068* |

* У Давида общее число двух комитатов 8 053 и 48 318.

Сравнивая данные таблицы с данными переписи 1553 г., мы находим самое крупное изменение в комитатах Шарыш: в 1553 г. 35 214, в 1598 г. 58 212; Земплин: в 1553 г. 54 043, в 1598 г. 74 118 и Унг: в 1559 г. 16 752, в 1598 г. 32 592, однако население остальных комитатов тоже увеличилось, что надо приписать естественному приросту населения и заселению. Большая разница в числе населения комитатов Земплин и Унг объясняется интенсивным заселением данной территории. Как мы видели выше, во второй половине XVI в. волна переселения сильно возросла и принесла большие массы в хорошо доступные западные комитаты. Заселение комитата Земплин закончилось во второй половине XVI в., а в комитате Унг оно значительно продвинулось вперед. Число населения Берег (если даже иметь в виду данные в скобках 1553 г.) показывает лишь небольшой прирост населения несмотря на то, что в этом комитате тоже было переселенние, хотя оно было меньше или значительно меньше, чем в комитатах Земплин и Унг, и привело к образованию лишь маленьких сел. Все же одна из переписей не совсем удовлетворительна, вероятно, в переписи 1598 г. не учтено много новых переселенцев.

Из XVII в. мы не располагаем такими переписями, на основе которых можно было бы сравнить число населения закарпатских комитатов. Но у нас есть данные о крепостных разных доминий, между прочим об Ужгородской, Мукачевской и Чинадиевской доминиях, которые охватили районы комитатов Унг и Берег, населенных украинцами, хотя и не полностью. А. Годинка в своей брошюре об экономике и истории закарпатских украинцев (Hodinka Antal, A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk) сообщает данные о всех трех доминиях. Положение Ужгородской доминии рассматривают А. Годинка и Фр. Габриэль в своих работах, которыми мы пользовались (Hodinka A., Adalékok az ungvári vár és tartománya és Ungvár város történetéhez, Fr. Gabriel, Poddanské poměry na užhorodském panství ke konci XVII. století). Кроме перечисленных работ мы использовали и иные данные.

По данным урбара 1631 г. в 67 городах и деревнях Ужгородской доминии было 70 1/2 телеков шолтысов (soltész) из них 7 в Венгерском и Словацком районах (Magyarság, Tótság), православных попов (batykó) 22, из них 1 в Венгерском и Словацком районах, целых крепостных телеков (считая 2 половины телека за один) 1002 3/4, из них в Венгерском и Словацком районах 431, безземельных крестьян (zsellér) 1257, в Венгерском и Словацком районах 120 (Hodinka Adalékok 18). А Годинка считает, что в Венгерском и Словацком районах жили венгры и словаки, но там могли жить и украинцы (к этому вопросу мы вернемся при определении границы народностей). Если мы сравним приведенные данные с данными переписи 1553 г., то увидим, что в 1553 г. во всем комитате было 627 телеков, хотя данные телеков 1553 г. не полностью достоверны, потому что возможно, что не все украинцы были учтены. Все же бесспорно, что количество телеков должно было значительно возрасти на заселенных и обработанных новых землях. В 1671 г., однако, на территории, населенной украинцами, т. е. за исключением Венгерского и Словацкого районов, посчитано лишь 422 1/2 телеков, с которых платили оброк, а 144 1/2 были пусты по сравнению с урбаром 1631 г., по которому с 571 1/2 телеков платили оброк (Hodinka rutének 37), что может объясняться походом польских войск 1657 г.



Данные ужгородского урбара 1691 г. обработаны Фр. Габриэлем в вышеуказанной статье. Автор установил, что в доминии, которая состояла из 47 деревень, 1 города и 11 опустевших сел (praedium) (т. е. 8 поселениями меньше, чем 1631 г.), было 105 шолтысов (soltész, kenéz), 13 попов, 587 крепостных (а в 1631 г. 1002 3/4 телеков) и 244 безземельных крестьян (zsellér) (а в 1631 г. 1257). Из этого числа в украинских районах 89 шолтысов, 13 попов, 376 крепостных, 174 безземельных, что свидетельствует о значительном уменьшении числа крестьян. Такое резкое сокращение крепостного населения произошло вследствие опустошительных походов немецких наемных войск. Южные села были более опустошены (напр., в Венгерском и Словацком районах в 1631 г. было 431 телеков, а в 1691 г. 211 крепостных). Бросается в глаза сильное сокращение числа безземельных, большинство которых было украинцами: в 1631 г. 1257, в 1691 г. 244. Часть их заняла опустелые земли, а другая часть пошла в куруцы (в солдаты освободительной армии) и пала на войне или после поражения не вернулась домой.

В двух крупнейших доминиях, в Мукачевской и Чинадиевской, комитата Берег в конце века перед нами открывается удручающая картина.

В Мукачевской доминии в 1645 г. были 131 населенное и 4 пустые села, в которых переписано 2364 1/2 телеков; 3976 глав семей, 5507 сынов (из них на 1305 1/2 телеках жило 2683 глав семей, по мнению А. Годинки, украинцев (Hodinka rutének 35). Такие данные свидетельствуют о значительном развитии, если даже иметь в виду, что к данным 1553 г.: к 1176 1/2 дворам (т. е. телекам) надо добавить и иные дворы, число которых могло доходить до 1000, так как данные 1553 г. охватывали весь комитат, а не только Мукачевскую доминию. В 1682 г. было 145 населенных и 13 пустых сел, и в доминии было 2770 телеков, 4670 глав семей и 4810 сынов. (Из этого числа на 1700 телеках жило 3739 глав семей, украинцев и 4221 сын.) Однако в 1688 г. в доминии жило 1367 глав семей, из них 955 украинцев, а в 1701 г. было 560 1/2 населенных и 969 1/2 пустых телеков у украинцев (Hodinka rutének 35).

В Чинадиевской доминии в 1569 г. в 18 селах было 116 целых 78 половинных телеков и 1/3 телека (вместе: 155 1/3 телеков), 41 безземельный, имеющий дом, 18 не имеющих домов и 4 пустых телека (U et C 53—13). В 1673 г. в 38 селах Чинадиевской и Подгорянской доминий было 181 1/2 телека, на которых жило 711 крепостных крестьян с землей, 136 безземельных, 1003 сына, пустых телеков было 154 (U et C 53—19). А после поражения освободительной войны под предводительством И. Тэкели было лишь 50 1/8 населенных телеков, и в доминии жило 11 попов, 4 крепостных, которые выполняли барщину с волами, 56 крестьян, которые без волов ходили на барщину, 26 главных шолтысов (кенезов), 17 шолтысов, 10 освобожденных крестьян, 28 хозяев, которые самостоятельно не могли обрабатывать землю, 88 сынов, всего 152 лица (из них 54 шолтыса и попа) (U et C 52—21). Итак, мы видим, что мужское крепостное население в 1688 г. составляло не только незначительную часть населения 1672 г., но и было значительно меньше населения 1569 г.

Значительно сократилось число крепостного населения и на западе в доминии семьи Гомоннаи на Маковице: в 1570 г. жило 924 крепостных, а в 1690 г. лишь 545, 531 крестьянин погиб и 45 не вернулось после войны (Hodinka rutének 45).

Экономическое положение украинского крестьянства сильно ухудшилось; по свидетельству работы А. Годинки, например, в Мукачевской доминии в 1682 г. число овец составляло 12 488, а в 1691 г. лишь 792, в Чинадиевской 1648 г. 4 597, а в 1691 г. только 352, на Маковице в 1675 г. было 2 347, в 1690 г. 1 446 (Hodinka rutének 32).

В освободительной войне под предводительством Ф. Ракоци II украинские и венгерские крепостные крестьяне Закарпатья боролись плечом к плечу. Только из Мукачевской доминии в армии князя воевал 391 человек, имена которых не встречаются больше в урбарах после поражения освободительной войны, их носители не вернулись домой. Это обозначало огромную потерю крови для народа Закарпатья, что сопровождалось опустошением края наемными армиями. Хозяйство крестьян постиг новый кризис, например, в Мукачевской доминии количество овец в 1682 г. было 12 488, в 1691 г. сократилось на 792, в 1704 г. снова поднялось на 3 834, но в 1712 г. имеется уже лишь 809 овец (Hodinka II. Rák. 41.).

Если ко всему этому еще прибавить, что в XVII в. этот край постигло несколько губительных эпидемий, что польские войска в мстительном походе сожгли 4 города и 300 сел, можно понять причины той трагедии, которая открывается перед нами, рассматривая данные переписей 1715 и 1720 г., и сравнивая их с данными последней переписи 1598 г.

Материал переписей 1715 и 1720 гг. опубликован и обработан И. Ачади в работе о населении Венгрии в 1715—1720 гг. (Magyarország népessége a Pragmatica Sanctio korában, 1715—20). При обеих переписях надо было переписать главы семей в каждом домашнем хозяйстве. По указаниям переписи 1715 г. надо было регистрировать крепостных крестьян, имеющих землю, и безземельных, но относительно имущественных отношений не было ясного указания, а по указаниям 1720 г. надо было переписать всех, которые имели землю, но из крепостного населения безземельные не были учтены, если даже они имели дома (ср. Mo. népessége 21*). И. Ачади по данным урбаров того же времени убедился в том, что многие крестьяне не были переписаны (Mo. népessége 24*), поэтому он исправил данные переписи. Цифру, полученную таким путем, он помножил на 6 для того, чтобы получить число крепостного населения, к чему он прибавил число населения, не обязанного платить налоги, и установил число всего населения. В работе И. Ачади данные комитатов о числе всего населения, заселенных украинцами (Mo. népessége 34*), можно сравнить с данными народной переписи 1780 и 1890 гг. (Mo. népessége 40*).

Хотя И. Ачади исправлял данные переписей 1715 и 1720 гг., все же он, по единогласному мнению всех новейших исследователей (ср. Dávid Zoltán, 1715—1720. évi összeírás. A történeti statisztika forrásai. Bp. 1957. стр. 173—194), недооценивал число населения Венгрии. Контролируя данные И. Ачади о комитате Ваш, А. Немети пришел к выводу, что население комитата было приблизительно 140 000, а не 118 000, как у



И. Ачади (Némethy Arthur, Vasmegye népessége 1698-ban és 1720-ban. Történeti Statisztikai Közlemények. 1958. 1—2. стр. 89). Расхождение составляет 16%. Число всего населения было, по мнению И. Ачади, 2,6 миллионов человек, а по Иштвану Сабо оно было 3—3,5 миллиона, последнее считается приблизительно правильным (ср. Acsádi György, Történeti statisztikai táblázatok. A történeti statisztika forrásai. Bpest, 1957. стр. 370). Расхождение между числом И. Ачади (2,6 мл.) и средним количеством И. Сабо (3,25) мл. составляет 25%. Мы не контролировали, насколько правильны данные переписи 1715, 1720 гг. по закарпатским комитатам, которые, как мы видели выше, много страдали во время освободительной войны под предводительством Ф. Ракоци. Имея в виду контрольные расчеты относительно переписи комитата Ваш и вышеприведенные данные о числе всего населения Венгрии, рядом с данными И. Ачади о числе населения мы прибавили в скобках и цифры, показывающие данные И. Ачади, помноженные на 20%.

| Название комитата | Число переписанных домашних хозяйств | | Исправленное число домашних хозяйств | Число душ, обязанных платить налоги |
|---|---|---|---|---|
| | 1715 | 1720 | | |
| Спиш | 3 164 | 2 465 | 4 765 | 28 584 |
| Шарыш | 5 600 | 4 167 | 6 666 | 39 996 |
| Земплин | 4 933 | 5 402 | 9 243 | 55 458 |
| Унг | 1 734 | 1 995 | 3 386 | 20 316 |
| Берег | 2 314 | 2 266 | 3 482 | 20 892 |
| Угоча | 982 | 739 | 1 298 | 7 788 |
| Мараморош | 3 219 | 3 651 | 6 053 | 36 318 |

| Название комитата | Полное число населения | | |
|---|---|---|---|
| | 1720 | 1787 | 1890 |
| Спиш | 28 881 (34 657) | 151 934 | 164 352 |
| Шарыш | 41 885 (50 261) | 143 112 | 169 372 |
| Земплин | 60 348 (72 416) | 209 861 | 294 778 |
| Унг | 22 056 (26 466) | 58 137 | 135 247 |
| Берег, Угоча | 31 087 (37 303) | 91 164 | 253 390 |
| Мараморош | 36 983 (44 379) | 86 118 | 268 281 |

Сравнивая данные переписей 1715 и 1720 гг. с результатами переписи 1598 г., видим, что после опустошительных войн второй половины XVII в. и начала XVIII в. число населения первой четверти XVIII в. не только не превосходит, но меньше числа населения конца XVI в. Даже возможные различия в условиях составления переписей, которые могли остаться не учтенными, не меняют этого факта.

Результаты реконструкции числа населения 1720 г. надо принимать с должной осторожностью. Если сравнить исправленные данные с данными народной переписи 1787 г., то в комитатах Мараморош, Берег, Угоча, Унг, Земплин, Шарыш мы видим, что прирост населения более или менее

соответствует общему во всей стране приросту населения. (Число населения Венгрии и Семиградья в 1720 г. было около 3,5—4 миллионов, в 1787 г. 8,1—8,2 миллиона человек, приблизительно на 220—230% больше.) Прирост в комитатах Берег—Угоча выше, а в Земплине, Шарыше и особенно в Спише значительно выше среднего. В этих комитатах размеры переселения, пополняющего потери населения, были довольно велики, хотя в XVIII в. во всей Венгрии наблюдалось интенсивное переселение из-за границы. Данный факт, как мы увидим ниже, подтверждают и данные исторической диалектологии: в комитатах Берег и Угоча, население с ӥ-каньем уходит далеко на юг, и на их место на Верховину приходят новые переселенцы из Галиции. В комитатах Земплин и Шарыш распространяется і-канье, вероятно, в результате интенсивного переселения. Подобное развитие возможно и в Спише, где все же прирост населения значительно выше среднего, что может объясняться и иными причинами.

*

Выше мы рассмотрели, когда возникли села Закарпатья, как заселялась постепенно вся его территория, а параллельно с этим, как менялось число населения. В дальнейшем мы посмотрим, из кого вербовалось население новых и новых сел, каково было направление движения народа на уже заселенной территории, откуда пополнялось население, поредевшее во второй половине XVII в. и в начале XVIII в.

В XVI—XVIII вв. новые села возникали с ведома помещика, а нередко даже по его инициативе. Предприимчивому человеку, имевшему доверие помещика или его приказчика, поручалось шолтысство (кенезство) села. Шолтыс часто сам вербовал людей в новое село. Для помещика было важно только то, чтобы из чужих имений приходили крестьяне. Шолтысство обеспечивало определенное привилегированное положение, поэтому крестьяне добровольно брались за эту работу. Так, население нового села состояло из шолтыса или шолтысов, происходивших из уже заселенной закарпатской территории, может быть, кроме шолтыса был еще кто-то из имения помещика, кроме них могли быть там закарпатские крестьяне, которые перебежали из другого имения. Бегство было обычным явлением, и помещик был заинтересован в том, чтобы не выдавать и не посылать беглых крестьян обратно. Население нового села постепенно в все бóльшей и бóльшей мере составляли переселенцы с той стороны Карпат. Новые переселенцы были свободными от феодальных повинностей на определенное время (от 6 до 12 лет), да и не с чего было платить, так как они сначала только вырубали лес для пашни и пастбища. Часто до истечения срока требовал помещик оброка и барщины, как, например, об этом свидетельствует урбариальная запись села Ключарки (Tabella Urbarialis, Bereg megye).

В урбаре Чинадиевской доминии 1648 г. можно найти список, который содержит названия сел доминии. Перед названием отмечено, является ли данное село старым (régi falu) или „высаженным", т. е. новым, основанным жителями старых сел (kiszállott falu). Последний термин объясняется в самом списке: „Есть старые села, из которых происходили другие села,



которые обычно называются „высаженными" („kyszalot Falakk szoktanak nevezni"). Список содержит следующие села: „Старое село Быстрица (Repede), старое село Голубиное (Holubina), старое село Сусково (Szuszko), старое село Свалява (Szolyua), старое село Нелепино (Nelepina), высаженное село Ганьковица (Hanykouicza), старое село Подполозье (Pudpalóc), высаженное село Романовец (Romanócz), старое село Грабовница (Hrabunica), высаженное село Разделье (Rozgyila), старое село Павлово (Paloua), старое село Поляна (Polyana), старое село Ждениево (Sdenyho), высаженные села Збын (Zbuna), Щербовец (Serbouecz), старое село Латорка (Laturka), высаженные села Быстрый (Kis Bisztra), Быстрый (Nagy Bisztra), Борсучина (Borszucsina), Мишкаровица (Miskarovica), Калитоница (Kalitonica), Котельница (Kotilnicza), Котилничный (Kotilniczni), старое село Нижние Ворота (Alsó Verecke), высаженные села Тишов (Tissov), Медвежий (Medvesse), Пересирово (Pereszirovo), Завадка (Zauatka), Задельский (Zadilchkj), Яловый (Jaloua), старое село Верхние Ворота (Felső Verecke), высаженное село Драгушовец (Drahusouecz)." Кажется, что перечень сел указывает, из каких сел вышли основатели „высаженных" сел. Все „высаженные" села основаны в XVII в., а старые села — более раннего основания. Сколько было основателей, неизвестно, могло быть и несколько семей, но ни в коем случае их не могло быть много. Для помещика выгодно было расселить из своих сел семьи, главным образом, на Верховине, на местах, пригодных для поселения, потому что они привлекали новых переселенцев. А новым пришельцам было легче устроиться в уже имеющемся сельце. Маленькие сельца могли принять больше людей, все пригодные для сельского хозяйства земли доминии были использованы, что было выгодно для помещика.

Список „высаженных" сел показывает, что новые села были основаны чаще всего людьми окрестных деревень. Это и понятно, потому что они знали край, знали куда селиться, находились недалеко от родственников, знакомых, на помощь которых могли рассчитывать и т. д.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что в новых селах всегда было ядро, которое говорило на закарпатском диалекте, а чаще всего на том говоре, на котором говорили в соседних селах, кроме того, могли быть беглецы из более отдаленных краев Закарпатья, говорящие на своем закарпатском говоре, и все больше и больше становилось число тех, которые приходили с той стороны Карпат, и обладали языковыми особенностями своих говоров.

Система основания деревень при помощи шолтысов (кенезов) была распространена во всем Закарпатье. Очень часто село получало свое название от шолтыса. На Крайне, где жило раньше „валашское" население, данный тип наименования был особенно продуктивным: Ивашковица (Ivaskófalva), Лецовица (Lécfalva), Климовица (Kelemenfalva), Дюровица (Papgyörgyfalva), Плоскановица (Ploszkánfalva), Цалановица (Colánfalva) по образцу таких топонимических названий XIV—XV вв., как: Завидово (Závidfalva), Станово (Sztánfalva) и др., но данный тип топонимических названий был продуктивным и в иных местах, например, Крытое (старое название: Феделешовцы) (Fedelesfalva), Балашовцы (Balázsfalva) и др.

В комитате Берег система маленьких селец была особенно распространенной. Было немало таких сел, в которых жило несколько семей или только одна семья. Были такие села, которые упоминаются лишь раз или два раза, а позже становятся безлюдными, потому что несколько жителей села нашло лучшее место и переселилось туда или умерло. Когда поредело население всего края, население таких сел сильно сократилось, и многие из них опустели.

По переписи 1720 г. распределение сел по числу домашних хозяйств в комитатах, населенных украинцами, было следующим (Mo. népessége 42*).

| Название комитата | Число сел | Число домашних хозяйств | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | 1—5 | 6—10 | 11—25 | 26—50 | 51—100 | Выше 100 | Нет данных |
| Земплин | 435 | 73 | 165 | 151 | 24 | 9 | 1 | 12 |
| Унг | 194 | 25 | 60 | 68 | 8 | — | — | 33 |
| Берег | 249 | 102 | 60 | 61 | 10 | 2 | — | 14 |
| Угоча | 66 | 4 | 16 | 20 | 8 | — | — | 18 |
| Мараморош | 130 | 3 | 19 | 44 | 49 | 11 | 2 | 2 |

Из таблицы видно, что в комитате Берег больше одной трети всех сел составляли маленькие деревни с 1—5 домашними хозяйствами, и выше 25 хозяйств было только в 8-и селах. А с другой стороны, в Марамороше почти в половине сел было больше 25 домашних хозяйств. Комитаты Унг, Угоча и Земплин находятся между двумя крайностями, в них большинство населения жило в селах с 6—25 жителями.

Маленькие деревни, с точки зрения доминий, имели и то преимущество, что шолтыс и поп, представлявшие ядро села, не оставляли своих сел из-за лучших земель на юге, потому что там они были бы лишены своих льгот. Так, данная среда, которая была довольно широкой из-за большого количества сел, была привязана к доминии. И действительно, в бережских урбарах видно, что в маленьких селах жили часто только шолтысы, но их имена долгое время были те же самые. В маленькой деревне даже несколько пришельцев могут сильно изменить картину языка села. Могут образоваться диалектные острова. Если в опустелое маленькое село приходят новые жители из других краев, возможно, что языковые особенности новых маленьких сел будут отличаться от особенностей языка более крупных сел на той же территории, которые принимают сравнительно меньше пришельцев, и несколько новых жителей еще не могут значительно изменить картину языка села.

Как мы видели выше, большинство жителей новых сел вербовалось из других более или менее отдаленных мест. Они могли быть закарпатским селом другого помещика или незакарпатской деревней. С той стороны Карпат пополнялось население сел в полосе, более близкой к границе. Эта полоса постепенно продвигалась на север, а в XVI—XVIII вв. дошла до самой границы и совпала с Верховиной. Пришельцы с той стороны Карпат поселялись прежде всего в самой крайней полосе населенной



территории. Она была ближе всего, там было место для них, и там доминия нуждалась в них. Но там земля была самая плохая, так что жители, естественно, старались приобрести телек в южных селах, где земля была лучше. Для этого всегда были некоторые возможности, но особенно тогда, когда население южных районов поредело вследствие войны, от которых пострадали, главным образом, южные края. Переселение с севера на юг является важной чертой истории заселения Закарпатья и имеет большое значение с точки зрения распространения языковых явлений.

В урбаре Чинадиевской доминии 1729 г. (U et C 53—30) при именах крестьян отмечено, является ли он старожилом (hereditarius) или пришел из другого места. Пришельцами считались те, которые пришли в течение приблизительно последних 20 лет.

Так, например, в селе Подгоряны из 21 человека (имеются в виду главы семей) было 6 старожилов, а из остальных 5 пришло из Польши, 2 из села Гукливого, 1 из Вербяжа, 1 из Латорки, 1 из Плоского, 1 из Стройна, 1 из Потока Брустова, 1 из Сасовки, 1 из Великих Лучек, 1 из Завидова. То есть, из числа тех, место происхождения которых установлено, 5 пришло с Верховины, 4 с более северной части водосборного бассейна Латорицы, но были пришельцы и из иных краев. Видно, что большинство пришельцев составляли те, которые приходили с севера, но среди последних было лишь пять, которые переселились непосредственно из Польши.

Подобная картина открывается перед нами и из списков жителей соседних деревень. В Чинадиеве (Szentmiklós) из 40 человек 9 старожилов, 3 из Польши, 16 с Верховины (из сел Задельский, Котельница, Тишов, Завадка, Гукливый, Нижние Ворота, Абранка, Вербяж, то есть с средней части Верховины), 2 из района речки Турьи (из комитата Унг), а у 3-х отмечены Бескиды, как их прежнее место жительства, а кроме того, некоторые переселились из иных бережских сел (Кузьмино, Вызница, Обава), из Мараморoша пришел 1 человек, а с юга, из Виноградова, также 1 человек. В данном селе мы видим переселение не только с севера на юг, но и с запада на восток. Правда, один человек пришел и из Мараморoша, что естественно, потому что в отдельных случаях (напр., женитьба) переселение в близкие села было обыкновенным. Пришельцев из Польши можно найти и в других селах, находившихся далеко от границы: Свалява, Сусково, Павлово. На Верховине переселенцы происходили обычно из Польши, так в селах Подполозье, Нижние Ворота, Латорка, Быстрый, Беласовица (в данном селе 2 пришли из Борсучины), Борсучина, Котельница, Тишов, Верхние Ворота, Шербовец, но в последнем селе 2 пришли из Ростоки. Пришельцев было мало в северных селах, 1—2 человека, а в более крупных селах (напр., в Верхних Воротах) до 5-и человек, но в большинстве сел они отмечены. Обращает на себя внимание тот факт, что тогда как в селе Подгоряны из 21 человека было 6 старожилов, в селе Чинадиево из 40 только 9, а в селе Колчино из 19 лишь 2, к северу удельный вес старожилов возрастает: в селах Ганьковица, Нелепино, Голубиное не было пришельцев, в селе Сусково из 5 человек 1 пришелец, в Сваляве из 29 только 1, в Поляне из 9 только 1, также на Верховине в селе Подполозье из 11 только 1, в Нижних Воротах из 50 только 3, в селе Латорка из 53 были 2, в селе

Борсучина из 9 был 1, также в селе Мишкаровица, в селе Котельница из 15 был 1, в Тишове из 23 был тоже лишь один пришелец, а в селах Завадка, Задельский, Драгушовец, Ждениево, Збын все жители были старожилами. Это и понятно, так как на юге население очень поредело, и крестьяне переселились в самые южные села, на наиболее лучшие земли. С юга в северные села переселялись лишь изредка. Кроме того, надо иметь в виду, что в это время переселение из Польши было умеренным.

Переселение с севера на юг характерно и для развития заселения комитата Угоча. В угочанских селах новые жители обычно приходили из близких бережских и мараморошских сел, и было лишь мало таких, которые пришли непосредственно с той стороны Карпат. И. Сабо определяет происхождение жителей по фамилиям, образованным из топонимических названий. Анализ угочанских данных важен и потому, что в данном комитате, который был далеко от границы и окружен двумя комитатами, населенными украинцами, необходимо выяснить для исторической диалектологии, откуда были заселены его отдельные районы.

И. Сабо рассмотрел фамилии, образованные от топонимических названий и встречающиеся в источниках, написанных от 1565/75 гг. до 1775 г. И. Сабо пришел к выводу, что за исключением 3 фамилий, указывающих на комитат Унг (Lipóci, Szeregynei, Tic(h)ai), и 2 фамилий, свидетельствующих о комитате Сатмар, все они указывают на комитаты Берег и Марамороп (ср. Szabó 241).

Преобладающее большинство фамилий, образованных от бережских топонимических названий, свидетельствует о том, что их носители приходили с Крайны, лежащей на юго-восток от Мукачева, особенно из ее южной части, или из иных близких южнобережских сел (Ardanházi, Babai, Bilkei, Bródi, Csertésfalvi, Dobrókai, Falucskai, Fogarasi, Iloncai, Ilosvai, Kisfalusi, Kovasi, Krajnai, Lukovai, Medencei, Nyiresfalusi, Sarkadi, Szajkófalusi, Tökési), из района Свалявы есть только 2 фамилии (Szolyvai, Roszosi), а из западной части комитата тоже 2 (Hribovszki, Ignéci), и только одна фамилия указывает на Верховину (Vereckei).

Рассматривая фамилии, образованные от мараморошских названий, мы приходим к сходным выводам. Они указывают на соседние южные и югозападные части комитата, на долину Боржавы (Zádnyai, Dolhai, Kereckei, Ravaszmezei, Rókamezei), и, главным образом, на районы притоков Тисы до Тересвы (Bedei, Bereznai, Darvai, Dulfalusi, Herincsei, Huszközi, Keselymezei, Kövesligeti, Kricsfalusi, Lipcsei, Neresznicei, Sófalusi, Száldobosi, Szeklenczey, Taraczközi, Uglyai, Urmezei, Vajnagi). С близкой территории приходило больше переселенцев, чем с отдаленной. На мараморошскую Верховину указывают только две фамилии (Ökörmezei, Kalocsai), и одна на верховья Тисы (Körösmezei). (Ср. с картой, Szabó 242.)

Дальнейший анализ И. Сабо показывает, что в комитате Угоча гористый район на север от Тисы был заселен преимущественно из комитата Берег, а на юг от Тисы население происходило из обоих комитатов, хотя выходцы из Мараморопа преобладают (ср. Szabó 244). На линии Тисы население смешивалось (ср. Szabó 244). Конечно, происходило переселение и внутри комитата Угоча. Оно обозначало не только то, что крестьяне переселялись в соседние села, что бывает всюду (например, в селе Великие Комяты находим крепостных с фамилиями: Karaszlay, Rákóczi, Csonkovai), но и то, что с гористой местности на север от Тисы переселяются на равнину Затисья (ср., напр., с данными села Чепа (Csepe, 1689: 2 Rákóczy) Бикиня (Bökény, 1720: Komjháti), Федерово (Tivadar, 1689: Rákócy)). Хотя, поскольку можно судить по фамилиям, таких было меньше, чем выходцев из комитатов Берег и Марамороп.

Переселение с севера все дальше на юг, на более плодородные земли, было характерно для всех комитатов Закарпатья. Мараморошские крестьянские фамилии свидетельствуют о том же. Верховинцы пошли на юг в более близкие или далекие села (ср. с данными книги В. Белаи): Липча (Lipcse) 1715: Virchovinszki Panko, Нересница (Alsó Nereznice) 1715: Nic. St. Negruszki (Negruczki), Иза (Iza) 1673: Eökörmezey Péter, Тересва (Taraczköz) 1715: Lad. Koloczaszki, 1720: Lad. Szinaver. Из менее северных сел крестьяне идут дальше на юг: Хуст (Huszt) 1614: Jo. Hoszumezeöy, Andr. Lipczei, 1684: Lipcsei István, Bereznai Ferenc, Иза (Iza) 1614: Laz. Bereznai, Кошелёво (Keselyűmező) 1715: Phil. Kusniczki, Грушево (Körtvélyes) 1715: Dem. Sim. Domboi / Dombai. В западную часть комитата приходили люди не только из мараморошской, но и из бережской части долины Боржавы, напр., в Хуст (Huszt) 1684: Bilkei Ferenc, в село Иза (Iza) 1614: Laz. Ilosvai, 1673: Ilonczai Máté. Мы не рассматриваем переселение из одного села в соседнее, но отметим большую притягательность городов для населения деревень, о чем свидетельствуют, например, фамилии переписей города Хуст (Huszt) 1684: Laur. Herincsei, Pe. Ötvösfalusi, 1715: St. Kirvai, Alexand. Sáradi, Ge. Szeklenczei.

Переселение украинского населения на юг не останавливалось у границ национальностей, но направлялось и на территорию, населенную венграми, в комитатах Марамороп, Берег, Унг, Угоча, Земплин, даже Саболч, Сатмар (Петров Мат. VI. 159—169). Кроме того, часть закарпатского украинского населения после изгнания турецких поработителей переселилась на Великую Венгерскую равнину вместе с венграми, которые возвращались или уходили туда, но данный вопрос мы уже не рассматриваем (ср. Петров Мат. VI. 169—172).

Переселение населения в Закарпатье с той стороны Карпат на всей линии Карпат и внутреннее движение населения с севера на юг привело к значительному росту числа населения тогда, когда война ему не препятствовала, и обеспечивало пополнение поредевшего населения.

Сравнение данных дикальных переписей комитата Унг XVI в. свидетельствует о том, что в результате переселения с севера на юг число крестьян значительно возросло. Мы сопоставляем данные переписей 1567 г. и 1599 г. Как мы видели выше в очерке заселения, в то время возник ряд новых сел. Ниже мы сообщаем данные 28 деревень, расположенных от Верховины до южной границы комитата. Среди них есть такие, которые были основаны еще в XIV в., но находим и села, основанные в первой или даже во второй половине XVI в. В дикальной переписи учтены только крепостные, имеющие землю, безземельных нет, а перепись 1599 г. составлена о крестьянах, владеющих такими домами, с которых платили налог, так что в ней можно найти и безземельных крестьян-домовладельцев. Данное обстоятельство надо иметь в виду при сравнении.

| | 1567 | 1599 |
|---|---|---|
| Дубровка (Dobróka) | 8 | 25 |
| Ирлява (Orlova) | 2 | 11 |
| Середнее (Szerednye) | 23 | 73 |
| Кобыляри (Köblér) | 7 | 23 |
| Линцы (Iglénc) | 7 | 22 |
| Ярок (Árok) | 6 | 30 |
| Невицкое (Nevicke) | 7 | 28 |
| Камяница (Kemence) | 3 | 15 |
| Симерки (Új Szemere) | 2 | 34 |
| Турьи Ремета (Turja Remete) | 3 | 46 |
| Великая Турица (Nagy Turica) | 4 | 29 |
| Малая Турица (Kis Turica) | 1 | 11 |
| Раково (Rakó) | 2 | 14 |
| Пасека (Paszika) | 4 | 27 |
| Порошково (Poroskó) | 4 | 46 |
| Турья Быстрая (Turja Bisztra) | 3 | 20 |
| Турья Поляна (Turja Polyana) | 3 | 26 |
| Мирча (Mircse) | 6 | 20 |
| Завосина (Zavoszina) | 4 | 31 |
| Малое Березное (Kis Berezna) | 8 | 53 |
| Великое Березное (Nagy Berezna) | 18 | 103 |
| Черноголова (Csornaholova) | 4 | 52 |
| Люта (Lyuta) | 2 | 5 |
| Соль (Sómező) | 2 | 10 |
| Кострино (Kosztrina) | 4 | 16 |
| Ставное (Sztavna) | 4 | 48 |
| Волосянка (Voloszanka) | 1 | 27 |

В 1599 г. в большинстве случаев число населения было выше чем в 1691 г. (ср. с данными Gabriel Podd. стр. 158: Ярок (Árok) 13, Невицкое (Nevicke) 17, Великая Турица (Nagy Turica) 18, Мирча (Mircse) 17, Черноголова (Csornaholova) 33, Завосина (Zavosina) 12, Малое Березное (Kis Berezna) 18, Великое Березное (Nagy Berezna) 60, Ставное (Sztavna) 17, Волосянка (Voloszanka) 13). Хотя заселение продолжалось и в XVII в., но население поредело после опустошительных войн.

Марамарош страдал меньше в освободительных войнах, чем комитаты Берег, Угоча, Унг (ср. с данными переписей 1553, 1715 и 1720 гг.), что и понятно, так как он не был настолько ареной войны. В Марамароше в первую очередь выросло число населения верховинских сел из-за переселенцев, возник ряд новых сел, а население существующих увеличилось, напр., в 1715 г. переписано 86 глав семьи в селе Рипинное, 82 в селе Изки, 63 в селе Межгорье, а в тоже время в долине Тисы можно найти в городах Вышково 138, Тячев 125, Хуст 78, Кымпулунга 66 глав семьи или лиц, имеющих самостоятельное домашнее хозяйство (Bélay 95). Значит, в XVII—XVIII вв. на Верховине на месте маленьких сел XV—XVI вв. возникли крупные села, имеющие столько же населения, сколко и города, так, например, в переписи 1605 г. в селе Рипинное находим 9 фамилий,



а в 1715 г. 86, в селе Долгое в 1605 г. 18, в 1715 г. 63, а село Изки возникло в 90-х годах XVI в. При этом нельзя забыть о том, что в 1715 г. население южных сел сократилось и многие верховинцы ушли на юг. Последним обстоятельством объясняется тот факт, что в Марамороше число населения южных сел, пострадавших от войны, откуда перешли в соседний комитат Угоча, не только не сократилось, как в других комитатах, но возросло, при том иногда более значительно, хотя их прирост нельзя сравнить с развитием верховинских сел. Для того, что бы убедиться в этом, сравним число крепостных 11 деревень по переписям 1605 г. и 1715 г. (Мы не имели в виду те села, в которых в 1605 г. число глав семьи было значительно меньше числа дворов.)

| | 1605 | 1715 |
|---|---|---|
| Березово | 5 | 30 |
| Горинчево | 15 | 53 |
| Кошелёво | 6 | 49 |
| Сокирница | 15 | 48 |
| Крайниково | 10 | 36 |
| Александровка | 9 | 27 |
| Золотарево | 7 | 42 |
| Бедевля | 4 | 32 |

Прирост населения в ряде деревень значителен даже тогда, когда имея в виду различия в двух переписях, население 1605 г. мы считаем больше переписанного. В села на Тересве приходили не только выходцы из Галиции, но и из Буковины. Пришельцы с востока основали села на верховьях Тисы в XVI—XVII вв. и пополняли население старых сел, так, например, население села Бычков в 1571 г. 25, в 1715 г. 80 (приблизительно столько же было и в 1678 г.), села Рахов в 1605 г. 12, в 1678 г. 27, в 1715 г. 24; села Крачуново в 1605 г. 3 (хотя в 1600 г. 11 дворов), а села Миково 3, а в 1715 г. в обоих селах переписано 55 человек.

Кроме переселения с севера на юг в XVIII в. наблюдается движение населения с запада на восток. Фр. Габриэль в своей работе о сокращении населения в комитате Унг в XVIII в. (Pohyb obyvatelstva v bývalé užské župě v první polovici 18. století) говорит о том, что в 1717 г. население комитата сильно сократилось; в комитате жило 876 крепостных, имеющих землю, и 211 безземельных по сравнению с данными 1715 г.: 1433 крепостных с землей и 201 безземельный (Gabriel Pohyb 204—205). Из-за тяжелых налогов и грабежа наемных солдат верховинцы бежали на юг в долину реки Уж, а из пограничных сел даже в Польшу, или их меньшая часть перешла в комитат Земплин, из долины речки Турьи и из южной части комитата крестьяне ушли в комитат Берег и оттуда в Затисье (ср. Gabriel Pohyb 202). На место ушедших приходили новые переселенцы, прежде всего из Польши, которые не всегда останавливались на Верховине, но доходили до окрестности Ужгорода и Собранцев (Gabriel Pohyb 205). Бегство из-за налогов сильно возросло в 30-х годах (ср. Gabriel Pohyb 210). В это время беженцы с Верховины тоже уходили, прежде всего на юг, но они могли итти и в комитаты Земплин и Берег. С южной части комитата крестьяне переселялись в комитаты Земплин, Берег и в Затисье,

на равнину (Gabriel Pohyb 223). В комитате Берег выходцы из Унга поселились в западной части комитата вплоть до Латорицы (Gabriel Pohyb 224). Дальнейшие свидетельства переселения с запада на восток приводит И. Панькевич в своей статье об освещении некоторых диалектных явлений говоров бывшего комитата Угоча при помощи данных истории (Нові історичні дані до висвітлення деяких українських діалектних явищ в був. жупі Угоча). Используя данные книги И. Сабо, И. Панькевич доказывает, что крестьяне с фамилией *Лемак* (Lemák) пришли в комитат Угоча из западного Закарпатья, где распространена частица *лем* 'только' (Пань. Угоча 47). Мы к этому прибавим, что фамилия *Лемак* (Lemák) встречается не только в Угоче, но и дальше на восток в западной части Мармароша, в Хусте 1715: *Ge. St. Lemak*, Huszt (Bélay), в Кушнице 1715: *And. Lemak*, Kusnica (Bélay), в селе Сухая 1720: *Laur. Lemak*, Szuhapataka (Bélay), в Тюшке 1774: *Lemak Alex.*, Tyuska урб. зап., 1774: *Lemkovits Kuzma* там же.

В конце очерка заселения XVI—XVIII вв. мы должны коснуться еще вопроса о границе народностей.

С точки зрения тех говоров, которые отражаются в рассматриваемых памятниках, наиболее важно установить границу украинской и венгерской языковых областей. Ее до известной степени можно установить по данным переписей урбаров, потому что украинские и венгерские личные имена легче отличить, чем украинские и словацкие, которые часто сходны. Но даже в первом случае надо быть очень осторожным. Венгерские конскрипторы часто переводили фамилии, образованные из названия профессий, из имени. Часто переведены на латинский или реже на венгерский язык имена, которые хорошо показали бы народность их носителя. При более обстоятельном разборе сомнительные фамилии часто составляют большой процент. Такие трудности наблюдаются именно там, где наиболее важно было бы установить народность жителей: при точках соприкосновения двух языковых областей. Несмотря на все это, мы не можем отказаться от определения приблизительной границы языковых областей.

Установление народности по лингвистическому анализу личных имен применяется в монографиях И. Сабо и Ф. Макшаи, в которых данная работа была отлично выполнена И. Книежей. Из данных лингвистического анализа исходили авторы монографий при определении границы народностей. В. Белаи сам анализировал личные имена. Дополняя данные книг И. Сабо и В. Белаи нашими данными о комитатах Берег и Унг, мы ниже стараемся также путем анализа личных имен установить, в чем отличалась граница украинской и венгерской языковой областей во второй половине XVI в. и в 1715, 1720 гг. от границы 1773 г., которую А. Петров установил по Лексикону 1773 г. (Lexicon) в шестом томе своих Материалов (Петров Мат. VI). Для определения границы языковых областей мы выбрали вторую половину XVI в. потому, что только во второй половине XVI в. имеются такие переписи из комитатов Унг и Берег, в которых записаны личные имена. Во второй половине XVII в. нет подходящих переписей, и мы могли пользоваться лишь материалами переписей 1715 и 1720 гг., притом надо отметить, что во второй половине XVII в. из-за воин население сел часто меняется, сокращается. Переписи 1715 г. и 1720 г. возникли тоже в условиях сильного сокращения и движения населения, и хотя дают довольно правильную картину, все же в некоторых случаях они свидетельствуют лишь о временном состоянии, что не исключено и у других переписей. По материалу Лексикона 1773 г. вырисовывается картина стабилизированного состояния населения.

В Мармароше в XVI—XVIII вв. венгры составляют компактное население лишь в городах, но и там живут вместе с украинцами (Bélay 112), хотя венгерское население пополнялось беженцами с равнины, занятой турками.

В комитате Угоча в XV—XVI вв. украинское население имеют уже села Рокосово, Великая Копаня (Orosz Veresmart) и Олешник в гористой местности на север от Виноградова (Szabó 157), и украинцы живут и в селах Потисья. По мнению И. Сабо, в течение следующих столетий удельный вес украинцев в населении комитата увеличивается, украинская языковая область значительно расширяется и занимает ту территорию, которая разграничена по карте А. Петрова (Петров Мат. VI.). На наш взгляд, в комитате Угоча расширение украинской языковой области следует объяснять тем, что украинцы заняли земли, оставленные венграми, переселившимися на юг, на Великую Равнину.

В комитате Берег отношения двух народностей мы рассмотрели по личным именам дикадьной переписи 1570 г. Подробные данные мы не приведем, отметим только отличия от границы 1773 г. Это вполне возможно, тем более, что граница венгерской и украинской языковых областей в 1570 г. была приблизительно та же самая, что и в 1773 г. По границе в некоторых селах трудно установить отношение двух народностей из-за большого числа фамилий, не поддающихся определению.

В XVI в. венгры бежали с территории, занятой турками, на север, так что число венгерского населения увеличилось в комитатах Берег и Унг. Большинство населения составляли венгры в селах Камянское (Kövesd), которое, судя по его названию, было основано венграми, Сельцо, Квасово, Добратово, Макарьево, Арданово. Из этого видно, что венгры составляли большинство и в селах, которые были основаны украинцами — «валахами». В 1715 г. из перечисленных сел венгры составляли большинство населения лишь в селах Квасово, Макарьево, а в некоторых других селах венгры могли быть в большинстве, но в них имена, не поддающиеся определению, имеются в таком количестве, что данное обстоятельство делает наш вывод шатким; такими селами являются Бородовка, Горбок, Яблоново, Залужь, Коноплившы. В 1773 г. в этих селах венгры были в меньшинстве.

В комитате Унг большинство сел по линии границы венгерской и украинской языковых областей относилось так называемому Словацкому району (Tótság) Ужгородской доминии. Мы считаем, что несмотря на название района, украинцы играли все бо́льшую роль в населении данных сел. К сожалению, весьма трудно определить принадлежало ли население села к украинской или словацкой народности из-за сходных фамилий, записанных часто неточно, особенно, если село было маленьким, и в нем было лишь несколько глав семей. Рассматривая границу

венгерской и украинской (или словацкой) языковых областей по данным дикальной переписи 1588 г., мы видим отклонения лишь в некоторых селах по сравнению с границей 1773 г. В 1588 г. венгры составляли большинство в селах Волковое, Долгое Поле, Корытняны, Дравцы, Минай, Горяны, Радванка, Доманинцы и Ярок. По данным переписи 1720 г. украинцы были в большинстве в перечисленных селах, хотя сохранилось и венгерское население, и только в селах Дравцы и Горяны находим незначительное венгерское большинство.

Анализ границы языковых областей XVI—XVIII вв. показывает, что за это время она существенно не изменилась в комитатах Унг, Берег и Мараморош. Украинская языковая область расширилась в комитате Угоча, и по сравнению с состоянием XVI в. некоторое изменение украинской языковой области наблюдается в комитатах Берег, Унг, заключающееся в том, что в селах со смешанным населением увеличился удельный вес украинского населения. Этому, однако, предшествовало подобное расширение венгерской языковой области с середины XVI в. в результате переселения части венгерского населения с равнины, занятой турками.

*Фонетические явления*

Рассмотрев кратко историю заселения XVI и XVIII вв., мы перейдем к анализу развития и распространения некоторых языковых явлений. Из этого периода дошел до нас ряд памятников: Няговские Поучения XVI в., произведения М. Андреллы, Углянский Ключ, Углянское Учительное Евангелие, Сокирницкий Сборник XVII в., урбариальные записи XVIII в., которые будут рассмотрены отдельно. Большинство остальных памятников полностью не издано, и мы можем опираться лишь на отдельные отрывки. Насколько будет возможно и необходимо, для нашей работы будут использованы данные и других памятников.

В нижеследующей части мы рассматриваем данные кратких деловых памятников: грамот, записей в церковных книгах, значительная часть которых уже опубликована. Они могут дать ценные данные для исторической диалектологии, ибо они были написаны в разных местах нашей языковой области. Однако их ценность значительно снижает то, что часто их писарь происходил из другого места, и они не однородны с лингвистической точки зрения, не свободны от влияния церковнославянского или книжного украинского литературного языка и очень коротки. И. Панькевич опубликовал записи в церковных книгах и грамоты, в которых тексты подвергаются лингвистическому анализу (Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах (сокращ. П I), Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах (сокращ. П II), Покрайні записки на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 манастирських грамот (сокращ. П III)). Кроме того, опубликовали записи Ю. А. Яворский (Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI—XIX веков (сокращ. Яв.)) и Всев. Саханев (Новый карпаторусский эпиграфический материал (сокращ. Сах.)). Ю. А. Яворский и Всев. Саханев не анализируют язык текстов,



эта работа выполняется нами. Кроме того, мы использовали записи в церковных книгах будапештских библиотек из нашего собрания (сокращ. Д). Грамоты были опубликованы М. М. Лелекачем (Пам'ятки українського письменства XVII- поч. XVIII ст., писані на Закарпатті. (Публикація.)) и Э. Балецким (Памятник украинского делового языка XVII в., Украинская грамота Софии Батори 1674 г. (с анализом языка)) и другими.

Для исторической диалектологии закарпатских украинских говоров можно почерпнуть немало ценных данных переписей, урбаров и других деловых документов комитатов, населенных украинцами. В них содержатся тысячи личных имен и немало топонимических данных. Надо отметить, что далеко не все переписи содержат имена крестьян, особенно до последней трети XVI в., а дикальных переписей XVII в. сохранилось мало. В переписях 1715 г. и 1720 г. имеются имена крепостных, но не все они были написаны местными дворянами, знающими украинский язык, и их ценность различна. Самыми ценными являются для исследователя урбары, хотя и в них не всегда содержатся личные имена.

Венгерская орфография ограничивает возможности исследователя. Из-за непригодности орфографии для передачи всех украинских звуков мы не можем составить точную картину о звуках *і*, *у*, *ы*, о мягкости согласных и т. д.

Краткие памятники, написанные кирилицей, но особенно данные урбаров и записей, даже если они свободны от влияния языковых особенностей писца, не всегда дают ясную, достоверную картину о языковых особенностях села. Возможно, например, что *ӥ*, *і* (< *о*), засвидетельствованное в личном имени, характерно лишь для языка носителя имени, который только недавно переселился в село.

В нижеследующем разборе фонетических явлений закарпатских говоров по данным записей в церковных книгах, грамот, урбаров, переписей и иных документов данные сообщаются без всякого изменения правописания, только латинские имена сокращаются из-за экономии места. (Список сокращений латинских имен см. в конце книги.) Из-за неточной и неустойчивой орфографии имен, написанных латиницей, при их первом упоминании в скобках дается транскрипция тех частей личных имен или топонимических названий, которые используется в качестве данных. При транскрипции не уточняется фонетический облик данных, например, не отмечается мягкость согласных там, где в оригинале она не отмечена.

*і* (> *ě*)

При анализе развития фонетических явлений XIII—XV вв. уже наблюдалось *і* на месте *ě*. В данных памятников XVI—XVIII вв. мы находим тоже *і*, 1570: *Sim. Bilik*, Szolyva (U et C 53—14) (Bilyk), 1588: *Hawryllo Billi*, Wolosenka (Dica) (Bilyį), 1631: *Zhorilka Roman*, Polyena (U et C 105—1) (Zhorilka), 1631: *Spivani Ivan*, Zauszina (U et C 105—1) (Spivanyį или Spivan'), 1640: *Zagilczki*, Zagyilszka (U et C 105—1) (Zad'ilskyį), 1640: *Rozgila*, Rozgyila (U et C 53—17) (Rozd'ila), 1648: *Ihnat Liusa*, Put-

poloc (U et C 53—18) (Liu̯ša), 1648: *Liusa Janos*, Romanóc (U et C 53—18), 1701: *Greg. Suholitnik*, Kosztova Pasztély (U et C 105—1) (Suholitnyk), 1720: *Fran. Didik*, Lyuta (U et C 167—27) (Didyk), 1711: *Gyidikovo*, Viska (U et C 63—28) (D'idykovo), 1773: *Gyidik Andri, Gyidik Jurko*, Lyuta урб. табл. (D'idyk), 1774: *Jac. Nyimecz*, Sztripó урб. табл. (N'imec) и др. Мягкость согласного, предшествующего *i* (< *ě*), отмечается венгерской орфографией в случае звуков *l'*, *t'*, *n'*, *d'*, но не последовательно. (О возможности сохранения дифтонга см. стр. 108.)

*у* (< *i*)

Развитие древнерусского *i* в *у* было отмечено при разборе фонетических явлений XIII—XV вв. Оно отражается в текстах, написанных латиницей, в передаче *у* через *e*, хотя тогда еще довольно редко. Его можно найти и в XVI—XVIII вв., но *у* передается чаще буквой *i*, 1602: *Rosen Juan*, Lyuta (U et C 104—8) (Růsyn), 1631: *Koztrinan Koztrenka erdő*, Kosztrinka (U et C 105—1) (Kostrynka), 1567: *Jwkwa Waszel*, Szentmiklós (U et C 53—12) (Vasyl'), 1567: *Wazel Kewes*, Szuszkó (U et C 53—12), 1567: *Kalenicz Waszel*, Nelepina (U et C 53—12) (Kalynyč), 1567: *Wolossen Duma, Wolossen Mikola*, Felső Verecke (U et C 53—12) (Vološyn), 1570: *Simon Charetunowich, Jac. Charetunowich*, Szolyva (U et C 53—14) (Charytônovyč) и др.

*ы*

В правописании латиницы для обозначения *ы* обычно служит буква *i*. На месте *ы* после губных часто находим буквы *u*, *o* или иногда *ü*, 1567: *Bwzthra Polyan*, Paulova (U et C 53—12) (Bыstra), 1570: *Mart. Kobulka*, Lohó (Dica) (Kobыlka), 1570: *Jo. Kobulka*, Végső Viznice (U et C 97—29), 1631: *Kobulitz Hricz*, Voloszanka (U et C 105—1) (Kobыlyč), 1648: *Fegyko Kobulin*, Kis Bisztra (U et C 53—98) (Kobыlyn), 1683: *Kobulen Sztanko*, Kis Berezna (U et C 88—66) (Kobыlyn), 1725: *Mütnik Illyés*, Kölcsén (U et C 124—7) (Mыtnyk), но часто наблюдается *i*, например, 1648: *Pribitenich Juan*, Nelepina (U et C 53—18) (Prybыtenyč), 1648: *Wiszochanszkij Juan*, Kotilnica (U et C 53—18) (Vыsočanskyi̯), 1682: *Vistyántzki Ivan*, Domasina (U et C 88—59) (Vыščanskyi̯), 1701: *Mitnikowska*, Ticha (U et C 115—27) (Mыtnykou̯ska). С одной стороны, буквы *u*, *o*, *ü*, с другой стороны, *i* объясняются лабиальным характером звука *ы*. (О распространении *ы̊*, т. е. *ы* с лабиальным оттенком см. Бевзенко ы.) Префикс *vы-* засвидетельствован в формах *vu-* или *vi-*, 1682: *Vupadok Szimko*, Zahorb (U et C 88—59) (Vыpadok или Vupadok), 1701: *Wipadok Senko*, Zahorb (U et C 115—27), 1728: *Sim. Vurvan*, Ungvár (U et C 63—36) (Vыrvan, но м. б. Vurvan (< Urban) (Чучка антр.)), что свидетельствует о лабиальном *ы̊* или же *u* (ср. Пань. Укр. гов. 75).

На месте *ы* встречается и буква *e*, 1602: *Toste Hrith*, Toste Pastil (U et C 104—8) (To(u̯)sty(i̯)), 1720: *Sim. Metnik*, Perecsény (U et C 167—27) (Mytnyk), что указывает на замену *ы* звуком *у*, если при неточной орфографии можно считать редкие данные достоверными. Приведенные данные могут отражать явления живого языка, потому что на указанной территории замена *ы* звуком *у* наблюдается и сегодня (ср. Пань. Укр. гов. 73).



Для закарпатских говоров характерно архаическое различение звуков *ы* и *у*, кроме того, лабиальный вариант *ы̊*. О последней черте С. П. Бевзенко предполагает, что она объясняется сохранением древнего лабиального характера *ы* (Бевзенко ы 166). И действительно, обозначение *ы* буквами *u*, *o* наблюдается беспрерывно от XIII в. до XVIII в., что подтверждает взгляд С. П. Бевзенко, хотя уже со времени древних данных можно найти и букву *i* для передачи *ы*, но она в XIII—XV вв. встречается реже. Это естественно, ведь даже *ы* с лабиальным оттенком не совпадает в звучании с *u*. Со временем лабиальный характер *ы* в зависимости от территории и фонетической позиции уменьшался по-разному, что объясняется изменением артикуляции *ы*. Произношение *ы* приближалось к *у* (< *i*), а в некоторых районах оно даже совпало с *у*, а где сохранилось, оно стало образоваться с более низким подъемом. К сожалению, наши данные не могут дать полную картину развития *ы*.

В записях в церковных книгах часто встречается *и* на месте *ы*, что свидетельствует лишь о языковых особенностях незакарпатских писцов, 1670: *сина*, Тишов (Сах. 91), 1711: *сина*, Подполозье (Сах. 89) и др., но оно наблюдается и там, где оно могло отражать и живой народный язык, так, в записях сел Рус Поляна 1683, 1753, Рускова 1692, Косовская Поляна 1718 (ср. П II. 5).

*u*, *ü*, *i* (< *o*, *e*)

Одной из архаических черт закарпатских говоров является сохранение *u*, *ü* из *o*, *e* в новозакрытом слоге. В XIII—XV вв. развился лишь дифтонг с элементом *u*, *'u* (*uo*, *'uo*) из *o*, *e*, наличие *ü* в дифтонге не засвидетельствовано. Правда, венгерское правописание и не могло обозначать *ü* отдельным знаком, но оно могло бы передать его сочетанием букв (*ew*), служащим часто для обозначения *ö*, потому что, как ниже увидим, в XVII—XVIII вв. буква *ö* тоже передает звук *ü*, который имеет некоторый оттенок венгерского *ö*. (Мы не рассматриваем здесь судьбу вторичного *ě*, стоящего на месте *e*, за которым стоял слог с ь.) На северной стороне Карпат тоже не засвидетельствовано *ü* (Пань. лемк. 25), хотя отсутствие специального знака для *ü* в кириллице, заставляет нас быть осторожным в этом вопросе.

Во второй половине XVI в. в правописании переписей и урбаров *ü* не имеет особого знака, буквы *ü*, *ẅ* могут служить и для обозначения *u*. Но к середине XVII в. буквы *ü*, *ű* стали обозначать только звук *ü*. (Редко встречается в венгерских текстах еще сочетание букв *ue*, обозначающее *ü*.)

Нельзя забыть о том, что два-три примера не обязательно характерны для языка всего села, они могли отражать лишь особенности языка некоторых лиц. Кроме того, при рассматривании распространения *ü*, *i* (< *o*, *e*) надо иметь в виду, что конскрипторы происходили обычно не из северных районов, и они охотнее употребляли обычные им старые варианты вместо новых.

Как сказано выше, во второй половине XVI в. нет особого знака для *ü*, но на месте *ü* не найдем и знака, обозначающего *ö*. В разных местах языковой области наблюдается *u* на месте *o*, *e* в новозакрытом слоге,

1567: *Pwthpoloza*, Ökörmező (U et C 53—12) (Pudpoloz'a), 1567: *Fwznak Fedwr*, Duszina (U et C 53—12) (Fedur), 1567: *Prokop Fedwr*, Alsó Verecke (U et C 53—12), 1572: *Berylla Prokup*, Hribóc (Dica) (Prokup), 1569: *Keblek Fedwr*, Szolyva (U et C 53—13), 1569: *Pwtpoloss*, Pudpolóc (U et C 53—13), 1570: *St. Torkachw*, Szolyva (U et C 53—14) (Torkaču(u̯)), 1574: *Pudpoloz*, Pudpolóc (U et C 53—13), 1574: *Laturka*, Latorka (U et C 53—16) (Laturka), 1576: *Prokwp Dem.*, Laturka (Dica), 1588: *Nyztur Wolosinsky*, Voloszanka (Dica) (Nistur), 1588: *Pryslyak Kundrat*, Dubrinics (Dica) (Kundrat), 1588: *Petyka Kundrath*, Porosko (Dica), 1588: *Kundrat Klynthat*, Hlinnik (Dica) и др.

В XVI в. *ü* засвидетельствовано лишь в одном случае: 1588: *Rüh Szaruhegy*, Hukliva (Leh. 111) и в начале XVII в., 1607: *Vülsinka*, *Vülsinkai Miklós* (Leh. Ad. 160) (Vülšynka), но в обоих случаях правописание является сомнительным, потому что Т. Легоцки мог дать модернизированную форму. Все же наличие *ü* не исключено, особенно на Верховине, ибо на месте *о* находим букву *ю* в записи в церковной книге, написанной кириллицей, на территории лемковского говора, 1600: *Мюр велкыи*, Петрова (Яв. 191), где *ю* может передать не только *'u*, но и *ü*.

Даже часть данных первой половины XVII в. ставится под сомнение из-за неустановившейся орфографии, 1631: *Panikŭu Roman*, Bisztra (U et C 105—1) (Pan'küu̯), 1631: *Pohnŭu Ivan*, Bisztra (U et C 105—1) (Pohnüu̯ (?)), буква *ŭ* обычно обозначает звук *ü* в венгерском тексте (U et C 105—1), но иногда встречается и на месте венгерского *u*. Наверно, звук *ü* имеется в следующем случае: 1648: *Tinko Serbűczki*, Hankovica (U et C 53—18) (Š'erbü(u̯)s'kyi̯), данный крестьянин был пришельцем из села Щербовец. В остальных селах Чинадиевской доминии конскриптор урбара (U et C 53—18) отмечал *u* (< *o*), Латорка: *Wulk Prokup*, Пересирово: *Louaszuv Dmitr* (Lovasuu̯), Нелепино: *Rohatinka Procup*, так же в остальных селах Быстрый, Калитовица, Котельница, Медвежий, Голубиное и др. (примеры не приводим.) Подобную картину видим и в урбаре 1673 г. (U et C 53—19), но возможно, что конскриптор писал обычные для его говора формы вместо новых, которые он не замечал. Подобное явление часто встречается и позже.

Во второй половине XVII в. уже часто находим достоверные примеры, в которых буквы *ü*, *ő* обозначают украинское *ü* (< *o*, *e*), 1683: *Szenyü Gyurko*, Új Szemere (U et C 88—66) (Sen'ü(u̯)), 1683: *Zbűjssky Hricz*, Zahorb (U et C 88—66), 1683: *Zbőjcsky Ivan*, Zahorb (U et C 88—66) (Zbüi̯s'kyi̯), 1673: *Petkü Hricz*, *Petkü Andri*, Zahorb (U et C 88—66) (Petkü(u̯)), 1683: *Biszahű Vaszily*, *Biszahű Pavel*, Zahorb (U et C 88—66, 88—66a) (Bysahü(u̯)), 1683: *Zeloskü Procup*, Zahorb (U et C 88—66) (Zeloškü(u̯)), 1683: *Zeleskü Procup*, Zahorb (U et C 88—66a), но 1683: *Zilyku Hricz*, Sztricsava (U et C 88—66) (Zylyku(u̯)), 1683: *Ziliku Hricz*, Sztricsava (U et C 88—66a) не только на севере комитата Унг, но и в районе речки Турьи. В записи, изданной И. Панькевичем, наблюдается *u* на месте *o* в новом закрытом слоге (П II. 6). В урбаре Чинадиевской доминии 1688 г. (U et C 112—10) находим формы с *u*, за исключением: *Gesznyü Iván*, *Gesznyő Vaszil*, Sdenyiho (Gesn'ü(u̯)). В урбаре Чинадиевской доминии 1693 г. (U et C 53—22) встречаются данные о наличии *ü* не только на Верховине, но и на юг от



нее, а это свидетельствует о том, что ü-кающие переселенцы дошли уже туда; если же *ü* (< *o*) было характерно для языка конскриптора, то это указывает на то же обстоятельство, потому что конскриптор-приказчик доминии жил не на Верховине, а в южных селах, примеры, 1693: *Jakimovics Prokűp*, Felső Verecke, *Ivanus Sesztak uxeratus filius Prokűp*, Pereszirova, *Andr. Kűzmikűszki*, Alsó Verecke (Kuz'mykü(u̯)skыi̯), *Stanislai Sztanűszki*, Latorka (Stanü(u̯)skы(i̯)), *Nyűscsinecz*, Miskarovica (N'üščynec'), но: *Joannes Kundrat* там же, *Bűrmilűszka*, Tisova (Burmylü(u̯)ska), *Kűlkovics*, Medvedzsa (Külkovyč), *Sim. Kűzevics*, Drahusoc (Küzevyč), *Jo. Fedűr* и ср. еще: *Jo. Kcsűr* (или Hcsűr), Serbóc (Ščür, *ü* на месте *u*), *Sztecz Pecsinkű* (Pečênkü(u̯)), *St. Tarkű*, Holubina (Tarkü(u)); *Jo. Lazűrcsa*, Nelipina (Lazürča), *Pe. Dosdzűvnik*, *Sim. Dozdűvnik*, Szolyva (Doždžü(u̯)nyk), *Phil. Bindoszű* (Byndasü(u̯)), Szolyva. В урбаре 1699 г. (U et C 33—24) встречаются личные имена с *u* (< *o*), например: *Dusdunik Roman*, Szolyva. В грамоте 1685 г. из села Камянское наряду с примерами с *у* можно найти букву *ю* на месте *о* в новом закрытом слоге: *Вышие Перевюзця* (Лелекач 228). В Сокирницком Сборнике XVII в. u-канье обычно, но такие примеры, как: *из надвюрря* 47, *Вюдбожилыся* 55, 105, уже могут указывать на ü-кание, неизвестно только, не происходят ли они из оригинала, тем более, что в селе Сокирнице сегодня наблюдается *u* (< *o*). Надо иметь в виду, что в азбуке кириллицы не было особого знака для *ü*, и для обозначения *ü* могла служить и буква *у*. Так, например, Михаил Андрелла пользуется вариантами буквы *у* для обозначения *ü* венгерских слов, переписанных кириллицей (ср. Dezső László, Adalékok a magyar szövegek cirillbetűs átírásának történetéhez. 313—314). В более позднем произведении М. Андреллы «Оборона верному человеку» наблюдается на месте *о* буква *ю*: *зюрницю* 252 (790), *кюжсяя* 96 (97). Во время написания своих произведений М. Оросвиговский жил в комитате Угоча и в югозападной части Мармороша, а если *ю* передает *ü*, то данная особенность отражает язык указанной территории. У нас есть данные с *ü* (< *o*) из комитата Угоча, 1678: *Leskű*, Sásvár (Szabó) (Leškü(u̯)), 1689: *Senyő*, 1692: *Szinő*, Csepe (Szabó) (Sên'ü(u̯)).

Довольно трудно проследить распространение ü-канья в начале XVIII в., с одной стороны, из-за малого количества урбаров в военное время, с другой стороны, из-за редкости населения. Более богатый материал имеется в переписях 1715 и 1720 гг., хотя из-за причин, отмеченных выше, они не дают совсем доброкачественный материал. Кроме того, мы рассмотрели ряд урбаров, составленных после 1720 г.

Рассматривая ü-канье первой половины XVIII в. в урбаре Ужгородской доминии 1701 г. (U et C 115—27), находим ряд данных об ü-канье: *Ivan Szidikű* (Sidykü(u̯)), *Jo. Sekő* (Ščykü(u̯)), *Jo. Levkű*, Sztavna (Leu̯kü(u̯)), хотя: *Elias Jaczuw* (Jacuu̯), *Jo. Zilakuw* (Zilakuu̯), *Menykővjat*, Ticha, (Myn'küu̯iat), *Pe. Sepűkű* (Sepü(u̯)kü(u̯)), *Mich. Gehejű* (Geheȋü(u̯)), Luh, хотя: *Jo. Herscuw*, там же, *Mich. Paszicskő* (Pasyčkü(u̯)), хотя: *Elias Jaczikuw* (Jacykuu̯), *Sim. Puop et Jo. Puop*, Zaricsó (Puop), *Külnyakowské*, Perecseny (Küln'akou̯sky(i̯)), хотя: *Dem. Kopolczuw*, Kosztyova Pasztély (Kopolc'uu̯), *And. Leukűw*, *Mati. Leukűw*, Turja Bisztra (Leu̯kü(u̯)), *Lad. Tecsűw*, Új Szemere (Tečüu̯). В переписях 1715—1720 гг. встречаются

следующие личные имена с *ü (< o):* 1715: *Lad. Szemnyenő*, Ó Sztuzsica, (Semn'enü(u̯), 1720: *Ivan Szenűv*, *Elias Szenűv*, Új Szemere (Senüu̯).

В урбарах следующих лет наблюдается несколько примеров на ü-канье, 1728: *Paul. Szenkő*, Ó Sztuzsica (U et C 63—36), *Szenkü Vaszil*, Lyuta (U et C 63—36) (Senkü(u̯)), 1728: *Petyű Lukacs*, Csornoholova (U et C 63—28) (Pet'ü(u̯)), 1735: *Luczü Mihály*, Rahoncza (U et C 72—40) (Lucü(u̯)).

В комитате Берег число данных с ü-каньем незначительно в переписях 1715 и 1720 гг., что едва ли отражает действительное состояние языка. Кроме того, надо учесть, что большинство имен встречается в латинской форме. С рассматриваемой точки зрения языковая область едва ли была единой. Если иметь в виду, что на Верховине ü-канье было сильным в конце XVII в., и после войны часть северного населения переселилась на юг, а не обратно, то такие данные, как 1715: *Jo. Fedur*, Serbóc; *Pe. Kuzovich*, Kanóra (Kuzi̯ovyč), нельзя считать единственно характерными для языка этих сел. Может быть, живой язык средних и южных районов, в которых сегодня *ü(< o, e)*, отражают такие личные имена, как, например, 1715: *Jo. Fetykő*, Misztice (Fet'kü(u̯), 1715: *Franc. Czapu*, Polyana (Capu(u̯)), *Luc. Hertuszkij*, Lukova (Hertu(u̯)skyi̯), и наверно, характерны д ля говора западной части комитата данные об *u (< o):* 1715: *Ge. Muzga*, Iglénc (Muzga), из переписи 1720 г., 1720: *Mati. Matthkuszki*, Zsukó (Matku(u̯)skyi̯). В переписи 1720 г. нет данных об ü-канье, что свидетельствует лишь о недостоверности переписи. В урбаре 1740 г. для обозначения *ü* служит буква *ü*, надстрочный знак которой возник из слияния двух знаков, она служит лишь для обозначения *ü* в венгерских текстах. В данном урбаре, составленном в юговосточных селах комитата, формы с *ü* и с *u* наблюдаются рядом: *Jac. Hephetyü* (Hepet'ü(u̯)), *Andr. Vüczküzkü*, Bilke (Vüčkü(u̯)skы(i̯)), *St. Fedürcso*, Szajkófalva (Fedürčo), *Ge. Mikalkű* (Michalkü(u̯)), *Ge. Bubelkű* (Bubelkü(u̯)) Dubróka; *Jo. Ivanyu*, Iloncza (Ivan'uu̯), *Jo. Sztéczu* (Stecu(u̯)), Oláh Ĉsertész (U et C Irreg. fasc. 3—57). В урбаре 1721 г. *ü* обозначается буквой *ű*, и в нем встречаются рядом примеры с ü-каньем и u-каньем, 1721: *Andr. Ivánczu* (Ivancu(u̯)), *St. Morinü* (Morinü(u̯)), *Alex. Olegarü* (Olegarü(u̯)), *Nic. Biragű* (Biragü(u̯)), Iloncza; *Nicz. Balligű*, *Stanislaus Balligű* (Baligű(u̯)), Bród; *Phil. Panzuscsik*, *Alex. Panzuscsik*, (Pan'u(u̯)ščyk), *Jo. Hepetzü* (Hepecü(u̯) ~ Hepet'ü(u̯)), Bilke (U et C Irreg. fasc. 3—55).

В урбаре 1725 г., составленном о селах Чинадиевской доминии, формы с *ü* и *u* встречаются смешанно. Может быть, что данные с *ü* и *u*, встречающиеся рядом, отражают действительное состояние языка в урбарах Чинадиевской и Белецкой доминий, так как приказчик, составляющий урбар, вероятно, происходил из того же района. Примеры из урбара Чинадиевской доминии 1725 г.: *Kűndrat Pavel*, *Kűndrat Stefan*, *Kundrat Mikita*, Szentmiklós (в этом случае странно u-канье и ü-канье в той же фамилии и в том же селе, хотя возможно, так как мы имеем дело с обычной фамилией); *Khodinecz Fedür*, Polena, *Drebütka Petro*, Holubina (Drebütka), *Kaliska Lazür*, Szolocsina (Lazür), *Oszujszki Matyi*, Plavja (Osui̯skы(i)), *Dubis Lazu*, Sztrojna; *Mohucs Lazür*, Lécfalva (U et C 124—7).

В северной и западной частях Мармароша в переписях 1715 и 1720 гг. есть данные об ü-кающих личных именах. На Верховине рядом с ü-кающими есть и i-кающие, и u-кающие, а последние составляют большинство. Перепись была проведена делегатами из комитатов, не населенных украинцами, но у них были, вероятно, писари из комитата Мараморош. Возможно, что черту языка последних показывают формы с *u*, но не исключена возможность, что в живом языке верховинцев сохранились следы u-канья. В верховинских селах мало данных с u-каньем, 1715: *Gr. Püp (Pup)*, Hidegpatak (Bélay), *Goganics Prokup*, *Koss Prokopu* и *Prokip Kucsinecz*, там же; 1715: *Püp Ivan*, *Karebinecz Püp*, Iszka (Bélay); 1715: *Püp Jeczko*, Ó Holyatin (Bélay), но: *Luc. Lazur*, *Kosztik Kindrad*, там же. Сегодня село Колочова по карте И. Панькевича лежит на границе ü-канья и i-канья, в переписи находим *u (< o)*, 1715: *St. Koczuru* (Kocuru(u̯)), *St. Lazaru* (Lazaru(u̯)), *Filipcsiny Faedur*, Kalocsa (Bélay), также в селе Липча, где сегодня u-канье, 1715: *Andriku Demeter* (Andri(i̯)ku(u̯)), *Romassku Ivan* (Romašku(u̯)), *Prukupcsanics Ivan* (Prokupčanyč) и др., Lipcse (Bélay), но только *u (< o)* засвидетельствовано в селе Межгорье, где сегодня *ü (< o): Besza Fedur*, *Kovalyu Vaszil* (Koval'u(u̯)) и др., Ökörmező (Bélay), также в селе Прислоп, где *i (< o)* сегодня: *Jo. Petru*, Priszlop, (Bélay) (Petru(u̯)). В селах на границе с комитатом Берег наблюдается *ü (< o)*, 1715: *Luc. Purpura Püp*, Kerecke (Bélay), 1715: *Jo. Püp*, Kusnica, но: *Jo. Bilohurka*, *Bilohurka Jaczko* (Bilohurka) (Bélay). В вышеупомянутом урбаре Белецкой доминии, в селе Межгорье встречается имя с *ü (< o)*, 1720: *To. Szopkű*, *Luc. Szopkű* (Sobkü(u̯)) (U et C irreg. fasc. 3 –57). В селах, относящихся к гуцульскому диалекту и переходным говорам, не находим *ü (< o)* в первой половине столетия.

Из сел Великий Раковец и Малый Раковец в северной части комитата Угоча есть пример с *ü (< o)* из 1722 г.: *Ign. Kopivarü* (Kopivarü(u̯)), но: *Pe. Holesuszky*, Rákóc (Holesu(u̯)skыi̯) (U et C Irreg. fasc. 3—55); из села Великие Комяты, 1743: *Fenczü*, Komját (Szabó) (Fencü(u̯)), но 1743: *Papadinczu*, Komját (Szabó) (Popadincu(u̯)); из Рокосова, 1743: *Ferenczű*, Rakasz (Szabó) (Ferencü(u̯)), но: *Hrenyu*, Rakasz (Szabó) (Hryn'u(u̯)), в остальных данных находим *u (< o)*. Из села Веряца имеется пример с *u (< o)* в переписи 1743 г.: *Hrenyu*, Verécе (Szabó), он соответствует современному состоянию и отражает живое произношение, потому что конскриптор выше обозначал и *ü (< o)*.

В документах урбариальной реформы 1770-х годов нет ü-канья в комитате Унг. В комитате Берег в урбариальных записях оно очень часто, но из-за сложности вопроса оно здесь не будет рассмотрено. (Ср. Л. Дэже, О языке урбариальных записей 1771—1774 гг. Studia Slavica XI.) Из марамороших урбариальных записей дошли до нас записи тех верховинских сел, где сегодня имеется *i (< o)*. В самых текстах нет ü-канья, только *i*, *u (< o, e)*, но *u (< o)* отражает язык конскриптора. Все же несколько личных имен свидетельствует еще об *ü (< o)* в списках крестьян и в урбариальной таблице, следующих за записью, 1711: *Kűsz Luka*, *Kűsz Petra* (Küs), но: *Csade Prokup*, *Bukuszkoj Choma*, Hidegpatak урб. зап. список, *Kűsz Luka*, *Kűsz Petra*, Hidegpatak урб. зап. таблица; 1771: *Ivanczü Vaszily*, *Evantzü Stefan*, Kelecseny урб. зап. таблица (Yvancü(u̯)), 1771: *Czap Prokűp*, Tyuska урб. зап. таблица. Так как *ü (< o)* не было характерно для языка конскриптора, формы с *ü* могут быть из живого

языка, однако *ü*-канье было особенностью лишь языка некоторой части жителей. Не исключено, что ü-канье попало в урбариальную запись из языка другого конскриптора, ибо оно наблюдается и в Присяге, и в Ответах записи.

В немногочисленных документах из области гуцульского диалекта и переходных говоров ü-канье не засвидетельствовано за исключением одного личного имени в урбариальной записи села Нижнего Водяного, 1771: *Szvecz Fedűr,* Alsó Apsa урб. зап. список. Из комитата Угоча урбариальные записи сохранились лишь из некоторых сел в гористом районе Аваш. Они отражают u-канье. В двух данных из Виноградова мы находим *ü (< o),* хотя в остальных на месте *o* в новом закрытом слоге стоит *ü*, 1787: *Döscsünik* (Doždžü(u̯)nik), *Vűszik* (Vü(u̯)syk), но: *Kazuska* (Kazu(u̯)ska) Nagy Szőllős (Szabó).

Рассматривая данные об ü-канье, мы привлекли и те данные, в которых на месте *o, e* находилась не буква *ü*, а буква *ő*. Обозначение *ü* при помощи *ő* указывает на то, что звук, стоящий на месте *o* в новом закрытом слоге, не соответствовал точно звуку *ü* венгерской фонетической системы, и конскриптор считал, что он ближе к венгерскому *ö*. По нашему мнению, современное закарпатское *ü* тоже имеет некоторый оттенок венгерского *ö*.

До сих пор не говорилось о редком варианте *o* в новом закрытом слоге, о котором свидетельствуют следующие данные, 1711: *Tiszkiuv Jaczko,* Lyuta (63—128), *Jo. Ivanyu,* Ilonca (U et C Irreg. fasc 3—57). Наиболее вероятно, что буквы *iu* и *(n)yu* передают *u̯* более переднего ряда, чем обыкновенное *u*. Перед ним согласный смягчался. Данный звук стоит между *u* и *ü*, его однако нельзя рассматривать без оговорки как переходное звено между *u* и *ü* (< *o*) из-за смягчения согласного, которое перед *ü* не наблюдается (ср. Пань. Укр. гов. 96). Нам кажется вероятным, что передвижение артикуляции привело к смягчению предыдущего согласного на определенной территории, но оно было довольно слабым, не имело места везде и не всюду охватывало все согласные. Сегодня *'u* наблюдается лишь в некоторых селах Спиша (Пань. Укр. гов. 90—91), даже там в неодинаковой мере. В рассмотренных памятниках *'u (< o)* засвидетельствовано в комитатах Унг и Берег. Сегодня в селе Люта *i (< o),* притом перед *i* некоторые согласные смягчаются (Пань. Укр. гов. 50), а в селе Ильнице *ü (< o),* перед которым нет смягчения. Возможно предположить, что на указанной территории *u* перешло в *ü* через *'u: 'u̯ → 'ü*, но мягкость предыдущего согласного позже исчезла. Переход *ü* в *i* произошел еще тогда, когда предшествующий мягкий согласный не отвердел. Но это остается лишь предположением, потому что мягкость предшествующего согласного может быть более позднего времени и связана с *i*, гласным переднего ряда.

В рассмотренных нами памятниках первые данные с *i*-каньем наблюдаются в грамоте епископа Парфения Петровича, 1647: *собіръ* (Лелекач 227), но он не был уроженцем Закарпатья. Через год в урбаре Чинадиевской доминии находим *i (< e),* 1648: *Dosinik Szimko,* Pudpalóc (U et C 53—18) (Doždži(u̯)nyk). Рассматривая распространение i-канья в комитате Берег, в урбаре той же доминии 1673 г. находим те же фамилии, 1673: *Dosinik Péter, Dosinik Vaszil,* Szolyva (U et C 53—19), в урбаре Чинадиевской доминии 1691 г. там же та же фамилия 1691: *Dosgjinik Péter, Dosgyinik Simon,* Szolyva (U et C 53—22), кроме того, 1691: *Gogál Kindra,* Kotkanica (U et C 53—22) (Kindra(t)). В урбаре 1693 г., из которого выше привели данные с ü-каньем, есть и i-канье, 1693: *Jo. Mizganics,* Holubina (U et C 53—23) (Mizganyč), *Kilkovics Hricz,* Medvedzsa (U et C 53—43) (Kilkovyč). В комитате Берег в переписях 1715 г. и 1720 г. находим следующие примеры с i-каньем: 1715: *Mati. Babitka,* Bilke (Babitka, уменьш. из *Babota*(?)), *Pe. Kindrath, Jo. Kindráth, Jo. Kindrath junior, Mati. Kindrath,* Kotilnica; 1720: *Mati. Bobitka,* Bilke. Дальнейший пример из первой половины XVIII в., 1729: *Pe. Dribitka,* Holubina (U et C 53—30) (Drobitka). В текстах, написанных кириллицей, на бережской Верховине наблюдается i-канье уже в 1695 г.: *до церкве Волѣвскѣ,* Воловец (Яв. 206), а затем в записях в церковных книгах первой половины XVIII в., 1708: *усѣхъ родичѣвъ,* Абранка (на Верховине) (Сах. 76), но там же: *сином,* что указывает на незакарпатского писаря; 1709: *при ерею на той часъ пароху веречанським петру митиковичъ будучимъ,* Нижние Верецки (Сах. 90—91), 1738: *іоанъ тырбанувъ поповичъ букивский,* Буковец на Латорице (Сах. 88—89). В Тишовской Александрии начала XVIII в. формы с *i (< o)* обычны: *два вѣвцѣ* 15, *пѣшли* 26, *покѣй* 143, *возѣв* 155, *попѣд горы* 166, но есть и *u (< o): покуй* 71, 181. Формы с *i* могут происходить и от незакарпатского оригинала, но они могут отражать и язык села Тишова. (Мы не воспользовались данными без дат и без определения места написания.) С середины столетия находим новые данные, 1743: *вбыстрѣмъ,* Быстра (около Мишкаровицы) (Сах. 93), 1750: *за чотыринацять вонашѣв,* Нжн. Верецки (Сах. 92), 1759: *васілии дияконѣвъ онукъ,* Тишов (Сах. 92), 1768: *вѣвцѣ,* Таламаш (Яв. 185). Наряду с данными с *i* встречается и *u* в одной записи, написанной подполозским попом в 1711 г.: *отцъ григории пудполоски подъписавъ, коблик вувса, пудполоской* (род. п. ед. ч.), Подполозье (Сах. 89), даже в записи 1762 г. из села Подполозья: *на ц҃ркв пудполоску,* Подполозье (Сах. 90).

Во время урбариальной реформы в селах бережской Верховины урбариальные записи были составлены конскрипторами, не говорящими на говоре с *i (< o)*, но наличие *i*-канья доказывают личные имена крестьян в списках (ср. Л. Деже, О языке урбариальных записей 1771—1774 гг. Studia Slavica XI. 71—93). Записи 90-х годов тоже свидетельствуют об i-канье, 1790: *з̑ маряшѣвъ,* Таламаш (Яв. 196), 1795 г.: *За еденъ вѣзъ,* Таламаш (Сах. 196). Статьи Гукливской Летописи (Петров Мат. 35—37) были написаны одной и той же рукой до 1783 г., так что данные с *i* более старых записей могут происходить от той же руки, 1660: *по пѣдъ Бескѣдъ* (там же 35), 1665: *зимивлѣ* (там же 35), действительное состояние языка середины XVII в. отражают формы с *u*, 1665: *на пудгорю* (там же 35), но *i (< o)* было уже характерно в записи 1787 г.: *дванадцят варишѣвъ* (там же 36).

В Мароморише первые данные с *i (< o)* наблюдаются в 1691 г.: *наугорскѣй сторонѣ,* Верх. Студеное (Сах. 78), 1693: *лазѣрл пупаничъ,* Верх. Студеное (Сах. 79), и не только в самой северной части Марамороской Верховины, но и на юге ее: *фурдѣвъ онукъ,* Тюшка (Сах. 95), но 1695: *Роман Грицакув,* Иски (Яв. 205). При переписи 1715 г. записан ряд лич-

ных имен с *i* (< *o*), но рядом с ними встречается несколько данных с *ӥ* и не мало с *u*, но даже последние не надо обязательно объяснять влиянием конскриптора, 1715: *Monuss Prokip*, Bukovec (Bélay), но, *Seleb Fedur, Tesslovics Fedur* и др. (там же); *Prokip Kucsinecz*, но, *Goganics Prokup, Mich. Danielu* и др. (там же), *Kosztik Kindrad* (Kondrat), Ó Holyatin (Bélay), *Bilovics (Bilovecs) Hricz, Irko, Pip; 2 Pip; Jurgyo Pip*, но, *Leskovics Mihailo, Pup*, Iszka (Bélay); наблюдается *i* (< *o*) и в имени, записанном в селе Кошелёво, 1715: *Jo., Proc. Maximi*, Keselyűmező (Bélay) (Maksymi(u̯)). В XVIII в. находим еще ряд данных с *i*, 1719: *Федѣрълякъ*, Верх. Студеное (Яв. 210), 1730: *за свïхъ родчïвъ*, Иски (Сах. 76); 1731: *Θеодоръ Мигалѣвъ*, Верх. Студеное (Сах. 94), 1731: *иереі Григоріи Бура Бряникѣвъ пѣшовъ у русъ*, Верх. Студеное (Д), 1763: *и за . . . родичѣвъ* и *марïашѣвъ : ЇВ*, Колочава—Имшад (Сах. 71) (в селе Колочаве сегодня нет і-канья). Урбариальные записи, составленные в 1770-х годах в восточной части Мараморошской Верховины, свидетельствуют о том, что і-канье было господствующим в селах Верхнее Студеное, Изки, Буковец, Речка, Рекита, Тюшка, Келечин (ср. Л. Дэже, Урбариальные записи с Мараморошской Верховины. Studia Slavica III. 238—9).

В юговосточной части комитата, на территории, где теперь употребляются гуцульский диалект и переходные говоры, в памятниках, написанных латиницей, в конце XVII в. и в начале XVIII в. не находим данных об і-канье, но в записи в церковной книге 1738 г. из села Требушаны — Белый Поток уже находим *i* на месте *o, e* в новом закрытом слоге (П III. 6). Во время проведения урбариальной реформы в 70-х годах XVIII в. на этой территории было составлено лишь мало документов. Урбариальная запись села Рускова написана на румынском языке, но в списке крестьян встречается пример с *i*, 1771: *Zvinka Ivan*. После урбариальной реформы для контроля соблюдения распоряжений урбара, с крестьян брали записки о том, не нарушил ли помещик пункты урбара. До нас дошли записки, написанные на украинском языке в 1781 г. В записках сел Ясиня, Квасы, Рахов, находим лишь і-канье, а в записках сел Требушаны, Белый поток, Луг, кроме форм с *i* встречаются и случаи с *u* (< *o*). Записки последних трех сел составлены тем же писарем Злоцким. Как мы видели, в селах Требушаны, Белый поток і-канье было засвидетельствовано уже в первой половине века, но оно не было исключительным. В селе Луг і-канье могло быть представлено тогда гуцульскими переселенцами. В Лексиконе 1773 г. (Lexicon) *i* (< *o*) выступает в следующих топонимических названиях: *Rahiu, Kostilszky Rahiu, Polyana Kasziuszka*, но: *Roszucska* (Lexicon 136). (В Лексиконе буква *n* вместо *u* лишь неправильное чтение.)

В комитате Унг первые данные об і-канье наблюдаются в переписи 1720 г.: *Elias Popiszkiu* (или *-n*), Paszika (Popi(u)sky(i̯)), *Lad. Pipko*, Sztricsava (Pipko (?)). Потом несколько данных в урбаре 1728 г.: *Pipkovics*, Sztricsava (U et C 63 –36) (Pipkovyč), *Szimocskivszka*, Lyuta (U et C 63 –36) (Simočkiu̯ska), но: *Kosztilu Jurko, Teklicsuv Hricz*, там же (Kostilu(u̯), Tekliču(u̯)), *Melnicskiw Jurkova*, Nagy Berezna (U et C 63—36) (Melnyčkiu̯), *Pivpanicsova*, Csornoholova (U et C 63—28) (Piu̯panyčova). Примеры с *i* из второй половины XVIII в., 1752: *Kovalyivszkana*, Lipóc (U et C 72—41), (с латинским суффиксом); 1798: *Kindrat Ivan, Kindrat Petro*, Voloszanka (том урбариальных таблиц комитата Унг).

Данные памятников, написанных кириллицей, лишь слабо пополняют картину, нарисованную выше. В середине XVII в. нет еще і-канья в селе Суха, 1676: *в селѣ сухум*, Суха (Сах. 87); и только мало примеров с *i* в XVIII в., 1745: *павель тонеïвъ*, Ужок (Сах. 69); 1699—1752: *їванъ ковалѣвъ*, Ужок (Сах. 84), последняя запись происходит от жителей села Волосянка, но книга была прежде в селе Ужок по записи 1699 г., и она была возвращена туда же в 1752 г.; 1764: *изаусѣхъ . . . родичѣвъ*, Суха, но там же: *синами*, что свидетельствует о незакарпатском писаре (Сах. 75).

Звук *u* на месте *o* в новом закрытом слоге обозначается и буквой *ú* в текстах, написанных венгерским правописанием. Если буква *u* стоит на исходе слова, например, 1720: *Lad. Zmicsú* (Zmyču(u̯)) (?), *Jo. Pulanicsú*, (Pôl'anyču(u̯)), Ó Sztuzsica, *Jo. Kérticzú* (Kerticu(u̯)) но: *Ign. Sztroganyu* (Strogan'u(u̯)), Új Sztuzsica, *Sim. Kosanú*, Uzsok (Kožanu(u̯)) *Jo. Sestakú*, Szucha (Šestaku(u̯)) (U et C 162 –27), 1691: *Kresztyú Lukács*, Repede (U et C 53—22) (Krest'u(u̯)), то она может объясняться тем, что в венгерском языке в конце слова очень часто наблюдается *ú*, и конскриптор написал *ú* по обычаю. Но там, где *ú* не в конце слова, данное обстоятельство отпадает, буква *ú* обозначает или дифтонг *uᵒ* с доминирующим элементом *u*, который из-за долготы обозначается буквой *ú* (т. е. как венг. долгое *ú*), но особенно при данных XVIII в. можно предположить, что *uᵒ* стало уже монофтонгом, и буква *ú* обозначает закрытое *û*, так как венг. *ú* тоже более закрытого произношения, и И. Панькевич обозначает *û* (< *o*) как звук закрытого произношения, 1774: *Jo. Szticzúv* (Stêcuu̯), *Fran. Jalcsúv* (Jalčuu̯), Porosko урб. табл., 1782: *Paul Ihnátyúv*, но: *Ihnátyuv Iván*, Árok урб. табл. (Ihnat'uu̯).

Подытоживая данные о распространении звуков, стоящих на месте *o, e* в новом закрытом слоге, можно установить следующее. (Развитие *o, e* было рассмотрено вместе, и на основании данных нельзя установить различия в распространении звуков, стоящих на месте *o* или *e* в новом закрытом слоге.) В закарпатской области во второй половине XVI в. есть только один случай с *ӥ*, но здесь правописание сомнительно. В первой половине XVII в. появляются единичные примеры. В 80-х годах XVII в. в комитате Унг, на Верховине распространено ӥ-канье. Данные с территории на юг от Верховины встречаются лишь в именах и языке северных переселенцев. В комитате Берег в 80-х годах ӥ-канье засвидетельствовано на Верховине, и, по свидетельству урбара 1693 г., личные имена с *ӥ* появляются в значительном количестве и около Свалявы в Чинадиевской доминии. Туда их носители дошли для дополнения поредевшего населения после поражения освободительной войны под предводительством И. Тэкели. В XVIII в. ӥ-канье засвидетельствовано и в южной части комитата Берег и в Угоче.

В начале XVIII в. в комитате Унг находим ӥ-канье на Верховине. Распространение ӥ-кающего населения отмечается в южном направлении, но оно ассимилировалось, и в конце века в комитате, за исключением Верховины, находим только u-канье.

В комитате Берег, по свидетельству урбаров Чинадиевской и Белецкой доминий, ӥ-канье было значительным, хотя сохранялось и u-канье в первой половине XVIII в.

В начале XVIII в. в комитате Мараморош находим формы с *ӥ* на Верховине и в западной части комитата, но еще значительно и количество данных с *u* (< *o*), что может отражать состояние живого языка.

Во второй половине века мы располагаем данными лишь из восточной части Верховины, где уже господствует і-канье, и встречается лишь несколько личных имен с *ӥ* (< *o*). В юговосточной части комитата ӥ-канье засвидетельствовано лишь в одном личном имени в списке крестьян урбариальной записи села Нижнее Водяное.

В комитате Угоча в начале XVIII в. есть примеры с *ӥ* рядом с *u*, что указывает на их борьбу на территории, где теперь *ӥ* (< *o*, *e*).

В комитате Берег данные с *i* появляются уже в середине XVII в., но только в конце века и в начале XVIII в. можно доказать значительное распространение і-канья. За исключением нескольких случаев личные имена с *i* ограничены Верховиной, и даже там они борются с более старыми формами с *ӥ* и в конце XVII в., и в начале XVIII в. Во второй половине XVIII в., по данным текстов, написанных кириллицей, і-канье становится господствующим.

В комитате Мараморош первые случаи і-канья наблюдаются в конце XVII в. на Верховине, и в начале XVIII в. они борются с другими формами. Во второй половине XVIII в. і-канье стало господствующим в западной части Верховины, а в последней трети века і-канье уже распространилось и в юговосточной части комитата.

В комитате Унг первые данные об і-канье появляются в начале XVIII в. на Верховине, где выступают вместе с другими вариантами на месте *o*, *e* в новом закрытом слоге, во второй половине века і-канье сохраняется, а ӥ-канье исчезает.

То обстоятельство, что ӥ-канье, появляющееся в XVII в., вытесняется еще в том же веке і-каньем, указывает на то, что вслед за распространением ӥ-канья скоро распространилось і-канье, хотя ӥ-канье появилось в Закарпатье лишь спустя триста лет после образования дифтонгов *uo* (*'uo*). Но в этом нет ничего удивительного. Ясно, что больше времени требовалось для того, чтобы элемент *u* заднего образования становился звуком *ӥ* переднего ряда, чем для делабиализации *ӥ* в *i*.

В текстах, написанных латиницей в комитатах Берег, Унг, Земплин, мы нашли *uo* (< *o*) в двух урбарах и в одной из переписей в XVII—XVIII вв. Так, в урбаре Чинадиевской доминии 1648 г. встречаются следующие данные: 1648: *Scherbanu Feduor*, Laturka; *Satowich Feduor*, Laturka; *Chikotuow Simko*, Laturka (Čykotuou̯), *Ruszin Puop Batyko*, Felső Verecke, *Koltun Feduor*, Tisovo; *Gordon Feduor*, Alsó Verecke; *Popouich Feduor*, Laturka; в остальных именах на месте *o* в новом закрытом слоге наблюдается *u*, напр.: *Louaszuv Dmitr*, Pereszirova; *Wulk Prokup*, Laturka, или сохраняется *o*: *Moczinicz Fedor*, Kalitovica (U et C 53—18). В урбаре Ужгородской доминии 1701 г. *uo* засвидетельствовано в слове *Puop* три раза, 1701: *Ignat Puop*, Nagy Berezna; 1701: *Simon Puop et Joannes Puop Presbiteri*, Zaricsó; *Baitko Puop Fedor*, Dubrinics. В том же урбаре на юг от



Верховины на месте *o* в новом закрытом слоге встречается обычно *u*, хотя можно найти и *ӥ*, в верховинских селах рядом с *u* (< *o*) довольно часто наблюдается *ӥ* (< *o*), напр.: *Jo. Popuv*, *Andr. Leukűw*, Turja Bisztra (U et C 115—27); *Mich. Gehejű*, *Jo. Herscuw*, Luh (U et C 115—27), и иногда сохраняется *o*: *Andr. Fedorow*, Uzsok (U et C 115—27). В комитате Земплин *uo* встречается в дикальной переписи 1696 г.: *Dudkuov Fecso*, Minyóc (Dudkuou̯), рядом с *u*: *Cziczakuv Timko* (Cicakuu̯) и *o* на месте *o* в новом закрытом слоге: *Vaszilov Iván* там же (Vasyl'ou̯).

В тексте XVIII в., написанном кириллицей, который содержит начало повести «Алексей божий человек» на месте *o* в новом закрытом слоге наблюдается *уї*: великуїй: *котрая дѣтина: третум годѣ стую троицу вызнавала и так великуїи науцѣ: вушитуки таемницѣ бжїи вызнавала.* Но приведенный пример недостоверен, может быть, что *і̯* обозначается двумя буквами (*їи*), как и в следующем случае: *ѡлекусеіи Бжии чл̃вѣкъ*, или *ї* написано под влиянием і-кающего оригинала, так как в данном тексте находим обычно *у*, а реже *и* на месте *o* в новом закрытом слоге: *скарбувъ* (род. п. мн. числа), *Вуд тебе, у тум*, но: *у шутуьким, вь земли римьскїи.* О незакарпатском оригинале свидетельствует и *и* на месте *ы*: *сина умивала.*

В поисках объяснения форм с *uo* мы могли бы думать о том, что конскриптор слыхал и такие формы, которые произносились с *u*, и также, в которых было *o*, и в начале написал *u*, а потом приписал еще *o*. Однако мы имеем дело не с одним случаем, когда конскриптор мог ошибиться, ведь в урбарах из комитатов Берег и Унг *uo* встречается несколько раз. Кроме того, возникает вопрос, почему он писал лиш *uo*, почему не встречается *ou*, ведь другой раз он писал то *u*, то *o*, так что подобным образом он мог бы поступать и в рассматриваемых случаях. Вернее, будет предположить, что он слышал звук, который старался передать буквами *uo*. Таким звуком был дифтонг *uo*. Конскрипторы этих урбаров, а также конскриптор переписи отличались хорошим слухом и чутьем языка и умели обозначать дифтонг. Остальные данные документов тоже свидетельствуют о том, что их конскрипторы старались передать те формы, которые они слыхали. В то время обычно не обозначали на письме дифтонги венгерского северновосточного диалекта. Мы не нашли обозначения дифтонга в венгерских текстах, а вместо обоих элементов дифтонга был обозначен лишь один, обычно господствующий элемент, хотя не раз находим и другой элемент: *szülü, üsi, füld* (U et C 53—44) вместо: *szőllő, őszi, föld* (szőüllőu̯, őu̯szi, főu̯d SzamSz.); 1685: *Ungvári major kettő volt, demind a kettű* (kettőu̯ SzamSz.) *elpusztult; egy nagy mezű* (mezőu̯ SzamSz.) 28 *föld-bül alló; annak elütte* (előu̯tt Szamsz.), *az szülün* (szőu̯llőu̯ Szamsz) *kívül; esztendűnek* (esztendőu̯ Szamsz.) *elforgása után* (U et C 88—66a) 1725: *Ökörmezű* (mezőü Szamsz.) (U et C 124 -3) и др. Итак, вполне понятно, что при обозначении украинских дифтонгов не отмечались на письме оба элемента дифтонга, а только один из них.

Возникает вопрос, если был дифтонг *uo*, существовали ли и иные дифтонги. О дифтонге *uy* или *ui* могло бы свидетельствовать приведенное выше недостоверное данное: *великуїй*. Отсутствие данных с иными дифтонгами может объясняться неточностью обозначения дифтонгов.

Возможно, например, что наличие форм с *ü* и с *i* или с *ü* и с *ö* в личных именах того же села объясняется обозначением одного из компонентов дифтонга *(üi* или *üö)*, но прямого доказательства о том нет.

Возникает вопрос, почему не переняла звуки, стоящие на месте *о* в новом закрытом слоге и отражающие дальнейшее развитие (ü-канье), та часть закарпатского населения, которую условно мы называем и-кающей. Такой же вопрос можно задать и в связи с ü-кающими. На основании данных можно предположить, что ü-канье, а в определенной мере и i-канье, распространялись лишь там, где новые переселенцы составляли большинство населения, а старые жители ассимилировались к ним. А это не типический путь органического развития языковых явлений. Большинство языковых явлений распространяется из одного или скорее нескольких центров. В центре действие данной тенденции наиболее сильное, но она действует или может действовать и в других местах, только слабее. Другая тенденция интенсивнее проявляется на последней территории и оттуда распространяется на другую часть языковой области. Так распространяются языковые явления в результате взаимодействия разных говоров в процессе естественного развития системы всего языка и его говоров. Но не все явления распространяются во всем языке. Внутри всей системы языка говоры имеют свою систему, и они составляют диалектическое единство. Закарпатские говоры, как и весь украинский язык, характеризовались развитием *о* в новом закрытом слоге в дифтонг *uo*. Однако закарпатские говоры были оторваны от остальных украинских говоров и их импульсы, даже самые общие, дошли до них позже, и они могли быть слабее. Центры тенденции развития *uo* в более передний ряд *(ü, i)* лежали не в Закарпатье, и, вероятно, даже не на совсем близкой к нему территории, и их влияние в Закарпатье не дошло в то время, когда такое развитие дифтонга *uo* было возможно. Поэтому развитие дифтонга *uo* остановилось в той стадии, из которой уже путем органического развития нельзя было ему развиться в звук с элементом *ü*. Для этого нужно было, чтобы под влиянием импульсов других говоров, более развитых в этом отношении, дифтонг *uo* проходил бы через такое развитие, в которое импульс, носящий *ü*, мог бы органически включиться. Центр развития *(u →) ü → i* не мог быть в районе Карпат, так как та группа *ü*-кающих переселенцев, которая поселилась в закарпатских долинах, уже не принимала i-канья, хотя последнее и распространилось на Верховине. Их ü-канье имело такой характер, который не допускал распространения i-канья. А между тем i-канье распространилось на той территории, которая была органически включена в кровообращение южноукраинской языковой области и принимала импульсы последнего. Может быть, более низкое произношение *ü* препятствовало делабиализации *ü > i*, так как в таком случае сама делабиализация не дает *i*. В области развития новых звуков на месте *о, е* в новом закрытом слоге еще немало спорного и неясного.

О развитии *ě* путем дифтонгов у нас нет столько достоверных данных, как о развитии *о* в новом закрытом слоге. Среди данных XIII—XIV вв. были такие, где на месте *е* стояла буква *е*, такие встречаются и в XVI в.: 1570: *duo animalia belicza dicta* (< bělica), Podhorén (U et C 53—14), но: 1572: *bilicza*, Podhoren (U et C 53—15), даже 1570: *Lyeszka*, Rakasz (< Lėsъka) (Szabó), где буквы *ye* могут обозначать или дифтонг *ie*, или мягкость *l' + e*. Менее вероятно, но возможно, что данные формы передают не украинское, а словацкое произношение, хотя в комитатах Берег и Угоча не жили словаки, но там могли быть чиновники, которые знали словацкий язык.

Мы не коснулись еще существенного вопроса: когда исчезли дифтонги. В современных говорах, т. е. от 80-х годов XIX в., их больше нет. Они не отмечаются, например, М. Лучкаем. В урбариальных записях 70-х годов XVIII в., написанных латиницей, нет дифтонгов, хотя здесь имеется весьма много примеров с *u, ü, i* на месте *о, е* в новом закрытом слоге. Надо, конечно, иметь в виду и неточность обозначения, хотя в данной объемистой группе памятников вероятно должно бы было быть несколько случаев. Следует предположить, что окончательное исчезновение дифтонгов произошло до середины XVIII в. Как оно происходило, одновременно на всей языковой области или в разных частях Закарпатья в разное время, зависело ли оно от положения дифтонга, трудно определить. Элемент *о*, вероятно, был слабым или даже очень слабым уже в XVII в., и поэтому имеется так мало данных о написании *uo*. Для возможного уточнения можно привести два топонимических названия бывшего комитата Угоча. Украинское народное название сел Вилак и Вуйгель: *Вӱйлок (Vüjlok)* (Петров Мат. VI. 196) и *Вӱгель (Vüheľ)* (Петров Мат. VI. 196, раньше наверно *Vüjheľ*) происходят из венгерских *Újlak Újhely*. С обоими топонимическими названиями украинцы познакомились еще до XVI в., вероятно, уже в XV в., так как оба села были основаны в XIV в. (Szabó, 505, 511). Венгерские названия в украинском языке получили протетическое *u̯*: *Vujlok, Vujhel'*. Венгерские *о, е* в это время уже не были заменены украинским *u, 'u*. Когда ü-канье распространилось в первой половине XVIII в. в Угоче, названия данных сел в языке ü-кающего населения получили облик: *Vüjlok, Vüjhel'*. Это было возможно потому, что в украинских словах на месте *о* в новом закрытом слоге уже стоял монофтонг *u*, и *u* в названиях *Vujheľ, Vujlok* считалось гласным *u* в новом закрытом слоге и было заменено звуком *ü*. Этому могло способствовать и то, что окружающие *u̯ i̯* сделали *u* закрытым. Данное обстоятельство имело значение лишь тогда, если *u (< o)* произносилось как закрытое *u*, каким характеризовал его и И. Панькевич. Однако объяснение этих топонимических названий надо считать условным, пока не будут выяснены условия перехода др. русск. *u* в укр. *ü* в некоторых случаях в закарпатских говорах, что отражалось и в наших примерах (см. *ü < o, e)*.

*о (< е)*

Как мы отметили при анализе фонетических явлений XIV—XV вв., *е* перешло в *о*, если ему предшествовали *ž, š, č, šč*, и за ним следовал твердый согласный. В качестве дополнения мы приведем несколько примеров 1570: *Jo. Chort*, Szolyva (U et C 53—14) (Čort), 1570: *St. Czornokutz*, Szolyva (Dica) (Čornokoz(yi)), 1572: *Cyornokusz*, Szolyva (Dica), 1576: *Lad. Chornakozy*, Holubina, 1640: *Tissoua* (U et C 53—17) (Tišoua), 1602: *Swertziok*

*Jecko*, Nagy Berezna (U et C 104—8) (Sverčok), 1631: *Csornipotok* (U et C 105—1) (Čornы(i̯) potok) и др.

*ô, ê*

Закрытые варианты *ô, ê* были отмечены и выше. О наличии этих вариантов свидетельствуют буквы *u* или *i*, так как закрытые *ô, ê* были близки к звукам *u, i*, если они не совпадали с последними. Наряду с буквами *u, i* для обозначения *o, e* служили и буквы *o, e*, но они не отличали его от открытых *o, e*. Число данных с буквой *u* на месте *o* значительно, мы приводим лишь несколько: закрытое *ô* (или *u*) под влиянием соседних *u, û, u̯, ô* : 1570: *Clemens Kwzwp*, Kölcsén (Dica) (Kôzup), 1688: *Kutun Stephan ès öregbik Kotun Stephan, Kotun Ivan*, Tisova (U et C 53—43) (Kôtun или Kô(u)tun), 1728: *Prokupuv*, Ticha (U et C 63—36) (Prokôpuu̯), 1667: *Moczan*, 1668: *Muczan*, 1690: *Mulcsan*, Egres (Szabó) (Môučan), 1570: *Simon Charetunowich, Jac. Charetunowich*, Szolyva (U et C 53—14) (Charytônôu̯yč); закрытость *ô* возникает под влиянием мягкого согласного: 1774: *Kôruly Stefán*, Turja Remete урб. табл. (Korôl'), 1682: *Kurulyu Kuzma*, Új Szemere (U et C 88—59) (Kôrôl'u(u̯)), в последнем примере закрытое *ô* влияло на предшествующее *o* и способствовало его закрытости. Интересно тоже отметить, что для обозначения *o* может служить и венгерская буква *ó*, ибо венг. *ó* является закрытым, 1631: *Karóly Ivan, Karóly Stecz*, но: *Karol Ztanko*, Poroskó (U et C 105—1) (Korôl').

Закрытое *ê* часто наблюдается вследствие влияния соседнего мягкого согласного 1602: *Halobith Steth*, Remete (U et C 104—8) (Holubêc'), 1588: *Jac. Kozinko*, Csománfalva (Szabó) (Kozên'ko), 1673: *Zelinko Janos*, Nelepina (U et C 53—19) (Zelên'ko), 1683: *Pitkanovics Ivan*, Nagy Berezna (U et C 88—66) (Pêt'kanovyč), 1673: *Ruszin Fityko*, Alsó Verecke (U et C 53—19) (Fêd'ko). Закрытое *ê* в свою очередь может влиять на предшествующее *e*, 1570: *Lazarus Zylynko*, Paulova (U et C 53—14) (Zêlên'ko); влияет и *u̯*: 1631: *Livka Petro*, Dubrincs (U et C 88—53) (Lêu̯ka).

*ů*

В современных ужанских и земплинских говорах наблюдается открытое *ů* на месте этимологического *u* под ударением (Пань. Укр. гов. 99—100). В документах, написанных латиницей, пишется *o* вместо *u* под ударением 1602: *Rosen Iuan*, Lyuta (U et C 104—8) (Růsyn), 1602: *Kaniok Steth*, Begenyát Pasztély (U et C 104—8) (Kon'ůch), 1773: *Kanyok Ivan*, Nagy Berezna урб. табл.

Кроме того, в ряде примеров нельзя сказать, где было ударение, так как в районе реки Уж уже чувствуется тенденция перехода ударения на предпоследний слог (ср. Пань. Укр. гов. 327—328), такими примерами являются 1602: *Halobith Steth*, Remete (U et C 140—8) (Holůbêc'), *Halobith Pawel*, Remete (U et C 104—8), 1602: *Hritz Paropko*, Mircse (U et C 104—8) (Parůbko), 1773: *Hontaj Vasily*, Nagy Berezna урб. табл. (Hůntai̯).

Согласные

Согласный *dž* (< *d* + *i̯*) можно выявить лишь тогда, если его обозначение отличается от *ž*. Так, в названии села Медвежий на бережской Верховине: 1640: *Medveczi Falu* (U et C 53—17), 1673: *Medvecza* (U et C 53—19), 1688: *Medvecze* (U et C 53—43), 1693: *Medvedze* (U et C 53—23), буквы *cz, cs, dz* свидетельствуют о звуке *dž*. Оно наблюдается не только на бережской Верховине, но и в Сваляве в личном имени 1693: *Pe. Dosdzüvnik*, Szolyva (U et C 53—23), где *dz* передает *dž*. По-видимому, в языке й-кающих переселенцев было *dž* (< *d* + *i̯*), но в юговосточной части комитата под влиянием старого населения оно упростилось в *ž*.

В латинице для обозначения *ы* и *у* одинаково могла служить буква *i*, кроме того, *ы* передавалось на письме буквой *u*. В бережских урбарах иногда за *k* стояла буква *u*, свидетельствующая о звукосочетании *кы* : 1648: *Jakumowich Olexa*, Felső Verecke (U et C 53—18) (Jakымovyč), хотя *Jakimowich Michal* (там же), 1725: *Halyuj Fedor, filius Mikuta*, Léczfalva (U et C 124—7), но в урбарах Ужгородской доминии находим только *ki, ke*, обозначающие *ky*, 1631: *Ivan Miketa* (Mykyta), *Mikitovics Pal, Román Mikitovics*, Uzsok (U et C 10—7) (Mykytovyč), 1728: *Miketuvszka*, Perecseny (U et C 63—36) (Mykytuu̯s'ka) (ср. Пань. Укр. гов. 152—156). Судить об этом явлении по данным записей в церковных книгах трудно, потому что за *г, к, х* следуют разные буквы даже в одной и той же записи. На Верховине совместное употребление *кы, ки* может отражать особенность живого языка в приведенных записях 1708: *до верецкых*, Нжн. Верецки (Сах. 91), 1749: *въ верецкихъ*, Мишкаревица (Сах. 92), 1670: *угорскихъ*, Тишов (Сах. 91), 1759: *Тишанъскии*, Тишов (Сах. 92), 1670: *Княгинѣ*, Тишов (Сах. 91), может быть, на указанной территории было еще и *ky* рядом с *кы* (ср. Пань Укр. гов. 152—153).

В завещании Николая Бенедиковского 1603 г. рядом с *кы, хы*, встречаются и *ки, хи*: *пудливки, поки, дівки, унуки, хижу* (Лелекач 222), *дівки, у . . . хижи, хижа, хижу* (Лелекач 224), *внуки, на вїки* (там же 225), хотя: *кайданувскый, хыжу* и др. (Лелекач 224). Язык грамоты не является единым. В нем отражается влияние западных говоров, так, *š* + *ы* : *шырокая* (Лелекач 222), хотя данное явление редко, кроме того, употребляется и союз *же* (Лелекач 224). Такие черты распространялись с запада. Были ли они характерны тогда для говора села Бенедиковцы, нельзя с уверенностью сказать. Наречие *потым* (Лелекач 222) указывает на лемковский диалект, так что *кы, хы* тоже может быть лемковской чертой писца, а формы с *ки, хи* отражают народный язык села, так же, как и союз *ож*, который тоже встречается (Лелекач 222, 223).

На основании рассмотренных памятников, написанных латиницей, мы не можем судить о степени твердости, а данные памятников, написанных кириллицей, противоречивы. Как отмечено выше, в завещании Николая Бенедиковского находим *š* + *ы* : *шырокая* (Лелекач 222) и *ž* + *u* : *межи* (Лелекач 222), *на чужи(х)* (Лелекач 222), но из этого еще не следует, что *š* + *ы* характеризовало язык села Бенедиковцы, потому что в завещании наблюдается влияние лемковского диалекта: *потым, гварила* (Лелекач 223). По мнению И. Панькевича, сильное отвердение *š, ž* надо приписать влиянию польского языка на лемковские говоры, из которых оно распространилось на иные закарпатские говоры до Латорицы (Пань. генез. 179).

В области явлений групп согласных отметим, что *chto* было распространено на всей Верховине от Мармороша до комитата Унг, по свидетель-

ству записей на церковных книгах XVII—XVIII вв., 1773: *хто*, Обляска (Сах. 96), 1743: *хто*, Иски (Сах. 95), 1731: *нихто*, *ахто*, Верх. Студеное (Сах. 94), 1696: *ахто*, Лазы (Сах. 93), 1670: *ахто*, Тишов (Сах. 91), 1740: *ахто*, Нжн. Верецки (Сах. 91), 1710: *а хто*, Задельское (Сах. 90), 1750: *хто*, Ужок (Сах. 86), до 1752: *ахто*, Ужок (Сах. 84).

Из сочетания *т* + *i̯* развилось *т* + *n'*: 1673: *Mnyacskovics Petro*, Nagy Bisztra (U et C 53—19) (Mn'ačkovyč) и в диалектном названии села Комяты: *Кумнята* < др. венг. *Kumjáth* (Szabó).

*Образование говоров*

Рассмотрев некоторые особенности истории заселения Закарпатья в XVI—XVIII вв., мы зарегистрировали и такие явления, которые относились к числу характерных особенностей отдельных говоров в формировавшейся системе закарпатского диалекта *(о > и, ü, і, кы ~ ку, ӱ* и др.). К сожалению, источники ограничили возможности наших исследований, так что мы не могли высказаться в отношении ряда важных диалектных явлений. Все же на основании данных истории, при помощи данных о языковых явлениях XVI—XVIII вв. и современных говоров, мы позволяем себе сделать несколько замечаний о формировании говоров.

Говоря о говорах XIV—XV вв., мы отметили, что в закарпатской языковой области того времени, которая простиралась в долинах и более низких горных районах, вероятно, проходило меньше изоглосс. Правда, из-за скудости источников нельзя судить о таких возможных изоглоссах, которые не дают о себе знать в памятниках и современных говорах. Мы отметили в числе изоглосс, разделяющих языковую область приблизительно на Латорице, *dž ~ ž (< d + i̯)* и *ку ~ кы*. В XIII—XV вв. нельзя говорить о верховинской и юговосточной (сегодня гуцульской) языковой области, так как их территория была заселена весьма редко.

В XVI—XVIII вв. важным моментом формирования говоров являлось заселение Верховины. Переселенцы с той стороны Карпат, поселившиеся в некоторых из уже существующих и в десятках новых сел, говорили, главным образом, на северных карпатских говорах, которые тоже находились в процессе формирования. Но верховинцы ходили в южные долины на барщину, которая длилась несколько месяцев, администрация комитата и доминии тоже находилась в южных городах и селах. Кроме того, шолтысы сел могли быть южного происхождения. В некоторых селах, основанных еще в XIV—XV вв., жило еще такое население, языковые особенности которого нам неизвестны, но оно, наверно, испытывало влияние южных говоров. Так установилась взаимная связь между верховинскими и южными говорами. По данным современных говоров и памятников можно установить, что влияние южной языковой области на верховинскую проявилось в том, что последняя перенимала от первой такие особенности, которые имеют место в основной линии развития украинского языка, напр., отвердение *š*, *ž* (в Марамороше еще *č*), но в то же время она сохранила такие, которые представляют собой более развитую ступень, напр., *о*, *е* > *і*. Кроме того, верховинцы сохранили формы местоимений *chto*, *ščo* и твердость *-t* на исходе слова в 3-м лице ед. и мн. чисел



настоящего времени. На месте последнего в говорах долин в комитатах Берег, Угоча, Унг и Земплин до Лаборца наблюдается архаическая мягкость *-t'* (Пань. Укр. гов. 310). На Верховине сохранилось *dž (< d + i̯)*, которому в значительной части южной языковой области тоже соответствует *dž*, и только в западной части Берега и в Марамороше *dž* упростилось в *ž*, но оно не могло повлиять на говор верховинцев.

Относительно распределения *кы*, *hы*, *chы* и *ку*, *hу*, *chу* верховинская и южная языковые области представляют в определенной мере сходную картину: *кы*, *hы*, *chы* на Верховине распространено на восток от Подполозья, Ждениева, а на юг от Латорицы. На запад от этой линии наблюдается *ку*, *hу*, *chу*, а на ужанской Верховине на запад от сел Ставное, Старая Стужица, Загорб снова имеется *кы*, *hы*, *chы*, что продолжается и в Земплине вплоть до западной границы украинской языковой области. Кроме того, в бывшем комитате Унг есть определенная территория, главным образом, в долине реки Уж, для которой характерно *ki*, *hi*, *chi* (ср. Пань. Укр. гов. 152—155). На север от Карпат в бойковском говоре тоже имеются вышерассмотренные два звукосочетания типа *кы ~ ку*, но область распространения *кы*, *hы*, *chы* занимает западную, а *ку*, *hу*, *chу* восточную часть территории говора (Пань. Укр. гов. 384). Бросается в глаза, что распределение *кы ~ ку* на Верховине соответствует приблизительно области распространения двух явлений на юге. Это объясняется тем, что в языке верховинских пришельцев на всей Верховине наблюдались смешанно и *кы*, и *ку*, что является причиной (или одной из причин) той пестроты в употреблении *кы ~ ку* в записях в церковных книгах верховинских сел, которую мы видели выше. В процессе становления единого языка на этой территории из двух форм взяла вверх та, которая была поддержана южными говорами и языком населения, жившего там уже раньше.

В XVI—XVIII вв. в население Верховины вливались потоки новых переселенцев постоянно, но не обязательно одинаково интенсивно. Нашими данными о распространении ü-канья и і-канья подтверждается вероятность, что для языка более старого слоя переселенцев в XVI в. и в начале XVII в. было характерно еще u-канье. Позже приходили большие массы переселенцев с *ü (< о)* и затем с *і (< о)*. Мы не можем сказать точно, чем еще отличались языковые особенности приходящих один за другим слоев переселенцев, но выше уже мы отметили *кы ~ chы*. В названии села Медвежий *dž* засвидетельствовано уже в 1640 г., и, вероятно, все слои характеризовались *dž (< d + i̯)* тем более, что для бойковских и лемковских говоров характерно *dž*. Можно предположить, что в ряде других особенностей было тоже сходство в языке притекающих волн северных переселенцев. Не все они приходили из самых близких краев по той стороне Карпат, из области современного бойковского говора, были переселенцы с более далекой территории. Однако их влияние не было значительным, ибо в современных говорах Закарпатья, за исключением гуцульского (т. е. незакарпатского говора) и переходных к гуцульскому говоров, не наблюдается *у (< ы)*, характерное для некарпатских говоров, несмотря на то, что в записях в церковных книгах часто наблюдается замена *ы* буквой *и*, что свидетельствует о пришельцах, пришедших не из северных Карпат. Влияние южных долинных говоров было сильнее

на более старый слой переселенцев, и оно действовало путем непосредственного общения, напр. на барщине, и посредством старого верховинского населения.

Переселенцы с ÿ-каньем дошли и до западной части Мараморошской Верховины, а і-кающие лишь до восточной части. В западной части ужанской Верховины сохранилось u-канье. Многие пришельцы с севера доходили и до долин и горных районов юга и приносили туда такие особенности своего языка, которые представляли собой более высокую ступень в развитии языка. Кроме того, в ходе постоянного общения язык верховинцев тоже влиял на язык жителей долин в том же направлении. Среди таких особенностей, которые южане могли перенимать, были морфологические, напр., более широкое распространение окончаний с *-a-* (дат. п. мн. числа.: *stolam*, твор. п.: *stolami*, местн. п.: *stolach)*, стяженные окончания прилагательных местоимений *(dobra, dobru, dobre)* и др., которые мы здесь не будем рассматривать. Из фонетических явлений надо отметить, что ÿ-канье и і-канье не распространилось на бо́льшей части южной языковой области от Марамороша до Земплина. Причина этого, как мы видели выше, заключается в том, что южные говоры имели лишь очень слабый контакт с остальными украинскими говорами, особенно с середины XV в. до середины XVI в., и дифтонг *uo* на месте *o* в новом закрытом слоге не дошел в своем развитии до той степени, на которой он мог бы органически развиваться дальше в ÿ-канье и і-канье под влиянием новых внешних импульсов, так что влияние ÿ-кающих переселенцев не привело к его изменению, ÿ-канье распространилось только в бережско-угочанском говоре. По-видимому, переселенцы, переходящие через Веречанский перевал, в большом числе спустились в долину Латорицы и дальше на юг потому, что население этой территории поредело сильнее остальных, как мы видели выше при очерке истории заселения. Центром освободительной войны под предводительством И. Тэкели была мукачевская крепость, которую долго осаждали немецкие наемники. Они грабили население, сжигали села. Правда, они нигде не щадили населения, но тут они стояли долго, и большая часть комитата была имением И. Тэкели, а крепостные И. Тэкели были защитниками крепости. После поражения многие верховинцы и северные переселенцы приходили на место погибшего населения, а на Верховине их место заняли новые пришельцы. Во время освободительной войны под предводительством Ф. Ракоци население бережских долин снова сократилось и было пополнено верховинцами. Таким образом стало ÿ-канье господствующим в конце XVII в. и в первой половине XVIII в. в западной части Берега, в западном Марамороше и в северной части комитата Угоча. В западной части комитата Берег население было пополнено путем западного переселения.

О языковых особенностях ÿ-кающего населения у нас нет вполне ясной картины, но имея в виду данные современных говоров и памятников, можно кое-что установить. Сегодня особенности бережско-угочанского говора с *ü* (< *o, e)* частично сходятся с особенностями бережско-ужанского говора: сохранение мягкого *č'*, мягкого *-ť* на исходе слова в 3-м лице ед. и мн. чисел настоящего времени, а частично сходны с чертами южномараморошского говора: *kы, hы, chы* (архаическая черта), упрощение *dž* в *ž*.



Выше при анализе развития верховинских говоров мы видели, какие черты характеризовали язык северных переселенцев, среди них мы отметили мягкость *č'*. Мягкие *ž', š'* в языке верховинцев отвердели, но трудно сказать точно когда, может быть, у ÿ-кающего населения в конце XVII в. и в начале XVIII в. *ž, š* были еще мягкими, и они отвердели на юге. В числе особенностей северных переселенцев мы отметили и *dž*, которое на юге упростилось в *ž*. Мы предполагали, что в отношении распространения *kы, hы, chы* и *ky, hy, chy* в языке населения Верховины только позже, под влиянием южных говоров, установилось то единое распределение, которое наблюдается теперь. Существовало ли современное распространение *kы* ~ *ky* на Верховине уже в конце XVII в. и в начале XVIII в., трудно сказать. Вероятнее всего, оно еще не было вполне единым, и формы с *ky, hy, chy* могли еще сохраниться и на юге, пока они не исчезли. На ÿ-кающее население, которое спустилось в бережские долины, южные говоры влияли уже раньше, пока они были на Верховине, а потом при слиянии с имеющимся населением они испытывали новое влияние. Лишь результату второго влияния надо приписать упрощение *dž* в *ž* и обобщение мягкого *-ť* на исходе слова в 3-м лице ед. и мн. чисел настоящего времени глаголов, так как на Верховине и в большинстве бойковских говоров *-t* твердое, и если оно и не было характерно для языка всех переселенцев, то у большинства оно бытовало (ср. Пань. Укр. гов. 349, 387).

На бережско-ужанской языковой области в XVI—XVIII вв. оформились такие явления, как *y* (< *ы), ů* (ср. выше с соответствующими данными). Сохранение архаических особенностей: *dž* (< $d + \underset{\circ}{i}$), *-ť* на исходе слова 3 лица ед. и мн. чисел настоящего времени глаголов не нуждается в комментарии. О звукосочетаниях *ky, hy, chy* ~ *ki, hi, chi* говорилось уже выше.

Часть Земплина, находившаяся на восток от Лаборца, принадлежала, главным образом, Гуменняской доминии, она экономически и административно была связана с центральной частью комитата Земплин, там были учреждения комитата и доминии, и туда ходили крестьяне на барщину. Но самая восточная часть лежала в водосборном бассейне реки Уж, и она имела связи с долиной Ужа. (Села Убля, Улич встречаются иногда в урбарах Ужгородской доминии.) Такое положение объясняет то, что на той территории возникла переходная полоса между среднезакарпатскими и лемковскими говорами. Кроме того, часть украинского населения имела постоянную связь со словаками, и некоторые особенности соседних восточно-словацких говоров могли укорениться и в языке украинцев, например, форма возвратного местоимения *sa* (Пань. Укр. гов. 349). Языковые черты данной области мы не рассматриваем, потому что мы не располагаем данными об их формировании, отметим лишь некоторые из них: в верховинской полосе сохраняется *kы, hы, chы* (ср. Пань. Укр. гов. 349), что, вероятно, является результатом заселения XVI—XVII вв. и объясняется сохранением севернокарпатской черты. В восточной части Земплина до Лаборца мы не нашли следов ÿ-канья и і-канья в дикальных переписях XVI—XVII вв. и в некоторых урбарах XVII в. В переписи 1696 г. не засвидетельствованы *ü* (< *o, e), i* (< *o, e)*. Однако мы исследовали сравнительно мало источников, и отсутствие ÿ-канья и і-канья может объясняться тем, что конскриптор не отметил или заменил

8*

новые формы, с чем мы не раз встречались в документах комитата Берег. В XVII в. в памятниках, написанных кириллицей, мы тоже нашли u-канье на той территории, где сегодня имеется *i* (< *o*), например, 1697: *Гаврила Бакув* (П I. 185). Однако в Шарыше уже в записи 1600 г. встречается *ю* на месте *о* в новом закрытом слоге: *мюр*, Петрова (Яв. 191), что может свидетельствовать об *ü*. В книге Панькевича находим данные с *ü* XVII—XVIII вв. из западного Закарпатья (Пань. Нарис 85—87).

Территорию между реками Уж и Цирока из переселенцев XVI—XVII вв. занял слой с *и* (< *о*), и он остался в большинстве. Область между Цирокой и Лаборцем сегодня характеризуется і-каньем и лемковскими чертами (ср. Пань. Укр. гов. 350).

Как мы уже отметили в очерке заселения, рядом с переселением с севера на юг значительным было и переселение с запада на восток. И. Панькевич данный вопрос рассматривает в двух статьях: „До питания про класіфікацію південно-карпатських говорів межи Латорицею і Боржавою" и „Нові історичні дани до висвітлення деяких українських діялектних явищ в був. жупі Угоча". И. Панькевич приписывает влиянию западных говоров отвердение *š*, *ž* до такой степени, что после *š* вместо *у* произносится *ы* (Пань. Лат.-Борж. 12 и ср. с данными записей в церковных книгах сел Колоница, Клокочово из XVIII в. (П I. 138)), и распространение некоторых морфологических явлений, которые мы здесь не рассматриваем. В закарпатских лемковских говорах сильное отвердение *š*, *ž* появляется под влиянием польского языка (ср. Пань. генез. 179—180), а оттуда оно распространяется на восток в остальные говоры.

Современные черты фонетической системы южномарамарошского говора засвидетельствованы уже в Няговских Поучениях XVI в., но ее развитие нам ясно не во всех отношениях. Так, например, неизвестна судьба дифтонга *uo*, который ни разу не засвидетельствован в памятниках. Вероятно, однако, что вышесказанное о судьбе дифтонга относится и к Марамарошу. Выше уже говорилось об особенностях данного говора: *u* (< *o*), *'u* (< *e*), *ž* (< *d* + *i̯*), *kы*, *hы*, *chы*, твердое *č*, *-t* на исходе слова в 3-м лице настоящего времени глаголов. Но мы должны рассмотреть те изменения, которые происходили в XVI—XVIII вв. в юговосточной части Марамороша, где укоренился новый незакарпатский говор, гуцульский, и под его влиянием на основе южномарамарошского говора возникла полоса переходных говоров.

Гуцульский говор характеризуется такими фонетическими особенностями, как: *ы*, *у* > *ye* : *ryeba*, *robyetye*, *o*, *e* > *î* : *k'în'*, *n'îs* (< *neslъ*); *'a* > *ê* : *ž'êl*, *robi̯ê* (< robi̯at); *š'*, *ž'*, *č'* сохраняют свою мягкость; *t*, *d* + *i* (< *ě*) > *g'*, *k'*: *d'îdo* > *gîdo*, *t'îsto* > *k'îsto*, отвердение *s*, *z* и *c* в суффиксе: *ses*, *kriz*, *kupec* (Пань. Укр. гов. 343). Переходные говоры сел реки Рускова: Русково, Русь Кривый, Рус Поляна; села около Сигота: Луг, Малый Бычков, Великий Бычков, Крачуново, Вышняя Руна, Миково и частично Кобылецкая Поляна, Верхнее Водяное и Водица характеризуются наличием определенных гуцульских черт (ср. Пань. Укр. гов. 344—345).

Из современных гуцульских сел лишь Рахов был основан в XV в., остальные возникли в XVI—XVIII вв. или позже. Так, во второй поло-



вине XVI в. засвидетельствованы только Ясиня и Требушаны, в середине XVII в. появляются Квасы, Рахово, Росошка, а в конце XVII в. Белый Поток. В Лексиконе 1773 г. не засвидетельствован еще ряд гуцульских сел: Белин, Красный, Быстрый и др. (ср. Lexicon). Большинство сел с переходными говорами основано в XIV—XV вв., и только под влиянием более позднего заселения и общения с гуцулами распространились в них гуцульские особенности (ср. с очерком заселения).

Из-за скудости памятников трудно установить, когда сформировались особенности гуцульских говоров и гуцульские черты переходных говоров. В записях в церковных книгах И. Панькевичем отмечено *и* на месте *ы* в записи 1646 г. в селах Требушаны — Белый Поток (П III. 6); в записи 1683 г. в селе Рускова Поляна (П II. 5), в 1692 г. в селе Рускова (П II. 5), в 1669 г. в селе Леордина (П I. 145), в 1715 г. в селе Косовская Поляна (П II. 5), и в ряде позднейших записей (ср. П I. 137, П II. 5). На месте *о*, *е* в новом закрытом слоге засвидетельствовано *і* в 1758 г. в записи сел Требушаны — Белый Поток (П III. 6). В Лексиконе 1773 г. находим *і* (< *о*) в следующих топонимических названиях: *Rahiu*, *Kostilszky Rahiu*, *Polyana Kosziuszka* (в Лексиконе вместо *u* имеется *n* из-за неправильного чтения), но: *Roszucska* (Lexicon 136). Кроме того і-канье наблюдается в записках крестьян 1781 г. в селах Ясиня, Квасы, Рахов. В топонимических названиях: *Jaszenye* (Lexicon 136), *Kuhnye* (Lexicon 132) наблюдается *е* (< *'а*).

Из приведенных данных ясно, что значительная часть особенностей современных гуцульских говоров существовала уже во второй половине XVIII в., а в некоторой степени даже чувствовалось их влияние на переходный говор в долине реки Русковы. По мнению И. Панькевича, говор района реки Русковы уже давно отличался определенным переходным характером; он был близок к говорам по той стороне Карпат, особенно к говору реки Черемош (ср. Пань. Укр. гов. 344).

## 4. О МЕСТЕ ВОСТОЧНОЗАКАРПАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПИСЬМЕННОСТИ XVI—XVII ВВ.

Для понимания особенностей языка анализируемых памятников надо коротко определить их место в письменности Закарпатья XVI—XVIII вв.

Развитие закарпатского варианта украинского литературного языка было исследовано Г. Геровским (G. Gerovskij, Jazyk Podkarpatské Rusi), Фр. Тихим (Fr. Tichý, Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi) и недавно И. Панькевичем (Закарпатський діалектний варіант української літературної мови). Следует отметить еще работу Ю. Я. Яворского о месте и значении Закарпатья в восточнославянской письменности (Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности).

Условия для развития закарпатской письменности для формирования закарпатского варианта литературного языка были крайне неблагоприятствующими. Украинское крестьянство, а до унии и украинское духовенство, было крепостным. Слой мелкого дворянства был небольшой и бедный. Отсутствовали элементарные материальные условия для развития культуры, литературы. Не было возможности печатать книги.

О закарпатской письменности до XVIII в. нельзя создать точное представление, потому что во время войн было уничтожено много книг и рукописей, а среди них могли быть и ценные памятники. Немецкие наемные армии, которые грабили и сжигали города и села Закарпатья, не щадили и церквей. Так, в мукачевской записи в церковной книге читаем следующее: 1703: *цр̃квъ вароску и росвиг'овску розбили, варош запалили из сеи книги листя повуръзовали,* Мукачево (П I. 163).

При рассматривании письменности мы ее делим на две части: деловая письменность и памятники литературы.

К деловой письменности относятся издания главных государственных учреждений, бумаги комитатов и сел, письменность доминий, административные документы церкви, грамоты, завещания, письма, записи в церковных книгах отдельных лиц.

После битвы под Могачем единое центральное венгерское государство уже не существовало. Закарпатье принадлежало Венскому двору. Насколько нам известно, центральные учреждения Габсбургов в XVI—XVII вв. не издавали деловых документов на украинском языке. Во время освободительной войны под руководством Ф. Ракоци на краткое время были созданы центральные учреждения венгерского государства. Из этого времени происходит «Прошение русских села Инота» в Государственном Архиве в Будапеште (Rákóczy szabadságharc levéltára, Szláv nyelvű iratok), написанное на словацком языке с значительным количеством чешских элементов. Однако крестьяне, от имени которых оно было написано, могли быть и украинцами. Оно свидетельствует о том, что к князю можно было официально обратиться не только на венгерском, но и на языках других народностей. Князь Ф. Ракоци и его полководец М. Берчени владели украинским языком. Они вели переговоры с русскими послами в Венгрии на украинском языке, а послы князя при переговорах в Москве тоже пользовались украинским языком. (Любезное сообщение Й. Перени.) Австрийское государство употребляло украинский язык только в 60-х и 70-х годах XVIII в., когда Печатный Урбар был переведен и на украинский язык. Оно издало распоряжение, чтобы конскрипторы в комитатах, населенных украинцами составляли урбариальные записи на украинском языке. Однако урбариальные записи были написаны на украинском языке лишь в комитатах Мараморош, Берег и Угоча. Во время царствования Иосифа II. были изданы переводы закона 1787 г. и Указа о крепостных, язык которых далек от народного языка.

В письменных документах комитатов мы не нашли бумаг, написанных на украинском языке, кроме урбариальных записей и записок крестьян комитата Мараморош о неимении жалоб на помещика 1781 г., составленных по королевскому указу. Урбариальные записи были написаны чиновниками комитата по указаниям королевского комиссара, а записки крестьян — местными грамотными людьми (ср. Петров Мат. V).

Документов, составленных самоуправлением сел, довольно много, часть их отмечена при том учреждении, по распоряжении которого он составлен (так, например, выше мы видели записки крестьян), а большинство таких бумаг составляют записи в церковных книгах, которые написаны от имени общины. В них говорится о покупках книг и об их судьбе.



Администрация доминий (урбары и др.) велась на латинском, венгерском или немецком языках. Ясно, что приказчикам доминии приходилось говорить с крестьянами на украинском языке, если они не знали венгерского языка, но в письменности осталось лишь мало следов употребления украинского языка. Таковыми являются: грамота Софии Батори 1674 г., изданная Э. Балецким, грамота Марии Варади 1715 г. (Петров Мат. IV. 47), Марии Терезии Шенборн 1748 г. (Марков 142—143).

Из письменности закарпатской православной и униатской церкви до нас дошел ряд документов: переписка епископа М. Ольшавского, изданная А. Годинкой, неизданная протокольная книга мукачевской епархии середины XVIII в., проанализированная У. Я. Едлинской; в хрестоматии Э. Сабова опубликован ряд документов: облеченки епископов Волошиновского, Блажовского, Ольшавского, Бачинского и др. Кроме того, изданы протоколы канонических визитаций 1750—1767 гг., грамоты монастырей (П III., Лелекач) и др. Записи сельских священников в церковных книгах, в метриках часто трудно отделить от записей частных лиц.

До нас дошли грамоты, исходящие от отдельных лиц и много записей в церковных книгах (П I., II., III., Яв., Сах.). В последних говорится о покупке книг, кому они принадлежат, но в них часто отмечаются и события села и всей страны.

В деловой письменности отражается закарпатский народный язык, ведь ее надо было писать на таком языке, который народ понимал. Особенности народного языка определяются местом составления грамот, записей в церковных книгах, записок крестьян, писем и т. д., так как они часто были написаны местными грамотными людьми. Однако деловые бумаги часто были составлены не местными людьми, и даже не закарпатцами, так что они мало или вовсе не отражают язык места возникновения. Чиновники, священники, монахи происходили из других областей. В Закарпатье работало много галичан, которые более или менее сохраняли свои языковые черты, но усвоили и некоторые закарпатские особенности. Поэтому в грамотах, записях в церковных книгах можно обнаружить черты разных говоров, не только говора места написания.

В другой большой группе деловых памятников, в урбариальных записях тоже нельзя отождествить говор села с языком документа. При их анализе еще в большей мере надо иметь в виду языковые особенности конскриптора, который был чиновником комитата и мог говорить на говоре села, но часто говорил на другом говоре того же комитата или иного комитата, а нередко в его языке смешивались особенности разных говоров.

В документах, связанных с известными лицами, как, например, письма епископа М. Ольшавского, отражаются черты того говора, на котором он говорил, хотя такие люди, которые побывали в разных местах, не сохраняют в чистоте особенности языка своего родного села.

Печатные официальные документы, как, например, Печатный Урбар, с точки зрения языка не бывают едиными. С одной стороны, тот, кто их писал, не обязательно говорил лишь на одном говоре, с другой стороны, уже готовый текст исправляли другие, так что в ходе печатания в текст могли попасть чужие диалектные элементы.

Кроме элементов народного языка в грамотах, записях и других памятниках, написанных кириллицей, часты особенности, обороты церковнославянского и литературного языков того времени, которыми пользовались грамотные люди, знающие язык и стиль украинской деловой письменности и литературных памятников, и для того, чтобы сделать стиль более официальным и авторитетным.

Грамоты и записи в церковных книгах возникли на всей территории Закарпатья, и едва ли можно говорить о господствующем положении одного из говоров. Документы, связанные с урбариальной реформой, были составлены на украинском языке лишь в комитатах Мараморош, Берег и Угоча. Украинский Печатный Урбар употребляли тоже только в комитатах Мараморош и Берег. В комитате Унг и на запад от него урбариальные документы были написаны на словацком языке вместо украинского; для крестьян этой области издавались словацкие Печатные Урбары. В письменности урбариальной реформы отражаются восточные закарпатские говоры, но, кроме того, в них наблюдается влияние западнославянских языков и западнозакарпатских говоров.

В письменности центральных учреждений церкви не могло не оставить следы то, что в XVIII вв. во главе епархии стояли епископы западнозакарпатского происхождения, которые вносили особенности своих говоров в письма, документы. Не исключена и возможность того, что из западных комитатов, которые раньше приняли унию, переводили попов на восток, что могло воздействовать и на язык деловой письменности на востоке.

*

В своей статье о закарпатском варианте литературного языка (Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII—XVIII вв.) И. Панькевич характеризует язык рассматриваемых и нами памятников литературы, определяет их место в литературном языке того времени и устанавливает, в какой мере отражается народный язык в данных памятниках. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими замечаниями.

В XVI в. во всей Европе происходит формирование литературы на народном языке. Борьба за и против реформации показала, какое огромное значение имеет слово, понятное для народных масс, каким острым оружием является оно в руках умеющих пользоваться им. В XVI—XVIII вв. во всем украинском литературном языке наблюдается использование народного языка в качестве литературного языка все в большей мере. Используя народный язык, автор Няговских Поучений, с одной стороны, включился в прогрессивную струю православной церкви, с другой стороны, он сделал для себя вывод на основании религиозной борьбы в Венгрии. Употребление народного языка удовлетворяло самое естественное требование народа: крестьяне хотели, чтобы с ними говорили на понятном языке, чтобы они могли обдумать сказанное. Простые люди не хотели жить больше в темноте, в которой оказались в период феодализма. Правда, наверно, уже и раньше сельские священники пользовались народным языком, если они не имели готовых поучений на евангелие. Однако сознательное применение народного языка обозначало больше.



Народный язык у автора Няговских Поучений уже не представляет собой терпимое зло, которое по возможности надо избежать, но орудие, которое надо развивать и шлифовать. В этом и заключается большая заслуга автора Няговских Поучений. Употребление народного языка, однако, принесло с собой ряд проблем: для отвлеченных религиозных понятий в народном языке не было терминов; для более грамотных людей слова книжного языка были более обычными, а народные слова казались странными, так что применение народного языка у разных авторов было далеко не последовательным. Автор Няговских Поучений употребляет народный язык с замечательной для того времени последовательностью.

Закарпатские переписчики разных сборников и учительных евангелий тоже чувствовали необходимость того, чтобы сказанное и написанное ими было понятным для простых людей. Но они не старались последовательно «перевести» на свой говор оригинал, написанный на литературном языке того времени. Они переделывали оригинал лишь настолько, чтобы он был понятным. Они сохраняли обычные им слова, выражения, обороты книжного литературного языка особенно тогда, если заменить их народными было нелегко, так что из оригинала попадали в тексты разные фонетические, морфологические явления, чуждые их говору.

В закарпатской литературе оригинальных произведений немного, причем большинство литературных памятников составляют копии и переработки незакарпатских оригиналов, которые историк языка должен рассматривать с осторожностью. Их данные надо сравнивать с данными оригинальных закарпатских произведений. Данную группу представляют Углянский Сборник «Ключ», Углянское Учительное Евангелие, Сокирницкий Сборник, Сборник попа Игнатия, о языковых особенностях которых И. Панькевич информирует нас в указанной статье. Все они возникли в Марамороше в XVII в. Вероятно, влияние Няговских Поучений сказывается в довольно богатой мараморошской письменности XVII в., которая характеризуется ясной тенденцией к употреблению народного языка, тем более, что автор Няговских Поучений был известным человеком того времени, потому что он читал проповеди и для священников, и одна из проповедей содержится и в Углянском Учительном Евангелии.

Сочинения М. Андреллы были написаны человеком иного типа и в иное время. Это был период унии, т. е. религиозной полемики и ожесточенной борьбы. Церковнославянский язык был важным звеном, связывающим славянские церкви. Он связывал и преследуемую украинскую церковь с остальными церквами. В полемике острым оружием является его богатый и развитый словарный состав. Кроме того, были и такие, которые не считали народный язык достаточно возвышенным для того, чтобы на нем проповедывать. Употребление народного языка в литургии считалось страннным. Под влиянием таких соображений М. Андрелла не пользуется народным языком, что, однако, не обозначает, что формы и обороты народного языка в его произведениях не встречаются на каждом шагу. М. Андрелла спорил с людьми, знающими книжный литературный язык, но старался убедить не только или не столько их, а прежде всего простых священников и грамотных людей, которые и были его настоящими читателями.

Эти памятники представляют собой важнейшие жанры закарпатской литературы XVI—XVIII вв., а именно: учительные евангелия и полемические сочинения. Сборники содержат разные по жанру произведения, среди которых наиболее важными являются повести с разнообразным содержанием. С точки зрения исторической диалектологии следует обратить внимание на то, не вызывают ли жанровые особенности определенные различия в области фонетических, грамматических и лексических явлений. Кроме того, независимо от жанра наблюдается существенная разница в языке памятников в зависимости от того, является ли он оригинальным, копией или переработкой, и какими языковыми средствами желает пользоваться автор, насколько оригинален и индивидуален его стиль.

Все эти произведения возникли в восточной части Закарпатья. Оппозиция по отношению к унии и борьба с нею красной нитью проходят через все восточнозакарпатские произведения XVII в. Однако в лагере унии в области литературы с ними никто не боролся. Литературы, поддерживающей унию, не было. У М. Андреллы в закарпатской литературе не было противника. Это объясняется тем, что приверженцы унии не полемизировали со своими противниками орудием литературы. Они избегали подобный вид дискуссии. Несмотря на то, что пока не написана история закарпатской украинской литературы и закарпатского варианта литературного языка XVI—XVIII вв. на уровне современной науки на основе детального анализа отдельных памятников, все же, на основе современных сведений с полным правом можно утверждать, что Няговские Поучения и произведения М. Андреллы занимают важное место в истории литературы и литературного языка Закарпатья.

Та группа мараморошских памятников, лучшим представителем которой являются Няговские Поучения, представляет собой направление, характеризующееся употреблением народного языка в литературе, ибо в ней отражаются особенности говоров. К сожалению, в литературном языке данная тенденция ослабла в XVIII в. После окончательной победы унии в закарпатской литературе наблюдается упадок.

*

В дальнейшем мы рассматриваем фонетические и грамматические особенности южномараморошских Няговских Поучений. Они были созданы тогда, когда еще не оформилась современная система говоров Закарпатья. Не было еще гуцульского говора, бережско-угочанского говора с *ӥ* (< *o*), а верховинский говор только начал формироваться. Поэтому Няговские Поучения можно рассматривать как памятник старого восточно-закарпатского говора, хотя их некоторые особенности нельзя считать обще-восточно-закарпатскими. Произведения М. Андреллы и группа мараморошских памятников XVII в. возникли тогда, когда современная система закарпатских говоров только что начала формироваться. Они содержат данные о бережских и мараморошских долинных говорах. Урбариальные записи были составлены во второй половине XVIII в., когда современная система говоров Закарпатья уже оформилась. Они содержат материал о верховинском, южномараморошском, бережско-угочанском и бережско-ужанском говорах.



# II. ЯЗЫК НЯГОВСКИХ ПОУЧЕНИЙ

## 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Европе в XVI—XVII веках происходили большие религиозные движения и ожесточенные дискуссии по вопросам религии. В этих движениях выражались стремления широких народных масс к изменениям в общественном строе, стремления к национальной независимости. XVI век был эпохой крестьянских войн в Германии, войны голландцев за национальную независимость. В XVI—XVII вв. и на Украине, и в Венгрии народные массы боролись за свою независимость, велись продолжительные, вспыхающие вновь ожесточенные войны за свободу, а вместе с тем и за свободу вероисповедания.

В эту эпоху религиозная литература была важнейшим видом литературы. Переводы библии, большая полемическая литература значительно способствовали формированию и развитию литературного языка. (Достаточно сослаться на перевод библии Лютера.) В полемике огромное значение получило живое, народное слово, хорошо понятное для широких масс.

Им воспользовались вначале протестанты, а потом и католики. Его значение стало очевидным. На Украине в середине XVI в. появились первые переводы Библии на народный язык: Пересопницкое Евангелие, Креховский Апостол и др., большое распространение получили учительные евангелия, а в конце века вокруг унии развилась широкая полемическая литература. В Закарпатье в этот общий поток украинской литературы вливаются Няговские Поучения на евангелие (сокращ. НП). Их автор, имени которого мы не знаем, прекрасно понимал значение народного языка и старался писать на нем. Его произведение с точки зрения языка весьма ценно. Няговские Поучения были довольно популярными в то время, потому что одна из проповедей была прочитана священникам, а кроме того, один из его списков сохранился в селе Текове в Угоче (Gerovskij 485), переписанный на диалекте с *ӥ* (< *o*, *e*), и одна проповедь сохраняется и в Углянском Учительном Евангелии. Понятно, что значение Няговских Поучений было ограничено тем, что они были созданы в далеком закарпатском селе на архаичном диалекте. А кроме того, НП возникли еще до унии, и в них отсутствует полемика. Их автор, как установил А. Петров (Петров Мат. VIII. 101), был противником католицизма и, оставаясь в основном верным православию, в некоторых вопросах был близок к кальвинизму. Но, так как в Венгрии борьба шла только между протестантами и католиками, автор оставался в стороне. Склонность автора к протестантизму в некоторой степени также могла ограничивать популярность Няговских Поучений. Как видно из позднейших замечаний, читатели считали слишком смелым и неправильным такое последовательное применение народного языка в религиозной литературе (Петров Мат. VIII. 7). В Закарпатье, как и на всей Украине, народный язык не стал литературным языком, хотя он все более отражался в литературном языке.

Несмотря на то, что мы не знаем имени автора и его жизненного пути, все же по его работе можем определить его взгляды на некоторые вопросы. А. Петров уже разбирал его отношение к протестантизму, мы хотели бы отметить только то, что автор как будто бы применил рациональное зерно протестантизма. Он признает важность народного языка, суть богослужения видит в понятном объяснении евангелия. Он стремится влиять прежде всего на разум. Не случайно встречается у него так часто союз *чом* 'потому что'. Автор обращает меньше внимания на обряды, на их объяснение, так как они были мало понятны, трудно объяснимы народу. О его мнении об общественных вопросах можно тоже кое-что узнать из его замечаний. По поводу притчи о богатом юноше он излагает мнение, принятое в православной церкви того времени. Богатство иметь разрешается, ведь многие святые были богатыми, только его нельзя ставить выше веры. При этом он высказывается против злых панов: «*Айно, котрыи суть и теперь панове, што суть безумныи, немилостивныи*» 102б, (Бог) «*что бы усокотивъ . . . выдъ злого пана на сюмъ свѣтѣ, что суть на насъ изъ досадами великыми и хотятъ нас обернути выдъ правды и удержати*» (Петров Мат. VIII. 49), да не только против панов, но и против бездушных газд (т. е. крестьян-хозяев), которые выгоняют своих слуг, если они больны, не работоспособны: «*не гнавъ его изъ хыжѣ, за што бывъ бетѣженъ, якъ теперь чинятъ многы, что ся называютъ хрестяне, та докудъ здоровъ слуга, та може робити, а овунъ добръ, тай удяченъ, а якъ ся розъболитъ слуга, а казда его ненавидитъ, тай не спомагаетъ нѣчимъ*» 97а.

Кроме того, из разных замечаний автора явствует, что он сам презирал стремление обогатиться, властолюбие, которые развращают человека и всю церковь. Он осуждает тех, которые «*гадаютъ ажъ чл҃вѣкъ тото невиноватый, тай безъ грѣха, кто естъ богатый*» 67а.

Не подлежит сомнению, что автор Няговских Поучений любил и высоко ценил народный язык, который он считал достойным того, чтобы на нем писать литературные произведения.

Когда мы читаем Няговские Поучения, перед нами встает образ человека, который сам презирал богатство и властолюбие, осуждал насилие богатых над бедными и требовал гуманного отношения к людям; любил свой народ, его язык и обычаи. О вопросах религии во многих отношениях он был рационального мнения. Автор НП принадлежал к числу образованных и благородно мыслящих людей своего времени. Он не случайно был популярным в свое время, и его произведения были переписаны почти 200 лет спустя, несмотря на то, что переписчик не во всем был согласен с ним.

Няговские Поучения занимают важное место в истории украинской литературы в Закарпатье, ими немало занимались историки литературы и литературного языка, но более подробному и многогранному лингвистическому анализу они еще не были подвергнуты. Уже В. Ягич в своей рецензии об издании А. Петрова (сокращ. Ягич), занимался вопросами фонетики и некоторыми вопросами морфологии. Г. Геровский (Gerovskij 483—486), Ф. Тихий (Tichý 10—11) сделали несколько замечаний, главным образом, о словарном составе памятника. Полный словарь НП опубликован нами (Л. Дэже, Материалы к словарю закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв. Будапешт, 1965).



Няговские Поучения дошли до нас в позднейших списках. Они были названы няговскими Ф. Тихим (Tichý 10) потому, что общеизвестный и изданный А. Петровым список был найден в мараморошском селе Нягове. Этот список является довольно поздним (1758 г.). Как уже отмечено выше, есть и другой, более ранний список конца XVII в., найденный в селе Теково, в бывш. комитате Угоча (Gerovskij 485).

Из-за отсутствия датировки или указания на конкретные исторические события, время написания Поучений можно установить только при помощи данных языка, правописания, имея при этом в виду содержание памятника.

О языковых данных мы будем говорить позже. Правописание дает очень мало определенного. А. Петров ссылается на то, что обозначение заднеязычного *g* при помощи *к* в заимствованных из венгерского словах отражает черту венгерского правописания XVI в. (Петров Мат. VIII. 27). Но А. Петров относит памятник ко второй половине XVI века, прежде всего, на основании идейного содержания памятника. На основании работ А. Петрова кажется несомненным, что автор во всем существенном остался верным православной церкви и был против католической церкви, и если бы Поучения были бы написаны после унии, автор отозвался бы о ней (Петров Мат. VIII. 30), и едва ли можно предположить, что весть об унии в Польше не дошла до автора, который был образованным и начитанным человеком.

Довольно чистый народный язык памятника не противоречит такому предположению. Автор, вероятно, был знаком и с полемической литературой XVI в. на венгерском языке и на деле мог убедиться в том, какое значение имеет проповедь на родном языке, и поэтому он сознательно употреблял народный язык.

При анализе языка памятника, ввиду того, что он является необходимым для определения времени написания, явления Няговских Поучений мы сравниваем с данными Углянского Ключа XVII в., который является переделкой на южно-мараморошский говор незакарпатского оригинала, написанного на литературном языке того времени (сокращ. УК). Кроме того, приводим данные определенных частей Углянского Учительного Евангелия XVII в. и Сокирницкого Сборника начала XVII в.

При рассматривании некоторых явлений для сравнения приводим данные иных украинских памятников незакарпатского происхождения: галицко-волынских грамот по работам В. Демьянчука (сокращ. Дем'янчук) и В. Курашкевича (сокращ. Kuraszkiewicz) и памятников XVI в.

Наш разбор охватывает не в одинаковой мере отдельные стороны языка. Фонетический строй языка мало изменился с того времени, поэтому мы им занимаемся меньше, а больше внимания уделяем морфологии, так как в этой области имеется больше изменений.

## 2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Фонетические явления памятника свидетельствуют о том, что звуковой состав южномараморошского диалекта с того времени сравнительно мало подвергался изменению. Важнейшие фонетические процессы до тех пор

уже завершились. Поэтому мы не ставили себе целью дать подробную характеристику фонетики Поучений. Мы рассматриваем только отдельные явления, сравнивая их с современным состоянием языка тем более, что В. Ягич в своей рецензии довольно обстоятельно занимался фонетическими явлениями памятника.

Правописание памятника, в основном, соответствует украинскому правописанию XVI—XVII вв. Фонетические особенности живого народного языка довольно последовательно передаются на письме: так, например, *у* на месте *о* в новом закрытом слоге, *ю* из *е*, *в* в конце слова на месте *л* и т. д.

И в отношении языка, и в отношении правописания цитаты из Библии мало сохраняют свой книжный характер, так как автор старался переделать их на народный язык. Все же мы редко берем примеры из цитат, а если берем, отмечаем их знаком * перед цифрой листа. При локализации данных сокращение НП опускается.

Свидетельством того, что в это время уже существовало закытое *ô*, служат довольно частые написания *у*, *ю* там, где надо было бы писать *о*, при том, как оно уже было отмечено Г. Геровским (Gerovskij 486), примеры с *ю* вместо *о* настолько многочисленны и последовательны, что об описках не может быть речи, сравни: *у* на месте *о*: *Христовуму* 41б, *вѣрую* 31б (твор. п. ед. ч.), *нашуму* 178б, *котруму* 233а; *ю* на месте *о*: в твор. п. сущ. муж., сред. р.: *отцюмъ* 50б, *здоровюмъ* 71а и др., а есть и параллельные примеры с *о*: *отцомъ* 227б, *обычаомъ* 220а.

В. Ягич в своей рецензии подробно занимался вариантами *о,е* в новом закрытом слоге, привлекая данные современных говоров (Ягич 499—500). Поэтому мы этот вопрос рассматриваем очень коротко. Из *о* в новых закрытых слогах, как правило, развилось *у*: *пушовъ* 154б, *вутцю* 43а, *нучъ* 7б. Однако на месте приставки и предлога *отъ* мы находим рядом с *вуд* ~ *вут*: *вудъ* 5а, *вуткупил* 45б, в преобладающем большинстве случаев *выд*: *выддаляютъ* 5а, *выдъ* 3а и др. Такое явление наблюдается и сегодня (Пань. Укр. гов. 70—71). В начале слова перед *у* < *о* протетическое *в* часто не ставится в таких словах, как, например, *уцямъ* 79б, *усляти* 42б, но: *вусля* 42б, *утця* *30а, но: *вутцю* 43а. Кроме того, из *онъ* развилось, как правило, *овунъ* 2а, 48б и др., но редко встречается и *вунъ* 42б. На месте *е* в новых закрытых слогах в большинстве случаев мы встречаем *ю* (= *'и*): *рюкъ* 2а, *постановлюнъ* 20а и др. Нельзя согласиться с В. Ягичем, когда он в числе примеров приводит и окончания тв. п. ед. ч. сред. р. *-юмъ*: *знанюмъ* и др., так как в подобном случае, как выше указано, буквой *ю* передается *о* со смягчением предыдущего согласного. Также неправильно считает В. Ягич (Ягич 500), что мы имеем дело с *'и* < *е* в окончании мест. п. мн. ч. слова *людюхъ*, потому что в этом случае *ю* передает *о* со смягчением предыдущего согласного. Оно развилось следующим образом: *ľudьchъ* > *ľudech*, и потом под влиянием твердых окончаний (на которые В. Ягич там же ссылается), по аналогии распространилось окончание *-охъ*: *ľuďoch*.

Так называемому вторичному *ě*, из *е* перед *ь*, соответствует *і* (на письме *ѣ*): в словах с суффиксом *-тѣль* (< *telь*): *избавитѣль* 73а, *спаситѣль* 79а, *створитѣль* 137а или с суффиксом *-ѣль*: *погыбѣль* 54б, 153а, *постѣль*



57а, *купѣль* 58а, кроме того, *матѣрь* 44б, *камѣнь* 53б (не приводим все примеры).

Как уже отмечено В. Ягичем (Ягич 500), в памятнике хорошо различаются *и* и *-ѣ*, обозначающие звуки *у* и *і*. Имеется сравнительно мало случаев смешения двух букв. Такие примеры встречаются в отрицательных частицах *ни*, *ани*, напр.: *не жадай ни хыжу, нѣ вунницы другого, анѣ жоны, ани слугы* 20а. Прилагательные и порядковые числительные мягкой разновидности сохраняют мягкость основы перед окончанием, поэтому рядом с *третій* 25б встречается и *третѣй* 25б и довольно часто *послѣднѣй* 13а, 49б, 116б, 145б, где буква *ѣ* объясняется тем, что перед звуком *у* находится мягкое *ť*. Такие формы свидетельствуют о различении мягкого и твердого склонений, что и сегодня наблюдается в закарпатских говорах от запопрадских говоров до Тересвы (Пань. Укр. гов. 251).

В Поучениях *и* — *ы* строго различаются за исключением слова *тисяча*, напр.: *тисячей* 112а и др., где *и* вместо *ы* писалось под влиянием книжного украинского языка, хотя форма с *у* встречается и в таких говорах, в которых *ы* — *у* различаются. (Любезное сообщение Э. Балецкого.) В слове *христіанинъ* часто находим замену первого *и* через *е*: *хрестіане* 8б, под влиянием слова *крестъ*.

В приставке *вы-* сохраняется *ы*: *вывюгъ* 31а, 34б, *вызнаватъ* 222а, только в нескольких случаях стоит *у*: *вубираетъ* 132б, *вуйдѣте* 103а. Сегодня формы с *ву-* широко распространены в закарпатских говорах (Пань. Укр. гов. 75).

Из сочетания *ъ* + *і* получилось *ы*: *зышовъ* 22б, *увыйти* 127б, хотя находим и форму: *увуйти* 127б, которая объясняется аналогией других приставочных глаголов от того же корня. За приставкой *об* из *объ* имеем *ы* в словах: *обыпютъ ся* 117б, *обыдраны* 135б.

После *г*, *к*, *х*, сохраняется *ы*: *многыи* 150б, *якый* 142а, *хыжѣ* 108б, за исключением некоторых случаев, напр.: *хрестіянскіи* 5б, подобные отклонения следует объяснять влиянием книжного украинского языка. В современных мараморошских говорах после *г*, *к*, *х* тоже сохраняется *ы* (Пань. Укр. гов. 68).

После шипящих *ж*, *ш* уже наблюдаются буквы *у*, *а*, что указывает на то, что они тогда уже не были мягкими: *одежу* 134б, *душу* 152а, *ужа* 101б, *жадосте* 35а, *буршая* 21б, но они не отвердели настолько, чтобы за ними *у* перешло в *ы*, не только внутри слова, но и в окончаниях прилагательных: *уживый* 46б, *жидувьскѣ* 29б, *межи* 54а, *божій* 5б, *лишили* 167а; *булшій* 5б. Изредка встречается и *ж* + *я*: *одежя*, но это можно объяснить влиянием церковнославянского языка. Правда, не исключена возможность, что данные шипящие еще не стали вполне средними в языке автора, чем и следует объяснять мягкость *ж* в НП. В современных говорах Закарпатья *š'*, *ž'* перед *а*, *и* сохраняют свою мягкость в гуцульских говорах и в долине реки Русковы, а от Сигота до Латорицы встречаются средние *š*, *ž*, только у прилагательных наблюдается *š*, *ž* + *ы̨*: *staršы̨*, *čižы̨* (Пань. Укр. гов. 132). В Няговских Поучениях *ч* уже отвердело: *чужую* 19а, *научайте ся* 18б, также и *щ*: *выпущайте* 22б. Сегодня твердое *ч* наблюдается от Сигота до Боржавы за исключением некоторых сел в долине Тисы (Пань. Укр. гов. 135—139).

В начале слова ставится протетическое *в*: часто перед *у* (< *о*): *вувчих* 83а и др. (примеры см. выше); реже перед первоначальным *у*: *вученици* 144а, перед *у* из *в*: *вусѣхъ* 36а, *вусякуй* 63б, перед *о*: *вогень* 92б и внутри слова между двумя гласными: *навуку* 32а, для заполнения зияния.

Оглушение звонких согласных перед глухими находим очень часто внутри слова, например: *исполнило* 73б, в конце предлога перед глухим следующего слова: *вытъ такого* 71б и т. д. Такие случаи, как: *гадтку* 112а, 172б, *гадтцѣ* 158б, надо объяснять не неполным оглушением, а влиянием родственных форм слова со звонким согласным. Озвончение происходит в таких примерах: *прузьба* 75а, *свадьба* 131б. Также часто наблюдается упрощение групп согласных *здн* > *зн*: *празника* 35б, 78б; *ств* > > *св*: *лакумсво* 41б; *тств* > *ств*: *богаство* 144а, 148а; *стл* > *сл*: *жалусливый* 97а, 145а. Уже В. Ягичем отмечено (Ягич 502) появление *д* между *з* и *р*: *пуздри* 35б, *уздрѣль* 30б. В. Ягич отметил и начальное *и* перед такими группами согласных, как: *ирътами* 22б, *иждавъ* 4б. Предлогу *къ* предшествует *и*: *икъ* 4б, 5а, а часто стоит и *о* после *к*: *ико* 184а, 185а, но встречаем его и в форме *идъ* 62а. В. Ягич предполагает, что в последнем случае происходила диссимиляция, хотя такое объяснение он сам считает сомнительным (Ягич 501). В этом случае скорее можно думать о контаминации *ик*, *ико*, *иг* (из *ик* перед звонкими) с предлогом *до*, так как *до* в значении *ико* имеется уже в НП (напр., *увыйшовъ до ихъ хыжѣ* 186б).

Надо отметить, что в памятнике почти всегда находим форму *кто* (< *къто*), а сегодня от Ужа до Тересвы наблюдается форма *тко* (*ко*) с метатезой, которая встречается и в памятнике: *тко* 58а (А. Петров исправил ее на *кто*). Отсутствие форм *тко* следует объяснять традиционным правописанием. Звукосочетание *ӥ* иногда передается и внутри слова через *у*: *минушую* 221б, *жидусскымъ* 42а, но *жидувскый* 160б.

## 3. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

### СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Ко времени написания памятника уже оформилась новая система склонения существительных. Из старой системы склонения остались лишь некоторые следы. Поэтому мы исходим из новой системы склонения закарпатских говоров, которая отличается от системы украинского литературного языка прежде всего сохранением старых окончаний в отдельных парадигмах. При разборе склонения существительных вначале рассматриваем отдельные падежные окончания, а потом пытаемся определить некоторые общие тенденции развития в сравнении с другими памятниками.

### *Склонение существительных мужского и среднего родов*

#### Единственное число

##### *Существительные с основой на твердый согласный*

Родительный падеж с окончанием *-а* и *-у* наблюдается не у тех же существительных, у которых их находим в литературном языке, но надо иметь в виду возможность влияния книжного языка. Если имеется окончание *-а* у существительных с бывшей основой на *-о*, то оно может быть книжной формой: *слуха* 63б, *до вѣка* 78б, *гнѣва* 78а, *гроба* 146а, *свѣта* 157б, *народа* 190а, *кваса* 193а, также у слов нелитературных: *совершенька* 144а, *звершенька* 169б, только у одного существительного встречается ок. *-у* вместо ок. *-а* литературного языка: *грѣху* 26б, 81б. Целый ряд существительных, не употребляемых в литературном языке, имеет окончание *-у*: *покарму* 16б, *вершиньку* 77а, *возрасту* 93а, *квару* 110а. Видимо, *-у* для существительных неодушевленных было более продуктивным окончанием, чем *-а*, так как венгерские заимствованные слова встречаются с *-у*: *кѣну* 102б, *бетегу* 60а, *гаталму* 230б.

В дательном падеже употребление окончаний *-у*, *-ови* не связано с какой-либо категорией слов, примеры: *вѣтру* 114а, *языку* 130б, даже: *господу* 118б, *плодови* 128б, *заказови* 136б, *пророкови* 95а. В памятнике окончание *-у* более широко распространено, но из-за возможности влияния книжных (церковнославянских) форм нельзя сделать какие-то точные выводы. Формы с *-у* и сегодня встречаются в Марамороше (Пань. Укр. гов. 184). В среднем роде засвидетельствовано только окончание *-у*: *тѣлу* 55а, 145б и др.

Винительный падеж равняется именительному у неодушевленных, а у одушевленных родительному: *пожитокъ* 172б, *Бога* 171б и др.

Местный падеж обладает окончаниями *-у*, *-ови*, *-ѣ*. Окончание *-у* получило широкое распространение не только у существительных мужского рода с *г*, *к*, *х* на исходе основы, но и у других существительных: *у . . . грѣху* 27а, *у аду* 34а, *у бетегу* 58а, *у . . . пожитьку* 158б, *у гнѣву* 131а, *у слѣду* 62б, даже: *у письму* 126б, у существительного среднего рода. В современных говорах последнее окончание встречается редко (Пань. Укр. гов. 236).

*-ови* встречается редко, только: *у сему варышеви Капернаумови* 34б.

*-ѣ* находим сравнительно редко и, главным образом, у книжных слов: *у постѣ* 205а, *у заказѣ* 114б, *на судѣ* 139а, но форма *у . . . кѣпѣ* 77а, 177б заимствования из венгерского рядом с продуктивным *-у*: *у . . . кѣпу* 65а, указывает на то, что это окончание было живым и у сущ. муж. р., а в среднем роде оно господствовало: *у пянствѣ* 147б, *ворожствѣ* 147б.

В звательном падеже распределение окончаний происходит не по древним основам, потому что: *сыне* 99б (основы на *-и*), но: *духу* 99б (основы на *-о*) для избежания чередований, хотя: *человѣче* 63а.

##### *Существительные с основой на мягкий согласный*

Родительный падеж. В памятнике наблюдается мало примеров, и из них обращает на себя внимание только несколько нелитературных слов мужского рода с окончанием *-ю*, *-у*: *сабышу* 225а, *обычаю* 225а или *-я*, *-а*: *обычая* 193а, *варыша* 161б. Слова литературного языка обладают теми же окончаниями, что и в литературном языке.

Дательный падеж имеет окончание *-ю*, *-у*, *-еви*, которые употребляются также, как соответствующие твердые.

*-ю*, *-у* у существительных мужского рода: *утцю* 169б, *мужу* 182б, *полудню* 134а, и среднего рода: *именю* 208а, *сердцю* 92а.

*-еви* только у существительных мужского рода: *молодцеви* 122а, 125б, *колодязеви* 64а, *урюкашеви* 193а, *годножеви* 95б, 98б, 99а, *Господеви* 97б, 136а и др., у 6 слов 16 раз, только у двух существительных находим окончание *-ови:* рядом с *Затъхееви* 181а и *Затъхеови* 182б, и *Моисеови* 214а. (Данные имена встречаются в старославянских текстах с окончанием твердой разновидности, напр.: *закъхѣе* Лука, 19 : 6.) В Углянском Ключе уже встречается *-ови:* *немешови* 64а.

В творительном падеже, если перед окончанием первоначальный мягкий согласный сохранил мягкость (Gerovskij 486), окончание *-омъ*, *-юмъ* (= *'ôm*) является характерным окончанием обоих родов, как и в современном говоре, примеры, *-юмъ (-ôm):* муж. р.: *отцюмъ* 50б, *молодцюмъ* 147а, *огнюмъ* 72б; сред. р.: *сердцюмъ* 27б, *знанюмъ* 69а, *здоровюмъ* 71а, у 33 существительных в 51 случае; *-омъ* (= *ôm*)*:* *отцомъ* 227б, *царомъ* 112а, *евангеліомъ* 151а, *розбоомъ* 175а, *обычаомъ* 220а, 228а; *-омъ:* *крадежомъ* 175а, *плачомъ* 13б, *Елифашомъ* 67б, окончание *-омъ* у 13 существительных в 13 случаях. Но окончание *-емъ* тоже находим: *отцемъ* 83б, 84а и др. 18 раз, *огнемъ* 140а, *спасителемъ* 81б и др., *прятелемъ* 67б, *сердцемъ* 153а, *именемъ* 222а, хотя реже, у семи существительных 32 раза, однако не обязательно все книжные формы, так как *-ем* и сегодня сохраняется иногда (Пань. Укр. гов. 486), книжное окончание *-іемъ:* *воскресеніемъ* 132а, *евангеліем* 132б и др., у 13 существительных 19 раз.

Местный падеж, *-ю* у существительных среднего рода с суффиксом *-ĭ-:* *у сокочѣню* 15б, *у званю* 73а, *у проклятю* 196б; *-іĭ-:* *У безаконію* 68б;

*-и* у остальных, при том не только у книжных слов, как сущ. сред. р.: *у сюмъ евангеліи* 72а, *по воскресеніи* 48б; муж. р.: *у раи* 131б; и в словах: *у корабли* 113а, *на мори* 73б, редко употребительных, но и: *у сердци* 101а, *на стульци* 88а, *у варыши* 33б, *на тумъ тыжни* 165а, *на плечи* 161а, которые относились к словам, часто встречающимся в живом языке.

*-еви* наблюдается только в слове: *у . . . вырышеви* 34б. Влияние дат. п. на мест. п. было тогда еще незначительным.

## Множественное число

### *Существительные с основой на твердый согласный*

Мы не останавливаемся на именительном, винительном и родительном падежах существительных среднего рода, ибо они сохраняют старые окончания (род. п. нулевое).

Именительный падеж обладает окончаниями *-ы*, *-ове*, *-и*, *-е*.

*-ы* (из вин. п.) для существительных, обозначающих лица и нелица: *дяволы* 160а, *попы* 215а, *апостолы* 74а, *волы* 67а, *путы* 99б.

*-ове* для лиц мужского пола: *панове* 112а, *пророкове* 113а, *ворогове* 100а, *чортове* 134б, но встречается 1 раз и у существительного, обозначающего животное: *вовкове* 83а.

Некоторые существительные представлены и с одним, и с другим окончанием: *попы* 215а, *попове* 82а; *ворогы* 160а, *ворогове* 100а.

*-и* в книжных словах, как: *пророци* 85б, но и: *пророкове* 113а, *апостоли* 35а, но и: *апостолы* 74а, кроме таких слов его можно найти и в словах: *русняци* 166а, *турци* 84а, 172б, которые нельзя считать книжными.



*-е* выступает у существительных с бывшей основой на *-n:* *римъляне* 133а, *Галилеяне* 134б, *угре* 166а.

Родительный падеж: *-увъ* (хотя *у* (< *о*) не всегда обозначается на письме): *робутникувъ* 128б, *годувъ* 139б, *поганувъ* 204б; оно является общераспространенным окончанием, но редко *в* (*-и*) отпадает, и остается *-у:* *ангелу* 34а, *розбуйнику* 204б, *дну* 14а, 164а. Нулевое окончание засвидетельствовано у существительных мужского рода с бывшей основой на *-n:* *хрестянъ* 114а.

Винительный падеж имеет окончание *-ы* для всех существительных мужского рода, и только у следующих существительных, обозначающих лицо, находим окончания родительного падежа: *панувъ* 215а, *сынувъ* 84а, *хрестянъ* 118а, *Гадарянъ* 154б.

Окончание именительного падежа мн. ч. *-е:* *за усѣ хрестяне* 110б, которое наблюдается вместо: *хрестяны* 176а, 231а, вероятно, описка.

Дательный падеж выражается окончанием *-умъ* (<*-омъ*) для обоих родов, хотя переход *о* > *и* не всегда обозначается на письме, но в таких случаях едва ли имеем дело с окончанием *-омъ* (< *ъмъ*) по аналогии с основами на *-и*, потому что такое окончание в Закарпатской области не распространено, за исключением некоторых сел на границе со словацкой территорией (Пань. Укр. гов. 192), примеры, *-умъ:* *робутникумъ* 128б, *апостолумъ* 129а, *языкумъ* 129а; *-омъ:* *грѣшникомъ* 4б, *хрестяномъ* 32б, *римляномъ* 36а.

Творительный падеж в обоих родах сохранил старое окончание *-ы* основ на *-о:* *грѣхы* 62а, *дѣлы* 66а, *кѣпы* 56а и др., 33 раза у существительных мужского рода и 27 раз в среднем роде; окончание основ на *-и:* *-ми* только в слове: *сыньми* 64а. Однако рядом с этими окончаниями появилось и окончание *-ами* у существительных мужского рода: *грѣхами* 52а, 78б, *над нашими дѣдами* 103а, *иръшами* 222б, *сынами* 47б, *бетегами* 231а, *учинками* 215а (7 раз, 17% всех примеров мужского рода) и *устнами* 131а, 143а (у книжного существительного среднего рода). Вероятно, такие формы уже были в языке автора, и, наверно, имелись у переписчика. В современном южномарамарошском говоре с *и* (< *о*) преобладает окончание *-ами*, а *-ы* употребляется довольно редко, за исключением долины реки Русковы, где оно является почти что господствующим (Пань. Укр. гов. 194). Следы двойственного числа: *ухома* 94б, *-ома* встречается только у парных частей тела, а в современном говоре его можно найти и у других существительных, но на востоке Закарпатья реже (Пань. Укр. гов. 194).

Местный падеж обоих родов еще часто сохраняет окончание *-ѣхъ* основ на *-о:* *у гробѣхъ* 99б, 101б, *на постѣхъ* 222б, *у иртѣхъ* 223а, *по вусѣхъ языцѣхъ* 36а, *на небесѣхъ* 22а, 23б и др., *у сихъ словѣхъ* 176а, *на тѣлѣхъ* 220а (10 раз у существительных мужского рода, 34 раза в среднем роде, но среди них 31 раз встречаются формы слова *небо*), как правило, у существительных, в которых нет чередования перед окончанием, исключением является лишь: *по вусѣх языцѣхъ* 36а. Окончание *-ich* сохраняется и теперь в восточных закарпатских говорах. Наряду с *-ѣхъ* имеется и окончание *-охъ* (< *ъchъ*) от основ на *-и:* *у . . . мѣстохъ* 13а, *у дѣлохъ* 70а, *по днохъ* 139б, *на . . . книжникохъ* 6а, и чаще всего: *у грѣхохъ* 62б, 67а, 101б и др. (15 раз) для того, чтобы избежать чередования *ch* ~ *s* (коли-

чество примеров: 17 в мужском роде, 3 раза в среднем роде). Последнее окончание встречается и в современных говорах (Пань. Укр. гов. 237).

*-ахъ:* только в словах *по всѣхъ царствахъ* 15а, *у сихъ писмахъ* 130б, 151б. Оно даже сегодня не является господствующим, а лишь встречается параллельно с формами *-ich, -och* (Пань. Укр. гов. 195—196).

*-ехъ:* *у дѣлехъ* 214б, засвидетельствовано лишь раз.

*Существительные с основой на мягкий согласный*

Именительный падеж выражается следующими окончаниями: *-ѣ* (из винительного), *-еве, -юве, -и, -е.*

Окончания *-ѣ* из вин. п., *-еве,* отражающее влияние существительных с основой на *-и,* соответствуют окончаниям *-ы, -ове* существительных с основой на твердый согласный, примеры,*-ѣ:* *учителѣ* 128б, *немцѣ* 166а, *пастырѣ* 132б; *-еве:* *слѣпцеве* 107б, *товарышеве* 79а, *цареве* 112а у 13 существительных 36 раз. Наблюдается и параллельное употребление: *пастырѣ* 132б, *пастыреве* 132б, 133б. Сегодня вместо *-eve* находим *-'ove* под влиянием окончания существительных с основой на твердой согласный. Ему соответствует в памятнике окончание *-юве* (= *'ôve)* в слове: *подавцюве* 107б (может быть от переписчика). Можно найти и старое окончание *-и* им. п. основы на *-i̯o:* *злодѣи* 64б, *отци* 215а, это не обязательно книжная форма, так как изредка и сегодня встречается такое окончание. Кроме того, окончание *-и* получает и слово: *дѣти* 223а, 225б. Окончание *-е* в слове: *люде* 159а, 160а и др. и сегодня часто встречается; а относительно: *калугоре* 82а, *фарисее* 107б, *цемраше* 129а см.: окончани- им. п. мн. числа в современных говорах у И. Панькевича (Пань. Укр. гов. 202—203), в том числе и такие примеры: *воláре, гайтáле, родíле.*

Родительный падеж выражается окончанием *-ювъ* или *-увъ* (после отвердевшихся согласных) у большинства существительных, а *-ей, -ій* встречаются только у некоторых слов; *-ювъ, -увъ:* *царювъ* 38б, *мужувъ* 133б, *варышувъ* 31а; *-ю* только 1 раз: *царю* 205а.

*-ей* имеется в словах: *пѣнязей* 119а, *очей* 169а, *дѣтей* 111б, *людей* 87б, значит, у слов, принадлежащих к разным основам (на *-i̯o, -s, -t, -i).*

*-ій:* *дѣтій* 215а, *людій* 110а и др., *динарій* 41а, книжное окончание, или передает *-êi̯,* которое встречается, как и остальные окончания род. п., в закарпатских говорах (Пань. Укр. гов. 204).

Винительный падеж: *-ѣ* — общее окончание для всех существительных мужского рода: *рыбарѣ* 87б, *мѣсяцѣ* 35б *за пѣнязѣ* 42а; *-и* можно найти только в словах: *тыжни* 35б, *дѣти* 175б, *люди* 169б; редко мы находим и окончание именительного падежа: *люде* 169а, 171а (Пань. Укр. гов. 206).

Винительный падеж совпадает с родительным: *пастырювъ* 215б, *людей* 107б, 171а, *людій* 11б, 54а, 166б, 173а, 220а, 226а, *дѣтей* 215а. Обращает на себя внимание то, что *людій* часто встречается как форма род.-вин. падежа. Может быть, более частому употреблению форм с окончанием род. п. *-ій* (= *êй)* в роли винительного способствовала фонетическая близость его с окончанием вин. падежа *-и.*

Дательный падеж имеет окончание *-юмъ,* которое может передавать *-'им* (< *-емъ)* или *-'ôм* по аналогии окончаний твердого варианта вместо *-емъ* (< *-ьмъ):* *дѣтюмъ* 82а, 108а, *прятелюмъ* 9а, *людюмъ* 65б, 67а и др.



Трудно решить, с каким окончанием мы имеем дело: с *-'им* или с *-'ôм.* У бывших основ на *-i̯o,* также как и у бывших основ на *-i,* в современном говоре имеется и *-'ôм,* и *-'им* (Пань. Укр. гов. 205).

*-емъ:* *отцемъ* 214б, *людемъ* 125а, скорее книжные формы, но если даже у первого по аналогии вместо *-юмъ* (< *-емъ)* стояло *-емъ* (< *-ьмъ),* и тогда оба они представляют собой редкие старые формы, так как на месте *-em,* как правило, стояло уже по аналогии *-'om,* о чем свидетельствуют окончания с *-юмъ.*

*-омъ:* *ко Евреомъ* 5б, может быть церковнославянской формой.

Творительный падеж: *-ѣ* вместо *-и,* под влиянием окончания винительного падежа: *царѣ* 129б, изредка можно найти и теперь, и можно встретить в незакарпатских памятниках того времени (Лев 29). Господствующее сегодня окончание *-ями* тоже наблюдается: *надъ королями* 138б.

Окончание *-(ь)ми:* *людьми* 30б, 38б, 94б, 110а и др., 24 раза, *дѣтми* 90б, 165а, 216а (4 раза) сохранилось у существительных бывших основ на *-i, -t.* Остаток двойственного числа у существительного, обозначающего парные части тела: *очима* 81а, 124б, 167а, 169б (4 раза).

Местный падеж: *-юхъ:* *на людюхъ* 85б, 155а, 170а (3 раза), где *-юхъ* (= *'ôch)* стоит по аналогии окончания твердой разновидности *(-охъ)* вместо *-ехъ* (< *-ьхъ).*

*-яхъ:* *у . . . обычаяхъ* 215а, *на . . . фарисеяхъ* 6а. Оба окончания имеются и сегодня (Пань. Укр. гов. 49). Кроме этих окончаний из живого языка встречается еще окончание *-ехъ:* *у сердцехъ* 226а (книжное окончание по аналогии) и *у . . . людехъ* 214б, вместо которого в живом языке имелось уже чаще *людюхъ* (см. выше).

Как мы видели, из древних основ на *-o, -i̯o, -u, -i, -n, -t, -s* формировалось новое склонение, в котором окончаниями служили окончания важнейших основ на *-o, -i̯o, -u,* реже на *-i.* Распределение окончаний происходит не по старым основам, которые уже не чувствуются, а в зависимости от других условий (характер последнего согласного основы, категории лица и др.). Существительные согласных основ уже в дописьменную эпоху заимствовали окончания у основы на *-i,* а потом входя в новое склонение, постепенно теряли еще имевшиеся окончания, из которых в памятнике остались только некоторые следы. Притом надо иметь в виду, что даже слова вне цитат могут иметь книжное окончание.

Из окончаний существительных бывших основ на согласные у существительных основы на *-n* сохранилось *-е* род. п. ед. ч. муж. р: *корене* 148а, *камене* 53б, *дне* 93б. Кроме того, в им. п. мн. числа существительных с суффиксом *-ин* наблюдается окончание:*-е* *римьляне* 133а и др., как уже выше отмечено. Эти же существительные образуют род. и род.-вин. п. или по-старому с нулевым окончанием, род. п.: *мирянъ* 1б, род.-вин. п.: *хрестянъ* 118а, *Гадарянъ* 154б, или с окончанием *-овъ,* род.-вин. п.: *Израильтяновъ* 184а. Надо отметить, что у слова *день* 226б оказываются и твердые, и мягкие формы во множественном числе, вин. п.: *дны* 4а, род. п.: *м҃ дну и ѕ҃ дній* 224б, мест. п.: *днохъ* 139б.

От существительных сред. р. с бывшей основой на *-t* мест. п. ед. числа образуется при помощи окончания *-и:* *вусляти* 42б, род.-вин. п. мн. числа имеет нулевое окончание: *потятъ* 92б.

У существительных мужского рода на *-а*, *-i̯а* развилось смешанное склонение, но мы не можем дать его полную картину, так как нет примеров для всех падежей. Наблюдаются формы, отклоняющиеся от парадигмы, ед. ч. род.-вин. п.: *слугы своего ся змиловавъ* 120а, 168б; твор. п.: *слугомъ* 119б; мн. ч. им. п. наряду со *слуги* 132б и *слугове* 97а, *каздове* 97а, *судеве* 134б, *слузи* 139б; дат. п.: *слугумъ* 165б, 168б, 172б, 226а. Отметим, что род.-вин. п. мн. числа встречается у слов: *сирутъ* 96б, *убійцювъ* 228б. Собирательное существительное *братя* женского рода, но в дат. п. мн. числа засвидетельствована форма: *братюмъ* 152б, 163б, с окончанием *-юмъ* склонения существительных мужского рода.

### *Существительные женского рода на -а*

Склонение существительных женского рода на *-а*, *-i̯а*, кроме изменений фонетических, не подвергалось никаким изменениям. Тут мы не находим даже взаимного влияния твердых и мягких разновидностей склонения. В памятнике сохраняются те формы, которые должны были возникнуть в результате развития фонетического строя. Мы отметим только, что твор. п. ед. числа имеет окончание *-овъ*, *-евъ* (= *-оу̯*, *-еу̯*), т. е. дифтонг, образованный после выпадения *i̯*, хотя встречается и книжная форма, напр.: *одежею* 4а.

Ниже даются парадигмы:

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| Им. п. | рыба | душа | рыбы | душѣ |
| Род. п. | рыбы | душѣ | рыбъ | душъ |
| Дат. п. | рыбѣ | души | рыбамъ | душамъ |
| Вин. п. | рыбу | душу | рыбы | душѣ |
| Твор. п. | рыбовъ | душевъ | рыбами | душами |
| Мест. п. | рыбѣ | души | рыбахъ | душахъ |
| Зват. п. | рыбо (см. Марфо 188а) | | | |

Из-за отсутствия примеров не приводится зват. п. мягкого варианта (зват. п. слова *братя* см. ниже). Род.-вин. п. мн. числа не встречается. Некоторые отклонения от этих форм в склонении мягкой разновидности: единственное число, род. п.: *винницы* 20а; мест. п.: *нѣдлѣ* 229б; множественное число, вин. п.: *увци* 215б; род. п.: *душѣ* 101б, вероятно, описки, но формы: *тисячій* 26а, 118б, *тисячей* 110а, 111б, 112а являются обыкновенными формами. Форма *братя* является собирательной формой в единственном числе: *любая братя* 104б, *выдъ братѣ* 81б, *отъ пятсотъ братѣ* 73б, но при обращении с ней согласуется им. п. мн. ч. местоимения: *братя мои* 104б, а в дат. п. мн. ч. имеется соответствующее окончание существительных мужского рода: *братюмъ* 163б. Современный южномарамороский говор довольно хорошо сохраняет старый тип склонения женского рода на *-а*, *-'а*, только окончание твор. п. ед. ч. сущ. с основой на мягкий согласный испытывает воздействие твердых основ, и мы находим рядом с окончанием *-еу̯* и *-оу̯*: *zemʼbу̯* (Пань. Укр. гов. 223).



### *Существительные женского рода с основой на мягкий согласный*

Бывшее склонение существительных с основой на *-ĭ* кроме фонетических изменений подвергалося и влиянию других склонений в следующих падежах.

Единственное число

В родительном падеже наряду с окончанием *-и* встречается часто *-е* под влиянием таких существительных бывших основ на *-и*, *-r*, которые влились в это склонение, примеры с *-е* (приводим не все места): *часте* 84а, 155а, *смерте* 94б, 144б, *погыбеле* 57б, *моце* 115б, *помоче* 125б, *помоце* 5а, *заповѣде* 135б, *жадосте* 35а и *путе* 99б (существительное муж. или жен. р.), ок. *-е* сохранилось у существительных основы на *-и*: *церкве* 98а, 111б, *любве* 119б, 176б, *кырве* 170а, хотя наблюдается и окончание *-и*: *церкви* 129а, *кырвы* 225б. Окончание *-е* находим и в Углянском Ключе: *до ноче* 16б, *до ноче* 16б, *до церкве* 98а и др., и в говорах (Пань. Укр. гов. 230, Вх. 1. 167).

В творительном падеже рядом с обыкновенным окончанием *-ю*, которое сегодня очень редко, следует отметить и *-ювъ*, *-овъ* под влиянием склонения основ на *-а*. Вероятно, при помощи *-ювъ* передается *-'ву̯*, такое окончание есть и сегодня (Пань. Укр. гов. 227—228). Едва ли возможно, что *-ювъ* = *'иу̯*, ибо такого окончания теперь нет, и, кроме того, форма *ночовъ* тоже указывает на *-'ву̯*. Примеры, *-ю*: *мастю* 53а, *жадустю* 103б; *-ювъ*: *муцювъ* 16б, *честювъ* 96б, *смертювъ* 181б, *церковлювъ* 24б, *кровлювъ* 155б; *-овъ*: *ночовъ* 53а. Окончание *-ювъ* могло быть в оригинале, но может происходить и от писца. В местном падеже у существительных с бывшей основой на *-ū* встречается окончание *-и*: *церкви* 28б, *крови* 50а.

Множественное число

Родительный падеж выражается следующими окончаниями: *-ій*: *ночій* 14а, *тяжкостій* 223а; *-ей*: *ночей* 17а, *заповѣдей* 1б.

В творительном падеже мы находим окончание *-(ь)ми*: *пѣснми* 43а, *дверми* 79б, *пѣсьми* 226а (3 раза), но наряду со старым окончанием уже под влиянием основы на *-а* сравнительно часто появляется окончание *-ями*: *карностями* 220а, 226б, 231а, *злостями* 219б, *скорбами* 15а, 25а, 86б, 204б. В местном падеже имеется только окончание *-ехъ* (< *-ьхъ*): *заповѣдехъ* 21б, *вь пѣснехъ* 225а, и еще нет влияния основы на *-'а*. Рядом с *-ехъ* засвидетельствовано и *-охъ*: *на ... рѣчохъ* 227б. Такое окончание объясняется фонетически: *-е* после шипящего перед твердым согласным перешло въ *о*. Его мы нашли выше у существительного *люде* (*людюхъ*), но там оно показывает влияние окончания *-охъ* сущ. с основой на твердый согласный. Окончание *-och* наблюдается и в современных говорах, а окончания *-ech* нет (Пань. Укр. гов. 229).

В области склонения укажем еще на некоторые явления. Заимствование из венгерского *haszon* имеет два варианта: *хосенъ* 192а, 192б и др. муж. р., *хосна* 190а, 190б и др. жен. р. (Последний возник под влиянием

венгерской формы: *haszna*). Слово *мамонъ* 91б, 93б, муж. р., но встречается и: *мамонѣ* 91б, 93б (дат. п. ед. ч. склонения на *-а*).

Не всегда склоняются обе части имени *Иисусъ Христъ*, род.-вин. п.: *Иисусъ Христа* 84а.

Закончив рассмотрение отдельных склонений, ниже мы даем таблицу окончаний склонений, пропуская явные описки.

## *Парадигмы*

Склонение существительных мужского и среднего рода.

*Мужской род*

| | Единственное число | | Множественное число | |
|---|---|---|---|---|
| | твердая | мягкая | твердая | мягкая |
| | разновидности | | разновидности | |
| Им. п. | -ø | -ø | -и, -ы, -ове, -е | -и, -ѣ, -еве, -юве (-ô\е), -е |
| Род. п. | -а, -у, -е | -я (-а)[1], -ю (-у) | -увъ, -у, -ø | -ювъ (-увъ), -ю, -ей, -ій |
| Дат. п. | -у, -ови | -ю(-у), -еви, -ови | -умъ(-омъ), -омъ | -юмъ, -емъ |
| Вин. п. | = им. п. или род. п. | = им. п. или род. п. | -ы, или = род. п. | -ѣ, -и, -е или = род. п. |
| Твор. п. | -омъ | -омъ -юмъ, емъ | -ы, -ми, -ами | -ѣ, -ями, -ьми |
| Мест. п. | -ѣ, -у, -ови | -и, -ю(-у), еви | -ѣхъ, -охъ | -юхъ, -яхъ, -ехъ |
| Зват. п. | -е, -у | | | |

[1] В скобках стоят письменные варианты, которые передают ту же фонему или варианты фонемы, и объяснения.

*Средний род*

| | Единственное число | | Множественное число | |
|---|---|---|---|---|
| | твердая | мягкая | твердая | мягкая |
| | разновидности | | разновидности | |
| Им. п. | -о | -е | -а | -я (-а) |
| Род. п. | -а | -я(-а) | -ø | -ø |
| Дат. п. | -у | -ю(-у) | -умъ(-омъ) | нет прим. |
| Вин. п. | как им. п. | как им. п. | как им. п. | как им. п. |
| Твор. п. | -омъ | -юмъ, -емъ | -ы, -ома | мало прим., только -има |
| Мест. п. | -ѣ, -у | -и, -ю | -ѣхъ, -охъ, -ахъ | нет прим. |



*Склонение существительных женского рода на -а, -'а*

| | Единственное число | | Множественное число | |
|---|---|---|---|---|
| | твердая | мягкая | твердая | мягкая |
| | разновидности | | разновидности | |
| Им. п. | -а | -я(-а) | -ы | -ѣ |
| Род. п. | -ы | -ѣ | -ø | -ø |
| Дат. п. | -ѣ | -и | -амъ | -ямъ (-амъ) |
| Вин. п. | -у | -ю(-у) | -ы | -ѣ |
| Твор. п. | -овъ | -евъ | -ами | -ями (-ами) |
| Мест. п. | -ѣ | -и | -ахъ | -яхъ (-ахъ) |
| Зват. п. | -о | | | |

*Склонение существительных женского рода с основой на мягкий согласный*

| | Единственное число | Множественное число |
|---|---|---|
| Им. п. | -ø | -и |
| Род. п. | -и, -е | -ій, -ей |
| Дат. п. | -и | нет прим. |
| Вин. п. | -ø | -и |
| Твор. п. | -ю, -ювъ, -овъ | -(ь)ми, -ями |
| Мест. п. | -и | -ехъ, -охъ |

## *Морфологические тенденции*

После определения системы склонения существительных следует рассмотреть важнейшие тенденции, вследствие которых она развилась.

Система склонения существительных, измененная развитием фонетического строя, подвергается воздействию разных тенденций морфологического характера. Фонетические и морфологические изменения происходят параллельно, хотя в определенный период времени их интенсивность может быть различной. Проявление морфологических тенденций происходит в форме накопления элементов нового качества. Поэтому при анализе развития морфологических тенденций важно посмотреть степень проявления отдельных явлений при помощи квантитативного анализа. Например, распространение окончаний *-ами* в творительном падеже множественного числа у существительных мужского и среднего родов наблюдается и в Поучениях, и в Углянском Ключе, но в Поучениях находим только единичные примеры, и они могут происходить из-за переписчика, а в Углянском Ключе употребляются на равных правах, даже чаще, чем старые окончания. Ниже рассмотрим, какие морфологические тенденции и в какой мере действовали в формировании системы склонения существительных в южномараморошском говоре.

Прежде всего следует коснуться вопроса о формировании системы склонения нового типа, в основном по принципу грамматических родов. Как мы видели, она уже оформилась, хотя еще можно найти остатки старой системы. Но оно произошло уже раньше, поэтому мы подробно не рассматриваем этот вопрос, а только укажем на то, какую долю занимают

окончания бывших основ на *-о* и на *-и* в склонении существительных мужского и среднего родов. В твердой разновидности склонения существительных мужского рода за исключением дательного падежа множественного числа (где написания *-омъ*, вероятно, не обозначают окончание *-от*, хотя такое окончание есть в севернокарпатских говорах (Rabia 27)), всюду выступают окончания бывших основ на *-и*. Почти тоже самое наблюдается и в мягкой разновидности склонения существительных мужского рода, в которой в род., дат., мест. п. ед. числа и в им., род. п. мн. числа представлены окончания, возникшие под влиянием окончаний основы на *-и*. В среднем роде влияние основ на *-и* намного меньше, так как существительные с основой на *-и* принадлежали к мужскому роду и на средний род они мало воздействовали даже тогда, когда их окончания уже были широко распространены среди существительных мужского рода. Окончания основы на *-и* встречаются только в мест. п. ед. ч. обеих разновидностей: *-у, ю*, и в мест. п. мн. ч. твердой разновидности: *-охъ* (хотя может быть, что окончания *-у, -ю* возникли под влиянием окончания дательного падежа). Влияние основы на *-и* началось в творительном падеже единственного числа, и оно произошло еще до появления письменности у восточных и западных славян.

Насколько можно судить по данным памятника и по современному говору, указанные окончания за исключением окончания творительного падежа множественного числа были очень живыми и охватывали часто большинство существительных. Подобное распространение окончаний основы на *-и* находим в словацком языке. При помощи этих окончаний можно было избежать одинаковых окончаний, фонетических чередований согласных и выделить грамматические категории. (Например, окончание им. п. мн. ч. *-ове* имели, главным образом, существительные, обозначающие лица.)

До конца XVI века уже исчезло двойственное число, и окончания творительного падежа мы нашли уже только у существительных, обозначающих парные части тела, *ухома, очима;* позже и сегодня такими окончаниями обладают и другие существительные. Такое их распространение может объясняться возросшим влиянием северокарпатских говоров, где двойственное число более живо, ибо с конца XVI в. до первой половины XVIII в. население Мармароша значительно пополнилось северными переселенцами.

Надо рассмотреть и взаимное влияние окончаний твердой и мягкой разновидностей склонений. В нашем памятнике наблюдается только влияние окончаний твердой разновидности склонения на мягкую, главным образом, в склонении существительных мужского и среднего родов. Часто его можно найти в окончаниях творительного падежа единственного числа: *-юмъ, -омъ*, у 46 существительных в 64 случаях, но *-емъ* у 7 существительных в 34 случаях, книжное *-iемъ* у 12 существительных 20 раз; в дательном падеже множественного числа окончание *-юмъ* может передать *-'ит* или *-'ôт;* в местном падеже множественного числа в слове: *людюхъ (ю = 'ô)* засвидетельствовано окончание *-'ôch* 3 раза, хотя: *у сердцехъ, у .. людехъ* 2 раза. Встречается еще одиночный пример в именительном падеже множественного числа: *подавцюве* 107б, который обозначает только что начавшийся процесс, или из-за переписчика (ср. в Сокирницком Сборнике XVII в.: *звѣрове* 3а). В склонении существительных женского рода только в местном падеже множественного числа наблюдается такое окончание: *рѣчохъ* 227б, но *заповедехъ, пѣснех* 2 раза. На основании примеров памятника кажется, что влияние окончаний твердой разновидности имело место только там, где в окончании с *-е-* в конце слога стоял твердый согласный. В тех случаях, когда у существительных перед окончанием был шипящий звук, *е* всегда переходило в *о : плачомъ* 13б (как *жона, чоловѣк)*, и оно поддерживало влияние окончания твердой разновидности. Там, где такой ситуации не было и действовала только аналогия, распространение окончаний твердой разновидности склонения началось позже, было менее интенсивным, и окончание с *-о-* не распространилось полностью: *огнюмъ* 72б, но есть и: *огнемъ* 140а. Как мы увидим ниже, подобный процесс наблюдается у прилагательных и местоимений.

Что касается влияния падежей одного и того же склонения друг на друга, можно отметить только сильное влияние винительного падежа множественного числа мужского рода на именительный падеж множественного числа. Старые окончания именительного падежа основы на *-о* редки, хотя часто употребляются окончания *-ове, -еве* параллельно с *-ы, -ѣ*. Влияние окончаний дательного падежа *-ови, -еви* на местный падеж только что началось, если встречающиеся формы не происходят из-за писца. Мараморошские говоры сегодня сохраняют окончание *-и*, хотя распространено и окончание *-ovy* (Пань. Укр. гов. 187—188, 202).

В памятнике в единственном числе уже все существительные, обозначающие лицо мужского пола, имели родительный-винительный падеж, а во множественном числе засвидетельствовано только очень мало примеров с родительным-винительным падежом у существительных, обозначающих лицо мужского пола. В Учительном Евангелии 1588 г. незакарпатского происхождения в Библиотеке имени Сечени в Будапеште (сокращ. УЕ 1588 г.) во множественном числе родительный-винительный у названий лиц мужского пола уже широко распространен, а в южномараморошском Ключе XVII века является уже нормой. Этот процесс в украинском языке начался уже раньше, В. Демьянчук отметил уже в грамоте 1388 г. (Дем'янчук 82), и В. Курашкевич в грамоте 1504 г. уже находит его последовательное употребление (Kuraszkiewicz 177). В русском языке первые примеры встречаются в XIV в. (Кузнецов 121). Сегодня в закарпатских говорах родительный-винительный падеж могут иметь только существительные, обозначающие лицо мужского пола.

Процесс формирования родительного-винительного падежа во множественном числе надо рассматривать в связи с образованием данной категории у других частей речи (прилагательных, местоимений). К этому вопросу мы еще вернемся при разборе прилагательных и местоимений.

Из новооформившихся склонений склонение существительных мужского среднего родов и склонение существительных женского рода с основой на мягкий согласный начали испытывать во множественном числе влияние окончаний склонения женского рода на *-а*. Кроме влияния склонения на *-а*, не следует забыть и о возможности влияния окончаний *-а* им.- вин. п. мн. числа существительных среднего рода и влияния существительных

мужского рода на -а *(газда)* и существительного *братя*, которые имели смешанное склонение. Следующие таблицы содержат все случаи употребления окончаний твор., местн. падежей мн. числа и процентаж окончаний с *-а-*.

Частота употребления окончаний творительного падежа

| Окончание | Муж. р. | | Сред. р. | | Жен. р. |
|---|---|---|---|---|---|
| | тверд. | мягк. | тверд. | мягк. | |
| -ы | 33 | | 27 | | |
| -ами | 7 | | 2[1] | | |
| -ома | | | 1 | | |
| -ьми | 1 | | | | |
| -ѣ | | 1 | | | |
| -ями | | 1 | | | |
| -ьми | | 24[2] | | 4[3] | |
| -има | | | | 4 | |
| -ьми | | | | | 3 |
| -ями | | | | | 8 |

1) только *устнами*
2) только *людьми*
3) только *дѣтьми*

Частота употребления окончаний местного падежа

| Окончание | Муж. р. | | Сред. р. | | Жен. р. |
|---|---|---|---|---|---|
| | тверд. | мягк. | тверд. | мягк. | |
| -ѣхъ | 10 | | 34[4] | | |
| -охъ | 17[5] | | 3 | | |
| -ахъ | | | 3 | | |
| -ехъ | | | 1 | | |
| -юхъ | | 3 | | | |
| -яхъ | | 2 | | | |
| -ехъ | | 1 | | 1 | |
| -ехъ | | | | | 2 |
| -охъ | | | | | 1 |

4) 31 раз *небесѣхъ*
5) 15 раз *грѣхохъ*

Процентаж распространения окончаний с *-а-*

| | Муж. р. | | Сред. р. | | Жен. р. |
|---|---|---|---|---|---|
| | тверд. | мягк. | тверд. | мягк. | |
| Творительный падеж | 17 | 4 | 7 | — | 72 |
| Местный падеж | — | 50 | 7 | — | — |
| | 10 | 9 | 7 | — | 57 |



| | Мужской и средний роды | |
|---|---|---|
| | тверд. | мягк. |
| Творительный падеж | 12 | 3 |
| Местный падеж | 5 | 28 |
| | 8 | 7 |

В дательном падеже множественного числа в Поучениях мы не нашли ни одного случая употребления окончаний *-ам (-ям)*, хотя в современных закарпатских говорах таковые имеются. В Поучениях в мужском и среднем родах окончания творительного падежа *-ами* находим только редко. В Углянском Ключе окончание творительного падежа *-ами* наблюдается уже часто. В мужском и среднем родах окончание *-ами* появилось вначале чаще в твердой разновидности склонения мужского рода, что объясняется тем, что для распространения окончаний с *-а-* создались более выгодные условия в мужском роде, где было окончание *-ы*, которое совпадало с окончанием не только винительного (за исключением редких случаев родительного-винительного падежа), но часто и с именительным падежом множественного числа. А окончание *-(ъ)ми* основы на *-и* не заменяло окончание *-ы*.

В местном падеже уже 5 раз засвидетельствованы окончания *-ахъ*, *-яхъ*, а в УК намного чаще. Распространению новых окончаний способствовало то, что при старом окончании *-ѣхъ* бывшей основы на *-о* получилось чередование согласных. Правда, здесь для избежания чередования употреблялось и окончание *-охъ* (основы на *-и*), но влияние окончаний с *-а-* взяло верх и тут, ибо так возникла гармоничная система окончаний, в которую вошел потом и дательный падеж. В мягком варианте склонения в мужском роде распространение окончания *-яхъ* было значительно: 50%, хотя примеров мало, всего 5.

Для того, чтобы выяснить некоторые особенности распространения окончаний с *-а-* в Няговских Поучениях, мы приводим данные галицко-волынских грамот XIV—XV вв. по работе В. Демьянчука и В. Курашкевича и молдавских грамот, которые мы исследовали специально, Креховского Апостола XVI в. по книге И. Огиенко (сокращ. Огієнко КА). Для дополнения наших сведений мы рассмотрели Учительное Евангелие 1588 г. незакарпатского происхождения (УЕ 1588 г.), некоторые произведения украинской литературы конца XVI в.

Выше мы установили, что в дательном падеже множественного числа в НП не наблюдается окончание *-ам*, *-ям*. В галицко-волынских грамотах окончание *-ам* появилось первый раз в житомирской грамоте около 1458 г.: *тулинам* $91_{13}$, *закопамъ* $91_{28}$, одновременно с появлением такого окончания в творительном падеже в той же грамоте: *закопами* $91_{28}$, а в местном падеже окончание *-ах* выступает раньше в киевской грамоте 1433 г.: *во имѣньях* $65_{12}$ и потом в грамоте 1457 г.: *оу тулинах* $90_{2}$ (Дем'янчук 81, 83). В молдавских грамотах окончание *-амъ*: *селамъ* гр. 1409 г. (С І. 65,) *сѣламъ* гр. 1419 г. (С І. 132), наблюдается чаще и раньше остальных. Итак, позднее появление окончания *-ам*, *-ям* в дательном падеже является, видимо, особенностью закарпатских говоров или их части.

В Няговских Поучениях в творительном падеже множественного числа в мужском и среднем родах в твердой разновидности склонения у существительных мужского рода чаще наблюдается окончание *-ами*. По данным галицко-волынских грамот XV в. в творительном падеже окончания с *-а-* появляются почти одновременно в мужском и среднем родах, при твердой и мягкой разновидностях в гр. 1458 г.: *закопами* $91_{28}$, но в гр. 1459 г. (по списку конца XV в.): *лесами* $93_{6,6}$, *лесками* $93_{6}$, *ꙗрами* $93_{13}$, *городищами* $93_{12}$, *полѧми* $93_{9}$, в гр. 1490 г.: *именꙗм* $С_{13}$, *полжами* $С_{3,13}$ (Дем'янчук 83, Kuraszkiewicz 117). В молдавских грамотах не наблюдаются ни более ранее распространение, ни преобладание окончания *-ами* в мужском роде. Поэтому распространение окончания *-ами* в начале или преимущественно у слов мужского рода с основой на твердый согласный надо считать тоже характерным для части закарпатских говоров в XVI в.

На основании данных Няговских Поучений нельзя определить, в каком роде началось распространение окончаний *-ах*, *-ях* в местном падеже, так как в НП они отмечены 2 раза у существительных мужского рода (8% всех примеров), 3 раза в среднем роде (7% всех примеров, но часто встречалась книжная форма *на небесѣхъ)*. В галицко-волынских грамотах первый пример употребления окончания *-ях* В. Демьянчук нашел у существительного среднего рода в гр. 1433 г.: *во имѣньꙗхъ* $65_{12}$, однако в грамоте 1457 г. есть уже: *оу тулинах* $90_{2}$, у существительного мужского рода, потом в грамоте 1459 г. (по списку конца XV в.) снова у существительных среднего рода: *при врочищаᵡ* $93_{4}$, *въ полѧхъ* $93_{13}$ (Дем'янчук 83). В молдавских грамотах окончание *-ах* встречается чаще у сущ. среднего рода. И. Огиенко установил, что в Креховском Апостоле окончания *-ах*, *-ях* у сущ. среднего рода встречаются «нередко», а у сущ. мужского рода только «редко» (Огієнко КА 340), на основании чего можно сделать вывод о более сильном распространении окончания с *-а-* у сущ. среднего рода. Данный вопрос, как и остальные вопросы, надо будет рассмотреть на основании большого количества памятников для того, чтобы установить, у сущесвительных какого рода распространялось данное окончание более широко. При этом, как видно уже из наших данных, надо считаться с диалектными различиями в распространении данных явлений.

На основе Няговских Поучений нельзя дать преимущество мягкой или твердой разновидности склонения мужского и среднего родов при распространении новых окончаний. Можно было установить более ранее и интенсивное распространение окончания *-ами* у существительных мужского рода с основой на твердый согласный. Однако по данным местного падежа надо дать преимущество мягкой разновидности, где 28% всех примеров имеет окончание *-яхъ*, а в твердой разновидности лишь 5%, если не считать формы: *на небесѣхъ*, и то лишь: 11%. В грамотах в дательном падеже первые случаи употребления окончания с *-а-* наблюдаются у существительных, относящихся к твердой разновидности, а в предложном падеже в галицко-волынских больше примеров существительных с основой на мягкий согласный (примеры см. выше), а в молдавских в твердом варианте.

У существительных женского рода с основой на мягкий согласный в НП только в творительном падеже засвидетельствованы окончания с *-а-*.



На основании примеров можно установить, что в этом склонении в творительном падеже быстро или рано распространились новые окончания с *-а-*, хотя данных имеется мало. В галицко-волынских грамотах XV в. наблюдается лиш один пример в прилуцкой грамоте 1459 г. (по списку конца XV в.): *прилегостѧми* $93_{5}$ (Дем'янчук 83).

Сравнение данных закарпатских памятников XVI—XVII вв. дало нам возможность выявить некоторые особенности распространения окончаний с *-а-* (позднее распространение их в дательном падеже, более частое употребление окончания *-ами* у существительных мужского рода с основой на твердый согласный). Надо указать еще на архаичность закарпатских памятников и в отношении распространения окончаний с *-а-*. В Няговских Поучениях, несмотря на их большой объем, эти окончания встречаются крайне редко. В Углянском Ключе наблюдается более частое употребление окончаний с *-а-*. То же самое можно сказать и о сочинениях М. Андреллы (Оросвиговского). Кроме того, мы рассмотрели те части Углянского Учительного Евангелия, которые отличаются хорошим народным языком, и установили, что они свидетельствуют о господстве данных окончаний. В Сокирницком Сборнике части, написанные народным языком, показывают на более частое употребление окончания с *-а-*, чем в НП. На основании этого можно установить, что НП возникли значительно раньше УК или сочинений М. Андреллы (Оросвиговского). Желая рассмотреть первые примеры с окончаниями с *-а-*, мы обратились к грамотам XV в., в них мы видим, как и в НП, этот процесс в начальной стадии. В украинских грамотах первой четверти XVI в. окончания с *-а-* употребляются относительно чаще, чем в НП, а в памятниках украинского литературного языка конца XVI в., напр., в «Пересторогe» (М. Возняк, Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині у Львові. Львів, 1954), в произведении Герасима Смотрицкого «Календарь римский новый» (Хрестоматія 96—100) или в «Апокрисисе» Христофора филалета (Памятники полемической литературы в Западной Руси. кн. 2. Русская историческая библиотека. т. VII. Петербург, 1882) и в «Книжке» Вишенского (И. Вишенский, Сочинения М.—Л. 1955) эти окончания наблюдаются намного чаще, чем в закарпатских Няговских Поучениях.

Указанные особенности распространения окончаний с *-а-* в изученном закарпатском памятнике, однако, нужно будет сличить с данными других памятников. При исследовании данного процесса, являющегося весьма сложным, надо считаться с разными факторами: напр., составом имеющихся окончаний, их распределением у отдельных категорий существительных, фонетическими факторами, которые в разных говорах бывают разными. При этом, не забывая о возможности влияния других говоров или другого языка, надо исходить всегда из развития данного говора.

## ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В памятнике, как и в современных говорах до Тересвы, сохраняется различие между твердыми и мягкими прилагательными. В Поучениях вместо окончания с *-е-*: *-его*, *-ему* после шипящих находим всегда окончания с *-о-*, если следующий согласный звук был твердым: *чужого* 19а,

*Божого* 2б, *молодчого* 5а; *лѣпшого* 201б, если следующий согласный мягкий, по крайней мере был мягким, тогда с *-е-*, жен. р. ед. ч. род. п.: *дужеи* 35а, твор.п.: *дужевъ* 116б, *Божевъ* 69а. А в Сокирницком Сборнике XVII в. и в Углянском Ключе после шипящих окончание с *-о-* уже может стоять в любом положении: *чл҃вчои* ССб 4б, *чужои* УК 78а, *божои* УК 87а, что свидетельствует о дальнейшем распространении окончаний с *-о-*. За нешипящими наблюдается окончание с *-е-*: *сегосвѣтнего* 91а, *нынѣшнего* 141а, *сегосвѣтневъ* 15а, *порожнее* 91а, за исключением некоторых случаев: род. п. ед. ч. муж. р.: *сегосвѣтнюго* 88б, 133б, *нн҃ѣшнюго* 142б, 145а, твор. п. ед. ч. жен. р.: *сегосвѣтнювъ* 118а, где *ю = 'ō*, но эти примеры единичны, поэтому А. Петров исправлял *-юго* на *-его*. Можно предположить, что они происходят от переписчика, но в УК мы тоже нашли не только: *тогосвѣтнеи* 89б, но и: *сегосвѣтнои* 89б; это указывало бы на то, что твердые окончания были не только в XVIII в., но и в XVII в., так что в конце XVI в. они тоже могли встречаться редко.

В Поучениях уже не находим именного склонения прилагательных и других частей речи, за исключением некоторых книжных примеров, напр.: *сыну людъскому предану быти . . . и распяту быти* 56б. Остатки именного склонения употребляются лишь как краткие формы прилагательных единственного и множественного чисел в роли сказуемого, но в данной роли они обычны. Правда, во множественном числе их уже довольно часто заменяют полные формы: *были богатыи оба* 53б, *были невѣрныи* 54а, *были злыи, невѣрны* 54а, хотя полная форма встречается и в единственном числе: *не будь мерявый тай пышный* 18б. В роли определения выступают только полные прилагательные. Из исключений, может быть, не (или не только) книжными формами являются следующие: *красно дѣло* 2б, *у святъ день* 226б.

В современных закарпатских говорах притяжательные прилагательные с суффиксом *-ov*, *-yn* склоняются так же, как и остальные, за исключением именительного и винительного падежей обоих чисел, в которых они сохраняют именные окончания (Пань. Укр. гов. 257). Подобная картина наблюдается и в Няговских Поучениях, примеры, склонение мужского и среднего родов, им.-вин.-зват. п.: *сыне Давыдовъ* 178б, *тѣло Иисусово* 53б, *Дѣло . . . Марѳино* 188а, род. п.: *дѣля имене Иисусового* 33а, *дѣля насѣня жониного* 70а, род.-вин. п.: *сына Давидового* 3б; дат. п.: *тѣлу Христовуму* 41б, местн. п.: *у пансвѣ Христовумъ* 37б; склонение женского рода, вин. п.: *на руку Павлову* 68а, *службу Марѳину* 88а; род. п.: *выдъ усеи наукы Христовои* 182а, твор. п.: *изъ волею дяволовою* 69б, местн. п.: *у первуй книзѣ Моисеовуй* 117а, множественное число, им. п.: *ученици Христовы* 53б, род. п.: *изъ устъ Христовыхъ* 14а и др. Притяжательное прилагательное *божій* с суффиксом *-i̯-* обладало членными формами в именительном и винительном падежах единственного числа женского и среднего родов: *м҃ть божая* 129а, *вѣру божую* 168а, *на вечерю Божую* 169а, *загадованя Божее* 189а, *иманя Божее* 168а; форма *слово Божіе* 188б книжная, а *заповѣдь Божу* 136б тоже, если уже не новое стяженное окончание. Остальные окончания совпадают с окончаниями других прилагательных, хотя встречаются и книжные формы, напр., род. п. ед. ч.: *имени Божія* 114б вместо *Божого* 159а и др.



Ниже даются парадигмы склонения прилагательных с некоторыми замечаниями.

| | Единственное число | | | |
|---|---|---|---|---|
| | твердые | | мягкие | |
| Им. п. | добрый, доброе | добрая | сегосвѣтний, сегосвѣтнее | сегосвѣтняя |
| Род. п. | доброго | доброи | сегосвѣтнего | сегосѣтнеи |
| Дат. п. | доброму | добруй | сегосвѣтнему | сегосвѣтнюй |
| Вин. п. | =им. или род. п. | добрую | = им. или род. п. | сегосвѣтнюю |
| Твор. п. | добрым | добровъ | сегосвѣтнимъ | сегосвѣтневъ |
| Местн. п. | добрумъ | добруй | сегосвѣтнюмъ | сегосвѣтнюй |

| | Единственное число | | Множественное число | | |
|---|---|---|---|---|---|
| | на шипящие | | твер. | мягк. | шип. |
| Им. п. | чужий, чужее | чужая | добрыи | сегоствѣтнии | чужии |
| Род. п. | чужого | чужеи | добрыхъ | сегосвѣтних | чужихъ |
| Дат. п. | чужому | чужуй | добрымъ | сегосвѣтнимъ | чужимъ |
| Вин. п. | =им. или род. п. | чужую | = им. или род. п. | =им. или род.п. | им.,род.п. |
| Твор. п. | чужимъ | чужевъ | добрыми | сегосвѣтними | чужими |
| Мест. п. | чужумъ | чужуй | добрыхъ | сегосвѣтнихъ | чужихъ |

В парадигмах не отмечены стяженные формы в именительном и винительном падежах единственного числа женского и среднего родов. Стяженные окончания встречаются крайне редко, только в винительном падеже среднего рода: *финикове* 40б и в именительном падеже единственного числа мужского рода: *сегосвѣтъня* 78а. Сегодня в Марамороше встречаются стяженные окончания, но в бережских диалектах имеются еще нестяженное окончание среднего рода единственного числа именительного и винительного падежей: *dobroi̯e* (Пань. Укр. гов. 250).

Для объяснения редкого употребления стяженных форм можно предположить, что в литературном памятнике стяженные формы не писались под влиянием традиции, но как раз этот памятник больше всех передает живой народный язык и передавал на письме такие фонетические и морфологические явления живого языка, которые в украинском литературном языке часто не обозначались. Нам кажется, что, если стяженные окончания были бы широко распространены, т. е. были бы господствующими, то они имели бы более широкое отражение в памятнике. Исходя из того, что в XVIII веке эти окончания были широко распространены, надо предположить, что они реже имелись и в XVII в., что подтверждают и данные сочинения М. Андреллы. В Няговские Поучения они могли быть внесены писцом, и менее вероятно, что они имелись уже в оригинале.

Именительный-винительный падеж множественного числа выражается у твердой разновидности окончанием *-ыи*, у мягкой *-ии* для всех родов: *добрыи*, *сегосвѣтнии*, также в Углянском Ключе и в других памятниках XVI—XVII вв. Процесс образования нового окончания *-i* в закарпатских диалектах мы не рассматриваем, ибо этот вопрос уже разработан И. Панькевичем (Пань. Укр. гов. 254—256), мы желаем только указать на неко-

торые явления, связанные с ним. В памятнике окончание *-ѣ* встречается в следующих случаях: в прилагательном твердой разновидности, служащем определением к существительному с окончанием *-ѣ : душѣ людскѣ* 57б, *добрѣ уцѣ* *214б. В таком случае оно могло находиться под влиянием окончания существительного, но оно засвидетельствовано и тогда, когда существительное имело иное окончание: *попове жидувьскѣ* 29б, *тѣснѣ ворота* 54б. Кроме того, окончание *-ѣ* наблюдается в роли сказуемого в мягкой разновидности: *дужѣ* 60б (если оно было бы книжной формой, тут стояло бы не *-ѣ)*, и чаще в твердой: *тучнѣ* 67а, *великѣ* 126а, *бетѣжнѣ* 156а, *нерозумнѣ* 168а, *мудрѣ* *86а, *убогѣ* 168б, 189б, *благѣ* 67а, *праведнѣ* 178б, притом перечисленные сказуемые относятся к таким подлежащим, которые не имеют окончания *-ѣ*. Вероятнее предположить, что эти примеры происходят из-за переписчика, так как в памятниках XVI в. нет, а XVII в. редко находим примеры с *-ѣ* (Пань. Укр. гов. 255).

Значительно чаще, чем у существительных, отмечается во множественном числе родительный-винительный падеж у прилагательных *(убогыхъ, недужихъ* 187б и др.). Имея в виду то, что случаи употребления родительного-винительного падежа чаще всего наблюдаются у личных местоимений, потом у указательных местоимений, можно предположить, что распространение родительного-винительного падежа исходило от личных местоимений *нас, вас*, а потом, захватывая другие местоимения, эта категория распространялась на прилагательные, главным образом, посредством такого употребления: *на насъ грѣшныхъ* 192а, *ихъ живыхъ* *215б, и на причастия: *тыхъ званыхъ* 167а. А затем она переходила на прилагательные, стоящие самостоятельно: *было жаль голодныхъ* 10б/11а, даже на прилагательные-определения: *люди простыхъ и убогыхъ* 87б, при которых существительное стояло в винительном падеже, и, таким образом, повлияла на образование данной категории у существительных. Все это произошло при поддержке форм единственного числа, в котором уже был родительный-винительный падеж.

### *Образование степеней сравнения*

Сравнительная степень образуется с частицей *май* + положительная степень: *май праведенъ* 2а, *май люба* 6б; при помощи суффикса *-ш-: булшій* 4б, *молодший* 6а; с частицей *май* и с суффиксом *-ш-*: *май лѣпше* 167а, *май бурше*е 201б; с частицей *май* и с суффиксом *-ѣйш-*: *май дорожѣйшее* 301б.

Превосходная степень образована с суффиксом *-ѣйш-: дужѣйшого* 75а; с приставкой *най-* и суффиксом *-ѣйш-: наймилостивѣйшого* 219б; с приставкой *най-* и с суффиксом *-ш-*: *наймилшая* 216б; с частицей *май* и с суффиксом *-ш-*: *май буршій* 103б.

Интересны формы сравнительной степени, образованные с частицей *май* или без нее и с суффиксом *-шов-* или *-ѣйшов-*, им. пад. ед. числа муж. р.: *лѣпшувъ* 167а, 193а, им. п. мн. ч.: *лѣпшовы* 155б, 182б, *грѣшнѣйшовы* 134б, *булшовы* 93а, *дорожѣйшовы* 92б, им. пад. ед. ч. жен. р.: *май булшова (муць)* 115б, которые встречаются, за исключением последнего примера, в роли сказуемого. Такой пример мы нашли и в УК: *твержово* 79б, в роли



сказуемого. Эти формы образованы от косвенных падежей сравнительной степени прилагательных с *-о-* по аналогии притяжательных прилагательных. Так как эти формы выполнили, главным образом, функцию сказуемого, суффикс *-ув* мог служить для избежания неудобного скопления согласных в форме мужского рода (напр. *лѣпш)*. Они неизвестны в современных закарпатских говорах, ибо там исчезла номинальная форма.

### МЕСТОИМЕНИЯ

В Поучениях система местоимений в основном является той же, что и в современном южномарамарошском говоре, так что отметить следует только ее отдельные особенности.

Личные местоимения обладают и эллиптическими формами: *мя* *159а, *ти* 25а, *тя* 156б, 151б, *на ся* 158б, *го* 100а, хотя довольно редко в 3 лице ед. ч. после предлогов сохранились еще старые формы вин. п.: *нань* 2а, *у ню* 147а, *на не* 94а.

Наряду с *сесь* реже употребляется и указательное местоимение *сякый : сякый* 198б, *сякую* 43б, наряду с *тот* (редко) и *оный : на онумъ* 31б. А среди обобщительных местоимений следует отметить следующие: *увесь : усѣхъ* 179а; *усякый : усякого* 7б; *ушитокъ : ушитко* 32б, *вшиткы* 119б, *ушиткы* 31б; *кождый* 3а; *каждый ; каждому* 184а; и отрицательное *жадный : безъ жадного божѣня* 223б.

Вопросительно-относительные и неопределенные местоимения в именительном падеже имеют форму: *што* 2б, *кто* (без метатезы) 3а и др. и лишь один раз с метатезой: *тко* 58а. (Перечисленные выше местоимения встречаются и в современных говорах, ср. В. В. Німчук, Словотвір займенників у говірках району верхньої течії р. Боржави. НЗ УДУ XVI 195—197.)

Неопределенные местоимения часто засвидетельствованы и без частицы, и само вопросительно-относительное местоимение получает неопределенное значение: *якый бетюгъ . . . якая картань* 26а, *якую неволю* 29б (ср. Перени, Й.—Балецкий, Э. Украинская грамота Софии Батори 1674 г., 100), часто, как у последнего, рядом стоит местоимение с неопределенной частицей: *хоть у якую журу* 29б, или: *якый нѣморовшагъ или хоть якая кортань* 66б. Неопределенные местоимения образуются при помощи следующих частиц: *хоть, -годѣ, да-, де-, варе*. Частица *хоть* происходит, наверно, от союза *хоть* 'или', на что указывает такое употребление: *слуга есть на сюмъ свѣтѣ каждый, хоть король, хоть панъ, . . . хоть бирувъ, а хоть которого фелю чл҃вкъ* 118б; *притерпѣти ушитко хоть бетюгъ, а хоть якую неволю тяжкую* 32б. Эта частица очень часто употребляется: *хоть што* 141а, *хоть якое* 92а, *хоть котрый* 109а (она сегодня тоже встречается в говорах по верхнему течению Боржавы, ср. Німчук ук. соч. 199). Редко находим частицы *де-: деякымъ* 82б, *дешто* 220б; *да-: дакто* 187а; *-годѣ : ктогодѣ* 106а. Местоимения, образованные частицами *де-, да-*, встречаются и сегодня в Закарпатье, так, в современных говорах Хустского района (Б. І. Орос, Займенники у говірках Хустщини. ДП УДУ 3: 49—52 и см. Німчук ук. соч. 198—199). Частица *варе* наблюдается сравнительно часто: *варе кто* 208а, *варе што* 119б, *варе у котрый* 106а, *варе чію* 19б.

Рассматривая склонение местоимений-прилагательных, мы обратим внимание только на некоторые вопросы. Первый вопрос, который мы рассмотрим, это влияние окончаний твердого склонения на мягкое. Перед нами приблизительно та же картина, которую мы видели у прилагательных. Местоимения с шипящим согласным перед окончанием имеют в окончании *-о-* (< *е*) перед твердым согласным, *-е-* перед мягким: *инъшого* 199а, 216а и др., *нѣчого* 82а, 83а и др., *ничого* 3а, 7б; *чого* 82б, *нашого* 111а, 160а, *нашуму* (= *ому*) 178б, *вашого* 205а, но: *за инъшее* 67а, *нашеи* 94б, *нашевъ* 92б, однако местоимения *нашъ, вашъ* под влиянием иных притяжательных местоимений, как правило, сохраняют окончание с *-е-* и перед твердыми согласными: *нашего* 83а и др., *вашего* 95а и др., *нашего* 99а и др. за исключением вышеприведенных примеров.

Остальные местоимения сохраняют *-е- (его, ему, сего, сему, усего, усему, моего, моему* и др.). Исключений мало: *сіому* 181а, *пу сюму* 76а (дат. п.), *усюго* 205а *(ю = 'о), йому* 139б, 140б, и они, вероятно, происходят от писца. В Углянском Ключе после шипящих даже перед мягким согласным выступает окончание с *-о-* (как у прилагательных): *нашои* 31а, 79а, хотя можно найти и формы с *-е-*: *нашеи* 49а.

Подытоживая распространение окончаний с *-о-* у прилагательных местоимений и порядковых числительных, можно установить, что окончания с *-о- (-ого, -ому)* распространились всюду, где на исходе основы стоял шипящий, исключениями являются местоимения *нашъ, вашъ*, в которых окончания с *-е-* преобладают: *нашего* 39 раз, *нашого* 2 раза; *нашему* 15 раз, *нашому* 1 раз, *вашего* 5 раз, *вашого* 1 раз. Кроме того, засвидетельствована книжная форма причастия: *пославшему* 80а и др. (4 раза). Если согласный, следующий за *-е-*, был первоначально мягким (в окончаниях *-еи, -евъ, -ее)*, или на исходе основы стоял нешипящий звук, *-е-* сохранилось *(сегосвѣтнего, -ему, -ее, -еи, -евъ)*. Хотя окончания с *-о-* наблюдались и в этой категории: *сегосвѣтнюго* 88б, 1 раз, *нѣшнюго* 142б, 144а, 2 раза, *сегосвѣтнювъ* 118а, всего 4 раза, вместо более обычных: *сегосвѣтнего, ближнего, ближнему, сегосвѣтнеи* и др. всего 14 раз. Перечисленные примеры за исключением последнего могли быть и в оригинале НП. У местоимений окончания с *-о-* весьма редки и, по всей вероятности, происходят от переписчика *(сіому* 181а, *пу сюму* 76а, *усюго* 205а, *усюго* 205а, *йому* 139б, 140а).

На основании данных памятников можно предположить, что и у прилагательных, и у местоимений (о существительных см. выше) распространение окончания с *-о-* началось как фонетический процесс: в окончании после шипящих перед твердыми согласными *е > о: чужого, иншого, нашого.* Однако такому фонетическому процессу противодействовало влияние аналогичных форм, в которых *е* сохранилось. Поэтому в НП чаще встречаем формы типа *нашего*, чем *нашого.* (Кроме того, в памятнике надо иметь в виду склонность к традиционным формам.) Но новые формы типа *чужого* тоже служили основой для аналогичных образований и вместе с формами твердой разновидности способствовали возникновению окончания с *-о-* и там, где для него не было никакого фонетического основания: *чужои* и *сегосвѣтнюго (ю = 'о)* и *сегосвѣтнюи.* Описанный тут способ распространения окончаний с *-о-* имел место в закарпатских восточных говорах. В этих говорах сегодня первоначальные окончания с *-е-* вытеснены. Они сохранились лишь в самой восточной части говора. В соседних гуцульских говорах нет окончаний с *-о-* на месте старых окончаний мягкой разновидности, хотя *е* после шипящих перед твердым согласным переходит в *о (ž'опа)*. Вероятно, у гуцулов фонетически возникшие формы типа *чужого* были полностью вытеснены под влиянием других форм с *-е-*. В остальных украинских говорах вытеснение окончаний с *-е-* достигло разной степени. Вместе с тем можно предположить, что и распространение окончаний твердой разновидности происходило по-разному. В Няговских Поучениях XVI в. мы еще не нашли форм типа *нашои*, а в галицко-волыньских грамотах XV в., в гр. 1433 г.: *нашои* $66_{14}$, *нашою* $82_{4-5}$, одновременно с формой *нашого* $66_{20}$. В. Демьянчук уже находит достоверные примеры (Дем'янчук 93). В. Демьянчук там же, в своем замечании полемизирует со Смаль-Стоцким и Гартнером, старавшимися подобные формы объяснить морфологически. В. Демьянчук объясняет их фонетически. Нам кажется, что формы *нашои, нашою* не могут объясняться непосредственно фонетически, их следует объяснять, как мы указали выше, аналогией форм типа *нашого*, возникших фонетическим путем. Но в говорах, служащих диалектной основой для галицко-волыньских грамот, аналогичное влияние формы *нашого* на *нашеи* было сильнее, и формы типа *нашои* появились намного раньше, чем в том говоре, на котором говорил автор Няговских Поучений. Мараморошский говор, особенно его восточная часть, в этом отношении и сегодня более консервативен, чем остальные среднезакарпатские говоры, и он мог быть таким и в XVI в. Кроме того, надо иметь в виду, что в НП окончания с *-о-* у притяжательных местоимений *наш, ваш* удерживаются труднее, часто вытесняются по аналогии, поэтому в НП встречается лишь мало примеров, больше примеров имеется на прилагательные и иные местоимения.

Как у прилагательных, так и у местоимений в среднем и женском родах, в именительном и винительном падежах единственного числа наблюдаются нестяженные формы, за исключением следующих случаев: им. п. жен. р. ед. числа: *така (молитва)* 117б; вин. п. жен. р.: *усяку дань* 214а, *на усяку болѣзнь* 155б; сред. р.: *инше* 104а, в роли существительного. Они могут происходить из-за писца.

В Поучениях стяжение в косвенных падежах (род., дат. п.) притяжательных местоимений засвидетельствовано очень редко: *свого* 30а, 63а, между тем как в УК чаще, в УК наблюдается кроме местоимения *свуй* и у местоимения *муй, твуй : мого* 84а, 61б, *твого* 96а, *свого* 84б, 85а, 85б, *свому* 81а. Видимо, в XVI в. данный процесс только начинался.

Новое окончание *-ѣ* именительного-винительного падежа множественного числа выступает только весьма редко: *ніякѣ* 58б, *другѣ* 71б, 25б, *котрѣ* 216б.

Уже при прилагательных мы говорили о роли местоимений в распространении родительного-винительного падежа. Теперь рассмотрим данный процесс у местоимений.

Только местоимения *мы, вы* имели одну форму для родительного и винительного падежей *(нас, вас)*, а у личного местоимения *они* довольно часто сохраняется старая форма винительного падежа, если она стояла

с предлогом: *за нѣ* 70б, 63б и др., *на нѣ* 71а, 103а и др., *у нѣ* 60б, *межи нѣ* 129б, однако господствовала уже форма: *ихъ* 15а, *на нихъ* 15а и др. От личных местоимений, при поддержке таких же форм единственного числа, расматриваемая категория распространялась и на другие местоимения, прежде всего на указательные и обобщительные, где мы ее находим очень часто, а потом постепенно и на остальные местоимения. Распространению родительного-винительного падежа во многом способствовало совместное употребление личных и других местоимений, напр., *насъ усѣхъ* 101б, а предлоги и тут препятствовали ему, напр.: *на тоты* 137б, *за тоты*, 175б. Подобным образом данная категория распространялась от местоимений на прилагательные, а местоимений и прилагаотельных на существительные, напр.: *Рыбарѣ звавъ люди простыхъ, убогыхъ*, 87б, где род.-вин. п. прилагательного стоит рядом с вин. п. сущ.-ого. Едва ли случайно, что в галицко-волыньских грамотах первый пример употребления родительного-винительного падежа стоит как раз рядом с личным местоимением: *ино знати корӧ нӓ поручников* $22_{11}$ (Дем'янчук 82). Совместное употребление было, конечно, не единственным путем распространения этой категории.

Остатки двойственного числа твор. п. мн. ч.: *усѣма* 183б, 177а, 158а и др., встречается и в памятнике, и в современных говорах.

## ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Нельзя дать полную картину системы числительных, ибо в памятнике они представлены довольно слабо, так что мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Количественные числительные, 1: в именительном-винительном падеже мужского рода: *одинъ* 2б, 199а и др., но встречается и: *оденъ* 67б, 71б, 127б; жен. р.: *одна* 130б, *одну* 130б, сред. р.: *одно* 199б и др. В Няговских Поучениях преобладают восточнославянские формы с *од-*, и только редко находим: *еденъ* 30а, *еднумъ* 7а, *едного* 170а. В Закарпатье восточнославянская форма сохранилась только в Мароморошe. Однако и форму *i̯eden*, которая господствует на запад от Мармароша, можно найти и в Марамороше (Пань. Укр. гов. 293, Дзендзелівський карта 1). Именительный-винительный падеж множественного числа: *одны* 33а, 81б.

Числительные 5—10 сохраняют мягкость *-t'* в конце слова: *пять* 139б, *шѣсть* 164а, *девять* 172а, *десять* 172а, но: *сѣмъ* 118а, (так как *т* всегда твердое); но мягкость не всегда обозначается, напр., 40: *чотыридесятъ* 73б (сегодня: *сорок* (Пань. Укр. гов. 298)); от 50-и *-t* твердое: *пятъдесятъ* 44а, *сѣмъдесятъ сѣмъ* 118а (ср. Дзендзелівський карта 5). Интересны архаичные формы 11—20: *однонадесятъ сотъ тисячей* 133б, *дванадесятъ* 155б, *вусѣмънадесятъ* 164а. Сотни: *триста* 41а, *пятсотъ* 73б (ср. Дзендзелівський карты 8, 9, стр. 55) имеют старые формы без обобщения *сто* у всех сотен (ср. Пань. Укр. гов. 292).

О склонении числительных мы располагаем только малым количеством данных, но по ним можно установить, что они склонялись также, как сегодня (Пань. Укр. гов. 292), 2—4: родительный падеж: *двохъ* (род.-вин.) 101б, *чотырохъ* 165б; творительный падеж: *трома (кѣпы)* 26а, 43б; 5—10:



есть только творительный падеж: *шѣстьма* 9б, *сѣмма* 110а, но 12: дат. п.: *дванатцятумъ* 45б (в роли существительного). 100 имеет творительный падеж: *стома* 96а (ср. Пань. Укр. гов. 213).

Количественные числительные имеют те же отношения управления и согласования с существительными, что и сегодня в говорах и в современном литературном языке, однако числительные могут оставаться без изменения: *до сѣмъ разъ* 118а, *дѣля шѣсть дѣлъ* 69б, *у тыхъ шѣсть днувъ* 165а.

В связи с порядковыми числительными мы можем сказать сравнительно мало: 1. *першая* 74б, 196б, *першее* 37а; 2. *другая* 11а, 198б, *другое* 14а; 3. *третій* 25б, *третяя* 193б, *третее* 11б склоняются, как мягкие прилагательные, наблюдается и окончание *-ôho* : *третюго* 111б *(ю = 'ô)*. Превосходная степень от *першее* : *найпершее* 40б.

Сравнительно часто мы встречаем собирательные числительные: *оба**107б, *обѣ* 186б, без существительного: *двое, тріе* 111б (ср. Вх. I. 74, Вх. II. 84, 85 и Дзендзелівський 29), тоже без существительного, а *трое Божіе приказаня* 214а, *семеро Божіе приказаня* 214а, *десятеро Божіе приказаня* 227б (вин. п.), *тогожъ десятерого Божія приказанія* 224б (род. п.) согласуются с существительным и прилагательным, хотя 1 раз числительное не изменяется: *того десятеро Божія приказаня* 222б. Собирательное числительное образуется и с приставкой *само-*: *самоосмъ* 230б, также в УК: *самодруга* 19б (Пань. Укр. гов. 295—296). В НП встречаются и наречия от числительных: *двичѣ* 139б, *тричѣ* 15б (Пань. Укр. гов. 296). От неопределенного числительного *много* мы находим родительный-винительный падеж множественного числа: *многыхъ* 167а.

Сравнительная степень неопределенных числительных образуется с частицей *май* : *май много* 140а, *май мало* 140а.

## ГЛАГОЛЫ

В Няговских Поучениях и Углянском Ключе система глагола мало отличается от современной, и мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

### *Настоящее время*

В обоих памятниках сохраняются старые формы основы настоящего времени в 1 л. ед. числа и в 3 л. мн. числа у глаголов типа: *могу* 88а, *могутъ* 112а, *текутъ* 81а, без влияния аналогии основы остальных лиц *(можу, можут)*. Такие старые формы в закарпатском диалекте местами встречаются и сегодня (Вх. I. 76—77, Пань. Укр. гов. 301). Отсутствие аналогичных форм заслуживает внимание потому, что в грамотах XIV—XV вв. В. Демьянчук уже отметил: *речютъ* 9б (Дем'янчук 104). В форме 3 лица единственного числа 1-го спряжения (по Лескину 1, 2, 3) сравнительно редко отпадает конечное *-тъ*, при том, если имеется *-тъ*, то оно всегда твердое. Примеры: *мече* 71а, *прийде* 103а, *погыне* 171а, *издыхне* 106а, *читае* 82б, *спомогае* 109а, *дае* 170а, преобладают формы глаголов 1-го и 2-го спряжений по Лескину.

Стяжение -*aje*- > -*a*- в 3-м лице единственного числа происходит редко: *слухатъ* 36б, 191б и др. (чаще всего), *дузнаватъ* 83а, *розгнѣватъ* 85б, *гадатъ* 67б, *кортатъ* 73а, *помагатъ* 171б и др. В Углянском Ключе мы находим стяженные формы кроме 3-го лица и во 2-м лице: *лишаш* 78б, *покушаш* 14а, *пропущаш* 15б. В восточных говорах и сегодня оно охватывает только 2-е и 3-е лица единственного числа (Пань. Укр. гов. 308). Такие факты говорят о том, что процесс стяжения в южномараморошском говоре во время написания Поучений еще мало продвинулся вперед. Но данный процесс начался тогда, когда в конце окончания еще существовало -*t*, или процесс отпадения -*t* в 3-м лице единственного числа у глаголов 3-й группы по Лескину еще только начинался, потому что у стяженных форм сохранилось -*t* *(знат)*. В 3-м лице множественного числа 2-го (по Лескину 4-го) спряжения наблюдается форма: *мовятъ* 99а, 103б, 175а, но рядом с ней также часто: *мовлятъ* 82а, 83б, с эпентетическим -*л*- (ср. Пань. Укр. гов. 111—113).

В Поучениях преобладает: *естъ* 3а в 3 л. ед. числа глагола *быти*, и только редко находим: *е* 67а, а сегодня в восточных закарпатских говорах редко встречается первая форма, ибо господствует *je* (Пань. Укр. гов. 319).

Интересны сокращенные формы: *можъ* 66а, *хочъ* 66а, которые часто употребляются (ср. *tož* в тексте из села Рахів, Ужок у И. Панькевича (Пань. Укр. гов. 417, 479)).

*Будущее время*

Будущее время (сложное) образуется не только с вспомогательным глаголом *быти* и инфинитивом, но часто и с вспомогательным глаголом *яти*: *мешь видѣти* 17б, *метъ честовати* 10а, 12а, *имете просити* 22б, *глумити мутъ ся* 37б, при этом вспомогательный глагол является подвижным. Такой способ образования нередко можно найти и сегодня в Марамороше около Хуста и в гуцульских говорах (Пань. Укр. гов. 319).

*Прошедшие времена*

Вследствие исчезновения аориста и имперфекта перфект стал единственной формой прошедшего времени (не считая давнопрошедшего времени, имеющего особое значение) и потерял значение перфекта. Вспомогательный глагол, носитель значения перфекта, мог опускаться. Формы 1, 2 лиц образуются с вспомогательным глаголом, не имеющим постоянного места, а 3 л. без него, только 1 раз можно найти в цитате: *естъ пуславъ* *130б (книжная форма). При употреблении вспомогательного глагола, подлежащее, выраженное личным местоимением 1, 2 лиц, опускается: *емъ бывъ (голоденъ)* 163а, *есъ согрѣшивъ* 165а, *есме . . . видѣли* 163а, *давали есте* 163а. Если ставится личное местоимение, то вспомогательный глагол опускается: *мы тя напоили* 163а, *мы тя пересалашловали* 163а, но такая конструкция встречается довольно редко, скорее тогда, если подчеркивается местоимение. При таком употреблении вспомогательный глагол указывает только на действующее лицо, его звуковая форма сохраняется лишь настолько, насколько это требуется для выполнения этой функции, как мы это видим в памятниках и позже.

Остатками аориста считаются: *вывюгъ* 31а, *привюгъ* 50б (Пань. Укр. гов. 316—317).

Давнопрошедшее время употребляется широко, как и сегодня (Пань. Укр. гов. 318). Оно образуется при помощи прошедшего времени вспомогательного глагола *быти* и действительного причастия прошедшего времени глагола: *уставъ бывъ* 3б, *бывъ оставъ* 118б, *были увыйшли* 100а и др.

*Условное наклонение*

Условное наклонение имеет формы настоящего и прошедшего времени. В 1 лице единственного числа выступает вспомогательный глагол *быхъ* без вспомогательного глагола *есмъ*, а во 2 лице единственного числа и в 1, 2 л. множественного числа он в форме частицы *бы* ставится рядом или сливается в одно слово с вспомогательным глаголом *есь, есме, есте*, в третьих лицах стоит *бы*, единственное число 1 л.: *быхъ;* 2 л.: *бы есь, бесь*, 3 л.: *бы;* множественное число 1 л.: *бы есме, бесме;* 2 л.: *бы есте, бесте;* 3 л.: *бы;* примеры: единственное число 1 л.: *быхъ добывъ* 10а; 2 л.: *бы есь знавъ* 123а, *бесь звѣдовавъ* 123а (последние два примера стоят рядом); 3 л.: *бы могло хосновати* 151б; множественное число 1 л.: *абы есме ся . . . бояли* 154а, *бесме учинили* 143а; 2 л.: *бы есте знали* 113а, *знали бесте* 46а; 3 л.: *бы пушли* 87б. Если ставится местоимение, то вспомогательный глагол опускается: *бы мы казали* 108б, но такая форма встречается редко.

Если рассмотренные формы сравним с теми, которые употребляются сегодня в современном южномараморошском говоре (Пань. Укр. гов. 324—325), то можем установить значительное расхождение. В памятнике не засвидетельствован ни разу вспомогательный глагол 1 л. единственного числа в форме: *бым*, а только *бых*, которое сегодня можно найти лишь редко, но главная разница наблюдается в вспомогательном глаголе 2-го и 3-го л. единственного и множественного чисел. При объяснении их развития надо исходить из древнерусских форм.

Древнерусский язык обладал следующей формой условного наклонения.

| | Единственное число | | | | Множественное число | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 лицо | знал | -ла | | быхъ | знали | -лы | | быхом |
| 2 „ | „ | „ | | бы | „ | „ | | бысте |
| 3 „ | „ | „ | -ло | бы | „ | „ | -ла | быша |

Начиная с XIII века, кроме 1-го лица, распространяется *бы* как частица во всех лицах (Кузнецов 268), так как с исчезновением аориста, сохранившиеся формы аориста вспомогательного глагола стали анахронизмом, и создались условия для их разложения. На первый план выступает общность второй части данной формы с формой прошедшего времени. Их

взаимная связь обнаруживается в их сходном развитии. Но там, где выступала частица *бы*, с причастием сочетается и настоящее время вспомогательного глагола *быти*. На основании данных памятников можно предположить, что одновременно с появлением новых форм условного наклонения уже начинает исчезать вспомогательный глагол в 3-м лице. Итак, спряжение получило следующий вид:

| Единственное число | Множественное число |
|---|---|
| 1 л. знавъ -ла быхъ | 1 л. знали бы есме |
| 2 л. " " бы есь | 2 л. " бы есте |
| 3 л. " " -ло бы (естъ) | 3 л. " бы (сутъ) |

Такие формы мы уже находим в нашем памятнике рядом с более развитыми формами, где *бы* и вспомогательный глагол сливаются:

| Единственное число | Множественное число |
|---|---|
| 1 л. знавъ -ла быхъ | 1 л. знали бесме |
| 2 л. " " бесь | 2 л. " бесте |
| 3 л. " " -ло бы | 3 л. " бы |

Последний тип встречается чаще в НП. Современная система возникла в результате проникновения *бы* и в 2 л. ед. числа, и в 1, 2 л. множественного числа вспомогательного глагола *(бысь, бысме, быстe)*. Значительно повлияла на рассматриваемый процесс возможность образования форм прошедшего времени с вспомогательным глаголом без начального *е-: -сь, -сме, -сте*. Такие усеченные формы в условном наклонении сливались с частицей *бы (бысь, бысме, быстe)*. Менее вероятно, что формы вспомогательного глагола условного наклонения: *бысь, бысме, быстe* возникли раньше, и под их влиянием образовались формы типа *-сь, -сме, -сте*, потому что тип *бесме* был продуктивным, и он едва ли мог быть вытеснен без влияния форм прошедшего времени. Кроме того, данный процесс поддерживали и формы типа *бы есме знали* и *мы бы знали*. (К сожалению, насчет образования указанной формы у нас нет достаточного материала.) Таким образом возникли следующие формы:

| Единственное число | Множественное число |
|---|---|
| 1 л. знавъ -ла быхъ (или бым) | 1 л. знали бысме |
| 2 л. " " бысь | 2 л. " бысте |
| 3 л. " " -ло бы | 3 л. " бы |

Как и в прошедшем времени, здесь тоже могут стоять частица *бы* и причастие с местоимением без вспомогательного глагола *(ты бы знавъ)*.

Условное наклонение имеет и форму прошедшего времени, которая образуется при помощи частицы *бы* и давнопрошедшего времени глагола (т. е. вспомогательного глагола *быти* и действительного причастия прошедшего времени), 3 л. ед. ч.: *бы былъ найшолъ, бы былъ погубилъ* 31а, 1 л. мн. ч.: *мы бы были погыбли* 101б, 2 л.: *бы были . . . слухали* 30а. Форма прошедшего времени условного наклонения наблюдается и в современных закарпатских говорах (Пань. Укр. гов. 325).

*Повелительное наклонение*

В формах повелительного наклонения в сравнении с древнерусскими формами наблюдаются следующие изменения: а) возможно отпадение *и, ѣ* не под ударением; б) в 1, 2 л. мн. числа 2-го спряжения стоит по аналогии *ѣ* вместо *и*; в) во 2 л. мн. числа в конце слова может отпадать *-е*. Итак, в памятнике встречаются следующие окончания: ед. ч. 2 л.: *-и, -(ь), -й*, мн. ч. 1 л.: *-ѣмъ, -ѣме, -(ь)ме, -(й)ме ;* 2 л.: : *-ѣте, -ѣтъ, -(ь)те, -йте*. Те же окончания можно найти и в современных закарпатских говорах (Пань. Укр. гов. 320—324). Приводим следующие примеры из Няговских Поучений: единственное число 2 л.: *ирци* 96б, *рецu* 41а, *розвяжи* 17б, *смотри* 62б, *перестань* 16а, *будь* 14а, *перечь* 19а, *мовъ* 14а; *научай ся ка* 79а (с частицей *ка)*, *вѣруй* 93б; множественное число 1 л.: *идѣмъ* 77б; *молѣмъ ся* 75б, *ждѣме* 60б, *чинѣме* 60б; *подме* 52а, *погромадьме* 146а, *постьме* 13б; *слухайме* 34а, *научайме ся* 10б; 2 л.: *пріймѣте* 74а, *пудѣте* 53б, *чинѣте* 55б; *стерезѣтъ* 12б, *берѣтъ* 13а, *сокотѣтъ ся* 15а; *слухайте* 90а, *подьте* 13а, *истямьте(жъ)* 30а, *ижъте* *198а, *повѣжте* 53б.

*Причастия, деепричастия*

Что касается системы и отдельных форм причастий и деепричастий, она не отличается от современной, поэтому мы ограничимся только несколькими замечаниями.

Причастие действительного залога прошедшего времени засвидетельствовано только в слове: *минувшую* 221б (если не брать примеры из цитат, хотя и данный пример имеет книжный характер). Причастие действительного залога прошедшего времени с *-л* выступает скорее как прилагательное (не считая формы прошедшего времени): *умерлому (тѣлу)* 145б, *погыблого* 62а, *упалыи* 145а, *упалое* 148а, *(у) перешлуй (нелѣ)* 229б, род.-вин. п. мн. числа: *умерлыхъ* 157б. Формы причастия страдательного залога настоящего времени: *незнаемое, невидим(о)е* 181а, *мучимое* 150б, редки и из книжного языка. Зато очень часто можно найти причастие страдательного залога прошедшего времени в краткой форме: *прошунъ* 153а, *понесюнъ* 153а, *потокмлено* 131а, *учинены* 6а, *прощены* 6б, но встречается и полная форма: *непрощеному* 121а, *незочтеныи* 101б. О книжном именном склонении таких причастий мы говорили при прилагательных.

В Поучениях чаще употребляется деепричастие с суффиксом *-чи*, чем деепричастие с суффиксом *-вши*. Примеры с суффиксом *-чи : стерегучи ся* 16а, *измагаючи ся* 9а, *блудячи* 8а, *журячи* 91а, *мовлячи* 222б и др.; с суф-

фиксом *-вши: бывши* 97а, *насадивши* 128б, *учувши* 26б, 104а, *выддѣлившися* 102б. Причастия с *-чи* выражают одновременное, а *с -вши* преждевременное добавочное действие, за исключением причастия *бывши*, которое выражает одновременное действие.

НАРЕЧИЯ

История развития наречий одна из наименее изученных областей исторической грамматики. В области закарпатских говоров И. Верхратский занимался некоторыми особенностями наречий (Вх. I. 62, 100, 101—107) и В. В. Немчук и П. М. Лизанец занимались изучением наречия сел верхнего течения реки Боржавы и Затисья Виноградовского района (В. В. Німчук, Із словотвору прислівників говірок району Верхньої течії річки Боржави. Прислівники займенникового походження. НЗ УДУ т. XXXV. 42—55, П. М. Лизанець, Із словотвору говірок Затисся Виноградівського району (прислівник). Доповіді та повідомлення. Серія історикофілологічна. I. 93—95). Мы ограничимся лишь характеристикой важнейших типов наречий, приводя данные И. Верхратского, В. В. Немчука, П. М. Лизанца. Для того, чтобы охарактеризовать состав наречий, мы рассматриваем не только те наречия, которых нет в литературном языке или малоупотребительны, но и такие, которые встречаются в литературном языке.

Наречия сгруппированы по способу образования, а внутри отдельных типов — по значению.

Наречия, образованные от прилагательных с суффиксом *-о: скоро* 88б, *опасно* 1б, *гурько* 92б, *недобро* 122б. (Мы приводим мало примеров, но этот тип является очень употребительным.) Суффиксу *-о* у мягких прилагательных соответствует *-е*: *дуже* 39а. Однако суффикс *-е* наблюдается и у твердых прилагательных: *безвинне* 23а, *набужне* 226а, *зле* 104б, 128б, 215б, но он встречается редко. Можно найти его и в УК: *добре* 16а, *едностайне* 17а, *спокойне* 85а. Такие формы взяты, вероятно, из литературного языка того времени.

От относительных прилагательных наречия образованы с частицей *по* + творительный падеж множественного числа старого номинального склонения: *по жидувскы* 57а.

Сравнительная степень наречий образуется от основы сравнительной степени с суффиксами *-е, -ѣе: гурше* 7б, *пережже* 11а, *дале* 7б, 20а, 61а, *бурше* 114б *(р < л)*, *боржѣе* 100а; с суффиксом *-е* и с частицей *май: буде ти гурше май* 65а (в постпозиции), с частицей *май* + положительная степень наречия: *май право* 36а. Надо отметить, что частица *май* выражает усиленную степень признака, выраженного любым наречием (т. е. не только наречием, образованным от прилагательного), напр.: *май перше* 69а, *май гораздъ* 103б, *май потумъ* 63б.

Превосходная степень образуется с префиксом *най-* и суффиксом *-е* от основы сравнительной степени: *найбульше* 50а, *найбурше* 127б, с частицей *май* + положительная степень: *май дуже* 13а или *май* + сравнительная степень: *май булше* 62б. Слово *булма* 106а, которое имеет значение 'больше', с префиксом *най-* получает значение превосходной степени: *найбульма* 41б, 42а.



Наречия, образованные от именного склонения прилагательных с разными предлогами, со значением места — *из* + род. п.: *изъдалеку* 99б (Вх. I. 62), *изблизку* 199б; времени — *из* + род. п.: *изъ молоду* 215а; образа действия — *(и)з* + род. п.: *сповна* 126б, *изнова* 192б, *по* + дат. п.: *по-просту* 82б, *у* + вин. п.: *у порожне* 87б. Надо отметить еще наречие *вульми* 90б, 114а (< *velь-mi*).

Наречия, образованные от существительных с предлогами и без предлогов, со значением места на вопрос куда? *на* + вин. п.: *напередъ* 158а, дат. п.: *домувъ* 63б, *долу* 120а; где? мест. п.: *горѣ* 180б; со значением образа действия, им. п.: *гораздъ* 106б (Вх. I. 62), *за, на* + вин. п.: *заразъ* 41а, *задарь* 223б, *назадарь* 224б, *до* + род. п.: *досыть* 64а, 33б, *у, на* + мест. п.: *умѣстѣ* 124а; со значением времени, *на* + вин. п.: *напослѣдь* 100б, *напослѣдокъ* 14а; *на* + мест. п.: *напослѣдѣ* 100б, *назадѣ* 172б, *напередѣ* 55б. Интересно отметить: *удну* УК 14б (Вх. I. 62) *(v + dnu)* со значением 'внутрь', хотя *dnu* дат. п., но это уже не чувствовалось, поэтому прибавили предлог *у* (ср. *dnu-ka* 'nach innen, hinein, innen', *dńi* 'inwendig, innen (BEW 245). Дальше и образовали от *удну: изудну* 36а 'изнутри').

Наречия, образованные от разных разрядов числительных, со значением времени: *перше* 7б, 149а, 156б, *перво* 72б, *найперво* 7а, 13б; с предлогом *из* + род. п.: *исперша* 16а, *исперву* 11б, 112а (Вх. I. 621); образа действия, *за* + вин. п.: *заодно* 32б, *заедно* 90б; *у* + вин. п.: *у одно* 166а (Вх. I 62, *у-едно)*, *у четверо* 180б, *у двое* 190б (Лизанец ук. соч. 94); степени: *на* + вин. п.: *намного* 92б.

Первообразные наречия и формы образованные от них с предлогами со значением места: *де* 13а, 98а (Німчук 43), *нѣкъде* 126б (Німчук 46), *инде* 44б, 148б (Німчук 43); *увезды* 65б, 53б; *туй* 119б (Німчук 43), *туйка* 131а (Німчук 45), *сѣмъ* 101б, 102а, *тамъ* 101б (Німчук 43), *сюды* *168б, *туды* 134а, *инуда* *79б (последние три наречия см. у Немчука 43); *выткудъ* 44б, *выдку* 152а, *выдцѣ* 6а, 9а, *выттудъ* 83б, 121б, *выту* 188б, *вытсюду* 38а, *вытсюдъ* 43б; времени: *тогды* 29б (Вх. I. 102, Німчук 42), *иногды* 18а, *усюгды* 4а, 82б (ср. Німчук 53), *нѣгда* 31б (Німчук 48), *коли* 94а (Вх. I. 103, Німчук 42), *николи* 50а, *деколи* 64а, 70а (Німчук 49), *докудъ* 141б, *доку* 5а (последние два в значении союза 'пока'), *дотудъ* 92а, *досѣ* 82б, *упослѣ* 73б; наречия образа действия: *якъ* 101б, *такъ* 101а, *сякъ* 76б, *инакъ* 32б, 51а, (последние четыри наречия см. у Немчука 42), *нѣякъ* 100а (Німчук 46), *кулько* 119б (Німчук 43), *коль* 106б.

Наречия, образованные от местоимений с предлогами или без предлогов, со значением времени — вин. п.: *усе* 154а; *за* + твор. п.: *затымъ* 73б; *по* + мест. п.: *потумъ* 66; причины, *про* + вин. п.: *прушто* 61а; *за* + вин. п.: *зашто* 138а; дат. п.: *чому* 125а; образа действия, твор. п.: *чимъ* 154б.

Наречия, образованные от наречий, со значением времени: *выттеперъ* 65а, 134б, *извонъкы* 141а ('вон'). Последнее могло быть: *из* + *вонкы*, будто род. п. от *вонка* (Чопей 36: *вонка*, FEW 225: *vonka)*, но тогда надо было бы иметь значение 'извне', поэтому вернее: *из* + *вонкы*, где предлог для усиления (в современных говорах кроме *vonka* имеется и *vonkы (vonky)* (любезное сообщение Э. Балецкого)).

Встречается еще наречное словосочетание: *одно ико другому* 167а.

После анализа Няговских Поучений и сравнения их с Углянским Ключом и иными памятниками XVII в. мы снова ставим вопрос о времени возникновения памятника. Установить время написания НП можно на основании важнейших морфологических тенденций, которые действовали в XVI – XVII вв. Они, вызывая изменения в морфологическом строе южномарамороshского диалекта, в разной степени отражаются в Няговских Поучениях и в Углянском Ключе. Таковыми являются: 1) распространение окончаний множественного числа: *-ами, -ями, -ахъ, -яхъ* у существительных мужского, среднего родов и женского рода с основой на мягкий согласный *(грѣхами, королями, злостями, писмахъ, обычаяхъ)*. Такие новые окончания в НП редко встречаются, а в УК, в Углянском Учительном Евангелии и в Сокирницком Сборнике находим их уже часто. 2) Употребление родительно-винительного падежа во множественном числе, которое исходило от местоимений *(насъ, васъ, ихь, тыхъ)* и при поддержке форм ед. числа распространялось у прилагательных и существительных. Данная категория у существительных встречается очень редко, а в УК уже часто. 3) Распространение влияния твердых окончаний у существительных, прилагательных, местоимений и числительных мягкой разновидности склонения вначале только за шипящими перед твердым согласным: *плачомъ* (твор. п. ед. ч.), *божого, нашого* (в Поучениях), потом и перед мягкими согласными: *божои, нашои* в Сокирницком Сборнике, а также в УК. 4) Распространение стяженных форм у местоимений типа *свого, твого* в УК наблюдается шире, чем в НП. 5) Отпадение *-t* в 3-м лице единственного числа у глаголов 1-го спряжения и стяжение *aįe* > *a* в Поучениях только в 3-м *(слухатъ)*, в УК и во 2-м лице *(лишаш)*. Рассматривая развертывание этих тенденций, в Углянском Ключе мы нашли их значительно более широкое распространение, они захватывают большее количество и все новые группы слов.

Имея в виду приведенные данные, надо предположить, что Няговские Поучения были написаны раньше любого памятника XVII в., приблизительно во второй половине XVI в. А. Петров по анализу содержания памятника установил, что НП были созданы еще до унии, поэтому следует отнести Няговские Поучения ко второй половине XVI в.

Уже при анализе отдельных явлений мы часто указывали на современный южномарамороshский говор с *и* (< *о*), языковые особенности которого преимущественно отражаются в Няговских Поучениях. На этот же говор ссылался и Ф. Тихий в своей работе (Tichý 11). Также по мнению Г. Геровского в Няговских Поучениях отражается южномарамороshский диалект XVI в. (Gerovskij 483). Действительно, если мы рассматриваем особенности южномарамороshского диалекта, установленные И. Панькевичем (Пань. Укр. гов. 347), то видим что почти все они встречаются в Няговских Поучениях. Так, *и* на месте *о* в новом закрытом слоге: *вутцю* 43а, *'и* (< *е*) : *рюкъ* 2а, сохранение *hы, kы, chы* : *многыи* 150б, *якый* 142а, *хыжную* 187б, *žy, šy* в середине слова: *уживый* 46б, *лишили* 167а, *d* + *į* > *ž* : *чужую* 19а. Сохранились остатки различения мягкой и твердой разновидностей склонения существительных бывших основ на *-а* и на *-о*,



при этом последняя черта встречается в НП в бóльшей мере, чем в современном говоре (см. склонение существительных). В настоящем времени глаголов, в 1 л. ед. числа и в 3 л. мн. числа сохраняется интервокальное *į* : *посылаю* 86а, *призывают* 80б; а в 3 л. ед. и мн. ч. наблюдается твердое *-t* : *познаваетъ* 79б, *проститъ* 79а, *истекутъ* 79а, *мовятъ* 99а. Сравнительная степень образуется при помощи частицы *май* + положительная степень прилагательного: *май люба* 6б.

При сравнении данных морфологии НП с данными незакарпатских памятников оказалось, что южномарамороshский говор уже в XVI в. был более консервативным, чем галицкие и волыньские говоры, и Няговские Поучения были написаны на более архаичном языке, чем другие произведения конца XVI в., при этом их архаичность отражала живой говор.

## 4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Авторы работ по историческому синтаксису славянских языков очень часто подчеркивают, что исторический синтаксис славянских языков или данного славянского языка еще мало разработан. К этому еще можно прибавить, что в данном случае мы имеем дело с таким говором, у которого еще не разработан описательный синтаксис. Раньше синтаксисом закарпатских говоров занимался лишь Иван Верхратский в работе „Знадоби для пізнаня угорсько-руських говорів“ (I—II. Львів, 1899, 1901). Из советских лингвистов И. Н. Чередниченко написал короткую статью „Сінтаксічні явища закарпатських українських говорів.“ (Вопросы славянского языкознания. кн. 2. Львов, 1949), а в статье „Деякі особливості говорок Ужгородської округи, Закарпатської області“ (Діалектологічний бюллетень. вип. II. 1950), он уделяет внимание и вопросам синтаксиса. Л. М. Лизанец в статье „Українські говірки Затисся Виноградівського району та їх місце серед інших закарпатських говорів“ (НЗ УДУ XXXV), В. И. Орос в работе „Із спостережень над говірками Хустського району, Закарпатської області“ (НЗ УДУ XXVI) занимаются также вопросами синтаксиса. Анализу синтаксиса энклитик посвящена статья В. И. Добоша „До синтаксису особых енклітик *-м, -с', -с'ме, -с'те* в південнокарпатських говорах“ (ДП УДУ 3). Особенности беспредложного управления рассматриваются в статье П. М. Лизанца „Особливості вживання деяких прийменникових конструкцій у говірках Затисся Виноградівського району“ (НЗ УДУ XXVI).

Однако какими бы ценными и полезными не были наблюдения упомянутых работ, они распространяются только на некоторые явления и часто не дают достаточного основания для сравнений, поэтому нам пришлось рассмотреть опубликованные марамороshские, бережские, угочанские диалектологические материалы, чтобы получить более точную картину современного состояния говоров. Конечно, и наши данные являются лишь скромным вкладом в разработку описательного синтаксиса, ведь изучение этого вопроса не может быть нашей задачей.

Работ, посвященных анализу исторического синтаксиса закарпатских говоров почти что нет, если не считать некоторые данные И. Н. Черед-

ниченко в вышеупомянутой работе. Исторический синтаксис украинского языка оставался долго почти неразработанным. В прошлом изучением синтаксиса занимался лишь И. Огиенко в работе „Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р." (Варшава, 1930). В послевоенное время Л. А. Булаховский обработал отдельные важные вопросы синтаксиса в серии статей „З історічних коментаріїв до української мови": „Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них" (Наукові записки Київського Державного Університету. т. V. вип. 2, 1946), „Уваги до старовинних засобів синтаксичного оформлення присудків та їх еквивалентів" (там же т. VII. вип. 3, 1948), „Порядок слів" (там же т. VI, вип. 1, 1947).

После Л. А. Булаховского был написан ряд работ по историческому синтаксису, но не все они опубликованы полностью: часто выходили только отдельные отрывки, автореферагы. Большое внимание было уделено украинским летописям: С. П. Бевзенко „Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст." (НЗ УДУ IX); А. Я. Петренко „Очерки по истории гипотактических союзов в украинском языке. На материале летописи С. Величко" (Автореферат, Харьков, 1952), часть диссертации вышла в форме статьи „Нариси з історії гипотактичних сполучників української мови" (Мовознавство, т. XII, 1953), И. И. Слынько „Синтаксис летописи Величко" (Автореферат, Львов, 1954); были подвергнуты анализу и памятники деловой письменности XVII в.: О. П. Лахно „Из спостережень над мовою документів Богдана Хмельницького" (Українська мова в школі, 1953, № 6); І. Я. Єдлинська „Синтаксис листів Богдана Хмельницкого в Росію" (Автореферат, Львів, 1955), того же автора „Спостереження над мовою першого листа Богдана Хмельницького до московського царя Олексія Михайловича" (Зб. Віковічна дружба народів-братів. К. 1954); І. І. Ковалик „Заперечні речення в листах універсалах гетьмана Б. Хмельницького" (Вопросы славянского языкознания. кн. IV. Львів, 1955) и также XVI в.: Т. С. Ярмоленко „Сложноподчиненное предложение в памятниках деловой украинской письменности XVI в." (Автореферат, Киев, 1955). Новейшая историческая грамматика украинского языка: О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, І. Й. Тараненко „Історична граматика української мови" (К. 1957) рассматривает также вопросы синтаксиса.

Русскому историческому синтаксису посвящен целый ряд работ, начиная с трудов А. А. Потебни до работ современных советских лингвистов. В этих работах можно найти много ценного и в отношении изучения истории украинского языка. Мы использовали эти труды для установления синтаксических особенностей древнерусского языка, с другой стороны, данные старорусского языка также дают нам возможность для сравнения. Здесь следует разъяснить один вопрос терминологического характера: у нас термин *древнерусский* служит для обозначения предка трех восточнославянских языков, между тем как термином *старорусский* мы обозначаем русский язык уже после разветвления древнерусского языка. В русской лингвистической литературе употребляют один термин (древнерусский) для обозначения обоих языков, однако для нас упомянутое различение очень важно.



При разработке отдельных вопросов мы стремились найти материал для сравнения, поэтому мы исследовали с точки зрения синтаксиса галицковолынские и молдавские украинские грамоты XIV—XV вв. (Вол. Розов, Українські грамоти XIV в. перша половина XV в. т. І. Київ 1928 (без сокращ.); M. Costachescu, Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare. (сокращ. C I., II); Documente moldoveneşti dela Ştefan cel Mare. (сокращ. C III); I. Bogdan, Documentele lui Ştefan cel Mare. (сокращ. B I., II).

К сожалению, закарпатские говоры до XVI в. почти не располагают памятниками, которые бы отражали народный язык. Исключением является лишь грамота 1404 г. Няговские Поучения XVI в. представляют собой самый объемистый старый памятник. Их значение для исторической диалектологии Закарпатья, закарпатского варианта литературного языка и для истории украинского языка состоит прежде всего в том, что их автор сознательно употребляет народный язык в качестве литературного языка. Анализируя синтаксические особенности Няговских Поучений, мы можем определить особенности закарпатского народного языка, причем этот памятник является воплощением того направления литературного языка, которое стремилось к поднятию народного языка на уровень литературного. Синтаксис Няговских Поучений нельзя отождествить с синтаксисом данного говора в первую очередь не потому, что в них можно обнаружить и элементы, происходящие не из народного языка, а скорее потому, что они представляют собой вариант народного языка, поднятый на более высокий уровень. Это проявляется в том, что автор, пользуясь возможностями народного языка, применяет разные элементы, и в подборе этих элементов могут проявляться индивидуальные особенности или характерные черты данного жанра (напр., автор пользуется определенными синтаксическими средствами чаще, иными реже и т. п.).

Необходимо сказать еще несколько слов о методе анализа, примененном в нашей работе.

Для исследований по историческому синтаксису имеются два основные способа анализа: исследование исторического развития какого-либо явления или группы явлений или же очерк более или менее полного синтаксического профиля одного памятника или группы памятников. Если исследователь идет по первому пути, для него открывается возможность, изображая историческое развитие данного явления, выявить его внутренние закономерности, а если же по второму, то, изучая разные явления, он может дать отчет о развитости синтаксической системы определенного памятника, а через него — определенной эпохи и языковой области, что характерно и для всей структуры языка; в то же время в некоторой степени можно осветить и историческое развитие отдельных явлений путем привлечения материала для сравнения из иных памятников. Мы, хотя и не регистрируем в одинаковой мере все явления, по существу следуем второму способу. Правда, памятники, анализируемые нами, охватывают два столетия, но их темы являются разными, их стиль является также различным, так что историческое развитие явлений не всегда можно проследить. Кроме того, два века с точки зрения истории синтаксиса не такое уж долгое время. Несмотря на это, кое-что

и так можно установить об историческом развитии определенных явлений. В то же время, синтаксический анализ способствует более полному разбору языка, освещению стилистических особенностей отдельных памятников, и поднимает вопрос о территориальной распространенности отдельных синтаксических явлений.

Хотя мы по разным причинам не изучаем все явления, однако стараемся касаться изменений, которые более важны и характерны для исторического развития.

При группировке рассматриваемого материала выявляется довольно большая пестрота в работах по историческому синтаксису. Мы разделили исследуемые явления на 3 группы: 1) словосочетания, 2) предложение, 3) сложное предложение.

## СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетания очень характерны для синтаксической структуры языка. С одной стороны, словосочетания слов, обозначающих одно и то же понятие или группы понятий, которые часто родственны и этимологически, не одинаковы в отдельных языках, даже внутри одного языка в отдельных говорах (например, в украинском языке глагольные словосочетания, обозначающие мышление, сообщение и восприятие мысли). С другой, система словосочетаний исторически развивается, следуя усовершенствованию мышления, она фиксирует его результаты и является средством для того, чтобы сообщить наши мысли в точной, недвусмысленной, ясной языковой форме (ср. например, отличие того, что действие переходит на предмет или только обращается к нему, касается его: *читать что, читать о чем).*

Мы группируем словосочетания на основании того, к какой части речи принадлежит подчиняющее слово, и в каком падеже стоит подчиненное слово. Большинство исследуемых случаев — глагольные словосочетания, имен намного меньше, и они часто отглагольные существительные. Поэтому мы разделили материал на основе того, в каком падеже стоит подчиненное слово, с предлогом или без него. Вначале рассматриваем глагольные словосочетания и среди них сначала несвободные словосочетания, а потом свободные. Внутри групп, определенных по грамматическим признакам, дальнейшее деление, поскольку оно возможно, делается с семантической точки зрения.

При отдельных словосочетаниях кроме примеров, взятых из закарпатских памятников, даются и соответствующие древнерусские, старорусские или украинские данные исторического словаря И. И. Срезневского, кроме того, местами характерные данные староукраинских памятников и диалектные или исторические данные работ С. Тимченко.

Переходя к рассмотрению отдельных групп словосочетаний, мы отмечаем, что вообще занимаемся теми словосочетаниями, которые представляют интерес с точки зрения исторического развития или диалектологии.



### *Беспредложные словосочетания*

#### Словосочетания с винительным падежом

Мы не будем рассматривать словосочетания переходных глаголов, лишь отметим несколько глаголов, которые требуют винительного падежа в отличие от литературного языка.

Испомагати: *испомагайме убогыи, сироты* 149а (ср. Тим. Ак. 17: *Тут мене Боже спмоэжи).* Но при глаголе *помогати* стоит дат. п.: *не помагай злодѣюмъ и розбойникумъ* 19б (Гр.: *спомогти кого, помагати кому).*

Учити ся: *изъ сего евангеліа учѣмъ ся сесѣ науки* 6а (см. род. п.).

Учити: *учити слугы и дѣти свои слова Божіи и дѣла* 226а (ср. *учити чого,* редко *чому* (УР VI. 262)).

Плакати: *плачеме умерлыхъ братю нашихъ* 157б.

Журити ся: *вѣруютъ они горазд и держатъ право, а другыи не журятъ* 140б 'о других не заботятся'.

Винительный времени стоит тогда, если действие полностью не занимает данную единицу времени: *И другый часъ мовилъ Христосъ ученикумъ за смерть свою* 37а.

#### Словосочетания с родительным падежом

В отличие от вин. падежа, который встречается тогда, когда глагол полностью охватывает предмет, род. п. стоит с глаголами, действие которых охватывает только часть предмета. Такое употребление род. падежа обычно, и мы не приводим таких примеров, но уделяем внимание таким словосочетаниям, которые основаны на данном значении, связаны с ним. Приведем примеры, *дати, давати: и дай намъ свѣтлости* 103б (в переносном значении); *давали есте ми салаша* 163а, в последнем примере обозначается ограниченность действия: 'дать ночлег на короткое время'. Род. п. стоит и с другими глаголами, *наловити: наловѣтъ сребра золота* 88б, где говорится о действии, охватывающем большое количество предметов.

Со значением genitivus partitivus связаны те случаи, в которых имеется в виду ограниченность предмета действия: *вины нашѣ, котрыхъ мы чиниме* 217а.

Глагол *добыти* в том же значении может управлять и вин. п., и род. п.: *добывъ пожитокъ* 172б, *добывъ пожитку* 173б, потому что при глаголе *добыти,* как правило, мы находим род. п., но тут говорится о спасении души, при котором genitivus partitivus не применяется; подобный случай: *изъ вѣровъ и любустю добудеме царство небесное* 11б (ср. *Добывши ножа* 89 (Огієнко КА 449)) и с тождественным управлением глагола *добыти* в украинских летописях (Бевзенко 199). В украинском литературном языке наблюдается и вин. п., и род. п. (УР I. 420: *Літаючи по дворах, гава Шматок ковбаски добула* (Гл.); *Добув вогню з кресали* (Л. Укр.), но может быть и *вогонь).*

Ограниченность предмета или обстоятельств действия является причиной употребления род. п. при глаголах, обозначающих восприятие, учение, обучение; при глаголах учения, обучения наблюдается род. п. в литературном языке в отличие от русского языка, в котором стоит дат. п., который редко встречается и в украинском.

Слышати: *слышитъ слова моего* 80а, *слышитъ бесѣды моеи* 200а (может быть церковнославянским словом).

Слухати: *слухайме слова Божого* 34а, *послухайте наукы святои* 18а (ср. РУ 645: *слухати що*, как в русском: *слушать)*.

Чути: *чинѣмъ тоты добрыи учинкы, котрыхъ чуемъ* 214б (ср. в литературном языке: *чути що* (РУ 645), как в русском языке: *слышать)*.

Смотрѣти: „*буду смотрѣти кырве невиноватои*" 215б (ср. Гр. IV. 160: *смотрі кінця кожній справи* № 2613; данного слова нет в литературном языке).

Дузнати: *дузнайте писма* 153а.

Учити ся: *свѣтыхъ ся дѣлъ учили* 225б (ср. Огієнко КА 455) (см. вин. п.).

Научити ся: *штобы ся и нашѣ дѣти того научили* 225б (ср. УР II. 574: *навчатися, навчитися чого*, редко *чому)*.

Научати: *што бесме знали иншіи дѣла, котрыхъ насъ научаютъ пасторове нашѣ* 225б (ср. УР II. 574: *навчати, навчити чого*, редко *чому)*.

Род. п. стоит с глаголами желания, ожидания, просьбы, искания: *жадаетъ вѣры* 106б (ср. Огієнко КА 454); *хотѣвъ панства* 112б (ср. Огієнко КА 455); *иждѣме . . . другого свѣта* 201б (ср. Огієнко КА 454); *просити дару* 172а; *искала спасенія* 64а (ср. Огієнко КА 454). Кроме этих случаев, распространенных в славянских языках, может быть, под влиянием глагола *искати* род. п. употребляется и при глаголе *найти: найти спасенія* 64б (если это не описка под влиянием формы живого языка, где и род., и вин. п. оканчивается на *-ня)*.

Род. п. стоит с глаголами, обозначающими боязнь, что тоже общая славянская особенность: *и не бояли ся жидувъ* 54а (см. *выд* + род. п.); как и в современном говоре: *вѣтра ся не бою* Боронява (Вр. 83); *осокочуйме ся неподубныхъ дѣлъ* 223а.

С глаголами, обозначающими 'стыд, каяние, исповедание', мы находим тоже род. п. для выражения предмета действия.

Соромѣти ся: *ся соромѣет мене и моихъ слувъ* 152а (ср. РУ: *соромитися чого*, как в русском языке: *стыдиться)*.

Каяти ся: *штобы ся каявъ грѣховъ своихъ* 202б (ср. Срез.: *По вьсꙗ дни каꙗтисꙗ грѣхъ своихъ* Нест. Жит. Феод. 12; однако: *кающесѧ о первомь согрѣшеньи своѥмь*. Нест. Бор. Гл. 40).

Сокотити ся: *сокотѣмъ ся таковыхъ карностіи за обмовы нашѣ* 215б, данного слова нет в литературном языке (ср. Огієнко КА 455: *Абы ся стерегли лакомства* 112).

Исповѣдати ся: *исповѣдавъ ся греховъ* 6б.

Беспредложное словосочетание стоит вследствие аблативного значения род. п. в следующих случаях: *коли бы ся выдвергъ Іисуса* 190б; *А кто ся выдвержетъ мене передъ людми, выдвергу ся и я выдъ него передъ отцемъ моимъ* 176б, в последнем примере рядом стоит и предложное словосочетание; *што были почали бѣчеловати одну королицу за Бога, выдступивши Господа Бога правого и приказаня его* 220б (Огієнко КА 446 так же, в современном литературном языке: *відступаючи (-пивши) від правила* (УР)).

Из свободных глагольных словосочетаний, т. е. из таких, в которых подчиненное слово нельзя считать управляемым, отметим родительный времени: *держать ся много ихъ сеи годины* 35а, который довольно часто встречается и в грамотах XIV—XV вв.: *Писанъ листъ . . . великого поста пѧтоѣ недѣли* гр. 1404 г. (Н 1/2. 823) и часто наблюдается в летописях XVII в. (Бевзенко 200). В современном говоре родительный времени тоже часто употребляется: *де будеме другоѣ недѣлі* Боронява (Вр. 23).

При сравнительной степени прилагательных и наречий имя, с которым сравнивается, может стоять в род. п., но чаще наблюдается *выд* + род. п.: *знаетъ отецъ вашъ небесный, што вамъ надобѣ, пережe прузьбы вашеи* 108б (ср. Вх. II. 106) (см. *вудь* + род. п.).

*Отрицание*

При глаголах с отрицанием употребление род. п. имен, к которым относится отрицание, является общей славяно-балтийской особенностью. Но в большинстве современных славянских языков распространилась и в этих случаях форма вин. п., так в русском, украинском, белорусском, польском и словацком.

В закарпатских говорах сегодня данный процесс уже значительно продвинулся вперед, так что вин. п. употребляется намного чаще, хотя употребляется и род. п. Поэтому не совсем прав Ш. Бонкало, который в своей статье „Об отрицательном предложении в малорусском языке" (Tagadó mondat a kisorosz nyelvben. Nyelvtudomány, 1913, 3, 219–221) утверждает, что из закарпатских говоров только в гуцульском встречается род. п. при отрицании. Данные И. Верхратского (Вх. I. 109) свидетельствуют о том, что употребление род. п. может сохраняться (см. еще безличное предложение, отрицание).

Если мы рассматриваем наш памятник, то видим, что в XVI в., как это показывают НП, употребление род. п. является еще почти исключительным, употребление вин. п. встречается сравнительно редко, так у существительных среднего рода: *попове не кажутъ слово Божіе* 82а, *такъ штобы нѣкто не имавъ изъ ними дѣло нѣякое* 102б и т. д., мы редко находим и у существительных мужского рода, даже при отрицании существования: *не естъ окремъ мене другый Бгъ* 60б, а по Верхратскому с *ньіт, не є, не есть* только род. п. (Вх. II. 106), у существительных женского рода тоже довольно редко: *чомъ такыхъ Христосъ не любитъ молитву* 117б, *не сокотили ни кварь, ни соромъ, ни смерть* 53б, встречается и во множественном числе: *не проклинавъ дны свои* 60б. В Креховском Апостоле наблюдается употребление только родительного падежа (Огієнко КА 445), тоже самое установлено и в украинских летописях (Бевзенко 200).

## Словосочетания с дательным падежом

К первоначальному значению дат. п. относится обозначение направления действия. То лицо или тот предмет стоит в дат. падеже, в направлении

которого, в пользу или в ущерб которому совершается действие. С глаголами, которые обозначают 'я кому-либо делаю добро или зло', 'о ком-либо я говорю хорошее или плохое', стоит дат. п.:

Глумити ся: *ище поглумила ся слову Христовому* 64а, *глумиме ся тымъ* 133б, и сегодня: *глумитися кому* Хуст (Вх. I. 111), (по данным И. И. Срезневского в значении 'насмехаться' не употребляется дат. п.: *О мнѣ глоумꙗхаусѧ* Панд. Ант. XI в. л. 107; *Мною вси глоумать ся, азъ же сугоубо стражю.* Кир. Тур. Притч. о чел. душ. 46).

Доганяти: *доганяй ему* 73а (ср. Вх. I. 111: *доганяти кому;* также Тим. Дат. 39).

Досажати: *досажали имъ* 96б (у Срезневского также: *Бо̃у досажаѥши* Рим. II. 23. Апост. посл. по сп. 1220 г. (Оп. II. 1. 146)).

Исказити: *дявулъ... чл̃вѣку изказивъ* 69а 'вредить' (Гр.: *Їй чарівниця сказила маржину* Е. З. У. 61).

Напастовати: *Не напастуетъ овун нѣкому* 61а/61б.

Согрѣшити: *согрѣшивъ Богу* 7а, *Тобѣ одному согрѣшивъ* 178а (ср. также Тим. Дат. 39. и Срез.: *и пакы мнѣ не боуди съгрѣшати Гв̃и* Панд. Ант. XI в. л. 150).

Судити: *прійдетъ сынъ людскый судити живымъ и умерлымъ* 161а (ср. также Срез.: 'назначить наказание': *По законоу вашем сѫдите ѥмоу* Ио. XVIII 31, Остр. Ев., но Огієнко 456: употребляется и дат., и вин. п.; РУ 685: *судити кого*, как и в русском).

В современном литературном языке: *доганяти кому, досажати кому*, но: *глумитися з кого*, редко: *над ким, чим* (ср. УР) (см. и *судити кого).*

Вышеупомянутое основное значение выражается в глаголах со значением 'следовать чему-л.', 'придерживаться чего-л.':

Держати ся: *держѣме ся живому Богу* 162а (ср. также Срез.: *дьржитьсѧ волѧ правилоу* Ефр. Крм. Ник. 5, *Абыша сѧтои правде дьржали въ вѣкы* См. гр. 1229 г. 2-й сп.; УР: *нащо нам держатись тих старих звичаїв* Н.-Лев.) (см. еще род. п., *ико* + дат. п.).

Наслѣдовати: *наслѣдовати приказанію* 217б.

Уподобляти ся: *не уподобляйме ся злому, али доброму* 228б (ср.: *уподобимося зерну пшеніци* УК 21б; Срез. также: *Да не уподоблю ся жерновамъ* Сл. Дан. Зат. 239).

В свободных словосочетаниях дательный, служащий для обозначения места, направления, который в древнерусском еще довольно часто наблюдается, в памятнике встречается только в наречии: *домувъ* 63б (ср. Ogonowski 165: *домувъ*, Чопей: *домов).*

Dativus ethicus сегодня довольно часто употребляется в закарпатских говорах (см. Вх. I. 111), в памятнике тоже засвидетельствовано, напр.: *научай ся ка тобѣ* 79а.

Из словосочетаний с существительным в роли главного слова отметим следующие: *сему дѣлу естъ причта* 70а, *чиниме дяку тѣлу своему* 154б (т. е. 'что телу хорошо'), „*Любовъ ближнему твоему зла не учинитъ*" 96б.

Из словосочетаний с прилагательным заслуживает внимание: *досадны правдѣ* 103б, *достойный мѣнѣ* 176б.

Особая форма словосочетаний с существительным, где в дат. п. стоит подчиненное слово (существительное или местоимение) в таких случаях,



когда в современных славянских языках мы ждали бы род. п. Такой дат. п., который называют dativ der zugehörigkeit (Miklosich) или дат. п. принадлежности (у русских авторов), часто встречается в Няговских Поучениях. Вышеупомянутые названия не особенно удачны, потому что употребление такого дат. падежа более широко, и он служит не только для обозначения принадлежности (если даже понимать ее в более широком смысле), поэтому мы предпочитаем выражение, употребленное С. П. Бевзенко „дательный отношения и принадлежности" (давальний відносно-приналежний (Бевзенко 202)).

Такое употребление дательного падежа находим в латинском, греческом, в германских и других индоевропейских языках. Из числа славянских языков оно употреблялось в старославянском, древнерусском, древнесербохорватском, в последних, конечно, может быть влиянием старославянского, но оно было и в древнепольском, древнечешском, следовательно оно было во всех славянских языках (примеры см. Vondrák II. 365, Mikl. IV. 605). Сегодня наблюдаются только остатки в сербохорватском, верхнелужицком, в сотацком словацком говоре, очень редко в русском, а в болгарском оно очень распространено у личных местоимений. В современных закарпатских говорах довольно часто можно найти его у личных местоимений, но оно встречается и у существительных (примеры см. Вх. I. 109—110, Чередниченко 204), однако в памятниках XVI—XVII вв. оно было частым и у существительных. (Украинские примеры и подробное рассмотрение вопроса см. Тим. Дат. 47 и след., Огієнко КА 447—448, Бевзенко 213—214.)

Так как данное явление существовало почти во всех славянских языках, а в болгарском оно могло получить сильное развитие, его надо считать общей славянской особенностью, которая в разных славянских языках распространилась в разной мере в соответствии с особенностями отдельных языков. Закарпатские говоры, с одной стороны, из-за их архаического характера, с другой, из-за специфических особенностей довольно хорошо сохранили данное явление.

Такое употребление дат. п. могло распространиться прежде всего в сочетании существительное + личное местоимение, в сочетании сущ. + сущ., может быть найдено только под влиянием первого; последнее употребление потом исчезает, по крайней мере, так указывают данные славянских языков, в том числе и закарпатских говоров.

В XVI в. еще часто сочетание сущ. + сущ. в дат. п., которое объясняется не только влиянием книжного языка, но оно было и в народном языке, так как и сегодня наблюдается. При группировке примеров мы, взяв в основу отношение подчиняющего и подчиненного слов, установили следующие группы: 1) принадлежность, владелец может быть выражен существительным или местоимением; 2) прочее отношение между двумя существительными, которое во многих случаях может быть заменено предложной конструкцией; 3) субъектное подлежащее, т. е. слово в дат. п. в случае замены подчиняющего слова (отглагольного существительного или существительного, обозначающего действие) было бы субъектом действия; 4) объектное, тоже было бы объектом действия.

Нам кажется, что распространение явления шло следующим путем: первоначальной была 1. группа, откуда оно распространилось на 2., 3., 4., так как самой частой и устойчивой является первая группа. Может быть, что значение дат. падежа' действие в пользу, в ущерб кому-либо' вызвало или скорее помогало распространению данного явления, и так оно скоро выступило и во 2-й группе.

Выражение принадлежности: а) сущ. + местоим.: *языкъ ему* 150а, *погубитъ маргу имъ* 154б, еще несколько примеров из современных говоров: *Городом ти буду ити, до хижѣ ти не зайду* Боронява (Вр. 65), *ти отець* Боронява (Вр. 95); б) сущ. + сущ.: *тѣло и сердце чл̃вку* 37б, *у сѣть дяволу* 93б, *сынъ Давидови* 138б, *у пазуху Адамови* 151а, *воля Богу* 175а, *братя Господу Христу* 190а, *дѣло отцюмъ нашимъ и дѣдумъ* 152а, ср. в современных говорах: *не казала, тко детинѣ отець* Боронява (Вр. 105).

2) Для выражения какого-нибудь отношения, в данной категории дат. п. может быть обусловлено и тем, что дат. п. обозначает то лицо или тот предмет, в пользу или в ущерб которого совершается действие или есть что-либо или кто-либо: *(око) тѣлу свѣчка* 90б, *часъ плодови* 126б (можно заменить предлогом *для* + род. п.), *слуга вѣрѣ* 35а, *Ворогове правдѣ* 109б. Под влиянием таких случаев распространилось и там, где такого значения нет: *хосенъ рождеству* 192б, *познали тяготу грѣхумъ* 70б, *плодъ вѣрѣ* 126б (можно было бы заменить предлогом *вуд* + род. п.); *право обрѣзанію* 197а/197б.

К этой группе относим и следующие выражения: *лѣкарь лѣкарюмъ* 156а, *царь царюмъ, панъ панумъ* 133а.

3) Субъектный дат. п.: *тото естъ церковъ святая и зъбуръ естъ хрестянумъ* 161а, 'сбор християн'; *до зве(р)шенька свѣтови* 196б, 173б.

4) Объектный дат. п.: *на познаніе отцу* 78а, *прощу грѣхумъ* 64б, 138б, *изъдавця пану своему* 41б, *выдкупителя грѣхумъ* 188б, *увожаеве слѣпымъ* 107а, *хрестянумъ спаситѣль* 199а. У последних двух примеров возможно предложить влияние сочетаний, выражающих принадлежность, потому что они к ним близки; может быть, что с таких распространился дат. п. и на остальные употребления.

Мы не перечислили все примеры, а скорее только хотели показать главные группы и указать на связь разных групп. Однако мы не располагаем таким большим материалом, чтобы мы могли рассмотреть весь вопрос основательно. Это было бы возможно только на основе исследования данных старославянского и остальных славянских и индоевропейских языков.

## Словосочетания с творительным падежом

При анализе значений падежей мы не рассматриваем, которое из них было первым, первоначальным, а которые вторичными. Это очень трудно решить, так, например, которое из значений творительного падежа значение средства и орудия или пространства было первоначальным, трудно сказать, потому что человеческая речь возникла в процессе труда, когда орудие труда было таким же важным и необходимым, как же место действия. И для мышления примитивного человека оба они были одинаково доступными. Для нас важнее: какие были первоначальные значения, каков характер этих значений? Так, творительным падежом выражалось средство действия, тот предмет или то лицо, при помощи которого, через которое реализируется действие; каким способом действие происходит, значит, при помощи этого падежа выражается путь действия к реализации. Сюда входят и место, где действие реализуется, и время, когда действие происходит. Может быть, вначале творительный падеж употреблялся в тех случаях, когда место или время были важными с точки зрения реализации действия.



Славянские языки, как правило, сохранили творительный падеж в том случае, если он обозначал конкретное средство или метод действия, но в иных случаях, когда он выражал предмет или лицо, сопровождающие действие, не служащее конкретным средством действия, а только способствующее действию, уже употребляются предложные конструкции, которые делают возможным более ясное и точное сообщение мыслей.

В нашем памятнике стоит творительный падеж для выражения средства не только тогда, когда имеется в виду конкретное средство действия, но и для выражения того, при помощи которого, через кого или что совершается действие: *увыйти у царство Божіе лишъ Христомъ, иньшимъ нѣкымъ* 74а, *Што давъ (Бг̃ъ) жидумъ Моисеомъ пророкомъ* 164а, *Смерть можетъ сказити духомъ своимъ* 197б; также средство действия при глаголах, обозначающих говорение, присягу, доказывание: *мовитъ духомъ святымъ* 181а 'через святой дух', но в таких случаях можно наблюдать и предлог *через* + вин. п.: *котрымъ (языкомъ) мовлятъ* 165б (см. ещё *по* + дат. п., *на* + вин. п.) (ср. Срез.: *ѥлиньскимъ ꙗзыкомъ гл̃еть сѧ сотир, нашимъ же ꙗзыкомь сказаѥтьсѧ спасъ.* Новг. Крм. 1280 г.); *проклинали нимъ* 222а (ср. Срез.: *да боудеть проклѧтъ ст̃ою . . . Троицею,* Нап. на кр. кн. Ефр. Пол. 1161 г.); *што бесме ся не божили гамѣшно именемъ Божіимъ* 221б (см. *на* + вин. п.); *бѣзентовати*, заимствованное из венг. bizonyít: *бѣзентует . . . духомъ святымъ* 138б; *О што коли просиме именемъ Іисусъ Христа* 222а 'во имя Исуса'; *и именюмъ сына его будетъ ему дано* 224а (ср. РУ 170: *ім'ям (іменем) кого* или *в імя чого).*

Отметим еще употребление творительного у глаголов *гадати* 'считаться с чем', *пыховати* 'презирать': *не гадайме ни соромомъ, ни кваромъ, ни смертю* 34а (такого значения и управления нет в украинском литературном языке); *а братями своими не пыхуйме, так же и попы духовными и мірскыми* 215а. Для выражения того лица, животного, в присутствии, с участием которого совершается действие, уже в грамотах XIV—XV вв. стоит *з* + твор. п., хотя встречается и твор. п. без предлога, например: *ѧ пан староста згадалъ землѧны і оправили есмы кундрата* гр. 1401 г. В Няговских Поучениях наблюдается лишь *за* + тв. п.: *щобы молити ся Богу изъ скоты, изъ волы, изъ теляты* 27а.

Отметим еще один пример, где стоит твор. п. без предлога: *также и попове духовныи довъжны передъ людми указати ся добрыми учинъками и приклады* 215а, твор. п. тут показывает способ действия, к чему присоединяется и значение сопровождения.

В подобных случаях для выражения сопровождающего действия, выражающего способ действия, может стоять и творительный падеж без

предлога и с предлогом *(и)з: що бесме плакали ико Богу умѣстѣ не лицемѣрствомъ, али изъ усѣмъ смиреніемъ* 27б, *чинили благословение ико Богу изъ молитвовъ* 26а, *чомъ лише трома дѣлы пуйти ико нему* 79б.

Творительный падеж тоже мог выражать причину, так в Галицко-Волынской летописи: *а мы за нь терпимъ, а гладомъ измираеме* лето 6765; и в грамотах: *писалъ писаръ малохѣи королевымъ приказомъ* гр. 1399 г. В нашем памятнике оно довольно редко: *тулько сами выдмѣтуеме ся выдъ него нечистотами нашими и усѣма злостями нашими* 219б.

Слова, заимствованные из венгерского языка, принимают управление соответствующего украинского слова, хотя иногда со временем его полностью вытесняют, напр., *бировати: овунъ бируетъ людми* 100а.

Из словосочетаний со существительными в роли главного слова, отметим только одно со словом *хосна*, заимствованным из венгерского языка, твор. п. служит для выражения источника выгоды: *третяя хосна рождествомъ Христовымъ* 193б (см. *з* + тв. п.).

Из словосочетаний с прилагательным и наречием в роли главного слова надо рассмотреть творительный падеж при сравнительной степени, который обозначает, чем больше, меньше и т. д. один из сравниваемых предметов или лиц другого предмета или лица, или таким образом характеризует действие: *кулькымъ естъ лѣпшувъ Бгъ выдъ насъ* 167а, *кулькымъ ся май бурше журитъ за нашъ пожитокъ* 92б (ср. с примером из современного говора: *заплатиў двома сріберными дороже* Хуст (Вх. I. 116)).

*Предложные словосочетания*

При предложных словосочетаниях порядок анализа остается тот же: словосочетания рассматриваются по падежам, а внутри каждого падежа по предлогам, вначале несвободные словосочетания (управления), а потом свободные. Мы уделяем внимание, главным образом, тем случаям, в которых данное словосочетание в диалектном или историческом отношении отличается от словосочетания литературного языка, употребленного для выражения того же смыслового содержания.

Словосочетания с винительным падежом

*за*

Из глагольных словосочетаний вначале мы берем сочетания с предлогом *за*. *За* + вин. п. стоит с глаголами, обозначающими мышление, сообщение мыслей (высказывание, спрашивание, писание и т. д.), восприятие (слышание) и иную умственную деятельность, для выражения косвенного объекта, (о котором думаем, говорим и т. д.) (ср. Чередниченко гов. Ужг. 51).

Гадати: *гадаютъ за богаство* 167а, *не гадати за грѣхы* 55а (ср. с современным примерами: *погадаю за Марѣку душку* Нанково (Вр. 113) и см. Вх. I. 112).

Розумѣти: *Туй розумѣй за тоты богатыи* 127б 'под этим понимайте богатые'.



Истямити: *находиме, ажъ истямляетъ за пустъ* 13а (ср. у Тимченко тоже управление при глаголе *поминати, споминати* (Тим. Ак. 41)).

Знати: *знавъ Христосъ за нѣ* 122а (ср. Тим. Ак. 40).

Речи: *рюкъ за духъ святый* 78б.

Звѣдовати: *звѣдовавъ за слово Божіе* 123а.

Проповѣсти: *проповѣвъ за Христа* 132а.

Пророковати: *Анна пророчиця якъ пророковала за дѣтину* 202а.

Бѣзентовати: *за сесе дѣло бѣзентуетъ* 123а, *бѣзентуетъ Іоаннъ за Бога* 45а.

Чути: *И туй чуеме за Христа* 56а, *Якъ чули есте изъ сеи причты ... за сего сына блуднаго*, 7а (ср. Тим. Ак. 41).

Чудовати ся: *ся чудовавъ увесь свѣтъ за дѣло, што чинивъ* 87б.

Журити ся: *май годитъ ся журити за царство Божее, нѣжъ за богатство сегосвѣтъниее* 167а/177б (ср. с современными примерами у Вх. I. 112; ср. Тим. Ак. 40).

Измиловати ся: *Христосъ измиловавъ ся сердцюм за люди свои* 159а.

Преллог *за* довольно часто служит для выражения причины: *не мугъ Христосъ учинити нѣякое чудо за ихъ невѣрство* 10а, *за прузьбу его помиловавъ одинъ варышъ* 105б.

Из словосочетаний с существительным надо отметить управление существительных, обозначающих 'жалость', 'заботу': *жаль за тебе* 29б, в литературном языке может стоять винительный без предлога (УР I. 490: *жаль*), но *за* + вин. п. нет (см. еще *за* + тв. п.); *имавъ журу за сына своего* 115а, *жура за службу Божую* 164б (ср. с данными современного говора: Вх I. 111).

В следующих словосочетаниях *за* + вин. п. существительного соответствует глагольным словосочетаниям: *сесе естъ бѣзоньшагъ за сесе* 43а, *имаеме три науки за грубъ Христовъ* 53а, *у сюмъ евангеліи за сего чоловѣка бетѣжного* 60а.

Яркая особенность рассмотренных словосочетаний заключается в том, что при глаголах мышления, говорения и т. д. вместо сочетания *про* + вин. п., которое распространено в литературном языке и в южно-восточных говорах, или вместо сочетания *о* + мест. п., распространенного в части юго-западных говоров, стоит *за* + вин. п., как в современных закарпатских и других юго-западных говорах (Бевзенко 214). В остальных славянских языках чаще всего находим *о* + мест. п. (в русском может быть и *про* + вин. п.), и только в болгарском есть *за* + вин. п. Такое словосочетание может быть результатом параллельного развития, но может быть особенностью, заимствованной у болгар в ходе исторического общения. В НП встречаются словосочетания с предлогом *о* + мест. п. (см. мест. п.), они могут отражать влияние литературного языка того времени или других говоров, хотя тогда они могли существовать в южномарамороშском говоре рядом с формами *за* + вин. п.

Предлог *за* может обозначать и время: *(жону) што истѣкала кровю за дванадесятъ лѣтъ* 155б '12 лет' и не 'за 12 лет'.

*на*

С разными глаголами, обозначающими умственную деятельность наблюдаются словосочетания с предлогом *на*.

Вѣровати: *вѣровали на доброту и на мл̃сть его* 107а, *вѣруетъ на воскресеніе* 49б (ср. Тим. Ак. 58) (см. *в* + вин. п.).

Хулити: *хулитъ на Христа* 47б (ср. у Срезневского с прилагательным *хуливый: на бж̃ественое то хуливыи достоинъ есть мꙋкꙋ подѧти* Солов. Крм. Новелла 77). Винительный падеж без предлога тоже встречается в НП: *хули его дѣла добрыи* 29б (ср. в современном литературном языке: *ганьбити кого* (УР I. 315)).

Божити ся: *што бы есме на имя Божіе задармо не божили ся* 222а (ср. у Срезневского *до* + род. п.: *согрѣшивъ божив сѧ до с̃тго кр̃ста и до с̃тыѧ Бц̃а и до своеѧ души и до права.* Сбор. Салт. Исп. инок.) (см. твор. п.).

Знати ся: *не знаеме ся на тыхъ Гадарянъ дурныхъ* 154б 'не узнаем себя в них'.

Ненавидѣти: *ненавидѣли на него* 182б (ср. Тим. Ак. 59), хотя встречается и вин. п. без предлога: *и молитву и службу усякую его ненавидитъ Бугъ* 28а, как и в литературном языке (РУ 297). У Срезневского род. или вин. п.: *В'сак бо дѣлаѧ зълаꙗ ненавидить свѣта.* No. III. 20. Остр. ев.; *Аже не ѡтложишь лишнего дѣла и всѧкое неправды, мы хочомъ б҃у жѧловатисѧ и темъ, кто правду любить, а криву ненавидить.* Грам. Риж. ок. 1300 г.

Надѣяти ся: *надѣялъ ся на мл̃сть и на житло отца своего* 6б, такое же словосочетание наблюдается и в современном говоре: *не надѣйся ... на мене,* Ольховцы (Вр. 134), в литературном языке (УР II. 589) и в говорах (Тим. Ак. 56). У Срезневского засвидетельствованы разные словосочетания: Надѣяти ся на кого: *не надѣюсь на брата* Сл. Дан. Зат., *на Бога надѣяти ся* Г. В. л. 6767; на там же может стоять мест. п. или *о* + мест. п.: *Вѣрую въ Бг̃а и с̃тѣмъ Климентѣ надѣюсѧ* Жит. Конст. Фил.; *Надѣюся Бз̃ѣ* т. ж.: *надѣющееся богатствѣ* Псков. I. л. 6979 г.

Достичи: *достигли на хрестіянство* 129б 'достиг чего-л.', однако в древнерусском (или в старославянском) у Срезневского: *А̃нглскыхъ достиже чиновъ* Мин. 1096 (окт) 57, в современном литературном языке: *досягти чого* (УР I. 452—3).

Измочи: *измугъ на него* 154а 'победил', в литературном языке вин. п. без предлога (УР II. 237).

Помагати: *на сесе дѣло ты помагай намъ* 28б (ср. в литературном языке: *в чому,* как в русском (РУ 471)).

Вороговати: *та ворогуютъ на праву* 82б (ср. *ворогувати на кого* (разг.) 'питать враждебные чувства' (УР I. 291)).

Для выражения цели, назначения тоже служит *на* + вин. п. в свободных глагольных словосочетаниях: *свѣтъ живъ на познаніе отцу* 78а, также при глаголе, заимствованном из венгерского языка: *келтовати* 'тратить деньги в пользу кого-л.': *келтуйме на Божее изъ радустю* 162б, хотя там же: *можеме мы келтовати маргу и иманя наше про Бога* 162б/163а.

В словосочетаниях с существительными предлог *на* + вин. п. тоже часто наблюдается для выражения цели и назначения: *Есть ... зѣля на лѣкъ доброе* 115б (ср. Лизанець 89, Тим. Ак. 76—77: *рубати дерево на саночки* Чуб. II. 114). В молдавских грамотах XIV—XV вв. *на* + вин. п. тоже служит для выражения цели и назначения (ср. Ярошенко 323) (см. еще *для* + род. п.).



Надо отметить еще предложное словосочетание с существительным *муц* 'власть', над чем, на что имеется власть тоже выражается предлогом *на* + вин. п.: *имаетъ муць на усяку болѣзнь* 155б (ср. *на що мочи имем их ꙋпросити* 13 (Ярошенко 326)).

Предложное словосочетание *на* + вин. п. может выражать время и меру: *на кождый гудъ приходивъ ангелъ* 57а 'в каждом году 1 раз'.

Из словосочетаний с прилагательными в роли главного слова надо отметить только одно: *ваше сердце на усякое дѣло готово* 91а.

*о*

Из словосочетаний с предлогом *о* рассмотрим лишь одно.

Просити: *о што коли просиме его* 222а (ср. Тим. Ак. 86).

С. Тимченко считает, что в староукраинском языке и в западных говорах словосочетания *о* + вин. п. с глаголами просьбы, мышления отражают влияние польского языка (ср. Тим. Ак. 85 и ср. еще Огієнко КА 450—451). В нашем памятнике такие словосочетания редко встречаются, и, может быть, что свидетельствуют о польском влиянии. Отметим еще такой пример: *о смертный часъ приносѣмъ собѣ на розумъ* 49б, который относится к этому же типу, но у С. Тимченко его нет.

*у*

Из глагольных словосочетаний с предлогом *у* отметим *вѣровати: вѣруетъ у сына* 85а, хотя там же и: *не вѣруетъ на сына* 85а. Сочетание с *у* + вин. п. обычно в литературном языке, в русском, и его находим уже в древнерусском: *Вѣровати въ святую Троицю.* Кир. Тур. 8 (срез.).

*про*

Для выражения причины чаще всего служит предлог *про: прушто рюкъ Богъ? Прото, чомъ тотъ не журивъ ся за царство Божее* 162б. Предлог *про* в таком значении встречается очень часто, как и в современном литературном языке, и мы находим его уже в грамотах XIV—XV вв.: *просто, про ѥго вѣрную службу дали ѥсмы ѥму годлѣ поле,* гр. 1377 г. (относительно молдавских грамот см. Ярошенко 324).

*пудъ*

Предлог *пудъ* может иметь значение русского *по: есме были пудъ норовъ зъ молодости лихы* 124а, т. е. 'по нраву'.

*по*

Предлог *по* употребляется в дистрибутивном значении не только при двух или больше предметах, что обычно, но и при одном предмете, при распределении по одному: *давала по одно ягня на жертву* 64а.

*черезъ*

Из словосочетаний с предлогом *черезъ* надо отметить: *усе черезъ него чинено* 43б. По мнению С. Тимченко (Тим. Ак. 96), последнее значение очень редко и распространилось под влиянием польского (ср. также Огієнко КА 410—411).

При глаголе *мовити* тоже наблюдается предлог *черезъ* в таком сочетании: *духъ святый черезъ пророка Давида мовитъ:* 233а (см. твор. п. без предлога).

*упередъ*

Данный предлог служит для выражения места: *овунъ упавъ долу упередъ пана своего и моливъ его,* 120а.

Словосочетания с родительным падежом

*выдъ, одъ* (< *отъ*)

Данный предлог употребляется в таких глагольных словосочетаниях, где обычно стоит род. п. без предлога.

Бояти ся: *вытъ грѣха штобы ся бoявъ* 71б, *чомъ злодѣя прото вѣшаютъ, тай розбуйника на куль бютъ, штобы ся другѣ бояли вытъ такого дѣла.* 71б (см. и род. п.).

Стеречи ся: *ся стеречи выдъ грѣха* 154а (ср. Mikl. Lex. 897: *стрѣщи сѧ отъ многопитиꙗ* mir.; у Огиенко и с предлогом, и без него (Огієнко КА 446)).

Сокотити ся: *сокотѣтъ ся выдъ вашихъ обычаювъ злыхъ* 61б.

Лишити ся: *кто ся излишивъ выдъ усеи надежѣ на него* 95а (ср. *Юрью кнѧзю города лишити сѧ* гр. 1362 г., но ср. Mikl. Lex.: *лишити сѧ отъ всꙗкого добра* mat. 29).

Предлог *выдъ* употребляется с глаголом *запрѣчати: запрѣчаетъ Христосъ выдъ тои журы* 93а.

При сравнении предмет, лицо, с которым сравнивается, как правило, выражается предлогом *выдъ* + род. п.: *и держитъ ся май праведенъ выдъ усѣхъ* 3а, *не можеме выжурити, што бесме однымъ лукътюмъ булшовы вудъ возрасту нашего* 92б/93а (ср. в литературном языке УР I. 216: *від* 4) (см. род. п.).

В страдательных конструкциях для выражения субъекта действия служит предлог *выдъ* + род. п.: *выдъ доброго и святого Господа учинены* 225б, *(паны) чомъ сутъ выдъ Бога даны* 215а (ср. в грамотах: *да ес(ть) проклѣтъ ѡт(ъ) Бога* гр. 1434 г. (Н 1/2. 855) и Гр. I. 203: від). Такое словосочетание может быть влиянием церковнославянского, но оно наблюдается очень часто и, наверно, употреблялось и в народном языке. Кроме того, оно часто встречается и в старопольском, где не могло возникнуть под влиянием старославянского (Vondrák II. 350).

При глаголе *(по)просити* встречается словосочетание с *выдъ: попросивъ воды выдъ тои жоны* 63а, но глагол может стоять и с предлогом *у: коли проситъ у него* 106а, как в литературном языке (РУ 541).

Предлог *выдъ* обозначает и причину: *чомъ выдъ вѣры оправляетъ языкы Бугъ* 135а, как и в современном литературном языке (ср. УР I. 21 від 2).

*изъ, изъ за*

С родительным падежом встречаются еще предлоги *изъ* и *изъ за.*

Учити ся: *ся исъ тыхъ святыхъ дѣлъ имаеме учити* 222б.

Злѣчити: *злѣчивъ его изъ за ранъ* 161а.



Следующие свободные предложные словосочетания сгруппированы по значению. Это нужно и возможно потому, что на каждый из предлогов имеется только один или два примера, и есть группы с одним и тем же значением.

*Предложные словосочетания для выражения места.*

На вопрос: откуда?

измежи: *изняла одна жона голосъ измежи народа* 190а (ср. Вх. I. 108, Орос 149).

выдпосередъ: *(ангелы) выдлучатъ злыи выдпосередъ праведныхъ* 92а.

изпудъ: *пошли изпуд Самаріи и пришли тамъ* УК 14а (ср. Вх. I. 108), но в НП мы находим его в переносном значении: *и выкупитъ насъ испудъ права* 197б, *vikupiu zpud Groja Telekia* Bukovec урб. зап. 3 (ср. Орос 149).

изверхъ: *слова были . . . написаны на двохъ таблахъ каменныхъ изве(р)хъ полонины Синайскои* 164а.

испередъ: (Христосъ) *узявъ ся, якъ блискъ испередъ очеи ихъ* 74б

На вопрос: где?

посередъ: *коли есме у якуй пригодѣ, якъ бывъ пустивъ на ученикы посередъ моря* 114а.

поверхъ: *постилали упередъ него, щобы поверхъ того ходилъ* 40б (ср. то же значение Вх. I. 108, Чопей, Орос 154).

напередъ: *будешь посоромоченъ вытъ Христа напередъ ангелу и напередъ усего свѣта,* 34а.

поблизъ: *чомъ жидове тогды поблизъ путе чинювали цемрованѣ гробы,* 99б.

пузля: *што(бы) была ошкола пузля каждои церкве* 98а, в НП часто встречается этот предлог (ср. еще: 40б, 187б, 188а/188б).

На вопрос: куда?

посередъ: *насѣня, што упало посередъ терня* 148а, „*Атъ я васъ посылаю якъ уцѣ посередъ вовкувъ*“ *86а.

верхъ: *неволѣ, бѣды . . . кладетъ верьхъ насъ Б҃гъ* 33б (скорее род. чем вин. п.).

Предлог *до* в значении *к* наблюдается в XVI в., однако до сих пор не мог вытеснить предлог *к, ико, ид* (< *къ*), пример из НП, в котором *до* стоит вместо *ико: увийшовъ до ихъ хыжѣ* 186б 'к их дому', но такие случаи в НП еще редки.

*Предложные словосочетания для выражения причины и цели.*

*Дѣля* встречается в обоих значениях и, как правило, является препозитивным, но иногда может быть постпозитивным: *учинилъ Христосъ чудо великое, дѣля своеи милости* 57а (причина), *лишь дѣля того Христосъ его извѣдовавъ, што бы . . .* 60а (цель), *того дѣля маеме выдцѣ сякую науку* 85а (причина), *того дѣля годитъ ся и намъ лѣпше слухати, абесме . . .* 95б (цель). Данный предлог в форме *для* часто встречается в позднейших памятниках и сохраняется в современных говорах (Орос 149). Причину выражает еще:

пѣля: *не погыбъ дѣля иманя, пѣля кривды, али погыбъ про то, за што не сокотивъ право и волю Божую и за пожитокъ вѣчный* 150б, где мы видим целый ряд предлогов синонимов для выражения причины (ср. Вх. II. 107)).

*Предлоги с разными значениями.*

кремъ, окремъ: *та по чотыри тисячѣ, кремъ жунъ и кремъ дѣтей* 111б (ср. Вх. I. 108), *не естъ иньшій нѣкто помучникъ, окремъ Христа* 196б (ср. Чопей).

противъ: *узяли даръ душевный, одны май много, а другыи май мало, кождый противъ силы своеи* 139б 'по силе'.

пузля: *притерпѣме пузля слова Божого* 34а 'за слово божие' (?).

В значении 'вместо чего-л.' стояло *намѣстъ: хрестянумъ недѣля намѣстъ суботы* 164б, в современном говоре, по словарю Чопея, оно встречается, но употребляется и *місто* — предлог обычный в литературном языке (Вх. I. 109).

Надо отметить повторение предлога *безъ* при экспрессивном порядке слов: *овунъ бывъ фелю поганского, безъ права безъ нѣякого,* 96а.

Словосочетания с дательным падежом

*по*

Мовити: *мовитъ по языку чужому* 165б (см. твор. п.).

*ко (ико, идъ)*

Они являются вариантами древнерусского предлога *къ*. В НП засвидетельствованы *ко, ико, ид*, последнее объясняется следующим образом: *(и)къ* > *(и)г* перед звонким > *(и)д* под влиянием *до,* или без него. Уже в НП начинается их вытеснение предлогом *до*, но данный процесс до сих пор не закончился. Несколько примеров: *ко* + дат. п. с глаголом *кликати: што кличешъ ко мнѣ* 181б; *ико* + дат. п. с глаголом *держати ся* 'чего держаться': *якъ ся имаеме держати ико Господу Богу* 222б (см. еще род. п., который употребляется в литературном языке), в словосочетании с прилагательным в роли главного слова: *богатъ ико Богу* 162б 'по желанию Бога'.

*противъ*

Предлог *против* употреблялся и с дат. падежом: *указовати мл҃сть правую, а не уживую противъ ближнему нашему* 217а (см. еще *противъ* + род. п.), по аналогии оформилось управление предлогов *наеленъ, елленъ*, заимствованных из венгерского языка, *наеленъ: ходивъ наеленъ Богу* 101а, *коли хочь гадати, албо жадати што наеленъ заказови его* 136б, *елленъ: што бы написалъ евангеліе елъленъ еретикумъ* 43б, в литературном языке *против* с род. п. (УР IV. 516).

Словосочетания с творительным падежом

*за*

Данный предлог встречается с глаголом *гадати: не гадаютъ за другымъ свѣтомъ* 123б 'не думают о другом свете', т. е. 'их не интересует'; *не гадаютъ за нимъ нѣцятъ* 175а (ср. в современном говоре: *за другым ми гадка* Боронява (Вр. 8.)).

При существительном *хосна* 'польза' употребляется *за* для выражения источника пользы: *хосна за его вознесеніемъ* 75а (см. твор. п.).

Предлог *за* указывает и на способ действия в следующих примерах: *жити за его волевъ и за выткасомъ его* 165б, *А если будеме чинити за приказанюмъ Бж҃іимъ* 227а.

*зъ*

Употребление предлога *зъ* в таких случаях, когда в славянских языках стоит твор. п. без предлога, можно объяснить влиянием венгерского или другого неславянского языка: *Чимъ есме довжни сусѣдомъ нашимъ? Изъ плодомъ вѣры и любве што бы сусѣдови служити и спомогати у усякумъ недужествѣ* 119б, в первом случае наряду с прилагательным нет предлога, и только во втором случае наблюдается предлог там, где прилагательное опущено. Без предлога в Галицком Евангелии XIII в.: *Кольцѣмъ долженъ ѥси . . . стомь мѣръ масла, стомь мѣръ пшеницѣ* Лук. XVI. 6.7 (Срез. I. 759).

*передъ*

Интересно отметить употребление предлога *передъ* в следующем случае: *Не имала нѣцятъ спочивку передъ журовъ* 187б, потому что он здесь не обозначает 'отдыхать' перед чем-л., а от чего-л.

*пудъ*

Рассмотрим только одно словосочетание: *Щобы пудъ часомъ не померти* 214б 'раньше времени'.

*надъ*

Мы отметим только следующее словосочетание: *Не мъстити надъ ближнимъ своимъ* 217а (в литературном языке: *мститися на кому, чому* и *над ким, чим, мстити кому, чому* (РУ 255)).

Словосочетания с местным падежом

*о*

Как мы видели выше, с глаголами мышления, сообщения мыслей и др. косвенный объект действия часто связывается предлогом *за* + вин. п. Однако в НП в таких случаях находим и *о* + мест. п. Это можно объяснять влиянием литературного языка или, может быть, влиянием других говоров. Менее вероятно, что такая конструкция могла быть и в восточных закарпатских говорах. В западных закарпатских говорах она наблюдается сегодня (ср. Вх. II. 112), в других западных украинских говорах и в их памятниках тоже широко распространена (ср. Огієнко КА 430). Кроме того, данное словосочетание известно в ряде славянских языков. В памятнике не встречается *про* + вин. п., распространенное в литературном языке и в восточных говорах.

Гадати: *а гадковъ иньшее гадатъ о каздувствѣ* 222б (ср. Срез. I. 507: *Начаша Новгородци гадати съ Пльсковичи о Чюдьскои рѣчи*. Новг. I л. 6725 г. (по Ак. сп.); ср. в грамотах: *радили есмы и много подꙋмали межъ собою о ꙋтисненіе и погибели земли нашей:* гр. 1456 г. (Н 2/2. 669)).

Розгадати ся: *розгадаючи ся о добродѣйствѣ Божумъ* 226а.

Знати: *знай о семъ* 208б (ср. с примерами говоров: Тим. Льок. 52, там же и один пример из истории языка: *О кривдах людеи посполитих мало знали* Літ. Сам. 5).

Оповѣдати: *о тумъ самъ Христосъ хотѣвъ оповѣдати* 229б.

Чути: *о тумъ чувъ* 215а.
Читати: *о тумъ читай у книгахъ* 220б.

Из словосочетаний с существительным к вышеупомянутому типу относятся следующие:

Написаня: *а тумъ милованю ближнюмъ (sic!) имаеме написаня* 214а (ср. с глагольными словосочетаниями летописей: *Сеи же бо̃моудрый кнѧзь Рюрикъ пѧтыи быс ѿтъ того, ꙗкоже пишеть ѡ правѣднемь Иевѣ ѿт Аврама (сказано в св. писании)* Ип. л. 6707 г., *Въ Легвитѣ о нихъ пишется, и въ Намаканонѣ и въ святыхъ апостолъ правилѣхъ* Псков. I. л. 6978 (Срез. II. 937)).

Радость: *радость о грѣшнумъ* 7а; ср. *отцю же его королеви в радости бывши велицѣ о мужьствѣ и дерзости сына своего* Г. В. 6763 г., глагольное словосочетание: *обрадовастася Данилъ и Василко о помощи Божиеи* Г. В. 6766 г., Срезн. III. 13: *Вьси людиѥ радовахѫсѧ о вьсѣхъ славьниихъ бываѭщихъ отъ нѥго.* Лук. XIII. 17. Остр. ев.; ср. еще Тим. Льок. 53: О господи радоватися АЗР IV. 201 (1595).

*на*

Употребление предлога *на* заслуживает внимания в словосочетании *быти на помочи: бывъ на помочи* 145а (см. *у* + местн. п.: *быти у помочи).*

*по*

Надо отметить значение *по* в следующем примере: *Сутъ одны, котрыи мовлятъ по людюхъ и у(га)жаютъ людюмъ, што ся боять ихъ, ажъ ихъ исъ честе изъженутъ* 155а, т. е. 'по желанию людей говорят'.

Встречается в таком глагольном словосочетании *быти у помочи: будетъ усѣмъ у помочи* 145а, но есть там же: *бывъ на помочи* 145а (ср. Вх. I. 117: *будь мені на помочи* I; но Тим. Льок. 24: *я тобі і тут в помочи стану* Чуб. II. 214).

## *Вторые падежи*

В славянских языках второй именительный вытесняется, и в современных языках очень часто его заменяет творительный падеж. Однако эта тенденция в отдельных языках проявляется в разной мере в зависимости от связки и от того, к какой части речи принадлежит именная часть сложного сказуемого. Если мы рассмотрим наш памятник, то должны будем установить то же самое.

Прилагательное, причастие в роли сказуемого стоит в краткой форме: *не будь ненавистливъ* 19а, *будешъ слѣпъ* 91а, *Христосъ . . . бывъ поставлюнъ у голову углови* 124а, прилагательное иногда может быть и в полной форме, им. п.: *не будь мерявый тай пышный* 18б, *не держи ся твердый, али милостивый ико каждому* 19а, хотя здесь говорится скорее о способе действия; мн. ч.: *благыи есте* 206б, во мн. числе может быть иногда и твор. п.: *не будьме такыми злыми* 231б.

Существительные употребляются чаще всего тоже в им. п.: *чомъ бывъ голова церкви* 129а, *а мы были тогды погане* 129б, *чомъ чортове сутъ потята* 147б/148а, *а мы можеме быти товарышеве у мл̃сти Божуй* 79а, *што ся называютъ хрестяне* 97а; но может стоять и в твор. п.: *провкатыромъ не будь* 20а, *дѣля того хотѣвъ быти чл̃вѣкомъ* 78а.

В грамотах XIV—XV вв. тоже можно найти рядом с им. п.: *нашь племеньник̃ Бекбулатъ и Хочжа Мединъ оучинилисѧ намъ ворогъ и оустали на насъ* гр. 1398 г., и твор. п.: *(и) буду господаремъ и воеводою у земли Валаской* гр. 1400 г. В Креховском Апостоле употребление творительного падежа наблюдается очень часто, как и в литературном языке XVI в., но данное явление И. Огиенко объясняет влиянием польского языка. В НП процесс вытеснения второго именительного только начался, он осуществлялся медленно. Распространению творительного падежа способствовало распространение полной формы прилагательных.

Второй винительный падеж встречается довольно редко, хотя в отдельных категориях с определенными глаголами еще можно его найти, однако надо иметь в виду влияние книжного церковнославянского языка. Правда, автор НП старался освободиться из-под его влияния, но это ему не всегда удавалось. Конечно, можно предположить, что второй винительный еще употреблялся, мы находим его и в русских памятниках XVI—XVII вв. (см. Ломтев Из ист. синт. 3).

Примеры со вторым винительным и конструкции, заменяющие его, у существительных:

*Вызнавати* 'признать кого-л. кем-л.', вин. п.: *усякый языкъ хрестянъскый вызнаватъ Господа Бога Христа быти выдкупителя и избавителя нашего* 222а, конструкция acc. cum. inf., которая довольно часто встречается в памятниках XIV—XVII вв., хотя вместо винительного чаще выступает творительный (ср. Огієнко КА 417—418).

*Звати* 'называть кого-л. кем-л.', твор. п.: *Іоаннъ зоветъ Христа словомъ* 44а, *зоветъ Месію Христа паномъ своимъ* 138б.

*Учинити* 'сделать кого-л. кем-л.', твор. п.: *ажъ Христосъ насъ учинилъ сынами своими* 47б (ср. Огієнко КА 403).

*Постановити* 'назначить кого-л. кем-л.', страдательное причастие прошедшего времени глагола, твор. п.: *коли есь постановлюнъ судіевъ* 20а.

*Бѣчеловати* (заимствованное из венгерского слова *becsül)* 'уважать, чтить кого-л. кем-л.', *за* + вин. п.: *каравъ жиды, што были почали бѣчеловати одну королицу за Бога* 220б.

*Имати* 'считать кого-л. кем-л.', *за* + вин. п.: *и его (за) Бога самого имаютъ* 229а (ср. Огієнко КА 457: *Мѣли их за боги* 74).

У прилагательных:

*Чинити* 'сделать кого-л. кем-л.', краткая форма: *котрыми бируетъ овунъ, овунъ чинитъ хыт(р)ы на злое дѣло и немилостивы* 102б; твор. п.: *и насъ справедливыми учинитъ* 219б, *ты(хъ)* (в рукописи: *тыми) благословеными чинитъ* 227а, хотя еще в грамотах XV в.: *чинимо симъ нашимъ листомъ скажены̂ и жломьлены̂* гр. 1437 г. (Н 1/2. 871).

*Держати* 'считать кого-л. кем-л.', вин. п.: *май похвалилъ мытника, которого увесь свѣтъ держалъ грѣшного* 2а.

*Называти* 'называть кого-л. кем-л.', твор. п.: *али тотъ день нед̃лный имаеме называти святымъ того дѣля* 225б (ср. Огієнко КА 403).

Исследованный материал свидетельствует о том, что область употребления второго винительного падежа сильно ограничилась, и он наблю-

дался лишь редко. На его место вступили конструкции с твор. п. или *за* + вин. п., более точные, которые яснее выражали смысл предложения.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Мы не занимаемся всеми видами предложений, всеми вопросами простого и сложного предложений. Представив несколько типов безличных предложений, мы разбираем только некоторые вопросы выражения членов предложения и порядка слов. Потом рассмотрим сочинительные и подчинительные союзы, не связывающие подчиненные предложения. Отдельная глава посвящается сложноподчиненному предложению.

Мы касаемся выражения членов предложения только очень кратко. Это объясняется частично тем, что при разборе словосочетаний в другом отношении мы уже занимались рядом таких вопросов, которые можно было бы рассматривать и здесь, но мы не хотим повторять сказанное выше, так как развитие, обогащение словосочетаний с точки зрения предложения ведет к многообразию, разнообразию выражения отдельных членов предложения.

*Безличное предложение*

Ниже мы представим некоторые типы безличных предложений. Конструкции с инфинитивом могут заменять придаточное предложение: *чомъ мовитъ писмо имати богатство* 93б, *тое есть грѣхъ служити иманю;* 94а, а в следующем примере употребляется союз для введения инфинитивного придаточного предложения: *За сесѣ люде мовивъ Христосъ, ажъ не увыйти у царство небесное,* 175б. Иногда при инфинитиве ставится вспомогательный глагол *быти*, чем выражается необходимость: *Дѣля того не естъ намъ ся молити лише за кощовань* 77б; ср. в современном говоре: *не ходити было, попе, за молодицями* Боронява (Вр. 59).

В инфинитивных безличных предложениях могут стоять разные наречия, выражающие возможность, необходимость и др.: *Дѣля кулько дѣлъ треба намъ гораздъ чинити?* 143а; *акъ сесе надобѣ розумѣти* 51а (с отрицанием), *(дѣлъ), котрыхъ не гудно чинити* 223а, *трусникъ (покрушеный) не можъ ломати* 52а; ср. с данными грамот: *вживаючи того дворища не надобѣ ни воина ни ѧловицѣ платити* гр. 1349 г. и современных говоров: *мож бы с ними погуляти каждоѣ недѣльі* Боронява (Вр. 21). Такие предложения встречаются реже в НП, чем в грамотах, что объясняется, по крайней мере частично, различным характером и вместе с тем различным стилем памятников.

Из неинфинитивных безличных предложений мы рассмотрим те, в которых в роли сказуемого стоит вспомогательный глагол *быти* с наречием: *щобы не было сердцю твоему гурко* 92а, *али май гурше намъ будетъ* 130а, или слово *треба*, выражающее необходимость, например: *такъ ему треба* 66а, *не треба здоровымъ лѣкаря* 52а, ср. в современном говоре: *Треба бы ми дохторика с чорнёнькыми вчима* Боронява (Вр. 100).

В безличном предложении часто наблюдается глагол *быти* для отрицания существования: *Али тыхъ слувъ межи нами не есть* 223б, *Христови не было мирности на земли* 85а (хотя возможен и им. п. см. у отрицания), также в современных говорах: *у Шандоровѣ млина не е* Боронява (Вр. 92), *A korovы ne ie* Новоселица (Пань. Укр. гов. 435).



Кроме того, отметим еще и безличные предложения с безличным глаголом: *и тоты ми ся годитъ привести* 130б, *намъ такъ же подобаетъ ся постити* 16а, в них глагол выражает необходимость.

*Выражение членов предложения*

Подлежащее

Из способов выражения подлежащего рассмотрим только некоторые.

Если подлежащее выражается числительным (количественным или неопределенным) или конструкцией местоимение + существительное или местоимение, то второй член словосочетания может стоять в род. падеже без предлога: *Также есме и теперь много насъ* 154б, *нѣ одинъ тыхъ мужувъ не иметь исти моеи вечерѣ* 168б, *якъ держать ся много ихъ* 35а. Такая конструкция является архаической, ср. в грамоте XIV в.: *или которы іхо живо останеть* гр. 1388 г. и в старорусском: *А хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытъка половину* (Дух. в. н. Сем. 14в) (Булаховский 256). Но встречаются и конструкции с предлогом *выдъ: кто выдъ васъ такый чл҃вкъ* *22б, *а одны выдъ тыхъ званныхъ пушли на дѣло свое* 131б.

Другими способами выражения подлежащего: при помощи существительного, местоимения, прилагательного, инфинитива глагола и др. не занимаемся.

Сказуемое

В связи с простым глагольным сказуемым отметим только, что оно может стоять и в повелительном наклонении, даже форма 2 л. ед. числа может относится к личному местоимению 3 л. ед. числа: *дѣля того, кто хоче вѣру добыти, овунъ слухай Христа Іисуса и слова его* 189б.

При анализе именной части сложного именного сказуемого обращает на себя внимание постоянное употребление именительного падежа вместо творительного и при существительных: *чомъ овунъ естъ увожай* 109б, *то естъ слуга* 118б, *ажъ вытъ молодости поганъ, або лотръ бывъ* 68б, *тко есть лѣкарь добрый* 58а, „*Кто ся не выдвержетъ себе и не возме хреста своего не можетъ быти муй ученикъ*“ *127а, и при прилагательных: *а котрыи сутъ благыи и млстивыи, великое весѣля будетъ тымъ* 122б, *чомъ есме были пудъ норовъ зъ молодости лихы и грѣшныи* 124а и т. д. (Дальнейшие примеры см. ниже.) Но редко встречается и творительный падеж при существительных и прилагательных: *провкатыромъ не будь* 20а, *не будьме такыми злыми* 231б.

В функции сказуемого имена прилагательные стоят в номинальной форме: *будьме тверды и дужѣ у вѣрѣ ико Богу* 60б, *она досыть праведна* 64а, *туй смотри, кулко милостивъ и жалусливъ Бугъ икъ намъ* 119б, *овунъ вѣренъ естъ* 125а, *Благы люде* 67а, но довольно часто находим и полную форму как в единственном, так и во множественном числах:

„*Нѣкто не есть благый, токмо одинъ Бугъ*“ *123б, *кто есть богатый, та серенъчлявый, та здоровый* 67а, *а котрыи суть благыи и м҃лстивыи*, 121б и др., и возможно, чтобы полная и краткая формы стояли рядом: *чомужъ мы лихыи усѣ* 125а, *Та про то есме лихы* 125а, *чомъ есме были пудъ норовъ зъ молодости лихы и грѣшныи* 124а, *колижъ лише самъ Бугъ добрый* 125а, *а Бг҃ пакъ добръ* 125а.

В сложном именном сказуемом в роли связки часто выступает форма настоящего времени глагола *быти*, как и в современных говорах (ср. Чередниченко 201 202), однако в отдельных случаях она может быть опущена. Ниже мы приводим несколько примеров для иллюстрации, сказуемое выражается существительным со связкой: *знали што есть плудъ царства Божого* 131а, *чомъ чортове суть потята* 147б, *а то есть слуга* 118б, *овунъ есть увожай* 109б. Именная часть сказуемого, выраженная прилагательным, связывается с подлежащим при помощи связки: *кто есть богатый, та серенъчлявый, та здоровый* 67а, „*Нѣкто не есть благый, токмо одинъ Бугъ*“ 123б; но она часто опускается: *чомъ така молитва удячна Богу* 117б, *кулко милостивъ и жалусливъ Бугъ икъ намъ* 119б, *Благы люде* 67а, *она досыть праведна* 64а.

Как видно из следующего примера, употребление связки необходимо в том случае, когда подлежащее опущено, и предложение является двусмысленным: *Та про то есме лихы* 125а, но там же: *чомужъ мы лихыи усѣ* 125а.

Страдательное причастие засвидетельствовано со связкой: *коли не есь постановлюнъ судіевъ* 20а, *али суть побиты у слѣпотѣ великуй* 131а, и без связки: *якъ погубивъ ихъ: увезды по свѣту и лихо розогнаны* 129б, (плудъ Божій), *што не потокмлено выдъ людей, али выдъ Бога* 131а, *якъ написано у сюмъ святумъ евангеліи* 109б. Следует отметить еще словосочетание, состоящее из существительного и прилагательного, со связкой: *великое дѣло есть вѣра правая* 98б, *тко есть лѣкарь добрый* 58а, и существительное в род. п. со связкой: *Послухайте .. сесѣ слова святыи, чомъ не суть земного чоловѣка* 43а, *и другыи вувцѣ имаю, што не суть сего двора* 130б, *хресть есть двохъ фелю* 32б, но родительный падеж качества стоит без связки в примере из современного говора: *Аж ты роду великого, Тай я не такого* Боронява (Вр. 17).

Приведем еще один пример согласования сказуемого с подлежащим. Со словосочетанием числительное + существительное глагольное сказуемое может стоять во множественном числе: *пришли много жидувъ* 40а.

Дополнение

Мы рассмотрим только некоторые случаи выражения дополнения.

Дополнение выражается инфинитивом: *смотрѣмъ имати пожитокъ вѣчный* 159б.

Дополнение выражается местоимением, за которым следует другой член предложения, а за ними повторяется дополнение, выраженное уже существительным для объяснения или подчеркивания: *якъ бы его исцѣливъ, сына своего* 115а, ср. с данными современного говора: *kaže i̯omu tot leg'in' popovy* Теребло (Пань. Укр. гов. 437).



Надо отметить еще одно явление современного говора. В роли дополнения выступает словосочетание: существительное *половина* + существительное в род. падеже, при том слово *половина* остается без изменения: *Та давъ би'мъ ти бѣла дѣвко, Половина овецъ, Та обы ты не казала, Тко дѣтинѣ отецъ. Та давъ би'мъ ти, бѣла дѣвко, Половина хлѣба, Та обы ты угадала На старого дѣда* Боронява (Вр. 105). Подобную конструкцию не следует считать явлением типа русского „земля пахать“. Её можно объяснить тенденцией, которая наблюдается и в памятниках, например, в словосочетании количественное числительное + существительное, числительное не изменяется, кроме того, часто склоняется только первая часть имени *Іисусъ Христосъ* (см. выше в морфологии).

Определение

*Согласованное определение*

Мы в данном случае желаем показать лишь некоторые варианты порядка слов (ср. Вх. II. 101). Согласованное определение (прилагательное, местоимение, редко причастие, числительное) могло стоять перед определяемым существительным: *варе у котрый часъ* 106а, *На сюмъ свѣтѣ* 106а, *посланый спаситѣль изъ неба* 106б, *великая причта* 107а, *што бы есь пришовъ у мою хыжу* 95б, *такъ же чини у своюмъ грѣху* 27а, однако часто наблюдается и постпозиция: *противъ того пожаданя и чужоложства давъ Бг҃ъ святый лѣкарство правое* 230а, *што есть дѣло малое* 92б, *братя мои любыи* 223а (обращение), *ч҃лвѣкъ овунъ бывъ честный и жалусливый икъ тому слузѣ бетѣжному* 96а/96б, (ведетъ) *мамонъ у сѣть дяволову* 93б, притяжательное местоимение особенно часто стоит в постпозиции: *Христосъ мовитъ не журити ся за тѣло наше* 92а, *нѣгда на очи грѣхы твои не верже* 31б, *що бы есь узялъ кресть свой* 33а, что наблюдается и в Галицко-Волынской летописи, например: *оттуда же приде въ домъ свой* Г. В. 6763 г. Автор Няговских поучений часто употреблял постпозитивные определения, что свидетельствует об архаическом порядке слов.

Если ставятся два определения, то одно из них может находиться перед определяемым словом, а второе после него: *абы ся сокотѣтъ выдъ всякыхъ дѣлъ лихыхъ* 18б, *церковного ч҃лвѣка верховного* 107а, но могут стоять и в постпозиции: *що бесме пустъ сесь честный перешли* 28б.

Часто между препозитивным или постпозитивным определением и определяемым словом ставятся другие члены предложения: сказуемое, дополнение и др.: *чомъ одны богатѣютъ люде правдовъ* 175а, *Такъ тотъ чинивъ сынъ молодшій за голодъ силный* 6а, *А пупъ лишь словомъ можетъ Божимъ простити грѣхы* 51а, *На двохъ таблахъ написано камяныхъ мѣзилнымъ перстомъ* 214а, *Сесѣ мовилъ Христосъ слова ико ученикумъ* 50б (ср. *добру имъ раду радити* гр. 1395 г., *на тои рокъ не сталъ на завитый* гр. 1401 г.).

Неопределенное числительное в роли согласованного определения может предшествовать определяемому слову: *имаеме многую кортань*

201б, *имати будутъ выдъ людій многую досаду* 203а, *у кулькуй погыбели бывъ* 204б, а за ним тоже наблюдается: *святыи имали маргу многую* 94а.

Предлог может повторяться перед определением, однако сравнительно редко: *наука на празникы, на усѣ* 186б. Повторение предлога намного чаще наблюдается в грамотах XIV—XV вв.; *ꙋ нашей земли оу Молдавскои* гр. 1434 г. (С I. 386), *на тои рокъ не сталъ на завитый* гр. 1401 г. (36).

###### Несогласованное определение

Рассмотрим некоторые вопросы порядка слов.

Если определение выражается притяжательным местоимением, оно может предшествовать определяемому слову: *за его слугу* 95б, *его слуга* 99а, *ихъ гадтку* 112а (ср. *исъ его землѧми* гр. 1352 г.); оно в препозиции, но между ним и определяемым словом стоит другой член предложения: *другый его будетъ прихудъ у великумъ образѣ* 9а; обычны примеры с постпозицией: *на славу именю его* 137а, *по дѣломъ его* 102а, *правда его* 103б, *слово его и науку его* 104а, *у хыжи ихъ* 186б, *вѣру ихъ* 105б, *за невѣрство ихъ* 116б. В современных говорах наблюдается и препозиция: *koi̯ i̯es' i̯eho korо̂u̯i zahubyu̯* Новоселица (Пань. Укр. гов. 436), и постпозиция: *коник его* Боронява (Вр. 198); но между ними другой член предложения: *ony nechoťat is korovamy bыty i̯oho dale*, Ольховцы (Пань. Укр. гов. 433).

Если притяжательное определение выражается существительным, словосочетанием с существительным, прилагательным и т. д., оно может стоять в препозиции: *отца голосъ* 231б, *сего молодця дѣло* 125б, *али ся боятъ дѣла своего тяготы* 140б, *грѣшныхъ душѣ* 102а, предлог, относящийся к определяемому слову, ставится перед целым словосочетанием: *на того варыша поле* 99а, *дѣля сына своего смерте* 184б, *за сего годножа смиреніе* 96б, *за котрого грѣхъ* 22б, многократная принадлежность: *его тѣла передная кужка* 197а (ср. *а по бреховича дубꙗ, ѿ бреховича дубꙗ* гр. 1349 г.; *подлугъ нашихъ предковъ записовъ* 90 (Ярошенко 322)). Оно может быть постпозитивным, что чаще всего и наблюдается: *познававъ слабусть молодого того* 126б, *чинятъ слугы вѣрныи у послузѣ великуй пана своего* 32а (ср. *тогды мы имѣемъ на его землю потягнути, на землю кролѧ Оугорьского* гр. 1411 г. (С II. 638)); определение может стоять в постпозиции, и между ними другой член предложения: *Приказанію имаеме наслѣдовати Христа* 217б.

Если определяемое слово определяется и согласованным, и несогласованным определениями, то, вообще, согласованное определение ставится на первое место не только в препозиции: *другый его будетъ прихудъ* 9а, но и в постпозиции: *и молитву и службу усякую его ненавидитъ Бугъ* 28а (ср. *противъ каждого его непріѧтелѧ* гр. 1438 г. (Н 1/2. 873), хотя встречается также: *на его оусѣ неприѧтелѣ помогати* гр. 1393 г. (С II. 607)).

Остальные определительные конструкции тоже могут быть и препозитивными: *Мужейского фелю дѣтину* 196б, *усякого фелю урядникы ... що бы пановали* 13а, и постпозитивными: *коли будетъ сынови твоему якая болѣзнь того фелю* 115а.

В конструкциях с количественными числительными, если числительное сочетается с существительным, определенным прилагательным, прилагательное стоит перед числительным, а существительное или другое слово в функции существительного — за числительным: *тя годовавъ у тыхъ шѣсть днувъ* 165а, *што бы учинивъ другыхъ пять таланътувъ* 139б, (смотрѣтъ) *сесѣ десять прокаженыхъ* 172а.



### Приложение

Порядок слов в конструкциях с приложением часто отличается от современного в таких случаях: *Давыдомъ пророкомъ* 112б, *Саулъ царь* 26а, *Ахавъ царь* 27а, но: *у варыши Капернаумѣ* 28б, первое может объясняться и влиянием венгерского языка, но скорее является остатком старого порядка слов (ср. *а коли миръ станетъ Юрью кнѧзю города лишитисѧ* гр. 1352 г.).

### Обстоятельство

Местоименное наречие *где* может обозначать не только 'где', но и 'куда': *пушовъ Ісусъ салашловати, де чл҃вѣкъ не згадавъ.* 186б, „*где злодѣй не пойде*“ УК 24а. Так в словаре Чопея, как и в диалектологических текстах оно имеет оба значения, например: *de tы i̯deš leg'în'u* Теребло (Пань. Укр. гов. 437). В закарпатских говорах употребление *de* со значением 'куда' обычно. (Любезное сообщение Э. Балецкого.)

### Частицы

Классификация частиц в разных грамматиках и у разных авторов является разнообразной. Мы применяем приблизительно то деление, которое употребляется в академической грамматике русского языка (хотя частицы в наших памятниках не те же самые, но их характер тот же, так что деление вполне применимо и здесь).

Мы не приводим примеров обычных и часто встречающихся частиц.

###### Указательные частицы

Разряд указательных частиц является довольно многообразным и многочисленным, примеры, *атъ : чомъ апостолъ атъ якъ мовитъ* 35б/36а (часто); *тото : ну, што есть тото одежя свадьбная?* 135а (ср. с данными современного говора: *No ûn ne mûh usokotyty, bo to dva ptakы kraly hruškы* Буштин (Пань. Укр. гов. 440), там же и *та: No ta ûn usokotyu̯ hrušku); што за : што за платьню узявъ тотъ изъ однымъ таланътомъ* 140б (довольно часто); условно можно сюда отнести *такъ : на семъ свѣтѣ не есть такъ нѣчого што бы было май любо и май дорогое дѣло* 158б, которое выполняет роль указательного местоимения. Частица *ажъ* сочетается и с предлогом *до : ся трудивъ ... ажъ до полудня* 63а (ср. с данными современного говора: *Та я пущу качурека Аж долу водою* Боронява (Вр. 36)); *онь : пушли за нимъ онь до хыжѣ* 107а (ср. с примером из современного говора: *Тверда зима, онь ся пукат* Боронява (Вр. 86)).

*Выделительные и ограничительные частицы*

Из этой группы очень часто встречается *лыше* 91а, иные варианты: *лишень* 229б, *лишу* 83а уже реже. Довольно редко засвидетельствовано *токмо: Ни выдъ кого иньшого не можеме добыти спасенія души своюй, токмо выдъ самого Христа* 79а; и наблюдается еще *хотя: коли хочъ гадати, албо жадати што наеленъ заказови его хотя разъ* 136б (ср. в современном говоре: *I hovori̯at oden druhomu ščo kebы chod' večûr datko uže ny pryi̯šou̯* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 437)).

*Усилительные частицы*

Из усилительных частиц очень часто можно найти *ж(е)* 125а, *уже* 201б, *тож(е): устанеме, та тожъ ся перемѣниме* *50а; *хоть: али ище мусиме терпѣти, хоть Бъ и дяволы напустить на насъ* 178а (ср. в современном говоре: *Ище было учарити, хоть эсе лѣтечко* Боронява (Вр. 74)).

Весьма часто находим *ище* 92б, которое сегодня имеется в форме *ščê*: ,,*ony ščê spłat* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 434). *Пак* относится тоже к числу часто употребленных частиц: *а Бъ пакъ добръ* 125а.

*Модальные частицы*

Модально-волевые частицы.

Часто встречаются в разных формах *нагай, най: нагай за бѣзентуетъ имъ* 152б, немного ниже: *най слухаютъ ихъ* 152б, *негай: негай не будетъ безгадливъ* 35б, *тамъ и я негай умру* 79б, редко *ка: выдцѣ научай ся ка тобѣ, чл҃вѣче* 79а.

*Отрицательные частицы*

Среди них обычны: *не* 216б, *ни* (тоже в форме *нѣ*), *ани* (тоже *анѣ*), напр.: *не жадай ни хыжу, нѣ виницы другого, анѣ жоны, ани слугы, ани служницы, ани вола, ани коня* 20а, *не били нѣкого нѣ оружіемъ, нѣ языкомъ* 216б, мы находим еще: *Нѣтъ*, 126б.

*Вопросительные частицы*

Очень часто наблюдается: *ци: ци за иманіе его?* 162б.

*Частицы, выражающие отношение к достоверности высказуемого*

Часто находим *ачей: али овунъ гадавъ, ажъ, ачей, понесетъ его у купѣлъ* 60б, *Такъ же и ты, чл҃вче, чини у своюмъ грѣху, ачей Бугъ проститъ грѣхы* 87а (ср. в современном говоре: *Я уйду на уличку, Та ще собѣ вівкну, Ачей богачъ удурѣе, Та дастъ за ня дѣвку* Боронява (Вр. 31)); редко *вудва* (< *едва*): *вудва ажъ кто за праведника умретъ, а за виноватого кто дерзаетъ умерти* 200б.

Встречается еще *багме: Ажъ бу(де)шъ такъ чинити, багме, часть будешъ имати у царствѣ небеснумъ* 66б. В памятниках можно найти еще *можъ* глагольного происхождения: *Тростникъ покрушеный не можъ ламати и лемъ, коли ся зажжетъ, не можетъ погасити, докудъ ся не скунчаетъ (зов)сѣмъ* *52а/52б, *и не можъ было пашѣ купити ажъ бы дукатъ давъ за еденъ вѣзъ* Таламаш 1795 (Яв. 196 и др.), *хочъ: Что хочъ, атъ я ти учину?* 179а.



Сочинительные союзы

Рассматривая систему сочинительных союзов, мы не будем приводить контекста при обычных и частых союзах, а только определим место примера. Соединительные союзы: *и* 164б, *та* 91а, 232б, *тай* 18б, *то: Али научѣмъ ся перво робити хоть што, то тожъ иди на попувъство, а хоть на якое дѣло* 90а (ср. в современном говоре: *a na chrês'c'î na cêr'k'vy voron mnoho to u̯sî krankai̯ut* Теребло (Пань. Укр. гов. 438)); присоединительный союз *также: давати милостыню убогымъ, также и слугумъ церковнымъ* 226а.

Союзы *та, тай* в современных народных песнях часто выступают не в роли союза, а частицы, имеющей стилистическую роль: *Ище'мъ оты спѣваночкы, Не позабывала, Що ми мамка тай спѣвала, Кой ня колысала . . . А тêпêрь ня тай лишила, Най ня люблят хлопцы* Боронява (Вр. 18); *Та я собѣ полюбила хлопчика мадяра, Тай обы му та не была у Боронявѣ пара* Боронява (Вр. 48).

Из парных союзов надо отметить *якъ . . . такъ: абы изъ обоихъ сторонъ соромъ, и животъ, и честь, и вѣра, на котрую ся божили сокотити, якъ мужъ такъ и жона* 230б; *ни . . . ни (нѣ . . . нѣ), ни(нѣ) . . . ани(анѣ): не били нѣкого нѣ оружіемъ, нѣ языкомъ* 216б, *не жадай ни хыжу, нѣ винницы другого анѣ жоны ани слугы* 20а.

Среди противительных союзов часто встречается *али: не упивай ся николи, али найбурше коли постишъ* 19а, *нѣколи за грѣхы не истямитъ, али бульма тя будетъ миловати*, 106а. В современном литературном языке распространен союз *але*, но в староукраинском имелось и *али*, как и в других славянских языках, из которых оно тоже было вытеснено (напр., из польского); только в южнославянских языках оно живет и сегодня. Пример из молдавских грамот: *иже из(ъ) доброи волѣ а никимъ не принуженъ, али з доброї и з мудрої рады своїхъ слугъ* гр. 1393 г. (С II. 607). Остальные союзы *а: богатыи, што ся постятъ, и чинятъ молитву, и за грѣхы стогнутъ, а убогымъ нѣ одну бабку не дали* 127а/127б, *однакъ: каздове также правду чинѣте слугумъ, однакъ познавайте, ажъ одного Бога имаете* 97б, *одначъ: одначъ и вы безъ разума есте* 36а. В закарпатских говорах употребляется *i̯eńač* (< *i̯ednač*) там, где *odyn* уступило место *i̯eden*. (Любезное сообщение Э. Балецкого.)

Из разделительных союзов отметим следующие: *албо* в НП довольно часто: *якъ можетъ чл҃вѣкъ самъ себе ся отверечи албо кресть свой носити* 24б, мы находим рядом с *албо* уже в НП часто *або* 179б. Первоначальное *алибо*, которое наблюдается в грамотах XIV в., уже исчезло: *ѥго дѣти ꙗвно алибо тайно* гр. 1388 г. (20).

Кроме того, часто встречаются *или: мудрость людская такъ судитъ усякую неволю людскую или бетюгъ, или скорбъ, или якый нѣморовшагъ . . . приходитъ на люди* 66б, *ци: Iисусъ изъвѣдовавъ выдъ нихъ за Месію Христа, кто имаетъ быти, лише сынъ Давыдувъ, ци май буршувъ*, 136а.

Обычными являются парные союзы *хоть . . . хоть: варе што чиниме симъ хоть гораздъ, хоть лихо людюмъ* 12а/12б (ср. *котрый пришов . . . хоть пузно, хоть рано* Боронява (Вр. 47), ср. Вх. I. 125); *хоть . . . а хоть: терпѣти ушитко хоть бетюгъ, а хоть якую неволю тяжкую* 32б, но

редко встречается и *хоть . . . або: Шо за фель чоловѣкъ кажеть, хоть молодый або старый* 29а.

Объяснительное предложение или словосочетание связывает *тото ест: „истягнѣть изъ себе старую одежу и оболоцѣть ся у новую“, у добрыи дѣла тото есть* 18б (ср.: *передъ реченыхъ волостий, то есть Коломыйских и Сититиньськихъ* гр. 1437 (Н 1/2. 871)).

### Союзы сравнения простого предложения

В простом предложении мы находим следующие союзы сравнения: *якъ* (очень часто): *траву пасъ якъ волъ* 3б, *мовять, ажъ бывъ члвкъ, якъ другыи, що пророковали исъ початку* 44а, *такъ будеть мочи учити убогыхъ, котрыи суть у ряду Божумъ, якъ одны слѣпцеве* 165б, примеры из современного говора: *А молода дѣвчиница солодка, як медок* Боронява (Вр. 39), *як + кой : Така на нюм сорочечка, як кой памутова* Боронява (Вр. 39), *Та так дѣ ня змальовали, як кой образочок* Боронява (Вр. 97), союз *якъ* имеет значение 'около', 'приблизительно' перед числительными, и указывает на приблизительное количество: *чомъ было ихъ тамъ якъ двѣ тисячи* 99б, *принюсъ овунъ мира дорогого, якъ сто фоньту* 53а.

Союз *якъ* сочетается с союзом заимствованным из венгерского: *якъ синте: сесь годножъ, . . . якъ любивъ слугу своего, якъ синте, сына своего;* 97а.

При сравнении разных предметов, лиц и т. д. употребляются *якъ: май бурше дѣло надубное на сюмъ свѣтѣ не имаеме якъ сесю науку* 201б, (ср. Гр. IV. 538 як 5), *нѣжли: Приказанію имаеме наслѣдовати Христа, нѣжли справъ мирскыхъ* 217б (ср.: *аже гдрь нашь ближий есть к тому мѣсту к тычину . . . нѣжли тый ѧдвига й ей дѣвка* гр. 1404 г. (38)); *нѣжъ: любивъ сесъ члвѣкъ иманя свое бурше нѣжъ Бога* 174а/174б.

Повеление часто выражается союзами, при которых стоит условное наклонение глагола, *што(бы): анѣ што бы ся нимъ проклинала* 222а (ср. с данными грамот: *тоть хотарь шобы и(м) быль непоруше(н) на вѣкы* гр. 1423 г. (С I. 159)); *абы: Також и вы добрыи люде, абы есте пушли тамъ изъ любустю* 29а.

### Сложноподчиненные предложения

Для рассматриваемого памятника характерны придаточные предложения с союзами и союзными словами, а не бессоюзные конструкции. Можно проследить историческое развитие и установить степень развитости при изучении разных видов придаточных предложений. На них следует обратить внимание и с точки зрения диалектологии.

Придаточные предложения группируются по членам предложения, которые они заменяют. Внутри отдельных видов предложений, мы остановимся сначала на несовершенных подчинительных конструкциях, потом на придаточных предложениях с союзными словами и с союзами (все три упомянутые категории встречаются не всегда). При изучении разных предложений рассматриваются вопросы: есть ли указательное слово в главном предложении, место придаточного предложения, место союза, и реальное или нереальное действие придаточного предложения. Вопросы квантитативной характеристики будут особо рассмотрены в конце главы.



В этой главе мы стремимся выделить разные виды предложений, возникающие по этому поводу общие вопросы рассматриваются в главе 5.

### *Сложные предложения с придаточными подлежащего*

#### Подчинение при помощи союзных слов

Ниже представлены некоторые виды придаточных предложений, связанные наиболее обычными союзными словами *што* и *кто.*

В постпозитивном придаточном предложении союзное слово *што* относится к предмету, в главном предложении указательное слово отсутствует: *та ся исповънило, што мовивъ Христосъ* 75а, такое предложение дополняет глагол в страдательном залоге.

Союзное слово *што* относится к лицу, что бывает довольно часто, и в главном предложении на него указывает *то*, но указательное слово *то* стоит рядом со сказуемым *кто;* придаточное предложение постпозитивно: *кто есть то, што знаеть неволю и недужество наше переже прузьбы нашей* 108б. Интересно отметить, что лицо не выражается местоимением в мужском роде ни в главном, ни в придаточном предложениях.

В главном предложении нет указательного слова при употреблении союзного слова *кто: кто меть слухати, та вѣровати, прошунъ будеть* 51б.

Союзное слово *кто* стоит в препозитивном придаточном предложении, главное вводится союзом *а*, и личное местоимение *вунъ* можно считать указательным словом: *Кто вѣруеть, а вунъ будеть спасенъ.* 160а, *Кто имаеть вѣру Божую у сердци своюмъ, а вунъ не погубить иманя Божее.* 168а. Такие подчинительные конструкции еще не являются совершенными, указание не развито, оно не выражается указательным местоимением.

Указательное слово *тото* соответствует союзному слову *кто: гадають, ажъ члвѣкъ тото невиноватый, тай безъ грѣха, кто есть богатый* 67а, ср. с интересным примером из современных говоров, в котором главное предложение вводится словом *то*, которое предшествует указательному слову: *a ko hovoryt, to tot brechač byu* Теребло (Пань. Укр. гов. 439).

Последние примеры из памятников показывали менее точные виды указания, но рядом с такими встречается и указание, выраженное указательным местоимением, согласованным с союзным словом, напр.: *кто меть вѣровати слову Божому, тоть будеть вытъвязанъ вытъ грѣху* 51б, такое явление засвидетельствовано и в грамотах· *кто на рокъ не станеть а ни вкажеть тоть стратилъ* гр. 1401 г. (36), *Кто не оусхочеть далѣи миру держати тоть ѿповѣсть* гр. 1352 г.

Местоимение *котрый* тоже может выступать в роли союзного слова: *И они выдъ теперъ напередъ тоты, котрыи были вѣрныи, нагай ся не боять нѣ дявола* 158а. Следует обратить внимание на построение пред-

ложения: придаточное предложение находится внутри главного и относится по смыслу к местоимению *они*, но подлежащее повторяется в форме указательного слова *тоты*, и так придаточное предложение относится к нему. А в следующих примерах придаточные предложения препозитивны, с указательным словом и без него: *А котрыи и до церкве ходятъ и не чинятъ сесѣ чотыри дѣла, у порожне ходятъ до церкве. А котрыи и до церкве не ходятъ, тай сесѣ дѣла не чинятъ, тоты не имаютъ нѣ одного свята*, 166а/166б (ср. *Который мает ухо, нехай слухает* 599 (Огієнко КА 412)).

Приведем еще такие примеры, в которых союзным словом являются не *кто, што* или *котрый*, но другие части речи, местоименное наречие *якъ*, а в главном предложении нет указательного слова: *У сюмъ евангеліи есть, якъ принесли родителѣ Іисуса изъ дары у Ерусалимъ, и тамъ якъ узявъ его Семіонъ* ... 202а, неопределенное числительное *кулько*: „*Кулько ихъ духомъ Божіимъ водитъ ся, сесѣ сутъ сынове Божіи*.“ 181б.

Союзное подчинение

Придаточные предложения с союзами часто связываются с такими главными предложениями, в которых стоят глаголы страдательного залога в роли сказуемого, и указательное слово отсутствует. Такие предложения, как правило, можно было бы перестроить в дополнительные, если глагол был бы выражен глаголом действительного залога. Поэтому данный тип имеет много общих черт с дополнительными предложениями. Кроме того, часто встречается и тот тип придаточного предложения, который относится к главному предложению с глаголом *быти*, и сообщает, что есть, бывает часто и т. д. В таких случаях указательного слова нет. В подобных предложениях глагол *быти* может выступать как связка сложного именного сказуемого, и придаточное предложение сообщает субъект уже высказанного суждения. В таких случаях часто ставится указательное слово. Кроме того, еще нередко подлежащее — субъект суждения или действия — может быть настолько сложным, что для его выражения требуется отдельное придаточное предложение. При союзном подчинении придаточное предложение всегда постпозитивно. Ниже рассмотрим несколько примеров с разными союзами.

Придаточное предложение вводится союзом *ажъ*, в главном предложении наблюдается глагол страдательного залога, причем указательного слова нет: *Іюда былъ хытляненъ, та видѣло ся ему, ажъ лихо, и моркоталъ на жону за тото машѣня* 40а.

В следующем примере находим союз *што* в препозитивном предложении, в главном предложении указательное слово отсутствует: *А што золялъ масло — евангеліе, добрыи повѣсти и слова милыи, и веселіе, и проща грѣхумъ;* 160б. Примеры из говоров, в которых наблюдается союз *što (ščo)*, а в главном предложении есть указательное слово: *Toho car'i̯a use toto bula žura, ščo ûn koždoho tužna dau̯ šyty r'i̯and'a*. Буштин (Пань. Укр. гов. 440), без указательного слова: *Mnoho raz bulo, što zûdn'alys'me vola ûd medvêđa, to žyu̯ šče*. Колочава Лаз (Пань. Укр. гов. 446).



По смыслу сюда можно отнести придаточное предложение, которое имеет оттенок причины, и поэтому связывается союзом *занужъ*, указательного слова нет: *гадаютъ, ажъ досыть имъ, занужъ вѣруютъ они гораздъ и держатъ право, а другыи не журятъ*. 140б.

При вышеперечисленных союзах действие придаточного предложения было реальным. При следующих действие придаточного предложения нереальное (предположение, приказание, запрещение, желание и др.), поэтому глагольное сказуемое стоит в условном наклонении, а к союзу часто уже приросла морфема *бы* из вспомогательного глагола *(абы)*. Придаточное предложение всегда стоит в постпозиции.

В памятнике встречается союз *што бы*. В зависимости от типа главного предложения при нем может стоять указательное слово. Интересно отметить, что в первом примере в главном предложении указательным словом является *сесе*, и его конкретизирует придаточное предложение, так как указательное местоимение *сесе* лишь редко выступает в роли указательного слова, потому что обычно указывает на синтаксически независимое предложение: *сесе ти май хосновито, шъто бы есь бывъ слуга Божій* 91б. Указательное слово отсутствует: *Богу не видитъ ся гораздъ, што бы его даръ метати*, 176а, при этом глагол стоит в инфинитиве; ... *и безъ помоцe Божіи, не можетъ быти, што бы овунъ не упалъ тотъ чл҃вкъ у якую грѣшку и у гнѣвъ Божій* 5а, в последнем примере за подлежащим придаточного предложения, выраженным местоимением 3-го лица ед. числа, следует еще другое объяснительное подлежащее. Такое явление нередко в памятниках.

Союз *ажъ бы* встречается редко, так как союз *ажъ* связывает обычно придаточные предложения с реальным содержанием, в нашем примере указательным словом является *тото: Ужа естъ тото, ажъ бы теперъ люде уставали умерлыи*. 101б, оно может отсутствовать: *али за то лѣпше бы, ажъ бы есте чинили мл҃сть убогымъ, доку есте живы* 55б, последнее придаточное предложение имеет условный оттенок.

Союз *абы* тоже засвидетельствован, указательным словом является *сесе: Сесе естъ воля пославшаго мене отца, абы кождый, видячи сына и вѣруючи у него, имати будетъ пожитокъ вѣчный*, 21б.

Как мы видели, при подчинении с союзным словом придаточное предложение может стоять и в препозиции, и постпозиции, при союзном подчинении оно постпозитивно.

*Сложные предложения с придаточным сказуемого*

Подчинение при помощи союзных слов

В нижеприведенных примерах союзные слова *што, котрый, якый* относятся к лицу, в главном предложении может отсутствовать указательное слово: *ажъ Христосъ естъ, што даетъ пожитокъ вѣчный*, 76а, *Третіи сутъ, идъ котрымъ бывъ не прошунъ*, 109а, *якыи утъцѣ и матеры, такыижъ и дѣти*, 223а.

Союзное подчинение

В функции именного сказуемого главного предложения может стоять *такъ* в роли указательного слова, и в таком случае оно является не наречием, а номинальной формой указательного местоимения. Рассмотрим несколько примеров с разными союзами; союз *чомъ: чомъ такъ естъ обычай дяволумъ, чомъ хытры.* 102б, с оттенком объяснения; может наблюдаться сравнительная конструкция с союзом *якъ: Чомъ Христосъ не естъ такъ, якъ другыи люде, што естъ и Б҃гъ изъ отцемъ одинъ.* 173б/174а; союз *што бы: Научa(й)ме ся выдцѣ, хрестяне, што естъ пожитокъ вѣчный и спасеніе певное выбраннымъ: естъ такъ, што бесме изъ правдовъ познали одного правого Бога, . . .* 77б; союз *ажъ: Першаа естъ сесе хосна, ажъ Христосъ, починокъ нашъ, измугъ ворогы нашѣ изъ великовъ славовъ,* 74б, хотя последнее главное предложение оформлено неточно.

В памятнике более обычна вышеуказанная конструкция с указательным словом *такъ*, но встречается *такый* в роли именного сказуемого (именной части составного сказуемого): *а одны сутъ такыи, што ненавидятъ проповѣдника слова Божого;* 105а, *што* надо считать скорее союзом; и примеры современных говоров тоже с союзом *što: A u tûm sêľi takyį byu̯ roskaz, što až propade korova, čeredari̯ maįe zaplatyty.* Новоселица (Пань. Укр. гов. 436); *A u tûm sêľ'i takyį byu̯ r'i̯ad, što čeredu čeredar'i̯ pas a platn'a mus'îla buty y vыt takoho čolovîka, što ne mau̯ korovы.* Новоселица (Пань. Укр. гов. 436), подчеркнутое сказуемое предшествует подлежащему в главном предложении.

Приведем еще несколько примеров из говоров, в которых местоимение *такый* является указательным словом, а союзами являются *ги*, который вводит сравнительную конструкцию: *Не будь такый, ги ти отець* Боронява (Вр. 105); и *ščo: ščo toto r'i̯and'a take bude, ščo durnыį y hlupыį ne bude ho vydîty:* Буштин (Пань. Укр. гов. 440). Союз *ги* не засвидетельствован в НП.

Придаточное предложение сказуемого всегда постпозитивно.

*Сложные предложения с придаточными дополнительными*

В начале следует обратить внимание на конструкции, не являющиеся полностью подчинительными. Этот тип представлен тут конструкциями с повелительной частицей *атъ*. Сказуемое главного предложения выражает говорение, просьбу, волю, повеление, ожидание, и предмет действия глагольного сказуемого главного предложения выражен придаточным предложением. Такие предложения нереальны, и в придаточном предложении требовался бы союз с морфемой *бы*, со сказуемым в условном наклонении, однако с частицей *атъ* стоит изъявительное наклонение. Такие предложения всегда постпозитивны и без указательного слова: *Что хочь, атъ ти учиню? Овунъ рюкъ: Атъ вижу.* 179а; *али Христосъ такъ лишивъ, атъ проповѣдаеме на кождый часъ,* 82б, *Не ижди, атъ тя кортаютъ, ажъ не слухаемъ евангеліе, тай не слухай лише ухома, али укажѣмъ хрестянство свое изъ дѣломъ добрымъ, . . .* 94б; *Не ижди, атъ тя кортаютъ, ажъ (не) слухаешъ евангеліе* 94б, *не жди, атъ тя просивъ твуй сусѣдъ.* 121а. В первом примере второе предложение с частицей *атъ* едва ли можно считать придаточным, а первое уже ближе к подчинению. В следующих примерах уже можно говорить о подчинении, хотя придаточное предложение структурно еще не преобразовалось, так как в то время в нереальных предложениях глагол обычно употреблялся в условном наклонении. В пятом примере в придаточном предложении глагол наблюдается в прошедшем времени, но оно тут не требуется, поэтому это может быть уже первым шагом к тому, чтобы формой глагола выражалось нереальное содержание придаточного предложения.



Подчинение при помощи союзных слов

Из-за разнообразного содержания придаточного предложения подчинение может быть осуществлено разными союзными словами *што, якъ, котрый, кто, кулько, кулькый, чѣе, якый, што за, де, коли* и др., но мы рассмотрим лишь несколько из них.

Союзное слово *што* может вводить постпозитивное придаточное предложение: *Теперь йще видиме, што чинятъ попове надъ людми дѣля приходу ихъ, кулькую бѣду* 82б, *али братя мои, вѣруйме, што проповѣдали апостолы за сесе дѣло, чомъ они не угали.* 203а, но также наблюдается и в предложении, выдвинутом перед главным предложением: *А що выходитъ изъ рота, то сквернитъ ч҃лвка* 36а (ср. еще с примером из молодавских грамот: *Король Польскый имаетъ насъ боронити и потѧгнути во Оугуръскую землю и чинити, што болше можетъ* гр. 1411 г. (С II. 638)).

Следует отметить *якъ*, имеющий ряд значений, причем в главном предложении обычно отсутствует указательное слово. Союзное слово *якъ* может обладать своим оригинальным значением способа действия: *Али лише журивъ ся выдъ усеи душѣ, якъ бы его исцѣливъ, сына своего* 115а; *Атъ знаете гораздъ, якъ было у сердци тому ч҃лвѣку,* 115а и приведем еще пример из урбариальных записей: *nyi Contractussa, nyi tokmi ne je za toto, jak kmityi . . . majut szlusiti szvojich panu.* Bukovec, урб. зап. 2. В следующих случаях в придаточном предложении находим глагол говорения, а *якъ* относится к содержанию сказанного, значит, употребляется в значении *што*. Такое явление объясняется тем, что у некоторых глаголов способ и предмет действия очень близки. Так, уже выше в последнем предложении *jak* относится к видам и количеству повинностей, т. е. к их содержанию, но вместе с тем обозначает и путь, способ совершения действия. При глаголах говорения тоже возможно сближение двух значений *(якъ, што)*. Данный тип обычен при прямой цитате: *Али слухайте, якъ мовитъ Христосъ . . .* 35б; *и смотри, якъ буде мовити,* 14а. Союзное слово *якъ* может ввести придаточное предложение, которое выражает степень качества определения или сказуемого, выраженных прилагательными: *Научайме ся изъ сего евангелія, якъ естъ великый грѣхъ возношеніе, и хвала, и пыха, а якъ красно было, и честное, и любо Богу смиреніе.* 2б.

Местоимения *котрый* и *кто* тоже выступают в роли союзного слова в препозитивных и постпозитивных предложениях: *котрыи проповѣдаютъ Іисусъ Христа изъ правдовъ, . . . тыхъ познаваетъ и овунъ сынувъ своихъ*

любыхъ и вѣрныхъ передъ отцемъ небеснымъ 84а, *Христосъ видитъ и познаваетъ гораздъ недужество тыхъ, котрыи ся молятъ ему*, 108б, *а кто бы увыйшовъ, не пущаете увыйти*" *183б, *и приходитъ ико усѣмъ, и не прощунъ бывши, кто имаетъ вѣру икъ нему*, 181а.

Из менее употребительных отметим три союзные слова *коль*, определяющие степень при обстоятельстве, выраженном наречием в придаточном предложении: *Научайте ся, коль дуже жадаетъ Бгъ вѣры выдъ усѣхъ людей*; 106б, *кулько: пуйди и усе, кулько имаешъ, продай и роздай убогымъ*. 22а, и *коли: апостолы извѣдовали, коли пучнетъ пановати межи жиды у Ерусалимѣ*. 74а/74б.

Союзное подчинение

При глаголах, существительных мышления, познания, сообщения и восприятия мыслей в роли сказуемого главного предложения, в НП очень часто стоит *ажъ*, которое встречается и в памятниках XVIII в., сегодня оно уже редко. (О происхождении этого союза см. в главе 5.) Рассмотрим несколько примеров: *и сесь чл҃вѣкъ изъ сего евангелія мовивъ Христови, ажъ естъ учитель добрый*; 174а, *и узявъ собѣ на розумъ, ажъ бывъ у добрѣ и потумъ погубивъ честь* 6б, *Коли узрятъ, ажъ его имили и убили* 37а; *О смертный часъ приносѣмъ собѣ на розумъ на кождый день вытъ усеи душѣ изъ вѣрою, ажъ тѣло твое изгніетъ и опятъ муцю Христовою оживетъ ...* 49б, в последнем примере в главном предложении простое глагольное сказуемое стоит в 1-м лице мн. числа, а в придаточном наблюдается притяжательное местоимение 2-го лица ед. числа: *И знай гораздъ, ажъ, коли будешъ ходити у стадѣ Христовумъ, багме, многую досаду имешъ имати за имя Іисусъ Христово и за евангеліе*; 85б, в последнем примере союз вводит придаточное предложение, которое начинается с вопросительно-относительного местоимения (ср. Чередниченко 206). В рассмотренных примерах придаточное предложение было постпозитивным. Обычно союз *ажъ* стоит на первом месте, но он наблюдается и на втором: „*Учувъ, нарудъ ажъ идетъ мимо, извѣдовавъ, што есть сесе?* 178а. Для дополнения нашего материала приведем пример из говора: *Кажутъ люде, аж я стара* Боронява (Вр. 11), и несколько примеров из грамот, где *аж(е)* было частым: *а слюбуемъ и слюбили есмо за романа, аже имаетъ романъ служити нашему г(с)дрю кролю влодиславу пол(с)кому ...* гр. 1400 г. (С II. 617—618), *Вѣдомо даемъ нашему брат ажъ есмь сѣлъ на столѣ великого црства* гр. 1393 г. (26) (все придаточные предложения постпозитивны). Тот же союз можно найти и в древнерусском языке: *Слышавъ же Галичане ... аже идеть рать на нѧ силна*. Лавр. л. 6714 г.; *Ныне то есть мнѣ ведомо, аже Рижѧне суть в томъ не виновати и ныне ѧ тому дивлюсѧ аже твои намѣстьник слушаеть всѧкого чл҃овка слова* грам. ок. 1284 г. (Срез. I. 8).

В той же роли в Няговских Поучениях рядом с *ажъ* весьма редко засвидетельствовано *ожъ*, которое часто наблюдается в современных говорах. Союз *ож(е)* хорошо известен по древнерусским памятникам, староукраинским грамотам (о его происхождении см. в главе 5). Придаточное предложение, связанное с *ожъ*, постпозитивно: *якъ слышали есте, братя, ожъ чинили тоты люде добрыи исъ тымъ чоловѣкомъ бетѣжнымъ* 29а; ср. с данными говоров: *Абы люде не казали, Ожъ по ночи хожу*. Боронява (Вр. 37); *U žon'î ne kazau, ož vûn yzrobyu korbu taku yz dereva*. Новоселица (Пань. Укр. гов. 435); *Ой знавъ бы я, Ожъ що старуй треба*. Боронява (Вр. 81); в последнем примере мы встречаем употребление союза перед вопросительным местоимением. Приведем примеры из украинских грамот: *Вѣдаи то каждыи чл҃вкъ кто на тыи листъ посмотрить оже ѥ кнѧзь єоунутии ... чинимы миръ твердыи ис королемь казимиромь польскымь ...* гр. 1352 г.; *Влодислав ... чинимо то свѣдом оусѣмо которі на тот листо посмотрито оже пано Петр ... пожичило нам д тисѧчѣ рубли фрѧжьского серебра*. гр. 1388 г., и из древнерусского языка: *Оуслышавъ оже идоуть на нь, иде Торопьцю* Новг. I л. 6675 г. (Срез. II. 628).

В НП союз *што*, как и *ожъ*, встречается редко, но в современных говорах является обычным. Примеры из памятника: *Симъ, што Затхей пушовъ найперво, што бы видѣвъ Христа, дѣля того можеме познати, ажъ овунъ имавъ вѣру великую* 180б; и из современных говоров: *I tak uvyďîly druh'i ûčarî, ščo tam ie bîda* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 432); *ony ... i hovor'iat sôbî, ščo cy budeme chot' večûr spaty, cy ne pryide uže večûr to nepeune*, Ольховцы (Пань. Укр. гов. 434); *I tak imyu kazaty ľuďom, ščo ščo chočete, toto vam daiu, lyš iďît my id korovam u polonynu sokotyty*. Ольховцы (Пань. Укр. гов. 433); в предпоследнем предложении союз употребляется перед вопросительной частицей, в последнем перед вопросительно-относительным местоимением, а в следующем примере союз *što* вводит прямую речь: *Tohďî una (то есть bîda) ukazala, što hotou min'î obîd ... Ona ukazala, što terchai piêt vozû pšenyc'î, vezy do mlyna i melye i spečye chlîb is pryčeho i îž piêt' volû i hotou prič mn'aso, šobych ia imala na obîd*. Рус Кривый (Пань. Укр. гов. 422) (ср. Лизанець 90). Приведем несколько примеров из галицкой-волыньских грамот: *на семъ на всем мы два исъ братомоимъ цѣлуева крстъ, што жь нама все то исправити косподареви нашему великому королю* гр. 1386 г.; *мы кнзь федоръ данильевич ... поручѧемсѧ по ѡлехна штожъ служитъ ему сп҃дрю своему корол верно ...* гр. 1388 г. (22), и из древнерусской грамоты: *Ино целовати емꙋ на томъ кр҃тъ, что емꙋ хотѣти П҃скову добра* Псков. судн. гр. (Срез. III. 1579).

Союзы *ижъ, же* не засвидетельствованы в НП, язык которых довольно чист, свободен от полонизмов.

Союз *чомъ* приобретает и роль дополнительно-объяснительного союза: *Видишъ, чомъ сесь закон(н)икъ извѣдовавъ Іусуса, што бы чинивъ, абы имавъ пожитокъ вѣчный*, 158а.

Рассматривая союзы придаточных предложений, выражающих нереальное действие, можно установить следующие союзы: *што бы, абы*.

Союз *што бы* обычен в НП, так же в современных говорах: ... *и заказавъ у всюй державѣ своюй, што бы постили и молили ся Богу*. 26а, *иждали, што бы ся кынула вода* 57а; *Научаетъ насъ такъ, што бы грѣшныи не бѣгли выдъ Христа, хоть кулько грѣху имаютъ ...* 142а, в последнем примере указательным словом является *такъ*, но речь идет не о способе, а о содержании действия (подобные примеры мы уже видели выше). Пример из современных говоров: *Tak tot pûp prosyu s'a ûd humena, ščoby zautra ûn služyu službu ys svoiym sluhom* Теребло (Пань. Укр. гов. 38) и из старо-

русского: *По тому бы есте и сами дѣяли и инымъ бы есте всѣмъ заказывали, что бы по тому ходили.* Кипр. м. Посл. Пск. дух. д. 1359 г. (Срез. III. 1579).

Союз *абы* наблюдается намного реже: *не проситъ выдъ насъ иньшъ нѣчого, лише абы есме дали славу ему за доброту* 17б, *Дѣля того научайте ся, хрестiане, коли постите, абы ся сокотѣтъ выдъ всякыхъ дѣлъ лихыхъ,* 18б. Приведем еще примеры из современных говоров: *zahnaly nam pysemno z Užhorodu, abys'me išly het.* Крива (Пань. Укр. гов. 467). Данный союз обычен и в украинских грамотах XIV—XV вв.: *и за инытѣ молвили абы в добромъ покои вжити тѣхъ вжитковъ пану вѧтславу.* гр. 1370 г.; *Стефан... просилъ на(с) абыхомъ ему ѡ(т)пустили и ласкави были* гр. 1433 г. (С II. 654).

В НП союз *обы* не встречается.

Из частицы *ци* развился союз, который можно найти и в памятнике, и в современных говорах: *Чомъ нас кощуетъ Богъ, ци имаеме вѣру правую ико Богу, ци бѣзуеме ся на Бога выдъ усеи душѣ,* 6а; пример из говоров: *Tak syďat sôbî i dumaįut cy ne pryįde tot ûčar' įich zadušyty* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 433).

Следует отметить, что союз *ажъ бы* не засвидетельствован в роли дополнительного союза, несмотря на частое употребление союза *ажъ* (*ажъ бы* было редким как союз подлежащего), но в грамотах XIV—XV вв. довольно часто употребляется: *и маемъ нашемꙋ господарю радити подлугъ нашеи присѧги ... аже быхомъ королю вѣрнѣ служилї* гр. г. (Н 1/2. 858), *возревше есмо на его вѣрноую службу и хотѧче по немъ ажбы тымъ лѣпей и верныи намъ ... послужилъ* гр. 1394 г.

Дополнительные придаточные предложения были постпозитивными.

### *Сложные предложения с придаточными определительными*

#### Подчинение при помощи союзных слов

Подчинение при помощи анафорических относительных местоимений не было продуктивным даже в древнерусских грамотах, хотя в литературных памятниках оно обычно. В НП союзное слово *иже* выступает весьма редко, наверно, под влиянием церковнославянского языка: *до котрого, милостивый Боже, умѣстити (насъ рачъ) дѣля Христа сына своего, емужъ слава и держава во вѣки вѣкомъ.* 221б. Продуктивными являются вопросительно-относительные местоимения в роли союзного слова, а среди них, главным образом, *што*. Оно стоит в постпозитивном придаточном предположении, а в главном указательное слово отсутствует: „*Истямъте за слово, што емъ вамъ мовивъ*" 204а, *што бы насъ звали на весѣля, што естъ наготовленное намъ* 132б, указательное слово ставится: *Али запрѣчаетъ Христосъ выдъ тои журы, што естъ невѣрная* 93а; в приведенных примерах союзное слово относится к предмету, а в следующих к лицу, но указательного слова нет: *а плутъ естъ ангелы, што сокотятъ сесь свѣтъ* 128а, *якъ чинивъ изъ Закхеомъ, што бывъ богатый* 127б, *А слугы, што пуславъ, то сутъ пророцы,* 128б. В следующих примерах перед определяемым словом стоят указательные слова *тотъ, увесь, сесь: чомъ погубивъ тоты люде, што не слухали заказъ его* 130а, *проси сына, (што) бы простивъ ти усѣ грѣхы твои тоты, што есь согрѣшивъ на тумъ тыжни, што минувъ;* 165а, *и сесѣ люде, што не бѣжатъ и не идутъ до церкве, они вѣру Божую не могутъ добыти* 178б. В украинских грамотах XIV—XV вв. мы находим сходное употребление союзного слова *што*. В нижеприведенных примерах союзное слово может заменить название предмета или лица, в главном предложении указательное слово может отсутствовать. Союзное слово относится к предмету, указательное слово отсутствует: *также хочю отступи(т) нашему г(с)дрю кро(л) Пол(с)кому тотѣ земли шепин(с)коѣ и тыхъ городовъ, што суть в ней, по старую границю.* гр. 1400 г. (С II. 619), в главном предложении перед названием лица стоит указательное слово: *а пакы бихомъ тако не задержали, ико сѧ есмо записали на то(м) сниму прї наши(х) пановъ обоу сторонꙋ и прї пановъ нашего милого господарѧ королѧ: при панꙋ Андроваши... и прї ꙋси(х) пановъ господарѧ нашего королѧ що при то(м) были, що быхом(ъ) были осажени нашеи чти и що быхо(м) чти не имѧли нигде на вѣкы вечнии,* гр. 1435 г. (С II. 679). Союзное слово *што* изменялось лишь редко: *Чомъ лише выдъ Iисуса Христа и слова Божого, коли будеме слухати, прийде вѣра правая, чимъ маеме ся спасти,* 188б, *Лѣпше ажъ бы погубивъ иманя и голову, нѣжъ бы ся обернувъ опять на житло тото лихое, у чумъ живъ перше,* 149а, *не видиме чистоту, у чумъ перво отецъ нашъ Адамъ бывъ учинюнъ и потокмлюнъ* 160а/160б, *У сюмъ евангелии указавъ Христосъ симъ тромъ ученикумъ Божество свое, и веселiе, и спасенiе, у чумъ маеме быти за симъ пожитъкомъ, чомъ тота свѣтлустъ давала ся ученикумъ,* 184б.

Так как союзное слово *што*, как правило, не изменялось, при нем можно найти соответствующую форму личного местоимения 3-го лица ед. числа. Такая конструкция встречается и в памятниках, и в современных говорах: *винъниця естъ нарудъ жидувскый, што ей чинивъ Бгъ на земли своюй,* 128а, *Господь Бгъ за ѕ҃ днiи усѣ дѣла учинивъ, што ихъ видиме на свѣтѣ* 224б, *якъ бывъ и сесь чл҃вѣкъ, отецъ того дѣтъвака, што бывъ нечистый духъ у нюмъ* 115а, *А камѣнь, што его завергли цемраше, се есть самъ Христосъ,* 129а, за придаточным предложением, помещенным внутри главного, вторая часть последнего начинается с указательно-объяснительного слова; примеры из говоров: *Jak s'a zbįsla famylįįa y daų vüz učynyty želîznyį a sês', što įoho volы, duže s'a žuryt;* Великий Раковец (Пань. Укр. гов. 462), *Užem buų polovyc'a mertvyį a ûn prychodyt id men'î ta staų dva na try stupn'î kolo toįî vatry, ščom peršyį raz kolo neįî ťah* В. Апша (Пань. Укр. гов. 432).

Союзное слово *кто* наблюдается в постпозитивном придаточном предложении: *„Близъ Господь боящимъ ся его, кто его изъ правдовъ зоветъ,* *153а, *Чомъ чл҃вѣкъ благословленный, кто ся силуетъ добыти пожитокъ вѣчный, чомъ на сюмъ свѣтѣ прохуднумъ и чалувнумъ лише имаеме досаду,* 206б 'Так как (тот) человек благословленный, который стремится к спасению ...', но в данном случае придаточное предложение легко может быть переделано в придаточное подлежащего, потому что слово *чл҃вѣкъ* может заменяться указательным словом *тотъ*, или в придаточное предложение можно было бы вставить указательное слово *тотъ*, и тогда словосочетание считалось бы сказуемым: *чл҃вѣкъ благословенный.*

В НП в роли союзного слова выступает *котрый* в придаточном предложении, которое может стоять постпозитивно или за определяемым словом внутри главного предложения, в котором указательного слова нет: *такъ же чинивъ изъ Осифомъ, што бывъ выдъ Аримаѳея, котрый погромадивъ Іисуса* 127б/128а, *А слугы, што пуславъ, то суть пророцы, котрымъ досажали у многумъ кѣпу выдъ робутникувъ, котрыи были тогды пророци уживыи и учителѣ кривыи.* 128б, в данных примерах союзные слова *што* и *котрый* употребляются параллельно, а в следующем указательное слово ставится: *Выдцѣ научайме ся, хрестяне, кулько грѣшаютъ тоты люде, котрыи мовлять, ажъ Б҃гъ натокмивъ и лишивъ много вѣръ* 130а/130б, *Чом такыи отци, котрыи дѣтій своихъ на доброе не учили, каравъ Господь Б҃гъ велми* 215а.

Такое сложное предложение с придаточным определительным, в котором в главном предложении определяемым словом является существительное *люде*, а придаточное вводится союзным словом *котрыи*, отличается от подобного сложного предложения с придаточным подлежащего тем, что в последнем определяемое существительное отсутствует. В следующем примере можно видеть такие сложные предложения с придаточным определительным и с придаточным подлежащего: *Выдцѣ научайме ся, хрестяне, кулько грѣшаютъ тоты люде, котрыи мовлять, ажъ Б҃гъ натокмивъ и лишивъ много вѣръ, албо котрыи мовлять, ажъ каждому языку потокмивъ Бугъ окреме правую вѣру. Али котрыи мовлятъ такъ, не розумѣютъ писмо,* 130а/130б.

В НП редко наблюдается употребление союзного слова *котрый* в препозитивном предложении с определяемым словом: *котрый пупъ добрый или владыка проповѣдаетъ слово Божіе, добрую честь пріймет,* 89а.

Редко засвидетельствовано и союзное слово *якый*, которое имеет специфическое определительное значение: *якыи утъцѣ и матеры, такыижъ и дѣти,* 223а.

### Союзное подчинение

Союзное подчинение осуществляется разными союзами, которые уже были рассмотрены при других относительных придаточных предложениях.

Союз *ажъ* выступает в роли определительного союза, напр.: *Першаа естъ сесе хосна, ажъ Христосъ, починокъ нашъ, измугъ ворогы нашѣ изъ великовъ славовъ* 74б, указательное слово *сесе* не согласовано с определяемым словом.

Определительное придаточное предложение вводится и союзом *якъ: Не учинивъ нѣ зъ одными такый знакъ, якъ изъ жиды.* 129б, а в главном предложении стоит указательное слово *такый*.

Определительные придаточные предложения обычно постпозитивны, они могут стоять и внутри главного предложения непосредственно за определяемым словом, но придаточное предложение не обязательно следует за определяемым словом, оно может быть отделено от него несколькими словами: *винъниця естъ нарудъ жидувскый, што ей чинивъ Б҃гъ на земли своюй,* 128а.



### *Сложные предложения с придаточными места*

Данный тип придаточных предложений встречается сравнительно редко. Мы приведем лишь несколько примеров. Самым обычным союзом является *де*, в значении 'где', которое может связывать постпозитивные придаточное предложение, в главном стоят указательные слова *тамъ, выдцѣ: и надобѣ, атъ идешь тамъ, де проповѣдаютъ слово Божіе* 83б, *Научайме ся выдцѣ, де Христосъ мовитъ* 85а, в последнем примере союз употребляется в отвлеченном значении, потому что речь идет об определенном месте Библии; *де* может вводить и препозитивное придаточное предложение, при этом в главном будет указательное слово *тамъ: де естъ вѣра правая, тамъ и дѣла добрыи;* 138а, данный союз встречается и в грамотах: *где боудетъ панꙋ любо, мы тамъ имаемъ поехати* гр. 1452 г. (Н 2/11. 656).

Союз *куды* встречается в значении 'где' в препозитивном придаточном предложении, в главном наблюдается указательное слово *туды: тоты варышѣ ико зъхудъ соньцю и ко полудню, куды проповѣдавъ святый Павелъ . . ., а теперь туды бирують туркы* 134а.

Может быть, что и во время памятников оно чаще обладало значением 'куда', что иллюстрирует ниже приведенный пример из современных говоров: *Tot tudы pũšôu̯ ta nai̯šou̯ kozы, kudы tot rukôu̯ machnиu̯.* Драгово (Пань. Укр. гов. 439).

Отметим еще союз *выдкудъ*, связывающий постпозитивное придаточное предложение с главным, в котором есть указательное слово *тамъ: Насадивши, пушовъ тамъ, выдкудъ не прійдетъ борзо бѣнътетовати грѣшныхъ,* 128б.

Как видно из примеров, указательное слово *тамъ* имеет значения 'там' и 'туда'.

### *Сложные предложения с придаточными временными*

Сложные предложения, в которых выражаются временные отношения, разделяются на две группы: сложные предложения с отношением одновременности и сложные предложения с отношением разновременности, причем последняя группа делится на две подгруппы в зависимости от отношения действий главного и придаточного предложений.

#### Сложные предложения с отношением одновременности

Союз *докудъ* связывает постпозитивное придаточное предложение, при этом в главном нет указательного слова: *Такъ не можетъ спасти ся ч҃лвѣкъ, докудъ не слышитъ слово Божіе* 147а, *докудъ* может вводить и препозитивное предложение, а главное предложение присоединяется при помощи *а: та докудъ здоровъ слуга, та може робити, а овунъ добръ, тай удяченъ* 97а, или же наречием *дотудъ: Про то, чомъ докудъ есме живы, докудъ душа у тѣлѣ, дотудъ треба ся журити за душу* 92а.

В препозитивном придаточном предложении стоит союз *доку*, а главное начинается с *а: и переже доку бывъ живый, а они служили ему миловали его,* 55а, в примере из современного говора без *а: Доку буде по бѣлявцѣ,*

*я му все любити.* Колочава (Вр. 28), тот же союз в постпозитивном предложении, указательного слова нет: *чинѣте мл҃(с)ть, доку есте живы,* 55б.

Наиболее обычным союзом является *коли,* которое может связывать постпозитивное предложение, причем в главном отсутствует указательное слово: *Якъ Симонъ хотѣлъ учинити, . . ., коли уздрѣлъ* 42а, в следующих данных наблюдается указательное слово: (т. е. царство Божее) *Бг҃ъ ище тогды наготовилъ праведнымъ, коли ище не былъ наготовленъ сесь свѣтъ,* 38б, еще пример из грамоты XV в., в котором указательного слова нет: *и потвержае(м) . . . тотъ листъ, што есмы дали его мл(с)ти в камѧнци, коли сѧ есмы голдували и записали его млт(с)ти* гр. 1407 г. (С II. 629). Придаточное предложение может быть и препозитивным, при этом в главном нет указательного слова: *коли ишолъ у Ерусалимъ, сидячи на услати, далъ ученикумъ своимъ дяку, и весѣля, и радусть* 42б, главное предложение вводится словом *а: Коли проповѣдавъ жидумъ Іисусъ Христа, а они сопротивляли ему и хулили* 134б, тот же союз в примере из современных говоров: *Коли дѣвка винок плела, Товды ся смѣяла* Боронява (Вр. 87), и в грамоте XIV в.: *але то што жь коли вси боѧре и землѧ не будуть городъ твердити тогды тии люди також имѣють твердити город смотричь* гр. 1375 г.

Союз *якъ* тоже встречается в препозитивном предложении, а в главном есть указательное слово: *чинѣте мл҃(с)ть, доку есте живы, а якъ уже умрете, тогды май менша хосна будеть,* 55б, он наблюдается и в современных говорах, в препозитивном предложении: *I̯ak ver babu u pîč a baba tohdu s'a duže uškiryla.* Горенчево (Пань. Укр. гов. 444), в главном предложении указательное слово *тогды,* но оно начинается со слова *а;* кроме того, в следующем случае в постпозитивном придаточном предложении: *Čоти i̯a bum ne buu̯ česnum, i̯ak i̯a takui̯ holoden,* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 432) (ср. еще Вх. I. 125).

## Сложные предложения с отношением разновременности

Вначале рассмотрим те предложения, в которых действие придаточного предложения предшествует действию главного. Самым обычным союзом является и тут *коли,* который занимает важное место и в другой группе, но там отношение действий предложений другое. Подобное явление наблюдается и в связи с другими союзами. Союз *коли* может вводить препозитивное или постпозитивное придаточное предложение, в первом случае главное предложение начинается с *а: а коли уже умерь, а они изъ честю погромадили* 55а, *сесѣ рыбареве, Петръ и Анъдрей, коли послухали слово Христово, потумъ кулько рыбы имили* 142а, *нѣкто не можеть помочи души твоюй, коли уже есь пушовъ у лихое.* 151а, ср. с примером из современного говора, в котором придаточное предложение препозитивно, а главное вводится словом *та: Koly narud uu̯ud'i̯u totu sylnu buri̯u, tot vîter, ta u̯se upau̯ na kôl'ina ta začaly s'a bohu molyty issêrc'a.* Теребло (Пань. Укр. гов. 438), и с примерами из грамот XIV в., в которых придаточное предложения тоже препозитивны, во втором наблюдаются указательное слово *тогда: а коли миръ станеть юрью кнѧзю города лишитисѧ* гр. 1352 г., *коли тои лихий Бекбулатъ побѣгль тогда вси люди всѧ рать на бѣгъ повернулисѧ* гр. 1393 г. (ср. Вх. I. 125).

Довольно обычен союз *якъ,* в следующих примерах придаточное предложение помещено внутри главного: *чомъ на тумъ свѣтѣ, якъ умреме, нѣцятъ проџѣ грѣхумъ не можеме добыти,* 151а, *а грѣшныхъ душѣ, якъ выйде исъ тѣла, такъ идеть, якъ пушла богатого чл҃вѣка* (у адъ) 102а, и ср. с данными говоров, в которых придаточное предложение тоже находится внутри главного, но ему предшествует в первом случае указательное слово *такъ,* а во втором *потому,* и за ним следует *то: Tak i̯ak ûn povečer'i̯au̯, choti̯u s'a z nyu̯ l'ubyty* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 432); *A potomu i̯ak'ym s'a oženyu̯, tom chodyu̯ ys volы.* Колочава-Лаз (Пань. Укр. гов. 446). Придаточное предложение может стоять в препозиции, в главном может быть указательное слово *тогды: а якъ ся розъболитъ слуга, а казда его ненавидить, тай не спомогаеть нѣ чимъ* 97а, *Чинѣте мл҃(с)ть, доку есте живы, а якъ уже умрете, тогды май менша хосна будеть . . .* 55б, ср. с данными говоров, в которых придаточное предложение препозитивно, а главное начинается со слова *а: A i̯ak upade dolû, ta mai̯ s'koro idut ocharyty* Наньково (Пань. Укр. гов. 442), *Якъ увидишъ бѣлыі хлопцыі, А ты ся розболишъ.* Боронява (Вр. 30), а в следующем случае придаточное предложение постпозитивно, в главном наблюдается указательное слово *тогды: Тогды бись ня уженила Якъ ми ручкы зяжуть.* Боронява (Вр. 7) (ср. Вх. I. 125).

Встречаются еще союзы *докудъ, доку, закы.* Приведем примеры употребления союза *доку* в препозитивном и постпозитивном придаточных предложениях, в первом примере в главном есть указательное слово *доту: „доку не пришовъ голодъ у тоту сторону выдъ Бога, доту не мугъ ся покаяти"* 8а, *чомъ „котрыи ся выдаляють вудъ тебе", якъ тотъ сынъ, розумомъ своимъ не могуть ся обернути ико отцу своему, доку не пуславъ Бг҃ъ голодъ у тоту сторону, такъ и грѣшникъ не можеть ся обернути, доку не притягнеть его Бг҃ъ назадъ.* 5а, еще один пример, в котором параллельно с *докудъ* употребляется и союз *закы: и научайме ся туйка, якъ не може земля учинити пъшеницю, закы у ню не посѣють, такъ не можеть спасти ся чл҃вѣкъ, докудъ не слышитъ слово Божіе.* 147а.

В рассмотренном диалектном материале мы встретили союз *докы* в постпозитивном придаточном предложении: *i̯a ne môžu ity, to i̯a sluha, dокы s'a ne obыi̯du.* Теребло (Пань. Укр. гов. 437), *Вѣночку зеленѐнькый, Отъ соньічка съ не вз̌явъ, Та докы тя хлоп молодый Из головкы не знявъ.* Боронява (Вр. 18).

В заключении мы сделаем несколько замечаний относительно союзов временных придаточных предложений.

Как мы видели выше, одни и те же союзы могут фигурировать в разных группах: так в сложных предложениях с отношением одновременности и разновременности встречаются *доку, як, коли,* поэтому принадлежность предложения к определенной группе определяется прежде всего отношением действий двух предложений. Союзы могут быть по происхождению простыми *(коли, як)* и сложными с предлогами: *до, за,* и почти все происходят от вопросительно-относительных местоимений. Определенные предлоги первоначально обозначали способ действия (напр.,

*якъ)* или место действия (напр., *докудъ)*, однако при отдельных типах действий способ и время, место и время действия переплетаются, и становится возможным переход союзов из одного типа обстоятельственных придаточных предложений в другой. Но из того, что временные союзы не перешли в союзы способа или места действия, вытекает, что язык раньше скорее располагал более или менее полной системой местоименных наречий и образованными от них союзами для обозначения места и способа действия, чем точной системой союзов времени. Поэтому при действиях, движущихся по точкам соприкосновения двух областей, для связывания временных придаточных предложений с главными употреблялись союзы придаточных предложений места и способа действия. Может быть, наречия способа и места действия уже употреблялись как наречия времени. Данное предположение подкрепляется и наличием таких старых русских союзов времени, как: *с тех мест как, докаместа, покаместа, до тех мест как* (Булаховский 350—351).

Придаточное предложение может быть препозитивным, постпозитивным или может стоять внутри главного предложения. В случае препозиции, как правило, казалось важным ставить какое-нибудь указательное слово (напр., *тогды)* или связывающее слово (напр., *а)*, но и при препозиции может отсутствовать указательное слово или связывающее слово. При постпозиции связь между двумя предложениями яснее, так что чаще не наблюдается никакого элемента, служащего для связывания двух предложений. Если придаточное предложение находится внутри главного предложения, наблюдается то же самое, только еще в большей мере. Указательные и связывающие слова служат для более точного понимания, более прочного устройства предложения.

### *Сложные предложения с придаточными причинными*

Вначале остановимся на тех видах придаточных предложений, которые связываются особыми причинными союзами. Среди них самым обычным является *чомъ*. Союзы *занужъ, за што, чомъ* происходят из первоначального или вопросительно-относительного местоимения. К данной группе относится еще *бо*, которое происходит из частицы. Вслед за ними рассматриваются разные виды придаточных предложений, введенные общими объяснительными союзами *(ажъ, што)*, которые определяются, уточняются указательными словами. За ними будут рассмотрены еще некоторые другие союзы.

Автор Няговских Поучений предпочитал союз *чомъ*, но в материале современных говоров мы его не нашли.

Союз *чомъ* связывает постпозитивное придаточное предложение, при этом в главном могут стоять указательные слова *прото, дѣля того: али ищѣтъ прощѣ выдъ Христа, чомъ овунъ смертю своевъ досыть намъ учинивъ* 120а; *прото не любить, чомъ не молите ся ему у вашуй журѣ, али ся упадаеме на (во)р(о)жькы* 31а; *тай веселивъ ся съ нимъ умѣстѣ дѣля того, чомъ ся смирилъ* 4б, союз *чомъ* встречается и в незакарпатском Учительном Евангелии 1588 г.: . . . *а подобеньство еще болше нѣжли погане которыи нигдЫ непознали гã; бã своего, чом поганин не присягая гў бў своему, и не зламал жадной вѣры ему* УЕ 1588 г. 150б.



А союз *бо* мы редко встречали в НП, хотя в староукраинских грамотах довольно часто находим его, но в современных говорах он наблюдается чаще. Возможно, что редкое употребление союза *бо* в НП объясняется не (или не только) особенностями живого языка, а особенным предпочитанием автором союза *чомъ*. Союз *бо* в постпозитивном придаточном предложении стоит на первом месте, а в главном указательное слово отсутствует, примеры из нашего памятника, из современного говора и из грамоты XV в.: *„Варе кто не иметь носити кресть свуй, не иде за мною, не може быти муй ученикъ“, Якъ бо мовить инъде, „Не есть минѣ достоинъ“* 32а, в данном примере союз *бо* следует за союзом *якъ; I dva ľude naịsly s'a, bo oden ne chotîụ ity, bo boịaụ s'a ščo ịeho tam zadušat*, Ольховцы (Пань. Укр. гов. 433), *не йди хлопче, уличкали Бо улица кална* Боронява (Вр. 10); *Тêпêрь собѣ заспѣваю Бо тêпêрь ми воля*, Боронява (Вр. 13); *тое имае(м) имъ ввернvти, бо сѧ есмо имали на то по(д) присѣгою* гр. 1457 г. (С II. 809).

Союз *занужъ* (<*занеже*) возник еще тогда, когда первоначальные относительные местоимения были продуктивными. Он очень часто встречается в старославянском, древнерусском языках в форме *зане, занеже*, из последнего возник *занеж*, а из него в украинском *зануж*. Твердость *н* может объясняться влиянием *ну: ануж*. В грамотах можно найти и форму *зануже*, которая возникла так, что к живой форме *зануж* прибавили *-е*, привычное в формах *занеже, понеже*. Союз *занужъ* встречается в НП, он может стоять в постпозитивном предложении, а в главном указательное слово отсутствует: *и тогды мовили жидове, ажъ хулитъ, занужъ, бывши чл҃вѣкъ, так мовитъ* 44б; *сидячи на усляти, далъ ученикумъ своимъ дяку, и весѣля, и радусть, занужъ изъ усею честю проводили его народы жидувъскыи.* 42б; *ажъ лише за евангеліе насъ изненавидѣли, и изниматъ ся свѣтъ увесь на насъ, занужъ его проповѣдаеме.* 77б; в препозитивном предложении, а главное может начинаться связывающим словом *а*: *Али занужъ не слухали слово пророческое, и слово Христово, (и) апостолское, видишъ, якъ погубивъ ихъ*, 192б; *А сесѣ два ученици, Іоаннъ, та Іаковъ, занужъ были рудъ близько Христови, а они гадали, ажъ они первыи, тай великыи панове у пансвѣ Христовумъ.* 37а/37б; *два тайныи ученици . . . служили ему, занужъ были богатыи оба, пришли дерзостно ико Пилатови . . .* 54а, еще приведем два постпозитивных примера из грамот XV в.: *тоти щобы и(м) не порушили нашего даніа . . . зануже есми дали и(м) за и(х) вирную службу* гр. 1425 г. (С I. 169), *хотѧ сѧ бы и нашли (листы), чини(м) и(х) прожни(х) си(м) листо(м) нашимъ на вѣки вѣчны(м), зануже видили есмо . . . аже чини(м) противъ бога* гр. 1435 г. (С II. 679).

Союз *за што* образовался из вопросительно-относительного местоимения с предлогом *за*. Такой способ образовния в славянских языках встречается довольно редко (в болгарском есть подобный союз причины: *защо то)*, потому что вопросительно-относительное местоимение с предлогом не бывает союзом, а, как правило, в роли союза стоит *што*, и его определяет, на него указывает указательное слово с предлогом или без предлога, с которым *што* может слиться в один союз (например, русск. *потому что)*. Союз *за што*

довольно редко можно найти в НП в постпозитивном предложении: *и розгнѣвали ся на Христа, за што прiявъ грѣшныхъ* 6а; *и не бояли ся жидувъ, за што (жиды) были невѣрныи* 54а, данный союз засвидетельствован и в современном говоре: *Jak nai̯šôu̯ kozы, dumai̯e sôbî, dam mu i̯ednu kozu, za što spravyu̯. Kaže: na sôbî sês'u kozu, za štos' mi̯a spravyu̯, štom nai̯šôu̯ kozы druh'î*. Драгово (Пань. Укр. гов. 439). Данный союз возник путем перехода конструкции с вопросительным местоимением в относительное, ср. *Другая наука: за што правомъ и заказомъ не можеме ся спасти?* 138а.

Союзы *за што*, *занужъ*, образованные от первоначального и вопросительно-относительного местоимений, хотя иногда и употреблялись, но широко они не распространились потому, что параллельно существовали такие союзы как: *бо* и *чомъ*, а для выражения более сложной и распространенной причины служили союзы общеобъяснительные *(што, ажъ)*, которые и в других видах придаточных предложений прочно укоренились, и при них отдельные смысловые оттенки можно было точно определить указательными словами. Кроме того, к таким союзам в главном предложении хорошо примыкали указательные слова в том числе и предложные, в тоже время как к союзам с предлогами типа: *за што*, *занужъ* примыкание было более трудным.

Указательные слова не только сделали несомненным смысл придаточного предложения, но и структурно полностью подчинили его главному предложению, ликвидировали его самостоятельность, его вопросительный характер, что в типе с союзом *за што* еще чувствуется. Таким образом они усовершенствовали сложно-подчиненные предложения.

В следующую группу входят союзы *(ажъ, што)*, которые укоренились в относительных предложениях, прежде всего в дополнительных, но более или менее широкое распространение получили они и в других типах придаточных предложений и выступают как общие союзы, объясняющие главное предложение. Для конкретизации их значения и для обеспечения большей структурной прочности в главном предложении употребляются указательные слова, которые могут позже слиться с союзом.

Сначала остановимся на союзе *ажъ* (при нереальном содержании придаточного *ажъ бы)*, который связывает постпозитивное придаточное предложение, при этом в главном предложении стоят указательные слова *за то (то)*, *про то*, помещенные в любом месте, но часто непосредственно перед придаточным предложением: *и давъ ему . . ., не за тото, ажъ овунъ учинивъ якое дѣло доброе на сюмъ свѣтѣ . . .* 179б (ср. *Не зато я спѣваю, аж я веселюся*, Боронява (Вр. 100)); *Али за то Христосъ не про то рюкъ тото, ажъ бы тотъ чл҃вѣкъ слѣпый не согрѣшивъ, нѣ родителѣ его, али прото, абы одинъ другого не осужавъ* 68б, ср. со следующими данными из грамоты XV в., в которых *аже* употребляется без указательного слова в главном предложении: *и дали есми емоу . . . Мишино село, аже Мишъ загубиль свое имѣнiе оу хитлѣньстви, и Боудинци Михайла кошчiевича, аже и ѡнь загубиль оу хитлѣньстви* гр. 1434 г. (Н I/2. 859). В древнерусском языке в той же роли выступает *яже* (Булаховский 330).



Союз *што* может вводить постпозитивное предложение, причем в главном указательного слова нет: *и опятъ каравъ Содома и Гомора, великыи варышѣ, за курварства* (в ркп.-и: кѹрварство), *што не знавъ отецъ донькы, анѣ братъ сестры своеи.* 230б, *Теперъ ище слава Богу, што ся явило слово Божiе*, 134а, ср. с данными говоров: *I ony nyč ne spaly, ščo s'a duže boi̯aly* Вольховцы (Пань. Укр. гов. 433), если придаточное предложение подчеркивается, оно может стоять в препозиции: *Jednoho razu pos'îdaly mы kolo babы pîd lypôu̯. A ščo mы bыly duže nespok'îi̯n'î, to počala nam kaskы kazaty*. В. Верецки [Ворота] (Пань. Укр. гов. 455), а в главном предложении указательное слово *то* (данный союз обычен в современных говорах). В главном предложении могут быть указательные слова *за тото*, и в примерах современных говоров *за ото*, *за сесе*, *с того*: *и за тото караетъ насъ слѣпотовъ правды Божеи, што его не слухаеме, тулко, обернувши уха свои, утѣкаеме выдъ него.* 22а; *Nas Boh dau̯ tôbî za toto, što vы rüu̯no yz žünkôu̯ deržaly try pi̯atnyc'î*. В. Раковец (Пань. Укр. гов. 462), *Ščeznykom nazyvai̯ut ďavola za oto, ščo vîn ufî chvyly ščezne y pokaže sy*. Квасы (Пань. Укр. гов. 414); *i̯a tôbî velykyi̯ darunok dam za sese, šo ty mene s'a ne boi̯au̯*. Бычков (Пань. Укр. гов. 429); *i̯ednы plakaly, obi̯emaly s'a, c'uluvaly s'a, raďîly s toho, ščo izn'alo s'a vîčnoi̯e i̯armo iz šyi̯i*. В. Верецки (Пань. Укр. гов. 456).

Союз *якъ* тоже засвидетельствован в постпозитивном придаточном предложении, причем в главном может стоять указательное слово *дѣля того*: *дѣля того естъ намъ вытцѣ великое весѣля, якъ маеме знати помучьника нашего, што естъ то, што знаетъ неволю и недужество наше пережe прузьбы нашеи.* 108б, „*Охтѣ вамъ, книжникумъ и фарѣсеюмъ лицемѣремъ, якъ вы запираете царство небесное передъ людми*" *183б; ср. с данным современного говора: *Tak i̯ak tot anhel uvyďîu̯, ščo uže us'î smyrenno mofat s'a Bohu, tak utych vîter* Теребло (Пань. Укр. гов. 438). В подобной функции наблюдается союз *яко* в Галицко-Волынской летописи: *Ономуже рекшу: „правдою обѣщахся отцю еи королеви Угорьскому, не могу послучьшати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта*" Г. В. 6765, но в летописи союз *яко* употребляется весьма часто, и, как и в старославянском языке, круг его применения более широкий, чем союза *якъ* в нашем памятнике, хотя в последнем *якъ* тоже вводит разные виды придаточных предложений. В старорусском языке союз *какъ* выступал в роли союза причины (Булаховский 333) (ср. в современном русском языке *так как)*.

Придаточные предложения причины, как правило, постпозитивны, но мы встретили и препозитивные, если придаточное предложение было особенно подчеркнуто.

### *Сложные предложения с придаточными цели*

К числу конструкций неполного подчинения надо отнести постпозитивные предложения, введенные частицами *атъ*, *нагай*: *што бы забѣзенътовавъ пятъ братюмъ его, атъ не прiйдутъ на тото мѣсто мучимое* 150б; *. . . ажъ блудитъ у пути лихумъ . . . моли его, атъ ся обернетъ, чомъ великое дѣло естъ* 63а; *просили его, атъ ихъ не пушлетъ вонъ, али их*

*пушлетъ у свинѣ*. 13а; „*Дѣло емъ исповнивъ, што есь давъ бывъ мѣнѣ, атъ исповню*“ 76а, „*Прослави сына твоего, нагай и сын твуй прославитъ тебе*“ 75б, в некоторых предложениях наблюдается оттенок дополнения. Такие конструкции с *атъ* засвидетельствованы и в древнерусском: *Поѣди кнѧже к городꙋ атъ мы бьемсѧ сами со Изѧславомъ*. Лавр. л. 6661 г.; *Даи ми Перѧславль атъ посажю сына своего* Ип. л. 6657 г.; *Приеди къ мнѣ атъ мене посѣтишь* Іос. Флав. Др. XIII. 11. 2. (Срез. I. 32–33).

Союзное подчинение

Одним из самых распространенных союзов нашего памятника и современных говоров является *што(бы)*, которое засвидетельствовано уже в грамотах XIV в. Придаточное предложение, введенное им, постпозитивно, в главном предложении может стоять указательное слово *дѣля того: али моли ся Богу, што бы тя усокотивъ выдъ усякого зла до смерти твоеи*, 7б, *Право дѣля того дано намъ и заказъ, што бесме познали дѣло, котрое удячно Богу* 138а; *попросилъ тѣло Ісусово у Пилата, що бы поклалъ у грубъ*, 53а, *имаютъ .. того исного города боронити а намо оу ты часы вѣсть давати штобыхомо пособлѧли* гр. 1388 г.; *тогды има то село замѣнй продати тако доброму ѧко и самъ што бы моглъ намъ с того службу написаную служй* гр. 1399 г. В старорусском языке он тоже известен: *А пишу вамъ се слово того дѣля, что бы не перестала память родителии наших и наша* Дух. Сим. 1353 г. (Срез. III. 1579), и обычным в современных украинском и русском литературных языках. В НП следует отметить союз *якъ штобы* в постпозитивном предложении: *Постил и Моисей пророк найперво, коли Б҃ъ звавъ на гору Синайскую, якъ што бы ему давъ право и заказъ*, 16б; *Дѣля того постьме, якъ што бесме ся смирили*, 13б.

Другой довольно распространенный союз — *абы*, который связывает постпозитивное придаточное предложение, причем в главном указательное слово *того дѣля: молѣтъ ся Богу, абы бывъ намъ у помочи*, 149а, *Того дѣля годитъ ся и намъ лѣпше слухати, абесме якъ годѣ не вытпали* . . . 59б. Союз *абы* встречается и в современных говорах: *ta sered dvora svoho poklau̯ totu korôu̯i, abы stoi̯ala*. Новоселица (Пань. Укр. гов. 435); *Най сяду на межу, Абы люде не казали, ожъ поночи хожу* Боронява (Вр. 37), *абы* засвидетельствовано в Галицко-волынской летописи, в украинских грамотах XIV в.: „*Пришлю к тобѣ Романа и Новогородцѣ, абы пошел ко Возвяглю, оттуда и къ Кыеву*“ Г. Б. 6765; *а на крѣпо то листа привѣли ѥсмо наша печа абы то крѣпко здержа* гр. 1388 г. (23); *послалъ есмь к вамъ слуги наши . . . то повѣдати вамъ нашему брату абы знали вы* гр. 1393 г. Придаточные предложения цели были постпозитивными.

*Сложные предложения с придаточными условными*

Вначале рассмотрим придаточные предложения, выражающие реальные условия. Как в памятнике, так и в современных говорах часто употребляется союз *коли*, который является и союзом времени. Придаточные предложения, связанные им, могут стоять в препозиции, постпозиции и внутри главного: *такъ же и сердце твое, коли его излишишъ на прятаніе*



*(сегосвѣтнее), свѣтлости пожиточнои не будешъ мочи достигнути*, 9а; *Также и мы чинѣме, грѣшныи, коли надѣеме ся на мл҃(с)ть Божую, ажъ будеме прощены дѣля мл҃(с)ти Божей*. 6б; *дѣля слова Божого, коли будеме слухати и имеме держати, будеме благыи* 189б. Если придаточное предложение препозитивно, главное предложение может начинаться с частицы *атъ*, которая имеет некоторую указательную роль в следующем предложении: *коли будетъ сынови твоему якая болѣзнь того фелю, атъ знаете гораздъ, якъ было у сердци тому ч҃лвѣку* 115а, потому что здесь уже выражается не прямое повеление, а, скорее, предупреждение при помощи указательного слова: 'вот, тогда, узнаете . . .' Союз *коли* обычный и в грамотах XIV—XV вв.: *а воленъ продати и за даръ да кому коли хочетъ*. гр. 1349 г., но ему можно приписать и временное значение: *А коли, Б(ог)ъ дасть, стану митрополитомъ, я за то слюбую и хочю дати* гр. 1398 г.

Часто наблюдается союз *ажъ*, который может употребляться параллельно с *коли: Также и мы, коли хочеме быти прощены выдъ Бога, и, ажъ хочеме, што бесме не были изъ бетегомъ и у усякого фелю лихотѣ, вѣруйме*, 179б. Союз *ажъ* может связать постпозитивное придаточное предложение, при этом в главном нет связывающего элемента: *дѣля Ісуса Христа, сына своего любого, тя пріиметъ и грѣхы ти ушиткы проститъ, ажъ ся покаешъ, якъ обицялъ ся*. 31б, если придаточное предложение препозитивно, главное начинается с частицы *а, то, та*, в данных из говоров с *to, ta, tai̯: ажъ не можъ научити его, а ты дай его инде, де знаешъ май доброго учитѣля* 66а, „*Ажъ буду людюмъ угажати, то слуга Христовъ не буду*“ *30а, „*Ажъ бы закономъ правда, та бы Христосъ задаръ умеръ*“ 135а, *Starosta i̯emu kaže, až ne bude do tretôi̯i dobы, čeredar'i̯ mai̯e ty druhu kupyty*. Новоселица (Пань. Укр. гов. 436), *Ale až ne budeš tak čynyty i̯ak tôbî u̯kažu, to ta poi̯îm*. Буштин (Пань. Укр. гов. 441), *Аж ты турокъ, тай я турокъ, та мы туркы оба* Боронява (Вр. 27), *Ажъ ты роду великого, Тай я не такого, Тобѣ было до женитбы, минѣ не до того* Боронява (Вр. 17). В древнерусском языке уже засвидетельствовано *аже* в роли условного союза: *Аже кто оубиѥтъ кнѧжа моужа въ разбои а головника не ищютъ. то вирьвною платити* Р. Прав. Яр. 1019 г. (Срез. I. 8.), оно часто встречается в украинских грамотах XIV—XV вв. в постпозитивных и препозитивных предложениях: *и николи того не хочемъ порушити . . . аже намъ господарь нашь, король, кривды не оучинитъ оу нашей земли . . .* гр. 1411 г. (С II. 638), *аже будеть вам надобѣ помочь на кого на ворога вашего ѧзъ самъ есмь готовъ за тото тобѣ на помочь всею моею силою* гр. 1393 г., *аже поидетъ оугорьскыи король на литву польскому королеви не помагати аже поидетъ на русь што литвы слушаетъ королеви не помогати* гр. 1352 г. Отметим еще употребление двух союзов синонимов рядом: *Багме, можетъ ся гнѣвати и покартати насъ, коли не будеме чинити гораздъ сусѣдумъ нашимъ и ажъ не будеме кельтовати даръ Божии убогымъ* 140а.

В НП союз *ожъ* не выступает в роли условного союза, но встречается в Углянском Ключе: *не войти тамъ голому, а ож и увійдет, туди и вуйдет* УК 87б, союз *оже* засвидетельствован в такой функции уже в Русской Правде и в других древнерусских памятниках, в том числе и в Галицко-волыньской летописи, примеры: *Оже придетъ кръвавъ моуже на дворъ*

*или синь, то видока ѥмоу не искати.* Р. Прав. Яр. по Син. сп. (Срез. II. 628), с частицей *ли: ѡже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрьстьяном, а не буди ему ѿ Бӑ мира оузрѣти на ѡном свѣтѣ.* Письм. Влад. Мон. 84 (Срез. II. 629), „*Како идеши в Галичь, а Данило князь лють есть; оже отъиметь ти животъ, то кто тя избавить?*" Г. Б. 6763.

Союз *естли*, или чаще *если*, — довольно употребительный в НП. Его употребление может свидетельствовать о влиянии польского языка, но возможно, что данный союз был распространен в восточном Закарпатье, но потом исчез, так как союзы *ажъ, коли* были очень продуктивными, и *если* как лишний союз был вытеснен.

Препозитивное придаточное предложение вводится союзом *ес(т)ли*, а в главном могут стоять частица *то*, или местоименное наречие *тогды* для того, чтобы подчеркнуть содержание предложения: *Естли вѣруешъ и покаешъ ся постомъ и молитвою, нѣгда тобѣ на очи грѣхы твои не верже* 31б, *Если учинишъ милостыню изъ кымъ, честовати метъ тя Христосъ, если кого убіют, если кого обидишъ, посоромитъ тя Христосъ на судѣ.* 12б, *если кого убіют, то и самъ маетъ быти убитъ* 227б/228а, *А если, братя мои, будеме чинити за приказанюмъ Божіимъ, тогды и намъ Бг҃ъ, отецъ нашъ, будетъ давати благословенство* ... 227а. Союз *естли* засвидетельствован в молдавских грамотах XV в.: *А естли бꙋдемо слышати и видати никоторое непріꙗтелство отъ которои стороны на королѣ ..., имаемо его милости дати видаціе.* гр. 1448 г. (Н 2/2. 711), *если быхоумъ тыхъ то Сад-Ахматовичювъ ... не выдали, тогды наш корол его милость не имаеть намъ ни в чюмъ виненъ быти.* гр. 1462 г. (В II. 293), и в Креховском Апостоле: *Если Бог з нами, хто ж против нас* (Огієнко КА Словарь: *если).*

Из более редких союзов, употребляемых только в определенных случаях, следует отметить союз *якъ*, имеющий условное значение в следующих предложениях: *Первое естъ сесе: якъ кому Бг҃ъ подѣливъ на сюмъ свѣтѣ иманіе и маргу, такъ жити иманюмъ, што бесме не забывали Бога* 149б, *Научайме ся* (последнего слова нет в ркп.-и) *туйка, якъ кто слухаетъ слово Божіе изъ сердцюмъ добрымъ, и держитъ изъ вѣровъ правовъ, и терпитъ пузля него до смерти, то будетъ сынъ Божій* 191б, *далихмо за ню вепра, таким чиномъ а дрогим вепром тартазуемося, дати в осені, щобы коштовал, ѕ҃: зол: а якъ быхмо вепра не мали дати, тартазуемося пѣнязъми з҃ золотыхъ доплатити,* Русское 1666 (Сах. 76). В современных говорах союзу часто предшествует частица *lyš: i̯a tobî dam, lyš i̯ak budeš česnym.* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 432) (в значительной части говоров вместо *lyš* наблюдается *lem*).

Определенные частицы приобретают роль союза, хотя значение частицы тоже не полностью потеряно, например, *лише* в постпозитивном придаточном предложении: *та не може исказити нѣчого нѣкому, лише кто пуйде икъ нему близко* 54б, но частица *тулко* в таком примере: *И дастъ имъ Господь Бг҃ъ за такое заплату правую, котрую самъ обицяетъ намъ дати, тулко просѣме и пріймеме,* 229а, еще не приобрела функцию союза (ср. Булаховский 347—348), близко к значению союза *нагай*, которое вводит препозитивное предложение: *И сесе мовлю вамъ, нагай радусть моя будетъ во васъ, тогды и ваша радусть наповнитъ ся* 192б. Употребление таких союзов было ограничено, ими пользовались тогда, когда условное действие имело ограничения, выражался дополнительный оттенок, в чем проявляется основное значение частицы.



В современных говорах встречается союз *кой* как условный союз в препозитивных и постпозитивных придаточных предложениях. В памятнике *кой* не засвидетельствован. Союз *кой* происходит, вероятно, из *коли* > > *коль* > *кой*, примеры из говоров: *Кой не знаешь, бировучко, Де мотузя дѣти, Пуйди дому, зарѣжь жону* Боронява (Вр. 66), *Kupy tomu čolovîku korôu̯i, koi̯ i̯es' i̯eho korôu̯i zahubyu̯.* Новоселица (Пань. Укр. гов. 436).

В Русской Правде и в Повести временных лет можно найти условный союз *аче*, пример из последнего: *Аче не любо ти а ворочю ся дому моѥму* Пов. вр. л. (Срез. I. 33), ту же функцию выполняет союз *ач* в модавских грамотах: *але нашею ласкою надѣлѧти и миловати, а то такъ, ач пречечный воевода з дѣтми и намѣстки ... намъ ... вѣрою пристанеть, ꙗко его передкове вѣрни были ...* гр. 1433 г. (С II. 655). В закарпатских памятниках и в современных говорах имеется частица *ачей (аче + й,* как *тай)* и *ачинь* со значением 'пожалуй': *Що бесме плакали ико Богу умѣстѣ не лицемѣрствомъ, али изъ усѣмъ смиреніемъ, ачей посмотритъ Бг҃ъ на насъ якъ на тоты, що емъ вычоль перво.* 27б. Иногда частицу *ачей* можно считать условным союзом: *Бери жунко граблы в рукы, А я беру косу, Ачей дасть Бугъ довге лѣто, вузъ сѣна накошу.* Боронява (Вр. 29), но на основании наших данных нельзя утверждать, что *ачей* прочно приобрело роль союза, но возможность такого развития можно видеть и по приведенному примеру. В Креховском Апостоле, судя по словарю Огиенко, *ач* было союзом: *Ач болшей вас милую, меншей маю милости от вас.* 399 (Огієнко КА Словарь: *ач), ачей* частицей 'пожалуй': *Просили Б(о)га, ачей тобѣ будет отпущена мыслъ с(е)рдца твоего* (Огієнко КА Словарь: *ачей).*

В грамотах XIV—XV вв. встречается вопросительная частица *ли* в роли условного союза. Союз *ли* наблюдается в препозитивном придаточном предложении за глаголом, при этом в главном предложении может стоять указательное слово *тогды*, которое делает подчинение более прочным: *а поидетъ ли царь на лѧхи а любо кнѧзи темнии кнѧземъ литовьскымъ помогати* гр. 1352 г., *А потѧгнет ли король оугоръскый на нашего господарѧ на королѣ полского, его же бг҃ъ не дай, тогды мы имѣемъ на его землю потѧгнути, на землю королѧ оугоръского з бж҃иею помочію, и чинити што коли буде(м) болше мочи оучинити нашего господарѧ королѧ польского дѣлѧ.* гр. 1411 г. (С II. 638), но в НП нет такого союза, хотя находим союз *ес(т)ли* с элементом *ли.*

Союзы, служащие для связывания придаточных предложений с нереальным условием, выступали выше как союзы реального условия, только при нереальном условии глагол употребляется в условном наклонении.

Часто употребляется союз *ажъ (бы)* который наблюдается в препозитивном придаточном предложении, когда главное вводится словом *а*, которое отсутствует при постпозиции придаточного предложения: *ажъ бы тобѣ не буде милости и жаль за твоего брата или з(а) сусѣда, и Богу не буде такъ жаль за тебе* 29б, *ажъ бы бывъ не родивъ ся Христосъ, а мы бы были усѣ погыбли* 196б. Данный союз засвидетельствован уже в древнерусском языке: *Княже Всеволоде ... аже бы ты былъ, то была бы чага*

*по ногатѣ*. Сл. плк. Игор. (Срез. I 9). Также наблюдается союз *коли бы*: *А нынѣ може каждый увидѣти, коли бы имали такыхъ курвашувъ камѣнюмъ побивати, подубно бы камѣня не дустало*, 231а. Надо отметить и употребление союза *если бы*: *Если бы насъ кто извѣдовавъ, если у недѣлю годитъ ся робити, окремъ чотырохъ дѣлъ: первое — огень, другое – вуйны, третее — вода, четвертое — муръ, тогды дѣля тыхъ чотырохъ дѣлъ изъиленкедовати свято Божiе*, 226/227а.

В грамотах XIV—XV вв. часто наблюдается союз *пакъ ли(бы)*, происходящий из частиц, но в южномараморошских памятниках он не засвидетельствован также, как и союз *ли* (см. выше), примеры из грамот: *А пакъ ли бы наш го(с)подарь нынѣшний и потомъ будушчий в томъ насъ не хотѣли послушни быти, мы имамы при го(с)подарю, при кролю . . . ѡстати* . . . гр. 1395 г. (С II. 613), *а пак ли бы тото исныц гродо силою оузѧто а мы оужды имаемо ты исныц д тисѧчи рублит имо воротити исполна*. гр. 1388 г., *А пакъ ли бы нашъ г(с)подарь нынѣшнии и потомъ будушчий што бы мыслили а любо хотѣли починати противъ г(с)подарѧ кролѧ, коруны Пол(с)коѣ, тогды мы имамы нашихъ г(с)подарий ѡ(т) того внимати и не дати имъ и боронити* гр. 1395 г. (С II. 613). В наших данных союз стоит в препозитивном предложении, а главное предложение вводит *а* или *тогды*.

Расмотрев систему условных союзов, мы видим, что один условный союз может быть и временным: *коли*. Это и понятно, так как значение времени и условия часто трудно отграничить друг от друга, а переход союза из одной категории в другую очень легок. Отношение союза *аже* к *оже* в дополнительных и других придаточных предложениях будет рассмотрено в главе 5.

Из союзов глагольного происхождения засвидетельствован союз *ес(т)ли*, который возник в результате слияния частицы *ли* с формой 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола *быти*. Данный союз со временем исчез, и, может быть, его не было в народном языке.

Хорошо известные в староукраинском союзы, происходящие из частиц: *ли, пак ли бы* в рассмотренном закарпатском памятнике не встречаются, наблюдаются, однако, союзы *лишь, тулко, нагай* с ограниченным кругом употребления.

### *Сложные предложения с придаточными следствия*

Придаточные предложения следствия встречаются редко, состав их союзов не разнообразен.

Придаточные предложения следствия постпозитивны, их связывает союз *што*, с которым может слиться указательное слово *такъ*: *такъ што*: *Мы знаеме ажъ силу смертную показивъ Iисусъ Христосъ, такъ што не можетъ намъ сказити нѣчого* 157б (ср. Булаховский 352), *такъ што (бы)*: *овунъ чинитъ хыт(р)ы на злое дѣло и немилостивны, такъ што бы нѣкто не имавъ изъ ними дѣло нѣякое*, 102б, в последнем выражается предупреждение. Союз *што* выступает в роли общеобъяснительного союза. Указательное слово *такъ* может отсутствовать, напр.: *Али сокотѣмъ ся, братя мои, такыхъ карностiй, котрыми каравъ Господь Бгъ при потопѣ, што увесь свѣтъ погыбъ, и потонувъ дѣля нечистоты*, 230б; и в данных современных говоров: *kaže: na sôbî sês'u kožu za štos' mia spravyu, štom naišôu kozы druh'î*. Драгово (Пань. Укр. гов. 439), *и chaščy temno bulo, šom ne vydîu n'îčoho, lyš naumacky išôuiem*. Брустуры (Пань. Укр. гов. 447). В древнерусском в такой функции выступает *оже*: *Лютъ бѧше поуть, оже коуплѧхоу по ногатѣ хлѣбъ*. Новг. I л. 6631 г. (Срез. II. 628); в украинских грамотах уже в XIV в. засвидетельствован союз *такъ што*: *Мы йхъ сказнили такъ што ѡпѧтъ не будуть намъ пакостити* гр. 1393 г.

### *Сложные предложения с придаточными образа действия*

В эту группу входят сложные предложения с такими придаточными, которые содержат сведения о способе, степени, мере действия главного предложения.

Союз *што* связывает постпозитивное придаточное предложение, при этом в главном есть указательное слово *такъ* (в дальнейшем постпозиция не отмечается, так как все придаточные предложения постпозитивны). Союз *што* вводит такое предложение, которое количественно характеризует действие главного предложения, признак, выраженный прилагательным: *такъ есть привязанъ дявулъ Христомъ и муцъ его, што намъ не може сказати нѣчого, али коли будеме икъ нему близько ходити*. 154б, *Дѣля того Бгъ пометавъ ихъ такъ, што они не имаютъ нѣ одного мѣста своего, якъ видиме очима нашима, нѣ царя, нѣ городу, нѣ одного мѣста спочивного*, 169б, ср. с данным из современного говора: *Так ня слезки обливаютъ, Що не вижу свѣта*. Боронява (Вр. 78).

Придаточное предложение нереального содержания связывает союз *што (бы)*, причем глагол стоит в условном наклонении: *Первое естъ сесе(наука): якъ кому Бгъ подѣливъ на сюмъ свѣтѣ иманiе и маргу, такъ жити изъ иманюмъ, што бесме не забывали Бога, и убогыхъ* 149б.

Союз *ажъ* тоже употребляется в качестве союза образа действия со значением 'как будто': *та видитъ ся имъ, ажъ они май гораздъ видятъ, нѣжъ другыи и ся держатъ, ажъ сутъ увожаеве слѣпымъ* 107а, так же в примере из говора: *Us'î panы ihraiut až podurîly, hraiučy*. Буштин (Пань. Укр. гов. 442), в грамоте XV в. *аже* определяет степень: *Тогда Аксакъ пришолъ такъ тайно на насъ аже не было намъ никакоѣ вѣсти а ни слова* гр. 1393 г.

Союз *чомъ* тоже вводит придаточное предложение, определяющее степень: „*Также полюбивъ Бгъ сесь свѣтъ, чомъ сына своего единороднаго послалъ естъ*" 21а.

Рассматриваемая функция являлась первоначальной для союза *якъ*. При употреблении союза *якъ* в главном предложении может выступать, но может и отсутствовать указательное слово *такъ*, примеры из памятника: *такъ чини, якъ сесѣ люде были на помучь тому бетѣжному, принесли его передъ Христа* 29б, *Так ся смирили усѣ святыи, не хвалили ся дѣлы своими добрыми, якъ чинятъ лицемѣри и у дны нашѣ хвалятъ ся*. 4а, *не гнавъ его изъ хыжѣ, за што бывъ бетѣженъ, якъ теперь чинятъ многы, што ся называютъ хрестяне*, 97а; и из современных говоров: *I tam ispravyly ii faino, iak bula*. Ольховцы (Пань. Укр. гов. 433), *Любимеся, бѣлявочко,*

*якъ бывало досѣ.* Боронява (Вр. 31), *Ты такъ любишъ паленочку, Якъ кобыла воду.* Боронява (Вр. 21).

Сочетание союзов *якъ* и *коли* употреблено при сравнении типа 'нет большего дела, чем, когда': *Чомъ люде на сюмъ свѣтѣ не (и)мѣютъ бульшого дѣла, що бы такъ удячно Богу, якъ коли слово Божіе слухаютъ и чинятъ его вытъ усего сердця,* 29а, *Чомъ май дорогое дѣло на сюмъ свѣтѣ не можетъ быти изъ хосновъ, якъ коли будешъ слухати, и научати ся и держати слово Божіе,* 142а, *чомъ май буршого кѣну не можетъ быти дяволумъ, якъ коли не могутъ сказити и зло учинити хрестянови* 104а.

Для сравнения действий, разных по ценности, служит союз *нѣжъ: чомъ май готувъ овунъ учинити нашъ горазд нѣжъ мы его просити,* 72а. Интересно отметить его употребление в следующем случае: *а оно бы потята небесныи албо ангелъ принюсъ такому хлѣба, нѣжъ бы умеръ изъ голоду,* 95а, 'скорее ... что бы не'. Отметить надо еще союз *нѣжъ бы: лѣпше ажъ бы погубивъ иманя и голову, нѣжъ бы ся обернувъ опятъ на житло тото лихое, у чумъ живъ перше,* 149а.

### *Сложные предложения с придаточными уступительными*

Союзом уступки является *хотя* глагольного происхождения и его варианты. Кроме того, в этой функции можно встретить *занужъ, за што.*

Союз *хотя* наблюдается в его оригинальной форме в препозитивном предложении: „*Коли естъ ся слуга нарюкъ, не будь безгадливъ, хотя можъ, коли поволенъ быти, тогды, бурше роби*“ 25а, ср. с данным грамоты XV в.: *хотѧ сѧ бы и нашли* (т. е. листы), *чини(м) и(х) прожни(х) си(м) листо(м) нашимъ на вѣкы вѣчны(м) занѹже видили есмо ... аже чини(м) противъ бā ...* гр. 1435 г. (С II. 679), ср. с древнерусскими примерами: *А за кормилца ѕ̈і грвн и за кормилицю, хотѧ си боуди холопъ или роба.* Р. Прав. Яр. (По Син. сп.), *Аже Латининъ дасть Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣѥ, хотѧ бы инъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу.* Смол. гр. 1229 г. (Срез. III. 1393). Однако чаще находим его в форме *хотяй (хотя + й,* как *аче + й, та + й) : хотяй нѣчого невиный, албо май лѣпше што учинивъ, усе мы его Богомъ побиваеме, хоть зле учинивъ, хоть гораздъ* 223а/223б, придаточное предложение было препозитивно. Может быть, по аналогии *лишень* образовалась форма *хотянь : а де не естъ вѣры правои, хотянь кулько што чинятъ люде гораздъ, Богу не удячно* 189а, *якъ мовитъ Павелъ, хотянь и умреме, ище намъ, вѣрнымъ, смерть будетъ, якъ сонъ* 145б, придаточные предложения препозитивны. Чаще всего встречается в усеченной форме *хоть,* которое сохранилось и сегодня: *а у котруй церкви не проповѣдаютъ слово Божіе людюмъ розумно, хоть ихъ священоть и благословляютъ, такыи то не естъ церковъ Божая, али естъ печера розбуйникумъ.* 97б, *а дѣля того не будешъ ты правъ, хоть будешъ постити, ажъ будешъ лихыи дѣла чинити* 25а, уступительное придаточное предложение стоит между главным и другим придаточным предложением, причем в первом случае предшествует главному, а во втором следует за ним. Приведем примеры из говоров, в которых придаточное постпозитивно: *Я любила, тай буду, Хоть ня вдерѣтъ на бунду* Боронява (Вр. 29), *uže sês'u nûč odnu perebudeme, chôd' i̯ak hûr'ko* Ольховцы (Пань. Укр. гов. 434). Препозитивное придаточное предложение с нереальным оттенком связывается союзом *хоть бы:* „*Ажъ Моисея и пророкы не слухаютъ, хоть бы кто выдъ мертвыхъ пушовъ, не имутъ вѣры*“ 152б.

В роли уступительного союза могут выступать и *за што,* и *занужъ: научайме ся за любовъ, якъ сесь годножъ, за што бывъ поганый, якъ любивъ слугу своего, якъ, синъте сына своего, не гнавъ его изъ хыжѣ, за што бывъ бетѣженъ*“ 97а. *Чомъ мы грѣшныи, не любиме его, занужъ намъ отецъ,* 106а. Следует обратить внимание на место первого придаточного предложения внутри главного. Второе предложение с *за што* можно считать придаточным причины или уступки.

#### О КВАНТИТАТИВНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИНТАКСИСА

Под квантитативной характеристикой грамматической системы мы понимаем квантитативный анализ морфологической и синтаксической систем в целом: отношение разных частей речи в словаре памятника и частота их употребления, частота употребления морфологических категорий, частота употребления разных видов предложений (простого, сложносочиненного, сложноподчиненного) и придаточных предложений, анализ данных, характеризующих развертывание грамматических тенденций в ходе развития грамматического строя (например, распространение окончаний с *-а-,* с *-о-).* Более или менее последовательный и точный количественный анализ отдельных тенденций развития применялся в языкознании и раньше, ведь он принадлежит к центральным заданиям изучения истории языка. Однако ему было уделено сравнительно мало внимания, хотя несомненно, что наше представление об истории языка будет более полным только тогда, когда мы будем проводить такие исследования. Например, количественное соотношение разных частей речи в разные периоды истории языка едва ли одинаково: возникают новые части речи, состав отдельных частей речи увеличивается и меняется частота их употребления (имеем в виду, например, историю предлогов и наречий русского и украинского языков). Или, например, интересной проблемой является определение квантитативных отношений сложноподчиненных предложений к остальным видам предложений, установление соотношений разных придаточных предложений в древнерусском языке при наличии старой анафорической системы относительных местоимений и союзов, что является основой для того, чтобы рассмотреть, как изменялось их отношение в ходе исторического развития русского, украинского и белорусского языков в разных жанрах письменности и в разговорном языке.

Кроме того, как изучение истории языка органически связывается с описательной характеристикой, так и количественный анализ истории языка связан с квантитативной характеристикой современного языка. По нашему пониманию, квантитативный анализ истории языка является составной частью изучения истории языка, с ним он часто переплетается. Выделение его в отдельную главу в нашем случае имеет лишь условный характер.

Мы проводим квантитативный анализ грамматической системы Няговских Поучений в рамках следующих заданий: 1) распределение частей

речи в словаре памятника, 2) частота употребления разных частей речи по выборочной совокупности, 3) частота употребления грамматических категорий по выборочной совокупности. (Анализ этих явлений грамматической системы был выполнен в другом месте (Dezső L. A szókincs...) потому, что он связан с квантитативным разбором словаря.) 4) установление распространения окончаний с *-а* -и с *-о-* и их отношения к синонимичным окончаниям на основе учета всех рассматриваемых окончаний в целом тексте (см. в соответствующих главах морфологии), 5) установление соотношения простых, сложносочиненных, сложноподчиненных предложений по выборочной совокупности, 6) соотношение разных видов придаточных предложений по выборочной совокупности, 7) соотношение отдельных союзных слов и союзов и 8) распространение указания по выборочной совокупности. В данной главе будут рассмотрены результаты исследований по 5 8 заданиям.

Разумеется, результаты квантитативного анализа, как и вообще исследований по истории языка, получат свое настоящее освещение в свете сравнения их с данными иных памятников. Так, данные Няговских Поучений надо было бы сравнить, по крайней мере, с данными учительных евангелий, написанных в Закарпатье и в иных местах в XVI в., кроме того, с данными памятников другого жанра и вида письменности (напр., полемические сочинения, повесть, деловые документы), возникших в Закарпатье и в других областях в XVI в., и учительного евангелия закарпатского происхождения XVII в. К сожалению, из-за отсутствия памятников данные НП можно было бы сравнить лишь с незакарпатскими памятниками XVI в. При сопоставлении данных разных памятников надо рассмотреть, к какому направлению относится памятник с точки зрения использования народного языка. Для сравнения с данными НП можно использовать лишь такие закарпатские памятники разных жанров, которые возникли в XVII в. и отражают народный язык в меньшей мере [Углянское Учительное Евангелие, Углянский Ключ, сочинения М. Андреллы (Оросвиговского)], и только из XVIII в. дошли до нас более объемистые деловые документы. Более старые памятники того же жанра, с которыми можно было бы сравнить НП, т. е. проповеди древнерусских авторов, сильно отличаются от НП с точки зрения синтаксической структуры, направления литературного языка, стиля и т. д. В дальнейших работах мы попытаемся осуществить часть указанных заданий, которые не являются максимальными. Сравнение с другими памятниками дает возможность выявить особенности, присущие данному памятнику, определенному жанру, направлению литературного языка, а также черты говора того времени, который отражается в памятнике.

При оценке нижеследующих данных надо иметь в виду их место в системе языка. Хорошо можно сравнивать данные о частоте употребления союзных слов и союзов, выступающих как грамматические синонимы, напр., *што* и *котрый* в функции союзного слова определительных придаточных предложений, *иже* в той же функции, происходящее из церковнославянского языка, притом надо учесть и место придаточного предложения. Или, например, союзы *зануж*ъ и *зашто* имеют одинаковое значение, хотя первый унаследован из древнерусского языка и исчезает, второй



возник в XV в., а союз *чомъ* обладал значением первых, но в языке автора была определенная тенденция к употреблению его в роли объяснительного союза. Союзами-синонимами являются *аже*, дошедшее из древнерусского, и более новые *коли*, *если* в условных придаточных предложениях, а в целевых *абы* и *штобы*. Квантитативный анализ может показать точное соотношение таких синтаксических средств в ходе исторического развития и тем осветить развитие синтаксического строя.

Другое соотношение наблюдается, например, между союзными словами дополнительных придаточных предложений *(што, кулько, якъ, якый, котрый, кулькый, коли, коль)*, где не идет речь о том, что одно вытесняло бы другого, так как они не могут заменить друг друга, хотя с тем же значением могут употребляться *што* и *якъ* в некоторых придаточных предложениях, что не характерно для союзных слов дополнительных придаточных предложений в целом. Так же разные придаточные предложения-подлежащие связываются союзными словами *кто* и *што*.

Из числа союзов нельзя считать синонимами такие, как *коли* и *доку*, *докудъ* в придаточных предложениях времени или *якъ* и *нѣжъ* в придаточных предложениях образа действия, хотя *якъ* может употребляться и в функции *нѣжъ*, но *нѣжъ* не вводит придаточное предложение, сравнивающее равные предметы и др.

Решение заданий 5—8 было исполнено следующим образом. Текст Няговских Поучений (2а—233б, за л. 206б нумерация листов перепутана и текст местами является неполным) мы исследовали в двух группах выборочной совокупности: А: I 2а—10б, II 51а—60б, III 101а—110б, IV 151а—160б, V 196а—205б, то есть каждая часть состояла из 10 листов, Б:1 21а—25б, 2 31а—35б, 3 71а—75б, 4 81а—85б, 5 121а—125б, 6 131а—135б, 7 171а—175б, 8 181а—185б, 9 220а—224б, 10 228а—232б, в единицах в 5 листов.

В А I нехватало 1а/б, а в Б 9 почти весь 221а, имея в виду число страниц, в А было больше на 1 страницу (А:98, Б:99 стр.). Применяя группы, состоящие из разных по величине единиц, мы стремились установить распределение разных видов придаточных предложений в частях, разных по величине, и видели, что в единицах в 5 листов колебание между разными видами более значительно, так как в отдельных проповедях некоторые виды придаточных предложений могли встречаться значительно чаще средней частоты употребления в соответствии с разбираемым текстом Библии или содержания проповеди (напр., условные, целевые придаточные предложения). В более крупных единицах такие случаи больше выравниваются текстом другой проповеди.

В двух группах (А, Б) содержатся приблизительно 25 000 слов. Такое число было установлено по данным 3-го и 8-го или 3-го листов рассматриваемых частей.

### *Частота употребления разных видов предложений*

Наш памятник не является пригодным для измерения данного явления из-за частых цитат из Библии. Цитаты состоят, главным образом, из одного предложения, употребляются в качестве доказательства и часто связываются с остальной частью предложения придаточным предложением образа

действия с союзом *якъ*, при этом предложение часто продолжается и за цитатой. Местами довольно часто стоит подряд несколько цитат, включенных А. Петровым в одно предложение. При нижеследующих данных мы считали цитаты придаточными предложениями. Из-за непригодности памятника для точного измерения мы взяли лишь А I, III, V (2а—10б, 101а—110б, 196а—205б) в 10 листов, но даже из этого можно установить преобладание сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными, что явствует из всего текста. Мы исходили из членения издателя, хотя оно местами спорно. В А I и А V цитат, больше, чем в А III. Мы нашли 146 сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными, 30 сложноподчиненных предложений с одним придаточным, только 6 сложносочиненных предложений, а простых предложений было 23, но среди них есть и заглавия и обращения в начале проповеди. Кроме того, мы рассмотрели А I так, что цитаты считались отдельными предложениями, и нашли 40 сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными; выросло число сложноподчиненных предложений с одним придаточным: 22 и простых предложений: 18.

### *Частота употребления разных видов придаточных предложений*

Ниже приведенные данные содержат число разных видов придаточных предложений (за исключением бессоюзного подчинения), найденных в А + Б, результаты А и Б отдельно и процентаж каждого вида придаточных предложений по сравнению с общим количеством придаточных предложений. Результаты отдельных частей А, Б не приводятся, но при разборе результатов они учтены.

| Название придаточного предложения | Число придат. предл. | | | Процентаж. придат. предл. | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | А + Б | А | Б | А + Б | А | Б |
| Дополнительное ....... | 473 | 225 | 248 | 24,2 | 23,0 | 25,5 |
| Причины ............. | 373 | 181 | 192 | 19,1 | 18,5 | 19,7 |
| Образа действия ....... | 254 | 135 | 119 | 13,0 | 13,8 | 12,2 |
| Определительное ....... | 230 | 121 | 109 | 11,8 | 12,4 | 11,2 |
| Условное ............. | 175 | 84 | 91 | 9,0 | 8,6 | 9,4 |
| Подлежащего .......... | 174 | 96 | 78 | 8,9 | 9,8 | 8,0 |
| Цели ................ | 140 | 61 | 79 | 7,2 | 6,2 | 8,1 |
| Времени ............. | 88 | 53 | 35 | 4,5 | 5,4 | 3,6 |
| Сказуемого ........... | 20 | 10 | 10 | 1,0 | 1,0 | 1,0 |
| Места ............... | 10 | 5 | 5 | 0,5 | 0,5 | 0,5 |
| Уступительное ......... | 8 | 4 | 4 | 0,4 | 0,4 | 0,4 |
| Следствия ........... | 8 | 4 | 4 | 0,4 | 0,4 | 0,4 |
| | 1953 | 979 | 974 | 100 | 100 | 100 |

Дополнительные придаточные предложения составляют больше четверти всех придаточных предложений и являются самым многочисленным видом, вероятно, не только в НП, но и в других памятниках того же жанра или даже в религиозной прозе вообще. В отдельных частях А, Б они занимают тоже первое место и уступают 1-ое место лишь в 20% частей А, Б.



Второе место придаточных предложений причины объясняется тем, что автор НП использует жанр проповеди для рационального объяснения данных текстов Библии, к тому же еще он имеет большую склонность к употреблению придаточных предложений причины для объяснения. В отдельных частях А, Б они тоже занимают второе место, но могут стоять и на 1-м, и на 3-м, даже на 4-м месте.

Большое число придаточных предложений образа действия мотивируется тем, что цитаты, служащие доказательством сказанного, связываются с остальной частью предложения придаточным предложением образа действия с союзом *якъ*. Употребление большого количества цитат можно считать особенностью жанра в то время. Такие придаточные предложения, связывающие цитаты, составляют почти половину всех придаточных предложений образа действия. В отдельных частях А, Б данный вид придаточных предложений занимает обычно 3-е место, но может стоять на 4-м или 5-м местах, притом придаточных предложений, связывающих цитаты, не раз было больше или меньше половины.

Употребление определительных придаточных предложений не зависит от особенностей жанра, в отдельных частях А, Б его распределение довольно равномерно.

Придаточные предложения подлежащего и условия встречаются почти одинаково часто, однако в отдельных частях А, Б, особенно в Б, наблюдается определенное колебание в частоте их употребления. Тоже самое можно сказать и о придаточных предложениях цели, занимающих 7-е место.

Небольшое число придаточных предложений времени объясняется особенностью жанра, в котором почти нет повествования, но там, где находятся более частые ссылки на конкретные события, они употребляются чаще.

Самыми редкими являются придаточные предложения сказуемого, места, уступки и следствия. Небольшое число вторых можно тоже приписать отсутствию повествовательных элементов.

### *Частота употребления союзных слов и союзов*

В придаточных предложениях подлежащего самым употребительным союзным словом является *кто*, которое встречается 84 раза (48,2%), главным образом, в препозитивных придаточных предложениях 70 раз (40,2%). Союзное слово *што* выступает значительно реже: 34 раза (19,5%) и из этого числа 30 раз в постпозитивных предложениях (17,2%). Еще реже употребляется *котрый* в препозитивных (10 раз) и постпозитивных предложениях (12 раза). Союзы *ажъ* и *што бы* встречаются редко (11—11 раз), остальные синтаксические средства еще реже: союзное слово *кулько*, союзы *ажъ бы*, *што*, *абы* встречаются 1—2 раза, только *якъ* 4 раза.

Среди союзных слов дополнительных придаточных предложений наиболее употребленным является *што* в постпозитивных предложениях 85 раз (17,9% всех предложений), союзное слово *якъ* встречается реже 51 раз (10,7%) тоже в постпозитивных предложениях, также *котрый* и *кто* засвидетельствованы 27—25 раз, главным образом, в постпозиции.

Остальные союзные слова встречаются намного реже, из них отметим: *што за* 11 раз, *кулько* 10 раз, *коли* 4 раза, *якый* 3 раза, *коль* 1 раз. Больше половины предложений (52,8%) связывается союзами, среди которых наиболее употребительны: *ажъ* 138 раз (29,1%) и *што бы* 80 раз (16,9%), остальные союзы и частицы в роли союза употребляются значительно реже: *чомъ* 10 раз, *што* 4 раза, *абы* 4 раза, *ци* 4 раза, *атъ* 3 раза.

Придаточные предложения сказуемого малочисленны, и их данные мало достоверны с точки зрения квантитативного анализа. Почти половина их связывается союзными словами *котрый* 5 раз и *што* 4 раза, а из остальных отметим союзное слово *якый* 1 раз, союз *якъ* 4 раза, союз *што бы* 3 раза, *чомъ* 1 раз, *ажъ*, *што* 1—1 раз.

Определительные придаточные предложения вводятся чаще всего союзным словом *што* 137 раз (39,5%), а другое союзное слово *котрый* встречается 73 раза (31,3%) тоже в постпозиции, лишь 3 раза в препозитивном предложении. Из остальных редких средств отметим: *кто* 7 раз (3%), *иже* 2 раза, а из союзов *якъ* 3 раза, *ажъ* 1 раз.

Придаточные предложения места обычно постпозитивны и связываются союзами *де* 9 раз (2 раза в препозитивном предложении) и *куды* 1 раз.

В преобладающем большинстве придаточных предложений времени употребляется союз *коли* 39 раз (44,3%) в препозитивных, а 30 раз (34%) в постпозитивных предложениях. Намного реже встречаются остальные союзы *доку* 11 раз, *докудъ* 5 раз, *якъ* 2 раза, последние 1—1 раз наблюдаются в препозитивном предложении.

Придаточные предложения причины обычно связываются союзом *чомъ* 307 раз (82,3%), данный союз вводит нередко, 37 раз (10%) лишь мало связанные предложения, которые издатель вывел в отдельные предложения. Остальные союзы встречаются сравнительно редко: *зануже* 11 раз (2,6%), *за што* 7 раз (1,8%), *што* 4 раза, *якъ* 4 раза, *бо* 1 раз, *ажъ* 1 раз и книжное *яко* 1 раз.

Подобное преобладание одного из союзов над другими наблюдается и в придаточных предложениях образа действия, в которых *якъ* вводит 205 постпозитивных и 15 препозитивных придаточных предложений (80,7 + 5,9%). Из остальных союзов надо отметить *нѣжъ*, связывающее 14 раз (5,5%) постпозитивные предложения. Остальные союзы и сочетания союзов встречаются весьма редко, например, *якъ коли* 3 раза, *нѣжъ бы* 1 раз, *што* 2 раза, *што бы* 1 раза, *ажъ* 1 раз, *яки* 1 раз, *яко* 1 раз.

В придаточных предложениях цели тоже наблюдается такой союз, употребление которого преобладает: *што бы* 112 раз (80%), *абы* намного реже его: 23 раза (16,4%), редки частицы *атъ* 4 раза, *нагай* 1 раз.

В условных придаточных предложениях употребление союзов более равномерно распределено между тремя союзами: *коли* 45 раз (25,7%) в препозитивных, 27 раз (15%) в постпозитивных предложениях, *ажъ* 36 раз (20,3%) и 17 раз (9,7%), *если* 19 раз (10,8%) и 7 раз (4%) в препозитивных или постпозитивных предложениях; нереальные придаточные предложения связываются союзом *ажъ бы* 15 раз (8,5%) в препозиции и 1 раз в постпозиции. Остальные союзы встречаются весьма редко: *аще* 3 раза, *якъ* 2 раза, *лиш(е)* 2 раза, *тулько* 1 раз. Большинство условных придаточных преложений препозитивно, 120 раз (68,5%).



Придаточные предложения следствия встречаются очень редко и вводятся союзом *што(бы)*, при том *што* наблюдается без *такъ* 6 раз, 1 раз находим *такъ што*, 1 раз *такъ што бы*.

Уступительные придаточные предложения встречаются тоже редко и связываются союзами-вариантами: *хоть* 4 раза, *хоть бы* 1 раз, *хотя* 1 раз, *хотянь* 1 раз, кроме того, в этой функции 1 раз встречается и союз *зануже*

Интересно отметить поразительную близость А и Б при употреблении главных союзов и союзных слов отдельных придаточных предложений. Разумеется, нельзя ждать вполне одинакого употребления всех союзов и союзных слов. Более значительных отклонений весьма мало, таковыми являются: более частое употребление дополнительного союза *што бы* в А 58, Б только 22 раза, что объясняется более частым употреблением нереальных придаточных предложений в А; более частое употребление союза образа действия *нѣжъ бы* в А 10, в Б 4 раза, что не имеет значения из-за сравнительно малого количества примеров, возможности более частого применения придаточных предложений при сравнении неравных смысловых содержаний. Более частое употребление условного союза *если* в Б объясняется тем, что в Б 10 он встречается 9 раз, вероятно, под влиянием другого текста, которым автор пользовался при написании своего поучения, так как поучения „Десятеро Божее приказаня" немного отличаются от остальной части НП.

Преобладающее большинство придаточных предложений связывается союзами 69,2% и только 30,8% союзными словами.

Рассматривая союзное подчинение, находим, что среди союзов наиболее употребительным является *чомъ* 356 раз (26,3%), *якъ* 236 раз (17,5%), *што бы* 212 раз (15,7%), *ажъ* 204 раза (15,1%), при том *што* встречается редко 19 раз (1,4%), *ажъ бы* только 18 раз (1,3%), союзы *што* и *што бы* вместе составляют 17,1%, а *ажъ* и *ажъ бы* 16%. Значительно менее употребителен союз *коли* 141 раз (10,4%). Из остальных союзов отметим только *абы* 32 раза (2,4%) и *если* 26 раз (1,9%). Союзы *чомъ*, *якъ*, *што бы*, *ажъ* и *коли* употребляются в 85% придаточных предложений с союзами.

Среди союзных слов наиболее часто встречаются *што* 264 раза (43,8%), *котрый* 127 раз (21,1%), *кто* 111 раз (18,4%), *якъ* 55 раз (9,1%), они выполняют синтаксическую связь в 92,4% всех придаточных предложений, связанных союзными словами.

Если иметь в виду все придаточные предложения, то распределение рассматриваемых синтаксических средств таково: наиболее часто встречается *чомъ* 18,2%, союзное слово *што* 13,5%, союз *якъ* 12,1%, союзы *што* и *што бы* 11,8%, *ажъ* и *ажъ бы* 11,3%, союз *коли* 7,2%, союзные слова *котрый* 6,5%, *кто* 5,7% и союзное слово *якъ* 2,8%, *абы* 1,6%, *если* 1,3%. Пять самых употребительных синтаксических средств выступают в 66,9% всех предложений, местоимение и союз *што* в роли союза и союзного слова находим в 24,8%, а *якъ* в обеих функциях в 14,9% всех предложений.

*Распространение указания*

Приведенная ниже таблица содержит число отдельных видов придаточных предложений, число предложений, на которые указывают указательные слова в главном предложении, процентаж последних по сравнению с количеством всех придаточных предложений данного вида.

| Название придаточного предложения | Число всех придат. предл. | Число придат. предл. с указанием | Процентаж придат. предл. с указанием |
|---|---|---|---|
| Дополнительное | 473 | 60 | 12,9 |
| Причины | 373 | 13 | 13,4 |
| Образа действия | 254 | 17 | 6,6 |
| Определительное | 230 | 50 | 21,7 |
| Условное | 175 | 2 | 1,1 |
| Подлежащего | 174 | 41 | 23,5 |
| Цели | 140 | 24 | 17,1 |
| Времени | 88 | 13 | 14,7 |
| Сказуемого | 20 | 10 | 50 |
| Места | 10 | 6 | 60 |
| Уступительное | 8 | 1 | 12,5 |
| Следствия | 8 | 2 | 25 |
| | 1953 | 239 | 12,2 |

В следующем перечне содержатся число придаточных предложений условных, временных, уступительных и подлежащего и число тех препозитивных придаточных предложений, вслед за которыми главное предложение вводится частицами *а*, *то*, *та*, и процентаж вторых в числе первых:

| | | | |
|---|---|---|---|
| Условное придаточное предложение: | 175 | 44 | 12,5 |
| Придаточное предложение времени: | 88 | 7 | 15,9 |
| Уступительное придаточное предложение: | 8 | 1 | 12,5 |
| Придаточное предложение подлежащего: | 174 | 1 | 0,5 |

Указание наиболее распространено в придаточных предложениях места и сказуемого. Однако из-за небольшого количества примеров приведенные данные нельзя считать достоверными, хотя они могут отражать действительное состояние языка. Выше 20 процентов наблюдается у придаточных предложений определительных, подлежащего и следствия, хотя имеется очень мало примеров последних, они тоже могут свидетельствовать о реальном состоянии языка. К категории между 10—20% относятся придаточные предложения цели, времени, причины и дополнительные, уступительные придаточные предложения, но имеется мало примеров последних. Весьма редко наблюдается указание у придаточных предложений образа действия и условия. Среднему уровню развитости указания 12,2, процентов соответствует вторая группа, в которую входят и два вида наиболее многочисленных придаточных предложений (дополнительные и причинные).



Соотносительные слова *а*, *та*, *то* чаще выступают у придаточных предложениях временных, условных и уступительных, но для последних имеется лишь 1 пример, как и для придаточного предложения подлежащего.

Из синтаксических средств указания наиболее употребительным является указательное местоимение *тотъ*, который, имея ввиду и такие предложные формы, как *дѣля того*, *про то*, *за то*, *за тымъ* служит указательным средством для преобладающего большинства таких предложений (72%), в которых применяется местоимение в функции указательного слова (всего 189). Остальные местоимения, встречаются редко, *такый* 15 раз, *сесь* 13 раз, *кождый* 13, *усякый* 1 раз, притом *такый*, *каждый усякый* имеют такое значение, которое не может передаваться местоимением *тотъ*.

Местоимения служат указательным элементом в преобладающем большинстве предложений (83%). Указательные наречия от индоевропейского указательного корня **to-* встречаются в остальных предложениях. Исключением является лишь *выдцѣ* 1 раз. Среди них наиболее распространенное *такъ* 32 раза, *тогды* 9 раз, *тамъ* 4 раза, *тулько*, *доту*, *туды* 1 раз.

Надо еще отметить, что для А и Б отдельно тоже характерно вышесказанное, но в распределении отдельных указательных слов наблюдаются определенные колебания.

## 5. ГЛАВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В нашей работе мы рассмотрели Няговские Поучения на евангелие, самый старый памятник закарпатской украинской литературы, написанный на народном языке. В серии статей мы занимаемся языком произведений известного закарпатского полемиста Михаила Андреллы (Оросвиговского) и иных памятников XVII в., а также урбариальных записей из бывших комитатов Мараморош, Берег, Угоча.

В 1-й части книги мы коротко остановились на важнейших работах по исторической диалектологии Закарпатья (I. 1). В дальнейшем (I. 2.) мы коротко охарактеризовали те закарпатские говоры, данные об историческом развитии которых имеются в наших памятниках. Памятники возникли в бывш. комитатах Мараморош, Берег и Угоча. В них отражаются прежде всего южномарамарошский, бережско-угочанский, бережско-ужанский и мараморошско-бережский верховинский говоры. Но в результате влияния конскрипторов мы встретили и такие особенности, которые могут происходить из земплинского переходного говора, поэтому надо было отметить характерные черты и последнего.

### ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ

Бóльшую часть 1-й части занимают замечания относительно истории заселения языковой области, которая простирается от Мармороша до Земплина, и построенные на них лингвистические наблюдения. Они были необходимы для того, чтобы получить критерии для определения места языковых особенностей рассматриваемых памятников в историческом развитии закарпатских говоров.

При исследовании истории заселения мы руководствовались намерением выяснить историю закарпатских говоров, и стремились получить ответ на несколько основных вопросов: какая часть Закарпатья когда была заселена, в период от XIV в. до XVIII в. откуда приходили жители, как изменялось число населения Закарпатья, какие наблюдались, внутренние движения населения, где проходила граница украинской языковой области. Конечно, на перечисленные вопросы мы не всегда могли получить удовлетворительный ответ. Но надеемся, что наши замечания дадут некоторый материал к решению этих вопросов.

В I. 3. мы разделили историю Закарпатья на два периода. Первый длится от XIV в. до середины XVI в., а другой от середины XVI в. до конца XVIII в. Такое деление примерно соответствует историческим периодам. Мы не рассматривали оба периода одинаково подробно. Первым периодом мы интересовались только как предысторией второго, главное внимание мы уделяли XVI—XVIII вв., в которых возникли наши памятники.

Ниже мы подытожим сказанное, не придерживаясь членения I-й части на периоды, а рассматривая развитие отдельных явлений в оба периода.

От XIII в. до середины XV в. возникает целый ряд сел и городов на южной более плодородной части Закарпатья, на равнине, в холмистых местностях и в районе нижних гор от Мармороша до Земплина, которые были более пригодными к поселению. На Верховине, в долинах Латорицы и Ужа на севере от Мукачева и Ужгорода и между реками Лаборец и Уж имеется сравнительно мало населенных пунктов.

Во второй половине XV в. и в первой половине XVI в. возникло мало новых поселений. Во второй половине XVI в. снова поднимается волна заселения, которая связана с преследованием, усиленной эксплуатацией украинцев в Галиции и на всей Украине. До середины или до 80-х годов XVII в. заселение Закарпатья собственно закончилось. После этого до конца XVIII в. возникло лишь несколько деревень.

Трудно ответить на вопрос, откуда пришли украинцы в Закарпатье в XIV—XVIII вв.? Рассматривая возможное наслоение населения, мы можем установить следующие слои: 1) древний слой населения Закарпатья, который жил там уже в XIII в.; 2) переселенцы с другой стороны Карпатских гор, вероятно, они становились постепенно все более многочисленным слоем; 3) переселенцы из более далеких украинских земель. Нас интересует, главным образом, второй слой. Переселенцы с северной стороны Карпат приходили частью из Галиции, где под польскими панами положение украинского крестьянства было самым тяжелом. На основании исторически засвидетельствованного переселения XIII—XIV вв. можно считать, что территория Буковины и Молдавии, с которой Закарпатье находилось в постоянной связи, явилась другой областью, откуда переселялись закарпатские украинцы.

Украинцы, пришедшие из Буковины и Молдавии, находились под властью румынского дворянства. Это население называлось „валашским" (valach). Если мы проследим распространение „валахов" до XVI в., то увидим, что они заселяли Марморош, Восточную Угочу, Восточный Сатмар и Берег до Латорицы, но они встречались и в комитатах Унг и Земплин. Галицкие переселенцы занимали западные комитаты Земплин, Унг и Восточный Берег. А потом от середины XVI в. вся Верховина и украинское население комитатов Марморош, Угоча и Восточный Берег пополняется поселенцами из Галиции. Из Буковины приходят гуцулы.



Относительно числа населения Закарпатья нет верных данных до XVI в. Но с середины XVI в. мы можем проследить изменение числа населения. Оно возрастает во второй половине XVI в., что продолжается и в XVII в., но потом в результате войн за свободу в конце XVII в. и в начале XVIII в. население уменьшается. Самым большим является сокращение населения в комитате Берег, но оно велико и в Угоче и значительно в остальных комитатах. В XVIII в. число населения, хотя вначале только медленно, но все же возрастает.

Для дополнения поредевшего населения жители северных неплодородных районов переселяются на юг. В той части, которая посвящена XVI—XVIII вв., мы рассмотрели, откуда происходили переселенцы в отдельных районах. Мы видели, что переселенцы из Польши поселялись, главным образом, на Верховине, а верховинцы, если представлялся удобный случай, уходили на юг. Население комитата Угоча пришло из окрестных бережских и мараморошских сел. Внутреннее переселение было естественным и постоянным процессом, ведь все хотели обеспечить для себя самые лучшие условия жизни. Широкие меры оно приняло тогда, когда население южных территорий в результате эпидемий и войн поредело.

Наряду с переселением с севера на юг наблюдалось также переселение с запада на восток. Таким можно считать переселение части населения комитата Унг в Берег.

Кроме того, крестьяне убегали из имения одного помещика в имение другого, что было средством защиты от непосильного бремени урбариальных повинностей.

Трудно установить границы украинской языковой области в такое время, когда внутреннее движение населения было таким частым. К концу XVIII в. население значительно стабилизировалось. По данным Лексикона 1773 г. А. Петров определил границы территории, населенной украинцами. Наши исследования по данному вопросу относительно XVI—XVIII вв. показывают, что граница языковой области проходила приблизительно там же, где в конце XVIII в. в комитатах Берег и Унг. В комитате Угоча наблюдается определенное расширение украинской языковой области. Исчезают, однако, украинские села в комитате Сатмар, ассимилируясь к румынскому населению. Трудно составить картину языковой области в XIII—XV вв. В комитатах Унг и Берег она едва ли отличалась значительно от состояния XVIII в., в Угоче граница проходила дальше к северу, в Мармороше удельный вес венгерского населения был более значительным. Украинские острова на венгерской языковой области омадьяризировались в XIII—XVI вв. Подобной была судьба украинцев, живших на территории, населенной румынами, хотя украинские села в Сатмаре сохранились до начала XVI в.

### *Некоторые фонетические явления*

Мы не можем дать полную картину исторического развития закарпатских украинских говоров, а можем говорить лишь о некоторых явлениях.

В XIII—XIV вв. происходят такие общие процессы украинских говоров, как *ě > ie*, *o > uo*, *e > 'uo*, *g > h*. К XVI в. уже развились и такие особенности, которые указывают на формирование двух закарпатских языковых областей. Граница между ними проходила приблизительно по Латорице. Восточная область характеризовалась звукосочетанием *kы*, *hы*, *chы* и *ž (< d + i̯)*, а западная *ky*, *hy*, *chy* и *dž (< d + i̯)*. Восточная область не была единой, так как во второй половине XVI в. в Марамороше *-t* в конце слова 3-го лица единственного и множественного чисел настоящего времени глаголов было уже твердым: *chodyt*. Кроме того, могли быть и другие особенности, которые делили дальше закарпатскую языковую область, но о них мы не можем сказать ничего определенного.

Из XVI—XVIII вв. мы уже располагаем рядом источников, так что можем составить себе более точную картину об изменениях языка того времени. Данный период является эпохой массового заселения, значительного сокращения населения и внутреннего переселения больших размеров. Все это находит отражение в развитии украинских говоров. В результате всего этого сложилась пестрая картина современных закарпатских говоров.

В складывающейся системе говоров в результате развития языка возникают новые и новые явления, которые ведут к сложной сети изоглосс, отражающей движения населения в разные направления, взаимные отношения и влияния говоров. В 1-й части мы рассматривали лишь фонетические явления, но в наших замечаниях далеко не изображена вся их сложность, их пестрота с точки зрения истории языка и диалектологии, а в нашем заключении мы можем отметить только некоторые.

На месте закрытого *o*, *e* в говорах XIV—XV вв. можно предположить лишь *uo*, *'uo*. В южных средне-закарпатских говорах дальнейшего развития *uo('uo)* не произошло. Северные переселенцы, однако, принесли с собой *ü*-кание уже в XVII в., и в конце века появляется в Закарпатье *i*-кание. *Ü*-кание распространилось прежде всего на Верховине, население которой состояло в преобладающем большинстве из новых переселенцев. *Ü*-кающие переселенцы часто шли дальше на юг, но там они ассимилировались к *u*-кающему населению. Только в комитате Берег и в Угоче укоренилось *ü*-кание, так как население, пришедшее с севера, в соответствующем большинстве поселилось только тут, так что *ü*-кание вытеснило *u*-кание. За *ü*-канием шло *i*-кание, которое, по сути дела, обозначало делабиализацию *ü*. В конце XVII в. и в XVIII в. *i*-кание распространилось по большей части Верховины, за исключением восточно-марамороshской и западно-ужанской Верховины, куда оно уже не дошло, потому что они были дальше всего от главных путей заселения, от бережских и ужанских перевалов.



Мы нашли примеры дифтонга *uo* (*Puop* и др.) на месте закрытого *o*, но не встретили убедительных примеров с иными дифтонгами. Монофтонгизация дифтонгов произошла к середине XVIII века.

В XIV—XV вв. еще мало примеров на закрытые *ô*, *ê*, однако со второй половины XVI в. появляются многочисленные примеры.

На гласный *ů* указывают определенные примеры из комитата Унг, в которых на месте *u* находится *o*.

Наличие лабиального *ы* засвидетельствовано в таких словах, где на месте *ы* пишется *u* и *o* с XIII в.

В конце XVIII в. картина закарпатских говоров, в общем и целом, сходна с современной. В юговосточном углу комитата Марамарош уже появился гуцульский говор, влияние которого действует на окружающую его мараморошскую языковую область, как это видно в памятниках XVII—XVIII вв. Уже оформилось большинство таких фонетических особенностей южного (долинного) мараморошского, бережско-угочанского и бережско-ужанского и верховинских говоров, которые характеризуют их сегодня.

## МЕСТО РАССМАТРИВАЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЗАКАРПАТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Так как памятники не являются только текстами, отражающими развитие говоров, но и документами закарпатской письменности, надо было определить их место и с точки зрения письменности. Бумаги деловой письменности мы группировали по тому, какое учреждение или лицо их выдало. Так, различаются документы: центральных государственных учреждений, комитатов, сельских управ, имений, церкви и частных лиц. В их числе имеются урбары, переводы законов, сделанные для центрального государственного учреждения, урбариальные документы, которые были составлены по высшему указанию чиновниками комитата, грамоты, письма и др., которые выдавали села, церковные канцелярии или реже имения, а чаще всего частные лица. Перечисленные виды документов надо изучать с должной осторожностью, потому что в каждом из них, даже в тех, которые написаны в определенном месте, можно обнаружить влияние разных говоров. Урбариальные записи будут подвергнуты нами более подробному анализу, а кроме них мы имеем в виду также данные памятников других видов письменности, насколько они для нас были доступными.

Вопрос развития закарпатского варианта украинского литературного языка XVII—XVIII вв. был исследован И. Панькевичем в отдельной статье. Поэтому мы ограничились лишь несколькими замечаниями.

Два оригинальные призведения: Няговские Поучения и сочинения Михаила Андреллы (Оросвиговского) занимают важное место в закарпатской литературе. Няговские Поучения принадлежат к группе восточно-закарпатских памятников (как и Углянский Ключ, Углянское Учительное Евангелие, Сокирницкий Сборник), в которой выявляется тенденция к применению народного языка. С точки зрения языка самым ценным представителем группы являются Няговские Поучения, которые представляют собой самый старый памятник закарпатского варианта литера-

турного языка; вместе с тем, они относятся к небольшому числу закарпатских оригинальных произведений.

Полемические сочинения Михаила Андреллы (Оросвиговского), анализированные нами в ряде статей, с точки зрения развития литературного языка не принадлежат к упомянутой группе. В них не проявляется тенденция к употреблению народного языка, потому что автор пользуется книжным литературным языком того времени и церковнославянским языком, хотя народный язык обнаруживается у него на каждом шагу.

### МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ НЯГОВСКИХ ПОУЧЕНИЙ

При анализе Няговских Поучений мы рассмотрели все окончания падежей отдельных склонений и охарактеризовали систему местоимений, числительных и наречий. Наши замечания о Няговских Поучениях во многом относятся и к остальным памятникам. При анализе сочинений Михаила Андреллы (Оросвиговского) и урбариальных записей мы будем уделять главное внимание тем явлениям, которые изменялись, развивались в течение столетий (ср. Dezső L., Oroszvégesi ..., Dezső L., A kárpátaljai „népi irodalom").

#### *Имена*

#### Окончания с *-a-*

Распространение окончаний с *-a-* *(-am, -amy, -ach)* в дательном, творительном и местном падежах множественного числа существительных мужского, среднего родов и женского рода с основой на мягкий согласный можно наблюдать в Няговских Поучениях. О путях и способах распространения этих окончаний можно установить следующее.

В дательном падеже множественного числа окончания *-am* в Няговских Поучениях еще нет. Такое позднее появление и распространение окончания *-am*, вероятно, является лишь свойством восточно-закарпатских говоров, потому что в украинских грамотах XIV нач. XVI вв. окончание *-am* появляется вместе с остальными.

Окончания *-amy, -ach* творительного и местного падежей множественного числа наблюдаются уже в Няговских Поучениях XVI в., а в позднейших памятниках мы будем рассматривать их дальнейшее распространение, но они не могли окончательно вытеснить первоначальные окончания даже в современных говорах.

Если мы хотим выяснить, в каком роде началось раньше или было более интенсивным распространение окончаний с *-a-*, то данные окажутся довольно противоречивыми или нейтральными. С бóльшей уверенностью можно установить лишь то, что в творительном падеже множественного числа твердого варианта склонения существительных мужского рода число окончаний с *-a-* значительно, а *-amy* было распространено здесь более широко, чем в мягкой разновидности склонения или в среднем роде. В позднейших памятниках мы тоже будем рассматривать распространение окончаний с *-a-* по падежам, родам, мягкому и твердому вариантам склонения.



При решении таких вопросов следует иметь в виду состав окончаний отдельных падежей, его нагруженность, фонетический облик. Например, окончание *-ы* творительного падежа множественного числа совпадало с окончаниями именительного и винительного падежей множественного числа, и не было соответствующего параллельного окончания твердого варианта склонения существительных мужского рода. В то же время из-за того, что существительные мужского рода с твердой основой занимают важное место в словаре по их количеству и частоте употребления, окончание *-ы* было очень употребительным, все же оно не различало 3 падежа, хотя их беспредложное употребление весьма значительно (имеется в виду, главным образом, вин. и твор. падежи). Поэтому понятно, что окончание *-amy*, обеспечивающее различение падежей, тут распространилось довольно быстро.

Перед окончанием *-ich* местн. падежа множественного числа существительных мужского, среднего родов выступает чередование в результате палатализации у существительных с согласными *k, h, ch* на исходе слова, напр.: *rocich*. Но язык предпочитал избегать таких явлений, поэтому понятно, что и тут распространялось иное окончание, но в этом случае окончание *-ach* имело конкуррента в окончании *-och* (< *ъch*).

Кроме упомянутых обстоятельств (состава окончаний разных типов склонений, их фонетических особенностей) следует иметь в виду возможность влияния других склонений. Так, распространению окончаний с *-a-* могли способствовать разные факторы: окончания склонения существительных женского рода на *-a*, окончание *-a* им. вин. падежей склонения существительных среднего рода, склонение существительных типа *gazda, sluha*. Их влияние едва ли было одинаково в начале распространения окончаний с *-a-*, но интенсивность их влияния могла изменяться в ходе дальнейшего развития. Влияние окончания *-a* им.-вин. падежей мн. числа склонения существительных среднего рода не кажется настолько сильным, чтобы оно могло вызвать более интенсивное распространение окончаний с *-a* в среднем роде в начале данного процесса. Но возможно, что после появления этих окончаний гармоническая система форм мн. числа склонения существительных среднего рода: им. п. *-a*, вин. п. *-a*, дат. п. *-am*, твор. п. *-amy*, местн. п. *-ach* имела значительное влияние на употребление этих окончаний в склонении среднего рода, и в последнем окончания с *-a-* распространялись быстрее, чем в склонении мужского рода.

Наши замечания указывают на сложность данного процесса. Несколько памятников, рассматриваемых нами, едва ли будут достаточны для того, чтобы его осветить. Требуется интенсивный сравнительный анализ многих памятников, при котором следует сопоставить все данные окончаний. Нужно сопоставить не только число параллельных окончаний отдельных падежей (напр., в местн. п. мн. числа *-ich, -och, -ach)*, но следует обратить внимание и на частоту употребления отдельных слов, как это сделано в разборе Няговских Поучений. Следует считаться и с индивидуальными особенностями употребления языка у отдельных авторов, как например, склонность к архаическим формам, влияние других говоров и др.

Окончания с *-о-*

По свидетельству памятника, распространение окончаний твердого склонения (окончаний с *-о-)* не было исключительно морфологическим, аналогическим процессом. В украинском языке, и так же в закарпатских его говорах, как мы видели в 1-й части, уже в XIV в. после шипящих *š, ž, č, šč* из *е*, предшествующего твердому согласному, развилось *о*. Этот процесс должен происходить по фонетической закономерности и в окончаниях, только окончания как морфологические элементы, подвергаются и влиянию аналогии, которое может содействовать фонетическому изменению, и тогда *о* не только сохраняется (напр., *čužoho)*, но аналогическое влияние даже распространяет дальше данное окончание *(syn'oho)* или тип окончания *(čužoi̯i)*, и тогда следует говорить уже об исключительном влиянии аналогии. Но возможно и то, что влияние аналогии устраняет фонетически возникшую форму (например, вместо *našoho* восстанавливается *našeho)*. Притом корреляция двух влияний может быть разнообразна по времени, месту и даже по частям речи.

В Няговских Поучениях окончания с *-о-*, вообще, можно найти там, где они должны стоять по фонетическому закону: за *ž, š, č, šč* на месте *-е-*, предшествующего твердым (или рано отвердевшим) согласным, так окончание *-от* твор. падежа ед. числа существительных мужского, среднего родов, окончания *-oho, -omu* род., дат. падежей ед. числа мужского, среднего родов прилагательных, местоимений. Однако влияние аналогии распространило окончание с *-о-* у остальных существительных во всех падежах, где *-е-* стояло перед твердым согласным: в твор. падеже мягкого варианта склонения существительных, хотя и не последовательно: *ohn'om* ∼ *ohnem*, засвидетельствованы окончания *-om* дат. падежа множественного числа, и *-och* местн. падежа мн. числа, где *о* (< *е)* предшествует твердым согласным. Под влиянием аналогии находим ок. *-ого* и у прилагательных типа *нн҇ѣшнюго*, хотя господствуют формы с *-е-*. Влияние аналогии ограничило распространение окончаний с *-о-* у местоимений *naš, vaš*, но формы типа *našoho* не были вытеснены.

Родительный-винительный

В Няговских Поучениях в функции родительного-винительного употребляются последовательно только формы *nas, vas*. Первоначальная форма вин. падежа местоимения 3 лица мн. числа выступает еще в сочетании с предлогом *(za nĕ* и др.). Родительный-винительный очень часто встречается и у остальных местоимений, довольно часто у прилагательных и редко у существительных, из чего можно заключить, что данная категория распространялась от личных местоимений на остальные местоимения, на прилагательные и наиболее поздно на существительные. Одним из существенных способов ее распространения было совместное употребление имен, имеющих уже обычно или более часто форму родительно-винительного падежа, со словами, которые чаще выступали в первоначальной форме винительного падежа, притом последние не всегда ассимилировались к первым: *насъ усѣхъ* 101б, *на насъ грѣшныхъ* 192а, *тыхъ званыхъ* 176а, но: *люди простыхъ и убогыхъ* 87б. Рассматриваемому процессу могло содействовать и влияние родительно-винительного единственного числа, так как данная категория охватила существительные мужского рода, обозначающие лица, у которых в едиственном числе употребление родительно-винительного исключительно. В женском роде род.-вин. не является общеупотребительным даже у местоимения *опа*, и оригинальная форма винительного *(i̯u)* имеется и сегодня, хотя наблюдается реже (Пань. Укр. гов. 272). Во множественном числе существительных женского рода родительно-винительный не распространился до сегодняшнего дня (Пань. Укр. гов. 220).

Окончания двойственного числа

В Няговских Поучениях окончания бывшего двойственного числа очень редки в твор. падеже множественного числа и служат лишь для обозначения двух глаз и ушей *(ухома, очима)*. Такие формы являются остатками древнерусского двойственного числа.

Стяженные окончания

Именное склонение прилагательных ко времени Няговских Поучений исчезло. Сохранились только формы им. падежа ед. и мн. чисел для выражения именного (именной части составного) сказуемого, в ед. числе форма муж. рода: *пусть*, жен. рода: *пуста*, ср. рода: *пусто*, мн. числа: *пусты*. Они, однако, были очень употребительны, хотя полные формы тоже наблюдались уже в качестве сказуемого. В НП трудно судить о новых стяженных окончаниях, так как мы не можем с уверенностью сказать, не происходят ли имеющиеся примеры из-за переписчика.

Окончание им.-вин. падежа мн. числа прилагательных

Окончание именительно-винительного падежа множественного числа *-i*, которое может смягчать предшествующий согласный, распространено на бо́льшей части закарпатской украинской языковой области от реки Цирока до Гуцульщины. На запад от Цироки наблюдается *-ы* (или же *у, i*, заменяющие *ы)*, а на юговостоке в долине реки Русковы *-ыi̯* (Пань. Укр. гов. 253). В Няговских Поучениях XVI в., однако, вместо такого единого окончания были двоякие окончания: именное *-ы* (имея в виду твердый вариант склонения) и полное *-ыи*. Примеры НП с окончанием *-ѣ* скорее происходят из-за переписчика XVIII в., так как последнее окончание редко даже в Углянском Ключе XVII в. Окончание *-ы* встречается лишь у прилагательных в функции сказуемого, а *-ыи* реже в такой функции, но почти исключительно у прилагательных в роли определения.

*Глаголы*

Настоящее время

При анализе памятников, изучая явления спряжения, мы занимались некоторыми изменениями, которые привели к образованию современных

форм настоящего времени, например, потеря согласного *-t* на исходе слова формы 3-го лица ед. числа, стяжение элементов *-aie-* в *-a-*: *čytaiet* > > *čytat* у глаголов с *-ai-* в конце основы *(čytaiu, čytaieš)*. О корреляции упомянутых процессов отметим, что в современных закарпатских говорах, как и в Няговских Поучениях, стяженная форма 3-го лица ед. числа сохраняет согласный *-t*. Это указывает на то, что формы с *-t* на исходе слова были еще частыми и продуктивными тогда, когда в 3-м лице происходило стяжение, и форма с *-t*: *čytat* получила распространение. Между тем, в НП только в 3-м лице ед. числа встречается стяжение: *čytat*, в современных говорах оно уже наблюдается и во 2-м лице ед. числа, но данное явление дальше в восточном Закарпатье не распространилось (Пань. Укр. гов. 308).

Из изменений, касающихся форм 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа настоящего времени, надо отметить, что формы с *ž* вместо *h*: *možu*, *možut*, возникшие по аналогии форм других лиц, вместо первоначальных: *mohu*, *mohut*, сохранивших последний согласный основы, в XVI в. еще не были распространены.

### Прошедшее время

Прошедшее время развилось из древнерусского перфекта, который образовался при помощи настоящего времени вспомогательного глагола *быти* и причастия прошедшего времени действительного залога на *-l*. В процессе развития языка бывший перфект стал общим прошедшим временем, которое уже не имело значения перфекта. Причастие прошедшего времени действительного залога на *-l* сохранилось в именной форме в закарпатских говорах лишь в этой функции, так что в результате отсутствия значения перфекта и возможности двусмысленного понимания формы бывшего причастия открылась возможность опущения, сокращения форм вспомогательного глагола. В Няговских Поучениях в формах прошедшего времени и настоящего времени условного наклонения употребление вспомогательного глагола зависело от того, ставилось ли подлежащее, или нет. Если имелось подлежащее, то вспомогательный глагол опускался, хотя не всегда, а если отсутствовало подлежащее, для выражения категории лица требовался вспомогательный глагол. В 3-м лице ед. и мн. чисел вспомогательный глагол уже в НП встречается редко. Звуковой облик сохранившихся форм вспомогательного глагола еще не подвергается сокращению. В современных говорах элемент *ie-* стирается, и остаются лишь *-m*, *-s'*, *-sme*, *-ste*. Причина сокращения заключается в том, что формы *iem*, *ies'*, *iesme*, *ieste*, будучи энклитикой, примыкают к ударному слову, и если оно оканчивается на гласный, вспомогательный глагол сливается с ним.

### Условное наклонение

В древнерусском языке образование настоящего времени условного наклонения происходило при помощи прошедшего времени действительного причастия, ед. число: *znalъ*, *znala*, *znalo*, мн. число: *znali*, *znalы*, *znala* и аориста вспомогательного глагола *bыti*: *bыch*, *bы*, *bы*, *bыchom*, *bыste*, *bыša*. С исчезновением форм аориста вспомогательный глагол разложился, с XIII в. *bы* распространялось во всех лицах за исключением 1-го лица ед. числа как частица, и для определения лица служил вспомогательный глагол *ies'*, *iest* и т. д. Такое изменение привело к значительному сближению характера образования прошедшего времени и настоящего времени условного наклонения, что широко открыло ворота для взаимного влияния двух форм спряжения.

В Няговских Поучениях вспомогательный глагол употребляется в условном наклонении тоже лишь при отсутствии подлежащего, в 3-м лице ед. числа вспомогательный глагол исчезает, и парадигма складывается так: *znau*, *znala bыch*; *znau*, *znala bы ies'*; *znau*, *znala*, *znalo bы*; *znaly bы iesme*; *znaly bы ieste*; *znaly bы*. Следующий возможный этап развития состоял в том, что частица *bы* и вспомогательный глагол слились: *znau*, *znala bыch*; *znau*, *znala bes'*; *znau*, *znala*, *znalo bы*; *znaly besme*; *znaly beste*; *znaly bы*. Но такие более новые формы не могли вытеснить первые в Няговских Поучениях. В формах прошедшего времени элемент *ie-* позже стирался и по аналогии сходного способа образования и в настоящем времени условного наклонения распространялись такие формы, в которых сохраняется элемент *ы* частицы *bы*, а *ie-* вспомогательного глагола сокращается, как и в форме прошедшего времени и остальная часть примыкает к *bы*: *bы-s'*, *bы-sme*, *bы-ste*, а на месте анахронической формы 1-го лица ед. числа вспомогательного глагола, отличающегося от остальных форм, выступает *bы-m*, которое гармонически входит в систему форм настоящего времени условного наклонения: *znau*, *znala bыm*; *znau*, *znala bыs'*; *znau*, *znala*, *znalo bы*; *znaly bыsme*; *znaly bыste*, *znaly bы*. Последние формы не засвидетельствованы в НП, но они наблюдаются уже в памятниках XVII в., а полного господства они достигли только в современных говорах.

## СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ НЯГОВСКИХ ПОУЧЕНИЙ

Анализируя синтаксические явления отдельных памятников, в первую очередь, мы стремились установить те синтаксические средства, которые употреблялись в памятниках при образовании словосочетаний, выражении членов предложения, создании разных видов предложений, иллюстрировать употребление таких средств. При настоящем состоянии исследований по историческому синтаксису это является очень важным.

В наших заключительных замечаниях мы не хотим, хотя бы и коротко, повторять то, о чем уже говорилось в отдельных главах. Мы желаем лишь коротко охарактеризировать системы словосочетаний и придаточных предложений, и кроме того, указать на некоторые стилистические особенности памятника, связанные с ними.

Следует отметить, что синтаксическая система Няговских Поучений характеризуется тем, что синтаксическая структура унаследованная от древнерусского языка, развивалась по внутренним закономерностям, свойственным и другим украинским говорам. О тех особенностях рассмотренного памятника, которые являются частными, отличными от особенностей части или большинства украинских говоров в соответст-

вующее время, можно сказать следующее. Значительная часть таких черт объясняется архаическим характером закарпатских говоров. Сохранились такие особенности, которые характеризовали язык восточных славян в древнерусскую эпоху, а в староукраинский период были присущи и остальным украинским говорам, но в ходе развития языка раньше или позже исчезли. Такими являются, например, определенные архаические беспредложные управления глаголов (*выдступити чого* и др.), дательный, выражающий принадлежность и другие отношения, сохранение союзов *až*, *zanuž*. Сюда можно отнести и более частое употребление архаических конструкций в отношении связи главного и придаточного предложений и др. Но наряду с ними получают распространение и такие, которые характерны для более развитой грамматической структуры и отражают результаты развития языка. Например, место конструкций с частицей *at* в предложениях с нереальным содержанием занимает союзное подчинение. Второй винительный исчезает, и на его место вступают более новые словосочетания.

Часть особенностей памятников не объясняется архаическим сохранением общих древнерусских или староукраинских особенностей. Закарпатская языковая область не была единой ни в древнерусскую, ни в староукраинскую эпоху. Вероятно, были диалектные особенности и в области синтаксиса. Таковыми могли быть явления, возникшие в результате внутреннего развития в определенной языковой области, или же такие, которые образовались в ходе взаимного влияния данной языковой области украинского языка и других языков. Так, например, в закарпатских говорах предложное словосочетание *za* + вин. п. при глаголах сообщения и восприятия мыслей и, может быть, союз причины *za što* могут объясняться связью югозападных украинских и болгарских говоров, но возможно и независимое возникновение таких особенностей. К сожалению, исторический синтаксис украинского языка еще мало разработан, и мы не можем сказать ничего определенного о большинстве явлений такого характера. Нам кажется, что к такой группе явлений относится союз *čom* и ряд словосочетаний.

Многовековая связь с венгерским населением тоже оставила свои следы, что доказывают такие предложные словосочетания *z* + твор. п., в которых предлог не употребляется в славянских языках. Может быть, некоторым влиянием венгерского языка следует объяснять и употребление общего относительного союза в таких случаях, когда придаточное дополнительное предложение вводится вопросительно-относительным местоименным наречием в роли союзного слова или союзом. (Ср. с главой о синтаксических явлениях и со следующими примерами из современных говоров: *Kaže pan, što čomu tak'î kôn'î holônn̂î*. Волошское (Пань. Укр. гов. 464), *A u tûm sêlî takыį bыų roskaz, što až propade korova čeredar'į maįe zaplatyty*, Новоселица (Пань. Укр. гов. 436), *A vîn tohdy skazaų do tovaryš'ê svoho, šo koly įeįî ne bereš sobî nesty, taį įa įî ne nesu*, Квасы (Пань. Укр. гов. 415)). Хотя в древнерусском и староукраинском прямая речь тоже вводилась союзом и в рассмотренном явлении надо видеть, скорее, сохранение такой древней черты, может быть, не без поддержки венгерского языка.



С точки зрения наслоения особенно пеструю картину представляют словосочетания. К сожалению, из-за неразработанности данной области украинского языкознания мы не можем составить себе ясную картину этого. При разборе Няговских Поучений ссылки на диалектные источники, данные древнерусских, староукраинских и современных НП украинских памятников и литературного языка служили для того, чтобы при их помощи дать некоторый материал к определению места отдельных явлений по координатам украинской языковой области и, главным образом, истории.

### *Словосочетания*

Система словосочетаний исторически изменяется и развивается. Ее развитие является особым, оно отличается от развития других областей языковой системы, например, морфологии, и даже внутри синтаксического развития система словосочетаний имеет свои специфические особенности. Хотя и здесь, как и во всей системе языка, характер развития является идентичным: медленные количественные изменения и постепенное накопление элементов нового качества.

Развитие словосочетаний, в основном, характеризуется развитием, обогащением системы словосочетаний, обусловленным эволюцией мышления, что является результатом развития человеческого общества. Оно способствует все более точному выражению мыслей. Старая беспредложная система постепенно заменяется предложной, что обозначает не исчезновение всех беспредложных словосочетаний, а прежде всего то, что в таких случаях, в которых в речевой ситуации возможно недоразумение, и для различения разных смысловых содержаний употребляются предложные и беспредложные словосочетания (напр., *kazaty što, kazaty za što*). Определенный падеж или предлог могут иметь несколько функций, если они не мешают друг другу в речевых ситуациях. Кроме того, предложные словосочетания выражают данное смысловое содержание точнее или, по крайней мере, как будто подчеркивают его (*ľubov k komu* вместо *komu*).

При краткой характеристике состояния словосочетаний анализированного памятника, бросается в глаза развитость предложных конструкций по сравнению с древнерусским языком. Старые беспредложные словосочетания сохранились лишь спорадически, как правило, на их место вступили предложные конструкции. Первые выступают не столько в свободных словосочетаниях, служащих для обозначения места и времени, а главным образом, управляют глаголами и существительными. В таких беспредложная конструкция, соответствующая оригинальному значению падежа, стоит еще вместо более нового предложного словосочетания, так, например, родительный падеж: *vыdstupyty čoho*, а не: *vыd čoho ; vыdverečy s'a koho*, а не: *vыd koho ;* дательный: *hlumyty s'a komu*, а не: *nad kym, čym ; ľubov komu*, а не: *yk komu*, в творительном падеже то лицо, посредством которого совершилось действие, ставится в творительном падеже без предлога: *uvыįty u carstvo božiįe Christom ;* (Boh) *dal Moįseįom ; movyt dychom svįatыm* (ср. с главой о синтаксисе). Довольно часто

наблюдается употребление родительного падежа вместо винительного, если речь идет об ограниченности действия, главным образом, при глаголах, обозначающих восприятие. В этом случае развитие языка привело к исчезновению оттенка, выражение которого не было необходимым.

Как мы уже отметили, с развитием человеческого мышления становится нужным различение определенных смысловых содержаний, оттенков мыслей. Такие две мысли или оттенки одной мысли, разные по содержанию, которые выражались в языке одинаково *(hovoryty što)* со временем стали передаваться более точно двумя разными конструкциями *(hovoryty što, hovoryty za što)*. Для их выражения приходилось обращаться к предлогам, выбирать из разнообразных предлогов самый подходящий для этой цели. Каждый язык, даже говор выбирал соответствующий по своим семантическим законам (тенденциям) предлог из уже существующих предлогов, обозначающих преимущественно место. Конечно, во многих случаях в разных славянских языках независимо друг от друга выбор падал на тот же предлог, потому что состав предлогов, их нагрузка были сходны во многих отношениях в отдельных языках (например, *govoriti o* + + местн. п. в русском и в ряде славянских языков). В связи с этим интересно отметить, что в закарпатских говорах с глаголами мышления, сообщения и восприятия мыслей и др. употребляется *za* + вин. падеж, что может свидетельствовать о влиянии болгарского языка, но может быть и результатом самостоятельного развития.

К древнему и общему во всех славянских языках слою словосочетаний принадлежат те управления, в которых при глаголах, существительных, принадлежащих обычно к основному словарному фонду, подчиненное слово стоит в определенном падеже в соответствии с первоначальным значением падежа, притом его употребление может обуславливаться и лексическим значением подчиняющего слова, например, с глаголами со значением 'бояться', 'лишиться' и др. — родительный падеж (в функции аблатива), родительный части целого, а при этимологически общих предлогах употребляется падеж в его оригинальном значении, напр., *v*, *na* + вин., местн. падежи). Чем больше мы отдаляемся от первоначального значения падежа, тем чаще встречаются разнообразные конструкции, и образуется круг синонимических предлогов, соответствующих отдельным значениям, например, предлоги, выражающие причину *(pro* + вин. п., *za* + вин. п., *p'il'a* + род. п., *dil'a* + род. п.), предлоги, служащие для обозначения цели, или предлоги со значением англ. 'according to'. Однако, даже такой предлог, который этимологически был общим для славянских языков, как *kъ*, мог быть вытеснен или ограничен в употреблении другим предлгом *(do)*, что в восточно-закарпатских украинских говорах еще не произошло полностью в отличие от литературного языка. Заимствованные слова ассимилируются к уже слуществующим продуктивным типам, напр.: *chosna za čym, byrovaty čym*.

Рассматривая развитие словосочетаний какого-либо языка или диалекта, мы встречаем очень пеструю, разнообразную картину. Словосочетания, которые стали архаическими, уступают место новым (напр., *vыdstupyty vыd čoho*, вместо *čoho)*. В истории языка появляются и снова исчезают предлоги *(puzl'a)* или значения предлогов *(pil'a* в значении причины).



Бывает, что предлог распространен во всем языке, как и большинство предлогов, или только в определенных говорах (напр., *puzl'a)*. Значения предлогов могут быть разными в истории языка в разных пунктах языковой области (напр., *protyv* в значении англ. 'according to' едва ли употреблялось всюду).

Глаголы, имена, выступающие в роли главных, подчиняющих членов словосочетаний, являются элементами словарного состава, они подвергаются историческим изменениям, могут быть неизвестными всей языковой области и др., причем надо иметь в виду еще развитие словарного состава литературного языка, например, из литературного языка уже исчез глагол *božyty s'a*, но он еще имеется в закарпатских говорах, кроме того, исчезает или не устанавливается определенное значение и вместе с ним и его управление: *znaty s'a na koho* 'узнать себя в ком-л'. Так, историзмы и диалектизмы разнообразно переплетаются.

Могут влиять и соседние родственные языки, так, в памятниках западноукраинских говоров XVI—XVIII вв. словосочетание *prosyty o što* объясняется влиянием польского языка.

Рассмотрев употребление вторых падежей, можно установить, что древний второй винительный исчез, засвидетельствованные редкие примеры могут показать лишь влияние книжного языка.

### *Предложение*

При анализе памятников мы касались только некоторых проблем предложения, приводя материалы для выражения членов предложения и состава частиц, сочинительных союзов. Относительно выражения именного (составного) сказуемого надо отметить, что в XVI в. у существительных расширяется употребление творительного падежа вместо именительного, у прилагательных номинальные формы уступают место полным, на место которых еще не вступили новые стяженные окончания.

Исследуя порядок слов определения, мы видели, что автор Няговских Поучений часто применяет постпозицию.

В кругу вопросов предложения мы бóльшее внимание уделяли сложноподчиненным предложениям.

### *Сложноподчиненные предложения*

В рассмотренный нами период закарпатские украинские говоры достигли значительно более высокой степени развития подчинительных предложений по сравнению с древнерусским языком. В наших памятниках уже наблюдается развитая система союзов и союзных слов. Сложноподчиненные предложения или еще не вполне оформившиеся конструкции характеризуются тем, как употребляются союзные слова, каков состав союзов и др. При рассмотрении таких проблем возникают и некоторые вопросы происхождения, исторического развития системы союзов и союзных слов. Относительно таких вопросов мы позволяем себе сделать замечания только там, где наш материал дает для этого возможность.

При одном из путей образования подчинительной связи, при помощи союзных слов, вопросительное предложение, введенное вопросительным местоимением, стоит перед будущим главным предложением. Такие предложения в наших примерах вводились местоимениями *kto* и редко *kotryį*.

Ниже скажем несколько слов о предложениях с местоимением *kto*. В памятнике довольно употребителен тот тип, в котором в придаточном предложении стоит местоимение *kto*, значение которого еще не вполне относительное, оно может быть и неопределенным, причем в главном предложении нет указательного слова, например: *кто метъ слухати, та вѣровати, прощунъ будетъ* 51б. Первое предложение в определенной речевой ситуации может быть воспринято как вопросительное, особенно в таком примере: *кто умѣе, читай сто͡е Еѵ͞гліе* УК 79а, где во втором предложении глагол стоит во 2-м лице повелительного наклонения вместо того, чтобы применить способ повеления в 3-м лице. Но даже в Углянском Ключе, где в данном контексте уже не идет речь о вопросе, местоимение имеет следующее значение в конструкции: 'кто . . . (тот)', '(если) кто-либо . . . (тот)'. Местоимение *kto* не обладает еще полностью относительным значением, и из-за отсутствия указательного слова подчинение не совсем оформлено.

О слабо выраженной связи двух предложений свидетельствует конструкция, в которой во второй части стоит *а*, и за ним следует личное местоимение 3-го лица: *кто вѣруетъ, а вунъ будетъ спасенъ* 160а. Такой тип встречается реже первого. Подчинение не является полным. Значение местоимения первого предложения может быть и условное 'если кто-либо', и даже словечко *а* не обеспечивает относительного значения, так как оно может стоять и в сложноподчиненном предложении с придаточным условным. Притом ни слово *а*, ни личное местоимение 3-го лица не закрывают путь к сочинению. Но нельзя считать первое предложение условным, потому что, как правило, условное придаточное предложения вводились уже условным союзом. Если писарь записей на церковных книгах считал существенным условное значение, то он ставил союз условия: *А ежели би хто хотѣлъ сію дш͡спс͡ительную книгу от того више помененого храму отдалити таков и да будетъ проклатъ*, Тячево, 1753 (П II. 18), *А ежели би хто са отважилъ отдати сию книгу от церкве сеи комарускои нехай тот человѣкъ будетъ проклатъ*. Комарувци, 1727 (П. III. 26.).

В памятнике нередко употребляется тот развитый тип относительных предложений, в котором в главном предложении есть указательное слово: *Кто метъ вѣровати слову Божому, тотъ будетъ вытъвязанъ вытъ грѣху*, 51б.

В тексте одинакого характера три типа предложений могут употребляться параллельно. Конструкции разного типа хорошо использованы автором Няговских Поучений для того, чтобы сделать его стиль разнообразным, например: *Кто метъ вѣровати слову Божому, тотъ будетъ вытъвязанъ вытъ грѣху, чомъ ключъ естъ царства небесного слово Божіе : кто кажетъ слово Божіе, а овунъ одомыкаетъ, а кто не кажетъ, замыкаетъ, та кто метъ слухати, та вѣровати, прошунъ будетъ*, 51б. Разумеется, конструкция типа *'kto . . . tot'* самая развитая, она обеспечивает прочную подчинительную связь и выражает сказанное наиболее ясно.

В рассмотренных придаточных предложениях с союзным словом *kto* местоимение *kto* выступало в роли подлежащего, а подчиненные предложения были придаточными подлежащего.

Для Няговских Поучений нехарактерно редко встречающееся препозитивное употребление местоимения *kotryį*. В НП обыкновенной является самая развитая форма подчинения. В таких конструкциях придаточное предложение, введенное местоимением *kotryį* стоит постпозитивно или внутри главного, а определяемое существительное наблюдается только в главном предложении: *А слугы, што пуславъ, то суть пророцы, котрымъ досажали у многумъ кѣпу выдъ робутникувъ, котрыи были тогды пророци ужививы и учителѣ кривыи*. 128б, и при определяемом слове может ставиться указательное слово: *кулько грѣшають тоты люде, котрыи мовлятъ, ажъ Б͞гъ натокмивъ и лишивъ много вѣръ* 130а/130б.

Наряду с самым развитым типом определительных придаточных предложений, введенных относительным местоимением *kotryį*, встречается также постпозитивное (или стоящее внутри главного) подчиненное предложение, которое вводится союзным словом *što*, которое не изменяется: та же форма относится и к лицу, и к предмету в любом числе и падеже, например: *што бы насъ звали на весѣля, што естъ наготовленное намъ* 132б, *Али запрѣчаетъ Христосъ выдъ тои журы, што естъ невѣрная* 93а, *Якъ чинивъ изъ Закхеомъ, што бывъ богатый ; такъ же чинивъ изъ Осифомъ, што бывъ выдъ Аримаѳея, котрый погромадивъ Іисуса*, 127б/128а. Последний пример иллюстрирует и сходное употребление местоимений *što* и *kotryį*.

Рядом с *što* может наблюдаться личное местоимение 3-го лица в таком падеже, которого требует определяемое слово. Личное местоимение может стоять непосредственно за *što*, вводящим предложение: *Господь Б͞гъ за ѕ͞ дній усѣ дѣла учинивъ, што ихъ видиме на свѣтѣ* 224б, *виньниця естъ нарудъ жидувскый, што еи чинивъ Б͞гъ на земли своюй* 128а, но может находиться и дальше от него: *якъ бывъ и сесь ч͞лвѣкъ, отецъ того дѣтъвака, што бывъ нечистый духъ у нюмъ*. 115а.

Так же, как и в большинстве конструкций с местоимением *kotryį*, в придаточных предложениях с *što* отсутствует определяемое существительное. Такие предложения постпозитивны или стоят внутри главного предложения.

Придаточные предложения с союзным словом *što*, вероятно, уже с самого начала были обычно постпозитивными. Их образование мы не можем проследить, так как в памятниках они наблюдаются уже в современной форме. Если они выступали препозитивно, то такие случаи были редки или очень рано исчезли, потому что они не засвидетельствованы в нашем архаическом памятнике.

Союзное слово *što* употребительно и в дополнительных придаточных предложениях, и в определенных типах придаточных предложений подлежащего. Такие придаточные предложения, введенные местоимением *što*, обычно постпозитивны за исключением такого случая, в котором

дополнительное придаточное предложение стоит в препозиции для того, чтобы оно было более подчеркнуто, освещено. Данный тип придаточного предложения с *što* или с другим союзным словом близок к косвенному вопросу. Оно сходится с косвенным вопросом в том, что тоже может быть преобразовано в самостоятельный вопрос. Косвенный вопрос действительно был произнесен, но данный тип предложения не был вопросом, по крайней мере, это не вытекает из содержания главного предложения, в нем нет глагола говорения, только знания, видения и др. Они сходны в том, что зависимое предложение вводится союзным словом *što* или иным вопросительно-относительным местоимением или местоименным наречием. Два предложения произнесены одним и тем же лицом, целью которого уже не является спрашивание о чем-л., так что второе предложение теряет вопросительный характер, оно связано с первым предложением, как его дополнение, например: *теперь ище видиме, што чинятъ попове надъ людми дѣля приходу ихъ* 82б, *атъ знаете гораздъ, якъ было у сердци тому чл҃вѣку* 115а, *У сюмъ евангелiи естъ, якъ принесли родителѣ Iисуса изъ дары у Ерусалимъ* 202а. В наших примерах любое придаточное предложение могло бы быть самостоятельным вопросительным предложением, например, автор Няговских Поучений мог обратиться к своим слушателям с таким риторическим вопросом: *што чинятъ попове надъ людми дѣля приходу ихъ?* Более развитую степень подчинения представляют те предложения, в которых в главном предложении стоит указательное слово: *nyi Contractussa, nyi tokmu ne je za toto, jak kmityi . . . majut szlusiti szvojich panu.* Bukovec урб. зап. 2. Разумеется, указательное слово не в одинаковой мере нужно в разных предложениях. В предыдущих предложениях не чувствовалась необходимость употребления указательных слов. А если бы оно отсутствовало в последнем предложении: *nyi Contractussa, nyi tokmu ne je, jak kmityi . . . majut szlusiti szvojich panu*, то предложение распалось бы на два независимых предложения, и второе приобрело бы снова свой вопросительный характер.

Такому типу связи при помощи союзных слов мы уделили мало внимания. Следует отметить, что союзное слово *jak* наблюдается в значении 'что', напр., *смотри, якъ буде мовити* 14а.

В исследованном нами закарпатском памятнике XVI в. в употреблении разных подчинительных конструкций с союзными словами проявляются определенные особенности, соответствующие жанру и стилю памятника.

Автор Няговских Поучений редко пользуется препозитивными придаточными предложениями с союзным словом *kotrыі̯*, что объясняется между прочими причинами и тем, что писатель взял из народного языка более развитые конструкции, так как он считал их более точными и лучше обеспечивающими понимание.

Тому, что автор Няговских Поучений дал преимущество самой развитой форме придаточных предложений с союзным словом *kotrыі̯*, могло способствовать и то, что в церковнославянском языке постпозитивные конструкции с относительным местоимением обычны, писатель их часто встречал. О способе перевода Креховского Апостола И. Огиенко отмечает, что менее развитый вид постпозитивных придаточных предложений с союзным словом *kotrыі̯*, в котором существительное повторяется и в придаточном предложении, переводчик употреблял лишь тогда, когда оно встречалось в церковнославянском или в польском тексте (Огієнко КА 413). Но автор НП лишь в незначительной мере находился под влиянием церковнославянского, он постоянно пользовался формами народного языка, а переводчик КА редко употребляет такое синтаксическое средство народного языка, как постпозитивное придаточное определительное предложение с союзным словом *što* (Огієнко КА 412), которое обычно в НП. Кроме того, надо иметь в виду и характер текстов. В НП были менее нужны предложения такого характера, которые принесли с собой употребление препозитивных конструкций с *kotrыі̯* в грамотах, урбариальных записях, записях в церковных книгах.

Относительное местоимение *jьže, jaže, ježe* применялось весьма редко.

### Союзное подчинение

Язык Няговских Поучений свидетельствует о наличии развитой системы союзного подчинения, если даже мы предположим, что автор охотнее употреблял более развитые конструкции своего говора. Состав союзов Няговских Поучений разного происхождения. В древнерусских памятниках уже засвидетельствован союз *ož(e)*, который можно объяснить из относительного местоимения *ježe*. Он встречается как дополнительный союз в поучениях Владимира Мономаха (ср. Обнорский 69), и его употребление обычно в украинских грамотах. Союз *ož* в Няговских Поучениях встречается весьма редко, но часто наблюдается в определенных закарпатских памятниках, живет и в части современных закарпатских говоров.

Союз *až*, встречающийся более или менее часто в разных памятниках, в НП в качестве дополнительного союза является обычным. Союз *až* наблюдается в древнерусских памятниках и в украинских грамотах. Происхождение данного союза проблематично. Можно объяснять его из относительного местоимения *jaže*, а *i̯* в начале слова могло исчезнуть по аналогии с *ože*. Союз *jaže* встречается как дополнительно-объяснительный союз в поучениях Владимира Мономаха (Обнорский 69). Но вернее предположить, что данный союз образовался из слияния союза-частицы *a* и частицы *že*. Условный союз *aže* встречается в этой функции параллельно с союзом *ože* в древнерусских памятниках, например, в Русской Правде (Обнорский 23), и может быть, что их параллельное употребление привело к тому, что *aže* выступало в роли общего союза также, как и *ože*. Оба союза принадлежат к древнерусскому слою восточнославянского состава союзов.

С развитием мышления, вследствие распространения письменности язык тоже развивался. Синтаксическая структура совершенствовалась и становилась все более точной, выразительной, более гибкой. Для этого она нуждалась в соответствующих средствах. Со все более широким распространением подчинительных конструкций, подчинительные союзы получали более и более важную роль. Союзы *ož(e)* и *až(e)* часто выступают в украинских грамотах и могут связывать разные предложения. Благодаря многосторонности их роли можно сказать, что они выполняли функцию

общего объяснительного подчинительного союза. Из-за неразвитости конструкций с указательным словом довольно часто одному и тому же придаточному предложению можно приписать разное значение. В Няговских Поучениях XVI в. союз *až* может вводить придаточные предложения подлежащего, дополнительные, определительные, причинные, образа действия, условные и следствия.

Третий общеобъяснительный союз *što*. В древнерусских памятниках, как можно установить по работе Обнорского и по данным И. И. Срезневского, *što* еще не фигурирует как союз, но в украинских грамотах XIV—XV вв. уже является союзом. В Няговских Поучениях оно редко употребляется для связывания реальных предложений, но в позднейших памятниках — обычно. В Закарпатье союз *što* распространился более поздно, но еще до середины XVI в. (У нас нет данных о его более раннем распространении.) Интересно отметить, что в НП *što bы* часто вводит нереальные придаточные предложения, хотя *što* редко связывает реальные предложения. Такой факт заставляет нас предположить, что в Закарпатье распространение *što* совпало с укоренением того вида нереальных придаточных предложений, в котором сказуемое подчиненного предложения стоит в условном наклонении. В таких предложениях нового типа *što bы* вошло в употребление, а союзы *až*, *ož* уже не или почти не применялись. Потом *što* постепенно получало все более и более широкое распространение и там, где *až*, *ož* еще сохраняли свои позиции.

В комитате Унг и на территории на запад от него функцию общего объяснительного союза выполняет *že* западнославянского происхождения, которое не засвидетельствовано в нашем памятнике ни разу, хотя в литературном языке XVI в. оно было обычным.

Частица *at* еще встречается для связывания предложений с нереальным содержанием, но, как правило, такие предложения связываются союзами, которым прибавлено частица *bы*: *až bы*, *što bы*, *abы*. Союз *až bы* наблюдается в роли условного союза, и редко вводит придаточное предложение подлежащего. В Няговских Поучениях встречается *abы*, главным образом, как союз дополнительных и целевых придаточных предложений. Употребление *što bы* шире остальных, оно может вводить разные придаточные предложения подлежащего, сказуемого, дополнительные, причинные, цели, следствия, способа действия.

Союз *jak* был и первоначально относительным союзом. Он вводит придаточные предложения, которые информируют о обстоятельстве, способе, времени действия и др., выраженного в главном предложени. Данный союз употребляется в придаточных предложениях способа действия, сравнения, времени, причины.

Союзы *što*, *až*, *ož*, с одной стороны, и *jak*, с другой, употреблены для связывания разных видов придаточных предложений. К области применения первых принадлежат придаточные предложения подлежащего, сказуемого, дополнительные, определительные, к кругу последнего относятся придаточные способа действия, времени и др. Но, как союзные слова *što* и *jak* имеют определенную общую область употребления, так и союз *až*, главный представитель первой группы в НП, и *jak* употребительны в придаточных предложениях способа действия и причины.



Рассмотренные выше союзы, употребленные в нескольких видах предложений, представляли собой почти весь состав союзов придаточных предложений подлежащего, сказуемого, дополнительных, определительных, цели, следствия, образа действия.

Переход первоначальных относительных и вопросительно-относительных местоимений в союзы ко времени наших памятников уже произошел, поэтому мы не можем проследить его. В связи с этим следует обратить внимание на одно обстоятельство. В роли союза причины *zanuž* в Няговских Поучениях еще является обычным. Его можно объяснить из формы *zanež(e)*, которая образовалась в результате слияния предлога *za* и формы вин. падежа относительного местоимения *ježe*, но *e* на исходе слова уже рано отпало. В данном союзе мы видим развитие первоначального относительного местоимения в союз. Такое развитие принесло с собой постепенную потерю местоименного значения 'за что'. *Zanuž* перестало быть членом предложения и выражает лишь связь двух предложений, но оно служит для установления не любой связи, а только такой, при которой придаточное предложение выражает причину главного. Тот же процесс имел место и в случае союза *za što*, происходящего из вопросительно-относительного местоимения. Предлог *za* с винительным падежом во время образования союза *za što* (как и во время *zaneže)* служил для выражения причины. Эта местоименная форма вначале перешла из вопросительной в относительную, а потом из относительного местоимения преврататилась в союз, как и *zanuž*. В следующем примере можно считать *za što* и местоимением в роли союзного слова: *и розгнѣвали ся на Христа, за што прiявъ грѣшныхъ.* 6а. Подобное развитие прошел и союз *čom*, который встречается в НП, УК, Даниловском Учительном Евангелии XVII в., в урбариальных записях комитатов Берег, Угоча, Унг (ср. Пань. *чом* 119), но влияние венгерского языка не обязательно, ведь такой же процесс, как мы видели, имел место и в случае союза *za što*. Эти союзы, однако, позже были оттеснены на второй план союзами *bo* и *što*.

Большинство рассмотренных союзов происходит из относительных и вопросительно-относительных местоимений, за исключением *abы*, и, может быть, *aže*, которые объясняются из слияния союза-частицы *a* + частиц *bы*, *že* и *jak*, происходящее из первоначально-относительного местоименного наречия.

Большинство союзов, которыми мы еще не занимались, перешло в союзы из местоименных наречий, некоторые, однако, по происхождению являются иными. Мы остановимся только на некоторых из них. Союзы, происходящие из местоименных наречий, характеризуются тем, что они объясняются уже из вопросительно-относительных местоименных наречий, а не из первоначальных относительных наречий *(de, kudы, vыdkud, dokud, koly* и др.). Исключением является лишь рассмотренное выше *jak*.

Союз *jes(t)li* происходит от глагола. Он образовался в результате слияния формы 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола *bыty : jest* и частицы *ly*. Данный союз или вовсе не распространился в народном языке, или был вытеснен другими союзами. Союз *chota(i̭)*, тоже глагольного происхождения, укоренился как союз уступительных предложений.

Возникает вопрос о возможном территориальном распространении союзов из народного языка. Так, заметно, что автор Няговских Поучений почти не пользуется союзом *ož*, хотя очень часто употребляет союз *až*. Выбор союза может зависеть от индивидуального усмотрения. Автор мог предпочитать тот или иной союз, но все-таки странно отсутствие союза *ož*. Может быть, в Восточном Марамороше *ož* не употреблялось, по крайней мере, было редким. Так же обстоит дело с союзом *oby*, который не засвидетельствован в Няговских Поучениях.

Няговские Поучения в определенном отношении показывают ступень развития состава союзов, сходную с украинскими грамотами XIV—XV вв. Об этом свидетельствует сохранение союзов *až, ož, zanuž*, одновременно с употреблением союза *što(by)*. Из числа памятников XVI в. о Креховском Апостоле можем составить себе картину по труду И. Огиенко. В КА не наблюдаются *až, ož, zanuž*, вместо *što* употребляется *že* (ср. со словарем Огієнко КА). Союзы *ož* и *až* неизвестны в украинской деловой письменности XVI в. в дополнительных придаточных предложениях, вместо них стоят *iž, že, što* (Г. С. Ярмоленко, Сложноподчиненные предложения в памятниках деловой украинской письменности XVI в. (Автореферат, К. 1955, 14). Летописи XVII в. тоже не знают союзов *až, ož, zanuž* (ср. Бевзенко 234—237).



# ПРИЛОЖЕНИЯ

## СПИСОК СЕЛ И ГОРОДОВ

Для конкорданции венгерских, русских, словацких и румынских названий сел и городов, встречающихся в нашей работе, мы составили нижеследующий список. В источниках венгерские названия засвидетельствованы в разных вариантах, так что венгерско-русский (украинский, словацкий, румынский) список является самым длинным. Тут даются венгерские названия всех поселений, встречающихся в нашей работе, и их важнейшие варианты даже тогда, когда они не имеют эквивалентов в другом языке. Статьи того же списка содержат время первого появления села с указанием источника. Так, отдельные статьи построены следующим образом: название села, встречающееся наиболее часто в XVI—XVIII вв.; сокращение названия комитата; русское (украинское, словацкое, румынское) название села (если оно известно); важнейшие варианты, если такие имелись; в каждой статье — время появления села с указанием источника. Так, список сел и городов содержит и данные по истории заселения Закарпатья и служит дополнением к 1-й части.

Порядок перечня следует по венгерскому алфавиту. В соответствии с порядком архивных материалов, такие первые члены названий как: Nagy, Kis, Alsó, Középső, Felső, Orosz, Oláh, Német и др. не принимаются во внимание, но соответствующие ссылочные ставятся.

В конкорданции русских, украинских, словацких, румынских и венгерских названий, статьи содержат лишь параллельные названия и сокращение комитата. К сожалению, в нашем распоряжении нет современных списков названий сел и городов, и иногда приходилось пользоваться названиями 1920—1938 гг. Русские и украинские названия даются по списку местностей следующих работ: В. Д. Анучин, География советского Закарпатья. М. 1956, Й. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика) ч. I. Ужгород, 1958; они были дополнены по любезным сообщениям П. П. Чучки, и незакарпатскими данными списка книги А. Петрова (Мат. VI. 193—214). Украинское название отдельно сообщается только тогда, когда мы могли определить и район, к которому относится село по настоящему административному делению (само украинское название легко восстановить из русского). Словацкие, румынские названия взяты из работ: Soznam obcí na Slovensku. Bratislava, 1949; Magyarország helységnévtára. 1937., Budapest, 1937. Венгерские названия без русских эквивалентов переписаны кириллицей, а в скобках привоводится венгерская форма. Как и в венгерском списке, первые члены: Великий, Малый и под. в алфавите не принимаются во внимание.

СПИСОК ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ СЕЛ И ГОРОДОВ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ РУССКИМИ (СЛОВАЦКИМИ, РУМЫНСКИМИ) НАЗВАНИЯМИ

*Abara*, Z — Oborín — варианты названия: 1318 г.: Abra, 1332 7 гг.: Abara (Csánki 337); впервые упоминается в 1221 г. (Perfeckij 91).
*Ábránka*, Kis, B — Смологовица — другое название в 1613 г.: Izgogafalva; возникло в 1604 г. (Leh. III. 7—8).
*Ábránka*, Kis, B (на Верховине) — Кушница — шолтысская грамота 1645 г. (Leh. III. 6).
*Ábránka*, Nagy, B (на Верховине) — Абранка — Абранка, Воловец. — шолтысская грамота 1611 г. (Leh. II. 7).
*Ábránka*, Nagy, B — Локоть — 1649 г. (Leh. III. 8).
*Adony*, B — 1342 г. (Csánki 413), в 1287 г. имение (Györffy 528).
*Agyagosfalva* см. Iglinc.
*Agyidóc*, Z — Adidovce — 1549 г. (Dica).
*Akli*, Ug. — Клиновое (Аклин) — Клинове, Виноград. — 1323 г. (Szabó 271).
*Akna Rahó* см. Rahó, Akna.
*Albertvágása*, U, исчезло, упоминается с селами Меркоц и Модьорош (Merkóc, Mogyorós) в 1472 г. (Csánki 387).
*Almamező*, B — Яблоново — 1600 г. (Dica).
*Almás*, Kis, B — Залужь — XV в. (Csánki 413).
*Almás*, Nagy, B — Яблоново — XV в. (Csánki 413).
*Alsó Apsa* см. Apsa, Alsó.
*Alsó Bisztra* см. Bisztra, Alsó, M.
*Alsó Csebinye* см. Csebinye, Alsó.
*Alsó Gerecse* см. Gerecse, Alsó.
*Alsó Horbok* см. Horbok, Alsó.
*Alsó Hrabonica* см. Hrabonica, Alsó, Felső.
*Alsó Izbugya* см. Izbugya, Alsó.
*Alsó Jablonka* см. Jablonka, Alsó.
*Alsó Kalinfalva* см. Kalinfalva, Alsó.
*Alsó Karaszló* см. Karaszló, Alsó.
*Alsó Ladiskóc* см. Ladiskóc, Alsó.
*Alsó Lucska* см. Lucska, Kis, Nagy.
*Alsó Németi* см. Németi, Alsó.
*Alsó Nereznice* см. Nereznice, Alsó.
*Alsó Nyíres* см. Nyíres, Alsó.
*Alsó Pasztély* см. Pasztély.
*Alsó Remete* см. Remete, Alsó.
*Alsó Reviscse* см. Reviscse, Felső, Sáros.
*Alsó Ribnice* см. Ribnice, Alsó, Felső.
*Alsó Róna* см. Róna, Alsó.
*Alsó Rosztoka* см. Rosztoka, Alsó.
*Alsó Sárad* см. Sárad, Alsó.
*Alsó Szelistye* см. Szelistye, Alsó.
*Alsó Verecke* см. Verecke, Alsó, Felső.
*Alsó Visó* см. Visó, Alsó.
*Alsó Viznice* см. Viznice, Alsó.
*Andrásfalva*, Ug. — XIV в. (ср. Szabó 279).
*Andrasóc*, U — Андреевцы — другое название в 1417 г.: Andreaswagasa; 1417 г. (Csánki 388).
*Andrásvágása* см. Andrasóc.
*Antalóc*, U — Антоновка (Анталовцы) — Антонівка (Анталовці), Ужгород. — 1552 г. (Dica).
*Apsa*, Alsó, M — Апша, Нжн. — 1387 г. (Bélay 120).
*Apsa*, Felső, M. — Водяное, Верх. (Апша, Верх.) — Водяне, Верхнє (Апша, Верхня), Рахів. — XIV в. (ср. Bélay 121).
*Apsa*, Középső, M — Водяное, Ср. (Апша, Ср.) — Водяне, Середнє (Апша, Середня), Рахів. — XIV в. (Bélay 121).



*Apsa*, Új или Kis, M — Водица (Апшица) — Водиця (Апшиця), Рахів. — втор. пол. XVI в. (Bélay 122).
*Arad*, U, опустело, около с. Ижковце (Iske), 1325 г.: Araad, Arad (Csánki 388).
*Árdánháza*, B — Арданово — Арданово, Іршав. — в 1448, 1463 гг. под названием: Ardánfalva, Jardánfalva; 1448 г. (Csánki 413).
*Ardó*, Fekete, Ug. — Чернотисов (Черный) — Чорнотисів (Чорний Ардів), Виноградів. — возникло в нач. XIII в., но впервые упоминается в 1319 г. (Szabó 336).
*Árok*, U — Ярок — Ярок, Ужгород. — 1499 г. (Csánki 388).
*Asszonytelke*, B, опустело, в неопределенном месте; 1338 г. (Csánki 413).
*Asztély*, B — Лужанка (Астель) — Лужанка, Берегів. — 1378 г. (Csánki 413).
*Atya* см. Vámos Atya.
*Bábafalva*, B — Бабичи — Бабичи, Мукачів. — 1478 г. (Csánki 413).
*Bablyuk*, B — Баблюк — 1645 г. (Leh. III. 39).
*Bábony*, Ug. — Băbeşti — 1261 г. (Szabó 280).
*Bacsava*, U — Чабановка — 1552 г. (Dica).
*Bacsova*, U, опустело, являлось частью Черноголовы; 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Badaló*, B — Бодолов — Бодолів, Берегів. — 1280 г. (Csánki 414).
*Bag*, B, в нач. XX в. усадьба Баг (Bag) около села Вамош Атя (Vámos Atya); 1467 г. (Csánki 413), 1278 г. имение (Györffy 529).
*Bahusó*, U, опустело, лежало около Цибавы (Tiba); 1419 г. (Csánki 388).
*Baján* см. Bajánháza.
*Bajánháza*, U — Bajany — 1439 г.: Kysmerkowcz al. nom. Bayan, 1458: Bayanhaza; 1439 г. (Csánki 388).
*Bakta*, B, в нач. XX в. усадьба около Мужиева; 1363 г. (Csánki 413), 1232 г., 1327 г. (Györffy 529).
*Balasóc* см. Balázsvágása.
*Balazsér*, B, — 1348: Balasey, 1349: Balase (Csánki 413, Leh. III. 45).
*Balázsfalva*, B — Балашовцы — вариант названия в 1600 г.: Ballosfalva (Dica), шолтысская грамота 1562 г. (Leh. III. 42).
*Balázsvágása*, B, усадьба между Бенедиковцами и Кальником; м. б. друг. назв.: Balasóc; 1481 г. (Csánki 413).
*Ballosfalva* см. Balázsfalva.
*Balmusfalva*, B, исчезло, в районе Вызницы; XVI в., первые данные из 1600 г. (Leh. III. 811).
*Balotafalva*, M, исчезло, оно может быть тождественным с селом Серфалва (Szerfalva); XIV в. (ср. Bélay 122).
*Banna*, Ug., опустело, около Тростника уже в 1300 г. (Szabó 285).
*Barabás*, B — вариант: Barlabás; 1288 г. (Csánki 413).
*Baranya*, U — Баранинцы — Баранинці, Ужгород. — 1427 г. (Csánki 388).
*Baranya*, M — Боронява — Боронява, Хуст. — 1389 г. (Bélay 122).
*Barcánfalva*, M — Bărsana — начало XIV в. (Bélay 123).
*Bárd*, Új, M — Новобарово — Новобарово, Тячів. — втор. пол. XIV в. (Bélay 210).
*Bárdfalva*, M — Barbeşti — вариант: Bárbfalva; пер. пол. XIV в. (Bélay 124).
*Bárdháza*, B — Бородовка (Барбово) — Бородівка, Мукачів. — 1474 г. (Csánki 413).
*Barkaszó*, B — Баркасово — 1312 г. (Leh. III. 53), 1447 г. (Csánki 413).
*Barkó*, Z — Brekov — 1332—7 гг. (Csánki 342).
*Barlabás* см. Barabás.
*Barta*, U, исчезло, упоминается с селами Батва (Bátfa), Матёвце (Mátyóc), Руска (Ruszka); 1400 г. (Csánki 388).
*Baskóc*, U — Baškovce — 1427 г. (Csánki 388).
*Batár*, Ug. — Братово (Батар) — Братове, Виноград. — 1216 г. (Szabó 286).
*Batarcs*, Ug. — Bătarci — 1378 г. (Szabó 291).
*Bátfa*, U — Batva — 1332—7 гг.: Patwa, 1400 г.: Bathwa (Csánki 388).
*Batiza*, M — Botiza — варианты в 1373 г.: Batizháza, в 1141 г.: Bathyz, в 1480 г.: Bathyzfalva; XIV в. (Bélay 125).
*Batizháza* см. Batiza.
*Bátyu*, B — Узловое (Батеево) — 1205 г. (Csánki 413).
*Bedő* см. Bedőháza.
*Bedőháza*, M — Бедевля — Бедевля, Тячів. — вариант: Bedő; XIII в. (Bélay 125).

*Bégány*, Kis, — Бегань, М. — 1333 г.: Bégány (Leh. III. 59); в XV в. села: Ó и Nagy Bégány (Csánki 413).
*Bégány*, Nagy, — Бегань, В. — в 1333 г. только: Bégány (Leh. III. 59), в XV в. села: Ó и Nagy Bégány (Csánki 413).
*Begenyát Pasztély* см. Pasztély.
*Bela*, Ciroka, Z — Belá nad Cirochou — 1451 г. (Csánki 342).
*Bela*, Izbugya, Z — Belá, Zbudská, — 1463 г. (Csánki 342).
*Bélafalva*, M, исчезло, встречается лишь в 1423 г. (Bélay 126).
*Béláháza*, M, исчезло, встречается только в 1418 г. (Bélay 126).
*Bélavár*, M — Беловарцы — впервые упоминается в 1415 г., по карте Белаи основано в XIV в.
*Belebele*, Kis см. Cimbrilovo.
*Belebele*, Nagy, B — Белебово шолтысская грамота 1608 г. (Leh. III. 58), но в 1600 г. было село: Kis Belebele, так что в XVI в. было и: Nagy Belebele, только в 1600 г. было пустым, а в 1608 г. заново основано.
*Bence*, B, опустело, в 1446 г. (1483 г.) упоминается между селами Чарнавода и Феерче (Chornawoda, Feyerche) (Csánki 413).
*Bene*, B — Доброселье (Беня) — Добросілля, Берегів. — 1269 г. (Leh. III. 66).
*Benedekfalva* см. Benedike.
*Benedekháza*, Ug., опустело, в неопределенном месте; только в 1372 г. (Szabó 294).
*Benedike*, B — Бенедиковцы — Бенедиківці, Мукачів. — варианты: Benedik, Benedekfalva; 1391 г. (Csánki 413).
*Benetine*, U — Бенятина — Beňatina — 1552 г. (Dica).
*Bereg*, Nagy, B — Береги — Береги, Берегів. — XII—XIII вв. (Leh. III. 75).
*Bereg Rosztoka* см. Rosztoka, Bereg.
*Bereg Újfalu* см. Újfalu, Bereg.
*Beregóc*, B — Береговец — 1600 г. (Dica).
*Beregszász*, B — Берегово — Берегове, Берегів. — другие названия: Luprechtszasza, Lamprechtszásza, Szász, Lomperthháza; 1247 г. (Csánki 411).
*Beregszász Végardó* см. Végardó, Beregszász.
*Berence*, Sz — Berinţa — XVI в. (Maksai).
*Berenoj*, M, исчезло, около Кривого (Kirva); 1389 г. (Csánki 126).
*Berezna*, M — Березово — Березово, Хуст. — впервые упоминается в 1415 г., но по карте Белаи основано в XIV в.
*Berezna*, Kis, U — Березный, М. — Березний, Малий, Великоберезнян. — 1427 г.: Kysbrezna (Csánki 388).
*Berezna*, Nagy, U — Березный, В. — Березний, Великий, Великоберезнян. — в 1427 г.: Nagbrezna (Csánki 388).
*Bereznik*, M — Березники — Березники, Сваляв. — 1680 г. (Bélay 127).
*Bés*, U — Beša — XIII в. (Ung. m. 178).
*Betlen*, B, в нач. XX в. усадьба между селами Косино (Kászony) и Дравцы (Daróc), варианты: Petlen или Petlend; 1428 г. (Csánki 414), в 1344 г. еще не село (Leh. III. 154).
*Bező*, U — Бежовцы — Bežovce — 1292 г. (Csánki 388).
*Bikszád*, Sz — Bicsad — XIV—XV вв. (Maksai 117), по карте: XIV в.
*Bilaszovica*, B — Беласовица — и под названием: Kis Bisztra; 1704 г. (Leh. III. 65).
*Bilke*, B — Белки (Билки) — Білки, Іршав. — 1447 г. (Csánki 414), 1338 г. (Györffy 533).
*Bisztra*, B, опустело, оно лежало на западном краю комитата Берег; 1455 г. (Csánki 414).
*Bisztra*, Alsó, M — Быстрый, Нжн. — Бистрий, Нижній, Хуст. — появилось в 1668 г. (Bélay 127).
*Bisztra*, Felső, M, другое название в 1651 г.: Sebespatak, появилось в нач. XVII в. (Bélay 127).
*Bisztra*, Felső Kis, B — Быстрый—возникло в 1691 г. из слияния сел В. Быстрая и М. Быстрая (Nagy Bisztra, Kis Bisztra) (Leh. III. 164). На его месте уже было село в 1649 г., в 1673 г. В. Быстрая и М. Быстрая отдельно упоминались (U et C 53—19) (Leh. III. 163—164).
*Bisztra*, Kis, B — Быстрый — шолтысская грамота 1582 г. (Leh. III. 162).



*Bisztra*, Nagy, B — Быстрый—по книге Т. Легоцкого шолтысская грамота 1597 г. (Leh. III. 162), но между селами Стройно (Sztrojna) и Дубровица (Dubrovica) упоминалось поселение Быстрый (Bisztra) уже 1550 г. (Dica).
*Bisztra*, Orosz, Z — Быстрое — Ruská Bystrá — 1405 г. (Csánki 343).
*Bisztra*, Turja, U — Быстрая, Турья — Бистра, Тур'я, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Bisztra Verchovina*, U — Верховина Быстра — Верховина Бистра, Великоберезнян. — 1582 г. (Gabrielj Vývoj 149).
*Blata*, U, опустело, между селами Винне (Vinna) и Калужа (Kaluzsa), 1419 г.: Blacha, 1427: Blachacha (Csánki 388).
*Bobovistye* см. Bubuliska.
*Bobuvika* см. Bubuliska.
*Bocskó*, Ug, — Бочков — сер. XVI в. (Szabó 295).
*Bocskó*, Kis, M, — Бычков, М. — пер. пол. XIV в. (Bélay 130).
*Bocskó*, Nagy, M — Бычков (Бочков), В. — Бичків, Великий (Бочків, Великий), Рахів. — нач. XIV в. (Bélay 130).
*Borisz Polyána* см. Polyána, Borisz.
*Borkút*, M — Квасы — Кваси, Рахів. — 1684 г. (Bélay 130).
*Boro*, Z — Боров — Borov — 1549 г. (Dica)
*Borsa*, M — Borşa — 1365 г. (Bélay 130).
*Borsova*, Kis, B, в 1321 г.: Borsova (Leh. III. 165), в XIV в. уже: Nagy Borsova Kis Borsova (1418, 1479 гг.), в XX в. только: Borsova (Csánki 414).
*Borsova*, Nagy, B — Боржава — Боржава, Берегів. — в 1321 г.: Borsova (Leh. III. 165); в XV в. уже: Nagy Borsova, Kis Borsova (1418, 1479 гг.), в XX в. только: Borsova (Csánki 414).
*Borszucsina*, B — Борсучина — 1648 (U et C 53—18).
*Borzsova* см. Borsova, Kis.
*Botfalva*, U — Деревцы — впервые упоминается в 1427 г.: Báthfalua, варианты названия в 1455, 1498 гг.: Bodfalva, Bothfalva (Csánki 388).
*Bótrágy*, B — Бовтрадь — 1270 г. (Csánki 414).
*Bozos*, U — Боздош — часть Ужгорода; 1427 г. (Csánki 389).
*Bökény*, Ug. — Бикиня — XIII в. (ср. Szabó 297).
*Bresztó*, Izbugya, Z — Brestov — 1436 г. (Csánki 344).
*Bresztó*, Kis, B — Брестовик — шолтысская грамота 1607 г. (Leh. III. 152).
*Bresztó*, Nagy, B — Брестов — 1600 г. (Dica).
*Brezovec*, Z — Брезовец — Brezovec — 1773 г. (Lexicon 292).
*Bród*, B — Брод — 1373 г. (Leh. III. 172), 1454 г. (Csánki 414).
*Bród*, B, опустело, на север от Ивановцев (Iványi) (Csánki 414); 1264 г. (Leh. III. 813).
*Bród*, Kraszni, Z — Брод, Красный — Brod, Krásny — 1549 г. (Dica).
*Bronyka*, M — Бронька — Бронька, Іршав. — 1454 г. (Bélay 131).
*Bruszfalva*, U — Z, опустело, около Старой (Sztára, Z) на границе комитатов Унг и Земплин, другое название: Borutfalva; 1335 г. (Csánki 389).
*Brusztópatak*, B — Поток Брустов — шолтысская грамота 1645 г. (Leh. III. 180).
*Brusztura*, M — Лопухов (Брустуры) — Лопухів (Бростура), Тячів. — 1638 г. (Bélay 77).
*Bubuliska*, B — Бобовище — Бобовищі, Мукачів. — варианты названия: Bobuvika, Bobovistye; из 1360 г. только грамота Корьятовича, в XV в. оно существовало. (ср. Leh. III. 173).
*Bubuliska*, Kis, B, оно было обособлено от Бобовища (Bubuliska) в XVI—XVII вв. (Leh. III. 814); 1600 г. (Dica).
*Bucsu*, B — Буча — 1327 г. (Leh. III. 176); в XV в.: Nagy Bulcsu, Kis Bulcsu (Csánki 414).
*Budaháza*, U — варианты названия: в 1380 г.: Keresztowcz al. nom. Budahaza, в 1427 г. только под названием: Budaháza; 1380 г. (Csánki 389).
*Buda Verecke* см. Verecke, Alsó, Felső.
*Budfalva*, M — Budeşti - XIV в. (Bélay 131).
*Buјánháza*, Sz — Boineşti — по карте Макшаи XIV в.
*Bukóc*, B — Буковец — Буковець, Воловец. — шолтысская грамота 1571 г. (Leh. III. 181).
*Bukóc*, U — Буковцева — Буківцева Перечин. — 1582 (Gabriel Vývoj 149).

*Bukolc*, U, на неизвестном месте, крепость в 1449 г. (Csánki 389); деревня в 1484 г. (Csánki 385).
*Bukovec*, M — Буковец — 1649 г. (Bélay 131).
*Bukovinka*, B — Буковинка — шолтысская грамота 1613 г. (Leh. III. 182).
*Bunkóc*, U — Bunkovce — около 1420 г. (Csánki 389).
*Bustyaháza*, M — Буштино — Буштино, Тячів. — 1373 г. (Bélay 132).
*Buznica*, B, исчезло, упоминается с селами Береговец, Плешофалва (Plesofalva), Росоши; 1600 г. (Dica).
*Cigányfalu* см. Ciganyóc.
*Ciganyóc*, U — Цыгановцы — Циганівці, Ужгород. — вариант названия в 1588 г.: Cigányfalu; 1588 г. (Dica).
*Cimbrilovo*, B — Цимбрилово — варианты названия: Kis Belebele, Zimbrilova, но в 1600 г. это были отдельные села (Dica); 1550 г. (Dica).
*Ciroka Bela* см. Bela, Ciroka.
*Ciroka Hosszúmező* см. Hosszúmező, Ciroka.
*Colánfalva*, B — Цалановица — 1649 г. (Leh. III. 205).
*Csabalóc*, Z — Чабаловцы — Čabalovce — вариант названия: Csabócz; впервые упоминается в 1320 г. (Perfeckij 89), в 1429 г. (Csánki 344).
*Csabina*, B — Чабин — вариант названия в 1600 г.: Csebynje; 1600 г. (Dica).
*Csábrád*, U, опустело, оно могло лежать между селами Ташуля (Tasolya), Загор (Zahar); 1417 г. (Csánki 389).
*Csap*, U — Чоп — в 1346 г.: Chop, Chap; в 1413 г.: Chap, в 1427 г.: Chaap (Csánki 389).
*Csapocka*, B — Чоповцы — XV в. (Leh. III. 183).
*Csaroda*, B, вариант названия: Csarnavoda; 1311 г. (Leh. III. 184).
*Csarnatő*, Ug. — Черна — Черна, Виноградів. — 1378 г. (Szabó 305).
*Csarnavoda* см. Csaroda.
*Császlóc*, U — Часловцы — Часлівці, Ужгород. — 1393 г. (Csánki 389).
*Csatóháza*, Ug., в нач. XX в. усадьба на околице села Федерова; втор. пол. XIII в. — нач. XIV в. (Szabó 307).
*Csebinye* см. Csabina
*Csebinye*, Alsó, Felső, Z — Čabiny, Nižné, Vyšné — 1478 г. (Csánki 344).
*Csecsehóc* см. Szocsogó
*Csedreg*, Ug. — Чедрик — 1319 г. (Szabó 308).
*Csemernye*, Z — Čemerné — варианты названия в 1332—7 г.: Chemernia, Chemernie (Csánki 345); впервые упоминается в 1234 г. (Perfeckij 87).
*Csépánfölde* см. Dobrony, Kis, Nagy
*Csepe*, Ug. — Чепа — 1320 г. (Szabó 311).
*Csepely*, U — Чепел — 1214 г. (Perfeckij 91), 1337 г. (Csánki 389).
*Cserejóc*, B — Череёвцы — вариант названия: Csürfalva; 1649 г. (Leh. III. 192).
*Cserjés*, M — Лозянское — у Белаи: Lazanszki; 1653 г. (Bélay 170).
*Cserleno*, B — Черленево — 1550 г. (Dica).
*Csernice*, U, опустело, между селами Есенёц, Винне, Трнава (Jeszenőc, Vinna, Tarna) только в 1427 г. (Csánki 389).
*Csernik*, B — Черник — шолтысская грамота 1645 г. (Leh. III. 193).
*Csernila*, U, исчезло, упоминается между селами Соль, Ростоцкая Пастель, может быть тожественным с селом Черный Поток (Csornij Potok); 1588 г. (Dica).
*Csertész*, U — Чертеж — 1419 г. (Csánki 389).
*Csertész*, Z — Чертежное — Čertižné — XIV в. (Perfeckij 86); 1431 г. (Csánki 345).
*Csertész*, Oláh, B — Подгорное (Волошское) — Підгірне (Волоське), Іршав. — XV в. (?) (ср. Leh. III. 640, 312—320 без данных).
*Csertészfalva*, B, опустело, близко к селу Черный Поток (Feketepatak), шолтысская грамота 1588 г. (Leh. III. 815), в 1600 г. упоминается между селами Загатье и Лалово (Dica).
*Csetfalva*, B — Четово — вариант названия: Chedfalwa (Csánki 414); 1418 г. (Leh. III. 194).
*Csicser*, U — Cičarovce — 1332—7 гг. (Csánki 389).
*Csiklin*, U, опустело, лежало около села Михаловце (Nagy Mihály); 1449 г. (Csánki 389).
*Csinagyijevo*, B, слилось с селом Сент-Миклош (Leh. III. 815); XVI в. (Leh. III. 815).



*Csiszér*, U, опустело, именье семьи Палоци (Pálóczi); 1427 г. (Csánki 389).
*Csoma*, Ug. — Затисовка (Чома) — Затисівка (Чома), Виноградів. — втор. пол. XIII в. (Szabó 317), но впервые упоминается в 1323 г.
*Csoma*, B — Чома — 1365 г. (Csánki 414).
*Csománfalva*, M — Чумалево — Чумалево, Тячів. — втор. пол. XIV в. (Bélay 133).
*Csombortelek*, B, упомянуто между селами Буча и Чома в 1327 г. (Csánki 414).
*Csomonya*, B — Чомонин — 1406 г. (Csánki 414).
*Csongova*, Kis, Ug. — Завадка — пер. пол. XV в. (Szabó 388).
*Csongova*, Nagy Ug. — Боржавское (Чингава) — Боржавське (Чингава), Виноградів. — возникло от 1330 г. до 1350 г. (Szabó 415).
*Csonka Papi* см. Papi, Csonka.
*Csornij Potok* см. Csernila.
*Csornoholova*, U — Черноголова — Чорноголова, Великоберезнян. — 1552 г. (Dica).
*Csukalóc*, Z — Čukalovce — вариант названия: Chukahaza; 1390 г. (Csáki 345).
*Csuncsfalva*, B, опустело — упоминается между селами Ивановцы и Ракошин; 1600 г. (Dica).
*Csürfalva* см. Cserejóc
*Dabolc*, Ug. — Dabolț — 1323 г. (Szabó 319).
*Daniló Pasztély* см. Pasztély.
*Dara*, Z — Дара — Dara — 1773 г. (Lexicon 292).
*Darma*, U — слилось с селом Сторожница (Őr); 1415 г. (Csánki 389).
*Daróc*, Ug., опустело, около Виноградова; XIII в. (Szabó 321—322).
*Daróc*, B — Дравцы — 1307 г. (Csánki 414).
*Daróc*, U — Дравцы — Дравці, Ужгород. — 1315 г. (Ung m. 192).
*Daróc*, Kis, B, опустело, около Дравцев; 1447 г. (Leh. III. 816).
*Darva*, M — Колодное — втор. пол. XIV в. (Bélay 134).
*Dávidháza*, Ó, B — Давыдково, Ст. — Давидкове, Старе, Мукачів. — в XIV—XV вв.: Dávidháza; 1364 г. (Csánki 414).
*Dávidháza*, Új, B — Давыдково, Н. — Давидкове, Нове, Мукачів. — нач. XVIII в. (Leh. III. 217).
*Déda*, B — Дедово — 1356 г. (Csánki 414).
*Dedasóc*, Z — Dedačov — 1635 г. (Dica).
*Dedek*, B, исчезло, встречается с селами Нелепино и Подполозье в 1465 г. (Csánki 414).
*Delegánfalva*, B, опустело, около села Покутье; 1600 г. (Dica).
*Dengláz*, U — Деньковцы — часть с. В. Лазы; 1449 г. (Csánki 394).
*Dercen*, B — Дрисина — 1321 г. (Csánki 414).
*Deregnyő*, Z, U — Drahňov — 1332—7 гг.: Dorgnew, 1403 г.: Deregnyew (Csánki 346), возникло в конце XIII в. (Ung. m. 180).
*Deskófalva*, B — Дешковица — Дешковиця, Іршав. — 1600 г. (Dica).
*Desze*, M — Deseşti — пер. пол. XIV в. (Bélay 134).
*Dienestelek* см. Szunyogmező.
*Dienestelek*, B, опустело, около села Белки; 1522 г. (Leh. III. 816) (см. еще: Szunyogmező).
*Diskovica*, B — Дицковица — другое название в 1649 г.: Új Bisztra, в 1682 г.: Zsitkovicza; шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 229).
*Disznópataka*, M — Valea-Porcului — сер. XIV в. (Bélay 135).
*Dob*, Ug., опустело, между селами Фанчиково и Вигель; 1372 г. (Szabó 323).
*Dobroc*, U, упоминается между селами Дубринич, Великий и Малый Березные; 1427 г. (Csánki 390).
*Dobróka*, B — Дубровка — 1447 г. (Csánki 415).
*Dobróka*, U — Дубровка — 1417 г. (Csánki 1390).
*Dobrony*, Kis, B — Добронь, М. — вариант названия: Dobronya, в XIII в. под названиями: Csépánfölde, Csépántelek, в XIV—XV вв.: Kis Dobrony, Nagy Dobrony (Csánki 415).
*Dobrony*, Nagy, B — Добронь, В. — вариант названия: Dobronya, в XIII в. под названиями: Csépánfölde, Csépántelek; в XIV—XV вв. уже находим: Kis Dobrony, Nagy Dobrony (Csánki 415).
*Dobrosina*, U, опустело, между селами Солотвина и Баранинцы; 1559 г. (Dica).

*Dolha*, M — Долгое — Довге, Іршав. — сер. XIV в. (Bélay 135).
*Domasina*, U — Домашин — Домашин, Великоберезнян. — 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Dombo*, M — Дубовое — Дубове, Тячів. — пер. пол. XVI в. (Bélay 136).
*Domonya*, Alsó, U — Доманинцы — Доманинці, Ужгород. — 1412 г. (Csánki 390).
*Domonya*, Felső, U — Оноковцы — Оноківці, Ужгород. — 1412 г. (Csánki 390).
*Doroszló* см. Doroszlófalva.
*Doroszlófalva*, M, исчезло, вариант названия в 1421 г.: Dorozló; возникло около 1400 г. (Bélay 137).
*Drágabártfalva*, B — Доробратово — Доробратово, Іршав. — вариант названия: Dragabratfalva; 1378. (Csánki 415).
*Dragabratfalva* см. Drágabártfalva.
*Dragomérfalva*, M — Dragomireşti — втор. пол. XIV в. (Bélay 137).
*Drahusóc*, B — Драгушовец — 1648 г. (U et C 53—18).
*Dubina*, B — Дубино — 1649 г. (Leh. III. 244).
*Dubóc*, B, исчезло, упоминалось между селами Чабин и Дубино; 1600 г. (Dica).
*Dubóc*, Ug., опустело, около сел Чернотисов (Ардов) и Рокосово; между 1330—1355 гг. (Szabó 382).
*Dubrava*, Z — Дубрава — Dubrava — 1599 г. (Dica).
*Dubrinics*, U — Дубринич — Дубринич, Перечин. — в 1427 г. и под названием: Dobróc; 1427 г. (Csánki 390).
*Dubróka* см. Dobróka.
*Dubrovica*, B — Дубровица — 1550 г. (Dica).
*Dubrovica*, Kis, B, исчезло, перечислено между селами Дубровица, Юркофалва (Jurkófalva) и Буковинка; 1600 г. (Dica).
*Dulfalu*, M — Дулово — Дулово, Тячів — около 1400 г. (Bélay 137—138).
*Dunkófalva*, B — Обава — Обава, Сваляв. — 1600 г. (Dica).
*Durán*, U, исчезло, около сел Будагаза (Budaháza) и Руска (Ruszka); 1380 г. (Csánki 390).
*Duszina*, B — Дусино — Дусино, Сваляв. — 1444 г. (Csánki 415).
*Egres*, Ug. — Олешник (Эгреш) — Олешник (Егреш), Виноградів. — 1284 (Szabó 324).
*Egreske*, B — Ольховица — шолтысская грамота 1613 г. (Leh. III. 246).
*Egyházas Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Egyházatlan Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Erdőd*, B, исчезло, в районе гор Гат; 1475 г. (Csánki 415).
*Eszterjén*, B, опустело, между селами Матюш (Mátyus), Гетеня (Hetény), Керечень (Kerecseny); 1344 г. (Csánki 415).
*Falucska*, B — Богаревица — Богаревиця, Іршав. — 1773 г. (Lexicon 49).
*Fancsika*, Ug. — Фанчиково — XIV в. (ср. Szabó 327).
*Farkasfalva*, B см. Kutkafalva.
*Farkasfalva*, Ug. — Фаркашфалва — лицо, по которому наименовано село, жило в XIII в., село возникло в XIV в. (см. Szabó 332 и карту).
*Farkasrév*, M — Vad — 1383 г. (Bélay 138).
*Fedelesfalva*, B — Крытое (Феделешовцы) — Крите, Мукачів. — 1600 г. (Dica).
*Fehérpatak*, M — Белый Поток — втор. пол. XVII в. (Bélay 140).
*Fejérágostonfalva*, B, опустело, около Бобовища (Leh. III. 818); 1600 г. (Dica).
*Fejércse*, B, 1353 г. (Csánki 415), 1299 г. (Györffy 539).
*Fejéregyház*, M — Белая Церковь — 1373 г. (Bélay 139).
*Fejérfalva*, M — Fereşti — сер. XIV в. (Bélay 140).
*Fejérfalva*, B, опустело, между селами Физерфалва (Fizérfalva) и Феерагоштонфалва (Fejérágostonfalva) в 1599 г. (Dica).
*Fekésháza*, U, исчезло, в 1419 г.: Fekeshaza alio nomine Rewche (Csánki 390).
*Fekete Ardó* см. Ardó, Fekete
*Feketepatak*, Ug. — Черный Поток — 1260 г. (Szabó 342).
*Feketepatak*, Sz — втор. пол. XIV в. (Maksai 135).
*Feketepatak*, B — Черный Поток — 1600 г. (Dica).
*Felső Apsa* см. Apsa, Felső.
*Felső Bisztra*, M см. Bisztra, Felső, M.
*Felsőfalu*, Sz — Negreşti — вариант названия: Felfalw; по карте Макшаи XV в. (Maksai).
*Felső Gerecse* см. Gerecse, Felső.



*Felső Holyatin* см. Holyatin, Új.
*Felső Horbok* см. Horbok, Felső.
*Felső Hrabonica* см. Hrabonica, Alsó, Felső.
*Felső Izbugya* см. Izbugya, Felső.
*Felső Jablonka* см. Jablonka, Felső.
*Felső Kalinfalva* см. Kalinfalva, Felső.
*Felső Karaszló* см. Karaszló, Felső.
*Felső Ladiskóc* см. Ladiskóc, Felső.
*Felső Lucska* см. Lucska, Kis, Nagy.
*Felső Németi* см. Németi, Felső.
*Felső Nereznice* см. Nereznice, Felső.
*Felső Nyires* см. Nyires, Felső.
*Felső Pasztély* см. Pasztély.
*Felső Remete* см. Remete, Felső.
*Felső Reviscse* см. Reviscse, Felső, Sáros.
*Felső Ribnice* см. Ribnice, Alsó, Felső.
*Felső Róna* см. Róna, Felső.
*Felső Sárad* см. Sárad, Felső.
*Felső Szelistye* см. Szelistye, Felső.
*Felső Verecke* см. Verecke, Alsó, Felső.
*Felső Visó* см. Visó, Felső.
*Felső Vladicska* см. Ladiskóc, Felső.
*Fertősalmás*, Ug. — Фертешалмаш — 1319 г. (Szabó 348).
*Filipec*, M — Пилипец — XVII в. (Bélay 95).
*Filler Volya* см. Volya, Filler.
*Fizérfalva*, B, опустело, около села Нжн. Ростоки; 1600 г. (Dica).
*Floriánfalva*, B, опустело, между селами Белки и Хмельник; 1341 г. (Csánki 415).
*Fogaras*, B — Зубовка (Фогараш) — Зубівка (Фогараш), Мукачів. — 1550 г. (Dica).
*Forgolány*, Ug. — Девичье — XIV в. (Szabó 352—353).
*Fornos*, B — Лесковое — 1378 г. (Csánki 415).
*Gajdasolc* см. Gajdos.
*Gajdóc* см. Gajdos.
*Gajdos*, U, — Гайдош — варианты названия: Gajdasolcz, Gajdóc; в 1427 г.: Gaydoch, в 1484 г.: Gaydasolcz (Csánki 390).
*Gálfalva*, B — Кобалёвица — 1649 г. (Leh. III. 256).
*Galgó*, B, опустело, около села Адонь (Adony); 1342 г. (Csánki 415), 1290 г. (Györffy 539).
*Gálocs*, Nagy, U — Галоч — в 1427 г.: Galooch, позднее: Nagy Gálocs, Kis Gálocs (Csánki 390); возникло в XV в., или, может быть, уже в XIV в., первые данные 1427 г. (ср. Ung m. 182).
*Gálocs*, Kis, U — Галоч — в 1427 г.: Galooch; в 1520 г.: Naghygalocz, Kysgalocz (Csánki 390, Ung m. 182).
*Gányafalva*, M — Ганичи — Ганичі, Тячів. XIV в. (Bélay 141).
*Gát*, B — Гать — 1374 г. (Csánki 415).
*Gecse*, B — Геча — 1319 г. (Csánki 415), XIII в. (Györffy 539).
*Gejőc*, Nagy, Kis, U — Геевцы, Великие — в 1394, 1489 гг.: Geyeuch, Ramocha-Geyewch, в XIX в.: Nagy Gejőcz, Kis Gejőcz (Csánki 390).
*Gelényes*, B, 1327 г. (Csánki 415).
*Gérce*, Kis, Ug. — Gherţa-Mică — под другим названием: Felső Gérce; XIV в. (Szabó 389—390).
*Gérce*, Nagy, Ug. — Gherţa-Mare — под другим названием: Alsó Gérce; XIV в. (Szabó 389—390).
*Gerecse*, Alsó, U, опустело, около села Збудзы (Izbugya), в 1337 г.: Grecha et alia Grecha, Algerecha, Felgerecha (Csánki 390).
*Gerecse*, Felső, U, опустело, около села Збудзы (Izbugya), в 1337 г.: Grecha et alia Grecha, Algerecha, Felgerecha (Csánki 390).
*Gerény*, U — Горяны — Горяни, Ужгород. — в 1332—7 гг.: Gehren, в 1376 г.: Geren, в 1451 г.: Keren (Csánki 390).
*Gergelyfalva*, B, исчезло, упоминается между селами Ивашковцы и Загатье в 1600 г. (Dica).

*Gergelyi*, B, вариант названия: Gergeri; 1425 г. (Csánki 415).
*Gernyés*, M — Копашнево — нач. XV в. (Bélay 141), но по карте В. Белаи XIV в. (Bélai).
*Gerzsenyő*, B, в нач. XX в. усадьба между селами Чомонин (Csomonya) и Свобода (Szernye), в 1364, 1432 гг.: Kirsano, Krisano, в 1481 г.: Gersano (Csánki 415); XIII в. (Leh. III. 268).
*Gévénfalva*, B — Геёвица — 1600 г. (Dica).
*Gevenyfalva* см. Gévénfalva.
*Gézsény*, Ó, Új, U — Hažín — в 1337 г.: Ighazasgeswn, Eghazasgeswn, Eghazatlangesun, Ógesun; в 1419 г.: Ogeson, Wygeson, около 1520 г.: Naghgesen, Kysgesen (Csánki 391).
*Glód*, M — Glod — может быть, тождественно с селом Иллешполяна (Illéspolyana), которое появилось в пер. пол. XVII в. (Bélay 154), впервые упоминается Глод в 1680 г. (Bélay 141).
*Gorond*, B — Горонда — Горонда, Мукачів. — 1550 г. (Dica).
*Gödényháza*, Ug. — Гудя — Гудя, Виноградів. — 1262 г. (Szabó 356).
*Gulács*, B, 1380 г. (Csánki 415).
*Gút*, Kis, B — Гутово — другое название в XV в.: Nagy Szernye (Csánki 415); XIV в. (Leh. III. 276).
*Gút*, Nagy, B — Гутово — 1465 г. (Csánki 415, Leh. III. 279).
*Gyula*, Ug. — Юлевцы — 1396 г. (Szabó 359).
*Gyulafalva*, M — Giuleşti — 1317 г. (Bélay 142).
*Habura*, Z — Габура — Habura — 1549 г. (Dica).
*Halábor*, B — Грабаров — вариант названия: Harábor; 1332 г. (Csánki 415).
*Halászfalva* см. Szaniszlófalva.
*Halászföld*, Ug., опустело, близко к Виноградову; XIII в. (Szabó 363).
*Halmi*, Ug. — Холмовец — 1274 г. (Szabó 364).
*Hanajna*, U — Hnojné — в 1419 г.: Hnoyna alio nomine Rewche (Csánki 397).
*Hankóc*, Z — Hankovce — 1549 г. (Dica).
*Hankóc* см. Hunkóc.
*Hankovica*, B — Ганьковица — Ганьковиця, Сваляв. — 1648 г. (U et C 53—18).
*Harábor* см. Halábor.
*Harangláb*, B — Дзвінкове, Берегів. — XIV в. (Csánki 415, Leh. III. 283).
*Haraszt*, U, опустело, между селами Вельке Капушаны (Nagy Kapos) и Чепел; 1379 г. (Csánki 391).
*Haravisa*, U, исчезло, упоминается между селами Радич (Radics) и Паладь (Palágy); 1325 г. (Csánki 391).
*Hársfalva* см. Nelipina.
*Hátmeg*, B — Загатье — Загаття, Іршав. — в XIV—XV вв. такие названия: Hegymeg, Hegyelő; XV в. (Csánki 415).
*Hazegafalva* см. Hazugafalva
*Hazugafalva*, B, вариант названия: Hazegafalva, опустело, в долине реки Вызницы (Leh. III. 819); упоминается между селами Ср. Вызница и Облаз (Obláz); 1600 г. (Dica).
*Hazsina*, Z — Гажин — Hažín nad Cirohou — 1451 г. (Csánki 349).
*Hegy*, B, исчезло, между селами Марок (Márok) и Тарпа (Tarpa); 1353 г. (Leh. III. 820).
*Hegymeg* см. Hátmeg.
*Helmec*, Korlát, Putka, U — Холмец — в XV в. существовали оба села, в 1417 г.: Hubka Helmec; (относительно Корлатхелмец (Korláthelmec) см. Ung m. 185). Названия, встречающиеся в XV—XVI вв.: Helmec, Kishelmec, Nagy-helmec, относятся к этим двум селам: 1427: Helmech, 1445: Kyshelmecz; в дике (dica) 1552 г. тоже: Kis Helmec, Nagy Helmec.
*Helmec*, B, исчезло, между селами Марок (Márok) и Тарпа (Tarpa); 1353 г. (Leh. III. 820).
*Helmecke*, Z — Chlmec — в 1451 г.: Helmecz (Csánki 349).
*Henselőc*, Z, опустело, около сел Михаловце и Збудза (Nagy Mihály, Izbugya); в 1408 г.: Henselhuch al. nom. Veresvagas (Csánki 349).
*Hercfalva*, B — Герцовцы — 1600 г. (Dica).
*Herolc* см. Hilóc.
*Herincse*, M — Горинчево — Горинчово, Хуст. — 1350 г. (Bélay 143).
*Hernécs*, M — Hărniceşti — вариант названия в 1360 г.: Hwrniachfalwa (Bélay 144).



*Hete*, B, 1299 г. (Csánki 416).
*Hetény*, Ug. — Гетеня — Гетеня, Виноградів. — XIII в. (ср. Szabó 370).
*Hetény*, B — Гетин — 1383 г. (Csánki 416).
*Hidegpatak*, M — Студеный, Верх. — Студений, Верхній, Міжгір. — XVI в. (Bélay 145).
*Hilóc* или Herolc, U, опустело, принадлежало к доминии с центром в селе Михаловце (Nagy Mihály), между селами Винна и Тарнава в 1418 г.: Herolcz; в 1419 г.: Herolch; в 1427 г.: Hyloch (Csánki 391).
*Hirip*, Sz — Balcan — 1370 г. (Maksai).
*Hiuzfalva*, B, исчезло, около села Серенчовцы (Leh. III. 820); 1600 г. (Dica).
*Hleviscsa* см. Hliviscse.
*Hlinik* см. Iglinc.
*Hlinik*, U, в нач. XX в. хутор на северовосток от Есенова (Jeszenő); 1427 г. (Csánki 391).
*Hliviscse*, U — Гливище — Hliviština — в 1449 г.: Hlevischa (Csánki 391).
*Hlubokapatak*, B — Глухановица — шолтысская грамота около 1649 г., впервые упоминается в 1672 г. (Leh. III. 294).
*Hluskova Pasztély* см. Pasztély.
*Hodlyó* см. Horlyo.
*Hódpatak*, M, 1360 г. (Bélay 146).
*Hollyó* см. Horlyo.
*Holubina*, B — Голубиное — Голубине, Сваляв. — первые данные из 1430 г., в 1456 г.: Hylybynna utraque (Csánki 416).
*Holyatin*, Ó, M — Голятин — Голятин, Міжгір. — другие названия: в 1599 г.: Also Holyatyn, в 1604 г.: Lupuska, заселено во втор. пол. XVI в. (Bélay 147).
*Holyatin*, Új, M — Новоселица — Новоселиця, Міжгір. — другое название в 1599 г.: Felseő Holyatyn; по книге В. Белаи оно возникло в пер. пол. XVII в., что надо считать ошибочным, так как оно засвидетельствовано уже в 1599 г. (ср. Bélay 147).
*Homok*, U — Холмок — 1288 г. (Ung m. 182).
*Homok*, B — Гомок — 1365 (Csánki 416, Leh. III. 295).
*Homonna*, Z — Humenné — XIII в. (Perfeckij 88); 1332—7 гг. (Csánki 337).
*Homonna Rokitó* см. Rokitó, Homonna.
*Homonna Zbojna* см. Zbojna, Homonna.
*Hoór*, U, исчезло, около городка Вельке Капушаны (Nagy Kapos) (?); 1427 г. (Csánki 391).
*Horbok*, Alsó, Z — Radvaň, Nižnia — другое название: Horbok Radvány (Петров Мат. VI. 218); 1549 г. (Dica).
*Horbok*, Felső, Z, 1549 г. (Dica).
*Horbok Radvány* см. Horbok, Alsó.
*Horlyó*, U — Худлево — Худльово, Ужгород — варианты названия: в 1417, 1445 гг.: Hollyo, Hodlyo (Csánki 391).
*Hornya*, U, — Horňa — 1773 г. (Lexicon 288).
*Hosszúmező*, M — Cîmpulungă-Tisa — по карте В. Белаи в XIII в., в 1323 г. уже является городом (Bélay 148).
*Hosszúmező*, U — Долгое Поле — Довге Поле, Ужгород. — 1351 г. (Perfeckij 92).
*Hosszúmező*, Ciroka, Z — Dlhé nad Cirochou — 1451 г. (Csánki 350).
*Hosszúmező*, Izbugya, Z, 1475 г. (Csánki 350).
*Hosztovica*, Z — Гостовица — Hostovice — 1549 г. (Dica).
*Hotinfalva*, M — Hoteni — нач. XVI в. (Bélay 149).
*Hrabóc*, Orosz, Z — Грабовец, Русский — Hrabovec, Ruský — 1549 г. (Dica).
*Hrabóc*, Izbugya, Z — Hrabovec nad Laborcom — 1475 г. (Csánki 350).
*Hrabonica*, Alsó, Felső, B — Грабовница, Нжн., Верх. — Грабівниця, Нижня, Верхня, Воловец. — в 1600 г.: Rabonica, Kis Rabonica (Dica).
*Hrabova Rosztoka* см. Rosztoka, Hrabova.
*Hradiscsa*, U, опустело, между селами Беша (Bés) и Оборин (Abara); 1423 г. (Csánki 391).
*Hribóc*, B — Грибовцы — 1600 г. (Dica).
*Hrusóc*, Z — Hrušov, Vyšný — другое название: Körtvélyes; 1342 г. (Perfeckij 88).
*Hubka Helmec* см. Helmec, Putka.

*Hukliva*, B — Гукливый — Гукливий, Воловец. — 1600 г. (Dica).
*Hunkóc*, U — Hankovce — варианты названия в 1419 г.: Honykouch; в 1427 г.: Hankoch (Csánki 391).
*Huszak*, U — Гусак — Husák — 1552 г. (Dica).
*Huszin*, U, исчезло, оно могло лежать около городка Михаловце (Nagy Mihály); 1449 г. (Csánki 391).
*Huszna*, U — Гусный — Гусний, Великоберезнян. — 1602 г. (U et C 104—8).
*Huszt*, M — Хуст Хуст, Хуст. — по карте В. Белаи XIII в.
*Husztköz*, M — Нанково — Нанково, Хуст. — 1391 г. (Bélay 153).
*Hutta*, U — Гута — 1773 г. (Lexicon 287).
*Igléne*, U — Линцы — 1552 г. (Dica).
*Iglinc*, B — Глинянец — варианты — названия: в 1570 г.: Illnik, Agyagosfalva; в 1588 г.: Hlinik; 1570 г. (Leh. III. 308).
*Ignéc*, B — Зняцево — Зняцево, Мукачів. — 1248 г. (Csánki 416).
*Ilkóc*, B — Ильковцы — вариант названия в 1600 г.: Ilkofalva; 1600 г. (Dica).
*Ilkófalva* см. Ilkóc.
*Illyésfalva*, M, исчезло, упоминалось с селами Окна Шугатаг (Suhatag) и Гарничешть (Hernécs). В 1576 г. все три села называются украинскими (ruthén), но В. Белаи считает их румынскими (Bélay 154). По нашему мнению, так как Гарничешти (Hernécs) имеет название украинского происхождения, там могли жить еще украинцы, и можно предположить украинское население и в остальных двух селах.
*Illyéspolyána* см. Glód.
*Ilmova*, B, опустело, между Гукливым и Канорой; 1649 г. (Leh. III. 820).
*Ilonca*, B — Ильница — Ільниця, Іршав. — 1450 г. (Csánki 416).
*Ilonok Újfalu*, Ug. — Оник — Онік, Виноградів. — 1598 г. (Szabó 374).
*Ilosva*, B — Иршава – Іршава, Іршав. — от 1341 г., в XV в. имеет название: Nagy Ilosva (Csánki 416), но не засвидетельствовано село Киш Илошва.
*Ilosva*, Kis, B, опустело, около села Кобалевица; 1650 г. (Leh. III. 821).
*Ilyapataka*, U, исчезло, имение семьи Палоци; 1414 г. (Csánki 391).
*Inaj*, U, исчезло, упоминается с селами Розовка (Ketergény) и Добронь; 1427 г. (Csánki).
*Inóc*, Z — Иноцы — Inovce — 1549 г. (Dica).
*Irholc*, M — Ольховцы — варианты названия: в 1389 г.: Ilhoba, в 1404 г.: Ilhoch; втор. пол. XIV в. (Bélay 154).
*Iske*, U — Ižkovce — 1427 г. (Csánki 392).
*Iszka*, M — Изки — Ізки, Міжгір. — втор. пол. XVI в. (Bélay 155).
*Iványi*, B — Ивановцы — Іванівці, Мукачів. — 1333 г. (Csánki 416).
*Iványi*, Kis, B, исчезло упоминается между селами Кайданово и Бобовище; 1600 г. (Dica).
*Ivaskofalva*, B — Ивашковица — 1600 г. (Dica).
*Iza*, M — Иза — Іза, Хуст. — 1387 г. (Bélay 155).
*Izbugya*, Alsó, Z — Zbudza — 1301 г. (Perfeckij 88); 1408 г.: Zbugya (Csánki 366), в нач. XX в. только Избудя (Izbugya).
*Izbugya Bela* см. Bela, Izbugya.
*Izbugya Bresztó* см. Bresztó, Izbugya.
*Izbugya*, Felső, Z — Zbuzda — 1301 г. (Perfeckij 88), в нач. XX в. только Избудя (Izbugya).
*Izbugya Hosszúmező* см. Hosszúmező, Izbugya.
*Izbugya Hrabóc* см. Hrabóc, Izbugya.
*Izbugya Rokitó* см. Rokitó, Izbugya.
*Izbugya Zbojna* см. Zbojna, Izbugya.
*Izgogafalva*, B, упоминается между селами Черный Поток (Feketepatak) и Ивашковица; по книге Т. Легоцкого слилось с селом Смологовица (Leh. III. 822); 1600 г. (Dica).
*Izvor*, B — Родниковка (Извор) — Родниківка (Ізвор), Сваляв. — 1600 г. (Dica).
*Izsnyéte*, B — Жнятино — 1484 г. (Csánki 416).
*Jablinca*, M, исчезло, могло лежать около села Лисичово, упомянуто только в 1460 г. (Bélay 157).



*Jablonka*, Alsó, Z — Яблонка, Нжн. — Jablonka, Nižná — в 1436 г.: Jablonka (Csánki 351), как Нжн. Яблонка (Alsó Jablonka) особо отмечается с 1549 г. (Dica), но оно могло быть село, упомянутое в 1436 г.
*Jablonka*, Felső, Z — Яблонка, Вшн. — Jablonka, Vyšná — 1549 г. (Dica).
*Jablonya*, Tót, Z — Jabloň — 1549 г. (Dica).
*Jakabháza*, U, 1419; в 1437 г. оно тождественно с селом Поростово (Csánki 392).
*Jalova*, B — Яловое — 1648 г. (U et C 53—18).
*Jalova*, Z — Яловая — Jalová — 1773 г. (Lexicon 293).
*Jánd*, B, 1398 г. (Csánki 416).
*Jánosi*, Makkos, B — Ивановка — по Т. Легоцкому оно имело своего пароха уже в нач. XIV в. (Leh. III. 407); 1364 г. (Csánki 416).
*Járdánháza* см. Árdánháza.
*Jenke*, U — Енковцы — Jenkovce — варианты названия в 1427 г.: Jeke, Jekow; в 1427 г.: Jenke (Csánki 392); 1288 г. (Perfeckij 92).
*Jeszenő*, U — Есенов — Jasenov — 1241 г. (Perfeckij 90); в 1371 г.: Obres al. nom. Jezeneu, в 1371 г.: Kuzepjezenew, в 1419 г.: Jezenew al. nom. Remethe, в 1427 г.: Jezenew. Считается, что оно составляло единое село с Убрежем (Ubrezs) и Реметами (Remete) (Csánki 392).
*Jeszenő*, Z, 1452 г. (Csánki 351).
*Jeszenőc*, U, опустело, лежало между селами Трнава (Tarna) и Винне (Vinna); 1408 г. (Csánki 392).
*Jesztreb*, U — Jastrabie — 1427 г. (Csánki 392).
*Jobafalva* см. Jobovica.
*Jobovica*, B Ёбовица — вариант названия: Jobafalva; 1600 г. (Dica).
*Jód*, M — Jeud — 1365 г. (Bélay 157).
*Jósza*, U — Jovsa — 1419 г. (Csánki 392).
*Judló*, U, исчесло, упомянается с селами Чоп и Струмковка (Szürte); 1413 г. (Csánki 392).
*Jurkófalva*, B, исчезло, упоминается между селами Дубровица и Буковинка; 1600 г. (Dica).
*Kabolapataka*, M. (В XX в. не является самостоятельным селом.) Другое название в 1459 г.: Lopatak; нач. XV в. (Bélay 158), но по карте В. Белаи село XIV в.
*Kabola Polyána* см. Polyána, Kabola.
*Kajdanó*, B — Кайданово — Кайданово, Мукачів. — XIV в. (Leh. III. 329), но данные приведены только от 1456 г. (Leh. III. 329, Csánki 416).
*Kajdanó*, U, опустело, около села Собранцы; 1419 г. (Csánki 392).
*Kaleno*, Z — Каленов — Kalinov — 1599 г. (Dica).
*Kalinfalva*, Alsó, M — Калины — Калини, Тячів. — нач. XVI в. (Bélay 159).
*Kalinfalva*, Felső, M — Călineşti — сер. XIV в. (Bélay 159).
*Kalinháza*, Sz. — Călineşti — по карте Ф. Макшаи XIV в. (Maksai).
*Kalitovica* см. Karitovica.
*Kálna*, Z — Кальна — Roztoka, Kalná — 1599 г. (Dica).
*Kálnik*, B — Кальник — Кальник, Мукачів. — 1478 г. (Csánki 416).
*Kalocsa*, M — Колочава (Колочава Лазы, Горб) — Колочова-Лази, Негровець, Міжгір. — другое название в 1496 г.: Kalazomezeu; 1463 г. (Bélay 160).
*Kaluzsa*, U — Kaluža — 1419 г. (Csánki 392).
*Kanóra*, B - Канора — шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 332).
*Kapos*, Nagy, U — Kapušany, Veľké — XII в. (Ung m. 188).
*Kapos*, Kis, U, в XV в. около села Вельке Капушаны (Kapos) (ср. Csánki 386).
*Karácsfalva*, Ug. — Карачины — XIII в. (ср. Szabó 378).
*Karácsfalva* см. Krácsfalva.
*Karácsonfalva* см. Krácsfalva.
*Karácsonyfalva*, M — Крачуново — XIV в. (Bélay 160).
*Karaszló*, Alsó, Ug. — Заречье — Заріччя, Іршав. — втор. пол. XV в. (Szabó 275).
*Karaszló*, Felső, Ug. — Гребля — Гребля, Іршав. — втор. пол. XV в. (Szabó 345).
*Karcsava*, U — Карчава — 1405 г.: Korchva; XIV в. (Csánki 393).
*Karitovica*, B, в 1691 г. уже опустело, лежало между селами Быстрый, Мишкаровица и Борсучина (Leh. III. 822); под названием: Kalitovica в 1648 г. (U et C 53—18).
*Kasafalva*, B, исчезло, упоминается между селами Пистрялово и Киш Шаркад (Kis Sarkad) в 1600 г. (Dica).

*Kászony*, B — Косино — 1333 г. (Leh. III. 333).
*Kaszó Polyána* см. Polyána, Kaszó.
*Kelecsény*, U, 1315 г. (Csánki 392).
*Kelecsény*, M — Келечин — Келечин, Міжгір. — нач. XV в. (Bélay 162).
*Kelemenfalva*, B — Климовица — Климовиця, Іршав. — 1600 г. (Dica).
*Kelemenóc*, U, исчезло, упоминается между селами Глиник (Hlinik) и Киш Рибнице (Kis Ribnice) в 1444 г., позже не засвидетельствовано (Csánki 392).
*Kemence*, Kis, Z — Kamienka — в 1451 г.: Kemenche utraque (Csánki 352).
*Kemence*, Nagy, Z — Kamenica nad Cirochou — в 1451 г.: Kemenche utraque (Csánki 352).
*Kemence*, Ó, U — Камяница — Кам'яниця, Ужгород. — 1451 г. (Csánki 392).
*Kemence*, Új, U — Новоселица — Новоселиця, Перечин. — 1696 г. (Dica).
*Kendereske*, B — Коноплевцы — 1549 г. (Dica).
*Kerecke*, M — Керецки — Керецьки, Сваляв. — 1389 г. (Bélay 163).
*Kerecseny*, B, 1343 г. (Csánki 416).
*Kerekhegy*, M — Округлая — Округла, Тячів. — 1796 (К. Й. Галас, 3 топоніміки Закарпаття. НЗ УДУ XXXV. 77), оно слилось с Тячевом.
*Kereknye*, U — Корытняны — Коритняни, Ужгород. — в 1427 г., может быть, под названием: Kerektó, в 1499 г. под названием: Kereknye (Csánki 392); впервые упоминается в 1315 г. (Ung m. 183).
*Kerepec*, B, в нач. XX в. усадьба на юг от Мукачева; 1365 г. (Csánki 416).
*Kerepec*, Oláh, B — Коропец — другие названия: Kerepecke, Kis Kerepec; XIV в. (Csánki 416).
*Kerész*, U (в нач. XX в.: Mokcsa Kerész, см. тоже: Mokcsa); XIII в. (Perfeckij 95); 1332—7 гг. (Csánki 392).
*Kereszt*, U — Кресты — Kristy — 1427 г. (Csánki 392).
*Keresztóc* см. Budaháza.
*Keresztúr*, Tisza, Ug., XIII в. (Szabó 499).
*Kérő*, Ug, опустело, в нач. XX в. усадьба в селе Фанчиково; 1365 г. (Szabó 381).
*Keselyűmező*, M — Кошелево — Кошельово, Хуст. — нач. XV в. (Bélay 163), но по карте В. Белаи XIV в. (Bélai).
*Ketergény*, U — Розовка — 1422 г. (Csánki 393).
*Kétkápolnamező*, Ug., опустело, между селами Чернотисов и Рокосово; возникло между 1330—1350 гг. (Szabó 382).
*Kéty*, B, упомянуто с селом Подполозье; 1465 г. (Csánki 416).
*Kicsorna*, B — Кичерный — шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 347).
*Kigyós*, B — Змиевка (Кидёвш) — 1333 г. (Csánki 416).
*Királyháza*, Ug. — Королево — Королево, Виноградів. — 1262 г. (Szabó 382).
*Királyszállása*, B, опустело, между селами Дусино и Стройно; 1550 г. (Dica).
*Kirsanó* см. Gerzsenyő.
*Kirva*, Ug. — Кривая — Крива, Хуст. — 1378 г. (Szabó карта и 386).
*Kirva*, B, опустело, между селами Дедово и Дравцы; 1307 г. (Csánki 416).
*Kirva*, M — Кривое — Криве, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 164).
*Kirva*, Kis см. Bélavár.
*Kis Ábránka* см. Ábránka, Kis.
*Kis Almás* см. Almás, Kis.
*Kis Apsa* см. Apsa, Új.
*Kis Belebele* см. Belebele, Kis.
*Kis Berezna* см. Berezna, Kis.
*Kis Bisztra* см. Bisztra, Kis.
*Kis Bocskó* см. Bocskó, Kis.
*Kis Borsova* см. Borsova, Kis.
*Kis Borzsova* см. Borzsova.
*Kis Bulcsú* см. Bucsú.
*Kis Csongova* см. Csongova, Kis.
*Kis Daróc* см. Daróc, Kis.
*Kis Dobrony* см. Dobrony, Kis.
*Kis Dubrovica* см. Dubrovica, Kis.
*Kis Dubrovica* см. Lécfalva.



*Kisfalu(d)*, B — Сельцо — 1457 г. (Csánki 416).
*Kis Gálócs* см. Gálocs, Kis.
*Kis Gejőc* см. Gejőc, Kis, Nagy.
*Kis Gérce* см. Gérce, Kis.
*Kis Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Kis Gút* см. Gút, Kis.
*Kis Helmec* см. Helmec, Korlát, Putka.
*Kis Ilosva* см. Ilosva, Kis.
*Kis Ilosva* см. Szundákfalva.
*Kis Iványi* см. Iványi, Kis.
*Kis Kemence* см. Kemence, Kis.
*Kis Kosztrina* см. Kosztrina, Kis.
*Kis Kupány* см. Kupány, Kis.
*Kis Lányfalva* см. Lányfalva, Kis.
*Kis Lohó* см. Lohó, Kis.
*Kis Lónya* см. Lónya, Kis, Nagy.
*Kis Lucska* см. Lucska, Kis, Nagy.
*Kis Martinka* см. Martinka, Kis.
*Kis Melnicsna* см. Melnicsna, Kis.
*Kis Merkóc* см. Bajánháza.
*Kis Mogyorós* см. Mogyorós, Kis.
*Kis Muzsaly* см. Muzsaly, Kis.
*Kis Pasztély* см. Pasztély.
*Kis Rabonica* см. Hrabonica, Alsó, Felső.
*Kis Ráska* см. Ráska, Kis.
*Kis Rát* см. Rát, Kis.
*Kis Reviscse* см. Reviscse, Felső, Sáros.
*Kis Ribnice* см. Ribnice, Alsó, Felső.
*Kis Sarkad* см. Sarkad, Kis.
*Kis Surány* см. Surány.
*Kis Szelemenc* см. Szelemenc, Kis.
*Kis Szeretva* см. Szeretva, Kis.
*Kis Szlatina* см. Szlatina, Kis.
*Kis Tarna* см. Tarna, Kis.
*Kis Tarnóc* см. Tarnóc, Kis.
*Kis Técső* см. Técső, Kis.
*Kis Turica* см. Turica, Kis.
*Kis Újfalu* см. Újfalu, Kis.
*Kis Verecke* см. Verecke, Alsó, Felső.
*Klacsanó*, B — Клячаново — 1475 г. (Csánki 417).
*Klanica* см. Kolonica.
*Klastromalja*, B — Подмонастырь — достоверные данные из XV в., только грамота Корьятовича из XIV в. (ср. Leh. III. 357).
*Klastromfalva*, B — Гандеровица — 1317 г. (Leh. III. 362), хотя не приведены данные грамоты.
*Klenova*, Z — Кленова — Klenová; 1549 г. (Dica).
*Klocskófalva*, B — Клёчки — Кльочки, Мукачів. — 1600 г. (Dica).
*Klokocsó*, U — Клокочев — Klokočov — впервые упоминается в 1419 г. (Csánki 393), варианты названия: 1427 г.: Lokocha, Lokowcho (Csánki 393).
*Klucsarka*, B — Ключарки — Ключарки, Мукачів. — в 1773 г. в урбариальных записях.
*Knyahina*, U — Княгинин — Княгинин, Великоберезнян. — 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Koblika*, B, исчезло, около села Верх. Ворота; 1649 г. (Leh. III. 824).
*Kobulka*, B, исчезло, на реке Вызница; по урбару 1704 г. оно основано в начале XVII в. (Leh. III. 824).
*Kockaszállás*, B — Косино — 1550 г. (Dica).
*Kocsova* (Koczjova), B, исчезло, упоминается между селами Быстрый и Дубровица; 1600 г. (Dica).

*Kohanóc*, Z — Kochanovce — 1549 г. (Dica).
*Kolbaszó*, Z — Колбасово — Kolbasov — 1599 г. (Dica).
*Kolibabóc*, U — Колибабовцы — Kolibabovce — 1552 г. (Dica).
*Kolonica*, Z — Колоница — Kolonica — другое название: Klanica; 1549 г. (Dica).
*Koltunok*, B, опустело, на горе Гусля (Leh. III. 824), другое название: Kotumfalva; впервые упоминается в 1649 г. (Leh. III. 824).
*Komár* см. Szunyogmező.
*Komját*, Ug. — Комяты, В. — Ком'яти, Великі, Виноградів. — впервые упоминается в 1345 г., в XIV—XVI вв.: Magyarkomját, Oroszkomját (Szabó 395—396).
*Komlós*, B — Хмельник — 1412 г. (Csánki 417).
*Komlós*, Ug. — Комлош — 1378 г. (Szabó 399).
*Komoró* см. Szunyogmező.
*Komoróc*, Orosz, U — Комаровцы — Комарівці, Ужгород. — 1415 г. (Csánki 393).
*Komoróc*, Szobránc, U — Komarovce — XV в. (Csánki 393).
*Komoród* см. Szunyogmező.
*Komorótelek* см. Szunyogmező.
*Komorzán*, Sz — Cămărzana — по карте Макшаи XIV в.
*Komorzánfalva*, M, еще до XVI в. слилось с селом Калинешть (Kalinfalva); первые данные с 1418 г. (Bélay 164), по карте В. Белаи XIV в.
*Koncháza*, U — Концево — в 1415 г.: Konczhaza al. nom. Keczefelde, в 1427 г.: Konczhaza (Csánki 393); возникло в конце XIV в. (Ung m. 185).
*Kondratokfalva*, B, упоминается между селами Медвежий и Нжн. Ворота в 1640 г. (U et C 53—17), тождественно с селом Котельница (?).
*Konyha*, M, 1373 г. (Bélay 165).
*Konyus*, U — Конюш — Koňuš — 1419 г. (Csánki 393).
*Kopács* см. Újfalu, M.
*Kopácsfalva*, M, опустело, по карте В. Белаи XIV в.; на его месте возникло село Уйфалу (Újfalu) (Bélay 211).
*Korcsava* см. Kucsava, Orosz.
*Korcsva* см. Karcsava.
*Korkoly*, B, опустело, около села Тростяница; шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 825).
*Korlát Helmec* см. Helmec, Korlát, Putka.
*Kornapatak* см. Ploszkópatak.
*Koromlya*, U — Коромля — Koromla — 1393 г. (Csánki 393).
*Koskóc*, Z — Koškovce — 1549 г. (Dica).
*Kosz (falu)*, B, исчезло, упоминается лишь в 1456 г. (Leh. III. 825, Csánki 417).
*Kosztelnica* см. Kotilnica.
*Kosztrina*, U — Кострина — Кострина, Великоберезнян. — 1549 г. (Gabril Vývoj 14).
*Kosztrina*, Kis, U, исчезло, вероятно, около села Кострина; 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Kosztrubacsfalva* см. Kuztrubafalva.
*Kosztyova Pasztély* см. Pasztély.
*Kotilnica*, B — Котельница — другое название: Kosztelnica, Kundratovics; в 1645 г. заново заселено (Leh. III. 369).
*Kotilnicsni*, B, исчезло, вероятно, около села Котельница; 1648 г. (U et C 53—18).
*Kotkanica*, B, исчезло, на Верховине; 1691 г. (U et C 53—22).
*Kotumfalva* см. Koltunok.
*Kovacso*, U, упоминается между селами Смерекова и Домашин; может быть тождественно с селом Ковач Пастель (Kovács Pasztély); 1588 г. (Dica).
*Kovács Pasztély* см. Pasztély.
*Kovászó*, B — Квасово — Квасово, Берегів. — 1390 г. (Csánki 417).
*Koziva* см. Sztrojna.
*Kozjo* им. Sztrojna.
*Kozmatelke* см. Pinkóc.
*Koznyo*, B, исчезло, упоминается между селами Гайдош и Балашовцы; 1600 г. (Dica).
*Köblér*, U — Кобиляры — 1552 г. (Dica).
*Kőkemező*, M, исчезло, на неопределенном месте; 1471 г. (Bélay 165).
*Kökényes*, M — Терново — втор. пол. XIV в. (Bélay 165).



*Kökényesd*, Ug. — Кекенюш — 1275 г. (Szabó 401).
*Kölcsén*, B — Кольчино — 1430 г. (Csánki 417), XIII в. имение (Györffy 543).
*Körösfalva*, B, опустело, между селами Микуловцы, Медведевцы, Пацканёво и Счастливое (Leh. III. 825); 1600 г. (Dica).
*Körösmező*, M — Ясиня — Ясіня, Рахів. — 1555 г. (Bélay 168).
*Körtvélyes*, M — Грушево — Грушово, Тячів. — пер. пол. XIV в. (Bélay 167).
*Kövesd*, B — Камянское (Кивяждь) — Кам'янське (Кив'яжд), Іршав. — 1412 г. (Csánki 417).
*Kövesliget*, M — Драгово — Драгово, Хуст. — втор. пол. XIV в. (Bélay 168).
*Közép Németi* см. Németi, Alsó.
*Középső Apsa* см. Apsa, Középső.
*Középső Visó* см. Visó, Középső.
*Középső Viznice* см. Viznice, Középső.
*Krácsfalva*, M — Crăceşti — варианты названия в 1415 г.: Karachfalva, в 1444 г.: Karátzonfalva; конец XIV в. (Bélay 169).
*Krajna Martinka* см. Martinka, Krajna.
*Krajnikfalva* см. Mihályfalva.
*Kraska*, U — Krašok — 1552 г. (Dica).
*Kraszni Bród* см. Bród, Kraszni.
*Krasznóc*, Z — Krasnovce — 1428 г.: Krazna (Csánki 354).
*Kricsfalva*, M — Кричево — Кричово, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 169).
*Kriva*, Z — Кривое — Krivá — 1599 г. (Dica).
*Kriva*, Tót, Z — Krivé, Slovenské — 1478 г. (Csánki 54).
*Krivostyán*, Z — Krivošťany — в 1419 г.: Cryostyan (Csánki 354).
*Kucsova*, Orosz, B — Кучава — вариант названия в 1576 г.: Korcsova; 1576 г. (Leh. III. 377).
*Kudlóc*, Z — Kudlovce — в 1451 г.: Kwlloch (Csánki 354).
*Kulinkóc*, B, в нач. XX в. хутор между селами Ивановцы и Лавки; 1600 г. (Leh. III. 377).
*Kundratovics* см. Kotilnica.
*Kupány*, Kis, Ug. — Копаня, М. — пер. пол. XVII в. (Szabó 392).
*Kupinfalva*, B, изчезло, на неопределенном месте; до 1576 г. (U et C 53—45).
*Kusnica*, M — Кушница — Кушниця, Іршав. — 1383 г. (Bélay 170).
*Kustánfalva*, B — Куштановица — Куштановиця, Мукачів. — 1600 г. (Dica).
*Kuszin*, U — Kusín — 1419 г. (Csánki 393).
*Kut*, B, было около села Бабичи (Leh. III. 826); 1550 г. (Dica).
*Kut* см. Kutkafalva.
*Kutkafalva*, B — Покутье — варианты названия в XVI в.: Kut, Farkasfalva; возникло в XVI в. (Leh. III. 379).
*Kuzjo*, B, изчезло, упоминается между селами Ебовица и Мельничный; 1600 г. (Dica).
*Kuzmina*, B — Кузьмино — XVII в. (Leh. III. 380).
*Kuztrubafalva*, B., опустело, вариант названия: Koztrubácsfalva, около села Лепёвцы (Leh. III. 826); 1600 г. (Dica).
*Laborc Volya* см. Volya, Laborc.
*Lácfalva*, Z — Lackovce — 1320 г. (Perfeckij 89); 1451 г. (Csánki 355).
*Ladiskóc*, Alsó, Z — Владич, Нжн. — Vladiča, Nizná — 1549 г. (Dica).
*Ladiskóc*, Felső, Z — Владич, Вшн. — Vladiča, Vyšná — вариант названия в 1478 г.: Felső Vladicska (Csánki 366).
*Ladomér*, Z Ладомирово — Ladomirov — 1321 г. (Perfeckij 90).
*Lafalva* см. Nagy Lányfalva.
*Lakárd*, U — Lekárovce — вариант названия в 1425 г.: Lekardhaza (Csánki 394), Lekárt; XV в.
*Lamprechtszásza* см. Beregszász.
*Lányfalva*, Kis, B, исчезло, вероятно, оно было около села Лалово, упоминается между селами Лалово и Узкофалва (Uzkofalva); 1600 г. (Dica).
*Lányfalva*, Nagy, B — Лалово — Лалово, Мукачів. — вариант названия: Lafalva (Leh. III. 383); 1465 г. (Leh. III. 383).
*Láp*, Ug., опустело, около села Вербовец; 1260 г. (Szabó 407).

*Lasztomer*, Z — Lastomir — 1332—7 гг. (Csánki 355).
*Laturka*, B — Латорка — 1600 г. (Dica).
*Lauka*, B — Лавки — Лавки, Мукачів. — из XIV в. только грамота Корьятовича; XV в. (Csánki 417, Leh. 381).
*Láz*, Nagy, U — Лазы, В. — Лази, Великі, Ужгород. — в XIV—XVI вв. было несколько местностей с названием Лаз (Láz) в комитате Унг: одна из них Деньковцы (Dengláz) (ср. там), другая граничила с селом Гажин (Gézsény) (Csánki 394). О селе В. Лазы ничего не говорится в книге Д. Чанки. Так как соседнее село Деньковцы (Dengláz) существовало уже в XV в., вероятно, село В. Лазы тоже существовало до XVI в. Его можно отождествить с местностью Галамблаз (Galambláz), которая встречается в 1325 г. (Csánki 394), потому что в данной грамоте говорится о делении имений семьи Добо, и село упоминается с остальными селами семьи Добо в южных частях комитатов Унга и Берега.
*Lazanszki* см. Cserjés.
*Lázárpatak*, B — Лазорев Поток — XVI в. (Leh. III. 382).
*Lécfalva*, B — Лецовица — Лецовиця, Мукачів. — другое название: Kis Dubrovica, шолтысская грамота 1613 г. (Leh. III. 384).
*Lehóc*, U — Лемковцы — другое название: Lengyelfalva; 1415 г. (Csánki 394).
*Lekardháza* см. Lakárd.
*Lekence*, Sz — Lechința — по карте Ф. Макшаи XIV в.
*Lengyelfalva* см. Lehóc.
*Leordina*, M — Leordina — между 1373—1411 гг. (Bélay 171); по карте В. Белаи XIV в.
*Leszna*, Z — Lesné — в 1254 г.: Leszna (Hodinka 22, 70); в 1332—7 гг.: Lezna, Lizna, в 1390 г.: Lezna utraque (Csánki 355).
*Lesztemér* см. Lasztomér.
*Likicár*, U — Ликицары — Ликицяри, Перечин. — вариант названия: Rekica; 1602 г. (U et C 104—8).
*Lipcse*, M — Липча — Липча, Хуст. — 1383 г. (Bélay 171).
*Lipcse Polyána* см. Polyána, Lipcse.
*Lipóc*, U — Липовец — 1701 г. (U et C 115—27).
*Lippó*, Sz — Lipoveni — по карте Ф. Макшаи XIV в. (Maksai).
*Liszna* см. Leszna.
*Lohó*, Kis, Nagy, B — Ленёвцы (приселок Лохова), Лохово — Лохово, Мукачів. — в 1484 г.: Lohoh (Csánki 417), о двух отдельных селах данные только от XVI—XVII вв. (Leh. III. 385—386).
*LomperthАáza* см. Beregszász.
*Longodár*, B, в нач. XX в. усадьба между селами Береги и Змиевка; 1421 г. (Csánki 417, Leh. III. 387).
*Lonka*, M — Луг — Луг, Рахів. — 1439 г. (Bélay 172).
*Lonka*, Széles, M — Луг, Широкий — Луг, Широкий, Тячів. — начало XVII в. (Bélay 195).
*Lónya*, Kis, Nagy, B, названия: Nagy Lónya, Kis Lónya встречаются еще до XVI в., первое упоминание о селе Лоня (Lónya) в 1270 г. (Csánki 417, Leh. III. 389).
*Lópatak* см. Kabolapatak.
*Lóza* см. Polyanka.
*Lubnya*, U — Лубня — Лубня, Великоберезнян. — 1631 г. (U et C 105—1).
*Lucska*, U — Lúčky — 1393 г. (Csánki 394), в 1443 г. засвидетельствована и крепость с тем же названием (Csánki 385).
*Lucska*, Kis, Nagy, B — Новоселица, Лучки, В. — Лучки, Великі, Мукачів. — Село Новоселица (Kis Lucska) засвидетельствовано в 1505 г., неясно его отношение к селу Нжн. Лучки (Alsó Lucska), которые тоже называются: Kis Lucska (Leh. 363—4). Чанки отождествляет Нжн. Лучки с Ключарками (там же), но последнее село возникло в XVIII в. Село В. Лучки (Nagy Lucska или Felső Lucska) появилось в XV в. (Csánki 417).
*Luh*, U — Луг — 1602 г. (U et C 104—8).
*Lukaháza*, U, опустело, лежало около села Ижковце (Iske), относилось и к комитату Земплин; 1427 г. (Csánki 394).
*Lukova*, B — Луково — Луково, Іршав. — 1447 г. (Leh. 401).
*Luprechtszásza* см. Beregszász.
*Lupuska* см. Holyatin.



*Lyahovecfalva*, B, исчезло, перечислено между селами Хиузфалва (Hiuzfalva) и Ульковец (Ulykovec); 1600 г. (Dica).
*Lyakovec*, M — Ляховец — конец XVI в. (Bélay 173).
*Lyubise*, Z — L'ubiša в 1451 г.: Libiso (Csánki 356).
*Lyuta*, U — Люта — Люта, Великоберезнян. — 1599 г. (Dica).
*Macsola*, B — Мочола — 1357 г. (Csánki 417).
*Majdan* см. Polyana, Borlsz.
*Makarja*, B — Макарьево — Макарьово, Мукачів. — 1393 г. (Csánki 417).
*Manajló Pasztély* см. Pasztély.
*Márok*, B, вариант названия: Márk, Márki; 1280 г. (Csánki 417).
*Martinka*, Kis, B — Мартинка, М. — вариант названия: Martinthya; 1548 г. (Dica).
*Martinka*, Krajna, B — Мартинка, Крайняя — Мартинка, Крайня, Іршав. — 1444 г. (Csánki 417).
*Maskóc*, Z — Машковцы — Maškovce — вариант названия: Maskolc; 1635 г. (Dica).
*Mászárfalva*, B — Негрово — Негрово, Іршав. — 1410 г. (Csánki 417). Т. Легоцки пишет: «Негрово было имением помещиков от XIII в. до нашего времени», но данные у него только от 1410 г. (Leh. III. 418).
*Mátfalva*, B, может быть тождественно с селом Матяшфалва, которое лежало между селами Лохово и Бобовище (Leh. III. 826); 1600 г. (Dica).
*Mátyásfalva* см. Mátfalva.
*Mátyfalva*, Ug. — Матёвцы — 1326 г. (Szabó 409).
*Matyóc*, U — Maťovce — другие названия в 1389 г.: Porchal alias Zigeth, в 1457 г.: Mathywcz, в 1487 г.: Mathyucz al. nom. Porchal (Csánki 394).
*Mátyus*, B, по книге Т. Легоцкого лицо, имя которого носит село, жило в XII в., но данные о селе лишь из 1323 г. (ср. Leh. III. 419).
*Maximfalva*, B, опустело, между селами Белки и Хмельник; 1341 г. (Csánki 417).
*Medence*, B — Медяница — Мідяниця, Іршав. — в 1463 г.: Medenche que olim Ilosva vocabatur (Csánki 417).
*Medvedóc* см. Medvegyóc.
*Medvedzsa*, B — Медвежий — 1648 г. (U et C 53—18).
*Medvefalva* см. Medvegyóc.
*Medvegyóc*, B — Медведевцы — вариант названия в 1600 г.: Medvefalva; 1600 г. (Dica).
*Medvezsa* см. Medvedzsa.
*Melnicsna*, Kis, B — Мельничный — 1599 г. (Leh. III. 423).
*Melnicsna*, Nagy, B, слилось с селом Стройно (Leh. III. 827), см. Sztrojna.
*Merkóc*, U, опустело, около села Баяны (Bajánháza); 1400 г. (Csánki 394).
*Mező Laborc*, Z — Межилаборцы — Medzilaborce — 1549 г. (Dica).
*Mihalóc*, Z — Михайлов — Michajlov — 1599 г. (Dica).
*Mihályfalva*, M — Крайниково — Крайниково, Хуст. — другое название в 1604 г.: Krajnikfalva; 1389 г. (Bélay 173).
*Mika*, B, опустело, около села Барабаш (Barabás); 1435 г. (Csánki 418).
*Mikete*, Z, исчезло, граничило с селом Лаборец-Воля (Laborc Volya); 1375 г. (Csánki 357).
*Miklósfalva*, B, исчезло, перечислено между селами Феерагоштонфалва (Fejérágostonfalva) и Грабово (Szidorfalva); 1600 г. (Dica).
*Mikolapataka*, M — Văleni — кон. XIV в. (Bélay 174).
*Minaj*, U — Минай — в 1422 г.: Nynay (ср. Csánki 395); 1273 г. (Perfeckij 96).
*Mircse*, U — Мирча — Мирча, Великоберезнян. — 1214 г. (Perfeckij 94).
*Miskarovica*, B — Мишкаровица — Мішкаровиця, Воловец. — 1648 г. (U et C 53—18).
*Misztice*, B — Имстичово — 1351 г. (Csánki 418).
*Mocsár*, U — Мочар — Močiar — 1214 г. (Perfeckij 95); 1400 г. (Csánki 394), XIV в. (Ung m. 186).
*Mocsár*, U — Мочар — Мочар, Великоберезнян. — 1696 г. (Dica).
*Mocsár*, Z — Močarany — 1461 г. (Csánki 357).
*Mocsárka*, B, исчезло, в перечне стоит между селами Киш Шаркад (Kis Sarkad) и Доробратово; 1600 г. (Dica).
*Modra*, Z — Modra — 1451 г. (Csánki 357).
*Modva*, M, исчезло, встречается в 1471 г. (Bélay 175).
*Mogyorós*, U — Модьорош — Liesková — 1400 г. (Csánki 394).
*Mogyorós*, Kis, B — Микуловцы — 1600 г. (Dica).

*Mogyorós*, Nagy, B — Копиновцы — в 1447 г. только: Monyoros (Csánki 418).
*Mogyorósfalva* см. Pernecfalva.
*Mojszén*, M — Moisei — вариант названия в 1365 г.: Moyse; XIV в. (Bélay 175).
*Mokcsa*, U — Križany (Mokča-Krisov) — варианты названия в 1427 г.: Mozcha и Moschya (Csánki 394); XIV в. (Ung m. 187), см. еще Kérész.
*Mokra*, M — Мокрое (Руская Мокрая) — Мокре (Руська Мокра), Тячів. — 1638 г. (Bélay 175).
*Mokra*, U — Мокрая — кон. XII в. (Perfeckij 95).
*Monostor*, M, опустело, возникло в нач. XVI в. (Bélay 175).
*Monygát* см. Zahár.
*Monyorós*, M, исчезло, около села Угля в сер. XV в. (Bélay 175).
*Munkács*, B — Мукачево — Мукачево, Мукачів. — древнее закарпатское поселение.
*Munkácsújfalu*, B, около Мукачева; 1600 г. (Dica).
*Muzsaly*, B — Мужиево — в XIV—XVII вв.: Nagy Muzsaly, Kis Muzsaly (Leh. III. 620, 829—831, Csánki 412); первые данные о селе Мужиево (Nagy Muzsaly) из 1280 г. (Leh. III. 620).
*Nagy Ábránka* см. Ábránka, Nagy.
*Nagy Almás* см. Almás, Nagy.
*Nagy Bereg* см. Bereg, Nagy.
*Nagy Berezna* см. Berezna, Nagy.
*Nagy Bisztró* см. Bisztra, Nagy.
*Nagy Bisztra*, B, (на Верховине) см. Bisztra, Felső, Kis.
*Nagy Bocskó* см. Bocskó, Nagy.
*Nagy Borsova* см. Borsova, Nagy.
*Nagy Bresztó* см. Bresztó, Nagy.
*Nagy Bulcsú* см. Bucsú.
*Nagy Csongova* см. Csongova, Nagy.
*Nagy Dobrony* см. Dobrony, Nagy.
*Nagy Gálocs* см. Gálocs, Nagy.
*Nagy Gejőc* см. Gejőc, Kis, Nagy.
*Nagy Gérce* см. Gérce, Nagy.
*Nagy Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Nagy Gút* см. Gút, Nagy.
*Nagy Helmec* см. Helmec, Korlát, Putka.
*Nagy Kapos* см. Kapos, Nagy.
*Nagy Kemence* см. Kemence, Nagy.
*Nagy Lányfalva* см. Lányfalva, Nagy.
*Nagy Lohó* B, см. Lohó, Kis, Nagy.
*Nagy Lónya* см. Lónya, Kis, Nagy.
*Nagy Lucska* см. Lucska, Nagy.
*Nagy Melnicsna* см. Melnicsna, Nagy.
*Nagymihály*, Z — Michalovce — 1345 г. (Csánki 385).
*Nagy Mogyorós* см. Mogyorós, Nagy.
*Nagy Muzsaly* см. Muzsaly.
*Nagy Palágy* см. Palágy.
*Nagy Pasztély* см. Pasztély.
*Nagy Patak* см. Újfalu, M.
*Nagy Polyána* см. Polyána, Nagy.
*Nagy Reviscse* см. Reviscse, Felső, Sáros.
*Nagy Ribnice* см. Ribnice, Alsó, Felső.
*Nagy Rosztoka* см. Rosztoka, Nagy.
*Nagy Surány* см. Surány.
*Nagy Szelemenc* см. Szelemenc, Nagy.
*Nagy Szeretva* см. Szeretva, Nagy.
*Nagy Szlatina* см. Szlatina, Nagy.
*Nagy Szöllős* см. Szöllős, Nagy.
*Nagy Tarna* см. Tarna, Nagy.
*Nagy Tibava* см. Tibava, Nagy.
*Nagy Turica* см. Turica, Nagy.



*Nagy Vágás* см. Vágás.
*Nagy Verecke* см. Verecke, Alsó, Felső.
*Namény*, Vásáros, B, до XVI в. только: Namény; 1333 г. (Csánki 412).
*Nánfalva*, M — Năneşti — по карте В. Белаи XIV в.
*Natafalva*, Z — Nacina Ves — 1219 г. (Perfeckij 90); 1454 г. (Csánki 358).
*Nechval Polyánka* см. Polyánka, Nechval.
*Négyforrás* см. Polyánka, B.
*Nelipina*, B — Нелепино — Нелiпино, Сваляв. — в XV в.: Nelepina, другое название: Hársfalva; 1430 г. (Csánki 418).
*Német Poruba* см. Poruba, Német.
*Német Vágás* см. Poruba, Német.
*Németi*, Alsó, U — Немецкое, Нжн. — Nemecké, Nižné — такое название от 1427 г., но уже в 1405 г.: Kuzepnémeti, поэтому были и Нжн. и Вшн. Немецкие (Alsó, Felső Németi) (ср. Csánki 395).
*Németi*, Felső, U — Немецкое, Вшн. — Nemecké, Vyšné — такое название от 1427 г., но в 1405 г. уже есть Ср. Немецкое (Közép Németi), и так были и Нжн. Немецкое и Вшн. Немецкое (Alsó, Felső Németi) (Csánki 395).
*Nereznice*, Alsó, M — Нересница — Нересниця, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 176).
*Nereznice*, Felső, M — Новоселица — по карте В. Белаи XVI в., данные с 1600 г. (Bélay 176).
*Nevetlenfalva*, Ug. — Дьяково — другие названия: Gyakhaza, Gyakfalva; XIV в. (Szabó 438).
*Nevicke*, U — Невицкое — Невицьке, Ужгород. — 1364 г. (Csánki 386).
*Novoszelica*, Z — Novásedlica — другое название в 1598 г.: Rozdely (Dica).
*Nyágova*, M — Добрянское (Нягово) — Добрянськe (Нягово), Тячів. — конец XIV в. (Bélay 171).
*Nyagó*, Z — Няго — Ňago — 1549 г. (Dica).
*Nyárád*, U — Ňarád — 1400 г. (Csánki 395).
*Nyéresfalva* см. Nyíresfalva.
*Nyír*, Ug., опустело, около Виноградова; в 1300 г. село уже пусто (Szabó 443).
*Nyíres*, Alsó, M, исчезло в конце XVII в.; оно было на реке Мараморош, возникло в нач. XIV в. (Bélay 171).
*Nyíres*, Felső, M, встречается лишь в 1478 г. (Bélay 171).
*Nyíresfalva*, B — Дунковица — до XVI в.: Nyíres Újfalu; XV в. (Csánki 418).
*Nyíresújfalu* см. Nyíresfalva.
*Oblaz*, B — Облаз — 1600 г. (Dica).
*Oblyászka*, M, опустело, основано около 1600 г. (Bélay 171).
*Ó Dávidháza* см. Dávidháza, Ó.
*Ó Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Ó Kemence* см. Kemence, Ó.
*Oláh Csertész* см. Csertész, Oláh.
*Oláh Kerepec* см. Kerepec, Oláh.
*Olenyova*, B — Оленево — Оленьово, Сваляв. — вариант названия: Olenova; 1600 г. (Dica).
*Olexandrovica*, B, опустело, около села Свалява; 1649 г. (Leh. III. 833).
*Olsinka*, Z — Ольшинково — Ol'šinkov — 1599 г. (Dica).
*Ó Petróc* см. Petróc.
*Oreholc* см. Orlyóc.
*Orehova*, U — Орехова — Orechová — 1439 г. (Csánki 395).
*Orlova*, U — Ирлява — в 1453 г.: Orlozka (Csánki 395).
*Oreszka*, Z, — Oreské — друг. назв.: Oroszka; 1419 г. (Csánki 358).
*Orlyóc*, U, в нач. XX в. усадьба на юг от села Михаловце (Nagy Mihály); в 1427 г.: Orloch, в 1437 г.: Oreholcz (Csánki 395).
*Orosz Bisztra* см. Bisztra, Orosz.
*Oroszfalu*, Sz — Rus — конец XIV в. (Maksai 185).
*Oroszfalu*, U, опустело, между селами Лекаровце, Батва (Bátfa) и Баяны (Bajánháza); 1400 г. (Csánki 395).
*Oroszfalu* см. Oroszvég.
*Oroszfalu* см. Ruszkóc.
*Oroszfalu* см. Sarkad.

*Orosz Hrabóc* см. Hrabóc, Orosz.
*Orosz Sztrihóc* см. Sztrihóc
*Oroszi*, Sz, 1181 г. (Maksai 185—186).
*Oroszi*, Sáros, B — Оросиево — XIV в. (Leh. III. 684), XIII в. (Györffy 546).
*Orosz Komoróc* см. Komoróc, Orosz.
*Oroszpatak*, Z — Русский Поток — Ruský Potok — 1648 г. (Dica).
*Orosz Poruba* см. Porubka.
*Oroszváros* см. Oroszvég.
*Oroszvég*, B — Росвигово — Росвiгово, Мукачiв. — варианты названия до XVI в.: Oroszfalu, Oroszváros; в XV в.: Újváros; из 1360 г. только грамота Корьятовича, но в XV в. уже, наверно, существовало; 1484 г. (Leh. III. 641).
*Orosz Volova* см. Volova, Orosz.
*Ó Szemere* см. Szemere, Ó.
*Osztró*, U — Остров — Ostrov — 1419 г. (Csánki 395).
*Osztró*, B, исчезло, встречается в 1338 г. (Csánki 418).
*Osztrozsnica*, Z — Острожница — Ostrožnica — 1599 г. (Dica).
*Ó Sztuzsica* см. Sztuzsica, Ó.
*Ó Topolya* см. Topolyán.
*Ozdó*, U, исчезло, встречается с селом Збудза (Izbugya); 1418 г. (Csánki 396).
*Ökörmező*, B см. Volóc.
*Ökörmező*, M — Межгорье (Воловое) — Мiжгiр'я (Волове), Мiжгiр. — конец XIV в. (Bélay 177), но по карте В. Белаи XV в.
*Ölyvös*, Ug. — Подгорное — сер. XVI в. (Szabó 444).
*Őr*, U — Сторожница — 1332—7 гг. (Csánki 396).
*Ördög Poruba* см. Poruba, Ördög.
*Őrmező*, Z — Strážske — XIII в. (Perfeckij 89); 1451 г. (Csánki 359).
*Öszödfalva*, Ug., опустело, около села Чепа, имя основателя засвидетельствовано в 1300 г., а село наверно существовало уже в XIV в. (Szabó 446).
*Ötvösfalu*, M — Золотарево — Золотарево, Хуст. — кон. XIV в. (Bélay 178).
*Palágy*, U — Паладь, Великая — 1325 г. (Csánki 396).
*Pal gy Komoróc*, U — Komárovce — 1417 г. (Csánki 393).
*Palánka* см. Várpalánka.
*Pálfalva*, B, исчезло, лежало в районе гор Гать, упоминается между селами Камянское и Дубровка в 1600 г. (Dica).
*Palló*, U — Павловое — Павлово — 1311 г. (Ung m. 190).
*Pálóc*, U — Pavlovce nad Uhom — 1332—7 гг. (Csánki 386).
*Palota*, Z — Полата — Palota — 1330 г. (Perfeckij 10).
*Palózalja* см. Putpalóc.
*Palyi*, Sz, вариант названия: Orozpali; XIII в. (Maksai).
*Pályin*, U — Palín — 1214 г. (Perfeckij 95).
*Papfalva*, Z — опустело в перечне стоит между селами Удавске (Udva) и Любиша (Lyubise); 1549 г. (Dica).
*Papfalva*, B — Делок — 1371 г. (Csánki 418).
*Papgyörgyfalva*, B — Дюровица — 1600 г. (Dica).
*Papi*, B, 1311 г. (Leh. III. 410—411), в XIII в. имение (Györffy 546).
*Papi*, Csonka, B, 1369 г. (Leh. III. 203); 1416 г. (Csánki 418).
*Papina*, Z — Papín — 1451 г. (Csánki 359).
*Páporc*, U, в нач. XX в. усадьба около села Немецка Поруба (Német Poruba); 1453 г. (Csánki 396).
*Parihuzóc*, Z — Паригузовцы — Parihuzovce — 1599 г. (Dica).
*Parkelecen*, M, опустело, вариант названия: Porkolec; XVII в. (Bélay 179).
*Paskóc*, B — Пашковец — Пашковець, Воловець. — 1649 г. (Leh. III. 646).
*Pást*, Ug., опустело, около села Холмдовец (Halmi); 1319 г. (Szabó 447).
*Paszika*, B — Пасека — Пасiка, Сваляв. — 1600 г. (Dica).
*Paszika*, U — Пасека, Турья — Пасiка, Тур'я, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Pasztély*, Kis, Begenyát, Kosztyova, Rosztoka — Пастельки; Пастель, Костева; Пастель, Бегендят; Пастель, Ростоцкая — Пастiльки, Пастiль, Розтоцька, Великоберезнян. — Уже в 1582 г. были 4 Пастели, но в разных переписях имеют разные названия: в 1582 г.: Pastilka, Rosztoka, Daniló, Nagy Pasztély (Gabriel Vývoj 149); Ростоцкая Пастель (Rosztoka Pasztély) называется, как правило, одинаково, так в 1588 г. (Dica), в 1631 г. (U et C 105—1); Костева Пастель (Kosztova Pasztély) тоже часто встречается под тем же названием, так в 1588 г. (Dica), в 1599 г. (Dica), в 1631 г. (U et C 104—8); Бегендят Пастель (Begenyát Pasztély) под таким названием с 1602 г. по нашим данным (U et C 104—8); остальные названия: Hluskova Pasztély в 1588 г. (Dica) обозначает Пастельки или Бегендят Пастель; названия: Daniló P., Nagy P. в 1582 г. (Gabriel Vývoj 149) обозначают села: Костёва и Бегендят Пастели; Manajló P. в 1599 г. (Dica), в 1631 г. (U et C 105—1) является другим названием для с. Бегендят Пастель; Kovács P. в 1602 г. (U et C 105—1), в 1631 г. (U et C 105—1) обозначает Пастельки; за названием: Toste Pasztély в 1602 г. (U et C 104—8) скрывается село Ростоцкая П. Под названиями Нжн. и Вшн. Пастель (Alsó, Felső Pasztély) уже в 1552 г. (Dica) представляли собой два села, но которые из четырех, мы не можем сказать точно.
*Pasztilka* см. Pasztély.
*Patkanyóc*, B — Пацканево — Пацканьово, Мукачiв. — 1600 г. (Dica).
*Paulova*, B — Павлово — Павлово, Сваляв. — варианты названия до XVI в.: Paulya, Paulyan; 1444 г. (Csánki 418).
*Paulya* см. Paulova.
*Páznánfölde*, B, опустело; XII в. (Leh. III. 833).
*Pcsolina*, Z — Пчолиное — Pčoliné — 1549 г. (Dica).
*Perecsen*, U — Перечин — Перечин, Перечин. — может быть, уже в 1427 г.: Perechke (Csánki 396), наверное в 1552 г. (Dica).
*Perekreszna*, B — Перекрестный — вариант названия в 1600 г.: Perekreszt; 1600 г. (Dica).
*Perekreszt* см. Perekreszna.
*Pereszirova*, B — Пересирово — 1648 г. (U et C 53—18).
*Pernecfalva*, B, опустело, вариант названия: Perniszfalva, другое название: Mogyorósfalva (Leh. III. 834); 1600 г. (Dica).
*Perneszfalva* см. Pernecfalva.
*Péterfalva*, Ug. — Петрово — встречается во втор. пол. XIV в., но возникло раньше (Szabó 448).
*Péterfalva*, B, исчезло, упоминается между селами Медяница и Дюровица; 1600 г. (Dica).
*Peticse*, Z — Птичье — Ptičie — 1549 г. (Dica).
*Petróc*, U — Петровцы — 1552 г. (Dica).
*Petróc*, Z — Петровцы — Petrovce — 1321 г. (Perfeckij 87); в 1397 г.: Petroch, в 1419 г.: Opetroch, Wypetroch (Csánki 359).
*Petrova*, M — Petrova — сер. XIV в. (Bélay 179).
*Petruszovica*, B — Петрусовица — 1649 г. (Leh. III. 650).
*Pichnye*, Z — Пыхни — Pichne — 1549 г. (Dica).
*Pinkóc*, U — Пинковцы — Pinkovce — в 1394 г.: Pynkoch alio nomine Kozmathelke, в 1427 г. Пинкоц (Pynkoch) и Козмателке (Kozmathelke) две отдельные местности (Csánki 396).
*Pisztraháza*, B — Пистрялово — Пiстрялово, Мукачiв. — вариант названия в 1476 г.: Pistralhaza (Csánki 418).
*Pisztrálháza* см. Pisztraháza.
*Plavia*, B — Плавье — 1600 г. (Dica).
*Plesofalva*, B, исчезло, на неопределенном месте, упоминается между селами Береговец, Бузница (Buznica) и Росоши; 1600 г. (Dica).
*Ploszkánfalva*, B — Плоскановица — по мнению Т. Легоцкого семья, от которой село получило название, существовала уже в XVI в., в урбарах село засвидетельствовано в 1649 г. (ср. Leh. III. 652).
*Ploszkanovica* см. Ploszkánfalva.
*Ploszkó*, B — Плоское — 1597 г. (Leh. III. 653).
*Ploszkópatak*, B, другое название в 1600 г.: Kornapatak; 1600 г. (Leh. III. 653).
*Podhering*, B — Подгоряны — Пiдгоряни, Мукачiв. — вариант названия: Pothorén; 1389 г. (Csánki 419).
*Podhorén* см. Podhering.
*Podovec*, M — Подобовец — нач. XVII в. (Bélay 179).
*Polena*, B — Поляна — Поляна, Сваляв. — 1548 г. (Dica).

*Polyána*, Borisz, M, может быть тождественно с селом Майдан (укр. Майдан, Міжгір.), которое до XIX в. не засвидетельствовано; 1599 г. (Bélay 130).
*Polyána*, Kabola, M — Поляна, Кобылецкая — Поляна Кобилецька, Рахів. — другое название в 1672 г.: Soprucz Poliana; втор. пол. XVI в. (Bélay 158).
*Polyána*, Kaszó, M — Поляна, Косовская — Поляна, Косівська, Рахів. — сер. XVII в. (Bélay 161—162).
*Polyána*, Lipcse, M — Поляна, Липецкая — Поляна, Липецька, Хуст. — кон. XVI в. (Bélay 179).
*Polyána*, Nagy, Z — Поляна, В. — Poľana, Veľka, — 1549 г. (Dica).
*Polyána*, Ruszkova, M — Поляна, Русская — кон. XIV в. (Bélay 180).
*Polyána*, Sajó, M — Poienile-Glodului — нач. XV в. (Bélay 180).
*Polyána*, Szinevér, M — Поляна, Синевирская — Поляна, Синевирська, Міжгір. — конец XVII в. (Bélay 201).
*Polyána*, Turja, U — Турья Поляна — Поляна, Тур'я, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Polyána*, Volya, Z, 1549 г. (Dica).
*Polyánka*, B — Лоза — под названиями: Лоза (Lóza) и Недьфорраш (Négy forrás); 1418 г. (Csánki 419).
*Polyánka*, Nechval, Z — Polianka, Nechválova — 1599 г. (Dica).
*Polyánka*, Sáros, U — Poliánka, Blatná — до сер. XVI в.: Polyánka; 1417 г. (Csánki 396).
*Poroskó*, U — Порошково — Порошково, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Porosztó*, U — Поростово — Porostov — варианты названия в 1444 г.: Porosthohaza, в 1437 г.: Porozlohaza al. nom. Jakabháza; 1444 г. (Csánki 396).
*Porosztóháza* см. Porosztó.
*Poruba*, Német, U — Poruba, pod Vihorlátom (Nemecká) — варианты названия: в 1419 г.: Nemethporupka, в 1425 г.: Nemethwagas, в 1437 г.: Nemethporuba; 1419 г. (Csánki 396).
*Poruba*, Ördög, U — Porúbka — в 1451 г.: Ewrdewgporwbka; 1451 г. (Csánki 396).
*Porubka*, Z — Порубка — Porúbka — 1454 г. (Csánki 360).
*Pósaháza*, B — Павшин — Павшин, Мукачів. — и под названием: Horosztó; XIV в. (Leh. III. 661).
*Posnyákfalva* см. Puznyákfalva.
*Prekopa* см. Prikopa.
*Prikopa*, U — Прикопа — Priekopa — варианты названия: в 1419 г.: Prwkopa, в 1437 г.: Prekopa; 1419 г. (Csánki 396).
*Priszlop*, M — Прислоп — 1651 г. (Bélay 181).
*Priszlop*, Z — Прислоп — Príslop — 1599 г. (Dica).
*Pruznya*, B, исчезло, упоминается между селами Нижняя Грабовница и Луково; 1570 г. (Dica).
*Ptruchsa*, U — Ptruksa — варианты названия в 1445 г.: Puska, в 1427 г.: Pwxa; 1427 г. (Csánki 396).
*Putka Helmec* см. Helmec, Putka, Korlát.
*Putpalóc*, B — Подполозье — Підполоззя, Воловец. — другое название: Palozalja; 1430 г. (Csánki 418).
*Puxa* см. Ptruchsa.
*Puznyákfalva*, B — Поздняковцы — Пузняківці, Мукачів. — 1600 г. (Dica).
*Rabonica* см. Hrabonica.
*Radics*, U, в нач. XX в. усадьба между селами Батва (Bátfa) и Будагаза (Budaháza); 1323 г. (Csánki 397).
*Radvánc*, U — Радванка — Радванка, Ужгород. — 1427 г. (Csánki 397).
*Radvány*, Z — Радвань — Radvaň, Vyšná — XIII в. (Perfeckij 85), в 1475 г.: Radvanya, в нач. XX в. Избудя Радвань (Izbugya Radvány) (Csánki 360).
*Rafajna*, B — Рафайлово — 1285 г. (Csánki 419).
*Rahó*, Akna, M — Рахово — 1672 г. (Bélay 182).
*Rahó*, Bocskó, M — Рахов — Рахів, Рахів. — вариант названия в 1447 г.: Raho Mezeu; XV в. (Bélay 181).
*Rahómező* см. Rahó, Bocskó.
*Rahonca*, U — Ореховица — Оріховиця, Ужгород. — 1451 г. (Csánki 397).
*Rakasz*, Ug. — Рокосово — Рокосово, Хуст. — 1300 г. (Szabó 452).
*Rakó*, U — Раково — Раково, Перечин. — 1552 г. (Dica).



*Rákoc*, Ug. — Раковец, В., М. — Раковець, Великий, Малий, Іршав. — заселено от 1330 г. до 1350 г. (Szabó 457).
*Rákos*, Sz — Racşa — вариант названия: Raksa, Raxa; кон. XV в. (Maksai 199).
*Rákos*, B — Ракошино — Ракошино, Мукачів. — 1333 г. (Csánki 419).
*Rákosújfalu*, B, лежало около села Ракошино; 1572 г. (U et C 53—45).
*Ramocsa Gejőc* см. Gejőc, Kis, Nagy.
*Ráska*, Kis, Nagy, Z — Raškovce, Malé, Veľké — варианты названия в 1351 г.: Rasca, Eghazasrasca, в 1487 г.: Naghraska, Kysraska; 1351 г. (Csánki 360).
*Rát*, Kis, Nagy, U — Ратовцы — Ратівці, Ужгород — с. Рат (Rát), вероятно В. Рат (Nagy Rát), появилось уже в XIII в. (Perfeckij 93), в XV в. можно найти и М. Рат (Kis Rát) (Csánki 397).
*Ravaszmező*, M — Лисичево — Лисичово, Іршав. — нач. XV в. (Bélay 182).
*Rebrin*, U — Rebrín — в 1299 г.: Rubren, в 1417 г.: Rebreen, в 1427 г.: Rebren; 1299 г. (Csánki 397).
*Rekica* см. Likicár.
*Rekita*, M — Рекита — кон. XVI в. (Bélay 183).
*Remete*, B — Ремети, Верх., Нжн. — Ремети, Верхні, Нижні, Берегів. — другое название: Kis Bereg; 1329 г. (Csánki 419, Leh. III. 675).
*Remete*, M — Ремета — монастырь был основан в 1363 г. (Bélay 183).
*Remete*, Alsó, U, в XX в.: Sáros Remete — Remety, Blatné — 1419 г. (Csánki 397).
*Remete*, Felső, U — Remetské Hámre — около 1520 г. и под названием: Oláh Remete (Csánki 397); 1419 г. (Csánki 397).
*Remete*, Turja, U — Ремети, Турьи — Ремети, Тур'ї, Перечин. — вероятно, уже в 1451 г. (Csánki 397).
*Repede*, B — Быстрица (Ряпедь) — 1465 г. (Csánki 419).
*Rév*, B, опустело, лежало около села Иршава; 1458 г. (Csánki 419).
*Révbach*, B, опустело, около села Адонь; 1412 г. (Leh. III. 834).
*Reviscse*, Felső, Sáros, U — Revištia Vyšné, Blatné — от 1419 г. под общим названием с разными селами и под тем же названием с первыми членами: Kis, Nagy, Alsó, Felső (Csánki 397).
*Ribnice*, Alsó, Felső, U — Rybnica, Nižná, Vyšná — в 1419 г.: Rybnychke, Rybnyche, в 1449 г.: Nagyrebnycze, Kysrebnicze (Csánki 397), первые данные от XV в. (Csánki 397).
*Ribnicke* см. Ribnice.
*Ricska*, M — Речка — в 1600 г. (Bélay 183).
*Rikita* см. Rekita.
*Ripina*, M — Рипинное — Рипинне, Міжгір. — варианты названия в 1457 г.: Rypina, в 1471 г.: Rypunya, в 1517 г.: Ripynna; нач. XV в. (Bélay 184).
*Rokitó*, Homonna, Z — Рокитов, Гуменский — Rokytov, Humenský — с первым членом: Homonna в 1696 г. (Dica), но оно могло существовать и раньше.
*Rokitó*, Izbugya, Z — Rokytov, Zbudský — в 1463 г.: Roykytho; 1463 г. (Csánki 361).
*Rokitóc*, Z — Рокитовцы — Rokytovce — 1599 г. (Dica).
*Romanóc*, B — Романовец — 1648 г. (U et C 53—18).
*Románpataka*, B, исчезло около села Яблоново — 1411 г. (Csánki 419).
*Romocsaháza*, B — Ромочевица — Ромочевиця, Мукачів. — в 1389 г. уже существует семья Рамочаи (Ramocsai), т. е. из села Ромочевица (Leh. III. 678).
*Róna, Alsó*, M — Rona-de-Jos — пер. пол. XIV в. (Bélay 185).
*Róna, Felső*, M — Руна, Верх. — Rona-de-Sus — 1360 г. (Bélay 185).
*Roszos*, B — Росоши — 1600 г. (Dica).
*Rosztoka*, Z — Roztoka, Kalná — 1599 г. (Dica).
*Rosztoka*, M — Ростока — 1651 г. (Bélay 187).
*Rosztoka*, Alsó, U, появилось в 1631 г. (U et C 105—1).
*Rosztoka*, Bereg, B — Ростока — 1586 г. (Leh. III. 680).
*Rosztoka*, Hrabova, Z — Ростока, Грабова — Roztoka, Hrabová — 1599 г. (Dica).
*Rosztoka*, Kis, B — Ростока, Верх. — 1649 г. (Leh. III. 680).
*Rosztoka*, Nagy, B — Ростока, Нжн. — 1600 г. (Dica).
*Rosztoka Pasztély* см. Pasztély.
*Rosztoka Sztakcsin*, Z — Ростока, Стащин — Roztoka, Stakčianska — 1635 г. (Dica).
*Rosztoka*, Új, B — Ростока, Н. — Розтока, Нова, Воловец. — 1649 г. (Leh. III. 681).

*Roszucska*, M — Росошка — Росішка, Рахів. — сер. XVII в. (Bélay 187).
*Rozavlya*, M — Rozavlea — около 1330 г. (Bélay 187).
*Rozdely* см. Novoszelica.
*Rozgyila*, B, опустело, на Верховине, по Т. Легоцкому оно принадлежало Чинадиевской латифундии уже в XVI в., но первые данные имеются из 1691 г. (Leh. III. 835).
*Runófalva*, B — Жборовцы — 1600 г. (Dica).
*Runyina*, Z — Runina — вариант названия: Rovnina; 1635 г. (Dica).
*Ruszka*, U — Ruská — 1298 г. (Perfeckij 94); 1332—7 (Csánki 398).
*Ruszka*, Z — Русское — Ruská. — 1599 г. (Dica).
*Ruszka*, Sz, в нач. XX в. усадьба на территории имения Яноши (Jánosi); 1357 г. (Maksai 203).
*Ruszkóc*, B — Русское — Руське, Мукачів. — другое название: Oroszfalu; XIV в. (Csánki 418).
*Ruszkóc*, U — Руссковцы — Ruskovce — 1419 г. (Csánki 398).
*Ruszkova*, M — Ruscova — сер. XIV в. (Bélay 188).
*Ruszkova Polyána* см. Polyána, Ruszkova.
*Sajó*, M — Şieu — сер. XIV в. (Bélay 188).
*Sajó Polyána* см. Polyána, Sajó.
*Salamon*, U — Саламунова — 1312 г. (Ung m. 192).
*Salánk*, Ug. — Шаланки — 1332—37 гг. (Szabó 461).
*Sámogy*, Z — Шамудовцы — Šamudovce — 1444 г. (Csánki 361).
*Sándorfalva*, B см. Tőkés.
*Sándorfalva*, M — Александровка (Шандрово) — Олександрівка, Хуст. — нач. XV в. (Bélay 189).
*Sárad*, Alsó, Ug. — Шарад, Нжн. — XIV в. (Szabó 277).
*Sárad*, Felső, Ug. — Широкое (Шарад, Верх.) — Широке (Шард, Верхній), Виноградів. — XV в. (Szabó 346).
*Sarkad*, B — Горбок (Шаркадь) — Горбок (Шаркадь), Іршав. — в XIV в. и под названием: Oroszfalu; 1398 г. (Csánki 419).
*Sarkad*, Kis, B, опустело, около села Горбок; 1600 г. (Dica).
*Sáros Oroszi* см. Oroszi, Sáros.
*Sáros Polyánka* см. Polyánka, Sáros.
*Sáros Reviscse* см. Reviscse, Felső, Sáros.
*Sásvár*, Ug. — Тростник (Шашвар) — Тросник (Шашвар), Виноградів. — 1300 г. (Szabó карта).
*Schönborn*, Alsó см. Újfalu, Kis.
*Schönborn*, Felső см. Kerepec, Oláh.
*Sebespatak* см. Bisztra, Felső, M.
*Selesztó*, B — Шелестово — Шелестово, Мукачів. — XVII в. (ср. Leh. III. 692).
*Serbóc*, B — Щербовец — шолтысская грамота 1612 г. (Leh. III. 695).
*Sid*, B, в нач. XX в. усадьба в селе Дравцы — 1307 г. (Csánki 419).
*Sikat*, U, исчезло, встречается без точного определения места; 1425 г. (Csánki 398).
*Simonüllése*, U, опустело, около села Трнава (Tarna); 1419 г. (Csánki 398).
*Sislóc*, U — Шишловцы — 1323 г. (Csánki 398).
*Skuratóc*, B — Шкуратовцы — вариант названия: Skuratócfalva; 1600 г. (Dica).
*Smugóc*, Z — Шмиговцы — Šmigovec — 1599 г. (Dica).
*Sófalva*, M — Данилово — Данилове, Хуст. — нач. XV в. (Bélay 189).
*Solymos*, U — Iňačovce — 1417 г. (Csánki 398).
*Som*, B — Шом — 1272 г. (Csánki 419).
*Sómező*, U — Соль — 1599 г. (Dica).
*Somos*, M — Cornești — сер. XV в. (Bélay 190).
*Sopruc Polyána* см. Polyána, Kabola.
*Sóspatak*, M — Slătiora — около 1400 г. (Bélay 202), по карте В. Белаи XV в.
*Sósújfalu*, Ug. — Новоселица — Новоселиця, Виноградів. — пер. пол. XVII в. (Szabó 475).
*Sterkóc*, Z, 1549 г. (Dica).
*Straskháza*, U, в нач. XX в.: Traskpuszta; 1427 г. (Csánki 398).
*Sugatag*, M — Ocna-Şugătag — 1360 г. (Bélay 190).



*Surány*, B, в XIV в.: Nagy Surány, Kis Surány; 1280 г. (ср. Leh. III. 701, Csánki 419).
*Szacsal*, M — Săcel — пер. пол. XV в. (Bélay 191).
*Szadava*, B, опустело, лежало около села Облаз (Obláz); 1599 г. (Leh. III. 835).
*Szajkófalva*, B — Осой — Осій, Іршав. — 1600 г. (Dica).
*Száldobos*, M — Стебловка (Салдобош) — Стеблівка (Салдобош), Хуст. — 1389 г. (Bélay 191).
*Szalka*, B, варианты названия: Szalóka (Csánki 419), Szálka (Leh. III. 709); 1348 г. (Leh. III. 709), в 1298 г. имение (Györffy 548).
*Szalóka* см. Szalka.
*Szalyavka*, U, вариант названия в 1599 г.: Zvalenka; 1599 г. (Dica), 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Szaniszlófalva*, B, опустело, лежало на юг от села Хмельник, другие названия Halászfalva (Csánki 419), в 1614 г.: Utifalva (Leh. III. 819); XIV. (Csánki 419).
*Szaplonca*, M — Săpînţa — нач. XIV в. (Bélay 192).
*Szárazpatak*, Ug. — Valea-Seacă — пер. пол. XV в. (Szabó 477).
*Szarvaszó*, M — Сарвасово — Sarasău — около 1300 г. (Bélay 193).
*Szász* см. Beregszász.
*Szászfalu*, Ug. — Сасово — Сасово, Виноградів. — XIII в. (Szabó 479).
*Szaszóka*, B — Сасовка — друг. назв.: Szaszuka, шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 708).
*Szaszuka* см. Szaszóka.
*Szeklence*, M — Сокирница — Сокирниця, Хуст. — сер. XIV в. (Bélay 194).
*Székó*, U — Сейков — Sejkov — 1427 г. (Csánki 398).
*Szelemenc*, Nagy, U — Slemence, Veľké — 1332—1337 гг. (Csánki 398).
*Szelemenc*, Kis, U — Slemence, Malé — 1552 г. (Dica).
*Szelepke*, Z — Sliepkovce — в 1345 г.: Selephke, в 1460 г.: Zelepka (Csánki 362).
*Széles Lonka* см. Lonka, Széles.
*Szelistye*, Alsó, M — Селище — нач. XV в. (Bélay 195).
*Szelistye*, Felső, M — Saliştea-de-Sus — XIV в. (Bélay 196).
*Szemere*, Ó, U — Симерь — Сімер, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Szemere*, Új, U — Симерки — Сімерки, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Szenna*, U — Senné — 1325 г. (Csánki 398).
*Szentes*, U — Сентуш — Svätuš (Sentuš) — в 1386 г.: Zenthushaza, около 1520 г.: Zenteske (Csánki 398).
*Szentmiklós*, B — Чинадиево — Чинадієво, Сваляв. — 1214 г. (Csánki 412); и под названием: Szolyva Szentmiklós (Csánki 412).
*Széphegy*, Ug., исчезло, в районе гор Аваш; XIV в. (Szabó 483).
*Szerednye*, Z, исчезло между селами Нжн. Яблонка и Пчолиное в 1549 г. (Dica).
*Szerednye*, U — Середнее — Середнє, Ужгород. — в XV в. город; XIV в. (Csánki 386).
*Szeremfalva* (Zeremenfalva), B, опустело, упоминается между селами Грабово и Хиузфалва (Hiuzfalva); 1599, 1600 гг. (Dica).
*Szerencsfalva*, B — Счастливое — 1600 г. (Dica).
*Szeretva*, Kis, Nagy, U — Stretavka, Stretava — в 1332—7 гг.: Ziruthwa, но в 1337 г.: Nogzerethua (Csánki 398), поэтому существовало и село Стретавка (Kis Szeretva); Стретава впервые упоминается в 1266 г. (Perfeckij 92).
*Szerfalva*, M — Sîrbi — варианты названия в 1450 г.: Zenfalva, в 1470 г.: Zerpfalva, в 1475 г.: Syrpfalwa, в 1479 г.: Zeepfalwa, в 1604 г.: Zerfalva; впервые упоминается в 1459 г. (Bélay 196), было тождественно с опустевшим селом Балотафалва (Balotafalva), или, по крайней мере, было около него (Bélay 196).
*Szernye*, B — Свобода — 1282 г. (Leh. III. 730), 1333 г. (Csánki 419).
*Szeronica*, U, опустело, принадлежало имении Есенёц (Csánki 398).
*Szidorfalva*, B — Грабово — Грабово, Мукачів. — 1600 г. (Dica).
*Sziget*, M — Сигот — Sighet — по карте В. Белаи XIII в.
*Sziget*, B, опустело, лежало между селами Киш Лоня (Kis Lónya) и Яворово (Eszeny) комитата Сабольч; 1450 г. (Csánki 419).
*Szinevér*, M — Синевир — Синевир, Міжгір. — втор. пол. XVI в. (Bélay 200).
*Szinevér Polyána* см. Polyána, Szinevér.
*Szinna*, Z — Snina — 1451 г. (Csánki 363).
*Szirma*, Ug. — Деренковец — 1251 г. (Szabó 484).
*Szkolinkofalva*, B, исчезло, упоминается между селами М. Бобовище (Kis Bubuliska), Матфалва и Микуловцы; 1600 г. (Dica).

*Szkotárszka*, B — Скотарское — Скотарське, Воловец. — шолтысская грамота 1607 г. (Leh. III. 735).
*Szlatina*, M, опустело; 1360 г. (Bélay 201).
*Szlatina*, M, — Солотвина — XIV в. (Bélay 201).
*Szlatina*, Akna, сер. XVIII в., около Слатины (Bélay 201).
*Szlatina*, Kis, U Солотвина, Верх. — 1552 г. (Dica).
*Szlatina*, Nagy, U — Солотвина, Нжн. — Солотвина, Нижня, Ужгород. — 1421 г. (Csánki 398).
*Szlatinka* см. Sóspatak.
*Szlopófalva*, B, опустело, в долине реки Вызница, граничила с селом Турьи Ременты; 1649 г. (Leh. III. 837).
*Szmolnica*, Z — Смольник — Smolnik — вариант названия в 1599 г.: Szmolnik; 1599 г. (Dica).
*Szmolnik* см. Szmolnica.
*Szmrekova*, U — Смерекова — 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Szobránc*, U — Собранцы — Sobrance — 1419 г. (Csánki 387).
*Szocsogó* (или Csecsehóc), U —Čečehov — в 1419 г.: Wyzwchwgo, в 1427 г.: Sachogo, в 1449 г.: Zochogo (Csánki 398).
*Szolocsina*, B — Солочин — 1600 г. (Dica).
*Szolonovics*, B, исчезло, вариант названия: Szoluncsukfalva, в долине реки Вызница; 1599, 1600 г. (Dica).
*Szoluncsukfalva* см. Szolonovics.
*Szolyva*, B — Свалява — Свалява, Сваляв. — XII—XIII вв. (Leh. III. 738).
*Szolyva Szentmiklós* см. Szentmiklós.
*Szolyva Újfalu*, B, опустело, около села Свалява; до 1576 г. (U et C 53—45).
*Szoputnikfalva*, B, опустело, между селами М. Быстрый (Kis Bisztra), Корнапатак и Оленево; 1600 г. (Dica).
*Szöllős*, Nagy, Ug. — Виноградов — Виноградів, Виноградів. — 1262 г. (Szabó 419).
*Szöllős Végardó* см. Végardó, Szöllős.
*Sztakcsin*, Z — Стащин — Stakčin — 1549 г. (Dica).
*Sztánfalva*, B — Станово — 1364 г. (Csánki 419).
*Sztankóc*, Z — Станков — Stankovce — 1352 г. (Perfeckij 89); 1454 г. (Csánki 363).
*Sztára*, Z — Staré — 1273 г. (Perfeckij 88); в 1332—7 гг.: Straca, в 1419 г.: Ztara (Csánki 364).
*Sztarina*, Z — Старина — Starina — 1549 г. (Dica).
*Sztavna*, U — Ставное — Ставне, Великоберезнян. — 1549 г. (Gabriel Vývoj 14).
*Sztolecfalva*, B, опустело, на восток от села Бобовище, шолтысская грамота 1611 г. (Leh. III. 838).
*Sztrabicsó*, B — Страбичево — Страбичово, Мукачів. — 1466 г. (Csánki 419).
*Sztranyán*, U — Straňany — 1419 г. (Csánki 387).
*Sztricsava*, U — Стричава — Стричава, Великоберезнян. — 1602 г. (U et C 104—8).
*Sztrihóc*, Orosz, Z — Strihovce — 1549 г. (Dica).
*Sztrippa*, U — Стрипа — Стрипа, Ужгород. — в 1451 г.: Stripo (Csánki 399).
*Sztrojánfalva* см. Sztrojna.
*Sztrojfalva* см. Sztrojna.
*Sztrojna*, B — Стройно — Стройно, Сваляв. — варианты названия: Sztrojfalva, Sztrojánfalva (Csánki 419). В книге Т. Легоцкого неправильно пишется, что в 1600 г. оно называлось еще Козива, Козьё (Koziva, Kozio) и возникло из слияния сел Козива (Koziva) и В. Мельничный (Nagy Melnicsna) (Leh. III. 746), так как у Д. Чанки засвидетельствовано уже в 1430 г. (Csánki 419).
*Sztuzsica*, Ó, U — Стужица, Ст. — Стужиця, Стара, Великоберезнян. — 1599 г. (Dica).
*Sztuzsica*, Új, U — Стужица, Н. — 1602 г. (U et C 104—8).
*Szuha*, U — Суха — 1599 г. (Dica).
*Szuha* см. Szuhapatak.
*Szuhapatak*, M — Сухая — Суха, Іршав. — конец XVII в. (Bélay 202).
*Szundákfalva*, B — Сундаковица — другое название в 1672 г.: Kis Ilosva; 1650 г. (Leh. III. 749). Т. Легоцкий в статье: Kis Ilosva не отмечает, что Сундаковица имела и название: Kis Ilosva.



*Szunyogmező*, B, лежало около села Белки, другие названия: Komár, Komoród, Komoró, Komorótelek, Kőmező (?), Dienestelek (?); 1447 г. (Csánki 419).
*Szurdékfalva*, B, исчезло, на неопределенном месте; возникло в XVI в. до 1576 г. (U et C 53—45).
*Szurdok*, M — Strămtura — XIV в. (ср. Bélay 202).
*Szuszkó*, B — Сусково — 1465 г. (Csánki 419).
*Szürte*, U — Струмковка — 1332—7 гг. (Csánki 399).
*Szvalyavka*, B — Свалявка — 1561 г. (U et C 53—12).
*Szvatelecfalva*, B, опустело, между селами Чабин и Дубино; 1570 г. (Leh. III. 839).
*Szvecsa*, U, исчезло, упоминается между селами Тихий и Ставное; 1602 г. (U et C 104—8).
*Szvinika*, M, опустело, около села Долгое; сер. XVII в. (Bélay 203).
*Tákos*, B, 1357 г. (Csánki 420).
*Talaborfalu*, M — Теребля — Теребля, Тячів. — 1389 г. (Bélay 203).
*Talamás*, B — Таламаш — шолтысская грамота 1625 г. (Leh. III. 752).
*Tamásváralja*, Ug. — Tămăşeni — крепость Тамашвар (Tamásvár) около 1280 г., село Тамашвараля (Tamásváralja) в нач. XIV в. (Szabó 493).
*Taracköz*, M — Тересва — Тересва, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 204).
*Tarkacs*, B, упоминается между селами Зубовка и Бородовка в 1550 г. (Dica), под названием Таркачфалва (Tarkacsfalva) в 1549 г. (U et C 53—45).
*Tarna*, U — Trnava pri Laborci (Tarnava) — XIII в. (Perfeckij 96); в 1408 г. уже было и село М. Тарнава (Kis Tarna), в 1419 г.: Alsótarna, Felsewtarna (Csánki 399).
*Tarna, Kis*, U, опустело, между селами Винна (Vinna) и Тарнава (Tarna); 1408 г. (Csánki 399).
*Tarna*, Kis, Ug. — Хижи — Хижі, Виноградів. — по мнению И. Сабо в пер. пол. XVI в. стало самостоятельным селом, но первые данные из 1629 г. (Szabó 394).
*Tarna*, Nagy, Ug. — Tărna-Mare — 1430 г. (Szabó 436).
*Tarnóc*, U — Терновцы — 1332 –1337 гг. (Csánki 399).
*Tarnóc*, Kis, B, опустело; 1423 г. (Csánki 399).
*Tarpa*, B, 1321 г. (Csánki 420).
*Tarsolc*, Sz — Tîrşolţ — XIV в. (Maksai 218).
*Tasolya*, U — Ташоля — Tasuľa — 1438 г. (Csánki 399).
*Técső*, M — Тячев — Тячів, Тячів. — по карте В. Белаи XIII в., первые данные 1336 г. (Bélay 205).
*Técső*, Kis, M, исчезло, на реке Тячев; 1389 г. (Bélay 208).
*Tegenye*, U — Ťahyňa (Tegeňa) — 1427 г. (Csánki 399).
*Tekeháza*, Ug. — Теково — Теково, Виноградів. — пер. пол. XIV в. (Szabó 496).
*Telepóc*, Z — Osadné (Telepovce) — 1635 г. (Dica).
*Terebes*, Tur, Ug. — Тур Теребеш — Turulung — 1216 г. (Szabó 525).
*Terep*, Sz — Trep — XV в. (Maksai 220).
*Tereselpataka*, M — Тересовка — нач. XVII в. (Bélay 208).
*Tiba*, U — Цибава — Tibava — крепость уже в 1337 г.: Castrum desertum Tybauara, в XIV в. есть уже Нжн. Вшн. Цибава (Alsó, Felső Tibava) под разными названиями (ср. Csánki 387); впервые упоминается в 1284 г. (Perfeckij 92).
*Tibava*, Kis, B — Тибава, М. — шольтысская грамота 1645 г. (Leh. III. 762).
*Tibava*, Nagy, B — Тибава, В. — шолтысская грамота 1592 г. (Leh. III. 762).
*Tiha*, U — Тихий — Тихий, Великоберезнян. — 1599 г. (Dica).
*Timsor*, B — Лазы — 1600 г. (Dica).
*Tisova*, B — Тишов — 1648 г. (U et C 53—18).
*Tisza Keresztúr* см. Keresztúr, Tisza.
*Tisza Újhely* см. Újhely, Tisza.
*Tisza Újlak* см. Újlak, Tisza.
*Tivadar*, Ug. — Федерово — лицо, по которому село названо, жило в XIII в., впервые упоминается село в XIV в. (Szabó 518).
*Tivadarfalva*, B, 1370 г. (Csánki 420).
*Topolya*, Z — Тополя — Topoľa — XV в. (данные см. Topolyán).
*Topolyán*, Z — Topoľany — в 1397 г.: Taplia, в 1408 г.: Topola, в 1419 г.: Wytopolya, Otopolya (Csánki 364), одно из них, вероятно, тождественно с Тополей (Topolya).
*Toronya*, M — Торунь — Торунь, Міжгір. — пер. пол. XVII в. (Bélay 208).

*Toszte Pasztély* см. Pasztély.
*Tót Jablonya* см. Jablonya, Tót.
*Tót Kriva* см. Kriva, Tót.
*Tőkés*, B — Колодное — другое название: Sándorfalva; XV в. (Csánki 420).
*Tribusa*, M — Деловое (Требушаны) — Ділове (Требушани), Рахів. — кон. XVI в. (Bélay 208).
*Trojánfalva*, B, исчезло, встречается между селами Изгогафалва (Izgogafalva) и Ванькофалва (Vanykófalva); 1600 г. (Dica).
*Trosztjanfalva* см. Trosztyanica.
*Trosztyanica*, B — Тростяница — вариант названия в 1600 г.: Trosztjanfalva; 1600 г. (Dica).
*Turc*, Ug. — Turţ — 1385 г. (Szabó 522).
*Turica*, Kis, U — Турица, (M.) — Туриця, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Turica*, Nagy, U — Турица, (B.) — Туриця, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Turja Bisztra* см. Bisztra, Turja.
*Turja Polyána* см. Polyána, Turja.
*Turja Remete* см. Remete, Turja.
*Tur Terebes* см. Terebes, Tur.
*Turvékonya*, Sz — Tur — по карте книги Ф. Макшаи XIV в. (Maksai).
*Tyuska*, M — Тюшка — кон. XVI в. (Bélay 209).
*Ublya*, Z — Убля — Ubľa — урбар 1549 г. (Gabriel Vývoj 146).
*Ubrezs*, U — Úbrež — 1419 г. (Csánki 399).
*Udva*, Z — Udavské — 1451 г. (Csánki 364).
*Uglya*, M — Угля — Угля, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 209).
*Ugocsa*, Ug, опустело, около Виноградова; втор. пол. XII в. (Szabó 534).
*Ugornya*, B, 1384 г. (Csánki 420).
*Új Apsa* см. Apsa, Új.
*Új Bárd* см. Bárd, Új.
*Új Bisztra* см. Diskovica.
*Újfalu*, Sz, в нач. XX в.: Alsó és Felső Újfalu — Satul-Nou-de-Jos, Satul-Nou-de-Sus — в XV в. оно уже могло существовать (ср. Maksai 226).
*Újfalu*, Kis, B — Новое село — в 1484 г.: Kisfalu, в 1495 г.: Kis Újfalu, в XIX в.: Alsó Schönborn (Leh. III. 688).
*Újfalu*, M, опустело, возникло на месте Копачфалва (Kopácsfalva) около села Крачешть (Kracsfalva), варианты названия в 1517 г.: Kopach alias Nagypatak, в 1561 г.: Nagi Patak alias Wyfalu (Bélay 211).
*Újfalu*, Bereg, B — Новоселица — 1378 г. (Leh. III. 150).
*Újfalu*, Szolyva см. Szolyva Újfalu.
*Új Gézsény* см. Gézsény, Ó, Új.
*Újhely*, Tisza Ug. — Вуйгель — 1360 г. (Szabó 505).
*Új Holyatin* см. Holyatin, Új.
*Új Kemence* см. Kemence, Új.
*Újlak*, Tisza, Ug. — Вилок (Вылок) — Вілок, Виноградів. — нач. XIV в. (Szabó 511).
*Új Petróc* см. Petróc.
*Új Szemere* см. Szemere, Új.
*Új Szocsogó* см. Szocsogó.
*Új Topolya* см. Topolyán.
*Ulics*, Z — Улич — Ulič — 1599 г. (Dica).
*Uklina*, B — Уклин — 1649 г. (Leh. III. 775).
*Ulykovec*, B, опустело, около села Плоское (Leh. III. 840); 1599 г. (Dica).
*Ungvár*, U — Ужгород — Ужгород, Ужгород. — древнее закарпатское поселение.
*Urkurtelek*, B, опустело; 1255 г. (Leh. III. 840).
*Úrmező*, M — Русское Поле (Урмезиево) — Руське Поле (Урмезієво) — сер. XIV в. (Bélay 211).
*Usinka* см. Vulsinka.
*Utifalva* см. Szaniszlófalva.
*Uzkofalva*, B, исчезло, упоминается между селами Лалово, М. Лалово (Kislányfalva) и Новоселица; 1600 г. (Dica).
*Uznik*, B, исчезло, упоминается между селами Плавье и Брестов; 1600 г. (Dica).



*Uzsok*, U — Ужок — Ужок, Великоберезнян. — 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Vágás*, U, опустело, граничило с селом Доманинцы, вариант названия в 1414 г.: Nagvagas; 1412 г. (Csánki 399).
*Vajan*, U — Vojany (Vajany) — 1323 г. (Perfeckij 93); 1427 г. (Csánki 399).
*Vajkóc*, U — Vojkovce (Vajkovce) Kapusianške — 1405 г. (Csánki 399).
*Vajnág*, M — Вонегово — Вонігово, Тячів. — сер. XIV в. (Bélay 212).
*Vajnátina*, U — Войнатина — Vojnatina — 1552 г. (Dica).
*Valaskóc*, Z — Валашковцы — Valaškovce — 1245 г. (Perfeckij 88).
*Valentóc*, Z — Валентовцы — 1599 г. (Dica).
*Valkaja*, U — Волковое — Вовкове (Вовковиї), Ужгород. — 1421 г. (Csánki 399).
*Vámfalu*, Sz — Vama — XIV в. (Maksai 231).
*Vámos Atya*, B, до XVI в. под названиями: Atya, Vámos Atya; 1327 г. (Csánki 413).
*Váncsfalva*, M — Oncești — варианты названия в 1405 г.: Vanchokfalva, Vanchikfalva, в 1459 г.: Wanchwfalwa, в 1463 г.: Wanchakafalwa; по карте В. Белаи XIV в. (Bélay)
*Vanykofalva*, B, опустело, около села Бабичи (Leh. III. 841), упоминается между селами Троянфалва (Trojánfalva) и Ивашковица; 1600 г. (Dica).
*Váralja*, B — Подгород — 1773 г. (Lexicon 52).
*Váralja*, U — Podhorod' — в 1419 г.: Utraque Waralja (Csánki 400).
*Váralja*, M, засвидетельствовано лишь в 1360 г. (Bélay 214).
*Vári*, B — Вари — Вари, Берегів. — 1241 г. (Csánki 412).
*Várkond*, U, в нач. XX в. усадьба между селами Михаловце (Nagy Mihály) и Винне; 1419 г. (Csánki 400).
*Várpalánka* — Паланки — Паланки, Мукачів. — вариант названия: Palánka, в XVII в. еще часть крепости (Leh. III. 776), позже стало селом (Leh. III. 777).
*Vásáros Namény* см. Namény, Vásáros.
*Végardó*, Beregszász, B — Чеповка — Чепівка, Берегів. — 1333 г. (Leh. III. 20).
*Végardó*, Szöllős, Ug. — Подвиноградов (Ардовец) — Підвиноградів (Ардовець), Виноградів. — 1295 г. (Szabó 489).
*Végső Viznice* см. Viznice, Felső.
*Veléte*, Ug. — Велятин — Велятин, Хуст. — втор. пол. XIII в. (Szabó 535).
*Verbias*, B — Вербяж — 1600 г. (Dica).
*Verbjás* см. Verbiás.
*Verbóc*, U — Vrbovec — 1419 г. (Csánki 400).
*Verbőc*, Ug. — Вербовец — 1251 г. (Szabó 539).
*Veréce*, Ug. — Веряца — Веряця, Виноградів. — 1355 г. (Szabó 544).
*Verecke*, Alsó, Felső, B — Ворота, Нжн., Верх. (Верецки, Нжн., Верх.) — Ворота (Верецьки), Нижні, Верхні, Воловец. — в 1430 г.: Bwdawereske, Wereske, в 1454 г.: Verechke utraque, в 1465 г.: Nagywerechke, Kyswerechke (Csánki 420), по мнению Т. Легоцкого Нжн. Ворота существовали уже в XII—XIII вв. (Leh. III. 790).
*Veresmart*, M — Миково — сер. XIV в. (Bélay 214).
*Veresmart*, Ug. — Копаня, В. — Копаня, Велика, Виноградів. — 1430 г. (Szabó 547).
*Veresvágás* см. Henselőc.
*Veretecső*, — Веретечово — 1649 г. (Leh. III. 794).
*Veskóc*, U — Veškovce — 1348 г. (Csánki 400).
*Vid*, B, другое название: Vidtelke; 1290 г. (Csánki 420).
*Vide*, B, изчезло, упоминается вместе с селом Чинадиево (Szentmiklós) в 1366 г. (Csánki 420).
*Vidrány*, Z — Выдрань — Vydraň — 1599 г. (Dica).
*Világ*, Z — Вилаги — Svetlice (Világy) — 1549 г. (Dica).
*Vincfalva*, M, в нач. XX в. часть села Будешть (Budfalva) по карте В. Белаи XIV в. (Bélay).
*Vinna*, U — Vinné (Vinna) — 1249 г. (Perfeckij 95).
*Virava*, Z — Вирава — Výrava — 1599 г. (Dica).
*Visk*, M — Вышково — Вишково, Хуст. — по карте Белаи XIII в.
*Viska*, U — Вышка — Вишка, Великоберезнян. — 1602 г. (U et C 104—8).
*Visó*, Alsó, M — Вышево, Нжн. — Vișeul-de-Jos — пер. пол. XIV в. (Bélay 218).
*Visó*, Felső, M — Вышево, Верх. — Vișeul-de-Sus — пер. пол XIV в. (Bélay 218).
*Visó*, Középső, M — Вышево, Ср. — сер. XV в. (Bélay 219), хотя по карте В. Белаи XIV в. (Bélay).

*Viszoka*, U — Vysoká nad Uhom — 1427 г. (Csánki 400).
*Vizköz*, M — Соймы — нач. XV в. (Bélay 220).
*Viznice*, Alsó, Középső, Felső, B — Вызница, Нжн., Ср., Верх. — Визниця, Верх. Мукачів. — в XV в. засвидетельствовано лишь село Вызница: в 1484 г.: Wyznycze (Csánki 420); оно, вероятно, Нжн. Вызница, под таким названием в 1550 г. (Dica); в 1512 г.: Felső Viznice (Leh. III. 795—796), в 1550 г.; Középső Viznice (Dica), последнее опустело.
*Volóc*, B — Воловец — Воловець, Воловец. — другое название: Ökőrmező; 1430 г. (Csánki 418).
*Voloszánka*, U — Волосянка — Волосянка, Великоберезнян. — 1552 г. (Dica).
*Volova*, Orosz, Z — Воловый — Ruská Volová — 1599 г. (Dica).
*Volya*, Filler, Z — исчезло, упоминается между селами (Нехвалова) Полянка ((Nechval) Polyánka) и Вирава; 1599 г. (Dica).
*Volya*, Laborc, Z — Voľa — в 1390 г.: Volya utraque, которым по мнению Д. Чанки могут соответствовать в нач. XX в.: Laborc Volya и Juszko Volya (Csánki 366).
*Volya Polyána* см. Polyána, Volya.
*Volyica*, Z — Волица — Volica — в 1422 г.: Volicha, в 1463 г.: Woylycza; 1422 г. (Csánki 366).
*Vorocsó*, U — Ворочево — Ворочово, Перечин. — 1552 г. (Dica).
*Vorotnica*, B — Воротница — 1600 г. (Dica).
*Vucskómező*, M — Вучковое -Вучкове, Міжгір.—варианты названия в 1548 г.: Wochkow, в 1548 г.: Wochkowo, в 1549 г.: Wuthkowa, заселено в нач. XVI в. (Bélay 220).
*Vulsinka*, U — Ольшанки — 1602 г. (U et C 104—8).
*Vulsinka* (Usinka), B, опустело, между селами Копиновцы и Бобовище; вариант названия: Usinka; 1600 г. (Dica).
*Zadnya*, M — Приборжавское — Приборжавське, Іршав. — по карте Белаи XIV в.
*Zádon*, B, опустело, между селами Луково и Камянское; 1530 г. (Leh. III. 842).
*Zagyilszka*, B — Задельский — шольтысская грамота 1614 г. (Leh. III. 800).
*Zahár*, U — Загор — Záhor — в 1422 г.: Zakar alio nomine Monygath; 1422 г. (Csánki 400).
*Zahorb*, U — Загорб — Загорб, Великоберезнян. — 1582 г. (Gabriel Vývoj 149).
*Zalacska*, Kis, U — Zalužice, Malé — в 1419 г.: Utraqe Zalachka, в 1443 г.: Kyszalachka (Csánki 400).
*Zalacska*, Nagy, U — Zalužice, Veľké — в 1419 г.: Utraque Zalachka, в 1449 г.: Naghzalachka (Csánki 400), в 1450 г.: Felsezalachka, Alsozalachka (Csánki 400); Залачка (N. Zalacska) уже в 1249 г. (Perfeckij 93).
*Zápszony*, B — Запсонь — вариант названия: Zápszoly; 1472 г. (Csánki 420), 1271 г. (Leh. III. 800).
*Zaricsa*, B, опустело, между селами Чабин и Верх. Вызница (Leh. III. 842); 1600 г. (Dica).
*Zaricsó*, U — Заречево — XV в. (Perfeckij 95).
*Zavadka*, U — Závadka — варианты названия: в 1427 г.: Zawada, Zawoda, в 1427 г.: Zavodka; 1427 г. (Csánki 400).
*Zavadka*, B — Завадка — 1648 г. (U etc 53—18).
*Zavelyka*, M, верховинское село близко к польской границе; около 1600 г. (Bélay 221).
*Závidfalva*, B — Завидово — 1466 г. (Csánki 420).
*Zavoda*, U — Завода — 1417 г. (Csánki 400).
*Zavoszina*, U — Завосина — Завосина, Великоберезнян. — 1599 г. (Dica).
*Zboj*, Z — Збой — Zboj — вариант названия в 1599 г.: Izboj; 1599 (Dica).
*Zbojna*, Homonna, Z — Збойное, Гумен. — с первым членом: Homonna в 1696 г. (Dica), но оно могло существовать и раньше.
*Zbojna*, Izbugya, Z — Збойное, Избудск. — 1463 г. (Csánki 366).
*Zbun*, B — Збын — вариант названия: Zbuna; 1648 г. (U et C 53—18).
*Zimbrilova* см. Cimbrilova.
*Zovaj*, M, на неопределенном месте; 1411 г. (Bélay 221).
*Zubna*, Z — Зубное — Zubné — 1549 г. (Dica).
*Zuppetnik*, B, опустело, между селами (B.) Дубровица и (M.) Дубровица, шолтысская грамота 1607 г. (Leh. III. 843).
*Zvalenka* см. Szalyavka.



*Zvella*, Z — Звала — Zvala — 1599 г. (Dica).
*Zsdenyiho* см. Zsdenyova.
*Zsdenyova*, B — Ждениево — Жденієво, Воловец. — 1598 г. (Dica).
*Zsdenyő* см. Zsdenyova.
*Zsitkovica* см. Diskovica.
*Zsukó*, B — Жуково — в XIV—XV вв. имение семьи Агарди (Leh. III. 809), первые данные из 1417 г., так что оно могло существовать и в XIV в. (Csánki 420).

## КОНКОРДАНЦИЯ РУССКИХ (УКРАИНСКИХ, СЛОВАЦКИХ, РУМЫНСКИХ) И ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ

## КОНКОРДАНЦИЯ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ

В конкордациях русских (украинских, словацких и венгерских) названий первые члены составных топонимических названий стоят на втором месте, притом ссылочные опущены

Абранка — Ábránka, Nagy, B.
Александровка — Sándorfalva, B.
Аклин — Akli, Ug.
Андреевцы — Andrasóc, U.
Анталовцы — Antalóc, U.
Антоновка — Antalóc, U.
Апша, Верх. — Apsa, Felső, M.
Апша, Нжн. — Apsa, Alsó, M.
Апша, Ср. — Apsa, Középső, M.
Апшица — Apsa, Új, M.
Арданово — Árdánháza, B.
Ардов — Ardó, Fekete, Ug.
Ардовец — Végardó, Szőllős, Ug.
Астель — Asztély, B.

Бабичи — Bábafalva, B.
Баблюк — Bablyuk, B.
Балашовцы — Balázsfalva, B.
Баранинцы — Baranya, U.
Барбово — Bárdaháza
Баркасово — Barkaszó, B.
Батар — Batár, U.
Батеево — Bátyu, B.
Бегань, В. — Bégány, Nagy, B.
Бегань, М. — Bégány, Kis, B.
Бедевля — Bedőháza, M.
Бежовцы — Bező, U.
Беласовица — Bilaszovica, B.
Белая Церковь — Fehéregyház, M.
Белебово — Belebele, Nagy, B.
Белки — Bilke, B.
Беловарцы — Kriva, Kis, M.
Белый Поток — Fehérpatak, M.
Бенедиковцы — Benedike, B.
Бенятино — Benetine, U.
Береги — Bereg, Nagy, B.
Береговец — Beregóc, B.
Берегово — Beregszász, B.
Березники — Bereznik, M.
Березный, В. — Berezna, Nagy, U.
Березный, М. — Berezna, Kis, U.
Березовец — Brezovec, Z.
Березово — Berezna, M.
Бикиня — Bőkény, U.
Бобовище — Bubuliska, B.
Бовтрадь — Bótrágy, B.
Богаревица — Falucska, B.
Бодолов — Bodoló, B.
Боздош — Bozos, U.

Боржава — Borsova, Nagy, M.
Боржавское — Csongova, Nagy, Ug.
Боров — Borró, Z.
Бородовка — Bárdháza, B.
Боронява — Baranya, M.
Борсучина — Borszucsina, B.
Бочков — Bocskó, Ug.
Братово — Batár, Ug.
Брестов — Bresztó, Nagy, B.
Брестовик — Bresztó, Kis, B.
Брод — Bród, B.
Брод, Красный — Bród, Kraszni, Z.
Бронька — Bronyka, M.
Брустуры — Brusztura, M.
Буковец — Bukóc, B.
Буковец — Bukovec, M.
Буковинка — Bukovinka, B.
Буковцева — Bukovec, U.
Буча — Bucsu, B.
Буштино — Bustyaháza, M.
Быстрая, Турья — Bisztra, Turja, U.
Быстрица — Repede, B.
Быстрое — Bisztra, Orosz, Z.
Быстрый — Bisztra, Kis, B.
Быстрый — Bisztra, Nagy, B.
Бычков, В., М. — Bocskó, Nagy, Kis, M.

Валашковцы — Valaskóc, Z.
Валентовцы — Valentóc, Z.
Вари — Vári, B.
Велятин — Veléte, Ug.
Вербовец — Verbőc, Ug.
Вербяж — Verbiás, B.
Веретечево — Veretecső, B.
Верецки, Верх. — Verecke, Felső, B.
Верецки, Нжн. — Verecke, Alsó, B.
Верховина Быстра — Bisztra, Verchovina, B.
Веряца — Veréce, Ug.
Вилаги — Világ, Z.
Вилок — Újlak, Tisza, Ug.
Виноградов — Szöllős, Nagy, Ug.
Вирава — Virava, Z.
Владич, Вшн. — Ladiskóc, Felső, Z.
Владич, Нжн. — Ladiskóc, Alsó, Z.
Водица — Apsa, Új. M.
Водяное, Вшн., Нжн. — Apsa, Alsó, Felső, M.



Водяное, Ср. — Apsa, Középső, M.
Войнатина — Vajnatina, U.
Волица — Volica, Z.
Волковое — Valkaja, U.
Воловец — Volóc, B.
Воловое — Ökörmező, M.
Воловый — Volova, Orosz, Z.
Волосянка — Voloszánka, U.
Волошское — Csertész, Oláh, B.
Вонегово — Vajnág, M.
Ворота, Верх., Нжн. — Verecke, Felső, Alsó, B.
Воротница — Vorotnica, B.
Ворочево — Vorocsó, U.
Вуйгель — Újhely, Tisza, Ug.
Вучковое — Vucskómező, M.
Выдрань — Vidrány, Z.
Вызница, Верх., Нжн., Ср. — Viznice, Felső, Alsó, Középső, B.
Вылок — Újlak, Tisza, Ug.
Вышево, Верх., Нжн., Ср. — Visó, Felső, Alsó, Középső, M.
Вышка — Viska, U.
Вышково — Visk, M.

Габура — Habura, Z.
Гажин — Hazsina, Z.
Гайдош — Gajdos, U.
Галоч — Gálocs, Kis, Nagy, U.
Гандеровица — Klastromfalva, B.
Ганичи — Gánya, M.
Ганьковица — Hankovica, B.
Гать — Gát, B.
Геевица — Gévénfalva, B.
Геевцы, Вел. — Gejőc, Nagy.
Герцовцы — Hercfalva, B.
Гетеня — Hetény, U.
Гетин — Hetény, B.
Геча — Gecse, B.
Гливище — Hliviscse, U.
Глинянец — Iglinc, B.
Глухановица — Hlubokapatak, B.
Гомок — Homok, B.
Голубиное — Holubina, B.
Голятин — Holyatin, Ó, M.
Горбок — Sarkad, B.
Горинчево — Herincse, M.
Горонда — Gorond, B.
Горяны — Gerény, U.
Гостовица — Hosztovica, Z.
Грабаров — Halábor, B.
Грабовец, Рус. — Hrabóc, Orosz, Z.
Грабовница, Верх., Нжн. — Hrabonica, Felső, Alsó, B.
Грабово — Szidorfalva, B.
Гребля — Karaszló, Felső, Ug.
Грибовцы — Hribóc, B.
Грушево — Körtvélyes, M.
Гудя — Gödényháza, Ug.

Гукливый — Hukliva, B.
Гусак — Huszák, U.
Гусный — Huszna, U.
Гута — Huta, U.
Гутово, В. — Gút, Nagy, B.
Гутово, М. — Gút, Kis, B.

Давыдково, Н. — Dávidháza, Új, B.
Давыдково, Ст. — Dávidháza, Ó, B.
Данилово — Sófalva, M.
Дара — Dara, Z.
Девичье — Forgolány, Ug.
Дедово — Déda, B.
Деловое — Tribusa, M.
Делок — Papfalva, B.
Деньковцы — Dengláz, U.
Деревцы — Botfalva, U.
Деренковец — Szirma, Ug.
Дешковица — Deskófalva, B.
Дицковица — Diskovica, B.
Доброселье — Bene, B.
Добронь, В. — Dobrony, Nagy, B.
Добронь, М. — Dobrony, Kis, B.
Добрянское — Nyagova, M.
Долгое — Dolha, M.
Долгое Поле — Hosszúmező, U.
Доманинцы — Domonya, Alsó, U.
Домашин — Domasina, U.
Доробратово — Dragabártfalva, B.
Дравцы — Daróc, B.
Дравцы — Daróc, U.
Драгово — Kövesliget, M.
Драгушовец — Drahusóc, B.
Дрисина — Dercen, B.
Дубино — Dubina, B.
Дубовое — Dombó, M.
Дубрава — Dubrava, Z.
Дубринич — Dubrinics, U.
Дубровица — Dubrovica, B.
Дубровка — Dobróka, B.
Дубровка — Dobróka, U.
Дулово — Dulfalva, M.
Дунковица — Nyéresfalva, B.
Дусино — Duszina, B.
Дьяково — Nevetlenfalva, Ug.
Дюровица — Papgyörgyfalva, B.

Ебовица — Jobovica, B.
Енковцы — Jenke, U.
Есенов — Jeszenő, U.

Жборовцы — Runófalva, B.
Ждениево — Zsdenyova, B.
Жнятино — Izsnyéte, B.
Жуково — Zsukó, B.

Завадка — Zavadka, B.
Завадка — Csongova, Kis, Ug.
Завидово — Závidfalva, B.
Завода — Zavoda, U.

Завосина — Zavoszina, U.
Загатье — Hátmeg, B.
Загор — Zahár, U.
Загорб — Zahorb, U.
Задельский — Zagyilszka, B.
Залужье — Almás, Kis, B.
Запсонь — Zápszony, B.
Заречево — Zaricsó, U.
Заречье — Karaszló, Alsó, Ug.
Затисовка — Csoma, Ug.
Збой — Zboj, U.
Збойное, Гумен. — Zbojna, Homonna, Z.
Збойное, Избудск. — Zbojna, Izbugya, Z.
Збын — Zbuna, B.
Звала — Zvella, Z.
Змиевка — Kígyós, B.
Зняцево — Ignéc, B.
Золотарево — Ötvösfalva, M.
Зубное — Zubna, Z.
Зубовка — Fogaras, B.

Ивановка — Jánosi, Makkos, B.
Ивановица — Iványi, B.
Ивашковица — Ivaskófalva, B.
Иза — Iza, M.
Изки — Iszka, M.
Ильковцы — Ilkóc, B.
Ильница — Ilonca, B.
Имстичево — Misztice, B.
Иноцы — Inóc, Z.
Ирлява — Orlova, U.
Иршава — Ilosva, B.

Кайданово — Kajdanó, B.
Каленов — Kaleno, Z.
Калины — Kalinfalva, M.
Кальна — Kálna, Z.
Кальник — Kálnik, B.
Камяница — Kemence, U.
Камянское — Kövesd, B.
Канора — Kanóra, B.
Карачины — Karácsfalva, Ug.
Карчава — Karcsava, U.
Квасово — Kovászó, B.
Квасы — Borkút, M.
Кекенюш — Kökényes, Ug.
Келечин — Kelecseny, M.
Керецки — Kerecke, M.
Кивяжд — Kövesd, B.
Кидёвш — Kígyós, B.
Кичерный — Kicsorna, B.
Кленова — Klenova, Z.
Клёчки — Klocskófalva, B.
Климовица — Kelemenfalva, B.
Клиновое — Akli, Ug.
Клокочев — Klokocsó, U.
Ключарки — Klucsarka, B.
Клячаново — Klacsanó, B.
Княгинин — Knyahina, U.

Кобалевица — Gálfalva, B.
Кобыляры — Köblér, U.
Колбасово — Kolbaszó, Z.
Колибабовцы — Kolibabóc, U.
Колодное — Tőkés, B.
Колодное — Darva, M.
Колоница — Kolonica, Z.
Колочава (Колочава Горб, Лазы) — Kalocsa, M.
Кольчино — Kölcsén, B.
Комаровцы — Komoróc, Orosz, U.
Комлош — Komlós, Ug.
Комяты — Komját, Ug.
Коноплевцы — Kendereske, B.
Концево — Koncháza, U.
Конюш — Konyus, U.
Копаня, В. — Veresmart, Ug.
Копаня М. — Kupány, Kis, Ug.
Копашнево — Gernyés, M.
Копиновцы — Mogyorós, Nagy, B.
Королево — Királyháza, Ug.
Коромля — Koromlya, U.
Коропец — Kerepec, Oláh, B.
Корытняны — Kereknye, U.
Косино — Kockaszállás, B.
Косино — Kászony, B.
Кострина — Kosztrina, U.
Котельница — Kotilnica, B.
Кошелево — Keselyűmező, M.
Крайниково — Mihályfalva, M.
Крачуново — Karácsonfalva, M.
Кресты — Kereszt, U.
Кривая — Kirva, Ug.
Кривое — Kirva, M.
Кривое — Kriva, Z.
Кричево — Kricsfalva, M.
Крытое — Fedelesfalva, B.
Кузьмино — Kuzmina, B.
Кучава — Kucsova, B.
Кушница — Ábránka, Kis, B.
Кушница — Kusnica, M.
Куштановица — Kustánfalva, B.

Лавки — Lauka, B.
Ладомирово — Ladomér, Z.
Лазорев Поток — Lázárpatak, B.
Лазы — Timsor, B.
Лазы, В. — Láz, Nagy, U.
Лалово — Lányfalva, Nagy, B.
Латорка — Laturka, B.
Лемковцы — Lehóc, U.
Леневцы — Lohó, Kis, B.
Лесковое — Fornos, B.
Лецовица — Lécfalva, B.
Ликицары — Likicár, U.
Линцы — Iglénc, U.
Липовец — Lipóc, U.
Липча — Lipcse, M.
Лисичево — Ravaszmező, M.



Лоза — Lóza, B.
Лозянское — Cserjés, M.
Локоть — Ábránka, Nagy, B.
Лопухов — Brusztura, M.
Лохово — Lohó, Nagy, B.
Лубня — Lubnya, U.
Луг — Lonka, M.
Луг — Luh, U.
Луг, Широкий — Lonka, Széles, M.
Лужанка — Asztély, B.
Луково — Lukova, B.
Лучки, В. — Lucska, Nagy, B.
Люта — Lyuta, U.
Ляховец — Lyakovec, M.

Макарьево — Makarja, B.
Мартинка — Martinka, Kis, B.
Мартинка, Крайняя — Martinka, Krajna, B.
Матёвцы — Mátyfalva, Ug.
Машковцы — Maskóc, Z.
Медведевцы — Medvedóc, B.
Медвежий — Medvezsa, B.
Медяниця — Medence, B.
Межгорье — Ökörmező, M.
Межилаборцы — Mezőlaborc, Z.
Мельничный — Melnicsna, Kis, B.
Миково — Veresmart, M.
Микуловцы — Mogyorós, Kis, B.
Минай — Minaj, U.
Мирча — Mircse, U.
Михайлов — Mihalóc, Z.
Мишкаровица — Miskarovica, B.
Модьорош — Mogyorós, U.
Мокрая — Mokra, U.
Мокрая, Русская — Mokra, M.
Мокрое — Mokra, M.
Мочар — Mocsár, U.
Мочола — Macsola, B.
Мужиево — Muzsaly, B.

Нанково — Husztköz, M.
Невицкое — Nyevicke, U.
Негрово — Mászárfalva, B.
Нелепино — Nelipina, B.
Немецкое, Вшн. — Németi, Felső, U.
Немецкое, Нжн. — Németi, Alsó, U.
Нересница — Nereznice, Alsó, M.
Новобарово — Bárd, Új, M.
Новое село — Újfalu, Kis, B.
Новоселица — Lucska, Kis, B.
Новоселица — Újfalu, Bereg, B.
Новоселица — Holyatin, Új, M.
Новоселица — Nereznice, Felső, M.
Новоселица — Sósújfalu, Ug.
Новоселица — Kemence, Új, U.
Нягов — Nyagov, Z.
Нягово — Nyagova, M.

Обава — Dunkófalva, B.
Округлая — Kerekhegy, M.
Оленево — Olenyova, B.
Олешник — Egres, U.
Ольховица — Egreske, B.
Ольховцы — Irholc, M.
Ольшанки — Vulsinka, U.
Ольшинково — Olysinka, Z.
Оник — Ilonokújfalu, Ug.
Оноковцы — Domonya, Felső, U.
Орехова — Orechova, U.
Ореховица — Rahonca, U.
Оросиево — Oroszi, Sáros, B.
Осой — Szajkófalva, B.
Остров — Osztró, U.
Острожница — Osztrozsnica, Z.

Павлово — Paulova, B.
Павловое — Palló, U.
Павшин — Pósaháza, B.
Паладь, В. — Palágy, U.
Паланки — Várpalánka, B.
Паригузовцы — Parihuzóc, Z.
Пасека — Paszika, B.
Пасека — Paszika, U.
Пастель, Бегендят — Pasztély, Begenyát, U.
Пастель, Костева — Pasztély, Kosztyova, U.
Пастель, Ростоцкая — Pasztély, Rosztoka, U.
Пастельки — Pasztély, Kis, U.
Пацканево — Patkanóc, B.
Пашковец — Paskóc, B.
Перекрестный — Perekreszna, B.
Пересирово — Pereszirova, B.
Перечин — Perecsen, U.
Петрово — Péterfalva, Ug.
Петровцы — Petróc, Z.
Петровцы — Petróc, U.
Петрусовица — Petruszovica, B.
Пинковцы — Pinkóc, U.
Пистрялово — Pisztraháza, B.
Плавье — Plávja, B.
Плоскановица — Ploszkánfalva, B.
Плоское — Ploszkó, B.
Подвиноградов — Végardó, Szöllős, Ug.
Подгорное — Csertész, Oláh, B.
Подгорное — Ölyvös, Ug.
Подгород — Váralja, B.
Подгоряны — Podhering, B.
Подмонастырь — Klastromalja, B.
Подобовец — Podobóc, M.
Подполозье — Pudpolóc, B.
Поздняковцы — Puznyákfalva, B.
Покутье — Kutkafalva, B.
Полата — Palota, Z.
Поле, Долгое — Hosszúmező, U.

Поле, Русское — Űrmező, M.
Поляна — Polena, B.
Поляна, В. — Polyána, Nagy, Z.
Поляна, Кобылецкая — Polyána, Kabola, M.
Поляна, Косовская — Polyána, Kaszó, M.
Поляна, Липецкая — Polyána, Lipcse, M
Поляна, Русская — Polyána, Ruszkova, M.
Поляна, Синевирская — Polyána, Szinevér, M.
Поляна, Турья — Polyána, Turja, U.
Попово — Papi, Csonka, B.
Поростово — Porosztó, U.
Порошково — Poroskó, U.
Порубка — Porubka, Z.
Поток, Белый — Fehérpatak, M.
Поток, Брустов — Brusztópatak, B.
Поток, Лазорев — Lázárpatak, B.
Поток, Русский — Oroszpatak, Z.
Поток, Черный — Feketepatak, B.
Приборжавское — Zadnya, M.
Прикопа — Prikopa, U.
Прислоп — Priszlop, Z.
Прислоп — Priszlop, M.
Птичье — Petiscse, Z.
Пчолиное — Pcsolina, Z.
Пыхни — Pichnye, Z.

Радванка — Radvánc, U.
Радвань — Radvány, Z.
Раковец, В., М. — Rákóc, Ug.
Раково — Rákó, U.
Ракошино — Rákos, B.
Ратовцы — Rát, U.
Рафайлово — Rafajna, B.
Рахов — Rahó, Akna, M.
Рахов — Rahó, Bocskó, M.
Рекита — Rekita, M.
Ремета — Remete, M.
Ременты, Верх., Нжн. — Remete, B.
Ремети, Турьи — Remete, Turja, U.
Речка — Ricska, M.
Рипинное — Repina, M.
Родниковка — Izvor, B.
Розовка Ketergény, U.
Рокитов, Гуменский — Rokitó, Homonna, Z.
Рокитовцы — Rokitóc, Z.
Рокосово — Rakasz, Ug.
Романовец — Romanóc, B.
Ромочевица — Romocsaháza, B.
Росвигово — Oroszvég, B.
Росоши — Roszos, B.
Росошка — Roszucska, M.
Ростока — Rosztoka, M.
Ростока — Rosztoka, Bereg, B.
Ростока, Верх. — Rosztoka, Kis, B.

Ростока, Грабова — Rosztoka, Hrabova, Z.
Ростока, Н. — Rosztoka, Űj, B.
Ростока, Нжн. — Rosztoka, Nagy, B.
Ростока, Стащин — Rosztoka, Sztakcsin, Z.
Руна, Верх. — Róna, Felső, M.
Русковцы — Ruszkóc, U.
Русское — Ruszkóc, B.
Русское — Ruszka, Z.

Саламунова — Salamon, U.
Салдобош — Száldobos, M.
Сарвасово — Szarvaszó, M.
Сасовка — Szászóka, B.
Сасово — Szászfalu, Ug.
Свалява — Szolyva, B.
Свалявка — Szvalyoka, B.
Свобода — Szernye, B.
Сейков — Székó, U.
Селище — Szelistye, Alsó, M.
Сельцо — Kisfalud, B.
Сентуш — Szentes, U.
Середнее — Szerednye, U.
Сигот — Sziget, M.
Симерки — Szemere, Űj, U.
Симерь — Szemere, Ó, U.
Синевир — Szinevér, M.
Скотарское — Szkotárszka, B.
Смерекова — Szmrekova, U.
Смологовица — Ábránka, Kis, B.
Смольник — Szmolnica, Z.
Собранцы — Szobránc, U.
Соймы — Vízköz, M.
Сокирница — Szeklence, M.
Солотвина — Szlatina, M.
Солотвина, Верх. — Szlatina, Kis, U.
Солотвина, Нжн. — Szlatina, Nagy, U.
Солочин — Szolocsina, B.
Соль — Sómező, U.
Ставное — Sztavna, U.
Станков — Sztankóc, Z.
Станово — Sztánfalva, B.
Старина — Sztarina, Z.
Стащин — Sztakcsin, Z.
Стебловка — Száldobos, M.
Сторожница — Őr, U.
Страбичево — Sztrabicsó, B.
Стрипа — Sztrippa, U.
Стричава — Sztricsava, U.
Стройно — Sztrojna, B.
Струмковка — Szürte, U.
Студеный, Верх. — Hidegpatak, M.
Стужица, Н. — Sztuzsica, Új, U.
Стужица, Ст. — Sztuzsica, Ó, U.
Сундаковица — Szundákfalva, B.
Сусково — Szuszkó, B.
Суха — Szucha, U.
Сухая — Szuhapatak, M.
Счастливое — Szerencsfalva, B.



Таламаш — Talamás, B.
Ташоля — Tasolya, U.
Теково — Tekeháza, Ug.
Теребеш, Тур — Terebes, Tur, Ug.
Теребля — Talaborfalu, M.
Тересва — Taracköz, M.
Тересовка — Tereselpataka, M.
Терново — Kökényes, M.
Терновцы — Tarnóc, U.
Тибава, В. — Tibava, Nagy, B.
Тибава, М. — Tibava, Kis, M.
Тихий — Ticha, U.
Тишов — Tisova, B.
Тополя — Topolya, Z.
Торунь — Toronya, M.
Требушаны — Tribusa, M.
Тростник — Sásvár, Ug.
Тростяница — Trosztyanica, B.
Турица, (В.) — Turica, Nagy, U.
Турица, (М.) — Turica, Kis, U.
Тюшка — Tyuska, M.
Тячев — Técső, M.
Убля — Ublya, Z.
Угля — Uglya, M.
Ужгород — Ungvár, U.
Ужок — Uzsok, U.
Узловое — Bátyu, B.
Уклин — Uklina, B.
Улич — Ulics, Z.
Урмезиево — Űrmező, M.

Фанчиково — Fancsika, Ug.
Фаркашфалва — Farkasfalva, Ug.
Феделешовцы — Fedelesfalva, B.
Федерово — Tivadar, Ug.
Фертешалмаш — Fertősalmás, Ug.

Хижи — Tarna, Kis, Ug.
Хмельник — Komlós, B.
Холмец — Helmec, Putka, U.
Холмовец—Halmi, Ug.
Холмок — Homok, U.
Худлево — Horlyó, U.
Хуст — Huszt, M.

Цалановица — Colánfalva, B.
Цибава — Tiba, U.
Цигановцы — Ciganyóc, U.
Цимбрилово — Cimbrilovo, B.

Чабаловцы — Csabalóc, Z.
Чабановка — Bacsava, U.

Чабин — Csabina, B.
Часловцы — Császlóc, U.
Чедрик — Csedreg, Ug.
Чепа — Csepe, Ug.
Чепел — Csepel, U.
Чеповка — Végardó, Beregszász, B.
Череевцы — Cserejóc, B.
Черленево — Cserleno, B.
Черна — Csarnató, Ug.
Черник — Csernik, B.
Черноголова — Csornoholova, U.
Чернотисов — Ardó, Fekete, Ug.
Черный — Ardó, Fekete, Ug.
Черный Поток — Feketepatak, Ug.
Чертеж — Csertész, U.
Чертежное — Csertész, Z.
Четово — Csetfalva, B.
Чинадиево — Szentmiklós, Csinagyievo, B.
Чингава — Csongova, Nagy, Ug.
Чома — Csoma, Ug.
Чомонин — Csomonya, B.
Чоп — Csap, U.
Чоповцы — Csapócka, B.
Чумалево — Csománfalva, M.

Шаланки — Salánk, Ug.
Шамудовцы — Sámogy, Z.
Шандрово — Sándorfalva, M.
Шард, Верх. — Sárad, Felső, Ug.
Шард, Нжн. — Sárad, Alsó, Ug.
Шаркадь — Sarkad, B.
Шашвар — Sásvár, Ug.
Шелестово — Seleszto, B.
Широкое — Sárad, Felső, Ug.
Шишловцы — Sislóc, U.
Шкуратовцы — Skuratóc, B.
Шмиговцы — Smugóc, Z.

Щербовец — Serbóc, B.

Эгреш — Egres, Ug.

Юлевцы — Gyula, Ug.

Яблонка, Вшн. — Jablonka, Felső, Z.
Яблонка, Нжн. — Jablonka, Alsó, Z.
Яблоново — Almamező, B.
Яблоново — Almás, Nagy, B.
Яловая — Jalova, Z.
Яловое — Jalova, B.
Ярок — Árok, U.
Ясиня — Kőrösmező, M.

КОНКОРДАНЦИЯ УКРАИНСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ

Абранка, Воловец. — Ábránka, Nagy, B.
Антонівка (Анталовці), Ужгород. — Antalóc, U.

Арданово Іршав.— Árdánháza, B.

Бабичи, Мукачів. — Bábafalva, B.
Баранинці, Ужгород — Baranya, U.

Бедевля, Тячів. — Bedőháza, M.
Бенедиківці, Мукачів. — Benedike, B.
Береги, Берегів. — Bereg, Nagy, B.
Берегово, Берегів. — Beregszász, B.
Березний, Великий, Великоберезнян. — Berezna, Nagy, U.
Березний, Малий, Великоберезнян. — Berezna, Kis, U.
Березники, Сваляв. — Bereznik, B.
Березово, Хуст. — Berezna, M.
Білки, Іршав. — Bilke, B.
Бистра, Тур'я, Перечин. — Bisztra, Turja, U.
Бистрий, Нижній, Хуст. — Bisztra, Alsó, M.
Бичків, Великий (Бочків, Великий), Рахів. — Bocskó, Nagy, M.
Бобовищі, Мукачів. — Bubiliska, B.
Богаревиця, Іршав. — Falucska, B.
Бодолів, Берегів. — Badaló, B.
Боржава, Берегів. — Borsova, B.
Боржавське (Чингава), Виноградів. — Csongova, Nagy, Ug.
Бородівка, Мукачів. — Bárdháza, B.
Боронява, Хуст. — Baranya, M.
Братове, Виноградів. - Batár, Ug.
Бронька, Іршав. — Bronyka, M.
Буківцева, Перечин. — Bukovec, U.
Буковець, Воловец. — Bukóc, B.
Буштино, Тячів. — Bustyaháza, M.

Вари, Берегів. — Vári, B.
Велятин, Хуст. — Veléte, Ug.
Верховина Бистра, Великоберезнян. — Bisztra, Verchovina, U.
Веряця, Виноградів. — Veréce, Ug.
Визниця, Верхня, Мукачів. — Viznice, Felső, B.
Виноградів, Виноградів. — Szöllős, Nagy, Ug.
Вишка, Великоберезнян. — Viska, U.
Вишково, Хуст. — Visk, M.
Вілок, Виноградів. — Újlak, Ug.
Вовкове (Вовковиї), Ужгород. — Valkaja, U.
Водиця ( Апшиця), Рахів. — Apsa, Új. M.
Водяне, Верхнє (Апша, Верхня), Рахів.— Apsa, Felső, M.
Воловець, Воловец. — Volóc, B.
Волосянка, Великоберезнян. — Voloszánka, U.
Вонігово, Тячів. — Vajnág, M.
Ворота, Верхні (Верецьки, Верхні), Воловец. — Verecke, Felső, B.
Ворота, Нижні (Верецьки, Нижні), Воловец. — Verecke, Alsó, B.
Ворочово, Перечин. — Vorocsó, U.
Вучкове, Міжгір. — Vucskómező, M.

Ганичі, Тячів. — Gányafalva, M.
Ганьковиця, Сваляв. — Hankovica, B.
Гетеня, Виноградів. — Hetenye, Ug.
Голубине, Сваляв. — Holubina, B.
Голятин, Міжгір. — Holyatin, Ó, M.
Горбок (Шаркадь), Іршав. — Sarkad, B.
Горінчово, Хуст. — Herincse, M.
Горонда, Мукачів. — Gorond, B.
Горяни, Ужгород. — Gerény, U.
Грабівниця, Верхня, Воловец. — Hrabonica, Alsó, B.
Грабівниця, Нижня, Сваляв. — Hrabonica, Felső, B.
Грабово, Мукачів. — Szidorfalva, B.
Гребля, Іршав. — Karaszló, Felső, Ug.
Грушово, Тячів. — Körtevélyes, M.
Гудя, Виноградів. — Gödényháza, Ug.
Гукливий, Воловец. — Hukliva, B.
Гусний, Великоберезнян. — Huszna, U.

Давидкове, Нове, Мукачів. — Dávidháza, Új, B.
Давидкове, Старе, Мукачів. — Dávidháza, Ó, B.
Данилове, Хуст. — Sófalva, M.
Дешковиця, Іршав. — Deskófalva, B.
Дзвінкове, Берегів. — Harangláb, B.
Ділове (Требушани), Рахів. — Tribusa, M.
Добросілля, Берегів. — Bene, B.
Добрянське (Нягово), Тячів. — Nyagova, M.
Довге, Іршав. — Dolha, M.
Довге Поле, Ужгород. — Hosszúmező, U.
Доманинці, Ужгород. — Domonya, Alsó, U.
Домашин, Великоберезнян. — Domasina, U.
Доробратово, Іршав. — Drágabártfalva, B.
Дравці, Ужгород. — Daróc, U.
Драгово, Хуст. — Kövesliget, M.
Дубове, Тячів. — Dombó, M.
Дубринич, Перечин. — Dubrinics, U.
Дулово, Тячів. — Dulfalu, B.
Дусино, Сваляв. — Duszina, B.

Жденієво, Воловец. — Zsdenyova, B.

Завосина, Великоберезнян. — Zavoszina, U.
Загаття, Іршав. — Hátmeg, B.
Загорб, Великоберезнян. — Zahorb, U.
Заріччя, Іршав. — Karaszló, Alsó, Ug.
Затисівка (Чома), Виноградів. — Csoma, Ug.
Зняцево, Мукачів. — Ignéc, B.
Золотарево, Хуст. — Ötvösfalu, M.
Зубівка (Фогараш), Мукачів. — Fogaras, B.

Іванівці, Мукачів. — Iványi, B.
Іза, Хуст. — Iza, M.



Ізки, Міжгір. — Iszka, M.
Ільниця, Іршав. — Ilonca, B.
Іршава, Іршав. — Ilosva, B.

Кайданово, Мукачів. — Kajdanó, B.
Калини, Тячів. — Kalinfalva, M.
Кальник, Мукачів. — Kálnik, B.
Кам'яниця, Ужгород. — Kemence, Ó, U.
Кам'янське (Кивяжд), Іршав. — Kövesd, B.
Кваси, Рахів. — Borkút, M.
Квасово, Берегів. — Kovászó, B.
Келечин, Міжгір. — Kelecsény, M.
Керецьки, Сваляв. — Kerecke, M.
Климовиця, Іршав. — Kelemenfalva, B.
Клинове, Виноградів. — Akli, Ug.
Кльочки, Мукачів. — Klocskófalva, B.
Ключарки, Мукачів. — Klucsarka, B.
Княгинин, Великоберезнян. — Knyahina, U.
Колочава-Лази, Міжгір. — Kalocsa, M.
Комарівці, Ужгород. — Komoróc, Orosz, U.
Ком'яти, Великі, Виноградів. — Komját, Ug.
Копаня, Велика, Виноградів. — Veresmart, Ug.
Коритняни, Ужгород. — Kereknye, U.
Королево, Виноградів. — Királyháza, Ug.
Кострина, Велико березнян. — Kosztrina, U.
Кошельово, Хуст. — Keselyűmező, M.
Крайниково, Хуст. - Mihályfalva, M.
Крива, Хуст. — Kirva, Ug.
Криве, Тячів. — Kirva, M.
Крите, Мукачів. — Fedelesfalva, B.
Кричово, Тячів. — Kricsfalva, M.
Кушниця, Іршав. — Kusnica, M.
Куштановиця, Мукачів. — Kustánfalva, B.

Лавки, Мукачів. — Lauka, B.
Лази, Великі, Ужгород. — Láz, Nagy, U.
Лалово, Мукачів. — Lányfalva, Nagy, B.
Лецовиця, Мукачів. — Lécfalva, B.
Ликицяри, Перечин. — Likicár, U.
Липча, Хуст. — Lipcse, M.
Лисичово, Іршав. — Ravaszmező, M.
Лопухів (Бростура), Тячів. — Brusztura, M.
Лохово, Мукачів. — Lohó, Nagy, B.
Лубня, Великоберезнян. — Lubnya, U.
Луг, Рахів. — Lonka, M.
Луг, Широкий, Тячів. — Lonka, Széles, M.
Лужанка, Берегів. — Asztély, B.
Луково, Іршав. — Lukova, B.
Лучки, Великі, Мукачів. — Lucska, Nagy, B.

Люта, Великоберезнян. — Lyuta, U.
Майдан, Міжгір. — Polyana, Borisz, M.
Макарьово, Мукачів. — Makarja, B.
Мартинка, Крайня, Іршав. — Martinka, Krajna, B.
Мирча, Великоберезнян. — Mircse, U.
Мідяниця, Іршав. — Medence, B.
Міжгір'я (Волове), Міжгір. — Ökörmező, M.
Мішкаровиця, Воловец. — Miskarovica, B.
Мокре (Руська Мокра), Тячів. — Mokra, Orosz, M.
Мочар, Великоберезнян. — Mocsár, U.
Мукачево, Мукачів. — Munkács, B.

Нанково, Хуст. — Husztköz, M.
Невицьке, Ужгород. — Nevicke, U.
Негрово, Іршав. — Mászárfalva, B.
Негровець, Міжгір. — Kalocsa, M.
Неліпино, Сваляв. — Nelipina, B.
Нересниця, Тячів. — Nereznice, Alsó, M.
Новобарово, Тячів. — Bárd, Új, M.
Новоселиця, Виноградів. — Szászújfalu, Ug.
Новоселиця, Міжгір. — Holyatin, Új, M.
Новоселиця, Перечин. — Kemence, Új, U.

Обава, Сваляв. — Dunkófalva, B.
Округла, Тячів. — Kerekhegy, M.
Олександрівка, Хуст. — Sándorfalva, M.
Оленьово, Сваляв. — Olenyova, B.
Олешник ( Егреш), Виноградів. — Egres, Ug.
Онік, Виноградів. — Ilonok Újfalu, Ug.
Онoківці, Ужгород. — Domonya, Felső, U.
Оріховиця, Ужгород. — Rahonca, U.
Осій, Іршав. — Szajkófalva, B.

Павлово, Ужгород. — Palló, U.
Павлово, Сваляв. — Paulova, B.
Павшин, Мукачів. — Pósaháza, B.
Паланки, Мукачів. — Várpalánka, B.
Пасіка, Сваляв. — Paszika, B.
Пасіка, Тур'я, Перечин. — Paszika, Turja, U.
Пастіль, Розтоцька, Великоберезнян. — Pasztély, U.
Пастільки, Перечин. — Pasztély, U.
Пацканьово, Мукачів. — Patkanyóc, B.
Пашковець, Воловец. — Paskóc, B.
Перечин, Перечин. — Perecsény, U.
Підвиноградів (Ардовець), Виноградів. — Végardó, Szöllős, Ug.
Підгірне (Волоське), Іршав. — Csertész, Oláh, B.
Підгоряни, Мукачів. — Podhering, B.
Підполоззя, Воловец. — Putpalóc, B.
Пістрялово, Мукачів. — Pisztraháza, B.

Поляна, Сваляв. — Polena, B.
Поляна, Кобилецька, Рахів. — Polyana, Kabola, M.
Поляна, Косівська, Рахів. — Polyána, Kaszó, M.
Поляна, Липецька, Хуст. — Polyána, Lipcse, M.
Поляна, Синевирська, Міжгір. — Polyána, Szinevér, M.
Поляна, Тур'я, Перечин. — Polyána, Turja, U.
Порошково, Перечин. — Poroskó, U.
Приборжавське, Іршав. — Zadnya, M.
Пузняківці, Мукачів. — Puznyákfalva, B.

Радванка, Ужгород. — Radvánc, U.
Раково, Перечин. — Rákó, U.
Раковець, Великий, Іршав. — Rákóc, Ug.
Раковець, Малий, Іршав. — Rákóc, Ug.
Ракошино, Мукачів. — Rákos, B.
Ратівці, Ужгород. — Rát, U.
Рахів, Рахів. — Rahó, M.
Ремети, Нижні, Берегів. — Remete, B.
Ремети, Верхні, Берегів. — Remete, B.
Ремети, Тур'ї, Перечин. — Remete, Turja, U.
Рипинне, Міжгір. — Repina, M.
Родниківка (Ізвор), Сваляв. — Izvor, B.
Розтока, Нова, Воловец. — Rosztoka, Új, B.
Рокосово, Хуст. — Rakasz, Ug.
Ромочевиця, Мукачів. — Romocsaháza, B.
Росвигово, Мукачів. — Oroszvég, B.
Росішка, Рахів. — Roszucska, M.
Руське, Мукачів. — Ruszkóc, B.
Руське Поле (Урмезієво), Тячів.— Ürmező, M.

Сасово, Виноградів. — Szászfalu, Ug.
Свалява, Сваляв. — Szolyva, B.
Середнє, Ужгород. — Szerednye, U.
Синевир, Міжгір. — Szinevér, M.
Сімер, Перечин. — Szemere, Ó, U.
Сімерки, Перечин. — Szemere, Új, U.
Скотарське, Воловец. — Szkotárszka, B.
Сокирница, Хуст. — Szeklence, M.
Солотвина, Нижня, Ужгород. — Szlatina, Nagy, U.
Ставне, Великоберезнян. — Sztavna, U.
Стеблівка (Салдобош), Хуст. — Száldobos, M.
Страбичово, Мукачів. — Sztrabicsó, B.
Стрипа, Ужгород. — Sztrippa, U.
Стричава, Великоберезнян. — Sztricsava, U.
Стройно, Сваляв. — Sztrojna, B.
Студений, Верхній, Міжгір. — Hidegpatak, M.
Стужиця, Стара, Великоберезнян. — Sztuzsica, Ó, U.
Суха, Іршав. — Szuhapataka, M.

Теково, Виноградів. — Tekeháza, Ug.
Теребля, Тячів. — Talaborfalu, M.
Тересва, Тячів. — Taracköz, M.
Тихий, Великоберезнян. — Tiha, U.
Торунь, Міжгір. — Toronya, M.
Тросник (Шашвар), Виноградів. — Sásvár, Ug.
Туриця, Перечин. — Turica, Kis, Nagy, U
Тячів, Тячів. — Técső, M.

Угля, Тячів. — Uglya, M.
Ужгород, Ужгород. — Ungvár, U.
Ужок, Великоберезнян. — Uzsok, U.

Хижа, Виноградів. — Tarna, Kis, Ug.
Худльово, Ужгород. — Horlyó, U.
Хуст, Хуст. — Huszt, M.

Циганівці, Ужгород. — Ciganyóc, U.

Часлівці, Ужгород. — Császlóc, U.
Чепівка, Берегів. — Végardó, Beregszász, Ug.
Черна, Виноградів. — Csarnató, Ug.
Чинадієво, Сваляв. — Szentmiklós, B.
Чорноголова, Великоберезнян. — Csornaholova, U.
Чорнотисів (Чорний Ардів), Виноградів. — Ardó, Fekete, Ug.
Чумалево, Тячів. — Csománfalva, M.

Шелестово, Мукачів. — Selesztó, B.
Широке (Шард, Верхній), Виноградів. — Sárad, Felső, Ug.

Ярок, Ужгород. — Árok, U.
Ясіня, Рахів. — Körösmező, M.

## КОНКОРДАНЦИЯ СЛОВАЦКИХ И ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ

Adidovce — Agyidóc, Z.

Bajany — Bajánháza, U.
Baškovce — Baskóc, U.
Batva — Bátfa, U.
Belá nad Cirochou — Bela, Ciroka, Z.
Belá, Zbudská — Bela, Izbugya, Z.
Beňatina — Benetine, U.
Beša — Bés, U.
Bežovce — Bező, U.
Borov — Boro, Z.
Brekov — Barkó, Z.
Brezovec — Brezovec, Z.
Brod, Krásny — Bród, Kraszni, Z.



Bunkovce — Bunkóc, U.
Bystrá, Ruská — Bisztra, Orosz, Z.

Čabalovce — Csabalóc, Z.
Čabiny, Nižné, Vyšné — Csebinye, Alsó, Felső, Z.
Čečehov — Szocsogó (Csecsehó), U.
Čemerné — Csemernye, Z.
Čertižné — Csertész, Z.
Čičarovce — Csicser, U.
Čukalovce —Csukalóc, Z.

Dara — Dara, Z.
Dedačov — Dedasóc, Z.
Dlhé nad Cirochou — Hosszúmező, Ciroka, Z.
Drahňov — Deregnyő, Z.
Dubrava — Dubrava, Z.

Habura — Habura, Z.
Hankovce — Hankóc, Z.
Hažín nad Cirohou — Hazsina, Z.
Hažín — Gézsény, U.
Hlivištia — Hliviscse, U.
Hnojné — Hanajna, U.
Horňa — Hornya, U.
Hostovice — Hosztovica, Z.
Hrabovec nad Laborcom — Hrabóc, Izbugya, Z.
Hrabovec, Ruský — Hrabóc, Orosz, Z.
Hrušov, Vyšný — Hrusóc, Z.
Humenné — Homonna, Z.
Hunkovce — Hunkóc, U.
Husák — Huszak, U.

Chlmec — Helmecke, Z.

Iňačovce — Solymos, U.
Inovce — Inóc, Z.
Ižkovce — Iske, U.

Jablonka, Nižná, Vyšná—Jablonka, A., F., Z.
Jabloň — Jablonya, Tót, Z.
Jalová — Jalova, Z.
Jasenov — Jeszenő, U.
Jastrabie — Jesztreb, U.
Jenkovce — Jenke, U.
Jovsa — Jászva, U.

Kalinov — Kalena, Z.
Kaluža — Kaluzsa, U.
Kamenica nad Cirochou — Kemence, Nagy, Z.
Kamienka — Kemence, Kis, Z.
Kapušany, Veľké Kapos, Nagy, U.
Klenová — Klenova, Z.
Klokočov — Klokocsó, U.
Kochanovce — Kohanóc, Z.
Kolbasov — Kolbaszó, Z.
Kolibabovce — Kolibabóc, U.
Kolonica — Kolonica, Z.
Komárovce — Palágy Komoróc, U.
Komarovce — Komoróc, Szobránc, U.
Koňuš — Konyus, U.
Koromľa — Koromlya, U.
Koškovce — Koskóc, Z.
Krásnovce — Krasznóc, Z.
Krášok — Kráska, U.
Krisov — Kérész, U.
Kristy — Kereszt, U.
Krivá — Kriva, Z.
Krivé, Slovenské — Kriva, Tót, Z.
Krivosťany — Krivostyán, Z.
Križany (Krisov, Mokča) — Kérész, Mokcsa, U.
Kudlovce — Kudlóc, Z.
Kusín — Kuszin, U.

Lackovce — Lácfalva, Z.
Ladomirov — Ladomirovó, Z.
Lastomír — Lasztomer, Z.
Lekárovce — Lakárd, U.
Lesné — Leszna, Z.
Liesková — Mogyorós, U.
Lúčky — Lucska, U.
Ľubiša — Lyubise, Z.

Maškovce — Maskóc, Z.
Maťovce — Matyóc, U.
Medzilaborce — Mezőlaborc, Z.
Michajlov — Mihalóc, Z.
Michalovce — Nagymihály, Z.
Močarany — Mocsár, Z.
Močiar — Mocsár, U.
Modra — Modra, Z.
Mokča — Mokcsa, U.

Nacina Ves — Natafalva, Z.
Ňagov — Nyágó, Z.
Ňarád — Nyárád, U.
Nemecké, Nižné — Németi, Alsó, U.
Nemecké, Vyšné — Németi, Felső, U.
Nová Sedlica — Novoszelica, Z.

Oborín — Abara, Z.
Oľšinkov — Olsinka, Z.
Orechová — Orechova, U.
Oreské — Oreszka, Z.
Osadné (Telepovce) — Telepóc, Z.
Ostrov — Osztró, U.
Ostrožnica — Osztrozsnica, Z.

Palín — Pályin, U.
Palota — Palota, Z.
Papín — Papina, Z.
Parihuzovce — Parihuzóc, Z.
Pavlovce nad Uhom — Páloc, U.
Pčoliné — Pcsolina, Z.
Petrovce — Petróc, Z.
Pichne — Pichne, Z.
Pinkovce — Pinkóc, U.
Podhorod' — Váralja, U.

Pol'ana, Vel'ká — Polyána, Nagy, Z.
Polianka, Blatná — Polyánka, Sáros Z.
Polianka, Nechválova — Polyánka, Nechval, Z.
Porostov — Porosztó, U.
Poruba pod Vihorlátom (Nemecká) — Poruba, Német, U.
Porúbka — Poruba, Ördög, U.
Porúbka — Porubka, Z.
Priekopa — Prikopa, U.
Príslop — Priszlop, Z.
Potok, Ruský — Oroszpatak, Z.
Ptičie — Peticse, Z.
Ptruksa — Ptruchsa, U.

Radvaň, Nižná — Horbok, Alsó, Z.
Radvaň, Vyšná — Radvány, Z.
Raškovce, Malé, Veľké — Ráska, Kis, Nagy, Z.
Rebrín — Rebrin, U.
Remety, Blatné — Remete, Sáros, U.
Remetské Hámre — Remete, Felső, U.
Reviština, Vyšné, Blatné — Reviscse, Felső, Sáros, U.
Rokytov, Humenský — Homonna, Rokitó, Z.
Rokytov, Zbudský — Rokitó, Izbugya, Z.
Rokytovce — Rokitóc, Z.
Roztoka, Hrabová — Rosztoka, Hrabova, Z.
Roztoka, Kalná — Rosztoka, Z.
Roztoka, Stakčianska — Rosztoka Sztakcsin, Z.
Runina — Runyina, Z.
Ruská — Ruszka, Z.
Ruská — Ruszka, U.
Ruskovce — Ruszkóc, U.
Rybnica, Nižná, Vyšná — Ribnice, Alsó, Felső, U.

Sejkov — Székó, U.
Senné — Szenna, U.
Sentuš — Szentes, U.
Slemence, Malé — Szelemenc, Kis, U.
Slemence, Veľke — Szelemenc, Nagy, U.
Sliepkovce — Szelepke, Z.
Snina — Szinna, Z.
Sobrance — Szobránc, U.
Stakčín — Sztakcsin, Z.
Stankovce — Sztankóc, Z.
Staré — Sztára, Z.
Starina — Sztarina, Z.
Straňany — Sztranyán, U.
Strážske — Őrmező, Z.
Stretava — Szeretva, Nagy, U.
Stretavka — Szeretva, Kis, U.
Strihovce — Sztrihóc, Orosz, Z.
Svätuš (Sentuš) — Szentes, U.
Svetlice (Világy) — Világi, Z.

Šamudovce — Sámogy, Z.
Šmigovec — Smugóc, Z.

Ťahyňa — Tegenye, U.
Tarnava — Tarna, U.
Tašuľa — Tasolya, U.
Telepovce — Telepóc, Z.
Tibava — Tiba, U.
Topoľa — Topolya, Z.
Topoľany — Topolyán, Z.
Trnava pri Laborci (Tarnava) — Tarna, U.

Ubľa — Ublya, Z.
Úbrež — Ubrezs, Z.
Udavské — Udva, Z.
Ulič — Ulics, U.

Vajany — Vajan, U.
Vajkovce — Vajkóc, U.
Valaškovce — Valaskóc, Z.
Veškovce — Veskóc, U.
Vinné (Vinna) — Vinna, U.
Vladiča, Nižná, — Ladiskóc, Alsó, Z.
Vladiča, Vyšná — Ladiskóc, Felső, Z.
Vojany (Vajany) — Vajan, U.
Vojkovce (Vajkovce) Kapušianske — Vajkóc, U.
Vojnatina — Vajnátina, U.
Voľa — Volya, Laborc, Z.
Volica — Volyica, Z.
Vrbovec — Verbóc, U.
Vydraň — Vidrány, Z.
Výrava — Virava, Z.
Vysoká nad Uhom — Viszoka, U.

Záhor — Zahár, U.
Zalužice, Malé — Zalacska, Kis, U.
Zalužice, Veľké — Zalacska, Nagy, U.
Závadka — Zavadka, U.
Zboj — Zboj, Z.
Zbudza — Izbugya, Alsó, Felső, Z.
Zubné — Zubna, Z.
Zvala — Zvella, Z.



## КОНКОРДАНЦИЯ РУМЫНСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ НАЗВАНИЙ

Balcan — Hirip, Sz.
Băbeşti — Bábony, Ug.
Bărbeşti — Bárdfalva, M.
Bărsana — Barcánfalva, M.
Bătarci — Batarcs, Ug.
Berinţe — Berence, Sz.
Bicsad — Bikszád, Sz.
Boineşti — Bujánháza, Sz.
Borşa — Borsa, M.
Botiza — Batiza, M.
Budeşti — Budafalva, M.

Călineşti — Kalinfalva, Alsó, M.
Călineşti — Kalinháza, Sz.
Cămărzana — Komorzán, Sz.
Cîmpulungă-Tisa — Hosszúmező, M.
Corneşti — Somos, M.
Crăceşti — Krácsfalva, M.

Daboltţ — Dabolc, Ug.
Deseşti — Desze, M.
Dragomireşti — Dragomérfalva, M.

Fereşti — Fejérfalva, M.

Gherţa-Mare — Gérce, Nagy, Ug.
Gherţa-Mică — Gérce, Kis, Ug.
Giuleşti — Gyulafalva, M.
Glod — Glód, M.

Harniceşti — Hernécs, M.
Hoteni — Hotinfalva, M.

Jeud — Jód, M.

Lechniţa — Lekence, Sz.
Leordina — Leordina, M.
Lipoveni — Lippó, Sz.

Moisei — Mojszén, M.

Naneşti — Nánfalva, M.
Negreşti — Felsőfalu, Sz.

Ocna-Şugatag — Sugatag, M.
Onceşti — Váncsfalva, M.

Petrova — Petrova, M.
Poienile-Glodului — Polyána, Sajó, M.

Racşa — Rákos, Sz.
Rona-de-Jos — Róna, Alsó, M.
Rozavlea — Rozávlya, M.
Rus — Oroszfalu, Sz.
Ruscova — Ruszkova, M.

Saliştea-de-Sus — Szelistye Felső, M.
Sarasău — Szarvaszó, M.
Satul-Nou-de-Jos — Újfalu, Sz.
Satul-Nou-de-Sus — Újfalu, Sz.
Săcel — Szacsal, M.
Săpînţa — Szaplonca, M.
Sighet — Sziget, M.
Sîrbi — Szerfalva, M.
Slătiora — Sóspatak, M.
Strămtura — Szurdok, M.

Şieu — Salyó, M.

Tămăşeni — Tamásváralja, Ug.
Tărna-Mare — Tarna, Nagy, Ug.
Tîrşolţ — Tarsolc, Sz.
Trep — Terep, Sz.
Turţ — Turc, Ug.

Vad — Farkasrév, M.
Valea-Porcului — Disznópataka, M.
Valea-Seacă — Szárazpatak, Ug.
Vama — Vámfalu, Sz.
Văleni — Mikolapatak, M.
Vişeul-de-Jos — Visó, Felső, M.
Vişeul-de-Sus — Visó, Alsó, M.

## УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Ниже даются личные имена и топонимические названия, которые приведены в качестве данных в 1-й части.

# БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография содержит издания памятников среднезакарпатского говора, монографии о языке памятников и о развитии говора, но она не претендует на полноту. Памятники языка не перечисляются, потому что их перечень можно найти в работе И. Панькевича „Нарис історії українських закарпатських говорів. ч. I. Фонетика.“

В библиографии приведены некоторые работы по истории заселения Закарпатья. Все данные расставлены по азбуке кириллицы.

*Антошин Н. С.* Закарпатская грамота 1404 г. НЗ УДУ. XIII. (рецензия И. Панькевича: Мовознавство. XV.).
*Балецкий Э.* Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. Studia Slavica. IV.
*Балецкий Э.* Из наблюдений над значением и распространением слова *d'ug*. Studia Slavica. III.
*Балецкий Э.* О языковой принадлежности и заселении села Комлошка в Венгрии. Studia Slavica. II.
*Балецкий Э.* Памятник украинского делового языка XVII века. Studia Slavica. II.
*Балецкий Э.—Перени Й.* Украинская грамота Софии Батори 1674 г. Studia Slavica. V.
*Балецкий Э.* „Ü" в чинядевском говоре. Зоря. III.
*Балецкий Э.* Эгерский рукописный ирмологий. Studia Slavica. IV.
*Бевзенко С. П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.
*Бевзенко С. П.* Із спостережень над мовою пам'яток розповідних жанрів, писанних на Закарпатті. (Повісті з „Римських Діянь“ в закарпатській обробоці XVII ст.) НЗ УДУ. XXV.
*Bélay V.* Máramaros megye társadalma és nemzetiségei a megye betelepülésétől a XVIII. sz. elejéig. Budapest, 1943.
*Бирчак Б.* Литературнѣ стремлѣня Подкарпатськоѣ Руси. Ужгород, 1921.
*Бирчак Б.* Літературні стремління Підкарпатської Руси. Ужгород, 1937.
*Біленькій.* Старша руська письменность на Угорщинѣ. Унгвар, 1907.
*Біленький Я.* Угроруські літописні записки. ЗНТШ. CIV.
*Bonkáló A.* Die ungarländischen Ruthenen. Ungarische Jahrbücher. I.
*Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение.) Львов, 1949.
*Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. (Сложное предложение.) М. 1958.
*Брох О.* Угрорусское наречие села Убли (Земплинского комитата). Исследования по русскому языку. С-Пб. 1899.
*Broch O.* Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze. Kristiania, 1899.
*Broch O.* Über die Mundart der Maramaroschen Ruthenen. Stanislau, 1883.
*Broch O.* Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, 1897.
*Vašica J.* Slavica Kováčovy diecésní knihovny v Prešově. Slovanský Sborník, věnovaný Fr. Pastrnkovi k 70. narozeninám. Praha, 1923.
*Верхратский I.* Знадсби для пізнання угорсько - руських говорів. I. Говори з наголосом движимим. Львів, 1899; II. Говори з наголосом сталим. Львів, 1901.
*Werchratskij I.* Über die Mundart der Maramaroschen Ruthenen. Stanislau, 1883.
*Возняк М.* Пôдкарпатска обработка легенды про запис душѣ чортови ради дѣвчины. НЗТП. I.
*Vondrák V.* Vergleichende slavische Grammatik. I. Göttingen, 1906, II. 1908.

*Врабель М.* Краткое лѣтословіе о монастыри чина св. Василія Великаго на горѣ Чернецкой сущемъ — еже показуетъ въ котрое лѣто начался, кто въ немъ игуменомъ былъ, что достопамятного подъ каждымъ сталося отъ лѣта 1458-го, изобрѣтенное въ Мистохранилищи монастыря Мукачевского. Наука. 1897—1899.
*Gabriel Fr.* Vývoj kolonisace drugetovského panství užhorodského. НЗТП. IX.
*Габріель Ф.* Господарське положеня Подкарпатськоѣ Руси на початку XVIII. ст. Подкарпатска Русь. X.
*Габриель Ф.* Материалы к истории крепостничества на Подкарпатской Руси. Научный сборник Сабова. Ужгород, 1935.
*Gabriel* Fr. Selský stav v užhorodském komorním panství na sklonku XVIII. století. Zvláštní otisk ze Sborníku musejní společnosti v Užhorodě, 1932.
*Габріель Ф.* Ужгородська камеральна доминія в 90. роках XVIII. столѣтя. Подкарпатська Русь. IX.
*Гаджега В.* Додатки до исторіѣ Русинôв и руських церквей в був. жупѣ Земплинскôй. НЗТП. VII—VIII, IX, X.
*Гаджега В.* Додатки до исторіѣ Русинôв и руських церквей в жупѣ Уг'оча. НЗТП. IV, V.
*Гаджега В.* Додатки к исторіи Русинôв и руських церквей в Мараморошѣ. Студіѣ исторично-архивнѣ. НЗТП. I.
*Гаджега В.* Додатки к исторіи Русинôв и руських церквей в Ужанскôй жупѣ. Студіѣ исторично-архивнѣ. НЗТП. II, III.
*Гаджега В.* Князь Федор Корятович и Мараморош. Подкарпатска Русь. VII.
*Геровскии Г.* История угро-русской литературы в изображении Володимира Бирчака. Ужгород, 1943.
*Gerovskij G.* Jazyk Podkarpatské Rusi. Československá vlastivěda. III. Jazyk. Praha, 1934.
*Геровский Г.* Карпаторусская грамота 1404 г. Slavia. XVII.
*Гнатюк В.* Зборник Петра Колочавского. НЗТП. I.
*Гнатюк В.* Угроруський співанник Ів. Гряделевича. ЗНТШ. LXXXVIII.
*Гнатюк В.* Угроруські духовні вірши. ЗНТШ. XLVI—XLVII, XLIX.
*Hodinka A.* Adalékok az Ungvári vár és tartománya és Ungvár város történetéhez. Ungvár, 1917.
*Hodinka A.* A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk. Budapest, 1923.
*Hodinka A.* A munkácsi görögkatholikus püspökség története. Budapest, 1910 (1909).
*Годинка А.* Переписка епископа Ольшавского з гуменами Пазином и Скрипком. Записки Чина св. Василия Великого. VI.
*Hodinka A.* II. Rákóczi Ferenc fejedelem és a gens fidelissima. Pécs, 1937.
*Horálek K., Horálkova Z.* Ukrajinská píseň o vojvodě Štefanovi v zápisu ze XVI. století. Slavia. XXVII.
*Грига М.—Лелекач М.* Выбор из старого письменства Подкарпатья. Ужгород, 1944.
*Гринченко Б.* Словарь української мови. I—IV. К. 1909.
*Hurmuzaki E.* Documente privitore la Istoria Romînilor. I. 2., II. 2. Bucureşti, 1890, 1891.
*Дзендзелівський Й. О.* Назви сільськогосподарських культур у говорах Закарпаття. Studia Slavica. VI.
*Дзендзелівський Й. О.* Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області. НЗ УДУ. XIV.
*Dobrovsky J.* Russniaken in der Maramorosch. Vaterländische Blätter. 27. Praha, 1812.
*Дурново Н.* Введение в историю русского языка. ч. I. Брно, 1927.
*Дурново Н.* Очерки истории русского языка. М.-Л. 1924.
*Дэже Л.* К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв. Studia Slavica. IV, VII.
*Дэже Л.* Материалы к словарю закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв. Будапешт, 1965.
*Дэже Л.* О лексике закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв. Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica. VII.
*Дэже Л.* Памятники деловой письменности Закарпатья. (Урбариальные записи.) Будапешт, 1965.
*Дэже Л.* Урбариальные записи с Марамарошской Верховины. Studia Slavica. III.
*Дэже Л.* О языке урбариальных записей 1771—1774 гг. Studia Slavica. XI.





*Dezső L.* Adalékok a délmáramarosi u-zó nyelvjárás XVI—XVIII. sz.-i fejlődéséhez. Kandidátusi értekezések tételei. Budapest, 1956.
*Dezső L.* Adalékok a magyar szövegek cirillbetűs átírásának történetéhez. Magyar Nyelvőr. LXXXIII.
*Dezső L.* A kárpátaljai irodalom kezdetei. Filológiai Közlöny. IX.
*Dezső L.* A kárpátaljai „népi irodalom". Filológiai Közlöny. XII.
*Dezső L.* A szemantika és a lexikológia néhány kérdése. Általános Nyelvészeti Tanulmányok. IV. Bp. 1966.
*Dezső L.* A szókincs és nyelvtan statisztikai vizsgálata. A MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. XXI.
*Dezső L.* Hozzászólás Gáldi László „A szlavisztikai jövevényszókutatás néhány problémája" c. előadásához. A MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. XII.
*Dezső L.* Oroszvégesi Mihály műveinek nyelvéről. Filológiai Közlöny. IV.
*Dezső L.* Zur Geschichte der subkarpatischen ukrainischen Mundarten. Die Welt der Slaven. X.
*Єдлінська У. Я.* «Протокольна книга мукачівського єпископа» — памятка української літературної мови на Закарпатті в другій половині XVIII ст. Дослідження і матеріали з української мови. III.
Історія Української РСР. т. I. Ред. колегія: О. К. Касименко, В. А. Дядиченко, Ф. Е. Лось, Ф. П. Шевченко, Ф. О. Ястребов. К. 1953.
Катихисіс Малый или наука православно-христіанская сокращенная во благочестное воспитаніе юношества діецесіи Мункачовскія составленная въ Унгварѣ. В Будинѣ градѣ, 1801.
*Iorga N.* Scrisori şi inscripţii Ardelene şi Maramureşene. I. Bucureşti, 1906.
*Кинах Г.* Посіщенне мараморoських монастирів 1749 р. Записки Чина св. Василия Великого. II.
*Колесса О.* Рукописні і палеотипні книги Південного Підкарпаття. Прага, 1927.
*Колесса О.* Ужгородський „Полуустав" у пергаміновій рукописі XIV. в. ЗНТШ. CXI.
*Коломиец И. Г.* Очерки по истории Закарпатья. Труды Томского Государственного Университета им. В. В. Куйбышева. 121.
*Кондратович И.* Стремлѣня за руську печатню на Пôдкорпатскôй Руси и памятники старопечатных церковных книг. Подкарпатська Русь. I.
*Кралицкий А.* Дарственные грамоты из архива монастыря Заречовского. Свет. 1868.
*Кралицкий А.* Древние исторические памятники и записки из архива монастыря Мстичовского. Свет. 1868.
*Кралицкий А.* Летопись Мукачовскаго монастыря. Слово. Львовъ, 1874.
*Кралицкий А.* Памятники старинной русской письменности в Угорщине. Свет. 1870.
*Кралицкий А.* Просьба жителей Драговских к общему собранию отцев чина Св. Василия В. (кажется из 1775 г.) о получении О. Манасия в игумены своего монастыря. Свет. 1875.
*Краль Ю.* Історія колонизаціи Пôдкарпатскоѣ Руси. Подкарпатска Русь. I.
*Crînjală B.* Rumunské vlivy v Karpatech se vláštnim zřetelem k moravskému Valašsku. Praha, 1938.
*Kuraszkiewicz W.* Z badań nad ikawizmem w ruskich gwarach karpackich. Lud słowianski. IV.
*Лелекач М.* Корытнянский зборник церковных и свѣцких пѣсень. Подкарпатська Русь. VI.
*Лелекач М. М.* Пам'ятки українського письменства XVII — поч. XVIII ст., писані на Закарпатті. (Публикація) НЗ УДУ. XIV.
*Лелекач М. М.* Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. ст. НЗ УДУ. II.
*Лелекач М.—Грига М.* Выбор из старого письменства Подкарпатя. Ужгород, 1944.
*Lutskay M.* Grammatica slavo-ruthena: seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpathicis parvo-russicae, ceu dialecti vigentis lingvae edita per... parochum et v.a. diaconum unghvariensem. Budae, 1830.
Magyarország története I. 1. Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában. (A honfoglalástól 1526-ig.) Írta és szerkesztette Elekes Lajos, Lederer Emma, Székely György. Budapest, 1957.

Magyarország története I. 2. Magyarország története a késői feudalizmus korszakában. 1526—1790. Szerkesztette H. Balázs Éva, Makkai László. Budapest, 1957.
*Марков О. О.* Материалы для социальной истории Подкарпатской Руси в XVIII веке. Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930.
*Mihályi J.* Máramarosi diplomák a XIV. és XV. századból. Máramaros Sziget, 1908.
*Микитась В. Л.* Український письменник-полеміст Михайло Андрелла. Ужгород, 1960.
*Митрак А.* Грамота Мануила Ольшавского. Листок. 1889.
*Мицюк А.* До терезіанско-руского урбару. Подкарпатска Русь. XI.
*Мишанич О. В.* Література Закарпаття XVII—XVIII століть. К. 1964.
*Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. Ужгород, 1932.
*Недзельский Е.* З уст народу. Прислів'я, приказки, заклинання примовки, загадки і приповідки Закарпаття. Пряшів, 1955.
Общїй законъ надъ прегрѣшенїями, и тоихъ казнями. Вїеннѣ въ лѣто аѱпи.
*Охримович О.* Рукописні церковні книги в с. Волосянці, Стрийського повіту. ЗНТШ. XIX.
*Павлюк Н.* Украинские говоры Мараморощины. (Области Бая-Маре Румынской Народной Республики.) (Автореферат диссертации . . .) Харьков, 1958.
*Панькевич І.* Говір села Валяшковець був. Земплинскої жупи. ЗНТШ. XCIX.
*Панькевич І.* Говір сіл ріки Руської був. Мармороша в Румунії. НЗТП. X.
*Панькевич І.* Дві лемківські грамоти з початку XVI. століття. Slavia. XXIII.
*Панькевич І.* До питання генези українських лемківських говорів. Славянская филология. Сборник статей. II. М. 1958.
*Панькевич И.* Єще о пôдкарпатськорускôй записцѣ студентськых вѣрш из 1751. року. Подкарпатска Русь. V.
*Панькевич І.* Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII—XVIII вв. Slavia. XXVII.
*Панькевич І.* Збірка закарпатсько-українських народних приповідок Івана Югасевича з р. 1809. Прага, 1947.
*Панькевич И.* Инвентарѣ (протоколы) каноничных визитацій вороновского округа 1750-ых рокôв пôд оглядом языковым. НЗТП. III.
*Панькевич І.* Кілька заміток до останку аориста в закарпатських говорах. ЗНТШ. CXLI—CXLIII.
*Панькевич І.* Кілька нових дат до життепису Михайла Феодула Оросвиг'овського Андрелли. Підкарпатська Русь. VIII.
*Панькевич И.* Ладомирôвске Учительне Евангеліє. НЗТП. II.
*Панькевич И.* Мукачевские пергаменные отрывки. Byzantinoslavica. XV.
*Панькевич И.* Найдавнѣйша грамота подкарпато-руська. Подкарпатська Русь. II.
*Панькевич І.* Нарис історії українських закарпатських говорів. ч. I. Фонетика. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. I. Praha, 1958.
*Панькевич І.* Нові історичні дані до висвітлення деяких українських діялектичних явищ в був. жупі Угоча. НЗТП. XIII—XIV.
*Панькевич І.* Новонайдені старинні світські пісні. Підкарпатська Русь. XII.
*Панькевич И.* „О пути Єрусалимской . . . Даниїла архимандрита монастыря Корсунского" в списку кôнця XVIII ст. НЗТП. IV.
*Панькевич І.* Острожницькі пергаменні листки XI—XII ст. Jazykovedný sbornik. V. Bratislava, 1951.
*Панькевич И.* Перезвук етимологичного *о, е* в *у, ü, і*. Подкарпатска Русь. IV.
*Панькевич И.* Пôдкарпатска записка студентськых вѣрш из 1751 року. Подкарпатска Русь. III.
*Панькевич І.* Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. НЗТП. VI.
*Панькевич І.* Покрайні записки на підкарпатських церковних книгах. НЗТП. XII.
*Панькевич І.* Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 манастирських грамот. Прага, 1947.
*Панькевич І.* Пісня про Штефана воєводу як пам'ятка лемківського шариського говору. Lingvistica slovaca. IV—VI.
*Панькевич І.* Пѣстряловскій рукопис Александриѣ из року 1774. НЗТП. IV.
*Панькевич І.* Семигородське парамійне читання про пімсту Ярослава на Святополкові за убиття Бориса і Гліба. Slavia. XIX.



*Панькевич І.* Сполучник *чом* в підрядних реченнях причин в українських закарпатських літературних пам'ятках. Československá Rusistika. 1.
*Панькевич І.* Славеноруська граматика Арсенія Коцака другоѣ половины XVIII. вѣка. НЗТП. V.
*Панькевич І.* Тишовска Александрія из початку XVIII в. НЗТП. 1.
*Панькевич І.* Уваги до вияснення процессу ікавізму в українських південно-карпатських говорах. Науковий збірник Вільного Українського Универзитету в Празі. III.
*Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. ч. I. Прага, 1938.
*Панькевич І.* Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді. Slavia. XXIV.
*Панькевич І.* Фольварська грамота Алексія Мироловича 1607 р. як пам'ятка українського лемківського говору на Спиші. Lingvistica Slovaca. IV—VI.
*Панькевич І.* Чи можна говорити про болгаризми в підденнокарпатських говорах. Науковий збірник в 30 річницю наукової праці проф. Д-ра Івана Огієнка. Варшава, 1937.
*Панькевич І.* Гліб Кинах, „Краткое лѣтословіе" мукачевського монастыря о Корятовичови. Подкарпатська Русь. VII.
*Панькевич І.* Н. С. Антошин, Закарпатская грамота 1404 г. НЗ УДУ. XIII. (рецензия: Мовознавство XV.)
*Perfeckij E.* Socialně-hospodarské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII—XV. Bratislava, 1924.
*Перени, Й.—Балецкий, Э.* Украинская грамота Софии Батори 1674 г. Studia Slavica. V.
*Петров А.* Древнейшая церковно-славянская грамота 1404 г. о карпаторусской территории. Ужгород, 1927.
*Петров А.* Духовно-полемическое сочинение иерея Михаила Оросвиговского Андреллы против католичества и унии. Тексты. Прага, 1932. Материалы для истории Закарпатской Руси. IX.
*Петров А.* Канонические визитации 1750—1767 гг. в вармедях Земплинской, Шаришской, Спишской. НЗТП. III.
*Петров А.* Карпаторусские межевые названия из пол. XIX и из нач. XX в. Прага, 1929.
*Петров А.* Отзвук реформации в русском Закарпатье XVI в. Прага, 1923. Материалы для истории Угорской Руси. VIII.
*Петров А.* Первый печатный памятник угро-русского наречия. Урбар и иные связанные с крестьянской Марии Терезии реформой документы. С.-Пб. 1908. Материалы для истории Угорской Руси. V.
*Петров А.* Пределы угрорусской речи в 1773 г. по официальным данным. С.-Пб. 1911. Материалы для истории Угорской Руси. VI.
*Petrov A.* Sborník Fr. Pestyho Helységnévtára — Seznam osad v Uhrách z r. 1864—65, jako pramen historicko-demagrafických údajů o slovenských a karpatoruských osadach. Praha, 1927.
*Петров А.* Старопечатные церковные книги в Мукачеве и Унгваре. Материалы для истории Угорской Руси. IV. С.-Пб. 1908.
*Петров А.* Угрорусские заговоры и заклинания XVIII. в. Материалы для истории Угорской Руси. IV. С.-Пб. 1908.
*Петрушевич А.* Историческая песнь карпаторуссов 1683 г. Лит. Сборн. Галиц. русск. Матицы. Львів, 1886.
*Погорелов В.* Карпаторусские этюды. II. Болгаризмы в карпаторусских говорах. Spisy Filozofickej fakulty Slovenskej university v Bratislave. II.
*Рахівський О.* Виїмки из угорсько-руського письменства XVII—XVIII. вв. Будапешт, 1919.
*Szabó I.* Ugocsa megye. Budapest, 1937.
*Сабов Е.* Христоматия церковно-славянских и угрорусских литературных памятников с прибавлением угрорусских народных сказок на подлинных наречиях. Унгвар, 1893.
*Саханев В.* Новый карпаторусский эпиграфический материал. НЗТП. IX.
*Стрипский Я.* Гдѣ документы старшей исторіи Подкарпатской Руси? О межевых названіях. Ужгород, 1924.

*Стрипский Я.* До исторiи наших учебников. Литературна Недѣля. 1944.
*Стрипский Г.* З старшої письменности Угорської Руси. Львiв, 1914.
*Стрипский Г.* Памятки русько-країнської мови и лiтератури. I. Будапешт, 1919. Помощникъ оу домѵвствѣ и междѵ людми. Зложенъ Нiколаемъ Ѳеодоровичъ року аѱча оу Мигаловцох. Впорядив и пояснив . . .
*Стрипский Я.* Сборник Iгнатия 1660. р. Литературна Недѣля. III.
[*Стрипский*]*Я.* Читанка для дорослих. Мукачово, 1919.
*Sztripszky H.* Sztojka püspök újonnan felfedezett antimensionja és az irholczi monostor. Ungvár, 1916.
*Sztripszky H.* Ismeretlen kolozsvári rutén-könyv 1746-ból. Erdélyi Múzeum. Új folyam. VI. 1911. XVIII.
*Tichy Fr.* Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi. Praha, 1938.
*Тихий Ф.* Замѣтки до Мукачевскоѣ лѣтописи з XV. вѣку. НЗТП. 1.
*Тихий Ф.* З окраины чесько-руських литературных взаємин. НЗТП. II.
*Tichý Fr.* Československé písně v Moskovském zpěvníku. Praha, 1931.
*Удовиченко Г. П.* Про стиль полемiчних творiв Михайла Андрелли. ДП УДУ. 1.
Ungvár és Ung vármegye. (Ungvár és Ung vármegye községei.) Budapest, 1940.
*Франко I.* Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. Львiв, 1900.
*Франко I.* Памятки українсько-руської мови i лiтератури. I—VI. Львiв, 1896—1912.
*Францев В. А.* Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII—XIX. Карпатскій Свѣт. 1929.
*Csánki D.* Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában. I. Budapest, 1890.
*Чередниченко И. Г.* Синтаксичнi явища закарпатських українських говорiв. Вопросы славянского языкознания. II.
*Шаш А.* Дещо из торговельно-господарскоѣ историѣ панства Мукачевско-Чинадѣевского у XVIII. столѣтю. Подкарпатска Русь. X.
*Шаш Ш.* Нарис соцiяльної й господарської iсторiї Шенборнської латiфундiї Мукачiвсько-Чинадiєвської в першiй половинi XVIII. ст. НЗТП. IX.
Elementa puerilis institunionis in lingva latina. Нача́ло пи́сьменъ Дѣтемъ къ наставлѐнїю на Лати́нскомъ ꙗзы́кѣ. Повеленїемъ и накла́дом Бг҃олюби́ваго кѵр. Михаила Манѵила Олша́вски . . . Напеча́таса въ Коложварской Типогра́фїи лѣта Гдн҃а ҂афмѕ.
*Яворский Ю. А.* Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковно-учительной обработке конца XVII-го века. НЗТП. V.
*Яворский Ю. А.* Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. Прага, 1930.
*Яворский Ю. А.* Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI—XIX веков. НЗТП. VII—VIII.
*Яворский Ю. А.* Карпаторусское поучение о снах. Ужгород, 1928.
*Яворский Ю. А.* Легенда о происхождении павликан. Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л. 1928.
*Яворский Ю. А.* Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси. Прага, 1934.
*Яворский Ю. А.* Новые данные для истории старинной малорусской песни и вирши. Львов, 1921.
*Яворский Ю. А.* Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков. Прага, 1931.
*Яворский Ю. А.* Песня-баллада о козаке и Кулине и духовная песнь грешных людей. Ужгород, 1929.
*Яворский Ю. А.* Повести из „Gesta Romanorum" в карпаторусской обработке конца XVII в. Сборник Русского Института в Праге. Прага, 1929.
*Яворский Ю. А.* Сотацкая песня о русняках. Ужгород, 1935.



## СОКРАЩЕНИЯ

Acsády job. adó. — Acsády I., Jobbágy adózás 1577—97-ben. Budapest, 1896.
Acsády Közg. — Acsády I., Közgazdasági állapotaink a XVI. és XVII. században. Budapest, 1889.
Acsády m. adó. — Acsády I., A magyar adózás története 1598—1604-ben. Budapest, 1906.
Anjouk. — Anjoukori okmánytár. Budapest, I—VII. 1878—1920.
Árpádk. — Árpádkori új okmánytár. Budapest, I—XIII. 1860—1889.
B — Бывший комитат Берег.
B I., II. — I. Bogdan, Documentele lui Ştefan cel Mare. Bucuresti, I—II. 1913.
Bárczi — Bárczi G., Magyar hangtörténet. Budapest, 1954.
Bélay — Bélay V., Máramaros megye társadalma és nemzetiségei a megye betelepülésétől a XVIII. sz. elejéig. Budapet, 1943.
BEW — E. Bernekker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. A—L. Heidelberg, 1913,
C I., II. — M. Costăchescu, Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare. Jaşi, I. 1931, II. 1932.
C III. — M. Costăchescu, Documente moldeveneşti dela Ştefan cel Mare, Jaşi, 1933.
Csánki — Csánki Dezső, Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában. Budapest, I. 1890, III. 1897. (третий том особо отмечается).
Dica — Дикальные переписи в будапештском Государственном Архиве.
Doc. valach. — Documenta historiam valachorum in Hungaria illustrantia usque ad annum 1400. Budapestini, 1941.
EtSz — Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae. — Magyar etymologiai szótár. Írta Gombocz Zoltán és Melich János. Budapest, A—érdem. 1914—1930, II. F—geburnus. 1934—1944.
FEW — Max Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953.
Farkasf. — Farkasfalvi Mauks E, Ungmegye múltjából. Adalékok a vármegye középkori történetéhez, feltüntetve a Nagymihályi család keretében. Szeged, 1905.
Gabriel Pohyb. — Fr. Gabriel, Pohyb obyvatelstva v bývalé užské župě v první polovici 18. století. НЗТП. XI.
Gabriel Podd. — Fr. Gabriel, Poddanské poměry na užhorodském panství ke konci XVII. století. НЗТП. X.
Gabriel Vývoj. — Fr. Gabriel, Vývoj kolonisace drugetovského panství užhorodského. НЗТП. IX.
Gerovskij — G. Gerovskij, Jazyk Podkarpatské Rusi. Československa vlastivěda. III. Jazyk. Praha, 1934.
Györffy — Györffy György, Az árpád-kori Magyarország történeti földrajza. Budapest, 1963.
H — E. Hurmuzaki, Documente privitore la istoria Romînilor. I. 2, II. 2. Bucureşti, 1890, 1891.
Hodinka — Hodinka A., A munkácsi görögkatholikus püspökség története. Budapest, 1909.
Hodinka Adalékok. — Hodinka A., Adalékok az ungvári vár és tartománya és Ungvár város történetéhez. Ungvár, 1917.
Hodinka II. Rák. — Hodinka A., II. Rákóczi Ferenc fejedelem és a „gens fidelissima". Pécs, 1937.

Hodinka rutének — Hodinka A., A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk. Budapest, 1923.

Kniezsa — Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, I. 1, I. 2, 1955.

Kniezsa ecs. láp — Kniezsa I., Az ecsedi láp környékének szláv eredetű helynevei. Debrecen, 1943.

Kniezsa helyesírás — Kniezsa I., Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig. Budapest, 1952.

Kuraszkiewicz — Wł. Kuraszkiewicz, Gramoty halicko-wolyńskie XIV—XV wieku. Studium językowe. Kraków, 1934.

Leh. — Lehoczky Tivadar, Beregvármegye monographiája. Ungvárott, I—III. 1881.

Leh. Ad. — Lehoczky Tivadar, Adalékok az oláh vajdák és kenézek intézményéhez hazánkban. Történelmi Tár. I — II. 1890, III. 1894.

Lexicon — Lexicon universorum Regni Hungariae locorum populosorum anno 1773 officiose confectum. Budapest, 1920.

M — Бывший комитат Мараморош.

Maksai — Maksai F., A középkori Szatmár megye. Budapest, 1940.

Mikl. — F. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1868—74.

Mikl. Lex. — F. Miklosich, Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865.

Mo. népessége — Magyarország népessége a pragmatica sanctio korában. 1720—1721. Budapest, 1896.

Ogonowski — E. Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der Rutenischen Sprache. Lemberg, 1880.

OklSz — Magyar oklevélszótár. Budapest, 1902 — 1906.

Ortvay — Ortvay Tivadar, Magyarország régi vízrajza a XIII. sz. végéig. Budapest, 1882.

Perfeckij — E. Perfeckij, Socialně-hospodarské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII—XV. Bratislava, 1924.

Rabia — E. Rabia, Dialekt Bojków. Sprawozdania z czynności i posiedzeń P. A. U. rok. 1932.

Reg. Var. — Regestrum Váradiense examinum ferri candentis ordine chronologico digestum... curis et laboribus Joannis Karácsonyi et Samuelis Borovszky editum. Budapest, 1903.

Rum. vlivy — D. Crînjală, Rumunské vlivy v Karpatech se vláštním zřetelem k moravskému Valašsku. Praha, 1938.

Scriptores — Scriptores rerum Hungaricorum. Budapest, I—II. 1937—1938.

Stanislav — J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1958.

Sz — Бывший комитат Сатмар.

Szabó — Szabó I., Ugocsa megye. Budapest, 1937.

SzamSz. — Csűry Bálint, Szamosháti szótár. Budapest, I. 1935, II. 1936.

Sztáray — Nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára, Bp. I. 1887, II. 1889.

Tichý — F. Tichý, Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi. Praha, 1938.

U — Бывший комитат Унг.

U et C — Урбары и переписи в будапештском Государственном Архиве. За сокращением дается инвентарьный номер.

Ug — Бывший комитат Угоча.

Ung m. — Ungvár és Ung vármegye. (Ungvár és Ung vármegye községei.) Budapest, 1940.

Vondrák — V. Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik. Göttingen, I. 1906, II. 1908.

Z — Бывший комитат Земплин.

Zichy okm. — Zichy és vásonkeöi gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Budapest, I—XII. 1871—1931.

Zsigmondk. — Zsigmondkori oklevéltár. Budapest, I, II. 1, II. 2. Budapest, 1951—1958.



Alex. — Alexius
Alexand. — Alexander
Andr. — Andreas
Ant. — Antonius
Balt. — Balthasar
Barn. — Barnabas
Bart. — Bartholomeus
Casp. — Casparus
Cl. — Clemens
Const. — Constantinus
Cosm. — Cosmas
Dan. — Danielus
Dem. — Demetrius
Dom. — Dominicus
El. — Elias
Fr. — Franciscus
Gabr. — Gabriel
Ge. — Georgius
Gr. — Gregorius
Ign. — Ignatius
Jac. — Jacobus
Jo. — Johannes
Jos. — Josephus
Lad. — Ladislaus
Laur. — Laurentius
Laz. — Lazarus
Luc. — Lucas
Marc. Marcus
Mate. — Matheus
Mati. — Matthias
Mich. Michael
Nic. — Nicolaus
Paul. — Paulus
Pe. — Petrus
Phil. — Philippus
Proc. — Procopus.
Sim. — Simeon
St. — Stephanus
Teod. — Theodorus
Timot. — Timotheus
To. — Thomas.

*

Алекс. бож. чл҃к — Алексей божий человѣк. Отрывок находится в рукописи XVIII в. в Национальной библиотеки им. Сечени (Eccl. Slav. Quart 11, лл. 248б — 249а).

Акты I. — Акты относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. I. 1361—1598. С.-Пб. 1863.

Бевзенко — С. П. Бевзенко, Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст. НЗ УДУ. IX.

Бевзенко ы — С. П. Бевзенко, Лабіалізоване ы (ы̆) в говорах Закарпаття. НЗ УДУ. XIV.

Борковский — В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение.) Львов, 1949.

Булаховский — Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка. II. (Исторический комментарий.) К. 1953.

Вр. — М. Врабель, Угро-русски народны спѣванки. т. I. (Спѣванки Мараморошски.) Будапешт, 1901.

Вх. I. — I. Верхратський, Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. Говори з наголосом движимим. Львів, 1889.

Вх. II. — I. Верхратський, Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. II. Говори з наголосом сталим. Львів, 1901.

Гаджега Дод. Мар. — В. Гаджег'а, Додатки к исторіи Русинôв и руських церквей в Марамороши. Студіѣ исторично-архивнѣ. НЗТП. I.

Г. В. — Галицко-Волынская летопись. По изданию: Летопись по Ипатскому списку. С.-Пб. 1871.

Гр. — В. Гринченко, Словарь української мови. I—IV. Киев, 1909.

Д — Собрание записей в церковных книгах Л. Дэже.

Дем'янчук — В. Дем'янчук, Морфологія українських грамот XIV і першої половини XV в. Записки історично-філологичного відділу УАН. XVI.

Дзендзелівський — Й. О. Дзендзелівський, Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області. НЗ УДУ. XIV.

Добош — В. I. Добош, Із спостережень над фонетикою південнокарпатських говірок долини Тур'ї. НЗ УДУ. XXVI.

ДП УДУ — Доповіді та повідомлення Ужгородського Державного Університету.

Дэже Заимст. — Л. Дэже, К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв. Studia Slavica. IV.

Жилко — Ф. Т. Жилко, Говори української мови. Київ, 1955.

Ипат. сп. — Летопись по Ипатскому списку. С.-Пб. 1871.

Іст. грам. — О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, І. Й. Тараненко, Історична граматика української мови. К. 1957.

Історія УРСР — Історія Української РСР. т. І. Ред. колегія О. К. Касименко, В. А. Дядиченко, Ф. Е. Лось, Ф. П. Шевченко, Ф. О. Ястребов, К. 1953.

Кузнецов — П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология. М. 1953.

Лев В. Лев, Український переклад хроніки Амартоли Бельского. Варшава, 1935.

Лелекач — М. М. Лелекач, Пам'ятки українського письменства XVII — поч. XVIII ст., писані на Закарпатті. НЗ УДУ. XIV.

Лизанець — П. М. Лизанець, Українські говірки Затисся Виноградівського району та їх місце серед інших Закарпатських говорів. НЗ УДУ. XXXV.

Лизанець Сист. - П. М. Лизанець, Система голосних в українських південнокарпатських говірках Затисся Виноградівського району. НЗ УДУ. XXVI.

Ломтев — Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. 1956.

Ломтев Из ист. синт. — Т. П. Ломтев, Из исторического синтаксиса русского языка. М. 1954.

Марков — О. О. Марков, Материалы для социальной истории Подкарпатской Руси в XVIII веке. Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930.

НЗТШ — Наукові записки товориства ім. Шевченка у Львові.

НЗ УДУ — Наукові Записки Ужгородського Державного Університету.

НЗТП — Науковый Збôрник Товариства „Просвѣта" в Ужгородѣ. 1922—1938.

Німчук — В. В. Німчук, Із словотвору прислівників говірок району верхньої течії річки Боржави. НЗ УДУ. XXXV.

НП — Няговские Поучения на Евангелии. А. Петров, Поучения на Евангелии по няговскому списку. С.-Пб. 1914.

Обнорский — С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л. 1946.

Огієнко КА — І. Огієнко, Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р. Варшава, 1930.

Орос — В. І. Орос, Із спостережень над говірками Хустського району, Закарпатської області. НЗ УДУ. XXVI.

П І. — І. Панькевич, Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. НЗТП. VI.

П II. — І. Панькевич, Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. НЗТП. XVI.

П III. — І. Панькевич, Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 манастирских грамот. Прага, 1947.

Пагіря — І. Д. Пагіря, Система голосних у говірках північно-західної Мукачівщини. НЗ УДУ. XXVI.

Пань. генез. — І. Панькевич, До питания генези українських лемківських говорів. Славянская филология. Сборник статей. II. М. 1958.

Пань. Лат. Борж. — І. Панькевич, До питания про класифікацію південно-карпатських говорів межи Латорицею і Боржавою. НЗТП. XI.

Пань. лемк. — І. Панькевич, Дві лемківські грамоти з початку XVI століття. Slavia. XXIII.



Пань. Нарис — І. Панькевич, Нарис історії українських закарпатських говорів. ч. І. Фонетика. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. I. Praha, 1958.

Пань. Руск. — И. Панькевич, Говір сіл ріки Руської був. Марамороша в Румунії. НЗТП. X.

Пань. Угоча — Нові історічні дані до висвітлення деяких українських діалектних явищ в був. жупі Угоча. НЗТП. XIII—XIV.

Пань. Укр. гов. — І. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. ч. 1. Прага, 1938.

Пань. *чом* — І. Панькевич, Сполучник *чом* в підрядних реченнях причин в українських закарпатських памятках. Československá Rusistika. 1.

Перени—Балецкий — Й. Перени—Э. Балецкий, Украинская грамота Софии Батори 1674 г. Studia Slavica. V.

Петров Мат. I—IX. — А. Петров, Материалы для истории Угорской (Подкарпатской) Руси. С.-Пб. I. 1905, II. 1906, III. 1906, IV. 1906, V. 1908, VI. 1911, VII. 1914, VIII. Прага, 1923, IX. 1932.

ПУ — Печатный Урбар. А. Петров, Первый печатный памятник угрорусского наречия. Урбар. С.-Пб. 1908.

РУ — Русско-украинский словарь. Глав. ред. М. Я. Калинович. М. 1948.

Сах. — Всев. Саханев, Новый карпаторусский эпиграфический материал. НЗТП. IX.

Срез. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. С.-Пб. I. 1893, II. 1902, III. 1912.

ССБ — Сокирницкий Сборник (рукопись).

Тим. Ак. — С. Тимиченко, Акузатив в українській мові. К. 1928.

Тим. Дат. — Е. Тимченко, Номінатив і датив в українській мові. К. 1925.

Тим. Льок. — Е. Тимченко, Льокатив в українській мові. (З української складні.) К. 1925.

УЕ 1588 — Учительное Евангелие 1588 г. библиотеки им. Сечени. (Homiliarum sive collectio sermorum ad sancta evangelia scriptarum. Ms. redact. ruthen. a. 1588 in Polonia scriptum. (Cod. Eccl. Slavic. Folio 9.)

УК — Углянский Сборник „Ключ". Ю. А. Яворский, Ветхозаветные библейские сказания в карпато-русской церковно-учительной переработке конца XVII—XX века. НЗТП. V, его же, Новые рукописные находки в области старинной карпатской письменности XVI—XVIII веков. Прага, 1931, 114—126, его же, Повести из „Gesta Romanorum" в карпаторусской обработке конца XVII века. Сборник русского института в Праге. I.

УР — Українсько-російський словник. К. I—VI. 1953—1962.

Урб. зап. — Урбариальные записи.

Урб. табл. — Урбариальная таблица. Таблица, содержащая данные о крестьянских наделах.

Хрестоматія — О. И. Білецький, Хрестоматія давньої української літератури. Доба феодалізму. Київ, 1952.

Чередниченко — І. Г. Чередниченко, Синтаксичні явища закарпатських говорів. Вопросы славянского языкознания. II.

Чередниченко гов. Ужг. — І. Г. Чередниченко, Деякі особливості говірок Ужгородської округи, Закарпатської області. Діалектологічний бюлетень. вип. II. К. 1950.

Черных — П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. М. 1954.

Чопей — Л. Чопей, Русько-мадярский словарь. Будапешт, 1883.

Чучка — П. П. Чучка, Система голосних у говірці села Баранинці Ужгородського району. НЗ УДУ. XIV.

Чучка антр. — Данные из картотеки антропонимии Закарпатья П. П. Чучки.

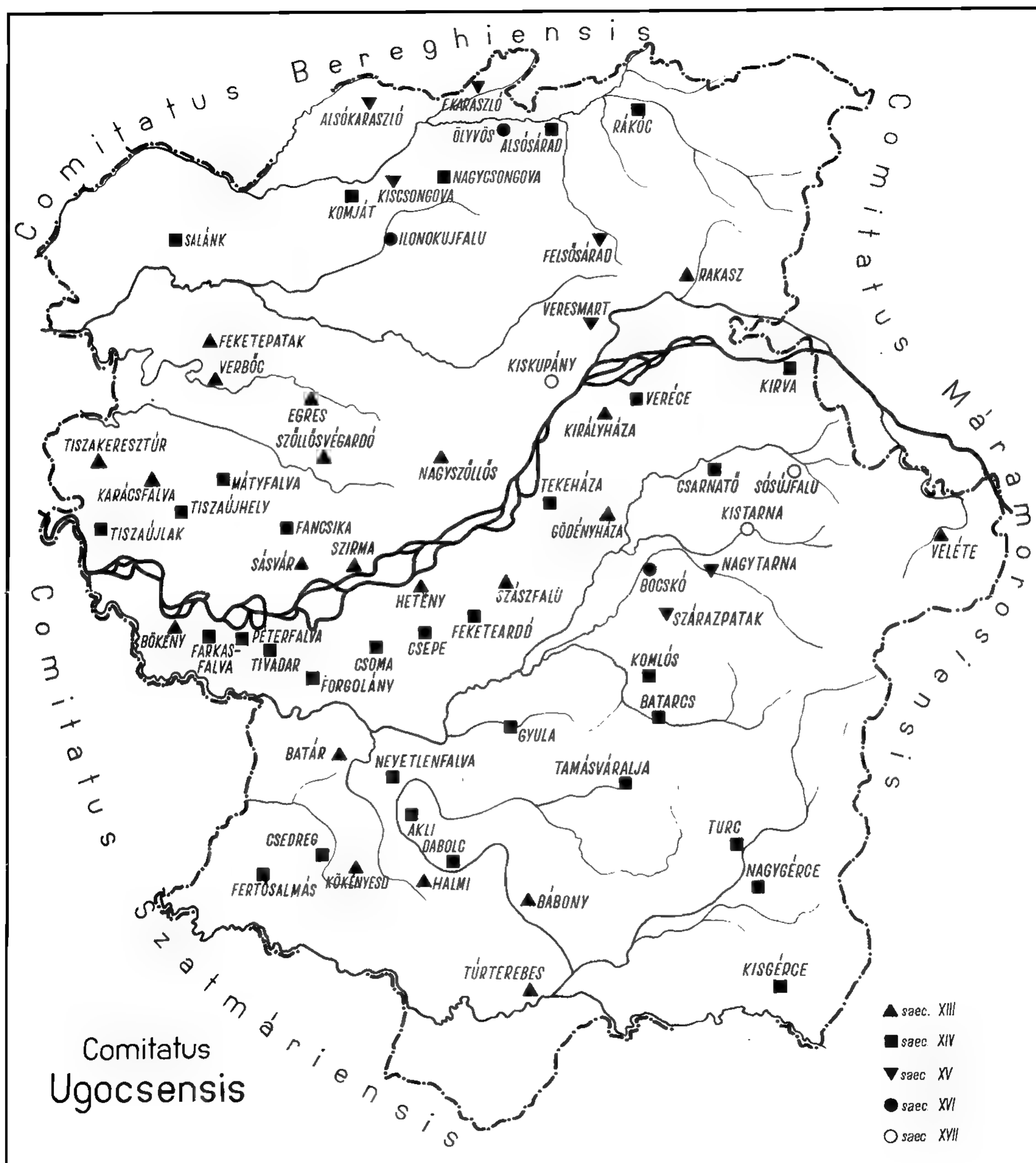
Яв. — Ю. А. Яворский, Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпато-русских рукописных и печатных книгах XVI -XIX веков. НЗТП. VII—VIII.

Ягич — Рецензия В. Ягича: A. Petrov, Kirchl. relig. ugroruth. Denkmäler XVI—XVII. Jahrh. (russ.), angez. v. Jagić. Archiv für slavische Philologie. 36.

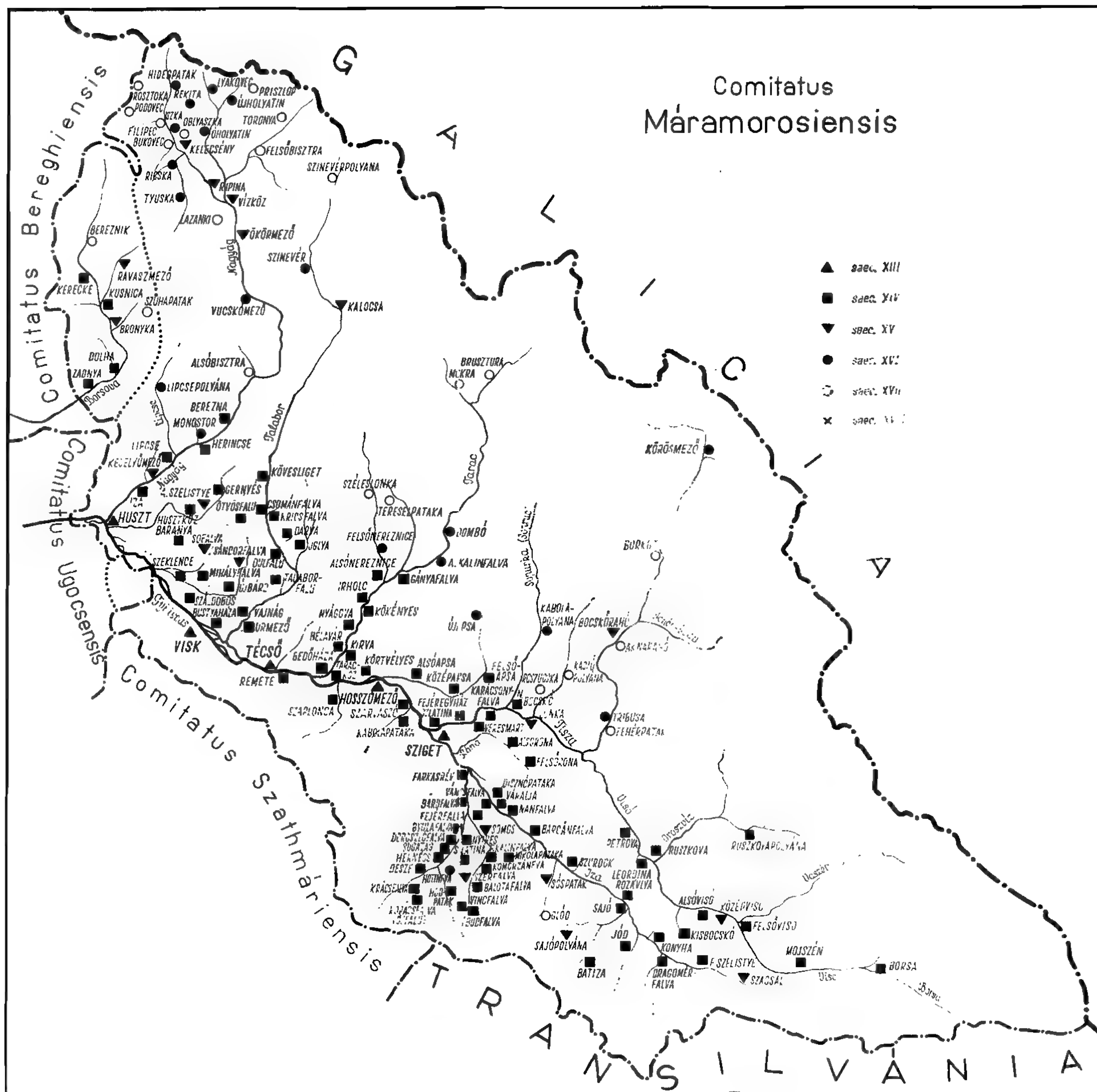
Ярошенко — Вол. Ярошенко, Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв. Збірник комісії для дослідження історії української мови. I. К. 1931.

# СОДЕРЖАНИЕ

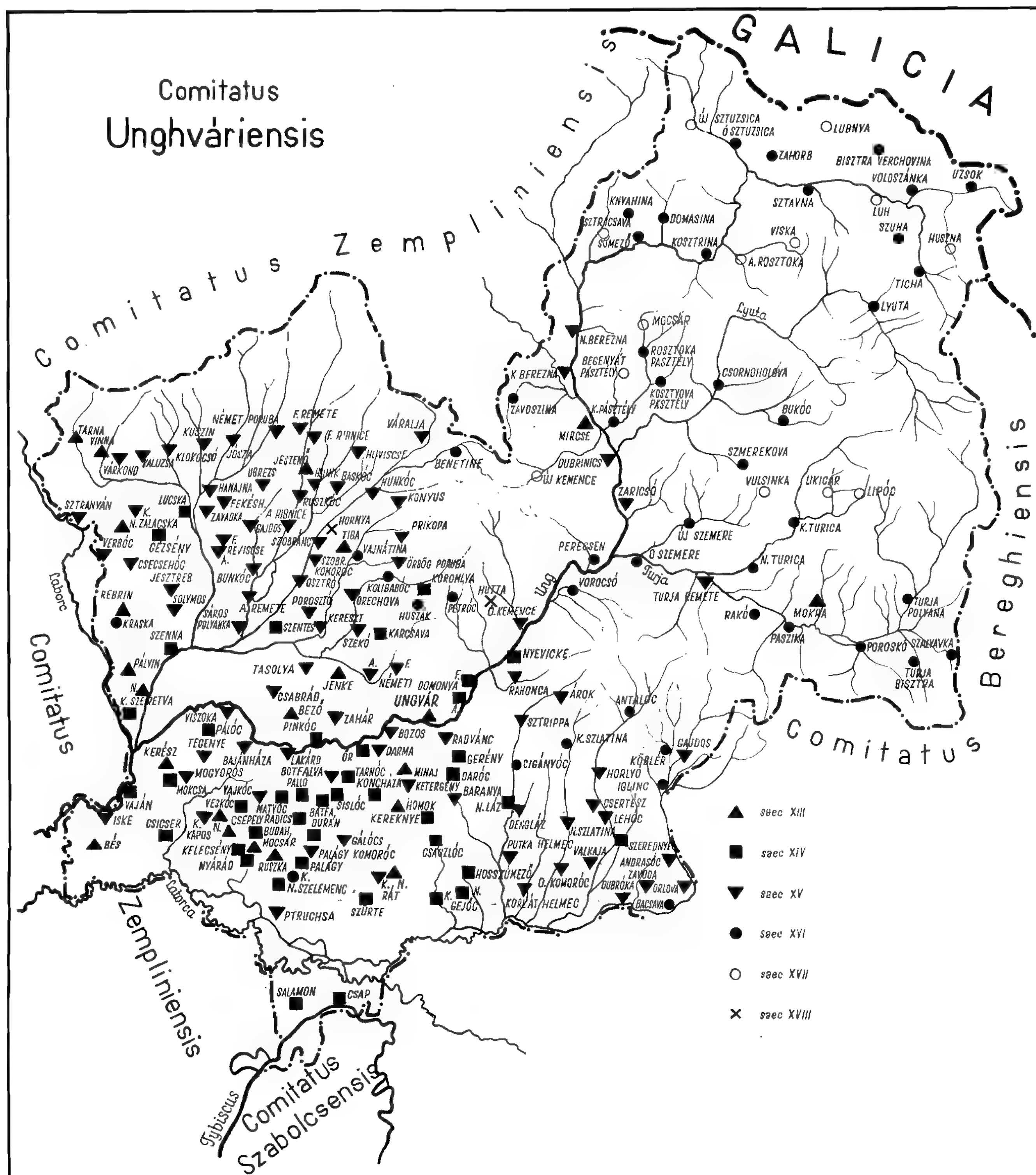
Ответственный издатель Дьёрдь Бернат
Директор Издательства и Типографии АНВ
Ответственный редактор Л. Дэже
Технический редактор М. Штельцер
Заказ 67.61387 Типография АНВ, Будапешт



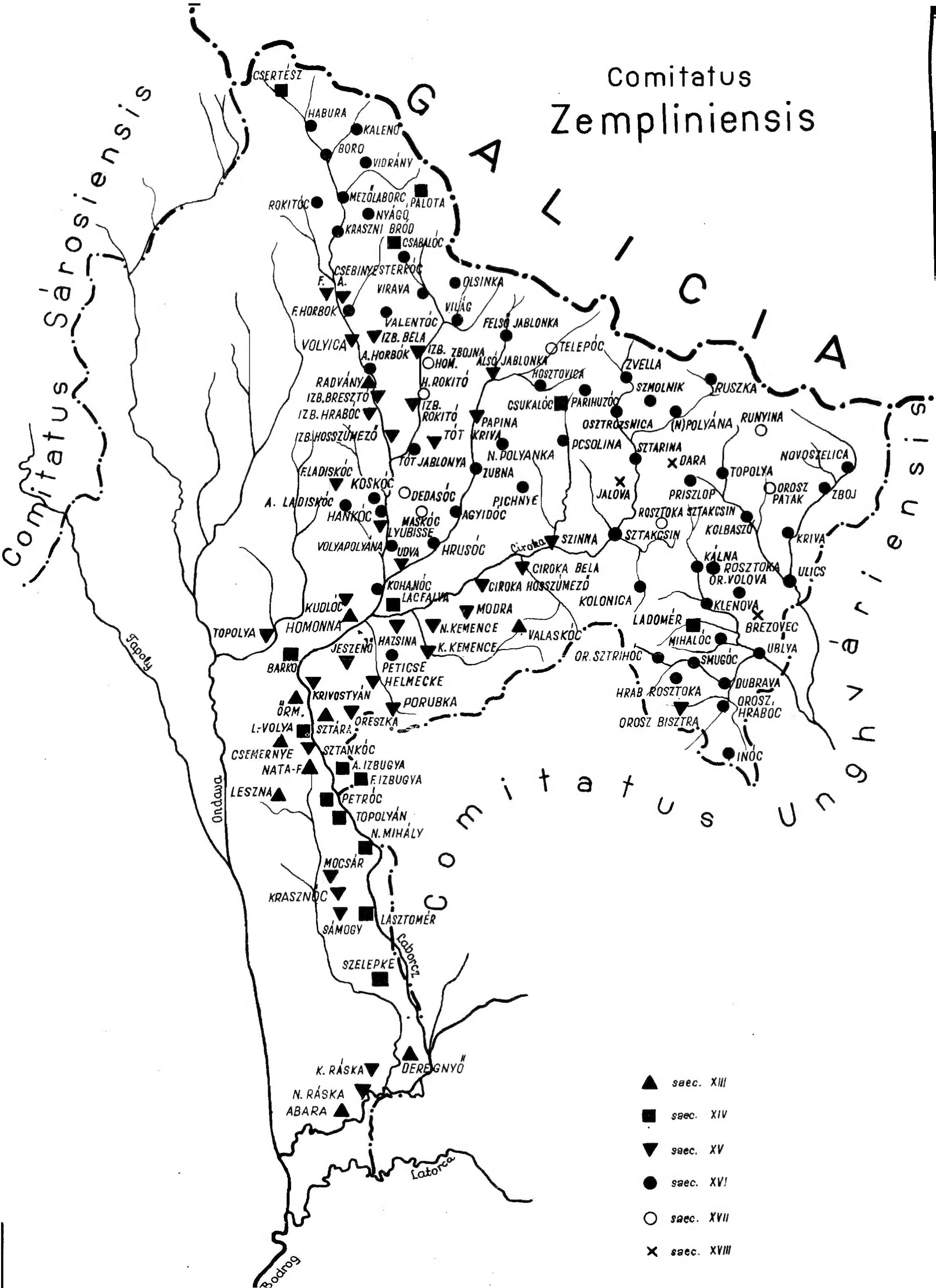
Comitatus Bereghiensis
Comitatus Máramorosiensis
Comitatus Szatmáriensis
Comitatus Ugocsensis
ALSÓKARASZLÓ
F.KARASZLÓ
ÖLYVÖS
ALSÓSÁRAD
RÁKÓC
NAGYCSONGOVA
KOMJÁT
KISCSONGOVA
SALÁNK
ILONOKUJFALU
FELSŐSÁRAD
RAKASZ
VERESMART
FEKETEPATAK
VERBŐC
KISKUPÁNY
KIRVA
VERÉCE
EGRES
SZŐLLŐSVÉGARDÓ
KIRÁLYHÁZA
TISZAKERESZTÚR
NAGYSZŐLLŐS
KARÁCSFALVA
MÁTYFALVA
TISZAÚJHELY
TEKEHÁZA
CSARNATŐ
SÓSÚJFALU
TISZAÚJLAK
FANCSIKA
GÖDÉNYHÁZA
KISTARNA
VELÉTE
SÁSVÁR
SZIRMA
NAGYTARNA
BOCSKÓ
HETÉNY
SZÁSZFALU
SZÁRAZPATAK
BÖKÉNY
FARKAS-FALVA
PÉTERFALVA
TIVADAR
CSOMA
CSEPE
FEKETEARDÓ
FORGOLÁNY
KOMLÓS
BATARCS
GYULA
BATÁR
NEVETLENFALVA
TAMÁSVÁRALJA
AKLI
DABOLC
TURC
CSEDREG
FERTŐSALMÁS
KÖKÉNYESD
HALMI
BÁBONY
NAGYGÉRCE
TÚRTEREBES
KISGÉRCE
saec. XIII
saec. XIV
saec. XV
saec. XVI
saec. XVII

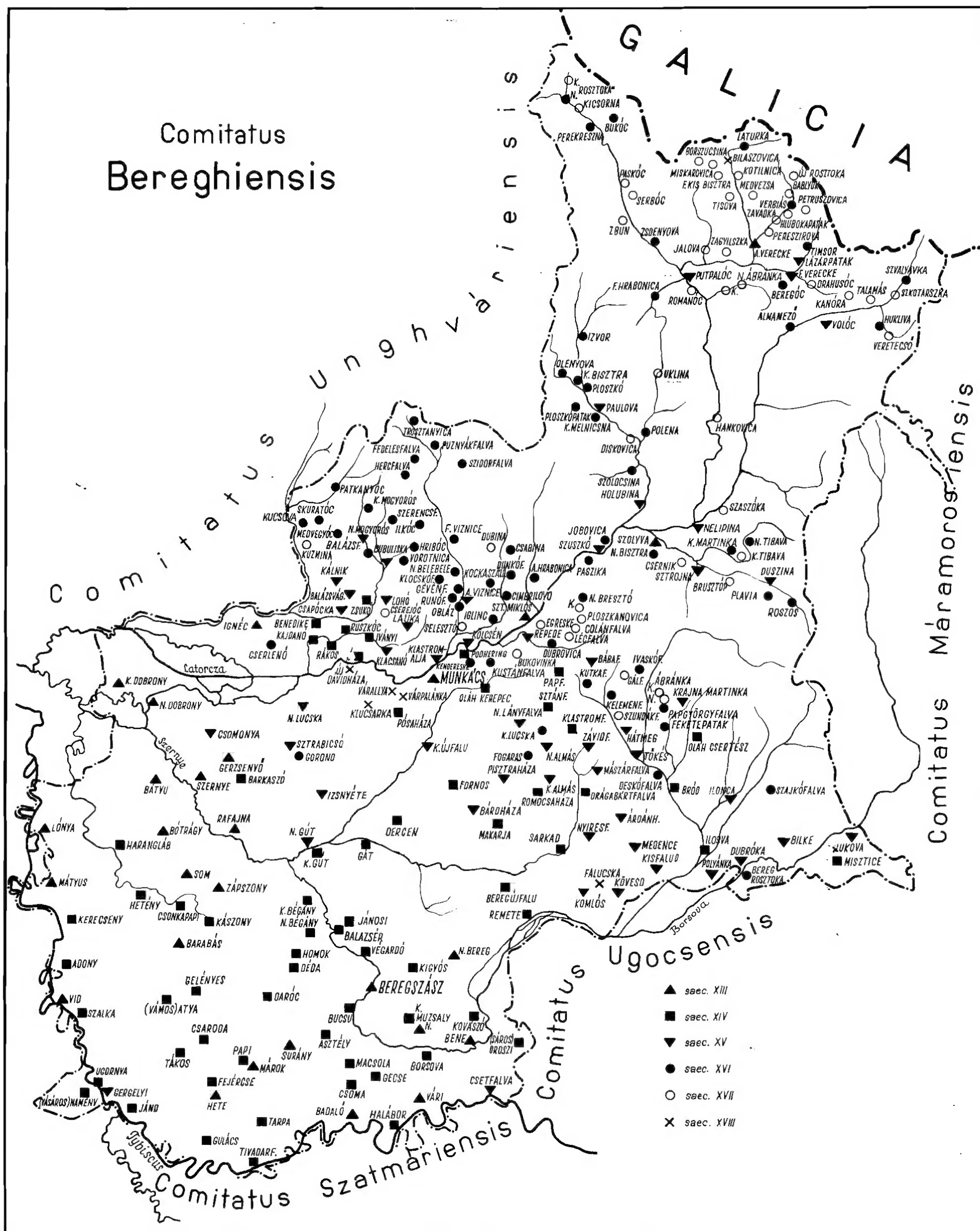


Comitatus
Máramorosiensis
G A L I C I A
T R A N S I L V Á N I A
Comitatus Bereghiensis
Comitatus Ugocsensis
Comitatus Szathmáriensis
saec. XIII
saec. XIV
saec. XV
saec. XVI
HIDEGPATAK
ROSZTOKA
PODOVEC
REKITA
LYAKOVEC
PRISZLOP
ÚJHOLYATIN
TORONYA
FILIPEC
BUKOVEC
OBLYASZKA
ÓHOLYATIN
KELECSÉNY
FELSŐBISZTRA
SZINEVÉRPOLYANA
RIPINA
VIZKÖZ
TYUSKA
LAZANKI
ÖKÖRMEZŐ
BEREZNIK
RAVASZMEZŐ
KERECKE
KUSNICA
SZÚHAPATAK
VUCSKÓMEZŐ
SZINEVÉR
KALOCSA
BRONYKA
DOLHA
ZADNYA
ALSÓBISZTRA
LIPCSEPOLYÁNA
BEREZNA
MONOSTOR
HERINCSE
LIPCSE
KÖVESLIGET
HUSZT
SZÉLESLONKA
TERESELPATAKA
DOMBÓ
FELSŐNEREZNICE
ALSÓNEREZNICE
A. KALINFALVA
GÁNYAFALVA
IRHOLC
KÖKÉNYES
SZEKLENCE
VISK
TÉCSŐ
REMETE
KIRVA
KÖRTVÉLYES
ALSÓAPSA
KÖZÉPAPSA
HOSSZÚMEZŐ
SZAPLONCA
SZIGET
KARÁCSONYFALVA
KŐRÖSMEZŐ
BORKÚT
KABOLAPOLYANA
BOCSKÓRAHO
TRIBUSA
FEHÉRPATAK
FELSŐRÓNA
FARKASRÉV
BARCÁNFALVA
PETROVA
RUSZKOVA
RUSZKOPOLYÁNA
LEORDINA
ROZAVLYA
SZURDOK
SAJÓ
JÓD
SAJÓPOLYÁNA
BATIZA
DRAGOMÉRFALVA
KONYHA
KISBOCSKÓ
ALSÓVISÓ
KÖZÉPVISÓ
FELSŐVISÓ
MOJSZÉN
BORSA
SZACSAL
Talabor
Tarac
Tisza
Iza
Visó



Comitatus
Unghváriensis
Comitatus Zempliniensis
GALICIA
Comitatus Bereghiensis
Comitatus Zempliniensis
Comitatus Szabolcsensis
Tybiscus
Laborc
Latorca
Ung
Turja
Lyuta
UNGVÁR
saec XIII
saec XIV
saec XV
saec XVI
saec XVII
saec XVIII


Comitatus
Zempliniensis
GALICIA
Comitatus Sárosiensis
Comitatus Unghváriensis
CSERTÉSZ
HABURA
KALENÓ
BORO
VIDRÁNY
MEZŐLABORC
PALOTA
ROKITÓC
NYÁGÓ
KRASZNI BROD
CSABALÓC
CSEBINY
ESTERKÓC
F. A.
VIRAVA
OLSINKA
F. HORBOK
VALENTÓC
VILÁG
FELSŐ JABLONKA
VOLYICA
IZB. BELA
A. HORBOK
IZB. ZBOJNA
HOM.
TELEPÓC
ALSÓ JABLONKA
RADVÁNY
H. ROKITÓ
HOSZTOVICA
ZVELLA
SZMOLNIK
RUSZKA
IZB. BRESZTÓ
IZB. HRABÓC
IZB. ROKITÓ
CSUKALÓC
PARIHUZÓC
PAPINA
OSZTROZSNICA
(N)POLYÁNA
RUNYINA
IZB. HOSSZÚMEZŐ
TÓT KRIVA
PCSOLINA
SZTARINA
DARA
TÓT JABLONYA
N. POLYANKA
NOVOSZELICA
F. LADISKÓC
ZUBNA
TOPOLYA
KOSKÓC
DEDASÓC
JALOVA
PRISZLOP
OROSZ PATAK
ZBOJ
A. LADISKÓC
HANKÓC
PICHNYE
MASKÓC
AGYIDÓC
ROSZTOKA
SZTAKCSIN
LYUBISSE
SZINNA
SZTAKCSIN
KOLBASZÓ
KRIVA
VOLYAPOLYÁNA
UDVA
HRUSÓC
Ciroka
CIROKA BELA
KÁLNA
ROSZTOKA
ULICS
OR. VOLOVA
KOHANÓC
CIROKA HOSSZÚMEZŐ
KUDLÓC
LACFALVA
KOLONICA
KLENOVA
MODRA
LADOMÉR
BREZOVEC
HOMONNA
TOPOLYA
N. KEMENCE
VALASKÓC
MIHALÓC
HAZSINA
K. KEMENCE
UBLYA
BARKÓ
JESZENŐ
OR. SZTRIHÓC
SMUGÓC
PETICSE
HELMECKE
DUBRAVA
KRIVOSTYÁN
HRAB ROSZTOKA
ÖRM.
PORUBKA
OROSZ HRABÓC
SZTÁRA
ORESZKA
OROSZ BISZTRA
L.-VOLYA
SZTANKÓC
CSEMERNYE
A. IZBUGYA
NATA-F.
F. IZBUGYA
INÓC
LESZNA
PETRÓC
TOPOLYÁN
N. MIHÁLY
MOCSÁR
KRASZNÓC
LASZTOMÉR
SÁMOGY
Laborcz
SZELEPKE
Ondava
Tapoly
DEREGNYŐ
K. RÁSKA
N. RÁSKA
ABARA
Latorca
Bodrog
saec. XIII
saec. XIV
saec. XV
saec. XVI
saec. XVII
saec. XVIII



Comitatus
Bereghiensis
GALICIA
Comitatus Unghváriensis
Comitatus Máramarosiensis
Comitatus Ugocsensis
Comitatus Szatmáriensis
Latorcza
Szernye
Borsova
Tybiscus
K. ROSZTOKA
N.
KICSORNA
BUKÓC
PEREKRESZNA
LATURKA
BORSZUCSINA
BILASZOVICA
PASKÓC
MISKAROVICA
F. KIS BISZTRA
KOTILNICA
ÚJ ROSZTOKA
MEDVEZSA
BABLYUK
SERBÓC
TISOVA
VERBIÁS
PETRUSZOVICA
ZAVADKA
HLUBOKAPATAK
ZBUN
PERESZIROVA
ZSDENYOVA
JALOVA
ZAGYILSZKA
A. VERECKE
TIMSOR
LÁZÁRPATAK
PUTPALÓC
N. ÁBRÁNKA
F. VERECKE
SZVALYAVKA
F. HRABONICA
ROMANÓC
BEREGÓC
DRAHUSÓC
TALAMÁS
SZKOTARSZKA
KANORA
ALMAMEZŐ
VOLÓC
HUKLIVA
VERETECSŐ
IZVOR
OLENYOVA
K. BISZTRA
UKLINA
PLOSZKÓ
PAULOVA
PLOSZKÓPATAK
K. MELNICSNA
POLENA
HANKOVICA
TROSZTANYICA
DISKOVICA
PUZNYÁKFALVA
FEDELESFALVA
SZIDORFALVA
HERCFALVA
SZOLOCSINA
HOLUBINA
PATKANYÓC
K. MOGYORÓS
SKURATÓC
SZERENCSF.
KUCSOVA
SZASZÓKA
N. MOGYORÓS
ILKÓC
F. VIZNICE
DUBINA
MEDVEGYÓC
JOBOVICA
NELIPINA
BALÁZSF.
HRIBÓC
CSABINA
SZUSZKÓ
SZOLYVA
N. BISZTRA
N. TIBAVA
BUBULISKA
K. MARTINKA
KUZMINA
VOROTNICA
DUNKÓF.
A. HRABONICA
PASZIKA
K. TIBAVA
KALNIK
N. BELEBELE
KOCKASZÁLL
CSERNIK
DUSZINA
KLOCSKÓF.
SZTROJNA
GEVENF.
A. VIZNICE
CIMBRILOVO
BRUSZTÓP
BALÁZSVÁG.
RUNÓF.
N. BRESZTÓ
PLAVIA
CSAPÓCKA
ZSUKÓ
LOHÓ
OBLÁZ
SZT. MIKLÓS
K.
ROSZOS
CSEREJÓC
PLOSZKANOVICA
IGNÉC
BENEDIKE
RUSZKÓC
LAJKA
IGLINC
EGRESKE
KAJDANÓ
SELESZTÓ
COLÁNFALVA
IVÁNYI
KOLCSÉN
REPEDE
LÉCFALVA
CSERLENŐ
RÁKOS
KLASTROM ALJA
DUBROVICA
KLACSANÓ
BABAF.
IVASKÓF.
PODHERING
BUKOVINKA
KENDERESKE
ÚJ DÁVIDHÁZA
MUNKÁCS
KUSTÁNFALVA
KUTKAF.
GÁLE
ÁBRÁNKA
K. DOBRONY
VÁRALLYA
VÁRPALÁNKA
PAPF.
KRAJNA MARTINKA
OLÁH KEREPEC
SZTÁNF.
N. DOBRONY
KLUCSARKA
KELEMENE
N. LÁNYFALVA
SZUNDAKF.
PAPGYÖRGYFALVA
N. LUCSKA
POSAHÁZA
KLASTROMF.
FEKETEPATAK
CSOMONYA
K. LUCSKA
ZÁVIDF.
HÁTMEG
OLÁH CSERTÉSZ
SZTRABICSÓ
K. ÚJFALU
GORONO
FOGARAS
N. ALMÁS
TÓKÉS
GERZSENYŐ
PISZTRAHÁZA
MÁSZTÁRFALVA
BARKASZÓ
BÁTYU
SZERNYE
FORNOS
DESKÓFALVA
K. ALMÁS
DRÁGABÁRTFALVA
BRÓD
ILONCA
SZAJKÓFALVA
IZSNYÉTE
ROMOCSAHÁZA
BÁRDHÁZA
ARDANH.
RAFAJNA
LÓNYA
BÓTRÁGY
N. GÚT
DERCEN
MAKARJA
SARKAD
NYÍRESF.
MEGENCE
ILOSVA
BILKE
LUKOVA
HARANGLÁB
K. GÚT
GÁT
KISFALUD
DUBRÓKA
POLYÁNKA
MISZTICE
SOM
FALUCSKA
BEREG ROSZTOKA
MÁTYUS
ZÁPSZONY
KÖVESD
HETÉNY
BEREGUJFALU
KOMLÓS
K. BEGÁNY
KERECSENY
CSONKAPAPI
KÁSZONY
N. BEGÁNY
JÁNOSI
REMETE
BALAZSÉR
BARABÁS
VEGARDÓ
N. BEREG
HOMOK
ADONY
DÉDA
KIGYÓS
GELÉNYES
BEREGSZÁSZ
VID
DARÓC
SZALKA
(VÁMOS)ATYA
K. MUZSALY
N.
BUCSU
CSARODA
KOVÁSZÓ
BENE
SÁROS OROSZI
ASZTÉLY
PAPI
SURÁNY
TÁKOS
MÁROK
MACSOLA
BORSOVA
UGORNYA
FEJÉRCSE
GECSE
GERGELYI
CSETFALVA
(VÁSÁROS)NAMÉNY
CSOMA
VÁRI
JÁND
HETE
BADALÓ
HALÁBOR
TARPA
GULÁCS
TIVADARF.
saec. XIII
saec. XIV
saec. XV
saec. XVI
saec. XVII
saec. XVIII


BÖKÉNY
FARKAS-FALVA
PÉTERFALVA
TIVADAR
CSOMA
FORGOLÁNY
CSEPE
KOMLÓS
BATARCS
GYULA
BATÁR
NEVETLENFALVA
TAMÁSVÁRALJA

ЛАСЛО ДЭЖЕ • ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ